

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№9, 2025 год

Подписано к публикации: 11.08.2025

*Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук,
профессор*

**Солопанова Ольга
Юрьевна**

**«Современный ученый»
включен в список ВАК с
12.02.2019г., Elibrary.ru и в
Международную базу данных
Agris.**

eLIBRARY.RU

Регистрационный номер СМН:
Эл № ФС77-72620 от 04 апреля
2018г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)
E-mail: info@su-journal.ru
Сайт: <https://su-journal.ru>

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-9

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик
Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмиров (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтаевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрой Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджиров Малик Джагалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Васильев Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадирович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзата оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулебова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулдизе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джамшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маларчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Машовец Асия Оксановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Метревели Медия Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Отанян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Ракитина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сеногоева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Могаддам Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Щербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шабардина С.В.

Аббревиация как способ образования юридических терминов в современном английском языке 7-12

Албегов Т.А.

Феминный и маскулинный архетип бунтаря в малой прозе
Сомерсета Моэма: сопоставительный анализ 13-17

Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э.

Лингвокультурологический аспект в учебных изданиях по переводу
в паре китайского и русского языков 18-24

Ли С.

Стратегии культурного продвижения китайских косметических брендов на фоне глобализации 25-29

Линь Цзыюй

Культурная коннотация китайских архитектурных терминов «亭»(tíng), «台»(tái), «楼»(lóu),
«阁»(gé) и стратегии их перевода на русский язык 30-34

Лю Сянцзи

Сравнение русского и французского менталитета в романе Толстого «Война и мир» 35-42

Матевосян А.П.

Англицизмы в социальной сети ВКонтакте как особые маркеры
виртуальной формы коммуникации 43-47

Бгуашева Д.А.

Прагмалингвистические особенности реализации скрытой
агрессии в художественном дискурсе 48-53

Борисов А.В.

Обучение учащихся просмотрово-поисковому чтению на английском языке в средней школе 54-62

Якушенкова Я.С.

Проблема определения жанра мемуаров 63-69

Оуян Тинван

Анализ ошибок в русском переводе китайской веб-новеллы «Аватар короля» 70-75

Ю Юньхэ

Исследование многомодального дискурса в Китае на основе CiteSpace 6. 4. R1. 76-84

Кандыба Я.В.

Глокализация стриминговых платформ: стратегия Netflix на индийском рынке 85-92

Матевосян А.П.

Социальная сеть ВКонтакте как особая виртуальная форма коммуникации 93-97

Чжан Цзиняо

Социопсихологический аспект использования жаргонных терминов и сленговых
конструкций при неформальном обучении и обмене опытом
в профессиональных сообществах 98-105

Ян Цинмяо

Исследование взаимосвязи психического заболевания и построения
образа Мышкина в романе «Идиот» 106-112

Якушенкова Я.С.

О методологических подходах к исследованию мемуаров 113-120

Ахмедова Ф.Ф., Курилкина Е.А.

Городская дипломатия в цифровом пространстве: как мегаполисы создают свой глобальный имидж 121-129

Аблямстова С.М., Билялова С.С.

Синтаксический способ образования терминов в сфере инициативного бюджетирования 130-134

Гутиева М.Т.

Особенности употребления заимствованных англицизмов в современной медийной среде 135-140

Евсеев О.В.

Культурные коды аутентичной / сгенерированной народной сказки 141-146

Пэй Цзяхуэй

Сравнение переводов романа "Война и мир" в рамках теории коммуникативного перевода – на примере переводов Цао Ин, Лю Ляои и Чжан Цзе 147-154

Бахича Э.А.

Развитие языкового образа души в прозе А. Аверченко, Н. Тэффи и М. Зощенко 155-161

Владимирова Т.Н., Купцова И.А., Матюхина Е.Н.

Аксиологический аспект реализации медиаобразовательных проектов на всемирном фестивале молодежи: опыт МПГУ 162-168

Пирбал Омар Сабах Пирбал, Пархитько Н.П.

Культура как социальный щит против терроризма 169-175

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Башкова С.А.

Специфика освоения трудовых функций рабочими в процессе подготовки 176-183

Быстрый Е.Б., Кутенева И.Е., Скоробренко И.А., Цилицкий В.С.

Подготовка студентов к взаимодействию культур Российской Федерации и стран африканского континента 184-189

Лапп Е.А., Елисеева Н.А.

Специфика готовности к саморазвитию и самообразованию студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья 190-200

Новгородцева Т.Ю., Бурдуковская А.В., Иванова Е.Н., Пегасова Н.А.

Использование модели замкнутого цикла для управления качеством образовательного процесса 201-208

Антипина Ю.В.

Современная организация занятий физической культурой для подготовки студенток технического вуза к бегу 209-214

Бабенко А.К., Терентьева О.С., Бахмутов Н.В.

Физиологические основы силы воли и её влияние на эффективность педагогического процесса у подростков, обучающихся в вузе 215-225

Цуй Сяолин, Федотова О.Д.

Наследие китайского реформатора высшего образования Цайя Юаньпэя в наукометрическом дискурсе 226-231

Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А.

Подготовка педагогов для системы среднего профессионального образования: вызовы времени

232-238

Антипина Ю.В.

Физическая подготовка студентов к гонкам с препятствиями в предсоревновательном мезоцикле

239-244

Садртдинова Л.Р., Вашетина О.В., Хафизова А.А.

Педагогические основы адаптации студентов в условиях инклюзии

245-252

Карова С.А.

Некоторые аспекты формирования медиакультуры у обучающихся общеобразовательной школы

253-259

Лю Синьчжу, Сун Тинтин

Сравнительное исследование патриотического воспитания в китайских и российских вузах

260-267

Осипчук А.И.

Педагогические условия формирования российского мировоззрения в старшей школе

268-274

Сергеева Т.В.

Критерии, показатели и уровни формирования традиционных ценностей будущих руководителей народного коллектива

275-281

Степаненко В.В., Мусенко П.А.

Использование историко-культурного наследия местных музеев в системе подготовки педагогических кадров: опыт и перспективы разработки образовательных и воспитательных технологий суверенной системы образования

282-295

Шварева Л.В., Воскрекасенко О.А.

Кооперативная рефлексия как инструмент формирования профессиональной субъектности будущего педагога

296-301

Самойлова А.Н.

Реализация концепции патриотического воспитания молодежи в Ростовской области

302-311

Губарь Л.Р.

Особенности реализации проекта «Школа Минпросвещения России». Региональный аспект трансформации общего образования в Тюменской области

312-325

Евдокимов И.М.

Медико-педагогическое обоснование педагогической стратегии и методик проведения занятий со студентами специальной медицинской группы

326-331

Корниенко Е.Р.

Использование междисциплинарного подхода при формировании духовно-нравственных ценностей у студенческой молодежи (на примере категории милосердие)

332-339

Вашетина О.В., Хафизова А.А., Садртдинова Л.Р.

Образовательная онлайн-игра как педагогический инструмент повышения эмпатии студентов

340-348

Кабышева М.И., Ефремов Т.А., Воронин И.С., Давудов Т.С., Ткач А.С.

Опыт использования цифровых образовательных ресурсов для педагогического контроля знаний студентов медицинского вуза по дисциплине «Физическая культура и спорт»

349-355

Ли Дин

Теоретические основы академического вокально-хорового исполнительства
и их педагогическое применение в работе с китайскими студентами 356-362

Семенова О.А.

Развитие цифровых компетенций педагога как условие повышения эффективности
воспитательной работы с обучающимися в современном вузе 363-367

Смирнова А.В.

Формирование цифровой научной грамотности учащихся: экспериментальное исследование 368-374

Малишевская Н.А.

К вопросу лингвистической подготовки студентов юридических специальностей в Китае 375-381

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Миронов В.А.

Развитие брачного договора в современной России (на примере
существовавших законодательных инициатив) 382-390

Алиев Ш.И., Абакарова Б.Г.

Проблемы реализации гарантий прав и льгот российских граждан,
уволенных с военной службы 391-395

Таилова А.Г., Абдурахманова М.С., Кахруманова Ш.А.

Механизм реализации и защиты права граждан на достойный
уровень жизни в сфере социального обеспечения 396-401

Павлова Е.В.

Потерпевший как участник производства по делам об административных
правонарушениях: сравнительно-правовая характеристика законодательства
Российской Федерации и отдельных иностранных государств 402-407

Краснова М.П.

Значение института процессуальных сроков в разных видах гражданского судопроизводства 408-413

Вронская М.В., Попова К.В.

Признаки, типичные формы нарушений и злоупотреблений в рекламе 414-422

Тренина Е.Г.

Конституционно-правовые основы сохранения и защиты исторической памяти 423-429

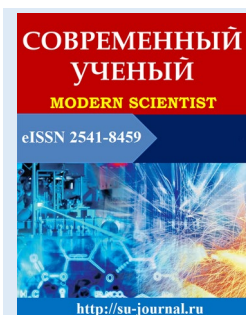
Алиев Ш.И., Абакарова Б.Г.

Роль институтов гражданского общества в формировании механизмов и технологий
реализации государственной молодежной политики в современной России 430-434

Алиева З.М., Таилова А.Г.

Обеспечение экономической безопасности государства в современных условиях 435-440

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111

Аббревиация как способ образования юридических терминов в современном английском языке

¹ Шабардина С.В.

¹ Волго-Вятский институт, филиал Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: статья посвящена аббревиации как одному из способов образования терминов права в современном английском языке. В работе предпринята попытка оценить насколько продуктивной является аббревиация как способ образования юридической лексики английского языка, установить основные структурные типы сокращенных номинативных единиц (аббревиатур), которые используются в качестве юридических терминов в английском языке, а также выявить соответствия этих моделей (структурных типов аббревиатур) определенным типам правовых понятий. Материалом для исследования служит терминологическая лексика, извлеченная методом сплошной выборки в ходе анализа специальной юридической литературы (монографий, учебников и учебных пособий, парламентских актов, сборников судебных решений, специализированных словарей и под.). Термины английского права исследуются в двух аспектах: логико-понятийном и лингвистическом, поэтому в работе используется лингво-понятийный подход к изучению терминов. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что аббревиация является не только способом образования терминов права для передачи понятий указанной отрасли знания, но еще и обладает системообразующей ролью, которая проявляется в корреляции структурных типов аббревиатур и определенных правовых понятий.

Ключевые слова: английский язык, аббревиатуры, термины права, правовая терминология, понятия права

Для цитирования: Шабардина С.В. Аббревиация как способ образования юридических терминов в современном английском языке // Современный ученый. 2025. № 9. С. 7 – 12.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Abbreviation as the way of derivation of law terms in the modern English language

¹ Shabardina S.V.

¹ Volgo-Vyatsky Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Abstract: the article is devoted to the abbreviation as one of the ways of derivation of legal terms in the modern English language. In the given work there is an attempt made to estimate efficiency of abbreviation as a way of formation of legal terms in the English language, to determine main structural types of abbreviated notions (abbreviations) used as legal terms in the modern English language, as well as to examine correspondence of these

very models (structural types of abbreviations) to particular types of law concepts. The material for the research comprises legal terminology that has been obtained due to the method of continuous sampling in the course of analysis of legal professional literature (monographs, course-books, parliamentary acts, books of court reports, specialized dictionaries, etc.). English legal terms are studied from two perspectives: logical-conceptual and linguistic, therefore this paper takes a linguistic-conceptual approach to the study of terms. The conducted research allows us to come to the conclusion that abbreviation is not only the way of derivation of law terms to express notions of this field of knowledge, but also has a system-forming role, which can be noticed in the correlation of structural types of abbreviations and certain legal concepts.

Keywords: the English language, abbreviations, legal terms, law terminology, concepts (notions) of law

For citation: Shabardina S.V. Abbreviation as the way of derivation of law terms in the modern english language. Modern Scientist. 2025. 9. P. 7 – 12.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 7, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Термины, в том числе юридические (= правовые) термины, представляют собой целое разнообразие лексических единиц, которые становятся единицами терминологии разными способами. Настоящее исследование посвящено одному из довольно продуктивных способов образования терминов права современного английского языка, а именно – аббревиации.

Как показал первый этап проведенной работы, аббревиатуры составляют довольно большой удельный вес в терминосистеме права

современного английского языка и поэтому становятся предметом данной статьи.

Материалы и методы исследований

В общей сложности анализу было подвергнуто более одиннадцати с половиной тысяч юридических терминов современного английского языка, которые **методом сплошной выборки** были извлечены из специальной литературы правовой направленности, а также из различных интернет ресурсов [1, 2, 11-23].

Полученные в ходе исследования данные могут быть наглядно отражены в табл. 1:

Таблица 1

Состав правовых терминов современного английского языка.

Table 1

Composition of legal terms in modern English.

Общее число исследованных терминов	Простые термины	Составные термины	Аббревиатуры
11760	3760 – 32,2%	6400 – 54,4%	1580 – 13,4%

Итак, **материалом** для исследования в настоящей работе являются аббревиатуры, а именно 1580 правовых терминов-аббревиатур, т.е. сокращенных номинативных единиц, которые используются в качестве терминов права в современном английском языке. При этом, необходимо подчеркнуть, что анализу подвергаются только термины права, отношения же между терминами и единицами терминологии другого типа требуют отдельного изучения и в данной работе затрагиваться не будут.

Основная **цель** работы состоит в том, чтобы определить – можно ли, опираясь на установленные особенности правовых терминов - аббревиатур, выявить модели их образования, а также особенности перевода указанных лексических единиц. Это могло бы помочь студентам неязыковых вузов в процессе овладения

ими английскими юридическими терминами. Следовательно, **задачами** данной работы являются: 1) установление наиболее распространенных структурных типов сокращений простых и составных терминов права, 2) выявление тематических групп терминов права, то есть соответствий моделей образования сокращенных терминов определенным типам правовых понятий.

Необходимо также особо отметить, что термины английского права являются одновременно единицами двух «систем» – языковой (как лексические номинативные единицы языка) и понятийной (обозначают понятия юриспруденции), поэтому они анализируются в работе на двух уровнях соответственно: лингвистическом и логико-понятийном, а поэтому можно утверждать, что в ходе анализа юридических терминов –

аббревиатур нами используется **лингво-понятийный подход**. Более подробно данный подход анализируется в одной из прежних работ, где детально изложены и обобщены различные мнения многих терминоведов на этот счет [8, с. 7-10].

Результаты и обсуждения

Несмотря на существующие и по сей день многочисленные дискуссии, относительно того, какие именно единицы языка и при наличии каких признаков следует считать терминами, можно суммировать результаты исследований терминоведов [4, 5, 7, 9] и принять в качестве критериев отнесения к термину, в том числе термину-аббревиатуре:

- фиксация в толковом или ином юридическом словаре или тезаурусе,
- соотнесение термина в виде аббревиатуры с конкретным понятием (в нашем случае из области права),
- невозможность опущения или замены одного из составных элементов или компонентов термина-аббревиатуры без нарушения смысла или единства выражаемого им понятия (если сокращению подвергается терминологическое словосочетание).

Что касается аббревиации, как способа образования новых лексических единиц языка, то анализ научной литературы показал, что на протяжении XVII-XXI веков аббревиация становится довольно продуктивным способом словообразования и терминологический язык не является в этом отношении исключением. Продуктивность аббревиации в современном английском языке отмечают многие исследователи: И.В. Арнольд, В.П. Даниленко, В.М. Лейчик, О.Д. Мешков, В.А. Татаринев, Д.С. Шелов, М.А. Ярмашевич и другие [3-7, 9, 10]. Поэтому аббревиация и является предметом исследования множества научных работ, включая данную работу.

Итак, в ходе изучения разнообразных источников по заданной теме в общем, а также анализа терминов права современного английского языка в частности, было замечено, что лексический состав юридической терминологии ощутимо пополняется за счет сокращений (аббревиатур). Напомним, что по полученным нами в процессе настоящей работы данным в терминологии права Англии на долю терминов, образованных при помощи аббревиации, приходится 13,4% всего объема исследованной юридической лексики. При этом, отмечено, что аббревиатуры характеризуются большим разнообразием структурных типов, и в современном английском языке в сфере права

сокращению подвергаются как простые или однословные термины права (термины, представленные одним словом), так и составные или многословные термины (или терминологические словосочетания – терминосочетания).

В настоящее время существует довольно много различных классификаций сокращений. Рассмотрим наиболее распространенные из них. Отметим, что правилам написания сокращений внимания уделяться не будет, поскольку данный вопрос требует отдельного более детального изучения и примеры сокращений приводятся в том виде, в котором встречаются в анализируемых источниках, из которых они взяты.

Так, среди видов аббревиатур, образованных на основе простых или однословных терминов наиболее часто выделяют: инициальные аббревиатуры, слоговые аббревиатуры и контрактуры [3, 5-7, 10, примеры приведены из анализируемых источников]. Остановимся на основных отличительных особенностях указанных типов аббревиатур.

Инициальные аббревиатуры представляют собой сокращения до первой буквы слова – термина, например, J. (j.) – judge или justice (судья), p. – parole (условно досрочное освобождение на поруки).

Слоговые аббревиатуры образуются, как правило, путем сокращения до одного-двух слогов исходного термина, например, law. – lawyer (юрист), co – company (компания).

Контрактуры – тип сокращений, которые возникают в результате усечения любой части слова. Наиболее распространенными типами контрактур являются:

- собственно контрактуры – сокращенные лексические единицы, которые состоят только из первой и последней букв слова, например, ee – employee (работник, сотрудник), dd – dated (датированный), rd – registered (зарегистрированный);

- смешанные контрактуры – сокращения, которые образуются по разному: могут включать помимо первой и последней букв еще и букву (буквы) из середины слова, от которого были образованы, например, plf – plaintiff (истец) или fpt – fingerprint (отпечаток пальца), могут образовываться путем стяжения отдельных элементов, фрагментов термина, например, exor – executor (исполнитель или палач), st – statute (статут, акт Парламента).

На основе составных или многословных терминов (терминосочетаний) права также образуется много сокращений и наиболее часто исследователи выделяют те же или «сочетания»

тех же видов сокращений, с помощью которых образуются сокращения от простых терминов, хотя здесь отмечается больше подвидов: инициальные аббревиатуры, слоговые аббревиатуры, аббревиатуры, состоящие из контрактур [3, 5-7, 10, примеры приведены из анализируемых источников].

Среди инициальных аббревиатур выделяют:

- *буквенные* инициальные аббревиатуры – сокращения, которые «составляются» из алфавитных названий начальных букв слов, образующих исходное терминосочетание, например, CAB – Citizens Advice Bureau (центр по оказанию консультаций гражданам, юрконсультация для граждан) UN – United Nations (организация объединенных наций);

- *звуковые* инициальные аббревиатуры или акронимы – особенность данных сокращений заключается в том, что они читаются не как алфавитные названия букв из которых состоят, а как звуки, «превращаясь» в обычные слова, например, NATO – North Atlantic Treaty Organization (организация Североатлантического договора), FO – Foreign Office (министерство иностранных дел).

Что касается аббревиатур, состоящих из контрактур, то здесь встречаются сочетания различных видов контрактур, которые характерны для подобных сокращений, образованных от простых однословных терминов, например, *adv.frt.* – *advance freight* (аванс фрахта). Однако, данный тип сокращений встречается довольно редко.

Слоговые аббревиатуры также характеризуются наличием разных подвидов. Среди них можно выделить:

- собственно слоговые сокращения, когда сокращаются все слова исходного терминосочетания, например, *Bitt. Pr. Cas.* – *Bittleston's Practice Cases* (сборник судебных решений составителя Биттельсона);

- слоговые сокращения, в которых остается только первый слог или слоги первого слова терминосочетания, например, *Bing* – *Bingham's Common Pleas Reports* (сборник решений Суда общих тяжб, составитель Бингхем).

Основная сложность, связанная с сокращениями, образованными на основе многословных терминов заключается в том, что существует очень много «смешанных» типов подобных сокращений. Приведем примеры только некоторых из них:

- аббревиатуры, состоящие из начальной части слова (инициальной аббревиатуры) и целого слова, например, *p injury* – *personal injury* (личный вред);

- аббревиатуры, представленные первой буквой одного слова и слоговым сокращением второго слова, например, *Lex* – *legal executive* (специалист юридического отдела компании или должностное лицо суда);

- аббревиатуры, составленные слоговым сокращением первого слова и инициальным сокращением второго слова, например, *Jus p.* – *justice of the peace* (мировой судья);

- аббревиатуры, состоящие из первого слова и контрактуры второго слова, например, *Crown ct* – *Crown court* (суд Короны, королевский суд).

Таким образом, встречая то или иное сокращение, образованное от простого правового термина или терминосочетания, человеку, который не является носителем языка, приходится искать перевод данного сокращения в специальном юридическом словаре.

Однако, нами было замечено, что зачастую определенные виды понятий права, которые можно «объединить» благодаря наличию какого-то общего семантического признака, передаются одними и теми же типами сокращений – аббревиатур-терминов права. Данные группы терминов, выражающих типичные правовые понятия, можно назвать условно тематическими группами.

Поскольку одна из задач преподавателей английского языка юридических специальностей неязыковых вузов заключается в том, чтобы облегчить процесс перевода и овладения юридическими терминами, то представляется целесообразным «формировать» подобные тематические группы терминов-аббревиатур в ходе прохождения студентами тех или иных тем учебных программ, демонстрируя студентам наиболее типичные соответствия, в том числе типов терминов-аббревиатур и выражаемых ими понятий.

Так, в таких сферах права Англии как гражданский и уголовный судебные процессы, термины, обозначающие участников судопроизводства, часто сокращаются до буквенных инициальных аббревиатур, например, *j.* – *judge / justice* (судья) и многие терминосочетания с этим термином также часто подвергаются сокращению, например, *J.P.* – *justice of peace* (мировой судья), *c.j.* – *circuit judge / justice* (судья выездных сессий в Великобритании).

Кроме того буквенные инициальные аббревиатуры характерны для передачи понятий различного рода дел в судебном разбирательстве, например, *P.C.* – *patent cases* (патентные дела); *C.C.* – *Crown cases* (дела, рассматриваемые в суде Короны).

В сфере судопроизводства по уголовным и гражданским делам часто используются также слоговое аббревиатуры, например, сокращению подвергаются названия обеих существующих в Англии юридических профессий: bar. – barrister (баристер, эксперт в области теории права, «юрист зала суда»), sol. – solicitor (солиситор, «юрист-практик») или более частный пример, resp – respondent (ответчик).

Именно слоговые аббревиатуры, которые образуются от терминосочетаний путем сокращения до одного-двух слогов первого слова многосоставного правового термина, используются для обозначения сборников судебных решений. При этом, названия этих сборников сокращаются до одного-двух слогов фамилий их составителей, например, Deac – Deacon's Bankruptcy Reports (сборник решений по делам о банкротстве, составитель Дикон). В иных случаях данное сокращение замечено не было, то есть оно типично только для данной конкретной тематической группы.

Для правовой сферы (отрасли) права собственности Англии (или имущественного права) достаточно типичным является использование контрактур, например, mtg (mtge) – mortgage (ссуда, кредит под недвижимость или ипотечный залог) или copr – copyright (право интеллектуальной собственности).

Подобных тематических групп довольно много в разных отраслях и сферах права Англии, нами был выделен весьма ограниченный их ряд, поэтому они могут формироваться преподавателем в зависимости от профиля или программы обучения соответствующего вуза.

Выводы

Выявленные в ходе настоящей исследовательской работы тематические группы правовых терминов, а именно, соответствия между структурными типами сокращенных номинативных единиц (аббревиатур) современного английского языка и понятиями юриспруденции, которые они обозначают, можно использовать не только в ходе перевода текстов различных научных жанров по юриспруденции на английском языке, но и в целях систематизации знаний и структурирования понятий в правовой сфере, что позволит увидеть «сцепленность» терминологических единиц языка права и понятий, которые они выражают. Кроме того данные выводы могут иметь прикладное значение и использоваться в процессе обучения студентов юридических вузов (факультетов) и овладения ими английской юридической терминологией, поскольку аббревиация представляет собой весьма продуктивный и достаточно широко используемый способ образования правовых терминов современного английского языка для передачи понятий в сфере юриспруденции.

Список источников

1. Командин Г.А. Англо-русский юридический словарь. М., 1993. 240 с.
2. Андрианов С.Н. Англо-русский юридический словарь. 2-е изд. М., 1998. 340 с.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1973. 376 с.
4. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
5. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976. 245 с.
7. Татаринов В.А. Теория терминоведения: в 3 т. Теория термина: история и современное состояние. М., 1996. Т. 1. 311 с.
8. Шабардина С.В. Становление терминосистемы права в английском языке. Киров: ООО «Кировская областная типография», 2011. 185 с.
9. Шелов С.Д. Некоторые новые результаты науки о терминах Слово и термин. Вып. II. М., 2024. С. 14 – 23.
10. Ярмашевич М.А. Особенности образования и функционирования аббревиатур в разных стилях и жанрах речи. Саратов, 2002. 195 с.
11. Bond M.F. Guide to the Records of Parliament. London, 1971. P. 1442 – 1969.
12. Eddey K. The English legal system. Fourth edition by K. Eddey. L. Butterworths Law, 1987. 215 p.
13. James Ph.S. Introduction to English law. 12-th ed. L. Butterworths Law. 1989. 610 p.
14. Jowit W.A. The dictionary of English law. L. Sweet & Maxwell Ltd. 1959. 250 p.
15. Maley J. The language of the law. Language and law, 1994. 50 p.
16. Russell F., Locke Ch. English law and language. New York, 1995. 300 p.
17. Stephen J.F. A digest of the Criminal Law (indictable offence). 9-th ed. L. Outlook Verlag, 1950. 547 p.

18. Costin W.C. The Law and working of the Constitutional Documents. V2: 1784-1914. Adam & Charles Black, 1952. 50 p.
19. Walker D. M. The Oxford Companion to Law. Oxford, 1980. 180 p.
20. Courts and Tribunals. Judiciary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.judiciary.uk> (дата обращения 1.03.2025)
21. Legal-related news platform [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.com> (дата обращения 1.03.2025)
22. UOLLB. First Class Law Notes [Электронный ресурс]. URL: <https://uollb.com> (дата обращения 1.03.2025)
23. Your ultimate legal AI platform [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vlex.com> (дата обращения 1.03.2025)

References

1. Komandin G.A. English-Russian Law Dictionary. Moscow, 1993. 240 p.
2. Andrianov S.N. English-Russian Law Dictionary. 2nd ed. Moscow, 1998. 340 p.
3. Arnold I.V. Lexicology of Modern English. Moscow, 1973. 376 p.
4. Danilenko V.P. Russian Terminology: An Experience of Linguistic Description. Moscow: Nauka, 1977. 246 p.
5. Leychik V.M. Terminology: Subject, Methods, Structure. 3rd ed. Moscow: LKI Publishing House, 2007. 256 p.
6. Meshkov O.D. Word Formation of Modern English. Moscow, 1976. 245 p.
7. Tatarinov V.A. Theory of Terminology: in 3 volumes. Theory of the term: history and current state. Moscow, 1996. Vol. 1. 311 p.
8. Shabardina S.V. Formation of the legal terminology system in English. Kirov: ООО "Kirov Regional Printing House", 2011. 185 p.
9. Shelov S.D. Some new results of the science of terms Word and term. Issue II. Moscow, 2024. P. 14 – 23.
10. Yarmashevich M.A. Features of the formation and functioning of abbreviations in different styles and genres of speech. Saratov, 2002. 195 p.
11. Bond M.F. Guide to the Records of Parliament. London, 1971. P. 1442 – 1969.
12. Eddey K. The English legal system. Fourth edition by K. Eddey. L. Butterworths Law, 1987. 215 p.
13. James Ph.S. Introduction to English law. 12th ed. L. Butterworths Law. 1989. 610 p.
14. Jowit W.A. The dictionary of English law. L. Sweet & Maxwell Ltd. 1959. 250 p.
15. Maley J. The language of the law. Language and law, 1994. 50 p.
16. Russell F., Locke Ch. English law and language. New York, 1995. 300 p.
17. Stephen J.F. A digest of the Criminal Law (indictable offence). 9th ed. L. Outlook Verlag, 1950. 547 p.
18. Costin W.C. The Law and working of the Constitutional Documents. V2: 1784-1914. Adam & Charles Black, 1952. 50 p.
19. Walker D. M. The Oxford Companion to Law. Oxford, 1980. 180 p.
20. Courts and Tribunals. Judiciary [Electronic resource]. URL: <http://www.judiciary.uk> (date of access: 03.01.2025)
21. Legal-related news platform [Electronic resource]. URL: <http://www.law.com> (date of access: 03.01.2025)
22. UOLLB. First Class Law Notes [Electronic resource]. URL: <https://uollb.com> (date of access: 03.01.2025)
23. Your ultimate legal AI platform [Electronic resource]. URL: <http://www.vlex.com> (date of access: 03.01.2025)

Информация об авторе

Шабардина С.В., кандидат филологических наук, доцент, Волго-Вятский институт, филиал Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 610000, РФ, Кировская область, г. Киров, ул. Московская, д. 30, kirov@msal.ru

© Шабардина С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 821.111

Феминный и маскулинный архетип бунтаря в малой прозе Сомерсета Моэма: сопоставительный анализ

¹ Албегов Т.А.

¹ Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Аннотация: в статье исследуются особенности художественного воплощения архетипа Бунтаря в рассказах С. Моэма «The Ant and the Grasshopper» и «The Unconquered» в зависимости от гендерной модели персонажей. Объектом анализа выступают образы Тома Рэмси и Аннет, репрезентирующие мужской и женский варианты бунта. В ходе исследования методами контекстуального и сравнительно-описательного анализа установлено, что архетип Бунтаря реализуется по-разному: мужской протест (Том Рэмси) представлен в иронично-комическом ключе, тогда как женское сопротивление (Аннет) обретает черты трагедии и нравственной стойкости. Это различие отражает как авторскую позицию, так и социокультурный контекст, в котором женский бунт допустим лишь в качестве крайней меры. Результаты исследования могут быть применены в преподавании стилистики английского языка, теории литературы и интерпретации художественного текста.

Ключевые слова: архетип, архетипический образ, бунтарь, сравнительная характеристика, интродукция, портретная характеристика, речевая характеристика, авторское отношение

Для цитирования: Албегов Т.А. Феминный и маскулинный архетип бунтаря в малой прозе Сомерсета Моэма: сопоставительный анализ // Современный ученый. 2025. № 9. С. 13 – 17.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The feminine and masculine archetype of the rebel in Somerset Maugham's short fiction: a comparative analysis

¹ Albegov T.A.

¹ North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Abstract: the article examines the features of the artistic embodiment of the Rebel archetype in S. Maugham's short stories "The Ant and the Grasshopper" and "The Unconquered" depending on the gender model of the characters. The object of the analysis is the images of Tom Ramsey and Annette, representing male and female versions of rebellion. In the course of the study, using contextual and comparative descriptive analysis, it was found that the archetype of the Rebel is realized in different ways: male protest (Tom Ramsey) is presented in an ironic and comic way, while female resistance (Annette) acquires the features of tragedy and moral fortitude. This difference reflects both the author's position and the socio-cultural context in which women's rebellion is acceptable only as a last resort. The results of the research can be applied in teaching English language stylistics, literary theory and interpretation of literary text.

Keywords: archetype, archetypal image, rebel, comparative characteristic, introduction, portrait characteristic, speech characteristic, author's attitude

For citation: Albegov T.A. The feminine and masculine archetype of the rebel in Somerset Maugham's short fiction: a comparative analysis. Modern Scientist. 2025. 9. P. 13 – 17.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 7, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В патриархальных обществах образ бунтаря традиционно ассоциируется с маскулинностью. От античных трагедий до современных кинокартин акт бунта воспринимается как героический порыв, а сами бунтари нередко становятся предметом восхищения и романтизации. Но что происходит, когда бунтующей оказывается женщина? Как меняется авторское отношение к такому персонажу и меняется ли вообще? Рассказы Сомерсета Моэма – «The Ant and the Grasshopper» и «The Unconquered» – предоставляют читателю наглядный пример того, как гендерная роль персонажа может играть ключевую роль в передаче того или иного архетипического образа.

Архетип занимает центральное место в литературоведении, психологии и культурологии, отражая универсальные, глубинные образы и сюжеты, которые повторяются в мифах, религии и художественных произведениях. Архетипы служат своеобразными «шаблонами» человеческого опыта, позволяя авторам создавать узнаваемые и в то же время многогранные литературные образы. К.Г. Юнг писал, что содержание коллективного бессознательного лишь в минимальной степени формируется личностью и в своей сущности вообще не является индивидуальным приобретением. Это бессознательное – как воздух, которым дышат все и который не принадлежит никому. Оно есть предпосылка каждой индивидуальной психики, подобно тому, как море есть предпосылка каждой отдельной волны [10, с. 196].

Материалы и методы исследований

Для анализа архетипов в рассказах Сомерсета Моэма нами была выбрана архетипическая модель Кэрл Пирсон, которая расширяет классическую юнгианскую систему, предлагая 12 архетипов: Простодушный, Заботливый, Любовник, Искатель, Маг, Шут, Славный малый, Мудрец, Герой, Правитель, Творец и Бунтарь.

В рассказе «The Ant and the Grasshopper» Том Рэмси явно выступает в роли Бунтаря – он отказывается от традиционных жизненных путей, предпочитая свободу и беззаботность. Как описано в тексте, он бросил бизнес и жену, предпочитая наслаждаться жизнью:

'He wanted to enjoy himself. He would listen to no expostulations. He left his wife and his office. He had a little money and he spent two happy years in the various capitals of Europe' [10, с. 79].

Том Рэмси вовлечен в азартные игры, бесцельно прожигает свою жизнь, стремясь незамедлительно удовлетворить все свои желания. Такой характерной особенностью и обладает Бунтарь, не придерживающийся общепринятых стандартов:

'For twenty years Tom raced and gambled, philtered with the prettiest girls, danced, ate in the most expensive restaurants, and dressed beautifully' [32, с. 79].

Напротив, в рассказе С. Моэма «The Unconquered» Аннет воплощает в себе образ стойкости и непоколебимости. Её поведение, действия и внутренняя позиция позволяют отнести её к архетипу Бунтаря, согласно модели К. Пирсон. С самого начала рассказа Аннет представлена как персонаж, который отказывается подчиниться обстоятельствам. Она не пытается смягчить своё отношение к оккупантам, и её презрение к Гансу очевидно:

'She clenched her fists and looked at him, her eyes black with hatred. But she did not speak' [10, с. 176].

Аннет отвергает подарки и попытки Ганса наладить с ней отношения. Её отказ становится символом внутреннего сопротивления:

'She wouldn't touch a thing you'd left. She said she'd rather starve' [10, с. 180].

Её финальный поступок – акт радикального освобождения – одновременно трагичен и мощен.

'I've done what I had to do. I took it down to the brook and held it under water till it was dead' [10, с. 191].

Аннет не только отстаивает свои принципы, но и демонстрирует, что полное покорение невозможно, что и является основной целью архетипа Бунтаря.

Для анализа образов персонажей нами было выделено пять основных структурно-содержательных компонентов: интродукция персонажа, портретная и речевая характеристики, описание поступков и авторское отношение.

Под интродукцией персонажа понимается введение персонажа в произведение, создание автором его такого образа, посредством которого у

читателя формируются первые представления о нем. В рассказах «The Unconquered» и «The Ant and the Grasshopper», как и во многих других рассказах С. Моэма, интродукция персонажа тесно переплетается с его портретной и речевой характеристикой. Портретная характеристика не только формирует визуальный образ, но и помогает раскрыть архетипическую сущность персонажа: черты внешности и манера одеваться могут быть прямыми маркерами архетипа.

Результаты и обсуждения

Интродукция играет ключевую роль в формировании восприятия архетипа. В выбранных нами рассказах Сомерсета Моэма герои Том Рэмси и Аннет представлены как носители архетипа Бунтаря, однако способы их введения в повествование существенно различаются и задают противоположный эмоциональный тон.

Том Рэмси вводится в текст через многоуровневую рамку: сначала рассказчик вспоминает басню Лафонтена «Стрекоза и муравей», где противопоставляются труд и праздность, а затем плавно переходит к рассказу о братьях Рэмси. Уже этот литературный приём задаёт аллегорическую интерпретацию образа: Том оказывается в роли «стрекозы» – беззаботного, весёлого персонажа, живущего в свое удовольствие, не думая о будущем.

'I could not help thinking of this fable when the other day I saw George Ramsay lunching by himself in a restaurant' [10, с. 78].

Том Рэмси появляется в тексте не напрямую, а через рассказ от третьего лица. Читатель узнаёт о нём как о «чёрной овце» в уважаемой семье:

'I suppose every family has a black sheep. Tom had been a sore trial to his for twenty years' [10, с. 79].

Его описание окрашено в лёгкие, почти комические тона, что снижает воспринимаемую серьёзность его нарушений, даже очень серьезных.

Аннет, напротив, появляется в нарративе резко и эмоционально. Сомерсет Моэм сразу погружает читателя в атмосферу насилия и внутреннего напряжения, где девушка, не произнося ни слова, демонстрирует ярко выраженное сопротивление:

'She clenched her fists and looked at him, her eyes black with hatred' [10, с. 176].

Её образ вводится непосредственно через визуальные детали и молчаливое несогласие. Уже в первой сцене она не просто персонаж, а символ внутреннего сопротивления, отказа от подчинения.

Таким образом, У.С. Моэм конструирует принципиально различные модели архетипа Бунтаря в зависимости от гендера: мужской бунт (Том Рэм-

си) представлен как несерьезный и даже моментально ироничный. Само сравнение Тома со стрекозой на протяжении всего рассказа невольно снижает степень серьезности бунта мужского персонажа. В то время как женский бунт (воплощение Аннет) приобретает характеристики подлинной трагедии – здесь абсолютно неуместны сравнения персонажа с героями басен.

Не менее важным дополнением к интродукции и портрету является талантливо созданная речевая характеристика героя. «Заговори, чтобы я увидел тебя» говорил Сократ. Через выбор лексики, интонацию и манеру общения С. Моэм формирует у читателя представление не только о социальном и психологическом облике персонажа, но и о его мотивации.

Речь Тома Рэмси отражает его легкомыслие, высокомерную беззаботность и полное отсутствие внутренних конфликтов. В диалогах он склонен к обесцениванию морали, манипулированию и открытой демонстрации пренебрежения к нормам. Читатель не может в полной мере оценить его речевые характеристики, так как в диалоге участвуют только рассказчик и Джордж Рэмси.

'...the money you spent on necessities was boring; the money that was amusing to spend was the money you spent on luxuries' [10, с. 79].

Он говорит легко и непринуждённо, всегда демонстрируя уверенность в себе, даже когда оказывается в сложной ситуации:

'I never lent him fifty pounds without feeling that I was in his debt. Tom Ramsay knew everyone and everyone knew Tom Ramsay. You could not approve of him, but you could not help liking him' [10, с. 80].

Речь Аннет, напротив, представляет собой сочетание сдержанности и внутреннего напряжения. Несмотря на то что на начальных этапах повествования она молчит, позже в её репликах проявляется решимость, презрение и бескомпромиссность. Её речь – прямолинейная, лишённая смягчающих форм, зачастую короткая, но при этом насыщенная значением и эмоциональной силой:

'I hate you and I hate this child that you've given me' [10, с. 189].

'I don't want your presents. I'll starve before I touch the food you swine have stolen from us' [10, с. 178].

'It's our own food that they've stolen from us. Look at the sardines. They're Bordeaux sardines' [10, с. 178].

Речь Аннет не только выражает принципиальное отторжение всего, что связано с врагом, но и раскрывает её как персонажа с чёткими моральными ориентирами. В отдельных случаях она прибегает к оскорблениям:

'...you swine...' [10, с. 178].

'Don't touch me. Go away. Go away. Haven't you done me enough harm already?' [10, с. 181].

Поступки героев – это ключевой уровень, через который раскрывается архетипическая суть персонажа и его соотношение с системой ценностей текста. В рассказах С. Моэма действия Тома Рэмси и Аннет отражают две противоположные линии реализации архетипа Бунтаря: мужскую – как форму ухода от обязательств, и женскую – как трагический отказ подчиниться внешнему контролю.

Том Рэмси совершает ряд поступков, демонстрирующих его осознанное противостояние общественным ожиданиям, и все это сходит ему с рук:

'One day, without warning, he announced that he didn't like work and that he wasn't suited for marriage. He wanted to enjoy himself' [10, с. 79].

Однако все эти действия не воспринимаются как преступные или разрушительные в полном смысле – С. Моэм пропускает их через призму легкой иронии, позволяющей читателю если не оправдать, то, по крайней мере, принять их с определённой долей симпатии. Герой вызывает осуждение, но ни в коем случае не отвращение; скорее, он кажется обаятельным антигероем (как Джим Мориарти или же Джокер):

'Though he was perfectly worthless, you could not but enjoy his society.'
[10, с. 82]

Аннет, в отличие от него, действует в условиях, не допускающих компромиссов. Её поступки продиктованы не личной выгодой, а необходимостью сохранить достоинство и внутреннюю свободу, и в итоге она совершает крайний поступок – убивает собственноручно ребёнка. Убийство женщиной своего собственного грудного ребёнка воспринимается ей как символическое самоубийство.

'I took it down to the brook and held it under water till it was dead' [10, с. 191].

Этот акт становится символом отказа от подчинения, даже ценой разрушения собственной судьбы. Он изображён безоценочно, но в предельно трагическом ключе – У.С. Моэм не иронизирует над поступком героини, не проводит параллели с басней, как это было в «The Ant and the Grasshopper», наоборот, оставляет читателя наедине с его моральной тяжестью.

Выводы

Подводя итог, рассматривая противопоставление архетипов Бунтаря в мужской и женской реализации, уместно обратиться к взглядам Эстер Вилар, изложенным в книге *The Manipulated Man* (1971). Вилар утверждает, что в традиционном обществе женщины, несмотря на внешнюю подчинённость, обладают значительным контролем над мужчинами – прежде всего за счёт эмоционального и бытового влияния. Мужчина же часто оказывается в роли социального исполнителя, от которого ожидают ответственности, надёжности и подчинения установленным нормам [11, с. 112]. На этом фоне особенно показательно, что С. Моэм нарушает привычное распределение ролей: Том, вопреки ожиданиям, отвергает модель «добытчика мамонта» и уходит в гедонистическое неповиновение, тогда как Аннет, наоборот, отказывается от зависимости, выбирая путь жёсткой автономии и отказа от любых форм манипуляции – даже ценой разрушения собственной жизни.

Такое распределение ролей подчёркивает, что архетип Бунтаря в мужской и женской реализации у С. Моэма несёт разную функциональную нагрузку: для мужчины – это способ избежать давления со стороны системы; для женщины – способ сопротивляться её навязанной уязвимости.

Список источников

1. Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. 357 с.
2. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. 224 с.
3. Глухих А.Н. Языковые средства создания образов исторических личностей в романах Р.М. Зотова и Б. Акунина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2017. 208 с.
4. Гончарова Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте. Томск: Издательство Томского университета, 1984. 150 с.
5. Кэмпбелл Джозеф, 1997. Тысячеликий Герой // Ваклер: АСТ. 230 с.
6. Мальцева О.А. Лингвостилистические особенности словесного художественного портрета в современном английском романе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 56 с.
7. Моэм Сомерсет Подводя итоги, М., АСТ, 2018. С. 320.
8. Темплтон Джон Всемиренные законы жизни, М., «АСТ», 2005. С. 175 – 176.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ. Москва: Ренессанс, 1991. 304 с.

10. Maugham W.S. Sixty-Five Short Stories, 1988. Heinemann/Octopus. London. 937 p. https://kaf1.net/wp-content/uploads/2019/09/maugham_somerset_sixtyfive_short_stories.pdf (дата обращения 01.03.2025)
11. Vilar, Esther. The Manipulated Man. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1971. 191 p.

References

1. Vogler K. The Writer's Journey. Mythological Structures in Literature and Cinema. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2018. 357 p.
2. Ginzburg L.Ya. About the Literary Hero. Leningrad: Soviet Writer, 1979. 224 p.
3. Glukhikh A.N. Language Means of Creating Images of Historical Figures in the Novels of R.M. Zotov and B. Akunin: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Kirov, 2017. 208 p.
4. Goncharova E.A. Ways of Linguistic Stylistic Expression of Author-Character Categories in a Fiction Text. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1984. 150 p.
5. Campbell Joseph, 1997. The Hero with a Thousand Faces. Wackler: AST. 230 p.
6. Maltseva O.A. Lingvostylistic Features of the Verbal Artistic Portrait in the Modern English Novel: Abstract of a Cand. Philological Sciences Dissertation. L., 1986. 56 p.
7. Maugham Somerset Summing Up, M., AST, 2018. P. 320.
8. Templeton John Universal Laws of Life, M., "AST", 2005. P. 175 – 176.
9. Jung K.G. Archetype and Symbol. Moscow: Renessans, 1991. 304 p.
10. Maugham W.S. Sixty-Five Short Stories, 1988. Heinemann/Octopus. London. 937 p. https://kaf1.net/wp-content/uploads/2019/09/maugham_somerset_sixtyfive_short_stories.pdf (date of access: 01.03.2025)
11. Vilar, Esther. The Manipulated Man. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1971. 191 p.

Информация об авторе

Албегов Т.А., Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, tamerlan.to@mail.ru

© Албегов Т.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81`25

Лингвокультурологический аспект в учебных изданиях по переводу в паре китайского и русского языков

¹ Крашенинников А.Е., ¹ Нарбут Е.В., ¹ Щептева В.Э.

¹ Северо-Восточный государственный университет

Аннотация: лингвокультурологическая компетенция переводчика – это комплекс знаний, умений и навыков, позволяющий переводчику эффективно осуществлять межкультурную коммуникацию, учитывая культурные особенности исходного языка и языка перевода. Она выходит за рамки простого владения языками и охватывает понимание культурных реалий, ценностей, традиций и социальных норм, которые влияют на формирование смысла текста. Данная компетенция крайне важна для переводчика, так как без понимания культурного контекста могут возникнуть трудности при интерпретации смысла текста. Адекватный перевод должен не только передавать фактическую информацию, но и оказывать желаемое воздействие на целевую аудиторию. В настоящей статье рассматривается проблема отражения лингвокультурологического аспекта в учебниках по переводу, предназначенных для обучения студентов, работающих с китайским и русским языками. Анализируются учебное пособие «Теория и практика перевода иностранных текстов: Восточные языки» и учебник «Теория и практика перевода в паре китайского и русского языков» с целью выявления способов представления культурно-специфических элементов и стратегий их адекватной передачи при переводе. Особое внимание уделяется трудностям, возникающим при столкновении с культурными реалиями, идиомами, пословицами и поговорками, отражающими уникальное мировидение носителей языка.

Ключевые слова: перевод, переводческая эквивалентность, адекватность перевода, лингвокультурологическая компетенция переводчика, лингвокультурология, русский язык, китайский язык

Для цитирования: Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Лингвокультурологический аспект в учебных изданиях по переводу в паре китайского и русского языков // Современный ученый. 2025. № 9. С. 18 – 24.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Linguoculturological aspect in study textbooks on translation in a pair of Chinese and Russian languages

¹ Krashenninnikov A.E., ¹ Narbut E.V., ¹ Shchepteva V.E.

¹ North-Eastern State University

Abstract: the linguacultural competence of a translator is a set of knowledge, abilities and skills that allows the translator to effectively carry out intercultural communication, taking into account the cultural characteristics of the source language and the target language. It goes beyond simple language proficiency and covers the understanding

of cultural realities, values, traditions and social norms that affect the formation of the meaning of the text. This competence is extremely important for a translator, since without understanding the cultural context, difficulties may arise in interpreting the meaning of the text. An adequate translation should not only convey factual information, but also have the desired impact on the target audience. This article considers the problem of reflecting the linguacultural aspect in translation textbooks intended for teaching students working with Chinese and Russian. The textbook "Theory and Practice of Translation of Foreign Texts: Oriental Languages" and the textbook "Theory and Practice of Translation in a Pair of Chinese and Russian Languages" are analyzed in order to identify ways of presenting culturally specific elements and strategies for their adequate transmission in translation. Particular attention is paid to the difficulties that arise when confronted with cultural realities, idioms, proverbs and sayings that reflect the unique worldview of native speakers.

Keywords: translation, translation equivalence, translation adequacy, linguacultural competence of a translator, linguacultural studies, the Russian language, the Chinese language

For citation: Krasheninnikov A.E., Narbut E.V., Shchepteveva V.E. Linguoculturological aspect in study textbooks on translation in a pair of chinese and russian languages. Modern Scientist. 2025. 9. P. 18 – 24.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В современном мире, характеризующемся стремительной глобализацией и расширением межкультурных контактов, перевод играет ключевую роль в обеспечении эффективной коммуникации между представителями различных лингвокультурных сообществ. Особенно актуальным становится изучение перевода в таких парах языков, как китайский и русский, отличающихся между собой не только типологически, но и представляющих собой значительно отличающиеся культуры [6].

Адекватный перевод должен не просто передавать лексические значения слов, но и воспроизводить культурные смыслы, заложенные в оригинальном тексте. Этим определяется крайняя важность развитой лингвокультурологической компетенции у переводчика, что подразумевает «совокупность усвоенных знаний о системе культурных ценностей, культуре, воплощённой в изучаемом иностранном языке, и способность оперировать этими знаниями в практической деятельности» [3, с. 42]. Она предполагает понимание семантических нюансов лексики и идиоматических выражений, их стилистической окраски и потенциального воздействия на коммуникацию.

В отечественной науке лингвокультурологической компетенции посвящены труды таких исследователей, как Н.Л. Мишатина [11], В.Н. Телия [12], В.В. Воробьёв [7] и др.

Очевидно, что для переводчика, работающего в паре китайского и русского языков, лингвокультурологическая компетенция играет большую роль, чем, например, в паре европейских языков. Многие китайские выражения и идиомы уходят корнями в историю, литературу и философию Китая.

Без знания культурного контекста их смысл может быть непонятен или неправильно истолкован.

Материалы и методы исследований

В настоящей работе мы анализируем пособие «Теория и практика перевода иностранных текстов: Восточные языки» [9] О.В. Дубковой, профессора Института иностранных языков Сианьского университета иностранных языков, и учебник «Теория и практика перевода в паре китайского и русского языков» [8] Т.Л. Гурулёвой, профессора кафедры восточных языков Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России. Мы рассматриваем данные учебные материалы в лингвокультурологическом аспекте: стратегии адекватной передачи при переводе таких видов безэквивалентной лексики, как словареалии, случайные лакуны, структурные экзотизмы, имена собственные и фразеологизмы.

Для исследования применялись следующие методы: сопоставительный анализ, метод обобщения и интерпретации, изучение теоретических работ, посвящённых обсуждаемому вопросу.

Результаты и обсуждения

Первый из рассмотренных нами видов безэквивалентной лексики – имена собственные. Дубкова как способ осуществления их перевода называет транскрипцию с элементами транслитерации. Автор пособия отмечает, что «для осуществления перевода собственных имён необходимо использовать таблицы переводческих соответствий», называя транскрипционную систему Палладия. Для передачи имён нарицательных и «говорящих» имён собственных Дубкова выбирает калькирование, т.е. способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей-морфем или слов (в случае устойчивых словосоче-

таний) их лексическими соответствиями в языке перевода.

Например, 白雪公主 (досл. белоснежная принцесса) – Белоснежка. Профессор также называет приём лексических добавлений как способ перевода имён собственных и географических наименований в тех случаях, например, добавление к «Цилинь» существительного «провинция». Это связано с тем, что данные наименования в большинстве своём не известны русскоязычной аудитории. Другие способы передачи фоновой информации – вставки, постраничные или концевые сноски или комментарии.

Гурулёва выделила целую главу, посвящённую способам перевода безэквивалентных языковых единиц. Для передачи имён собственных автор называет транскрибирование и калькирование, однако вторая трансформация, как пишет профессор, практически не используется для данной цели. Также Гурулёва отмечает, что существует вариативность перевода безэквивалентных лексических единиц, в том числе имён собственных. Например, «Дед Мороз» на китайский язык можно передать при помощи калькирования («严寒老人»), калькирования с метафоризацией («冰雪老人»), описательного перевода («新年老人» или «圣诞老人»). При этом все варианты по отношению друг к другу являются синонимами.

Второй вид безэквивалентной лексики – слова-реалии. Под ними мы понимаем слова или словосочетания, «называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит» [5, с. 48].

Первым возможным способом перевода слов-реалии Дубкова называет транскрипцию с элементами транслитерации («普通话» (pǔtōnghuà) – «путунхуа», «粽子» (zòngzi) – «цзунцзы» и т.д.). Для передачи русской лексики на китайский язык часто используются иероглифы без самостоятельного лексического значения, например, «квас» – «戈瓦斯» (gēwāsī).

Калькирование – второй названный Дубковой способ передачи слов-реалий («春节» [chūnjié] – «Праздник весны», 天魔 [tiānmó] – демон небес и т.д.). При этом одна лексическая единица может быть передана двумя упомянутыми способами. Слово «月饼» (yuèbǐng) на русский язык имеет переводы «юэбин» (транскрипция с элементами транслитерации) и «лунная лепёшка» (калькирование).

Слова-реалии могут быть переданы при помощи генерализации – замены единицы исходного языка с более узким значением единицей языка перевода с более широким значением. Приём используют в случаях, когда конкретное название не понятно реципиенту перевода или не имеет значения, т.е. его смысл не играет роли в контексте перевода: 伯母 – тётя (жена старшего брата отца); 课 – гадание (на восьми триграммах, на монетах).

Упомянутый приём лексических добавлений также служит способом передачи слов-реалий: «古琴» (gǔqín) – **музыкальный инструмент** гуцинь. Переводчик добавил фоновую информацию «музыкальный инструмент», т.к. единица «гуцинь» вероятно будет непонятна русскому читателю.

Следующий названный Дубковой приём перевода слов-реалий – экспликация или описательный перевод. При использовании этой лексико-грамматической трансформации лексическая единица исходного языка заменяется разъясняющим (эксплицирующим) её значение словосочетанием, например, 四合院 (сыхэюань) – ансамбль с жилыми пристройками по всем четырём сторонам двора, 故宫 (Гугун, Запретный город) – дворец прежних правителей и др. Здесь же профессор отмечает недостаток приёма, а именно его громоздкость и многословность. Данная трансформация наиболее целесообразна в тех случаях, когда можно ограничиться сравнительно лаконичным пояснением.

Последний называемый Дубковой приём – уподобление. Это замена культурно-специфического элемента исходного текста на более привычный и понятный аналог в культуре языка перевода: 旗袍 (ципао) – платье, 高粱 (гаолян) – сорго, 3 斤 (3 цзиня) – полтора килограмма (1 цзинь – 0,5 килограмма).

Гурулёва как способ передачи слов-реалий называет транскрибирование. При этом данная лексическая трансформация может сопровождаться генерализацией: нарзан – 纳口赞矿泉水. Переводчик добавил родовое понятие «矿泉水» (минеральная вода). Другой пример: «...против Нескучного» – «...涅斯库奇内公园的面...». Здесь переводчиком было добавлено понятие «公园» (сад). Также автор называет калькирование, отмечая, что в некоторых случаях порядок слов изменяется в связи различия типов подчинительной синтаксической связи в словосочетаниях. Эта трансформация может быть использована в сочетании с транскрибированием или генерализацией.

Следующий приём – подбор функционального аналога, т.е. ближайшей по значению единицы: 棉袄 (китайская стёганая куртка) – ватник, стёганка; 包子 (китайские манты, буузы, поэ) – пирожки; уха – 鱼汤 (рыбный суп, традиционное китайское

блюдо). Как видно из примеров, при использовании данного приёма происходит утрата или элиминация национально-культурной специфики. Применение функционального аналога может сочетаться с другими способами передачи единиц, например, конкретизацией (обратного генерализации приёма): 车子 (транспортное средство, родовое понятие) – карета.

Гурулёва сгруппировала лексические трансформации (конкретизация, генерализация, модуляция) в один приём – лексическая замена, подразумевая под ней применение при переводе безэквивалентных лексических единиц названные трансформации.

Профессор называет описательный перевод или экспликацию как способ передачи слов-реалий, отмечая, что он может носить метафорический характер: «картуз» – «鸭舌帽» («головной убор как утиный язык»). Данный приём часто используется в паре с транскрибированием, реже – с калькированием.

Один из способов перевода слов-реалий – перераспределение значения. Он заключается в распределении значения слово исходного языка между несколькими элементами переведенного текста. Благодаря этому, специфическая "безэквивалентность" исходной лексической единицы становится неявной или вовсе исчезает. Рассмотрим приведенный Гурулёвой пример: «Ты ведёшь себя **три с минусом**» – «你的表现我不敢恭维!». Переводчик заменил «три с минусом» на «我不敢恭维», что буквально значит «я не осмелюсь похвалить».

Как отдельный способ передачи безэквивалентной лексики автор учебника выделяет переводческий комментарий, отмечая, что он используется в сочетании с другими приёмами, например, транскрибирование или лексическая трансформация.

К видам безэквивалентной лексики относятся также случайные лакуны (определённые лексические единицы, выражаемые в одном языке, не имеющее четкого словесного выражения в другом, что обусловлено различиями в культурном опыте и отсутствием тесных языковых контактов [10, с. 39]) и структурные экзотизмы (лексические единицы, созданные словообразовательными средствами одного языка и отсутствующие с аналогичной структурой в другом [4, с. 262]). В анализируемых нами пособиях данные виды не выделяются как отдельные категории, однако в учебнике Гурулёвой есть похожая на структурные экзотизмы категория – безэквивалентные грамматические единицы. Как возможные способы их пере-

дачи автор называет нулевой перевод (отказ от передачи значения единицы ввиду избыточности значения), приближённый перевод (частичное переводческое соответствие) и трансформационный перевод (использование различных грамматических трансформаций).

Последний из рассмотренных нами видов безэквивалентной лексики – фразеологизмы. Сложность перевода обусловлена различными факторами, такие как их краткость и многозначность (фразеологические единицы обычно состоят из нескольких иероглифов, каждый из которых может иметь сразу несколько значений), отсутствие прямого эквивалента, необходимость адаптации с сохранением стилистической окраски и др. В связи с культурными различиями, при их переводе необходимы дополнительные комментарии, связанные с историей и образом жизни китайского народа, особенно есть речь идёт о чэньюях [2, с. 69]. Отметим, что умение анализировать и понимать скрытый смысл, отражённый в пословицах и фразеологических единицах, является одним из необходимых для лингвокультурологической компетенции переводчика [1].

Дубкова выделяет экспликацию (описательный перевод) как способ передачи фразеологической единицы, если в языке перевода отсутствует эквивалент: Он **не заводится с пол-оборота**, когда кто-нибудь не так что-то сказал – 不管谁有什么说的不对, 他都不会发火 (досл. не должен вспылить).

Другой способ передачи идиоматических выражений – калькирование: 连皮带肉 – с кожей и мясом; 忆苦思甜 – думать о плохом и мечтать о хорошем и т.д.

Также может применяться приём уподобления, если устойчивое выражение оригинала имеет семантический и стилистический аналог в языке перевода: 闭口不言 (досл. закрыть рот и молчать) – воды в рот набрать; 讨价还价 – торговаться; 对牛弹琴 (играть на цитре перед быком) – лапшу на уши вешать и т.д. В последнем примере, по нашему мнению, употреблено не совсем эквивалентное выражение. В русском языке есть аналоги, схожие по смыслу с китайским выражением: «метать бисер перед свиньями» и «как об стенку горох».

Модуляция или смысловое развитие – лексикосемантическая замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы. Этот приём используют для перевода фразеологизмов, причём часто между значениями слов в оригинале и переводе существует причинно-следственная связь: ... камня за

пазухой у меня нет. (досл. ...我怀里没有石头。) – ...我对你没有恶意。(... я не держу на тебя зла).

Гурулёва посвятила целый раздел способам перевода безэквивалентных и интернациональных фразеологических единиц. Автор говорит об их типах, отмечая лексические, семантические, структурные и стилистические особенности. Профессор называет пять способов передачи фразеологизмов:

1. Подбор функционального аналога с сохранением исходного образа. Приём возможен только при передаче интернациональных фразеологических единиц: подливать масла в огонь – 火上浇油 (лат.); 如鱼得水 – как рыба в воде (общекульт.) и т.д.

2. Подбор функционального аналога с заменой исходного образа. Это аналог со схожим значением, но построенный на других образах: 鸦雀无声 (досл. не слышно ни вороны, ни воробья) – гробовое молчание; на безрыбье и рак рыба – 山中无虎, 猴子称王 (досл. когда в горах нет тигра, обезьяна провозглашает себя царём зверей) и т.д.

3. Подбор функционального аналога с элиминацией/добавлением образа. В случаях применения данного приёма происходит довольно частая замена конкретного образа абстрактным понятием: 鱼死网破 (досл. либо рыба умрёт, либо сеть порвётся) – не на жизнь, а на смерть; овчинка выделки не стоит – 得不偿失 (досл. то, что получил, не компенсирует того, что потерял) и т.д. Или наоборот, фразеологизм может быть передан при помощи конкретного или абстрактного (реже) образа: 一举两得 (досл. одно делать, два получить) – одним выстрелом убить двух зайцев.

4. Калькирование. Пословный перевод фразеологической единицы: 大海捞针 – вылавливать иголку в море; семь раз отмерь, один раз отрежь – 七次量衣一次裁 и т.д.

5. Описательный перевод. Применяется в случаях, когда использование вышеперечисленных приёмов приведёт к утрате значения фразеологической единицы: 凤毛麟角 (досл. перо феникса и рог единорога) – редкость; вот тебе, бабушка, и Юрьев день – 真是失望已极 (досл. моё разочарование достигло предела) и т.д.

Далее Гурулёва говорит о вариативности перевода безэквивалентных фразеологических единиц. Например, фразеологизм «говорят, что кур доят» может быть передан на китайский язык при помощи калькирования (有人说, 母鸡产奶了), описательного перевода (可以说随便说, 不是任何传闻都可信) и путём подбора функционального аналога с элиминацией (姑妄言之, 姑妄听之).

Выводы

Оба учебных пособия довольно полно дают информацию о способах представления культурно-специфических элементов и стратегий их адекватной передачи при переводе. Бесспорное преимущество учебника Гурулёвой является отдельно выделенная глава, посвящённая способам перевода безэквивалентных лексических единиц, многочисленные комментарии и большое количество примеров перевода русской лексики на китайский язык. В пособии Дубковой подобные примеры практически отсутствуют.

Приёмы передачи безэквивалентной лексики в пособиях примерно аналогичны, их отличия вызваны различными классификациями, использованными для организации приёмов в учебных пособиях. Среди основных выделим транскрипцию с элементами транслитерации (у Гурулёвой – транскрибирование), калькирование, приём лексических добавлений, экспликация или описательный перевод, уподобление (у Гурулёвой схожая трансформация – подбор функционального аналога) и лексические трансформации (конкретизация, генерализация, модуляция).

Список источников

1. Бирюкова М.С. Лингвокультурологическая компетенция: содержание и теоретические основы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2016. № 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-kompetentsiya-soderzhanie-i-teoreticheskie-osnovy> (дата обращения: 10.03.2025)
2. Болдырева О.Н., Хань Ш. Особенности перевода китайских фразеологизмов (чэньюев) на русский язык // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2020. № 2 (27). С. 69 – 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-kitayskih-frazeologizmov-chenyuev-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 10.03.2025)
3. Большакова М.Г. Исследование проблемы лингвокультурологической компетенции будущих переводчиков со знанием нескольких языков // Вестник СевГТУ. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2012. Вып. 127: Педагогика. С. 40 – 47.
4. Бурибаева Ф.О. Понятии структурных экзотизмов в переводоведении // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. № 4 (261). С. 259 – 263.

5. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1986. 416 с.
6. Волков К.В., Гурулева Т.Л. Лингвокультурологический аспект китайско-русского перевода // Вестник череповецкого государственного университета. 019. № 5. С. 56 – 66.
7. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
8. Гурулева Т.Л. Теория и практика перевода в паре китайского и русского языков: учебник. М.: Издательский дом ВКН, 2024. 304 с.
9. Дубкова О.В. Теория и практика перевода иностранных текстов: Восточные языки: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. 175 с.
10. Кирпикова В.В. Способы передачи случайных лакун при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2024. № 6 (887). С. 38 – 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-peredachi-sluchaynyh-lakun-pri-perevode-hudozhestvennogo-teksta-s-kitayskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 10.03.2025)
11. Мишати́на Н.Л. Лингвокультурологическая концепция речевого развития старшеклассников на основе концептов русской культуры // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 76 – 80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-kontseptsiya-rechevogo-razvitiya-starsheklassnikov-na-osnove-kontseptov-russkoy-kultury> (дата обращения: 10.03.2025)
12. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302 – 314.

References

1. Biryukova M.S. Linguocultural competence: content and theoretical foundations. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, 2016. No. 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-kompetentsiya-soderzhanie-i-teoreticheskie-osnovy> (date of access: 10.03.2025)
2. Boldyreva O.N., Han Sh. Features of the translation of Chinese phraseological units (chenyu) into Russian. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research, 2020. No. 2 (27). P. 69 – 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-kitayskih-frazeologizmov-chenyuev-na-russkiy-yazyk> (date of access: 10.03.2025)
3. Bolshakova M.G. Study of the problem of linguacultural competence of future translators with knowledge of several languages. Bulletin of SevSTU. Sevastopol: Publishing house of SevNTU, 2012. Issue. 127: Pedagogy. P. 40 – 47.
4. Buribaeva F. On the concept of structural exoticisms in translation studies. Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences. 2020. No. 4 (261). P. 259 – 263.
5. Vlahov S., Florin S. The Untranslatable in Translation. Moscow: International Relations, 1986. 416 p.
6. Volkov K.V., Guruleva T.L. The Linguistic and Cultural Aspect of Chinese-Russian Translation. Bulletin of Cherepovets State University. 019. No. 5. P. 56 – 66.
7. Vorobyov V.V. Linguistics (Theory and Methods). Moscow: Publishing House of the Russian University of Peoples' Friendship, 1997. 331 p.
8. Guruleva T.L. Theory and Practice of Translation in a Pair of Chinese and Russian Languages: Textbook. Moscow: Publishing House VKN, 2024. 304 p.
9. Dubkova O.V. Theory and Practice of Translation of Foreign Texts: Oriental Languages: Textbook. Novosibirsk: Publishing House of NSTU, 2017. 175 p.
10. Kirpikova V.V. Methods of Conveying Random Gaps in Translating a Fiction from Chinese into Russian. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 2024. No. 6 (887). P. 38 – 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-peredachi-sluchaynyh-lakun-pri-perevode-hudozhestvennogo-teksta-s-kitayskogo-yazyka-na-russkiy> (date of access: 10.03.2025)
11. Mishatina N.L. Lingvocultural concept of speech development of high school students based on the concepts of Russian culture. The World of the Russian Word. 2006. No. 4. P. 76 – 80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-kontseptsiya-rechevogo-razvitiya-starsheklassnikov-na-osnove-kontseptov-russkoy-kultury> (date of access: 10.03.2025.)
12. Teliya V.N. Cultural and national connotations of phraseological units (from worldview to worldview). Slavic linguistics. XI International Congress of Slavists. Moscow: Nauka, 1993. P. 302 – 314.

Информация об авторах

Крашенинников А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет

Нарбут Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет

Щептева В.Э., Северо-Восточный государственный университет

© Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.4

Стратегии культурного продвижения китайских косметических брендов на фоне глобализации

¹ Ли С.

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: на фоне углубляющейся глобализации и совершенствования механизмов регионального экономического сотрудничества китайская косметическая промышленность переживает критический переход от «следования за рынком» к «культурному лидерству». Исследование показало, что на культурном уровне слияние эстетики традиционной китайской медицины и современной минималистской моды привело к созданию нового эстетического нарратива, который одновременно является восточным и соответствует международной эстетике; эта тенденция постепенно направляет глобальную косметическую индустрию от «технологического» к «культурному восприятию» и «ценности»[1]. Эта тенденция ведет мировую косметическую индустрию от «технологии» к «культурному восприятию» и «ценностной идентичности». Глобальная коммуникационная стратегия китайских косметических брендов должна перестроиться на двухколесную модель, т.е. «культурное декодирование – реконструкция нарратива» в качестве двигателя ценности и «цифровая коммуникация – проникновение на платформу» в качестве пути. Поворот. Воссоздание смысла бренда посредством дифференцированной культурной продукции является ключевым механизмом преодоления культурных скидок и когнитивных барьеров.

Ключевые слова: глобализация восточной эстетики, интеграция ханфан-культуры, нарратив устойчивого развития, культурный трансфер

Для цитирования: Ли С. Стратегии культурного продвижения китайских косметических брендов на фоне глобализации // Современный ученый. 2025. № 9. С. 25 – 29.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Cultural promotion strategies of Chinese cosmetic brands in the context of globalization

¹ Li X.

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: against the background of deepening globalization and improving regional economic cooperation mechanism, China's cosmetic industry is in a critical transition period from “market-following” to “culture-leading”. The study found that at the cultural level, the integration of traditional Chinese medicine aesthetics and contemporary minimalism has constructed a new aesthetic narrative that is both oriental and international; this trend is leading the global cosmetic industry from “technology-driven” to “culture-awareness” and “value-awareness”. This trend is leading the global cosmetic industry from “technology-driven” to “culture-perception” and “value-identity” – driven. The global communication strategy of Chinese cosmetic brands needs to reconstruct the two-wheel drive model, i.e. to take “cultural decoding – narrative reconstruction” as the value engine, and “digital communication –

platform penetration” as the path Pivot. Re-creation of brand meaning through differentiated cultural output is the key mechanism to break through cultural discounts and cognitive barriers.

Keywords: globalization of oriental aesthetics, integration of hanfan culture, narrative of sustainable development, cultural transfer

For citation: Li X. Cultural promotion strategies of Chinese cosmetic brands in the context of globalization. Modern Scientist. 2025. 9. P. 25 – 29.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В данной статье предлагается создать коммуникационную теоретическую базу для глобализации восточной эстетики, которая включает в себя три аспекта: Во-первых, с точки зрения символической структуры, путь кодирования «традиционные элементы - современный перевод - глобальная адаптация» создается для повышения семантической гибкости культурной коммуникации; во-вторых, с точки зрения ценности, концепция «этической эстетики» вводится в концепцию интеграции восточных ценностей, таких как защита окружающей среды, умеренность и единство человечества, в логику дизайна и распространения продукта; В-третьих, с точки зрения механизма коммуникации, он опирается на ИИ+большие данные для создания «системы цифрового двойного повествования», которая способствует мультимодальной синергии и погружению в опыт культурного выражения [2]. Ожидается, что благодаря этой системе китайская косметическая промышленность получит основу для культурной стратегии, выходящей за рамки традиционного «рентабельного производства», и обеспечит теоретическую поддержку восточного нарратива для структурной трансформации глобальной индустрии красоты.

Материалы и методы исследований

Исследование использует теоретико-эмпирический синтез: анализ культурных нарративов; "двухколесная" модель: культурное декодирование и платформенное проникновение; применение цифровых инструментов, а также case-study китайских брендов – всё направлено на преодоление "культурного скидка" через трансляцию восточных ценностей в глобальный контекст.

Результаты и обсуждения

Исследование выявило, что интеграция традиционной китайской эстетики с глобальными трендами формирует уникальный культурный нарратив, преодолевающий "культурный скидка". Ключевые результаты. Обсуждение подчеркивает, что успех основан на трансформации роли брендов: от пассивного следования западным стандартам к активному формированию глобальной ценностной

системы через "восточную модернизацию". Это подтверждает теорию Аппадурай о гибридизации культур в глобальном потоке, а также демонстрирует сдвиг парадигмы в индустрии красоты – от технологического доминирования к культурно лидерству.

На фоне углубления глобальной коммуникации китайские косметические бренды постепенно выстраивают глобальную стратегию продвижения, в которой культурные нарративы являются основной движущей силой в процессе выхода за рубеж [3]. Бренды больше не довольствуются выходом на международный рынок за счет ценовых и производственных преимуществ, а уделяют больше внимания созданию механизма культурного кодирования и признания ценностей, чтобы в процессе межкультурной коммуникации совершить скачок от «выпуска продукции» к «выпуску культуры» [4]. Эта стратегическая модель в основном воплощается в трех измерениях: во-первых, путь расширения возможностей бренда, основанный на дифференцированных культурных нарративах, во-вторых, механизм точной коммуникации, опосредованный цифровыми технологиями, и, в-третьих, реконструкция ценностного консенсуса во главе с устойчивым развитием. Глубокая логика этого тройного пути отражает перестройку идентичности и стремление к дискурсивной власти китайских косметических брендов на глобальном культурном рынке.

В основе стратегии расширения культурных возможностей лежит двойное движение – «декодирование и реконструкция». Продвижение восточной эстетики в глобальном контексте – это не односторонний культурный экспорт, а процесс систематической реинтерпретации традиционных элементов. При так называемом культурном декодировании следует не только остерегаться превращения традиционной культуры в дикий символ, но и избегать искажения и выхолащивания культуры, вызванных чрезмерной модернизацией. Поэтому брендам необходимо создать трехслойный механизм культурного декодирования: в визуальных символах образный язык

межкультурной коммуникации должен быть извлечен из эстетики традиционных цветов и артефактов; во временных нарративах традиционные философии времени, такие как «двадцать четыре времени года», должны быть переведены в ритмическую логику разработки и функционального выражения продукта; На этическом уровне идея «единства неба и человечества» должна быть систематически внедрена в такие глобальные проблемы, как устойчивое производство, экологичные упаковочные материалы и этичный подбор поставщиков, чтобы ядро культурных ценностей обрело жизненную силу в современном выражении [5].

Эта стратегия хорошо согласуется с теорией «культурной гибридности», выдвинутой Хоми Баба: культурное выражение бренда больше не застревает в маргинальной роли «восточного другого», а через слияние технологий и символическую реконструкцию формирует настоящий бренд [6]. Напротив, через технологическую интеграцию и символическое переосмысление культурное выражение бренда должно стать настоящим глобальным собеседником. Система культурного нарратива бренда должна выстраиваться в трехуровневую структуру «мета-нарратив – нарратив продукта – нарратив пользователя»: в мета-нарративном измерении создается культурное позиционирование с «восточной эстетикой модерна» в качестве ядра, то есть от «устойчивой эстетики» к «модерну». В метанарративном измерении устанавливается культурная ориентация с «восточной эстетической современностью» в качестве ядра, то есть объяснительная сила глобальных проблем извлекается из традиционных философий, таких как «устойчивость», «красота умеренности», «внутренняя и внешняя гармония» и т.д.; в плане повествования о продукте усиливается «рассказ об ингредиентах». На уровне повествования о продукте укрепляется стратегия «рассказывания об ингредиентах», а традиционная эффективность интегрируется с современными научными исследованиями для улучшения восприятия потребителями культурных атрибутов бренда. На уровне повествования о пользователе поощряется создание пользовательского контента, например, потребители загружают свои личные истории изменения макияжа и рассказывают о культурном значении восточных элементов в их собственной жизни, чтобы сформировать чувство участия и причастности к культурной идентичности.

Суть бренд-стратегии теперь заключается не в «экспорте культуры», а в создании «поля культурного смешения» и «пояса ценностных переговоров» в глобальном контексте. С помощью техно-

логических инструментов, языка повествования, механизма участия и символического творчества бренды постепенно завершают переход от «повествования другими» к «самоопределению» и от «внушения информации» к «эмоциональному со-конструированию» [7]. Бренд постепенно завершает скачок идентичности от «чужого повествования» к «самоопределению», от «информационного внушения» к «эмоциональному со-конструированию». В этой асимметричной структуре глобальной коммуникации типичный случай китайских брендов представляет собой важную модель для подражания другим культурным экономикам Глобального Юга. В процессе продвижения китайских косметических брендов к глобализации культурные когнитивные различия и институциональные ограничения представляют собой двойную проблему, суть которой заключается в постоянной игре между кросс-культурными символическими системами и международными институциональными нормами. Поэтому для реализации стратегического прорыва брендов, выходящих за рубеж, необходимо не только приложить совместные усилия в области технологий и маркетинга, но и создать систему поддержки «мягкой силы» с механизмом культурного перевода и способностью к институциональному дискурсу в качестве ядра.

В аспекте культурного перевода традиционный способ «локализации» часто закичивается на поверхностном преобразовании языка, игнорируя неоднородность глубинной структуры культурного контекста. Создание культурного центра со структурными переводческими функциями поможет сформировать «культурно-посреднический пояс» со стабильным выходным потенциалом в глобальной коммуникации [8]. Этот механизм должен включать три ключевых модуля: во-первых, создание кросс-контекстуальной «базы данных культурной чувствительности» для выявления региональных эстетических предпочтений и ценностных минных полей с помощью моделирования больших данных; во-вторых, создание метафорического нарративного механизма для систематического соединения восточных эстетических концепций с резонансными образами в различных культурных кругах с использованием психолингвистических принципов; В-третьих, развернуть набор систем культурной адаптации для динамической обратной связи с целевым рынком и регулярно вносить коррективы для принятия в различных коммуникационных контекстах.

При создании географически персонализированной системы продуктов необходимо искать динамический баланс между крупномасштабным

производством и культурной адаптацией. Один из возможных путей – построение двухслойной структуры «культурное выражение – технологическое шасси» на основе идей модульного дизайна: нижний слой сохраняет единство НИОКР и цепочки поставок, а на верхнем уровне гибко подбираются ингредиенты, дизайн упаковки и сценарий использования в зависимости от различных рынков. Смещение ботанических ароматов, предпочитаемых местными потребителями, представляет собой двустороннюю интеграцию локализации сырья и культурных образов. Подобная концепция дизайна полностью соответствует теоретической логике «глобального культурного потока» Аппадураи: глубокое вплетение глобальной системы ценностей и местных культурных ресурсов может привести к появлению новых видов глобальных нарративов с сильным резонансом[9].

Выводы

Международный подъем китайской косметической промышленности – это, по сути, типичный микрокосм современности восточной цивилизации в контексте экономической глобализации. Этот промышленный скачок отражается не только в укреплении производственного потенциала и дискурса бренда, но и в достижении глубокой синергии между культурным суверенитетом и технологическим дискурсом [10]. В процессе трансформации от производства к экспорту брендов китайская индустрия красоты постепенно избавилась от роли пассивного принятия в постколониальном коммуникационном контексте и начала принимать более активное участие в реконструкции глобальной цепочки создания стоимости. В данной статье рас-

сматривается путь развития «технология-культура» и предлагается коммуникационная структура «глобализация восточной эстетики», направленная на решение стратегической задачи: как китайские бренды могут восстановить свою культурную идентичность и экспортировать свою систему ценностей на глобальный рынок. Задача состоит в том, как китайские бренды могут восстановить свою культурную идентичность и экспортировать свою систему ценностей на глобальный рынок.

С теоретической точки зрения, модель «глобализации восточной эстетики», предложенная в данной работе, не только предоставляет структурированный аналитический инструмент для кросс-культурных исследований брендинга, но и отвечает давно сложившейся западно-центрированной структуре знаний теории глобальной коммуникации. Модель развивается в трех измерениях – символы, этика и логика коммуникации – и создает систему языка коммуникации, способную преодолевать культурные границы и реализовывать ценностный консенсус. На практике интернационализированная экологическая сеть, созданная на основе инициативы «Цифровой шелковый путь», уже продемонстрировала системные преимущества соединения культурных ресурсов, обмена научными и технологическими достижениями, синергии политик и систем. Эти практики не только усиливают культурный дискурс китайских косметических предприятий на международном рынке, но и обеспечивают восточную программу для логики управления глобальной индустрией красоты.

Список источников

1. Батюта Е.А. Трансформация "человека потребляющего" при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу: дис. ... канд. наук. 2008.
2. Дживеди Я.К., Ахмед З.У., Гоулд С.Дж., Грувер В., Кронин Дж.Дж. мл., Лэндон Э.Л. мл., Пандей Н. ИИ в маркетинге: Метаанализ потребительского отклика // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2021. Vol. 49. № 5. С. 875 – 901.
3. Ли И.П.Х., Ван Ю., Хуанг М. Красота в стиле ханьфу: Переосмысление китайской культурной идентичности в глобальном маркетинге косметики // *Journal of Consumer Culture*. 2023. Vol. 23. № 1. С. 112 – 130.
4. У Дж., Белк Р.У. Глобализация китайской эстетики: От культурного дисконта к премии // *Journal of International Marketing*. 2021. Vol. 29. № 3. С. 78 – 95.
5. Цзао Ф. Перспективные пути развития прямых продаж международной электронной торговли между Китаем и Россией // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2020. Т. 22. № 4. С. 44 – 59.
6. Бхабха Х.К. Место культуры [The Location of Culture]. Лондон: Routledge. 1994. 440 с.
7. Чжан Цивэй, Хэ Цюин. Путь к возрождению бренда для местных косметических компаний с точки зрения культуры «Гочао» – на примере «Шуанмэй» // *Современный бизнес*. 2022. №12. С. 12 – 14.
8. Кали Я., Барам-Цабари А., Шейтер А. Learning in a networked society. Нью-Йорк: Springer International Publishing. 2019. 258 с.

9. Кенуэй Дж., Фэйи Дж. The research imagination in a world on the move // Globalisation, Societies and Education. 2006. Vol. 4. № 2. С. 261 – 274.

10. Холт Д.Б. Как бренды становятся иконами: Принципы культурного брендинга. Бостон: Harvard Business School Press. 2004. 262 с.

References

1. Batyuta E.A. Transformation of the "Consumer Man" in the Transition from Industrial to Post-Industrial Society: Dis. ... Cand. Sciences. 2008.

2. Dwivedi Ya.K., Ahmed Z.U., Gould S.J., Gruver V., Cronin J.J. Jr., Landon E.L. Jr., Pandey N. AI in Marketing: A Meta-Analysis of Consumer Response. Journal of the Academy of Marketing Science. 2021. Vol. 49. No. 5. P. 875 – 901.

3. Li I.P.H., Wang Yu., Huang M. Hanfu Beauty: Rethinking Chinese Cultural Identity in Global Cosmetics Marketing. Journal of Consumer Culture. 2023. Vol. 23. No. 1. P. 112 – 130.

4. Wu J., Belk R.W. Globalization of Chinese Aesthetics: From Cultural Discount to Premium. Journal of International Marketing. 2021. Vol. 29. No. 3. P. 78 – 95.

5. Zao F. Promising Ways to Develop Direct Sales in International E-Commerce between China and Russia. Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2020. Vol. 22. No. 4. P. 44 – 59.

6. Bhabha H.K. The Location of Culture. London: Routledge. 1994. 440 p.

7. Zhang Qiwei, He Qiuying. The Path to Brand Revival for Local Cosmetics Companies from a Guochao Cultural Perspective – The Case of Shuangmei. Modern Business. 2022. No. 12. P. 12 – 14.

8. Kali Ya., Baram-Tsabari A., Scheiter A. Learning in a networked society. New York: Springer International Publishing. 2019. 258 p.

9. Kenway J., Fahy J. The research imagination in a world on the move. Globalisation, Societies and Education. 2006. Vol. 4. No. 2. P. 261 – 274.

10. Holt D.B. How Brands Become Icons: Principles of Cultural Branding. Boston: Harvard Business School Press. 2004. 262 p.

Информация об авторе

Ли С., аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-3203-6937,1042235169@pfur.ru>

© Ли С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.42

Культурная коннотация китайских архитектурных терминов «亭»(tíng), «台»(tái), «楼»(lóu), «阁»(gé) и стратегии их перевода на русский язык

¹ Линь Цзыюй

¹ Цзянсуский педагогический университет, Китай

Аннотация: в условиях углубленного продвижения инициативы «Один пояс – один путь» и усиления российско-китайского культурного обмена значительно возрастает потребность в международном распространении традиционной китайской культуры. Точный перевод терминов древней архитектуры, являющейся важным носителем китайской цивилизации, становится ключевым звеном межкультурной коммуникации. В данной статье рассматриваются четыре типичных архитектурных термина: «亭»(tíng) (беседка), «台»(tái) (платформа), «楼»(lóu) (многоэтажное здание) и «阁»(gé) (павильон). Используя комбинированную теоретическую основу культурной лингвистики и дескриптивного переводоведения, авторы посредством анализа семантических полей, интерпретации концептуальных метафор и сопоставления параллельных текстов деконструируют культурно-обусловленные характеристики терминологии, создавая трёхмерную модель преобразования «культура-язык-перевод». Основное внимание исследования сосредоточено на раскрытии философских концепций, таких как «единство неба и человека» и «ритуальный порядок», лежащих в основе данных терминов. На базе теории функциональной эквивалентности Юджина Найды предлагаются многоуровневые стратегии перевода, включающие «прямой перевод с культурными комментариями», «реконструкцию образов» и «транслитерацию с компенсацией», направленные на решение проблемы культурной гетерогенности архитектурной терминологии в русскоязычном контексте.

Ключевые слова: китайская архитектурная терминология, культурная коннотация, межкультурная коммуникация, функциональная эквивалентность

Для цитирования: Линь Цзыюй Культурная коннотация китайских архитектурных терминов «亭»(tíng), «台»(tái), «楼»(lóu), «阁»(gé) и стратегии их перевода на русский язык // Современный ученый. 2025. № 9. С. 30 – 34.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Cultural connotation of Chinese architectural terminology "亭、台、楼、阁" and strategies for their translation into Russian

¹ Lin Ziyu

¹ Jiangsu Normal University, China

Abstract: with the deepening of the Belt and Road Initiative and the increasing cultural exchanges between China and Russia, the demand for the international dissemination of traditional Chinese culture has grown significantly. Ancient architecture, as an important carrier of Chinese civilization, relies on the accurate translation of its termi-

nology as a key link in crosscultural communication. However, Chinese ancient architectural terms are imbued with profound cultural connotations, and their unique word-formation logic and symbolic meanings often face issues such as semantic loss and cultural dilution in Russian translation. Existing research has predominantly focused on English translation, while systematic exploration of Russian translation remains insufficient. This study takes four typical ancient architectural terms—"Ting (亭), Tai (台), Lou (楼), Ge (阁)"—as research objects. Employing a theoretical framework that combines cultural linguistics and descriptive translation studies, it deconstructs the culture-loaded features of these terms through semantic field analysis, conceptual metaphor interpretation, and parallel text comparison, establishing a three-dimensional "culture-language-translation" conversion model. The research focuses on uncovering the philosophical concepts behind these terms, such as "harmony between man and nature" and "ritual order," and proposes stratified translation strategies—including "literal translation + cultural annotation," "image reconstruction," and "transliteration compensation"—based on Nida's functional equivalence theory to address the cultural heterogeneity of architectural terms in the Russian context.

Keywords: Chinese ancient architectural terminology, cultural connotation, Russian translation, crosscultural communication, functional equivalence

For citation: Lin Ziyu Cultural connotation of Chinese architectural terminology "亭、台、楼、阁" and strategies for their translation into Russian. Modern Scientist. 2025. 9. P. 30 – 34.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Перевод архитектурной терминологии в межкультурном контексте представляет собой не просто техническую задачу, а форму культурного посредничества. В китайской традиции архитектурные термины «亭»(tíng), «台»(tái), «楼»(lóu), «阁»(gé) служат не только обозначением архитектурных объектов, но и выразителями культурных и философских смыслов [1]. В условиях глобализации и расширения культурного обмена, перевод подобных понятий на русский язык приобретает особую значимость: он влияет как на представление о китайской архитектуре, так и на более широкий процесс «выхода культуры за рубеж» [2]. Настоящая работа направлена на анализ культурных коннотаций упомянутых терминов и стратегий их адекватной передачи в русскоязычном научном и культурном пространстве, включая традиционные и цифровые методы интерпретации.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов использованы классические трактаты, такие как «Юань е» («Искусство садов»), «История китайской архитектуры», трактат «Инцзао фаши», а также современные научные публикации, посвящённые китайской архитектуре и переводоведению. Помимо текстуального анализа, проведён социолингвистический опрос среди носителей русского языка с целью оценки эффективности разных переводческих стратегий. Методология включает элементы когнитивной лингвистики, культурной семиотики (в частности, концепции

Лотмана), а также подходы функционалистской теории перевода.

Результаты и обсуждения

1. Культурная коннотация терминов «亭(tíng), 台(tái), 楼(lóu), 阁(gé)» в китайской традиционной архитектуре

1.1 Историческая эволюция и архитектурные особенности

Термины китайской архитектуры «亭»(tíng) (беседка), «台»(tái) (платформа), «楼»(lóu) (многоэтажное здание) и «阁»(gé) (павильон) демонстрируют исторический переход от утилитарной функции к духовной символике. Первоначально «亭»(tíng) служил наблюдательным пунктом на границах (эпоха Чжоу), к династии Хань превратился в место отдыха на дорогах, а в периоды Тан и Сун литераторы трансформировали его в «композиционный центр пейзажа» [4]. Образ «крылатой беседки» из «Записок о старом пьянице» знаменует превращение материального объекта в поэтический символ.

В аспекте архитектурных характеристик наблюдается когнитивный прорыв от пространственного регулирования к созданию художественного образа. Различия в формах между «楼»(lóu) (башня) и «阁»(gé) (павильон) воплощены в неявных правилах, не зафиксированных в трактате «Инцзао фаши»[8]: «楼»(lóu) подчеркивает практическую полезность «многоярусных соединенных строений», как например оборонительную функцию башни

Хуанхэлоу, тогда как «阁»(gé) стремится к религиозной сакральности «висячих конструкций» – техника росписи «летающие карнизы и алая краска» в павильоне Тэнван-гэ отражает космологическую концепцию «единения неба и человека» [5]. На структурном уровне это проявляется в том, что «楼»(lóu) чаще используют систему «тайлян» для расширения полезного пространства, тогда как для «阁»(gé) характерна система «чуаньдоу», создающая ощущение легкости. Однако фундаментальное различие кроется в культурной логике: «楼»(lóu) несет в себе мирскую суету повседневной жизни, а «阁»(gé) воплощает духовные устремления, выходящие за пределы материального мира[9].

За эволюцией терминологии скрывается парадигмальный сдвиг от истории архитектуры к культурной семантике. Стандартизированная классификация четырех типов строений в трактате династии Сун «Инцизо фаши» фактически отражала борьбу ученых-чиновников за дискурсивную власть в пространстве, например, преобразование техники утрамбовки земли в платформах «台»(tái) в литературный мотив «на высоком помосте ветер печали» [7]. Смещение значений терминов «楼»(lóu) и «阁»(gé) в период Мин–Цин демонстрирует растворение элитарной архитектурной семантики в городской культуре: случай с «башней Цзяньшаньлоу» в садах Сучжоу, которая фактически является павильоном, обнажает извечное напряжение между формой и функцией, означающим и означаемым[10].

2. Анализ стратегий перевода терминов «亭»(tíng), «台»(tái), «楼»(lóu), «阁»(gé) на русский язык

2.1 Трудности перевода и лингвистические вызовы

Основное препятствие – непереводимость культурных образов. Односложные китайские термины с их образной насыщенностью конфликтуют с аналитической природой русских многосложных слов. Когда архитектурный прототип «台»(tái) сталкивается с русским «платформа» [1], историческое измерение сводится к функциональному обозначению.

Эволюция переводческих стратегий прослеживается в переходе от буквального перевода к культурной адаптации [3]. Например, ранняя транслитерация «阁»(gé) уступила место описательному переводу «многоярусная башня», что демонстрирует поиск баланса между архитектурной точностью и культурной коммуникацией.

2.2 Практические пути культурно-адаптивного перевода

Культурно-адаптивный перевод требует выхода за рамки поверхностных соответствий. Хотя «亭»(tíng) как «беседка» передает функциональное значение, он утрачивает философский подтекст «остановки для созерцания» [1]. Решением становится использование уточняющих определений («китайская садовая беседка»), которые воссоздают исходный культурный контекст в системе языка-рецептора.

Проблема перевода термина «台»(tái) проявляется в дихотомии архитектурной формы и политической символики. Русский эквивалент «платформа» передаёт лишь базовые характеристики, тогда как этимологическая реконструкция с исторической аннотацией «древний алтарь-платформа» успешно реализует семантическое расширение от материального носителя до ритуального символа. Такой подход соответствует теории двойного кодирования в семиотике культуры Лотмана, создавая новые знаковые связи в иноязычном контексте [2].

Практика перевода терминов «楼»(lóu) и «阁»(gé) выявляет межкультурный конфликт в восприятии вертикального пространства. Перевод «阁»(gé) как «башня» приводит к ошибочной интерпретации архитектурной иерархии, тогда как стратегия транслитерации с родовым понятием («阁 -павильон») в сочетании с пояснением конструктивных особенностей сохраняет терминологическую специфику при обеспечении культурной понятности. Этот метод подтверждает эффективность механизма «культурной компенсации» в функционалистской теории перевода, позволяя адаптировать инородные культурные элементы через многомерное семантическое дополнение [6].

3. Перевод терминологии и продвижение архитектурной культуры в межкультурной коммуникации

3.1 Влияние перевода на международное распространение архитектурной культуры

От семиотической трансформации к глубинному культурному познанию – суть перевода архитектурных терминов заключается в рекодировании культурных образов. Когда «亭»(tíng) переводится на русский как «беседка», за лексической эквивалентностью скрывается когнитивный переход от философии «смены пейзажа с каждым шагом» в китайских садах к функциональности русской усадебной архитектуры, создавая семантическую дисперсию в межкультурной коммуникации [1]. Выбор

стратегии перевода непосредственно влияет на глубину культурного восприятия: транслитерация «亭»(tíng) сохраняет чужеродность, но теряет объяснительную силу, тогда как описательный перевод «крытая галерея» повышает понятность, но нивелирует эстетическую сущность «亭»(tíng) как места созерцания пейзажа.

На уровне продвижения архитектурной культуры сам перевод становится актом вторичного творчества. Когда Дуньхуанская академия переводит «楼»(lóu) как «башня с балконом», добавляя пояснения о «кронштейнах доугуна и галереях», осуществляется переход от простого соответствия к интерпретации строительных канонов. Такой подход избегает семантических помех от русского «терем» и создаёт терминологические якоря для последующего 3D-моделирования в цифровых экспозициях [2].

Таким образом, перевод становится медиумом активации культурной памяти, а не простой заменой символов.

3.2 Инновации в переводе и распространении в цифровую эпоху

Технологические инновации цифровой эпохи трансформируют парадигму межкультурной передачи архитектурных терминов, смещая фокус со статической семантической эквивалентности к динамическому когнитивному переосмыслению. Если традиционная теория перевода акцентирует концептуальное соответствие терминов, то технологии виртуальной реальности создают новое измерение «эквивалентности опыта» – через 3D-моделирование и сценарную реконструкцию русскоязычная аудитория может непосредственно воспринимать сквозную структуру «亭»(tíng) и ярусную композицию «阁»(gé), преодолевая ограничения вербальных символов [1].

Внедрение машинного перевода породило механизм «коллективной фильтрации» терминологии, но столкнулось с проблемой культурной энтропии. Например, нейросетевые модели предпочитают высокочастотный вариант «башня» для перевода «楼»(lóu), игнорируя его исходное значение «многоярусного сооружения». Подобный семантический дрейф обусловлен слабой чувствительностью алгоритмов к культурным параметрам и требует коррекции через интеграцию историко-архитектурных

онтологий. Проект Дуньхуанской академии «Цифровые дарители» предлагает решение: помещая перевод терминов вроде «доугуна» и «цзаоцзина» в контекст виртуальных реконструкций, он создаёт взаимодополняемость языковых символов и пространственного опыта [2].

Эволюция медиа трансформирует архитектурную терминологию из профессионального дискурса в массовый нарратив. Практика хэштега #Китайская_архитектура в соцсетях демонстрирует, что когда русскоязычные субтитры к «亭(tíng), 台(tái), 楼(lóu), 阁(gé)» сочетаются с видео процесса ручного изготовления, время просмотра увеличивается в 2.3 раза по сравнению с чисто вербальными объяснениями. Этот скачок эффективности раскрывает новый принцип продвижения архитектурной культуры: перевод терминов должен совершить качественный переход от лингвистической операции к культурному кодированию, где критерием успеха становится не точность перевода, а интенсивность активации культурного восприятия у аудитории.

Выводы

Проведённое исследование показало, что перевод архитектурной терминологии, такой как «亭»(tíng), «台»(tái), «楼»(lóu), «阁»(gé), требует комплексного подхода, сочетающего лингвистическую точность, культурную адаптацию и междийные технологии. Установлено, что буквальные переводы зачастую ведут к утрате когнитивной и символической глубины, заложенной в оригинальных терминах. Наиболее эффективными оказываются стратегии культурной компенсации, транслитерации с пояснением, а также использование мультимодальных инструментов, таких как 3D-моделирование и цифровая аннотация. Таким образом, перевод архитектурных понятий из китайского языка на русский становится не просто средством языковой интерпретации, но и способом активации культурной памяти, а также важным элементом в стратегии международного продвижения китайского архитектурного наследия. Особенно в условиях цифровой эпохи перевод превращается в медиатор комплексного культурного опыта, способствуя диалогу и взаимному обогащению между культурами Китая и России.

Список источников

1. 王瑄.中国传统文化符号的跨媒介转化与意义重构[D]. 导师: 张锰. 天津美术学院. 2025. Ван Сюань. Межмедийная трансформация и реконструкция смыслов традиционных китайских культурных символов. Науч. рук. Чжан Мэн. Тяньцзиньская академия изящных искусств. 2025.
2. 张宏伟. ChatGPT 翻译中华文化典籍问题探析及其对翻译教学的启示[J].名作欣赏.2025. (14): 56-60 页. Чжан Хунвэй. Анализ проблем перевода китайских культурных канонов в ChatGPT и их значение для преподавания перевода // Шедевры литературы. 2025. №14. С. 56-60.
3. 康新月,李煜. 解析中国山水画理论对风景园林的影响[J].现代园艺. 2025. 48(01): 125-127 页. Кан Синьюэ, Ли Юй. Анализ влияния теории китайской пейзажной живописи на ландшафтный дизайн // Современное садоводство. 2025. Т.48, №1. С. 125 – 127.
4. 西门杏庵. 唐宋八大家的思想情怀与家国情怀[J].南腔北调. 2024. (12): 46-76 页. Симэнь Син-ань. Идеиные и патриотические воззрения восьми великих литераторов эпох Тан и Сун // Разноголосица. 2024. №12. С. 46-76.
5. 范德华,秦树才,蒙睿.历代名人与云南旅游[M].云南人民出版社: 202311. Фань Дэхуа, Цинь Шуцай, Мэн Жуй. Исторические знаменитости и туризм в Юньнани. Изд-во пров. Юньнань. 2023.
6. 刘勇. 北京历史文化十五讲[M].北京大学出版社:202103. Лю Юн. 15 лекций по истории и культуре Пекина. Пекинский ун-т. 2021.
7. 姜义华. 朱子彦. 中华文化通识[M].北京大学出版社: 201805. Цзянь Ихуа. Чжу Цзыянь. Основы китайской культуры. Пекинский ун-т. 2018.

References

1. 王瑄.中国传统文化符号的跨媒介转化与意义重构[D]. 导师: 张锰. 天津美术学院. 2025. Wang Xuan. Cross-media transformation and reconstruction of the meanings of traditional Chinese cultural symbols. Scientific hands Zhang Meng. Tianjin Academy of Fine Arts. 2025.
2. 张宏伟. ChatGPT 翻译中华文化典籍问题探析及其对翻译教学的启示[J].名作欣赏.2025. (14): 56-60 页. Zhang Hongwei. Analysis of the problems of translating Chinese cultural canons into ChatGPT and their significance for teaching translation. Masterpieces of Literature. 2025. No. 14. P. 56 – 60.
3. 康新月,李煜. 解析中国山水画理论对风景园林的影响[J].现代园艺. 2025. 48(01): 125-127 页. Kang Xinyue, Li Yu. Analysis of the influence of the theory of Chinese landscape painting on landscape design. Modern gardening. 2025. Vol. 48. No. 1. P. 125 – 127.
4. 西门杏庵. 唐宋八大家的思想情怀与家国情怀[J].南腔北调. 2024. (12): 46-76. Ximen Xing'an. Ideological and Patriotic Views of the Eight Great Literary Writers of the Tang and Song Dynasties. Raznogolositsa. 2024. No. 12. P. 46 – 76.
5. Yunnan Historical Famous People, Historical Figures, and Patriotic Views. Yunnan Provincial Press [M].北京历史文化十五讲[M].北京大学出版社:202103. Liu Yun. 15 lectures on the history and culture of Beijing. Beijing University 2021.
7. 姜义华. 朱子彦. 中华文化通识[M].北京大学出版社: 201805. Jiang Yihua. Zhu Ziyang. Fundamentals of Chinese culture. Beijing University 2018.

Информация об авторе

Линь Цзыюй, преподаватель, Цзянсуский педагогический университет, Китай

© Линь Цзыюй, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 82.091

Сравнение русского и французского менталитета в романе Толстого «Война и мир»

¹ Лю Сянцзи

¹ Чжуннаньский университет экономики и права, Китай

Аннотация: в статье рассматривается сопоставление ментальных ориентиров России и Франции на основе анализа романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Целью работы является выявление глубинных различий и точек пересечения двух культурных парадигм, проявляющихся в языке, нравственных ценностях, историческом самовосприятии и поведенческих стратегиях персонажей. Французская ментальность в художественной ткани романа предстает как выражение рационалистического миропонимания, иерархичности социальных структур и доминирования индивидуалистической установки, что свидетельствует о стремлении к когнитивной регуляции действительности. Напротив, русская ментальная модель акцентирует значимость духовной жизни, коллективного начала и ориентации на нравственное совершенствование, формируя эмоционально-нравственную оптику восприятия мира. Исследование основано на интеграции культурно-философского осмысления и филологического анализа, что позволяет выстраивать новые векторы в области сравнительного литературоведения, этнопсихологии и межкультурной герменевтики.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, роман «Война и мир», менталитет, межкультурный анализ, французская рациональность, русская духовность, культурная идентичность

Для цитирования: Лю Сянцзи Сравнение русского и французского менталитета в романе Толстого «Война и мир» // Современный ученый. 2025. № 9. С. 35 – 42.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Comparison of Russian and French mentalities in Tolstoy's novel war and peace

¹ Liu Xiangji

¹ Zhongnan University of Economics and Law, China

Abstract: this article examines a comparative analysis of Russian and French mental orientations based on Leo Tolstoy's novel War and Peace. The aim of the study is to identify the deep differences and points of intersection between the two cultural paradigms as manifested in language, moral values, historical self-perception, and the behavioral strategies of the characters. The French mentality, as represented in the artistic structure of the novel, appears as an expression of rationalist worldview, hierarchical social structures, and a dominant individualistic orientation—reflecting a desire for cognitive regulation of reality. In contrast, the Russian mental model emphasizes the significance of spiritual life, collective principles, and a focus on moral self-perfection, forming an emotionally and ethically charged perception of the world. The study is based on an integration of cultural-

philosophical interpretation and philological analysis, which makes it possible to chart new directions in the fields of comparative literary studies, ethnopsychology, and intercultural hermeneutics.

Keywords: Leo Tolstoy, War and Peace, mentality, intercultural analysis, French rationality, Russian spirituality, cultural identity

For citation: Liu Xiangji Comparison of Russian and French mentalities in Tolstoy's novel war and peace. Modern Scientist. 2025. 9. P. 35 – 42.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Роман Льва Николаевича Толстого «Война и мир» представляет собой не только масштабное художественное осмысление исторических процессов, но и глубокое философско-культурное исследование ментальных основ российского бытия. Сквозь призму сложной композиции, множественности голосов и символического моделирования событий начала XIX века писатель предлагает интерпретацию не только внешнеполитических трансформаций эпохи наполеоновских войн, но и процессов формирования национальной идентичности, ценностных ориентаций и ментальных установок российского общества. Столкновение двух культурных мировоззрений – французского и русского – становится определяющим мотивом произведения и ключом к постижению его философского содержания.

В фокусе предлагаемого исследования – сопоставительный анализ национальных менталитетов Франции и России, как они раскрываются в образной системе, сюжетных конфликтах и речевом поведении героев романа. Толстой показывает, что французская культурная модель, привнесённая в российское дворянство как символ прогресса и изысканности, воплощает рационализм, социальную иерархичность и стремление к внешней упорядоченности. В то же время русская традиция, с её ориентацией на духовную глубину, коллективные ценности и экзистенциальную рефлексию, представляет собой антитезу западному рационализму. Это противоречие, укоренённое в постпетровской ориентации на европейские образцы, отражается в тексте как конфликт между заимствованной формой и исконным содержанием.

Анализ осуществляется на основе междисциплинарной методологии, включающей культурологический и литературоведческий инструментарий: методы сравнительного анализа, элементы семиотики, наратологический подход и философскую герменевтику. Базовой категорией выступает понятие «менталитет», понимаемое как

исторически сложившийся комплекс когнитивных, поведенческих и аксиологических моделей, проявляющихся в интерпретации событий, типах коммуникации и формировании культурной памяти. В рамках произведения Толстого французский ментальный код, воплощённый, прежде всего, в фигуре Наполеона, характеризуется как волевой, стратегически ориентированный и логически структурированный. Русские герои, напротив, демонстрируют склонность к внутреннему диалогу, религиозному чувствованию и этическому самопознанию, что отражается не только в их поступках, но и в интонациях, лексических предпочтениях и символических доминантах текста.

Проблематика, затронутая в статье, позволяет по-новому интерпретировать художественную философию Толстого, а также способствует более глубокому осмыслению процессов культурной самоидентификации. В контексте современной поликультурной реальности обращение к опыту Толстого приобретает особую актуальность, открывая перспективы для понимания механизмов культурного взаимодействия и формирования ментальных границ в художественном дискурсе.

Цель настоящего исследования — выявить ключевые отличия и возможные точки пересечения русской и французской ментальности через анализ поведенческих, речевых и ценностных особенностей персонажей «Войны и мира», а также рассмотреть литературный текст как форму философской рефлексии и средство моделирования национального самосознания.

Материалы и методы исследований

В настоящей статье использовались такие методы, как анализ и синтез с целью определения необходимо информационного массива по теме исследования, а также контент-анализ отобранных источников. Материалом исследования выступили научные работы, посвященные изучению русского и французского менталитетов в романе «Война и мир».

Результаты и обсуждения

Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» выступает

не только как эпопея, отражающая переломные исторические события наполеоновской эпохи, но и как художественно-философская реконструкция столкновения двух ментальных систем – французской и русской. Эти культурно-ценностные модели в структуре повествования не являются лишь фоном или декорацией, а представляют собой основополагающую смысловую оппозицию, придающую произведению мировоззренческую глубину. Через персонажную систему, диалогическое пространство и внутренние импульсы героев Толстой формирует антитезу идеологических мировоззрений, затрагивающих как индивидуальный опыт, так и коллективное сознание эпохи.

Понятие менталитета (от лат. *Mens* – разум, дух) устойчиво закрепилось в историографическом и культурологическом дискурсе, прежде всего благодаря представителям французской школы «Анналов», где оно используется для описания глубинных форм восприятия и интерпретации действительности, укоренённых в структуре повседневности и коллективного воображения [2, с. 7]. В российской научной традиции менталитет трактуется как совокупность устойчивых поведенческих, когнитивных и эмоциональных установок, зачастую неосознаваемых, но определяющих общекультурную оптику нации. В этом контексте художественный текст рассматривается как особая форма семиотического моделирования ментальных конструкторов. В «Войне и мире» Толстой противопоставляет два типа национального сознания, различающихся по способу выражения ценностей, эмоциональной составляющей и модели реагирования на социокультурные и онтологические вызовы.

Начало XIX столетия во Франции ознаменовано завершением революционной перестройки и переходом к имперскому централизму, сопровождаемому утверждением идеалов Просвещения, индивидуальной свободы и рационального мировоззрения. Французская культурная среда ориентируется на принципы системности, интеллектуальной дисциплины и гражданской автономии. Язык, насыщенный абстрактными и логическими конструкциями, становится не только инструментом мышления, но и символом социальной принадлежности и культурной компетентности. В это же время Россия сохраняет доминанту религиозного сознания, сословной иерархии и коллективистской этики, характерной для традиционного общества [4, с. 15]. Распространение французского языка в дворянской среде, по сути, носит имитационный

характер, вступая в противоречие с глубинной идентичностью русской культуры. Толстой вскрывает это противоречие на уровне внутреннего разлада между внешней европеизированной маской и подлинным духовным содержанием, особенно ярко проявляющимся в судьбах центральных персонажей.

Философские основания различий французского и русского менталитетов уходят корнями в различные интеллектуальные традиции. Французская модель, сформированная в русле картезианского мышления, ставит в центр рассудочную активность субъекта и универсальность логического подхода. В художественной плоскости Толстой воплощает эту установку в образе Наполеона – фигуры, символизирующей волю к власти, стратегический расчёт и стремление к историческому контролю. Однако этот образ также демонстрирует ограниченность чисто рационального взгляда, неспособного к духовной трансценденции. В противоположность ему русская ментальность, формируемая в парадигме православной аксиологии, подчёркивает значимость страдания, покаяния и внутреннего нравственного роста. Толстовская концепция личности апеллирует к духовному пути, в котором центральную роль играют любовь, вера и смирение – категории, отвергающие логику внешнего успеха и утверждающие иное измерение человеческого бытия [6, с. 10]. Таким образом, в произведении выстраивается целостная система ценностных оппозиций, отражающих не только культурное, но и метафизическое различие двух цивилизационных типов.

Репрезентация французской ментальности в композиционной системе романа: образ Наполеона, языковая маркированность и поведенческие коды. Во «Войне и мире» французская ментальность обретает выражение через разветвлённую художественную структуру, включающую интерпретацию фигуры Наполеона, специфическое функционирование французского языка в аристократическом дискурсе и описание поведенческих паттернов, соотносимых с западной культурной моделью. Эти элементы формируют целостный образ французского ментального кода как культурного «иного», в сопоставлении с которым осуществляется процесс самоидентификации русских героев. В данной главе рассмотрение менталитета Франции базируется на трёх смысловых векторах: образно-семантической нагрузке фигуры Наполеона, функции языка как носителя культурного

отчуждения и поведенческой нормативности как выражения рациональной установки.

В трактовке Толстого Наполеон не наделяется чертами героического лидера, напротив – он представлен как воплощение иллюзорной идеи личностного господства над историей, рожденной в контексте просвещенческой рациональности [8, с. 19]. Автор последовательно разрушает традиционный образ великого полководца, сводя его к функции идеологического конструкта, неспособного к эмпатии и духовной рефлексии. Речевые характеристики героя, насыщенные штампами и искусственными оборотами, свидетельствуют об отчужденности сознания от живой реальности, а также о внутренней ограниченности персонажа.

Физическое поведение и психоэмоциональные реакции Наполеона демонстрируют отсутствие глубинной устойчивости: он проявляет нервозность, напряжение и эмоциональную нестабильность в моменты кризиса (в частности, при описании московского пожара). Эти детали служат средством художественной деконструкции его образа, лишая его власти как исторической, так и моральной [5, с. 253]. В такой интерпретации Толстой отвергает индивидуалистическую концепцию истории, противопоставляя ей коллективную, неосознаваемую силу народа. Французская речь в романе функционирует не только как средство межличностного общения, но и как маркер символического отчуждения, демонстрирующий принадлежность к внешней, элитарной системе координат. Для представителей русской аристократии французский язык становится показателем принадлежности к определенному социальному статусу и культурному кругу, однако в то же время он маркирует внутреннюю оторванность от национальных основ.

Толстой четко показывает, как язык может выступать инструментом не интеграции, а утраты идентичности. Образы персонажей, связанных с французским речевым пространством (Анна Павловна Шерер и др.), иллюстрируют зависимость от ритуализированных форм, в которых содержание подменяется формальной корректностью. Этот языковой автоматизм служит символом отчужденности и утраты личностной подлинности. В противоположность этому переход Пьера Безухова на русский язык становится метафорой внутреннего очищения, преодоления культурного подражания и обретения духовной аутентичности [11, с. 60]. Французские персонажи в произведении следуют регламентированным моделям поведения,

основанным на нормах светского этикета, контролируемого самопредставления и соблюдения функциональной логики. Это поведение демонстрирует тип сознания, в котором индивидуальность нивелируется стандартами, а жизненный выбор сводится к следованию устоявшимся клише.

Однако в ситуациях, выходящих за рамки предсказуемости – в условиях поражений, хаоса и моральной дезориентации – данная модель оказывается несостоятельной. Персонажи утрачивают способность к подлинной эмоциональной реакции и проявляют беспомощность перед силами иррационального. Толстой раскрывает уязвимость ментальной системы, опирающейся исключительно на логику и расчёт, демонстрируя её неспособность к восприятию трансцендентного опыта.

В совокупности представленный образ французского менталитета строится как завершенная, формализованная система, обладающая четкой структурой, но лишённая глубинного духовного измерения. Посредством художественных приёмов Толстой противопоставляет ей русскую ментальность, ориентированную на внутреннюю рефлексию, способность к нравственному поиску и религиозному чувству, что формирует основную ценностную оппозицию произведения.

Литературная модель русского менталитета: эмоционально-нравственная доминанта, духовный вектор и философия исторического существования. В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой не только противопоставляет рационализм французской культурной традиции, но и формирует художественно-философскую концепцию русской ментальности, основанную на внутренней религиозной укоренённости, чувственно-нравственном переживании мира и специфическом восприятии исторического бытия. Русская культурная парадигма представлена в тексте не как совокупность поверхностных этнографических признаков, а как целостная духовная система, проявляющаяся в глубинных структурах сознания персонажей, их поведенческих стратегиях и мировосприятии. Эта ментальная модель строится на трёх базовых основаниях: эмоционально-интуитивной антропологии, религиозно-нравственном укладе и специфическом осмыслении природы и исторического времени.

Толстой придаёт чувствам статус подлинной антропологической силы, способной не просто сопровождать бытие, но и определять его смысл. В образе Наташи Ростовой реализуется типология

русской эмоциональной природы, обладающей интуитивной открытостью, способностью к нравственному прозрению и внутреннему обновлению. Её жизненный путь – от импульсивной наивности к духовному пробуждению – предстает как своеобразный путь православного покаяния, в котором страдание и вера ведут к очищению и возвращению к аутентичной сущности.

Пьер Безухов, вначале погружённый в систему внешних форм и светских клише, проходит глубокую внутреннюю эволюцию. Испытание пленом, встреча с простым народом, соприкосновение с предельными ситуациями не приводят его к рациональному переосмыслению, но пробуждают в нём способность к состраданию, смирению и духовному самопознанию. Эти трансформации укоренены не в логике, а в экзистенциальном чувстве и внутреннем движении души – в типично русском понимании истины как откровения, а не интеллектуального вывода. Наташа и Пьер становятся выразителями антитезы западной концепции субъекта: их путь – не путь рассудочного построения себя, а путь внутреннего преображения через опыт любви, боли и духовной сопричастности.

Князь Андрей Болконский на раннем этапе романа символизирует тяготение к внешне дисциплинированной, рационально выстроенной этике, ориентированной на личную славу, долг и волевую активность. Однако личные утраты, размышления о смерти, болезненный опыт войны запускают в нём процесс переоценки, ведущий к внутреннему прозрению. Его финальный духовный поворот – прощение, принятие, смирение – символизирует переход от внешнего действия к внутреннему смыслу, от социокультурной нормативности к религиозному существованию. Образ Марьи Болконской, лишённый ярко выраженной внешней динамики, представляет противоположный, но не менее значимый вектор – тихую нравственную устойчивость, вытекающую из веры, любви и самопожертвования. Её жизнь, пронизанная страданиями и смирением, становится свидетельством религиозной укоренённости, противопоставленной западной моральной рефлексии. Этика для неё – не совокупность внешних предписаний, а форма повседневной духовной практики.

Толстой демонстрирует, что русское понимание нравственности вырастает из внутренней сопричастности и духовного чувства, а не из универсализма морального закона, что принципиально отличает его от западной модели,

базирующейся на рациональной этической системе. Особое место в концепции русского менталитета у Толстого занимает способ соотнесения человека с природой и историей. Природа в романе – не нейтральный фон, а онтологически значимая реальность, в которой герой находит точки соприкосновения с высшим порядком. Мотив неба, леса, холода или света становится для персонажей неописательной деталью, а символом откровения. Так, эпизод осмысления неба князем Андреем на поле Аустерлица выступает как момент метафизического переживания, в котором субъект отрывается от земной логики и обращается к вечности.

Историческое измерение в романе также подвергается переосмыслению. История у Толстого не является ареной великих личностей, как в западной героической традиции. Она трактуется как поле коллективного существования, в котором движущей силой выступает народ как носитель нравственной энергии [9, с. 323]. Отказ от персоналистской интерпретации в пользу идеи «бессознательной» исторической воли народа отражает специфику русской ментальной парадигмы, в которой главное – не действие, а внутренняя сопричастность. Толстой создаёт образ русской нации как органического духовного целого, в котором центральное место занимают эмпатия, вера, смирение и способность воспринимать бытие в категориях вечности. Русская ментальность раскрывается как аксиологически насыщенная, созерцательная и экзистенциально ориентированная структура, противопоставленная западной логике рационального индивидуализма.

Конфликт и взаимодействие менталитетов: культурная оппозиция, внутренняя раздвоенность и метафизика исторического опыта. В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой французская и русская ментальные модели представлены не как изолированные культурные универсумы, а как открытые системы, находящиеся в состоянии постоянного диалога, сопряжённого с конфликтом, переосмыслением и возможностью синтеза. Их соотнесённость выходит за рамки внешнего противопоставления и обретает глубоко экзистенциальный и философский смысл, затрагивая сферы личностной идентичности, этического выбора и онтологической ориентации. Это противостояние не ограничивается сферой стилистических различий – оно разворачивается в масштабах исторического и культурного сознания, формируя основу для национальной самоидентификации. Толстой выделяет три

ключевых измерения этой конфронтации: сцены прямого взаимодействия как пространство символической поляризации, внутренняя культурная амбивалентность героев и война как арена трансцендентной коллективной мобилизации.

Толстой подробно прорабатывает художественные эпизоды, в которых французская и русская культурные парадигмы пересекаются и вступают в острое напряжение. Салонные интерьеры, армейские диспозиции и ситуации временной оккупации становятся пространствами культурного взаимодействия, где проявляется различие не только в нормах поведения, но и в глубинных ментальных установках. Так, сцены светских встреч (например, приём у Анны Павловны Шерер) демонстрируют, как нормы французской вежливости, дискурсивные клише и идеологическая артикуляция проникают в русскую аристократическую среду, формируя модель элитарного общения. При этом герои, сохраняющие связь с русской духовной традицией, оказываются маргинализированы в этом пространстве: их внутренняя несоразмерность с французскими ритуалами выявляет культурную инаковость и порождает ощущение отчуждения.

Военные сцены (Аустерлиц, Бородино) раскрывают расхождение в поведенческой мотивации: если французская сторона действует в рамках стратегической рациональности и дисциплинарного порядка, то русская армия полагается на нравственную солидарность, религиозное предчувствие и коллективную волю. Эпизоды оккупации Москвы подчёркивают неспособность французской армии воспринять сакральный характер повседневной жизни России, что символизирует крах универсалистского культурного проекта в чуждом духовном пространстве [3, с. 179].

Многие герои Толстого существуют в ситуации культурной амбивалентности: социализированные в рамках западноевропейской традиции, они одновременно сохраняют связь с религиозно-нравственным основанием русской культуры. Эта двойственность становится источником экзистенциального конфликта и запускает процессы внутреннего переосмысления. Путь Пьера Безухова представляет собой движение от формально усвоенной западной культурной модели – языка, этикета, риторики – к внутреннему принятию русской духовной идентичности. Переживания, связанные с пленом, народной средой и личными страданиями, актуализируют в нём интуицию, веру и чувство

сопричастности, ставшие фундаментом его трансформации [6, с. 1-20].

Сходную динамику демонстрирует и князь Андрей Болконский, чья эволюция от рационального героя, ориентированного на славу и долг, к человеку, открывшему для себя ценность прощения и внутреннего смирения, иллюстрирует переоценку западных ценностей и их переработку в русской духовной перспективе. Толстой здесь не отрицает элементы европейской культуры, но предлагает их глубокую интериоризацию и ценностную трансформацию, приводящую к формированию уникального национального синтеза [1, с. 11-14].

В художественной философии Толстого война предстает не только как историческая необходимость или эпическая катастрофа, но как условие максимального обнажения человеческой природы и коллективного сознания. Это событие приобретает метафизическое значение: в нём раскрывается подлинная сущность народа, его способность к духовной мобилизации и нравственному единению. Французская армия, представляющая модель организованного рационального действия, оказывается неспособной осмыслить иррациональность страдания, непредсказуемость событий и духовную стойкость противника. Русские воины, напротив, действуют в логике сопричастности и веры, а не стратегии [10, с. 27]. Генерал Кутузов в этом контексте предстает как выразитель национальной философии смирения, доверия к провидению и отказа от насилия как доминирующей силы. Его образ противоположен Наполеону: он не стремится управлять историей, а вписывается в её органическое течение, полагаясь на внутреннюю интуицию и коллективное сознание.

Кульминационные сцены – пожар Москвы, Бородинское сражение – символизируют не столько политическую победу, сколько духовную консолидацию, происходящую через страдание, нравственное испытание и переживание сопричастности. В этом Толстой видит подлинное формирование национального духа – не через внешнее торжество, а через внутреннее преображение [12, р. 1-15]. Культурный конфликт в «Войне и мире» перерастает в философское размышление о границах и возможностях национального синтеза, в котором русский менталитет утверждается как структура, способная к духовной адаптации, этической глубине и трансцендентному восприятию исторического бытия.

Выводы

Проведённый сопоставительный анализ французской и русской ментальных парадигм в художественной системе романа Л. Н. Толстого «Война и мир» позволяет трактовать данное произведение не только как выдающийся образец историко-эпического жанра, но и как глубоко философский текст, моделирующий формы культурного самопознания и способы осмысления идентичности. Толстой раскрывает конфликт двух цивилизационных миров как столкновение не столько внешних норм и языковых привычек, сколько базисных антропологических установок, определяющих нравственную оптику, модели исторического восприятия и стратегии экзистенциального выбора.

Французская ментальность, организованная вокруг принципов рациональности, социальной иерархии и индивидуального самоутверждения, оказывается функциональной в условиях структурной стабильности, однако демонстрирует неустойчивость при соприкосновении с трансцендентной, метафизической и кризисной реальностью. Упадок образа Наполеона, стилистическая пустота формализованной речи и неспособность к духовной адаптации подчеркивают ограниченность модели, лишённой глубинной этической опоры.

Русская ментальная парадигма, напротив, конституируется через ценности внутренней религиозности, эмоциональной сопричастности и морального созерцания. Она реализуется в опыте ключевых персонажей, чья трансформация осуществляется не посредством логического мышления, а через интуицию, страдание и этическую рефлекссию. Русская культура у Толстого осмысливается как укоренённая в сакральной картине мира, воспринимающая

историю не как ряд волевых актов, а как путь духовного становления, коллективного переживания и соучастия в судьбе народа. Однако автор отказывается от бинарной модели жёсткого противопоставления [7, с. 21]. В романе прослеживается идея культурного диалога, основанного на глубинной переработке внешнего опыта. Персонажи не отвергают «иное» как чуждое, но проходят путь критического самоопределения, в ходе которого элементы чужой культуры трансформируются и интегрируются в структуру личностной и национальной идентичности. Этот процесс символизирует возможность продуктивного межкультурного взаимодействия, не разрушающего, а углубляющего самосознание.

«Война и мир» предстает как философско-художественный проект, в котором тема войны служит метафорой духовного испытания, а тема любви – проводником к целостности внутреннего «я» в условиях культурной множественности. Толстой утверждает, что подлинная культура не изолирует себя, а вступает в диалог, в ходе которого «другое» становится не объектом подчинения, а условием самопознания. В этом раскрывается идея синтетической культуры – такой, что способна к самоанализу, этической открытости и метафизической глубине. Выводы проведённого исследования подтверждают значимость ментального подхода как продуктивного инструмента интерпретации художественного текста. В условиях современной глобальной культурной коммуникации роман Толстого сохраняет актуальность как методологическая модель гуманистического понимания различий, предлагающая стратегию осмысленного этического диалога между культурными системами.

Список источников

1. Байрамова Л.К. Русская и французская речь в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в аспекте тематической лингвокультурологии // RUDN Journal of Polylingual Studies. 2018. № 1. С. 11 – 14.
2. Брызгалина Е.Д. Влияние французского языка на русскую культуру (перевод как средство взаимодействия культур) // Материалы международной научной конференции. М.: МГУ, 2019. С. 1 – 15.
3. Волотов Д.А. Батальная лексика французского происхождения в русском языке первой половины XIX века (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого "Война и мир"): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2014. 179 с.
4. Колесник Е. Французский текст и его функции в романе «Война и мир»: дипломная работа, лауреат I степени. 2003. С. 1 – 25.
5. Орехов В.В. Французские представления о России и русских как «говорящий пропуск» в романе-эпопее «Война и мир» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 247–266.
6. Смирнов И. К вопросу о мотивации употребления Л. Н. Толстым отдельных французских слов и лексико-грамматических структур в романе «Война и мир» // Проблемы лингвистики. 2014. С. 1 – 20.

7. Старцева Н.М. Текст романа Л.Н. Толстого «Война и мир» как новаторское воплощение представлений о русско-французских культурных связях // Вопросы филологии. 2018. № 23. С. 15 – 30.
8. Тимашёва О.В. Французская речь в последнем томе романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: дискурсивный анализ одного послания Наполеона // Вопросы русской культуры. 2017. № 41. С. 12 – 28.
9. Brennan M. Economics Meets War and Peace: Tolstoy's Implicit Social Theory // The Independent Review. 2020. Vol. 25. No. 3. P. 317 – 334.
10. Gordon C. Russian Peasants in Tolstoy's "War and Peace" // Yale University Repository. 2019. P. 12 – 42.
11. Regniers G. War, Peace and Franco-Russian Relations: French Translations of Tolstoy's "Sebastopol Sketches" in Periodicals (1855-1885) // World Literature Studies. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 56 – 67.
12. Vitányi P. Tolstoy's Mathematics in "War and Peace" // arXiv preprint, Mathematics. 2001. P. 1 – 15.
13. White H. Against Historical Realism: A Reading of "War and Peace" // New Left Review. 2012. No. 46. P. 62 – 85.

References

1. Bayramova L.K. Russian and French speech in the novel by L.N. Tolstoy "War and Peace" in the aspect of thematic linguacultural studies. RUDN Journal of Polylingual Studies. 2018. No. 1. P. 11 – 14.
2. Bryzgalina E.D. The influence of the French language on Russian culture (translation as a means of interaction of cultures). Proceedings of the international scientific conference. Moscow: Moscow State University, 2019. P. 1 – 15.
3. Volotov D.A. Battle vocabulary of French origin in the Russian language of the first half of the 19th century (based on the epic novel by L.N. Tolstoy "War and Peace"): dis. ... Cand. Philological Sciences. Yaroslavl, 2014. 179 p.
4. Kolesnik E. The French text and its functions in the novel "War and Peace": diploma work, 1st degree laureate. 2003. P. 1 – 25.
5. Orekhov V.V. French ideas about Russia and Russians as a "talking pass" in the epic novel "War and Peace". Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2021. No. 73. P. 247 – 266.
6. Smirnov I. On the issue of motivation for L.N. Tolstoy's use of individual French words and lexical and grammatical structures in the novel "War and Peace". Problems of linguistics. 2014. P. 1 – 20.
7. Startseva N.M. Text of the novel by L.N. Tolstoy's "War and Peace" as an Innovative Embodiment of Ideas about Russian-French Cultural Ties. Issues of Phylology. 2018. No. 23. P. 15 – 30.
8. Timasheva O.V. French Speech in the Last Volume of L.N. Tolstoy's Novel "War and Peace": A Discourse Analysis of One Message by Napoleon. Issues of Russian Culture. 2017. No. 41. P. 12 – 28.
9. Brennan M. Economics Meets War and Peace: Tolstoy's Implicit Social Theory. The Independent Review. 2020. Vol. 25. No. 3. P. 317 – 334.
10. Gordon C. Russian Peasants in Tolstoy's "War and Peace". Yale University Repository. 2019. P. 12 – 42.
11. Regniers G. War, Peace and Franco-Russian Relations: French Translations of Tolstoy's "Sebastopol Sketches" in Periodicals (1855-1885). World Literature Studies. 2021. Vol. 13.No. 3. P. 56 – 67.
12. Vitányi P. Tolstoy's Mathematics in "War and Peace". arXiv preprint, Mathematics. 2001. P. 1 – 15.
13. White H. Against Historical Realism: A Reading of "War and Peace". New Left Review. 2012. No. 46. P. 62 – 85.

Информация об авторе

Лю Сянцзи, аспирант, Чжуннаньский университет экономики и права, Китай

© Лю Сянцзи, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'373.45

Англицизмы в социальной сети ВКонтакте как особые маркеры виртуальной формы коммуникации

¹ Матевосян А.П.

¹ Кубанский государственный университет

Аннотация: данная статья предназначена для того, чтобы дать определение слову «англицизмы», показать его роль в рекламных текстах в социальной сети ВКонтакте, проанализировать, раскрыть роль этого слова в современном мире. В настоящее время на нашей планете под влиянием глобализации, приводящей к усилению взаимозависимости государств и обществ, всё больше растёт потребление англицизмов другими народами в своих языках. Увеличивается заимствование английских слов, причём не только в повседневной речи, в текстах, но и во всемирной соцсети ВКонтакте. Именно потому, что англицизмы играют очень важную роль в продвижении рекламируемых продуктов, выполняя определённые функции, возникла необходимость в их изучении и анализе.

Ключевые слова: англицизмы, рекламный текст, социальная сеть, глобализация, язык реклам

Для цитирования: Матевосян А.П. Англицизмы в социальной сети ВКонтакте как особые маркеры виртуальной формы коммуникации // Современный ученый. 2025. № 9. С. 43 – 47.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Anglicisms in the social network VKontakte as special markers of a virtual form of communication

¹ Matevosyan A.P.

¹ Kuban State University

Abstract: this article is intended to define the word "Anglicisms", to show its role in advertising texts on the social network VKontakte, to analyze and reveal the role of this word in the modern world. Currently, under the influence of globalization, which leads to increased interdependence of states and societies, the consumption of Anglicisms by other peoples in their languages is increasing on our planet. The borrowing of English words is increasing, not only in everyday speech, in texts, but also in the worldwide social network VKontakte. Precisely because Anglicisms play a very important role in promoting advertised products, performing certain functions, it became necessary to study and analyze them.

Keywords: anglicisms, advertising text, social network, globalization, advertising language

For citation: Matevosyan A.P. Anglicisms in the social network VKontakte as special markers of a virtual form of communication. Modern Scientist. 2025. 9. P. 43 – 47.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В последнее время все рынки мира заполняют разнообразные товары, и каждый продавец заинтересован, чтобы его продукцию покупали быстрее и больше, чем у других. Поэтому реклама стала играть большую роль не только в реальной жизни, но и в социальной сети, а именно в социальной сети ВКонтакте. А так как около 1,5 миллиарда человек в мире (примерно 20% населения) говорят на английском языке, то в рекламных текстах всё чаще используются англицизмы.

Что такое рекламный язык? Это особый функционально-стилистический тип языка, который эффективно воздействует на определенные группы людей, заинтересованных в приобретении товара. Чтобы купить товар, потребитель рассматривает несколько видов разных произведений, сравнивает фирмы, обязательно обращает внимание на рекламу, внешний вид и качества этого продукта. Поэтому самая яркая реклама, самая интересная из всех, несомненно, заинтересует покупателя. Рекламный язык - он выразителен, экспрессивен, обладает огромным количеством выразительных средств.

Рекламному языку характерно использование творческих приёмов и неформальных языковых форм: молодёжный сленг, диалектизмы и другое. Молодёжь, увидев в рекламе знакомые, модные словечки, сразу потянется предлагаемому товару, а просто, без современной рекламы описанный товар не привлечёт внимания. Реклама используется для того, чтобы потребитель не только заметил необходимый товар, но и заинтересовался им, захотел купить именно его. Только живой разговорный язык вместе с разнообразными выразительными средствами сможет эффективно донести до потребителя необходимые сообщения о лучших качествах продаваемой продукции.

Например: Фибриллярный белок, составляющий основу соединительной ткани организма от англ.: collagen

«Не забывайте заботиться о ваших ногах! Ежедневное применение нашей сыворотки на основе коллагена укрепляет ногтевую пластину, заживляет мелкие раны и предотвращает воспалительный процесс».
https://vk.com/photo711526649_457239373

Одним из самых популярных языковых приёмов, применяемых на радио, телевидении, в социальных сетях, являются использование англицизмов. М.В. Ягодкина Искандарова, рассматривая рекламу как форму общения, делает вывод о том,

что она не только даёт знания о рекламируемом предмете, но и способна внушить желание его приобрести. Используя англицизмы в социальной сети ВКонтакте, реклама создает у потребителя желание получить модную, престижную вещь. Хотя выбор всегда делает человек, реклама стремится повлиять на решение [1].

Например: Тональный крем от англ.: concealer «Кремовый консилер: Этот тип консилера можно наносить как пальцами, так и специальной кистью или спонжем. Какой бы вариант вы не выбрали, он ляжет одинаково хорошо благодаря своей мягкой текстуре. Это классический тип маскировочного средства, который подойдет и для области вокруг глаз, и для дефектов кожи лица».
https://vk.com/wall-100904274_66

Очень часто потребители не понимают, да и не пытаются понять значение принимаемых английских слов, терминов, но они вызывают положительные эмоции. Каждому захочется иметь то, что есть у других, а англицизмы при этом эффективно влияют на сознание, что не всегда удаётся родному человеку.

Материалы и методы исследований

В широком смысле слова англицизмы – это элементы лексики, синтаксиса или идиом английского языка, которые так или иначе стали близкими, родными в других языках мира. Они как бы внедрились в чужой язык и стали частью его, понятной всем членам общества [2]. Характерные английские высказывания приобрели вторую жизнь в других странах. Поэтому можно сделать вывод, что англицизмы – это слова, которые перешли в другой язык морфем или же составляет комбинацию с морфемами языка других стран [3]. При этом данная языковая единица сберегает некоторые значения, принятые в английском языке. Но есть и другое, совершенно противоположное мнение [4]. Многие считают, что англицизм в качестве языковой единицы с английскими морфемами не всегда по смыслу должен совпадать с тем, что он значит в английском языке [5]. Ещё, кроме вышесказанного, существует мнение, что англицизм – это слово из американского или истинно английского в чужом языке, своеобразное сочетание слов, изменение смыслового значения слова по британскому или американскому типу [6]. В этом случае англицизм работает как на лексическом, так и на семантическом уровнях языка.

Результаты и обсуждения

Изучив и проанализировав использование англицизмов, можно выделить три основных аспек-

та: знаковый (языковая единица), структурный (английские морфемы в другом языке) и смысловой (разъяснение, раскрытие смысла значения). Использование англицизмов в практике общения, особенно в рекламном деле, применяется везде с усилением процессов глобализации в середине двадцатого века [7]. Снятие «железного занавеса», расширение контактов между народами стало причиной того, что активировалось распространение англицизмов и самого английского языка в мире.

Использование англицизмов во всех видах рекламы можно объяснить их точностью, лаконичностью по сравнению с тождественными словами в другом языке, а ещё их более современными и модным звучанием [8]. Это помогает придать рекламному тексту необходимые основные требования: краткость, быстрая запоминаемость и воспроизводимость, привлекательность, оригинальность и адаптивность.

Например: Компонент, который получают из листьев и семян растения бабчи от англ.: bakuchiol

Активный гель В-сыворотка с ниацинамидом и бакучиолом помогает восстановить баланс кожи и сияние. ✨

🌿 Ниацинамид выравнивает тон и текстуру кожи, сужает поры и уменьшает покраснения, делая кожу мягкой и сияющей.

🌿 🌿 Бакучиол – натуральная альтернатива ретинолу – стимулирует обновление клеток, помогает повысить эластичность кожи и предотвращает появление прыщей, не вызывая раздражения.

🌿 🌿 Масло чайного дерева мягко очищает и успокаивает, контролирует выработку кожного сала и придает коже здоровый, сияющий вид.

https://vk.com/wall-168494509_3470

Часто англицизмы используют и тогда, когда в родном языке не имеется соответствующего слова или термина или необходимо заменить существующее слово по историческим или социокультурным причинам.

Например: десерт от англ.: dessert

Клубничное “Птичье молоко” — лето в каждом кусочке! 🍰

Лёгкое суфле с добавлением ароматного пюре из спелой клубники нежном бисквите — десерт, который тает во рту 🍰🍓

Идеально под чашечку чая или бокал холодного просекко 🍷

Дарит настроение, вкус и нежность в одном кусочке ✨

https://vk.com/wall-214260342_750

Еще имеет место повышение престижа импортных товаров. В связи с тем, что они лучше отечественных, тогда тоже используются англицизмы. Иногда нет аналогов в своей стране, и товар называется по-английски [9]. Чтобы создать взаимопонимание между людьми разных стран и народов в период глобализации политики, экономики и культуры, создаются все условия для использования заимствованной, иноязычной лексики, и в этом случае роль англицизмом трудно переоценить.

Например: Однобортное пальто прямого силуэта от англ.: duffle coat

«Практически полный ассортимент любимых пальто британских моряков и американских преп-пи – дафлкотов от англичан Original Montgomery уже доступны в товарах сообщества и магазине Peterson's Corner».

https://vk.com/wall-164202187_331

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что заимствования из английского языка помогают восполнить нехватку слов в других языках мира. Эти слова со временем используются постоянно, становясь родными другим народам.

Например: Товар от англ.: merch, далее от англ. merchandise «товар»

«Помните я говорила, что буду совсем скоро делать всякий мерч с ковровой вышивкой? так вот я потихоньку учусь и делаю это! Вот, например вышила котика для мамы на пробный шопер, вроде выглядит очень мило совсем скоро будут и всякие значочки и брелочки тоже!!!»

https://vk.com/wall-148675668_78696

Кроме того, англицизмы благодаря своей краткости и лаконичности уплотняют, сжимают текст, экономя ресурсы языка, что удобно для восприятия. Английский язык привлекательный для использования тем, что богат легко запоминающимися словами.

Англицизмы также используют точность выражения, делая более простыми сложные конструкции. Английские слова могут быть средством выразительности: метафора, игра слов.

При использовании англицизмов в социальной сети ВКонтакте реклама выделяет более современной, модной, престижной, поэтому рекламодатели повсеместно тяготеют к использованию английских слов. Ещё эти слова способны передавать своеобразие социальной и культурной среды, из которой происходит продукт данной рекламы, например, через имена собственные, названия танцев и другое.

Исходя из этого, можно сказать, что роль англицизов в современной рекламе становится всё более важной, что определяет её эффективность и значение. Для того, чтобы точно передать смысл

рекламы, избежать искажений и сохранить силу воздействия её на потребителя, в процессе перевода нужно быть предельно внимательным, учитывая эту значимость.

Список источников

1. Коршунова Н.Г., Турова Е.А. Англицизмы в немецкоязычных письменных рекламных текстах // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. С. 176 – 183.
2. Кобичева А.М. Англицизмы в рекламе как эффективный фактор продвижения товаров и услуг // В сборнике: Технологии PR и рекламы в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 171 – 174.
3. Слойцева Е.В. Язык рекламы и лингвостилистические особенности рекламного текста // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 11. С. 76 – 83.
4. Токарева В.М., Евграфова О.Г. Использование англицизов в рекламе // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 2-2 (8). С. 229 – 230.
5. Тропинова О.А., Горбунова С.С. Особенности использования англицизов в языке рекламы // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 4 (108). С. 18 – 25.
6. Трофимова Г.Н. Философия виртуальности в ее русскоязычном выражении // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. семинара «Диалог' 2002». Москва, 2002. С. 523 – 529.
7. Трофимова Г.Н. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете (норма и узус) // Труды Международного семинара «Диалог-2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1: Теоретические проблемы. Москва, 2001. С. 266 – 268.
8. Цатурян М.М. Особенности функционирования языка виртуальной коммуникации в социальной сети ВКонтакте // Вестник Адыгейского Государственного Университета 2022 № 2. С. 2.
9. Ягодкина М.В. Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности: монография. Саратов: Вузовское образование, 2021. 147 с.

References

1. Korshunova N.G., Turova E.A. Anglicisms in German-language written advertising texts. Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages. P. 176 – 183.
2. Kobicheva A.M. Anglicisms in advertising as an effective factor in promoting goods and services. In the collection: PR and advertising technologies in modern society: Materials of the All-Russian scientific and practical conference. 2020. P. 171 – 174.
3. Slotseva E.V. Advertising language and linguostylistic features of advertising text. Language and Culture (Novosibirsk). 2014. No. 11. P. 76 – 83.
4. Tokareva V.M., Evgrafova O.G. Use of Anglicisms in advertising. Current areas of scientific research: from theory to practice. 2016. No. 2-2 (8). P. 229 – 230.
5. Tropinova O.A., Gorbunova S.S. Features of the use of Anglicisms in the language of advertising. Modern scientific research and innovation. 2020. No. 4 (108). P. 18 – 25.
6. Trofimova G.N. Philosophy of virtuality in its Russian-language expression. Computational linguistics and intellectual technologies: proceedings of the International. seminar "Dialogue' 2002". Moscow, 2002. P. 523 – 529.
7. Trofimova G.N. On the specifics of the functioning of the Russian language on the Internet (norm and usage). Proceedings of the International Seminar "Dialogue-2001" on computational linguistics and its applications. Vol. 1: Theoretical problems. Moscow, 2001. P. 266 – 268.
8. Tsaturyan M.M. Features of the functioning of the language of virtual communication in the social network VKontakte. Bulletin of the Adyghe State University 2022 No. 2. P. 2.
9. Yagodkina M.V. The language of advertising as a means of forming virtual reality: monograph. Saratov: University education, 2021. 147 p.

Информация об авторе

Матевосян А.П., Кубанский государственный университет, arevik.matevosyan.85@mail.ru

© Матевосян А.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811

Прагмалингвистические особенности реализации скрытой агрессии в художественном дискурсе

¹ Бгуашева Д.А.

¹ Адыгейский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением механизма реализации скрытой агрессии в художественном дискурсе. В рамках прагмалингвистики скрытая вербальная агрессия в художественном дискурсе изучается как тип речевого поведения персонажа в эмоциональном состоянии агрессии. Цель исследования состоит в выявлении и описании прагмалингвистических особенностей реализации скрытой агрессии в художественном дискурсе. На основе анализа научных подходов рассмотрены понятия «агрессия», «вербальная агрессия», «скрытая агрессия». В качестве основных методов исследования выступили следующие: описания, сплошной выборки, контекстуального анализа, интерпретации, лексико-семантического анализа. Установлено, что основной тактикой реализации стратегии скрытой агрессии в художественном дискурсе является насмешка. Сделан вывод о том, что насмешка является имплицитно формой агрессивного речевого акта для выражения негативных эмоций неприязни, враждебности и раздражения с прагматической установкой принижения, глумления.

Ключевые слова: вербальная агрессия, скрытая агрессия, художественный дискурс, вербальное и невербальное агрессивное поведение персонажа, речевая тактика насмешки

Для цитирования: Бгуашева Д.А. Прагмалингвистические особенности реализации скрытой агрессии в художественном дискурсе // Современный ученый. 2025. № 9. С. 48 – 53.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Pragmalinguistic features of the realization of latent aggression in fiction discourse

¹ Bguasheva D.A.

¹ Adyghe State University

Abstract: the article deals with the issues related to the ways of implied aggression implementation in fiction discourse. Within the framework of pragmalinguistics, implied verbal aggression in fiction discourse is viewed as speech behavior of a person in an emotional state of aggression. The purpose of the study is to identify and describe the pragmalinguistic features of the implementation of implied aggression in fiction discourse. In consequence of the analysis of scientific attitudes the concepts of «aggression», «verbal aggression», and «implied aggression» are considered. The main research methods are the following: description, continuous sampling, contextual analysis, interpretation, lexico-semantic analysis. It is established that the main tactics of implementing the strategy of implied aggression in fiction discourse is mockery. It is concluded that mockery is an implicit form of an aggressive speech act to express negative emotions of dislike, hostility and irritation with a pragmatic attitude of belittlement, sneer.

Keywords: verbal aggression, implied aggression, fiction discourse, verbal and non-verbal aggressive behavior of a person, speech tactics of mocking

For citation: Bguasheva D.A. Pragmalinguistic features of the realization of latent aggression in fiction discourse. Modern Scientist. 2025. 9. P. 48 – 53.

The article was submitted: April 13, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Актуальность изучения феномена агрессии в лингвистике обусловлена обращением к проблеме осмысления и подробного исследования механизмов экспликации открытой и скрытой агрессии в различных дискурсивных практиках. В последнее время появилось достаточно много работ, посвященных исследованию реализации речевой агрессии преимущественно в конфликтогенных текстах в различных видах дискурса, медиадискурсе, политическом дискурсе, Интернет-дискурсе.

Агрессия является одним из сложнейших для осмысления явлений ввиду биологических и социальных основ. Агрессия является продуктом социальных отношений, а не генетической предрасположенностью человека. Понятие «агрессия» относится к онтологическим феноменам и его природа изучается в различных науках гуманитарного знания: психологии, социологии, философии, психиатрии, биологии. Э. Фромм, глубоко исследовавший феномен агрессии практически на протяжении всего своего жизненного пути, был убежден, что для подробного описания фактов проявления агрессии необходимо учитывать психологические, социальные и культурные причины её возникновения и подчеркивал многомерность природы агрессии [13]. В психологии агрессия определяется как «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт» [2, с. 16].

Объектом исследования является речевой акт насмешки как средство вербализации скрытой агрессии в художественном дискурсе. Предметом исследования выступают прагматические особенности реализации скрытой агрессии в художественном дискурсе. Цель исследования состоит в выявлении и описании прагматических особенностей реализации скрытой агрессии в художественном дискурсе.

Материалы и методы исследований

В данной статье анализируются речевые тактики насмешки и иронии в рамках реализации стра-

тегии скрытой вербальной агрессии в художественном дискурсе. В качестве материала исследования были использованы примеры из художественных текстов разной жанровой принадлежности и разного временного периода, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ, <https://ruscorpora.ru/>].

Поставленные цель и задачи решаются поэтапно в процессе использования следующих методов исследования: описания, сплошной выборки, контекстуального анализа, интерпретации, лексико-семантического анализа.

Результаты и обсуждения

В зарубежной науке агрессия определяется как поведение, которое может причинить вред и нанести ущерб другому человеку или группе [16, 19]; как деструктивное поведение, которое связано с эмоциями гнева, ненависти или гнева и представляет собой чрезмерное выражение и снижение контроля над этими эмоциями [18]. Ханс-Йоахим Корнайт определяет агрессию как любое поведение, направленное по отношению к другому человеку, которое осуществляется с непосредственным намерением причинить вред [17].

К.Ф. Седов определяет агрессию как действие, которое имеет целенаправленный характер причинения вреда любому живому существу, которое не желает подобного обращения с собой [9, с. 199].

Для описания агрессии в речи используют понятие «речевая агрессия» или «вербальная агрессия». Речевая агрессия – это коммуникативное действие, направленное на объект, «конструируемое определенным образом подобранными языковыми средствами (лексика, интонация, способ организации высказывания и т.д.). Целью данного действия является коммуникативное подчинение адресата, осуществление коммуникативного давления на него, стабилизация или коррекция ситуации в пользу адресанта с демонстрацией превосходства адресанта» [14, с. 33]. Речевая агрессия представляет собой «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом (узкий смысл), и как нарушение речевого паритета (широкий смысл)» [4, с. 70]. Речевую агрессию следует по-

нимать как речевой акт, заменяющий физическую агрессию [3].

Под вербальной агрессией мы понимаем словесное выражение негативных эмоций неприязни, враждебности и раздражения с целью нанесения вреда и дискомфорта человеку. Вербальную агрессию в художественном тексте мы рассматриваем как одну из форм конфликтного коммуникативного поведения персонажей. Вербальная агрессия может быть выражена как прямо, так и скрыто, например, К.Ф. Седов выделяет прямую и косвенную (непрямую) [10, с.115]. Имплицированная агрессия понимается как «замаскированная, неявно выраженная, языковая агрессия» [1, с. 32].

Прямая вербальная агрессия выражается с помощью лексических средств, выражающих прямо негативную оценку (инвективная, бранная лексика, стилистически сниженная лексика и др.), а имплицитная вербальная агрессия реализуется с помощью использования лексико-семантических средств в непрямой функции. Это связано с тем, что прагматическая функция имплицитной вербальной агрессии заключается в его манипулятивном потенциале. В случае изучения скрытой вербальной агрессии интерес представляют языковые единицы, которые могут оказать наиболее эффективное воздействие на адресата при определенных условиях коммуникации [7].

В изучении коммуникативной ситуации агрессии в художественном дискурсе важным является описание вербального и невербального поведения персонажа, что возможно в рамках анализа персонажной речи (прямые высказывания персонажа) и авторской речи (описание невербального поведения персонажа). Прагматический аспект изучения агрессивного коммуникативного поведения личности предполагает обращение к терминам «речевая стратегия» и «речевая тактика». Речевую стратегию, вслед за О.С. Иссерс, мы рассматриваем как «совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», а речевую тактику – как «конкретные коммуникативные действия, способствующие реализации стратегии» [5, с. 52].

Насмешка определяется как «обидная шутка, язвительное замечание, продиктованное стремлением говорящего сказать собеседнику неприятное, подвергнуть осмеянию» [15, с. 179]. Лексикографические источники дают следующую дефиницию насмешки: это «обидная шутка, издевка» [8, с. 903]; «ироничное, несерьёзное отношение к кому-либо или чему-либо» [11, с. 645]; «выражает ироническое отношение к кому-либо или чему-либо» [12, с. 453]. Анализ словарей позволил выделить следующие синонимы к слову «насмешка»: *глум-*

ление, издевательство, издевка, укол, шпилька, желчь, острота, шутка, ирония, карикатура, пародия, сарказм и др. В.И. Карасик отмечает, что «насмешки – обидные шутки – являются важными регуляторами межличностных отношений и концептуализируются в языковом сознании в виде многомерного континуума, основными параметрами которого выступают намерения причинить зло объекту насмешки и получить от этого удовольствие» [6, с.128].

В художественном тексте насмешка эксплицируется как в речи персонажа персона, так и в авторской речи. Проведенный анализ примеров показал, что насмешка как проявление имплицитной вербальной агрессии актуализируется через авторскую речь, описывающую эмоциональное состояние или поведение персонажей, например: **Злой на язык, насмешливый и наглый Ратмир не цадил товарища по несчастью, а тот не умел ответить достойно и, вспыхив, бросился на него с кулаками** [Руслан Киреев. Картошка].

Также:

Энергия идет от всего, – это я. – От людей, предметов, вот этой чашки... Сколько людей из нее тили?

– Нисколько, – ехидно говорит хозяйка, – сервис новый.

– Что касается энергии, – милая женщина с серьезами деликатно тушит хозяйку, – если мы восхитились горой или каким-нибудь пейзажем, значит, это они послали нам импульс восхищения [Галина Щербакова. Не бойтесь! Мария Гансовна уже скончалась].

В приведенном примере с помощью употребления наречия *ехидно* и глагола *тушить*, означающего в переносном значении «заглушить, подавить», автор описывает ситуацию напряженного отношения между героинями, некоторую антипатию, которую можно охарактеризовать как состояние скрытой агрессии.

Имплицитная речевая агрессия реализуется в художественном дискурсе посредством описания интонации и манеры речи, например: *– У моей мамы тоже второй муж, мой отчим, – вставил Эд. – Ну-ну, хорошая наследственность, – язвительно фыркнула бабушка. У бабушки была привычка говорить «ну-ну» – с осудительной интонацией* [Е.В. Колина. Дневник измены].

Сочетание описания речи персонажа и его мимики также актуализирует скрытое агрессивное поведение, например: *– Ну, ну... это любопытно! – насмехаясь, проговорила Дора, и в ее темных глазах мелькнуло злое выражение.* [М.П. Арцыбашев. Тени утра].

Сочетание описания вербального и невербального поведения персонажа способствует реализации имплицитной вербальной агрессии, например:

– *Вы это серьезно?* – Голос Гурова **обиженно дрогнул**. – *Вполне. Довожу до логического завершения вашу идею.*

– *До абсурда доводите!.. Разве вам не все ясно?*

– *Пока ясно только одно: когда мы мокли под ливнем, в Шатуре стояла отличная погода. Остальное – в области гипотез.*

– *В принципе вы правы, – вынужденно признал Гуров, – но это временная правота формалиста и буквоеда. Тем не менее я проверю. Но Солдатенковой придется облегчить наши ботанические разыскания. – Он иронично скривил губы. – Пусть посвятит в тайны своей знахарской кухни, а мы проконсультируемся потом у специалистов. Надеюсь, вы не против? Тогда и поговорим про цветы, про семена...* [Еремей Парнов. Александрийская гемма].

В данном отрывке имплицитная вербальная агрессия реализуется в конфликтной ситуации посредством употребления вопросительного предложения (*Разве вам не все ясно?*), восклицательного предложения (*До абсурда доводите!*), лексических средств описания мимики (*обиженно дрогнул, иронично скривил губы*).

Язвительное, ироничное высказывание, свидетельствующее о негативном отношении к объекту насмешки: – *Артисты. Прямо Большой театр. – Вторая продавщица презрительно скривилась* [Е. В. Колина. Дневник измены].

Осмеяние и принижение каких-либо способностей человека:

Лодка сразу пошла ко дну. – Также мне Гамлет, – сказал Озирис недовольно. – Бить или не бить [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло].

В данном примере используется прецедентной имя (*Также мне Гамлет*) в качестве способа реализации имплицитной вербальной агрессии.

Высмеивание слабой стороны с помощью сарказма: *«Ты многого добила своей партийной честностью?» – с сарказмом спросит ее Маша. «А-а-а!» – заорет мать. И будет орать, наливаясь краснотой, что сразу покажет: сказать матери нечего* [Галина Щербакова. Три любви Маши Передревой].

Тактика насмешки реализуется ироничной антитезой, например:

С сексуальным здоровьем у Вас все в порядке, – желчно улыбается Юрий Михайлович. – А вот с пропиской, насколько мне известно, дело обстоит гораздо хуже...

– *У меня временная, – Гордынский с готовностью лезет за паспортом, словно собираясь показать. – Директор все обещает квартиру, но... то генсек помрет, то Рябинина лишают гражданства...* [Леонид Филатов, И. Шевцов. Сукины дети].

В приведенном примере скрытая агрессия реализуется с помощью использования ироничной антитезы (*сексуальное здоровье – прописка*), с помощью которой говорящий критикует, принижает самолюбие оппонента.

Выводы

Прагмалингвистический аспект к исследованию агрессии в художественном тексте позволил проанализировать агрессивное коммуникативное поведение персонажа в аспекте реализации тактики насмешки. Установлено, что имплицитная вербальная агрессия как способ скрытого воздействия выступает одной из форм конфликтного коммуникативного поведения персонажей в вербальном и невербальном поведении. Анализ показал, что насмешка является имплицитно формой агрессивного речевого акта, целью которого является выражение негативной оценки и негативных эмоций неприязни, враждебности и раздражения с прагматической установкой принижения, глумления. Тактика насмешки реализуется в художественном тексте приёмами сарказма и иронии.

Список источников

1. Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Тр. междунар. Конф. «Диалог – 2003». М.: Наука, 2003. С. 32 – 35.
2. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб: Прайм ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.
3. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск; Челябинск: Удмуртский гос. ун-т, 2006. 250 с.
4. Егорова Е.Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) // Язык и текст langpsy.ru 2015. Т. 2. № 3. С. 69 – 75.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 284 с.
6. Карасик В.И. Концептуализация насмешки в языковом сознании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 119 – 129.

7. Матвеева Г.Г., Петрова Е.И., Ленец А.В. Основы прагмалингвистики: монография. Москва: ФЛИНТА, 2023. 232 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 2006. 944 с.
9. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрякая коммуникация. Саратов: «Колледж», 2003. С. 112 – 120.
10. Седов К.Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрякая коммуникация. Саратов: Изд-во ГУНЦ «Колледж», 2003. С. 196 – 212.
11. Толковый словарь русского языка под ред. Д.В. Дмитриева. Серия: Словари Академии Российской. Издательство: М.: АСТ, 2016. 1582 с.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва: Аделант, 2014. 800 с.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998. 672 с.
14. Черкасова М.Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ: монография. Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 123 с.
15. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с.
16. Buss A.H. The psychology of aggression. New York: John Wiley and Sons, 1961. Pp. 307.
17. Kornadt H.-J. Aggression. Die Rolle der Erziehung in Europa und Ostasien. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften. 2011. 285 p.
18. Mischke N. Verhaltensstörungen bei Kindern und Jugendlichen. Erscheinungsformen – Ursachen – Hilfreiche Maßnahmen (6.überarbeitete und aktualisierte Auflage). Stuttgart: W. Kohlhammer. 1993. 454 p.
19. Zillmann D. Hostility and aggression. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1979. P. 272.

References

1. Apresyan V.Yu. Implicit aggression in language. Computer linguistics and intellectual technologies. Proc. of the international. Conf. "Dialogue – 2003". Moscow: Nauka, 2003. P. 32 – 35.
2. The Great Psychological Dictionary. Comp. and general. ed. B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. St. Petersburg: Prime EUROZNAK, 2003. 672 p.
3. Vorontsova T.A. Speech aggression: invasion of communicative space. Izhevsk; Chelyabinsk: Udmurt State University, 2006. 250 p.
4. Egorova E.N. Speech aggression and the strategy of discrediting (based on the analysis of newspaper publications). Language and text langpsy.ru 2015. Vol. 2. No. 3. P. 69 – 75.
5. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Omsk: Publishing house of Omsk. state University, 1999. 284 p.
6. Karasik V.I. Conceptualization of ridicule in linguistic consciousness. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2011. No. 13. P. 119 – 129.
7. Matveeva G.G., Petrova E.I., Lenets A.V. Fundamentals of pragmalinguistics: monograph. Moscow: FLINTA, 2023. 232 p.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions. 4th ed., Moscow, 2006. 944 p.
9. Sedov K.F. Aggression as a Type of Speech Influence. Direct and Indirect Communication. Saratov: "College", 2003. P. 112 – 120.
10. Sedov K.F. Speech Aggression in Interpersonal Interaction. Direct and Indirect Communication. Saratov: Publishing House of the State Scientific Center "College", 2003. P. 196 – 212.
11. Explanatory Dictionary of the Russian Language edited by D.V. Dmitriev. Series: Dictionaries of the Russian Academy. Publisher: Moscow: AST, 2016. 1582 p.
12. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of modern Russian language. Moscow: Adelant, 2014. 800 p.
13. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. M., 1998. 672 p.
14. Cherkasova M.N. Speech forms of aggression in media texts: monograph. Rostov-on-Don: Rost. state University of Transport, 2011. 123 p.
15. Shcherbinina Yu.V. Verbal aggression. M.: KomKniga, 2006. 360 p.
16. Buss A.H. The psychology of aggression. New York: John Wiley and Sons, 1961. P. 307.
17. Kornadt H.-J. Aggression. Die Rolle der Erziehung in Europa und Ostasien. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften. 2011. 285 p.

18. Mischke N. Verhaltensstörungen bei Kindern und Jugendlichen. Erscheinungsformen – Ursachen – Hilfreiche Maßnahmen (6.überarbeitete und aktualisierte Auflage). Stuttgart: W. Kohlhammer. 1993. 454 p.
19. Zillmann D. Hostility and aggression. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1979. P. 272.

Информация об авторе

Бгуашева Д.А., аспирант, Адыгейский государственный университет

© Бгуашева Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 372.881.111.1

Обучение учащихся просмотрово-поисковому чтению на английском языке в средней школе

¹ Борисов А.В.

¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается проблема обучения просмотрово-поисковому чтению на уроках английского языка. Данная тема выбрана не случайно, поскольку в практике иностранного языка в школе чтение не преподается как отдельный аспект. В настоящее время учитель имеет много возможностей выбора необходимых средств обучения, но проблема состоит в том, что именно выбрать, чтобы сделать процесс усвоения иностранного языка более результативным. В ходе исследования автором предложена система упражнений, которая позволяет учащимся успешно выполнять задания на просмотрово-поисковое чтение на всех трех этапах работы с учебным текстом. Данная система апробирована на уроках иностранного языка и способствует формированию навыков просмотрово-поискового чтения как одному из эффективных средств обучения иноязычному чтению.

Ключевые слова: речевая деятельность, просмотрово-поисковое чтение, иностранный язык, речевые упражнения, этапы работы с текстом

Для цитирования: Борисов А.В. Обучение учащихся просмотрово-поисковому чтению на английском языке в средней школе // Современный ученый. 2025. № 9. С. 54 – 62.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Teaching students skills of scanning and searching reading in English at secondary school

¹ Borisov A.V.

¹ Penza State University

Abstract: the article discusses the problem of teaching scanning and searching reading in English classes. This topic was chosen for a reason, as reading is not taught as a separate aspect in the practice of teaching a foreign language at school. Currently, teachers have many options for choosing the necessary teaching tools, but the challenge is to determine which tools to use to make the learning process more effective. In this study, the author proposes a system of exercises that allows students to successfully complete scanning and searching reading tasks at all three stages of working with a learning text. This system has been tested in foreign language classes and contributes to the development of scanning and searching skills as an effective means of teaching to read in foreign language.

Keywords: speech activity, scanning and searching reading skills, foreign language, speech exercises, stages of working with text

For citation: Borisov A.V. Teaching students skills of scanning and searching reading in English at secondary school. Modern Scientist. 2025. 9. P. 54 – 62.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В свете современных образовательных тенденций чтение занимает ключевое место в процессе изучения иностранных языков. Вопросы, связанные с обучением чтению, всегда находились в центре внимания отечественных и зарубежных методистов. Во многих лингвистических исследованиях чтение рассматривается как важнейший вид коммуникативно-познавательной деятельности учащихся, направленной на извлечение информации из письменных текстов. Кроме того, чтение может выполнять разнообразные функции: оно служит инструментом для практического освоения иностранного языка, способствует изучению языка и культуры, обеспечивает доступ к информации и образовательным ресурсам. Чтение также играет значительную роль в воспитании и всестороннем развитии учащихся средствами иностранного языка. Цель данного исследования – разработать и апробировать методику обучения просмотрово-поисковому чтению на английском языке, которая позволит эффективно находить и извлекать необходимую информацию из текстов, а также улучшит навыки работы с англоязычными источниками.

Материалы и методы исследований

Для реализации задач исследования нами использовался комплекс методов, включающий обзор и анализ существующих научных исследований и публикаций, изучение педагогической, научно-методической и психологической литературы по вопросу обучения чтению. Проводилось непосредственное наблюдение за уроками английского языка в средней школе для оценки эффективности применяемых учителями методов обучения просмотрово-поисковому чтению. В рамках экспериментального обучения были разработаны и проведены экспериментальные уроки с использованием различных методов обучения просмотрово-поисковому чтению. Также была проведена диагностика уровня сформированности навыков просмотрово-поискового чтения при обучении английскому языку учащихся 5-го и 8-го классов. Для обработки и анализа количественных данных, полученных в результате наблюдений и экспериментального обучения, потребовалось применение статистических методов.

Результаты и обсуждения

В контексте модернизации образовательной си-

стемы проблема обучения чтению приобретает особую актуальность. В Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) акцентируется внимание на значимости навыков смыслового чтения, подчеркивается его междисциплинарный характер. Согласно ФГОС, учащиеся должны овладеть целым комплексом читательских компетенций, уметь находить информацию, необходимую для решения учебных задач, систематизировать и анализировать её, сопоставлять и обобщать идеи, представленные в тексте. Для достижения этих целей применяются различные стратегии чтения: ознакомительное, поисковое и изучающее, требующие своего подхода и методических приёмов.

Овладение стратегиями чтения способствует развитию информационной и читательской культуры учащихся. Читающий направляет своё внимание на извлечение информации, закодированной в тексте. Уже на ранних этапах обучения необходимо учитывать особенности различных стратегий чтения. При этом поисковое и просмотровое чтение играют значимую роль в обучении. Эти виды чтения имеют много общего, поэтому их часто объединяют в один вид, называемый просмотрово-поисковым [5, с. 77].

Просмотрово-поисковое чтение направлено на ознакомление с тематическим содержанием текста. Данный вид чтения характеризуется высокой скоростью, избирательностью и направленностью на выявление ключевой информации. Просмотрово-поисковое чтение предполагает владение высоким уровнем сформированности навыков чтения, развитой способностью к прогнозированию содержания текста, умением преодолевать трудности, связанные с восприятием информации. В школе этот вид чтения используется как предварительный этап перед ознакомительным и изучающим чтением, он помогает учащимся извлекать необходимую информацию из коротких текстов [9, с. 152].

Поскольку для осуществления просмотрового чтения необходим достаточно обширный объем языкового материала, то в рамках школьной программы преподаются лишь отдельные приемы просмотрового чтения, которые способствуют эффективному определению тематики текста [3, с. 286].

Главная задача просмотрово-поискового чтения

– закрепить умение извлекать учащимися полезную информацию из читаемого текста, привить учащимся вкус к самостоятельному чтению литературы на иностранном языке.

При подборе материалов для успешного овладения методикой просмотрово-поискового чтения, учитель должен учитывать несколько значимых аспектов. Важно, чтобы подобранные тексты соответствовали возрасту учащихся. Необходимо выбирать тексты с учетом уже имеющихся у учеников опыта и знаний. Например, можно использовать тексты, близкие к их интересам и повседневной жизни. Тексты не должны быть слишком сложными с точки зрения языкового материала, что может существенно затруднить понимание. Тексты должны отражать современные реалии и интересы общества, это поможет сделать чтение более значимым и актуальным для учащихся. И, наконец, тексты должны затрагивать актуальные проблемы и вопросы, которые могут вызвать обсуждение и размышления. Это поможет развить критическое мышление и аналитические навыки учащихся. Например, можно подобрать тексты, поднимающие вопросы морали, этики или социальных проблем.

Также при обучении просмотрово-поисковому чтению на уроках английского языка очень важно использовать аутентичные материалы, такие как статьи из газет и журналов, блоги, видеоролики. Работа с аутентичными материалами может быть более мотивирующей для учащихся, чем изучение адаптированных текстов. Такие материалы помогают развивать умения извлекать конкретную информацию в контексте реального языка. Навыки просмотрово-поискового чтения, развитые на основе аутентичных материалов, могут быть полезны учащимся в ситуациях реального общения, например, при чтении инструкций, карт, афиш, объявлений и т.д. Работа с аутентичными материалами важна и в культурном плане, помогая учащимся не только улучшить языковые навыки, но и понять культуру и менталитет носителей языка.

Учитель может организовать работу с аутентичным текстом в несколько этапов, предложив учащимся следующие виды заданий:

1. Внимательно прочти заголовки текста, определи главную мысль текста.
2. Прочти первое предложение текста.
3. Прочти первый абзац текста и соотнеси его с основной идеей.
4. Просмотри все остальные абзацы или части текста, сопоставь их содержание с главной мыслью текста.
5. Ответь на вопросы об общем содержании текста [4, с. 74].

Опытно-экспериментальная работа, проведенная нами в рамках исследования, была направлена на диагностику уровня сформированности навыков просмотрово-поискового чтения у учащихся 5-8 классов МБОУ СОШ № 59 г. Пензы. Диагностика уровня сформированности навыков чтения осуществлялась поэтапно:

1. Этап выбора экспериментальных групп. При выборе экспериментальных групп было принято решение отобрать учащихся разного возраста, чтобы получить более дифференцированный результат. Поэтому экспериментальными группами стали учащиеся 5-го и 8-го классов.

2. Этап составления диагностики для каждого класса – тестирования.

3. Этап оценивания и подведения итогов диагностики.

Тестирование носило прогнозирующий характер, его целью являлось определить уровень языковой компетенции и степень сформированности навыков чтения. Рассмотрим результаты опытно-экспериментальной работы учащихся 5 «Б» класса. Выбранные упражнения включали в себя два задания на просмотрово-поисковое чтение и имели начинающий уровень (starter level), поскольку к пятому классу школьники овладевают в достаточной мере только лишь отдельными элементами просмотрово-поискового чтения [8, с. 153].

При проведении опытно-экспериментальной работы в 5 классе мы опирались на предложенные М.Л. Вайсбурд и С.А. Блохиной способы снятия языковых трудностей на младшей и средней ступени обучения:

1. Давать задания на родном языке, обеспечивая ученикам ситуацию успеха.

2. Развивать у учащихся механизмы прогнозирования, учить детей находить языковые опоры в тексте.

3. Давать учащимся возможность использовать элементы чтения вслух, а именно, – скрытую артикуляцию, чтение шепотом [1, с. 126].

Что касается видов заданий, то мы выбрали задания на поиск и выписывание интересующей информации из текста. Аутентичные материалы были взяты из учебника Forward для 5 класса под редакцией М.В. Вербицкой [2].

Задание 1 (время на выполнение задания – 10 минут).

Тема: Увлечения и хобби (Interests and Hobbies).

Pre-reading. Посмотрите на картинки; чем на них занимаются люди?

While-reading. Прочитайте текст и подчеркнутые слова, догадайтесь об их русском эквиваленте.

Post-reading. Прочитайте текст снова и соотнесите подчеркнутые слова с картинками [2].

Задание 2 (предполагаемое время работы – 8-10 минут).

Тема: Would you like to be a popstar?

Pre-reading. Как вы думаете, чем занимаются поп-звезды?

While-reading. Прочитайте текст и найдите ответ на данный вопрос.

Post-reading. Прочитайте текст снова и найдите в тексте слова из колонки ниже и догадайтесь об их переводе на русский язык [2].

Тексты, предложенные ученикам, содержали изученные в начальной школе грамматический и лексический материал.

Оценивание осуществлялось по процентному соотношению правильно выполненных заданий (50-65% – оценка «3», 66-81% – оценка «4», 82-100% – оценка «5»). Результаты представлены в следующей таблице (табл. 1):

Таблица 1

Table 1

Результаты входного теста 5 «Б» класса.

Results of the entrance test among students of the 5th class.

Процент правильно выполненных заданий, %	Количество учащихся	Полученная оценка
менее 50 %	1	«2»
50-65 %	2	«3»
66-81 %	4	«4»
82-100 %	4	«5»

Подводя итоги входного теста, можно сделать вывод, что среди учеников 5 «Б» класса 36 % (4 человека) имеют уровень сформированности навыков просмотрового-поискового чтения выше среднего, они полностью справились с заданиями, 36 % (4 человека) – частично справились с задани-

ем, 18 % (2 человека) – правильно выполнили больше половины заданий. Один ученик (9 % учащихся) не справился с заданиями и получил оценку «неудовлетворительно».

Представим полученные результаты на диаграмме:

Рис. 1. Уровень сформированности навыков просмотрового-поискового чтения учащихся 5-го класса.

Fig. 1. Level of development of 5th grade students' scanning and searching reading skills.

Для учащихся 8 «А» класса был подобран материал из учебника «New English File (Pre-Intermediate)». Виды упражнений – ответы на вопросы, отметить «правда – неправда», догадаться о значении слова [10].

Задание 1 (временные рамки – 25 минут).

Тема: Кто знает тебя лучше? (Who knows you better?)

Pre-reading. Ответьте на вопросы перед текстом:

1. Кто, по твоему мнению, знает тебя лучше: твоя семья или твои друзья?

2. Поясни почему.

While-reading. Прочитайте введение статьи и ответьте на вопросы.

Post-reading. Прочитайте, что сказал Ричардс, отметьте, правдивы данные предложения или нет, исправьте ошибки [10].

Данные упражнения также помогли учащимся в совершенствовании навыков говорения. Результаты тестирования выводились по двум критериям

– высказывание по теме (в таблице обозначено как «+», если ученик высказался по теме, «–», если не смог выразить свои мысли) и количество правильных ответов (максимально – пять правильных ответов). Оценки ставились по следующей схеме: оценка «5» ставилась, если ученик высказался по теме и имел 4-5 правильных ответов; оценка «4» – если ученик высказался по теме и имел 3 правильных ответа или не высказался, но выполнил все

задания безошибочно; оценка «3» ставилась, если ученик выразил свое мнение и имел 1-2 правильных ответа или не высказался по тексту и имел 4 правильных ответа; неудовлетворительную оценку получили те, кто имел менее 3 правильных ответов и не высказался по теме.

Табл. 2 отображает итоги диагностики учащихся 8-го класса.

Таблица 2

Результаты исследования 8 класса.

Table 2

8th grade research results.

№ п/п	Имя ученика	Наличие высказывания по проблеме текста	Количество правильных ответов, шт.	Оценка
1	Наталья Б.	-	6	«4»
2	Владимир Г.	+	7	«5»
3	Анастасия Д.	+	6	«5»
4	Артем К.	-	4	«3»
5	Елена М.	-	4	«3»
6	Даниил Ч.	+	7	«5»
7	Алина Х.	+	4	«4»

Уровень сформированности навыка просмотрового-поискового чтения в данной экспериментальной группе относительно высок. 28,6 % учащихся (два человека) получили удовлетворительную

оценку, что относительно понизило показатели всей группы; два ученика (28,6 %) продемонстрировали свои способности в чтении на «хорошо», трое учащихся получили отличную отметку.

Рис. 2. Уровень сформированности навыков просмотрового-поискового чтения учащихся 8-го класса.

Fig. 2. Level of development of 8th grade students' scanning and searching reading skills.

Диагностика уровня сформированности навыков чтения учащихся в экспериментальной работе позволяет адекватно оценить и прогнозировать будущую практическую работу, направляет на разработку методических рекомендаций.

По результатам диагностики можно сделать вывод, что учащиеся не имеют достаточного уровня языковой компетенции и сформированности навыков чтения, что говорит об их неготовности к работе с аутентичными материалами и выполнению заданий по просмотровому чтению. Систематичность тренировок работы с аутентичными материалами, связь заданий по чтению с продуктивными видами речевой деятельно-

сти, актуальность тематики и проблематики текстов, градация сложности материалов (от Elementary к Upper-Intermediate) – основные условия для успешного совершенствования не только навыков просмотрового-поискового чтения, но и уровня владения иностранным языком в целом [4, с. 121].

Исходя из результатов проведенной диагностики, было принято решение разработать методику для обучения просмотровому чтению. Для этого нами организована работа с комплексом просмотровых упражнений, предполагающая выполнение заданий на предтекстовом,

текстовом и послетекстовом этапах работы с текстом.

Предтекстовый этап работы с текстом направлен на то, чтобы подготовить учащихся к восприятию основного содержания текста. На этом этапе используются просмотрово-поисковые упражнения, которые помогают выделить ключевые моменты и облегчить понимание текста.

Основными задачами предтекстового этапа являются:

- Активизация фоновых знаний по теме текста.
- Развитие навыков прогнозирования содержания текста.
- Выделение ключевых слов и выражений.
- Определение структуры текста (например, наличие заголовков, подзаголовков).

Комплекс просмотрово-поисковых упражнений может включать задания на: просмотр заголовков и подзаголовков, выделение ключевых слов, прогнозирование содержания, работу с иллюстрациями, поиск ответов на вопросы, составление плана текста. Все предтекстовые задания направлены на устранение языковых и смысловых сложностей и на выработку «стратегии понимания» текста [8, с. 205].

На текстовом этапе работы ученики быстро просматривают текст, обращая внимание на заголовки, подзаголовки, ключевые слова и фразы. Они определяют основную тему и основные идеи текста. Ученикам предлагаются вопросы или задания, направленные на поиск конкретной информации в тексте. Например, найти определение термина, дату, имя персонажа и т.д. После выполнения поисковых заданий ученики обсуждают свои находки в парах или группах. Они могут сравнивать свои ответы, задавать вопросы друг другу и уточнять информацию. Учитель задаёт вопросы, которые помогают ученикам глубже понять содержание текста и его структуру. Например, вопросы о причинно-следственных связях, основных аргументах и выводах, сделанных автором. Ученикам предлагается использовать найденную информацию для выполнения других заданий, например, для составления плана текста, написания краткого пересказа или ответа на вопросы по тексту. В завершение текстового этапа работы ученики оценивают свою работу, определяют, насколько успешно они справились с заданиями и обсуждают, какие стратегии поиска информации были наиболее эффективными [9, с. 189].

Рассмотрим конкретные типы упражнений, которые помогут овладеть навыками просмотрово-поискового чтения на текстовом этапе.

- Упражнения на определение темы текста.

– Упражнения на смысловое прогнозирование содержания текста.

Смысловое прогнозирование развивается у школьников поэтапно в ходе становления навыка сознательного чтения и его техники. Для того чтобы научить ребенка владеть приемом «смыслового прогнозирования» и использовать его при чтении, можно предложить ему алгоритм работы с текстом.

Важно помнить, что просмотрово-поисковые упражнения должны быть адаптированы под уровень подготовки учащихся и соответствовать целям и задачам урока. Они должны стимулировать интерес к чтению и помогать учащимся эффективно работать с текстом.

Послетекстовый этап работы направлен на проверку понимания текста, его осмысление и применение полученной информации. Предлагаемые упражнения нацелены на развитие умений выражать свои мысли в устной и письменной речи. На этом этапе ученики отвечают на вопросы по содержанию текста; выполняют задания на извлечение основной и второстепенной информации; обсуждают содержание текста, высказывают свои мнения и оценки; применяют информацию из текста в новых ситуациях (например, составляют планы, пишут эссе и т. д.).

Учитель также может организовать групповое обсуждение прочитанного текста, где каждый выскажет своё мнение, поделится впечатлениями о прочитанном, аргументирует свою точку зрения. Все это в комплексе способствует развитию коммуникативных навыков, умению слушать и понимать других, а также формирует умение аргументированно отстаивать свою позицию.

Цель послетекстового этапа – помочь учащимся глубже понять содержание текста, развить навыки критического мышления и анализа информации.

Подбор текстов на английском языке для учащихся преследует комплекс практических, общеобразовательных и воспитательных целей. Тексты должны подбираться на основе школьной программы по языку. Чтобы научиться читать, нужно выбирать тексты, которые соответствуют возрасту, жизненному опыту и интересам учеников. Они должны быть увлекательными и доступными с точки зрения языковых трудностей, но при этом содержать проблему и отражать важные общечеловеческие ценности. Тексты также должны сопровождаться заданиями, которые помогут ученикам лучше понять содержание и смысл текста. Эти задания могут быть предтекстовыми, текстовыми или послетекстовыми [9, с. 208].

На каждом этапе работы с текстом перед учителем иностранного языка стоит целый ряд задач, которые он должен решить:

1) на предтекстовом этапе познакомить учащихся с автором текста и его творческим стилем; определить тему и цель текста; объяснить сложные или незнакомые слова и понятия, которые могут встретиться в тексте; создать мотивацию для чтения или изучения текста;

2) на этапе работы с текстом научить школьников понимать и анализировать содержание текста; развивать навыки чтения, в том числе умение выделять главную мысль, определять последовательность событий; помочь ученикам осмыслить структуру текста, его композицию;

3) на послетекстовом этапе проверить понимание прочитанного; развивать навыки интерпретации текста; научить формулировать свои мысли и выражать отношение к прочитанному; стимулировать обсуждение и дискуссию по тексту. Таким образом, учитель может использовать текст в качестве языковой и содержательной основы для развития умений в письменной и устной речи;

4) если текст используется как средство для развития продуктивных умений в письменной или устной речи, т.е. для обучения говорению и письму, то учителю необходимо предусмотреть задания, чтобы научить школьников умению интерпретировать образно-схематическую информацию, сжимать текст и выделять его основное содержание [6, с. 49].

В процессе экспериментального обучения мы пришли к выводу, что среди множества методов и приемов обучения просмотрового-поискового чтению на иностранном языке, наиболее важную роль играет проблемный метод, поскольку он помогает развить не только навыки чтения, но и комплекс умений, необходимых для эффективной работы с текстом. Было выявлено, что использование в обучении чтению проблемных ситуаций способствует:

- развитию аналитических навыков;
- активизации познавательной деятельности, поскольку создание проблемных ситуаций повышает интерес к чтению;
- развитию критического мышления;
- формированию навыков самостоятельной работы с текстом, что важно для дальнейшего обучения и профессиональной деятельности;
- умению работать с информацией в условиях неопределённости и лучшему пониманию контекста, в котором представлена информация [3, с. 89].

В ходе исследования мы столкнулись с проблемой контроля сформированности навыков чтения, которая заключается в сложности объектив-

ной оценки уровня владения этим навыком у каждого учащегося. Многие ученые считают, что универсальных форм и способов контроля не существует. Это связано с рядом факторов. Во-первых, навыки чтения могут варьироваться в зависимости от типа текста (художественный, научный, информационный и т.д.) и цели чтения (поиск информации, понимание основного содержания, анализ деталей и т.п.). Необходимо использовать разнообразные методы и инструменты для оценки каждого из этих аспектов. Во-вторых, каждый человек имеет свой темп чтения, уровень понимания и предпочтения в текстах, что затрудняет создание универсальных тестов и заданий, которые бы адекватно оценивали навыки чтения у всех читателей. В-третьих, методы и критерии оценки навыков чтения должны различаться для детей, подростков и взрослых. В-четвертых, часто необходимо не только проверить скорость чтения, но и уровень понимания прочитанного, что требует разработки специальных заданий и вопросов. Наконец, навыки чтения могут меняться со временем, поэтому методы оценки должны быть гибкими и адаптируемыми к новым требованиям и условиям. Для решения этих проблем необходим комплексный подход, включающий различные методы и инструменты оценки, а также учет индивидуальных особенностей каждого читателя.

На начальном этапе обучения в качестве контролирующей формы можно использовать, например, изобразительную деятельность. Применение данной формы контроля уместно при осуществлении просмотрового-поискового чтения и позволяет оценить как уровень понимания прочитанного материала, так и степень сформированности языковых и речевых компетенций учащихся. В ходе работы над иллюстрациями к тексту учащемуся целесообразно предложить сопровождать свою деятельность словесными комментариями, поясняющими содержание и смысл изображенных элементов [7, с. 49].

Для выполнения домашнего задания учитель может предложить учащимся различные виды заданий по тексту, в том числе нарисовать иллюстрации к нему. Ученики по своему усмотрению могут рисовать как основные сюжетные картинки, так и отдельных героев и персонажей и сопровождать свои рисунки фразами из текста. Данный подход способствует развитию у учащихся не только навыков чтения и письма, но и формированию орфографических навыков. Так, посредством изобразительной деятельности осуществляется связь чтения с другими навыками и умениями.

Рассмотренные виды контроля понимания прочитанного помогут сформировать положительное

отношение к чтению на иностранном языке, активизировать речемыслительные процессы и создать благоприятную атмосферу в классе.

Выводы

Таким образом, нами описаны возможности и раскрыт потенциал разработанной системы упражнений по обучению просмотрово-поисковому чтению. Данная система включает в себя различные упражнения, доступные учащимся на трех этапах работы с учебным текстом.

Проведенная диагностика показала, что учащиеся имеют сложности в работе с текстом, особенно

на предтекстовом этапе, который играет наибольшую роль в обучении просмотрово-поисковому чтению. В основу методической разработки по обучению просмотрово-поисковому чтению мы взяли проблемный метод. На наш взгляд, именно проблемный метод делает процесс обучения чтению более интересным и продуктивным, развивает при этом важные когнитивные навыки, позволяет учащимся быстрее понимать суть текста и помогает им в выполнении послетекстовых заданий.

Список источников

1. Вайсбурд М.Л., Блохина С.А. Обучение пониманию иноязычного текста как поисковой деятельности. М.: Просвещение, 2011. 230 с.
2. Вербицкая М.В. Эббс Б., Уоррелл Э. Английский язык. Forward. 5 класс: учебник. М.: Просвещение, 2022. 104 с.
3. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. высш. проф. образования. 7-е изд. М.: Академия, 2013. 336 с.
4. Мильруд Р.П. Теория обучения иностранным языкам. Английский язык: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 406 с.
5. Минакова Е.А., Климентьева В.В. Методические аспекты обучения различным видам чтения на уроке английского языка // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. 2024. № 20. С. 75 – 78.
6. Миролюбов А.А. Майкл Уэст и его методика обучения чтению // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 46 – 54.
7. Мураева В.А. Обучение поисковому чтению на уроках английского языка в начальной школе // Библиотека методиста. 2024. № 2. С. 48 – 51.
8. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
9. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. М.: Изд-во АСТ, 2010. 240 с.
10. Clive Oxenden, Christina Latham-Koenig, Paul Seligson. New English File: Pre-Intermediate. Oxford University Press, 2015. 232 с.

References

1. Weisburd M.L., Blokhina S.A. Teaching understanding of foreign-language text as a search activity. Moscow: Education, 2011. 230 p.
2. Verbitskaya M.V. Ebbs B., Worrell E. English language. Forward. 5th grade: textbook. Moscow: Education, 2022. 104 p.
3. Gal'skova N.D., Gez N.I. Theory of teaching foreign languages. Lingvodidactics and methodology: textbook for students of higher prof. education. 7th ed. Moscow: Academy, 2013. 336 p.
4. Milrud R.P. Theory of teaching foreign languages. English language: textbook for universities. 2nd ed., revised. and add.M: Yurait Publishing House, 2025. 406 p.
5. Minakova E.A., Klimentyeva V.V. Methodological aspects of teaching different types of reading in English lessons. Actual problems of modern foreign language education. 2024. No. 20. P. 75 – 78.
6. Mirolyubov A.A. Michael West and his methods of teaching reading. Foreign languages at school. 2003. No. 2. P. 46 – 54.
7. Muraeva V.A. Teaching search reading in English lessons in elementary school. Methodologist's library. 2024. No. 2. P. 48 – 51.
8. Rogova G.V., Rabinovich F.M. Methods of teaching foreign languages in secondary school. M.: Education, 1991. 287 p.

9. Solova E.N. Methods of Teaching Foreign Languages. Basic Course of Lectures. M.: AST Publishing House, 2010. 240 p.

10. Clive Oxenden, Christina Latham-Koenig, Paul Seligson. New English File: Pre-Intermediate. Oxford University Press, 2015. 232 p.

Информация об авторе

Борисов А.В., кандидат исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет, andrea574@mail.ru

© Борисов А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.12.1

Проблема определения жанра мемуаров

¹ Якушенкова Я.С.

¹ Тюменский государственный университет

Аннотация: настоящая статья посвящена проблеме жанровой идентификации мемуаров в рамках теории речевых жанров М.М. Бахтина. Во введении обосновывается сложность определения мемуаров как вторичного речевого жанра, сочетающего документальность, личное повествование и художественные элементы. Подчеркивается их многокомпонентная структура, объединяющая объективные исторические факты и субъективное авторское начало с несколькими коммуникативными целями. В разделе материалов и методов рассматриваются различные научные подходы к классификации мемуаров, их соотношению с автобиографией, дневниками, письмами и другими документальными жанрами. Автор анализирует дискуссию о позиционировании мемуаров между художественной и документальной литературой, принимая в качестве рабочей концепции их рассмотрение как синтеза этих двух областей. Основные результаты исследования, представленные в разделе обсуждения, раскрывают роль категории эмотивности как ключевого жанрообразующего фактора. На материале военных мемуаров Г.К. Жукова, Ф. Паулюса и Ш. де Голля проведен сравнительный лингвистический анализ, выявивший специфику эмоционального тона каждого автора (патриотический, трагический и вдохновляющий соответственно) и его связь с национально-историческим контекстом. С помощью таблиц демонстрируется применение синтаксических средств (восклицания, риторические вопросы, инверсии) для усиления эмоционального воздействия и реализации прагматических функций: мобилизации, рефлексии или формирования национальной идентичности. Доказано, что эмотивность выступает инструментом самоидентификации автора и создания коммуникативной связи с читателем. В выводах подтверждается, что жанр мемуаров характеризуется сложным переплетением документальной основы и эмоционально-оценочного компонента. Категория эмотивности определяет уникальность авторского стиля, превращая текст в многомерное коммуникативное пространство, где читатель становится соучастником исторического осмысления. Исследование вносит вклад в теорию речевых жанров, подчеркивая необходимость учета эмоциональной стратегии при анализе мемуарной прозы.

Ключевые слова: мемуары, жанр, эмотивность, речевые жанры, Михаил Бахтин, военные мемуары, Жуков, Паулюс, де Голль, лингвистический анализ, литературоведческий анализ, эмоции в тексте, вторичный жанр, коммуникативная функция

Для цитирования: Якушенкова Я.С. Проблема определения жанра мемуаров // Современный ученый. 2025. № 9. С. 63 – 69.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The problem of defining the genre of memoirs

¹ Yakushenkova Ya.S.

¹ University of Tyumen

Abstract: the article is devoted to the issue of memoir genre identification within the framework of M.M. Bakhtin's theory of speech genres. The introduction substantiates the difficulty of defining memoirs as a secondary speech genre that combines documentary elements, personal narrative, and artistic components. Their multi-component structure is emphasized, uniting objective historical facts with the subjective authorial element and multiple communicative purposes. The materials and methods section examines various scientific approaches to the classification of memoirs and their relation to autobiography, diaries, letters, and other documentary genres. The author analyzes the debate on positioning memoirs between artistic and documentary literature, adopting as a working concept the view of them as a synthesis of these two domains. The main results of the study, presented in the discussion section, reveal the role of the category of emotiveness as a key genre-forming factor. Based on the military memoirs of G.K. Zhukov, F. Paulyus, and S. de Gaulle, a comparative linguistic analysis was conducted, identifying the specific emotional tone of each author (patriotic, tragic, and inspiring, respectively) and its connection to the national-historical context. Tables demonstrate the use of syntactic devices (exclamations, rhetorical questions, inversions) to enhance emotional impact and fulfill pragmatic functions such as mobilization, reflection, or the formation of national identity. It has been proven that emotiveness functions as a tool of the author's self-identification and the establishment of a communicative link with the reader. The conclusions confirm that the memoir genre is characterized by a complex interweaving of a documentary foundation and an emotional-evaluative component. The category of emotiveness defines the uniqueness of the authorial style, transforming the text into a multidimensional communicative space where the reader becomes a participant in historical reflection. The study contributes to the theory of speech genres, emphasizing the need to consider emotional strategy when analyzing memoir prose.

Keywords: memoirs, genre, emotivity, speech genres, Mikhail Bakhtin, military memoirs, Zhukov, Paulus, de Gaulle, linguistic analysis, literary analysis, emotions in the text, secondary genre, communicative function

For citation: Yakushenkova Ya.S. The problem of defining the genre of memoirs. Modern Scientist. 2025. 9. P. 63 – 69.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 13, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Определение жанра мемуаров является одной из сложнейших задач в литературоведении и лингвистике, поскольку этот жанр сочетает в себе элементы исторического документа, личного повествования и художественного текста. Теоретическую базу для исследования жанра мемуаров предоставляет теория речевых жанров Михаила Михайловича Бахтина. Согласно его концепции, речевые жанры представляют собой устойчивые формы коммуникации, встроенные в социальные практики, обладающие определенной структурой и функциями. Особенность мемуаров заключается в том, что они относятся ко вторичным речевым жанрам – жанрам, которые развиваются на основе первичных актов речи и представляют собой сложный синтез объективного и субъективного начала. Вторичные жанры, среди которых мемуары занимают видное место, предполагают наличие нескольких

коммуникативных целей, что отражается в их сложной формальной и содержательной организации.

Роман как одна из важнейших форм художественной словесности исторически занял почётное место в литературном процессе, поскольку способен объединять в себе и яркую художественную вымысел, и масштабное воссоздание общественного бытия. Он отличается сложностью структуры, множественностью сюжетных линий и разнообразием представленных героев, что делает его удобной формой для выражения индивидуального авторского взгляда на события и явления, происходящие в историческом или воображаемом пространстве. При этом исследователи из разных школ продолжают и сегодня вести дискуссии относительно типов и подвидов романа, а также вопрошать о его границах по отношению к иным видам литературы, в особенности документаль-

ной. В каждом романе проявляются элементы, позволяющие отследить взаимодействие различных литературных родов и жанров, будь то лирические отступления, драматический накал конфликта или даже документальные вставки, придающие истории дополнительную убедительность и глубину [1]. Наиболее интересной с точки зрения комбинации вымысла и фактической достоверности остаётся сфера документального повествования, к которой можно отнести и мемуары, являющиеся сложным и многогранным жанром.

Размышляя о мемуарах, мы сталкиваемся с тем, что это особый вид прозаического текста, отличающийся от автобиографии, дневника или письма. Мемуары дают автору широкий простор для самоанализа, однако часто акцентируют внимание не только на внутреннем мире героя, но и на исторических событиях, сохраняя при этом авторское свидетельство очевидца. В контексте жанровой системы литературы мемуары занимают промежуточное положение, находясь между художественной прозой и документальным текстом. Именно в этом сочетании личной искренности и общественного взгляда на эпоху кроется их уникальная специфика [5]. Многие учёные указывают на то, что в мемуарах присутствуют элементы художественного вымысла, однако их доминирующей чертой остаётся стремление к исторической достоверности, основанной на личном опыте и архивных данных. Мемуаристы зачастую опираются на собственные воспоминания и свидетельства современников, а также на документы, письма и дневники, что даёт дополнительную точность описания.

Материалы и методы исследований

Широта темы мемуаров во многом определяется тем, насколько автор стремится к исторической объективности или же подчёркивает своё субъективное восприятие прошлого. Один писатель может ограничиться упоминанием ключевых политических событий своей эпохи лишь для того, чтобы очертить контекст, а другой сосредоточится на детальных описаниях культурной жизни, бытовых подробностях или психологических аспектах взаимодействия людей. При этом не существует жёстких правил, которые регламентировали бы уровень вымысла или долю выстраиваемых художественных образов. Мемуары всегда балансируют между необходимостью «говорить правду» и правом автора на творческую интерпретацию фактов, превращая их в рассказ, интересный читателю [4]. Этот баланс ключевым образом отличает мемуары

от автобиографии, где акцент на внутренней эволюции личности писателя играет более важную роль, чем попытка реконструировать общественно-значимые явления [3].

История мемуарного жанра насчитывает множество веков, поскольку люди с давних времён стремились передавать опыт и знания будущим поколениям. Документальные и полудокументальные формы существовали ещё в античных культурах, когда в текстах авторы освещали важные политические события или военные кампании, опираясь на автопережитый опыт. Примером таких древних форм упоминания фактов являются сочинения Ксенофонта, демонстрирующие уже на заре развития европейской словесности стремление к совмещению личного взгляда и исторической информации. Дальнейшая эволюция мемуаров сопровождается усложнением литературного языка и ростом внимания к личности автора. В средние века элементы мемуарной литературы прослеживались в хрониках и летописях, которые, несмотря на свою документальность, подчас содержали субъективные оценки и эмоциональные оценки описываемых событий [3]. Новое время принесло усиление интереса к частной жизни, расширение круга читателей и, следовательно, спрос на более детальное описание индивидуальной судьбы в контексте исторических перипетий.

Результаты и обсуждения

Мемуары выполняют сразу несколько функций в литературном пространстве. Во-первых, они дают живое свидетельство эпохи, воссоздавая атмосферу прошлого, раскрывая мотивы людей и обстоятельства исторических перемен. Во-вторых, они несут в себе личностно-психологическое содержание, ибо мемуарист не только описывает события, но и рассказывает о своём внутреннем состоянии, о личных переживаниях, которые могут влиять на ход повествования [7]. Наконец, мемуары зачастую представляют собой художественный эксперимент, в котором автор стремится к интересной подаче материала, использует литературные приёмы, чтобы сделать повествование более живым и увлекательным. Это сочетание функциональных задач (документальности и художественности) и делает мемуар особым самостоятельным феноменом в системе литературы.

Отдельным исследователям видится необходимым разделять «чисто» автобиографические тексты, мемуары и прочие документальные формы (письма, дневники, биографии), так как каждая из них выполняет специфическую роль в

процессе отражения и сохранения действительности. К примеру, автобиография позволяет автору рассказывать о своём жизненном пути, не пренебрегая субъективностью, а напротив, используя её как основу повествования. Мемуары же обращены к более широкому кругу вопросов, выходя за рамки индивидуального самоописания. Одновременно есть точки пересечения: в мемуарах, как и в автобиографии, личность автора играет центральную роль, но в мемуарной прозе ценность приобретает художественный взгляд на общество и историческую конъюнктуру [1]. Дневники, в отличие от этих форм, часто передают повседневное восприятие реальности, не всегда предполагая анализ прошлого с позиции настоящего: автор дневника, как правило, фиксирует события без последующей ретроспективной оценки, хотя нередко возвращается к записям в более поздние периоды.

Письма, будучи важным документальным источником, также входят в сферу интересов изучающих литературу исследователей. Многочисленные эпистолярные памятники предоставляют личный взгляд на происходящее, помогают понять ментальность эпохи, языковые особенности, каноны общения. Однако отличие письма от мемуаров очевидно: первое обычно адресовано конкретному человеку или группе лиц, тогда как мемуары, как правило, написаны с расчётом на публичную аудиторию, пусть и ограниченную. Письмо может быть отправлено конкретному адресату в режиме реального времени, а мемуары предполагают, что автор уже в определённой временной дистанции от описываемых событий и готовит свой текст к публикации или хотя бы к представлению широкой публике [2]. При всём этом письма могут содержать элементы автобиографизма и общие черты с мемуарным повествованием, что ещё раз указывает на гибкость документальной литературы, где жанровые границы часто размыты.

Важно подчеркнуть, что, говоря о документальности мемуаров, имеется в виду не только фактографическая точность, но и соответствие событиям, свидетельства о которых можно подтвердить другими источниками. При этом в рамках художественного творчества автор вправе вводить литературные портреты, эмоциональные комментарии, стилистические маркеры и нарративные тропы, чтобы донести до читателя собственное видение. Поэтому исследователи нередко спорят о том, насколько мемуары могут считаться достоверными с

исторической точки зрения. Ведь мемуарист может существенно приукрашивать детали или, наоборот, опускать важные нюансы, чтобы создать желаемый эффект. Так возникает проблема объективности, особенно когда читатель имеет дело с разными мнениями очевидцев, описывающих одни и те же события. Однако именно этот субъективный момент и придаёт мемуарам их неповторимую ценность: они дают не безликую хронику, а одушевлённое описание, пронизанное личными эмоциями автора [10]. Таким образом, мемуары в равной мере служат и историческим документом, и литературным произведением, что обуславливает их особый статус в системе жанров.

В современной науке о литературе часто обращаются к классификациям, чтобы аккуратно систематизировать различные типы документальных текстов. Некоторые специалисты выделяют мемуары среди разных видов исторического повествования, включая биографии, автобиографии и очерки. Другие же исследователи относятся к мемуарам как к разновидности большой формы, находящейся ближе к роману, с одним лишь главным отличием – обязательным присутствием свидетельской позиции [9]. Действительно, если читатель возьмёт в руки так называемый «биографический роман», он может обнаружить в нём многие черты, свойственные мемуарам: ссылки на реальные события, детальное описание бытовой и культурной жизни, документальные вставки. Но отличие биографического романа в том, что нередко его автор всё же допускает более вольное обращение с фактами, а также может выдвигать на первый план вымышленных персонажей. Мемуары же должны сохранять прочный контакт с истинной жизненной историей, охваченной личным взглядом.

На наш взгляд, в мемуарах всегда присутствует особая категория – эмотивность, выражающая субъективное отношение автора к описываемым событиям и персонажам. Эмотивность в военных мемуарах становится ключевым инструментом, обеспечивающим не только передачу фактов, но и эмоциональное восприятие исторического опыта. На материале мемуаров таких выдающихся личностей, как Георгий Жуков, Фридрих Паулюс и Шарль де Голль, можно проследить, как именно категория эмотивности формирует уникальные жанровые особенности этих произведений. Мы считаем, что эмоциональная насыщенность текстов отражает не только внутренний мир авторов, но и историко-культурный контекст, в котором разворачиваются события, а также их

позицию в национальном и идеологическом пространстве.

Военные мемуары, будучи вторичными речевыми жанрами, выступают как сложные коммуникативные акты, в которых переплетаются документальность и художественное осмысление. В них сочетаются описание объективных событий и выражение личного эмоционального опыта, что создает многоуровневую структуру повествования. Эмотивные компоненты проявляются через

выбор лексики, синтаксические структуры, а также через прагматические приемы, направленные на установление контакта с читателем и формирование определенного образа войны и ее участников.

Для иллюстрации особенностей жанра мемуаров и проявления эмотивности в текстах Жукова, Паулюса и де Голля представим качественный сравнительный анализ основных эмотивных характеристик каждого автора.

Таблица 1

Эмоциональные особенности военных мемуаров Жукова, Паулюса и де Голля.

Table 1

Emotional features of the war memoirs of Zhukov, Paulus and de Gaulle.

Автор	Характер эмоционального тона	Особенности эмоционального восприятия	Основные эмоциональные мотивы
Жуков	Эмоционально насыщенный, решительный, патриотический	Подчеркивает героизм, силу воли, непоколебимость	Гордость за победу, решимость, мужество
Паулюс	Трагический, рефлексивный, сомневающийся	Передаёт страх, боль поражения, внутренние конфликты	Трагизм поражения, страх, отчаяние
де Голль	Вдохновляющий, волевой, националистический	Акцентирует надежду, национальное возрождение, сопротивление	Надежда, вера в победу, решимость

Таблица демонстрирует, что каждый из авторов по-разному использует эмоциональные ресурсы языка, формируя уникальный эмоциональный фон своих мемуаров, что напрямую влияет на жанровую специфику произведений. Эмотивность становится средством самоидентификации автора и коммуникативной стратегии взаимодействия с читателем.

Одним из важных аспектов проявления эмотивности является использование синтаксических средств, усиливающих эмоциональную выразительность текста. В военных мемуарах широко применяются восклицательные предложения, риторические вопросы, инверсии и повторения, которые создают динамику повествования и эмоциональный накал.

Таблица 2

Синтаксические приемы выражения эмотивности в мемуарах Жукова, Паулюса и де Голля.

Table 2

Syntactic techniques for expressing emotiveness in the memoirs of Zhukov, Paulus and de Gaulle.

Автор	Доминирующие синтаксические конструкции	Их функция в создании эмоционального эффекта
Жуков	Восклицательные предложения, повторения	Подчеркивают решимость, придают тексту динамичность и импульсивность
Паулюс	Риторические вопросы, инверсии	Создают атмосферу сомнений и внутреннего напряжения
де Голль	Сбалансированное использование восклицаний, сравнений и инверсий	Формируют вдохновляющий и убедительный стиль, передающий волю и надежду

Анализ показывает, что синтаксические приемы в исследуемых мемуарах служат для усиления эмотивного воздействия, помогая авторам передавать не только факты, но и переживания, создавая эмоциональный мост между повествователем и читателем.

Немаловажное значение имеет прагматическая функция эмотивности в военных мемуарах. Эмоциональные высказывания, помимо

выражения внутреннего состояния автора, выполняют роль инструмента воздействия, мобилизации, формирования национального самосознания и общественной оценки войны. Мемуары становятся не просто отчетом о событиях, а актами коммуникативного взаимодействия, направленными на создание определенной идеологической позиции.

Таблица 3

Прагматические функции эмотивных средств в военных мемуарах Жукова, Паулюса и де Голля.

Table 3

Pragmatic functions of emotive means in the war memoirs of Zhukov, Paulus and de Gaulle.

Автор	Основные коммуникативные задачи эмотивности	Влияние на читателя
Жуков	Мобилизация, формирование героического образа, укрепление патриотизма	Воодушевление, поддержка национального духа
Паулюс	Рефлексия, анализ трагедии поражения, выражение сомнений	Провокация сопереживания, глубокое осмысление войны
де Голль	Воодушевление, призыв к сопротивлению, формирование национальной идентичности	Вдохновение, укрепление веры в победу

Таким образом, мы считаем, что категория эмотивности в военных мемуарах выступает как ключевой элемент жанровой идентичности, объединяя в себе личностную экспрессию и социально-коммуникативные функции. В свете теории речевых жанров ... Бахтина мемуары представляют собой сложные вторичные жанры, где эмоциональная окраска текста обеспечивает его полноту и многозначность.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что жанр мемуаров не сводится к простому описанию исторических фактов, а включает в себя сложный

эмоционально-оценочный компонент, который формирует уникальный авторский стиль и способствует созданию коммуникативного пространства, в котором читатель становится не пассивным наблюдателем, а активным участником эмоционального и исторического процесса. Эмотивность в мемуарах Жукова, Паулюса и де Голля раскрывает новые горизонты в понимании жанровых границ и функций речевой деятельности, что имеет важное значение для современной жанровой теории и практики лингвистического и литературного анализа.

Список источников

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Искусство, 1975. 416 с.
2. Иванова Н.В. Лингвистический анализ эмотивности в жанре мемуаров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 3. С. 45 – 52.
3. Кашкин В.П. Военные мемуары как жанр исторической прозы // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 78 – 85.
4. Петрова Е.А. Категория эмотивности в современной русской прозе. СПб.: Наука, 2019. 240 с.
5. Смирнов А.И. Жанровая специфика мемуаров в контексте речевой коммуникации // Филологические науки. 2020. № 2. С. 102 – 110.
6. Кипнес Л.В., Сервие Е.О. Мемуарная литература и её коммуникативная особенность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2 (34). С. 137 – 140.
7. Маджаров А.С. Определение понятия "мемуары" и его методическое значение // Археология, этнография, источниковедение: тезисы докладов. – Печатется по решению Президиума Совета по координации и планированию гуманитарных наук и экспертной комиссии по историческим наукам Восточно-Сибирского региона. 1979. С. 91 – 95.
8. Динер Е.В., Петрова А.Н. Проблема определения главных признаков мемоарной литературы // Издательское дело в России и за рубежом: история, современное состояние, проблемы и перспективы: материалы III Международной научно-практической конференции молодых учёных (студентов, аспирантов, магистрантов). Вятский государственный гуманитарный университет; Ответственный редактор Л.А. Мосунова. 2016. С. 147 – 152.
9. Тарасова Г.В. Мемуары как литературоведческий источник. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1990.
10. Вахненко Е.Е. Литературные мемуары и художественная автобиография: к проблеме разграничения жанров // Судьба жанра в литературном процессе: сборник научных статей. Федеральное агентство по образованию, Иркутский государственный университет; редколлегия: Н.В. Дулова, С.В. Мельникова, А.С. Собенников, С.А. Ташлыков (научный редактор). Иркутск, 2005. С. 36 – 51.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow: Iskustvo, 1975. 416 p.
2. Ivanova N.V. Linguistic Analysis of Emotivity in the Genre of Memoirs. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2018. No. 3. P. 45 – 52.
3. Kashkin V.P. War Memoirs as a Genre of Historical Prose. Voprosy Literatury. 2016. No. 4. P. 78 – 85.
4. Petrova E.A. The Category of Emotivity in Modern Russian Prose. St. Petersburg: Nauka, 2019. 240 p.
5. Smirnov A.I. Genre Specificity of Memoirs in the Context of Speech Communication. Philological Sciences. 2020. No. 2. P. 102 – 110.
6. Kipnes L.V., Servie E.O. Memoir literature and its communicative features. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 2 (34). P. 137 – 140.
7. Madzharov A.S. Definition of the concept of "memoirs" and its methodological significance. Archeology, ethnography, source studies: abstracts of reports. – Published by decision of the Presidium of the Council for the Coordination and Planning of Humanities and the Expert Commission on Historical Sciences of the East Siberian Region. 1979. P. 91 – 95.
8. Diner E.V., Petrova A.N. The Problem of Defining the Main Features of Memoir Literature. Publishing in Russia and Abroad: History, Current State, Problems and Prospects: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (Undergraduates, Postgraduates, Master's Students). Vyatka State Humanitarian University; Editor-in-Chief L.A. Mosunova. 2016. P. 147 – 152.
9. Tarasova G.V. Memoirs as a Source of Literary Studies. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. Tbilisi, 1990.
10. Vakhnenko E.E. Literary Memoirs and Fictional Autobiography: On the Problem of Delimiting Genres. The Fate of a Genre in the Literary Process: Collection of Scientific Articles. Federal Agency for Education, Irkutsk State University; Editorial Board: N.V. Dulova, S.V. Melnikova, A.S. Sobennikov, S.A. Tashlykov (scientific editor). Irkutsk, 2005. P. 36 – 51.

Информация об авторе

Якушенкова Я.С., аспирант, Тюменский государственный университет, jakuschenkova@rambler.ru

© Якушенкова Я.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-11

Анализ ошибок в русском переводе китайской веб-новеллы «Аватар короля»

¹ Оуян Тинван

¹ Хэйлунцзянский университет, Китай

Аннотация: в исследовании анализируются типы и причины переводческих ошибок в русской версии веб-новеллы «Аватар короля», а также разрабатываются методы их устранения. На основе критериев идентификации и классификации ошибок предложена интерактивная модель «переводчик-ИИ», позволяющая минимизировать неточности перевода. Результаты включают систематизацию основных категорий ошибок, анализ их причин и практические рекомендации по оптимизации перевода китайских веб-новелл в эпоху генеративного ИИ.

Ключевые слова: китайская веб-новелла, локализация, переводческие ошибки, оптимизация перевода, искусственный интеллект

Для цитирования: Оуян Тинван Анализ ошибок в русском переводе китайской веб-новеллы «Аватар короля» // Современный ученый. 2025. № 9. С. 70 – 75.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Analysis of translation errors in the Russian version of the Chinese web novel "The King's Avatar"

¹ Ouyang Tingwang

¹ Heilongjiang University, China

Abstract: this study analyzes the types and causes of translation errors found in the Russian version of the Chinese web novel "The King's Avatar", and proposes methods for their correction. Based on error identification and classification criteria, an interactive "translator-AI" model is introduced to minimize translation inaccuracies. The findings include a systematization of major error categories, an analysis of their causes, and practical recommendations for optimizing the translation of Chinese web novels in the era of generative artificial intelligence.

Keywords: Chinese web novel, localization, translation errors, translation optimization, artificial intelligence

For citation: Ouyang Tingwang Analysis of translation errors in the Russian version of the Chinese web novel "The King's Avatar". Modern Scientist. 2025. 9. P. 70 – 75.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 14, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Современные данные отрасли свидетельствуют, что к 2024 году объем зарубежного рынка китайской веб-литературы достиг 4,35 млрд юаней при росте на 7,06% в годовом исчислении, с более чем 230 млн активных пользователей по всему миру, охватывающих свыше 200 стран и регионов [8]. Такая динамика развития убедительно подтверждает ключевую роль качественного перевода в межкультурной коммуникации.

Однако, основные проблемы перевода китайской веб-литературы можно свести к двум аспектам. Во-первых, это двойное давление объема и скорости – произведения часто превышают 500 тыс. иероглифов и требуют ежедневных обновлений, что представляет серьезную проблему для традиционных моделей перевода. Во-вторых, жанровое разнообразие веб-романов с их культурно-специфичной лексикой, идиомами требует особых подходов к переводу.

В этом контексте традиционные методы перевода становятся все менее адекватными для удовлетворения спроса на масштабируемый, оперативно обновляемый многоязычный контент, обнаруживая такие проблемы, как низкая эффективность, высокая стоимость и длительные сроки. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) предлагают новые решения этих проблем. Как отмечает Хоу Сяонань [6], ИИ-ассистированный перевод может повысить эффективность в 100 раз при сокращении затрат на 90%. Только в 2024 году на платформе Webnovel было опубликовано более 2000 произведений с использованием ИИ-перевода – в 20 раз больше, чем в предыдущем году.

Однако, несмотря на значительный потенциал ИИ в переводе, создаваемые с его помощью тексты имеют существенные недостатки. Ло Цзимэй выделяет три основных типа ошибок машинного перевода: лексические, синтаксические и орфографические [10]. Bizzoni отмечает, что в отличие от человеческого перевода, машинный перевод в большей степени зависит от структуры исходного текста [1]. Исследования Шэнь Мэнфэй и Хуан Вэя демонстрируют, что способность ИИ обрабатывать текст ограничена длиной предложений – при увеличении длины снижается беглость перевода [9]. Другие исследования указывают на частые случаи пропусков или необоснованных добавлений в переводах, созданных с помощью ChatGPT, DeepSeek и аналогичных ИИ-инструментов [11].

Материалы и методы исследований

В качестве объекта исследования было выбрано культовое произведение веб-литературы «全职高手» и его русский перевод («Аватар короля»), опубликованный российским издательством AST в 2024 году. Этот роман добился огромного успеха как на внутреннем, так и на международном рынке: его русская версия на платформе Rulate.ru собрала 14,5 млн просмотров и получила высокую оценку 4,71 из 5 баллов. Исследование применяет многомерный аналитический подход к системному изучению первых восьми глав перевода, включая: контрастивный анализ текстов, компонентный анализ, семантический анализ, прагматический анализ, дескриптивные и объяснительные методы, метод классификации и обобщения.

Результаты и обсуждения

Гу Цзюньлин определяет переводческие ошибки как деятельность (человека или машины) по преобразованию языка А в язык Б, в ходе которой происходит отклонение, упущение или искажение культурной информации языка А, приводящее к неравенству информационного объема между исходным и переводным текстом и не позволяющее целевой аудитории достичь коммуникативного эффекта, аналогичного оригиналу. Она классифицирует переводческие ошибки на три типа: прагматические, семантические и орфографические [12]. Гарбовский выделяет две основные причины ошибок: неправильную декодировку знаковых значений, составляющих ориентирующие единицы, и выбор ошибочных знаков в языке перевода для передачи переводческих единиц, то есть ошибки декодирования оригинала и ошибочной интерпретации значения [2]. Латыше с позиций переводческой эквивалентности предлагает пять категорий ошибок: искажение, неточность, неясность, языковые нормативные ошибки, речевые нормативные ошибки и стилистические ошибки [4].

Проведенный анализ выявил, что ошибки в русском переводе «Аватар короля» концентрируются в трех ключевых аспектах: терминологическая несогласованность, ошибочное понимание исходного текста и отклонения в интерпретации при переводе. Ниже эти проблемы будут детально проиллюстрированы на конкретных примерах ошибочных переводческих решений:

1) несогласованность терминологии

Проблема терминологической несогласованности в переводе проявляется в вариативности перевода одного и того же термина в тексте, когда корректный перевод в одной части текста сменя-

ется ошибочным в другой. К основным причинам чего можно отнести следующие: ограничения контекстной памяти систем машинного перевода, когнитивные культурные различия и недостатки управления проектом.

Пр.1 (кит.) 抬眼一瞅，竟然是什么新手任务流程攻略。

Перевод: Удивленно подняв брови она видела, что он открыл **гайд** для новичков.

此时摆在眼前的就是他所需的这样一份攻略。

Перевод: Тем не менее, он нуждался в подобно-го рода **стратегии**.

В данном примере наблюдается семантическое отклонение в переводе термина «攻略». Хотя этот термин происходит от военного «наступательного захвата», в современном интернет-контексте он эволюционировал в значение «руководство/инструкция», став эквивалентом английского «guide». В первом случае переводчик правильно использовал кальку «гайд» (соответствует современной семантике), но во втором ошибочно применил «стратегия» (буквальное военное значение). Такая несогласованность не только создает концептуальную путаницу, но и искажает исходную информацию. С точки зрения управления качеством перевода, эта ошибка выявляет две ключевые проблемы: 1) отсутствие у переводческой команды системного понимания диахронической семантической эволюции терминов; 2) отсутствие эффективного механизма унификации терминологии и динамической терминологической базы для сквозной проверки согласованности. Использование САТ-инструментов с единой терминологической базой могло бы предотвратить подобные ошибки.

2) ошибочное понимание исходного текста

Как отмечает Гарбовский, ошибки перевода, вызванные неверным пониманием семантики оригинала, могут затрагивать различные уровни текста – прагматический, семантический и синтаксический, проявляясь на разных уровнях речевой цепи как ошибочная декодировка знаковых значений различной длины и структуры, составляющих ориентирующие единицы [2].

Пр.2 (кит.) “不能加，会OT。”月中眠看到君莫笑打出了一句话。

Перевод: – Я не могу. Он переключится на Павшее Солнце. – Напечатал Мрачный Лорд.

Данная фраза описывает ситуацию в подземелье, где остались только «Спящий месяц» и «Мрачный Лорд» перед скрытым боссом. «Спящий месяц» просит исцеления, но «Мрачный Лорд» распознает его намерение использовать механику агро босса, чтобы убить остальных членов

группы и присвоить всю добычу, поэтому отказывается лечить его. Ошибка перевода здесь вызвана двойным отклонением: непониманием игрового механизма и контекста. Оригинальный термин «ОТ» (Over Taunt) – это специальный термин MMORPG, обозначающий ситуацию, когда исцеление или урон превышают пороговое значение, вызывая потерю контроля над агро босса и его переход с главного танка. Хотя переводчик попытался объяснить этот механизм через добавление, была допущена ошибка: ошибочное предположение, что угроза перейдет на союзника «Павшее Солнце», поскольку в предыдущем тексте было ясно, что этот персонаж уже убит. Такая ошибка отражает два недостатка переводческой команды: 1) недостаточное понимание игровой терминологии; 2) отсутствие целостного восприятия текстовой связности.

3) отклонения в интерпретации при переводе

Согласно классификации Шевнина, переводческие ошибки подразделяются на два принципиально разных типа: импрессионистские, возникающие на этапе восприятия и понимания исходного текста, и экспрессионистские, проявляющиеся в процессе создания переводного текста. Ко второй категории относятся такие распространённые ошибки, как неправильный выбор значения многозначной лексики, неточная передача культурных реалий, необоснованные пропуски, нарушение естественного порядка слов в языке перевода, а также различные случаи нарушения лексической сочетаемости и стилистических норм принимающей культуры [5]. Яркой иллюстрацией подобных переводческих проблем служит пример 3 – эмоционально насыщенный диалог между персонажами.

Пр.3 (кит.) “你喜欢这个游戏吗？”叶秋忽然直视着孙翔问道。

“什么？”孙翔愕然。

“如果喜欢，就把这一切当作是荣耀，而不是炫耀。”

“你说什么呢？这关你什么事了？”

Перевод: – Тебе нравится эта игра? – Е Цю спросил внезапно, прямо посмотрев на Сун Сяна.

- Что? – Спросил Сун Сян пораженно.

- Если она тебе нравится, то гордись этим и не хвастайся.

- **Что ты сказал? Какое это имеет к тебе отношение?**

В данном случае перед нами ситуация, когда легендарный игрок Е Цю, вынужденный оставить свою профессиональную карьеру и передать свой аккаунт новому капитану команды Сун Сяну, пытается донести до него важную мысль о ценности игрового наследия. Его фраза «如果喜欢，就把这

«... всё当作是荣耀, 而不是炫耀» несёт сложный эмоциональный подтекст, сочетающий ностальгию, надежду и профессиональное напутствие. Однако реакция Сун Сяна «你说什么呢? 这关你什么事了?» демонстрирует совершенно иную эмоциональную гамму - гнев, презрение и защитную агрессию, вызванные непониманием истинных мотивов собеседника. Предложенный перевод страдает недостатками в передаче такого эмоционального противостояния. В частности, фраза «Что ты сказал?» представляет собой излишне буквальный и эмоционально нейтральный вариант, полностью нивелирующий конфликтный потенциал сцены. С точки зрения русской лингвокультурной традиции, для адекватной передачи подобного эмоционального всплеска целесообразнее использовать более экспрессивные разговорные формы, такие как «Чё?! Ты о чем вообще?!». Такой вариант не только отражает эмоциональное состояние персонажа, но и соответствует нормам русской разговорной речи в конфликтных ситуациях, где краткие междометные конструкции выполняют важную экспрессивную функцию. Этот пример наглядно демонстрирует, как недостаточное внимание к прагматическим аспектам перевода, особенно в эмоционально насыщенных диалогах, может привести к существенной потере исходного смысла и ослаблению художественного воздействия текста.

Системный анализ выявил шесть детерминирующих факторов переводческих ошибок в исследуемом материале: (1) дефицит предпереводческой подготовки, выражающийся в отсутствии терминологической стандартизации и поверхностном освоении игровых механик, что вызвало когнитивные искажения при интерпретации текста; (2) отсутствие координационных механизмов в переводческом коллективе, приведшее к терминологической несогласованности и нарушению текстуальной целостности; (3) экстремальные временные ограничения (согласно Rulate, скорость перевода составляла 10 772 знака/0.74 дня), обусловившие приоритет объема над качеством; (4) профессиональные дефициты переводчиков – недостаточное владение MMORPG-спецификой, культурными кодами и современными поисковыми технологиями; (5) недостаточная культурная адаптация вследствие игнорирования корпусных методов и технологии обратного перевода, что проявилось в калькированных конструкциях; (6) неудовлетворительное пост-редактирование с игнорированием семантико-прагматического измерения текста.

Результаты проведенного исследования однозначно демонстрируют, что проблемы перевода являются следствием системных сбоев на различных этапах рабочего процесса. Для комплексного решения выявленных проблем предлагается четырехуровневая система контроля качества: 1) терминологический менеджмент с использованием CAT-инструментов (SDL Trados, MemoQ) для создания структурированных баз данных и обеспечения терминологической согласованности; 2) интеграцию нейросетевых технологий машинного перевода с предварительным обучением на специализированных корпусах; 3) трехуровневую систему пост-редактирования, проверяющую терминологическую точность, семантическую связность и стилистическую адекватность; 4) программу непрерывного профессионального развития переводчиков через тренинги и мастер-классы по межкультурной коммуникации и игровой специфике.

Выводы

Настоящее исследование представляет собой комплексный анализ переводческих ошибок в русскоязычной версии первых восьми глав веб-новеллы «Аватар короля», а также систематическое изучение их многофакторной природы и возможных путей совершенствования. Результаты исследования демонстрируют сложную природу ошибок перевода, обусловленную тремя взаимосвязанными уровнями факторов. На когнитивном уровне ключевыми ограничениями стали недостаточное понимание игровой терминологии и поверхностная интерпретация литературного текста. На техническом уровне системные риски для качества перевода создало отсутствие эффективных систем управления терминологией и памятью переводов в сочетании с чрезмерной зависимостью от машинного перевода. На организационном уровне негативное влияние этих факторов усугублялось интенсивным графиком работы и отсутствием многоуровневой системы проверки качества. Такая многослойная структура причинно-следственных связей указывает на необходимость разработки системного подхода к повышению качества перевода сетевой литературы.

Анализ русскоязычной версии «Аватар короля» выявил три основных типа переводческих проблем. Во-первых, на терминологическом уровне наблюдается существенная несогласованность в передаче игровых терминов, что приводит не только к нарушению логики игровой системы, но и к когнитивному диссонансу у читателей. Основная причина кроется в отсутствии единого механизма управления терминологией и недостаточном знании игровой специфики переводческим коллективом. Во-вторых, на уровне понимания

оригинала отмечаются ошибки интерпретации игровых механизмов и литературного контекста, что свидетельствует о двойном дефиците – как предметных знаний, так и навыков анализа художественного текста. В-третьих, на уровне языковой реализации наблюдаются случаи неадекватного перевода, включая калькирование китайских синтаксических структур, приводящее к неестественности русскоязычного выражения, и неточную передачу культурно-маркированной лексики. Эти проблемы отражают недостаточное понимание когнитивных привычек и эстетических ожиданий русскоязычной аудитории, а также отсутствие качественного пост-редактирования.

На основании полученных результатов исследование предлагает четырехкомпонентную систему улучшений. В области ресурсного обеспечения рекомендуется создание динамических терминологических баз с использованием CAT-инструментов (например, SDL Trados Studio) и разработка специализированных баз памяти переводов для веб-новеллы. В технологическом аспекте предлагается внедрить рабочий процесс «ИИ-предобработка + профессиональное редактирование», где нейросетевые технологии машинного перевода обрабатывают базовый текст, а ключе-

вые культурные концепты остаются за человеческим переводчиком. В организационной сфере предлагается трехуровневая система проверки (прагматический, семантический и лингвистический уровни) с четкими критериями оценки для каждого этапа. В области профессионального развития акцент делается на комплексном повышении квалификации переводчиков через культурологические семинары, предметные тренинги и практические мастер-классы.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в разработке классификации ошибок перевода в условиях взаимодействия человека и ИИ, что вносит вклад в развитие методологии перевода китайской веб-новеллы. Практическая ценность работы проявляется в трех аспектах: 1) совершенствование системы перевода для международного продвижения китайской веб-новеллы; 2) оптимизация применения ИИ-технологий в контроле качества литературного перевода; 3) повышение уровня языкового обслуживания в международных коммуникациях. Полученные результаты могут служить теоретической основой для разработки стандартов перевода, совершенствования переводческого образования и оптимизации стратегий локализации.

Список источников

1. Bizzoni Y. et al. How Human Is Machine Translation? Comparing Human and Machine Translations of Text and Speech [A]. In Proceeding of the 17th International Conference on Spoken Language Translation [C]. Online: Association for Computational Linguistics, 2020.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
3. Лань Худе. Аватар короля: пер. с кит. М.: АСТ, 2024.
4. Латышев Л.К. Курс перевода. М.: Международные отношения, 1981. 247 с.
5. Шевнин А.Б. Переводческая эрратология: новый взгляд на описание концептуальной и языковой картины мира. Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: устный перевод. 2008. С. 209 – 214.
6. 侯晓楠. 文化出海掌门人说: 让中国 IP 成为全球 IP. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1799568266173102946&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 06.05.2025)
7. 卢植, 李珂. 神经机器翻译对文学文本译后编辑的影响——汉英小说译文词汇与句法对比研究[J]. 外语与翻译, 2025, 32(01): 1-9+98. DOI:10.19502/j.cnki.2095-9648.2025.01.011.
8. 应妮. 中国网络文学加速出海 全球开拓发展新空间. URL: http://cul.china.com.cn/2024-12/23/content_42994559.htm (дата обращения: 06.05.2025)
9. 沈梦菲, 黄伟. 寻找机器翻译痕迹——神经机器翻译文本的句法特征研究[J]. 外语教学与研究, 2024, 56(03): 429-441+480-481. DOI:10.19923/j.cnki.fltr.2024.03.014.
10. 罗季美, 李梅. 机器翻译译文错误分析[J]. 中国翻译, 2012, 33(05): 84-89.
11. 赵衍, 张慧, 杨祎辰. 大语言模型在文本翻译中的质量比较研究——以《繁花》翻译为例[J]. 外语电化教学, 2024, (04): 60-66+109. DOI:10.20139/j.issn.1001-5795.20240409.
12. 顾俊玲. 释“误译”[J]. 杭州师范大学学报(社会科学版), 2014, 36(02): 91-95.
13. 马建荣. 从作品出海到文化感召——AIGC 时代中国网文出海内容生产与传播机制创新[J]. 编辑学刊, 2024, (05): 28-34.

References

1. Bizzoni Y. et al. How Human Is Machine Translation? Comparing Human and Machine Translations of Text and Speech [A]. In Proceedings of the 17th International Conference on Spoken Language Translation [C]. Online: Association for Computational Linguistics, 2020.
2. Garbovsky N.K. Translation Theory. Moscow: Moscow University Press, 2004. 544 p.
3. Lan Hude. The King's Avatar: trans. from Chinese. Moscow: AST, 2024.
4. Latyshev L.K. Translation Course. Moscow: International Relations, 1981. 247 p.
5. Shevnin A.B. Translation Erratology: A New Look at the Description of the Conceptual and Linguistic Picture of the World. Theory and Practice of Translation and Professional Training of Translators: Oral Translation. 2008. P. 209 – 214.
6. 侯晓楠. 文化出海掌门人说: 让中国 IP 成为全球 IP. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1799568266173102946&wfr=spider&for=pc> (access date: 05/06/2025)
7. 卢植, 李珂. 神经机器翻译对文学文本译后编辑的影响——汉英小说译文词汇与句法对比研究[J]. 外语与翻译, 2025, 32(01): 1-9+98. DOI:10.19502/j.cnki.2095-9648.2025.01.011.
8. 应妮. 中国网络文学加速出海全球开拓发展新空间. URL: http://cul.china.com.cn/2024-12/23/content_42994559.htm (access date: 05/06/2025)
9. [J]. 外语教学与研究, 2024, 56(03): 429-441+480-481. DOI:10.19923/j.cnki.fltr.2024.03.014.
10. 罗季美, 李梅. 机器翻译译文错误分析[J]. 中国翻译, 2012, 33(05): 84-89.
11. 赵衍, 张慧, 杨祎辰. 大语言模型在文本翻译中的质量比较研究——以《繁花》翻译为例[J]. 外语电化教学, 2024, (04): 60-66+109. DOI:10.20139/j.issn.1001-5795.20240409.
12. 顾俊玲. 释“误译”[J]. 杭州师范大学学报(社会科学版), 2014, 36(02): 91-95.
13. 马建荣. 从作品出海到文化感召——AIGC 时代中国网文出海内容生产与传播机制创新[J]. 编辑学刊, 2024, (05): 28-34.

Информация об авторе

Оуян Тинван, преподаватель, Хэйлунцзянский университет, Китай, ouyangtingwang@126.com

© Оуян Тинван, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 8(81'33)

Исследование многомодального дискурса в Китае на основе CiteSpace 6. 4. R1.

¹ Ю Юньхэ

¹ Хэйлунцзянский университет, Китай

Аннотация: в данной статье, основываясь на обзоре определения многомодального дискурса и его исследовательских истоков и развития, с помощью программного обеспечения CiteSpace 6. 4. R1 проведен визуальный анализ 449 исследований многомодального дискурса, опубликованных в период с 2020 по 2024 год на платформах China National Knowledge Infrastructure (CNKI), Wanfang Data и Weipu Information. Исследуются тенденции публикаций по годам, распределение авторов и учреждений, кластеризация ключевых слов, карты всплывающих терминов и временные линии ключевых слов, что позволяет глубже проанализировать текущее состояние, горячие темы, динамические передовые направления и тенденции развития исследований многомодального дискурса в Китае. Исследование показало, что: (1) исследования многомодального дискурса в стране демонстрируют стабильный рост, однако сеть сотрудничества между авторами и учреждениями остается слабой и требует укрепления; (2) текущие горячие темы сосредоточены на механизмах сочетания визуальных модальностей и языка, а также на исследовании их применения в таких областях, как перевод и культурная коммуникация; (3) в будущем исследования будут развиваться в направлении диверсификации прикладных сценариев, глубокой интеграции междисциплинарных подходов и расширения международной перспективы. В статье также указываются ограничения существующих исследований и предлагаются целевые рекомендации, направленные на предоставление справочной информации и идей для последующих исследований.

Ключевые слова: многомодальный дискурс-анализ; CiteSpace; визуальный анализ; тенденции развития; горячие темы исследования

Для цитирования: Ю Юньхэ Исследование многомодального дискурса в Китае на основе CiteSpace 6. 4. R1. // Современный ученый. 2025. № 9. С. 76 – 84.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The study of multimodal discourse analysis in China based on CiteSpace 6. 4. R1.

¹ You Yunhe

¹ Heilongjiang University, China

Abstract: this article provides an overview of the definition of multimodal discourse and its research origins and development. Using CiteSpace 6. 4. R1 software, a visual analysis was conducted on 449 research articles related to multimodal discourse analysis published between 2020 and 2024 on the platforms of China National Knowledge Infrastructure (CNKI), Wanfang Data, and Weipu Information. By examining the annual publication trends, distribution of authors and institutions, keyword clustering, burst detection maps, and keyword timelines, the study

deeply analyzes the current state, hot topics, dynamic frontiers, and development trends of multimodal discourse analysis in China. The research findings indicate that: (1) the study of multimodal discourse analysis in China shows a steady growth trend, but the collaboration network among authors and institutions remains weak and needs to be strengthened; (2) current research hotspots are highly focused on the mechanisms of combining visual modalities and language, as well as their application in fields such as translation practice and cultural communication; (3) future research will develop towards diversifying application scenarios, deep interdisciplinary integration, and expanding international perspectives. The article also points out the limitations of existing research and offers targeted suggestions aimed at providing references and ideas for subsequent studies.

Keywords: multimodal discourse analysis; CiteSpace; visual analysis; development trends; research hotspots

For citation: You Yunhe The study of multimodal discourse analysis in China based on CiteSpace 6. 4. R1.. Modern Scientist. 2025. 9. P. 76 – 84.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

«Многомодальный дискурс – это явление, при котором используются различные чувства, такие как слух, зрение и осязание, для коммуникации с помощью языка, изображений, звуков, движений и других символических ресурсов» [13]. Происхождение исследований многомодального дискурса можно проследить до начала 20 века. С развитием разнообразия медиа люди начали проявлять многомодальные характеристики через взаимодействие с медиа, например, появление новых медиа, таких как кино и телевидение, привлекло большее внимание к тонкостям невербального общения [8]. История его развития охватывает как европейские, так и североамериканские традиции 20 века. Европейская традиция восходит к пражской школе 30-40-х годов 20 века, где исследования расширились от лингвистики к невербальным областям визуального искусства и театра; в 60-х годах 20 века парижская школа, вдохновленная теорией семиотики, сосредоточилась на многомодальном анализе поп-культуры, рекламы и медиа [8]. В 90-х годах сиднейская школа внедрила теорию системной функциональности, расширив многомодальные исследования на такие области, как образование [8]. Североамериканская традиция началась в конце 50-х годов 20 века и в основном сосредоточена на многомодальном анализе устной и невербальной коммуникации, охватывающем такие дисциплины, как психология, антропология, социология и коммуникация [8]. Однако, по сравнению с международными исследованиями в области многомодального дискурса, исследования в Китае начали развиваться относительно поздно. В 2003 году профессор Ли Чжанынцзы впервые ввел теорию семиотический анализ многомодального дискурса, что положило начало исследованиям многомодального дискурса в стране. Теория многомодаль-

ного дискурс-анализа стала новой областью, накопив значительные результаты за двадцать лет.

Обзор литературы по многомодальному дискурс-анализу в Китае показывает, что основные исследовательские образцы в основном берутся из базы данных China National Knowledge Infrastructure (CNKI), и большинство из них используют ручные корпуса для обобщения и анализа. В связи с этим, в данной статье в качестве данных используются материалы из платформ CNKI, Wanfang Data и Weipu Information, с применением библиометрического программного обеспечения CiteSpace (6. 4. R1). Ключевым словом является «многомодальный дискурс», а классификация литературы выбрана из раздела «Философия и гуманитарные науки», включая «Китайский язык и литературу» и «Иностранные языки и литературу». Отобраны статьи по многомодальным исследованиям, опубликованные в период с 2020 по 2024 год на этих журнальных платформах, для глубокого анализа с целью понимания основного состояния, горячих тем и тенденций развития в этой области, что должно послужить основой для будущих исследований.

Материалы и методы исследований

Данное исследование направлено на ответ на три ключевых вопроса:

1. Каково текущее состояние исследований многомодального дискурс-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год?
2. Какие горячие темы и передовые направления существуют в области многомодального дискурс-анализа в Китае в 2020-2024 годах?
3. Каковы тенденции развития исследований многомодального дискурс-анализа в будущем в Китае?

Для обеспечения полноты источников данных данное исследование основывается на журнальных статьях из платформ China National

Knowledge Infrastructure (CNKI), Wanfang Data и Weipu Information. С помощью программного обеспечения NoteExpress были отобраны и дублированы статьи по многомодальному дискурсу-анализу за период с 2020 по 2024 год.

Сначала в базе данных CNKI была проведена точная выборка по названию «многомодальный дискурс», с классификацией литературы в разделе «Философия и гуманитарные науки» под категориями «Китайский язык и литература» и «Иностранные языки и литература». Источник был установлен как «все журналы», а временной диапазон – «2020-2024 годы», с выбором базы данных «научные журналы», в результате чего было получено 371 соответствующая статья. Затем с использованием той же стратегии поиска в Wanfang Data и Weipu Information было получено 530 статей. В итоге было собрано 901 статья (включая дубликаты). Наконец, после удаления дублирующихся статей, статей без ключевых слов, рецензий и обзорных статей, было окончательно определено 449 журнальных статей в качестве источника данных для данного исследования.

CiteSpace – это программа для визуализации информации, разработанная на языке Java, которая использует теорию совместного цитирования и алгоритмы сетевого поиска для количественного анализа литературы в определенной области, чтобы выявить ключевые пути эволюции дисциплины и точки знания, а также анализировать потенциальные механизмы динамики развития и передовые направления через визуальные карты [3]. В данном исследовании с помощью программного обеспечения CiteSpace применяются методы библиометрии и научной визуализации для глубокого изучения сети вкладов ключевых авторов и учреждений, совместного появления и кластеризации ключевых слов, явлений их появления и временных эволюционных путей ключевых слов, с целью

выявления горячих тем и тенденций развития многомодального дискурс-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год.

Результаты и обсуждения

Изменение количества научных статей является одним из ключевых показателей развития области и имеет важное значение для оценки текущего этапа и прогнозирования тенденций ее развития [12]. Для наглядного отображения исследовательских этапов и тенденций развития в области многомодального дискурс-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год, в данном исследовании была проведена статистика количества опубликованных статей за каждый год, и результаты представлены на рис. 1.

С макроэкономической точки зрения, в период с 2020 по 2024 год количество публикаций в области многомодального дискурс-анализа в стране ежегодно растет, что свидетельствует о стабильном увеличении исследовательской активности и возросшем внимании к этой теме в Китае.

С микроэкономической точки зрения, в 2024 году количество публикаций увеличилось по сравнению с 2020 годом, когда было опубликовано 89 статей, что указывает на наличие исследовательской базы. С 2020 по 2021 год наблюдается снижение на 10 статей, что свидетельствует о падении академической активности. Однако с 2022 года начинается восстановление, приближающееся к уровню 2020 года, что отражает возобновление интереса к исследованиям. С 2022 по 2024 год количество публикаций медленно растет, указывая на укрепление базовых исследований и углубление академической активности.

В 2024 году количество публикаций достигло пика – 99 статей, что свидетельствует о стабильном росте исследований. Продолжающееся увеличение участия и инвестиций может поддерживать эту тенденцию в будущем.

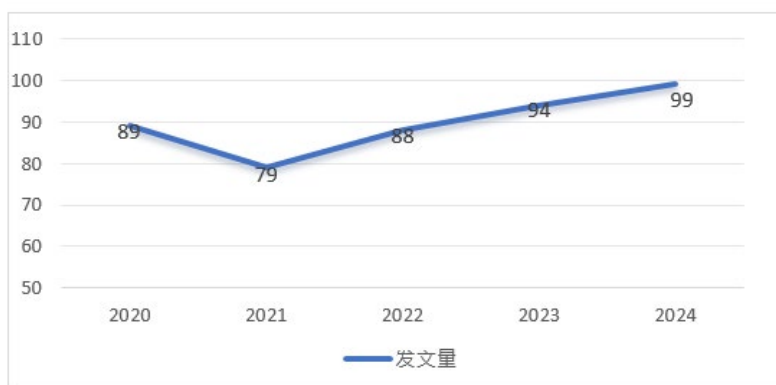

Рис. 1. Публикация исследований многомодального дискурс-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год.
Fig. 1. Publication of multimodal discourse analysis research in China from 2020 to 2024.

Сотрудничество между авторами и их исследовательская сила визуализируются с помощью сети знаний о совместном появлении авторов. Для изучения сотрудничества между авторами, публикующими работы в области многомодального дискурса-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год, данное исследование использует инструмент визуального анализа CiteSpace для создания карты совместного появления авторов за этот период (рис. 2).

Размер узлов на карте отражает количество публикаций авторов и их академическое влияние. На рис. 2 видно, что Чжан Дэлу является самым крупным узлом, что указывает на его центральное

положение в академическом сообществе. За ним следуют Лю Фэнь, Дин Цзиньшу, Ли Цзюньи, Чэнь Фу и Фэн Дэчжэн, которые также имеют значительное влияние. Связи между узлами обозначают сотрудничество между авторами и пересечения их исследовательских направлений. Из карты видно, что авторы с небольшим количеством публикаций имеют больше связей, что свидетельствует о высоком уровне сотрудничества. В то же время у авторов с большим количеством публикаций связи менее выражены, что указывает на необходимость укрепления академического сотрудничества для повышения качества литературы.

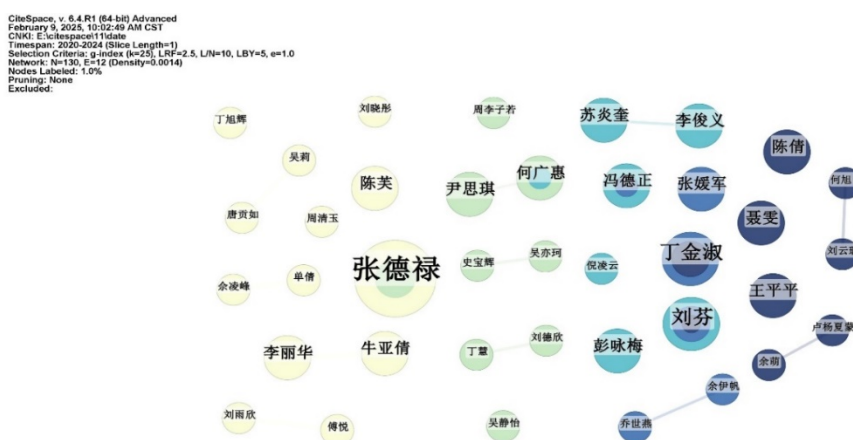

Рис. 2. Карта совместного появления авторов исследований многомодального дискурса-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год.

Fig. 2. Map of co-occurrence of multimodal discourse analysis research authors in China from 2020 to 2024.

Сотрудничество между исследовательскими учреждениями и его плотность можно представить с помощью карты совместного появления учреждений, где связи между узлами и их количество отражают уровень сотрудничества. В целом, на карте видно, что количество связей между узлами невелико, что свидетельствует о низком уровне сотрудничества между исследовательскими учреждениями. Анализируя рис. 2, можно отметить,

что Сианьский университет иностранных языков имеет наибольшее количество публикаций – 29 статей. Кроме того, учреждения, которые опубликовали 4 и более статей, включают Факультет английского языка Сианьского университета иностранных языков, Университет Тунцзи, Пекинский лесной университет и Цзилиньский педагогический университет.

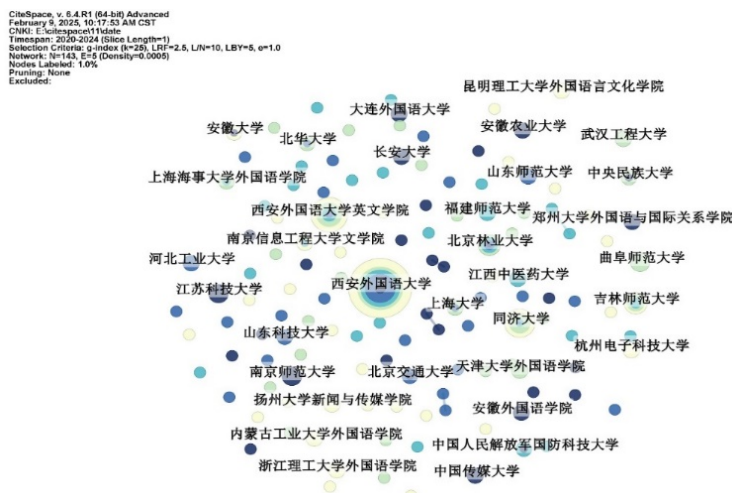

Рис. 3. Карта совместного появления исследовательских учреждений в области многомодального дискурса-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год.

Fig. 3. Map of co-emergence of research institutions in the field of multimodal discourse analysis in China from 2020 to 2024.

Анализ кластеризации ключевых слов позволяет четко выявить исследовательские темы в определенной области [5]. Для изучения горячих тем в области многомодального дискурса-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год данное исследование использует CiteSpace для создания карты кластеризации ключевых слов (рис. 4). Индексы модульности Q и силуэта S являются важными критериями для оценки качества построенной карты. Когда значение Q превышает 0,3, это указывает на значительную кластерную структуру, а значение S выше 0,5 означает разумность кластерных результатов [3]. Как показано на рис. 4, Modularity Q=0,6704, Silhouette S=0,9518, что свидетельствует о том, что структура кластеризации, полученная в

данном исследовании, в целом разумна. Номер кластера обратно пропорционален количеству включенных в него публикаций, то есть чем меньше номер кластера, тем больше количество статей [5]. Анализируя рис. 4, можно выделить семь основных кластеров ключевых слов: #0 Визуальная грамматика, #1 Многомодальность, #3 Перевод субтитров, #4 Взаимодополнение текста и изображения, #5 Культурная коммуникация, #6 Один пояс, один путь, #7 Непрямое значение. Эти ключевые слова сосредоточенно отражают горячие темы и основные вопросы в области многомодального дискурса-анализа в Китае за указанный период.

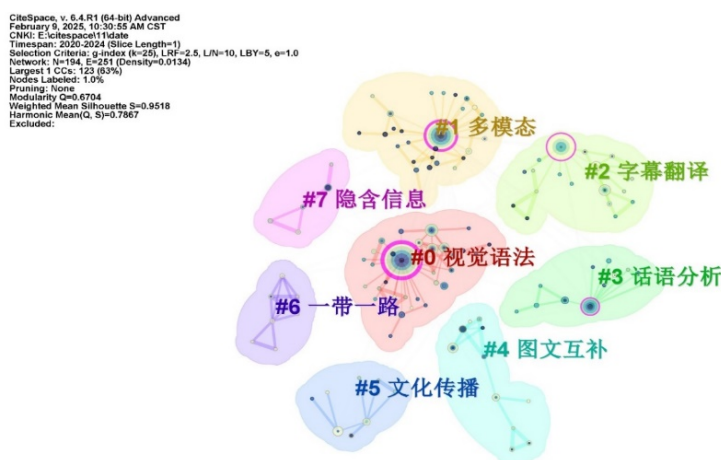

Рис. 4. Карта кластеризации ключевых слов исследований многомодального дискурса-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год.

Fig. 4. Clustering map of keywords of multimodal discourse analysis research in China from 2020 to 2024.

Анализ всплывающих ключевых слов позволяет выявить новые тенденции и внезапные изменения в развитии научной области [1]. В данном исследовании с помощью CiteSpace была создана карта всплывающих ключевых слов в области многомодального дискурс-анализа в Китае за период с 2020 по 2024 год (рис. 5), целью которой является выявление динамики передовых исследований в этот период.

Как показано на рис. 5, в области многомодального дискурс-анализа в Китае с 2020 по 2024 год было выявлено 15 всплывающих слов, которые можно условно разделить на два этапа. Первый этап охватывает 2020-2022 годы, и всплывающие ключевые слова включают «конструирование смысла», «социальная реклама», «постер», «визуальное повествование», «дискурс-анализ», «анализ», «сотрудничество», «перевод на английский», «контекст ситуации», «новые медиа», «классное обучение», «контекст» и «перевод». Системная функциональная лингвистика, предложенная Halliday, визуальная грамматика, разработанная Kress & Van Leeuwen, а также последующая аудиальная грамматика заложили прочную теоретическую основу для многомодального дискурс-анализа. Фэн Дэжэн отметил, что визуальная грамматика предоставляет мощные инструменты для анализа конструирования смысла в таких текстах, как реклама, учебные материалы и

комиксы [4]. Это оказало важную поддержку исследованиям «конструирования смысла» и «визуального повествования». Второй этап охватывает 2023-2024 годы, и всплывающие ключевые слова в основном включают «культурная коммуникация» и «символическая система». Интенсивность появления этих ключевых слов достаточно высока и сохраняется до 2024 года, что указывает на их возрастающее значение в многомодальном дискурс-анализе, что тесно связано с увеличением потребностей в межкультурной коммуникации на фоне глобализации. Кроме того, на карте всплывающих ключевых слов также появляются новые ключевые слова, такие как «новые медиа», «перевод» и «культурная коммуникация», что свидетельствует о том, что данная область движется в сторону более междисциплинарного и прикладного подхода. Особенно конкретные исследовательские объекты, такие как «социальная реклама» и «постер», отражают расширение области применения. В то же время, из ключевых слов «визуальное повествование» и «анализ контекста» видно, что исследователи все больше обращают внимание на комплексный анализ визуальных и ситуационных факторов, что указывает на разнообразие методов исследования в многомодальном дискурс-анализе и постоянное расширение академического горизонта.

Top 15 Keywords with the Strongest Citation Bursts

Keywords	Year	Strength	Begin	End	2020 - 2024
意义构建	2020	1.72	2020	2020	
公益广告	2020	1.02	2020	2020	
海报	2021	1.56	2021	2022	
视觉叙事	2021	1.5	2021	2021	
语篇分析	2021	1	2021	2021	
分析	2021	1	2021	2021	
协同	2021	1	2021	2021	
英译	2022	1.02	2022	2022	
情景语境	2022	1.02	2022	2022	
新媒体	2022	1.02	2022	2022	
课堂教学	2022	1.02	2022	2022	
语境	2022	1.02	2022	2022	
翻译	2022	1.02	2022	2022	
文化传播	2023	1.47	2023	2024	
符号系统	2023	1.47	2023	2024	

Рис. 5. Карта всплывающих ключевых слов исследований многомодального дискурс-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год.

Fig. 5. Map of emerging keywords in multimodal discourse analysis research in China from 2020 to 2024.

График временной линии ключевых слов отображает распределение ключевых слов по временной оси, отражая эволюцию исследовательских тем в области [6]. Для изучения тенденций в многомодальном дискурс-анализе данное исследование использует CiteSpace для создания графика временной линии ключевых слов в китайской ли-

тературе за 2020-2024 годы (рис. 6). В верхней части рисунка представлена временная линия, а ниже – ключевые слова в кластерах, демонстрирующие эволюцию. Временной диапазон охватывает 2020-2024 годы, справа расположены 8 кластеров с ключевыми словами в хронологическом порядке.

Как показано на рис. 6, кластер «#0 Визуальная грамматика» является одним из самых заметных кластеров ключевых слов на графике и составляет важную основу для многомодального дискурс-анализа. Ключевые слова «интерактивный смысл», «постер фильма» и другие указывают на то, что исследования начинают обращать внимание на роль визуальных элементов в многомодальном дискурс-анализе. В кластере «#1 Многомодальность» ключевые слова, такие как «мультимедиа», «учебная модель» и другие, показывают, что исследования рассматривают применение многомодального дискурс-анализа в образовании и медиа. Ключевые слова кластера «#2 Перевод субтитров» включают «анимационный фильм», «международная коммуникация», что отражает интерес исследований к применению многомодального дискурс-анализа в переводе и межкультурной коммуникации. Таким образом, исследования в области мно-

гомодального дискурс-анализа в Китае демонстрируют широкую применимость в практических аспектах и охватывают все более разнообразные дисциплинарные области [7]. Кроме того, ключевые слова кластера «Один пояс, один путь», такие как «Один пояс, один путь», «внешняя реклама» и другие, указывают на то, что исследования многомодального дискурс-анализа также касаются международного общения и сотрудничества, как указывают работы таких авторов, как Сунь Сяомэн и др. [11], Цай Кэсян [2], Чжан Цзюньи [15] и других. Таким образом, исследования в области многомодального дискурс-анализа развиваются в направлениях разнообразного применения, междисциплинарной интеграции и международной перспективы, демонстрируя широкий потенциал применения и исследовательскую ценность в различных областях и контекстах.

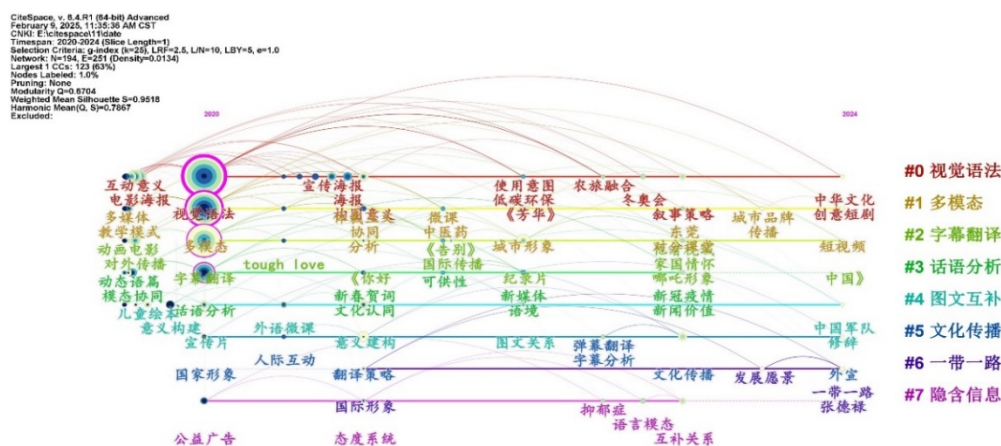

Рис. 6. График временной линии ключевых слов исследований многомодального дискурс-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год.

Fig. 6. Timeline graph of keywords of multimodal discourse analysis research in China from 2020 to 2024.

Выводы

В данной статье с помощью программного обеспечения CiteSpace 6. 4. R1 проведен визуальный анализ состояния, горячих тем и динамических передовых направлений исследований многомодального дискурс-анализа в Китае в период с 2020 по 2024 год, в результате чего были сделаны следующие основные выводы:

Исследования в области многомодального дискурс-анализа в Китае демонстрируют устойчивый рост. В этот период Сианьский университет иностранных языков стал ведущим учреждением по количеству публикаций, а Чжан Дэлу из Университета Тунцзи – самым продуктивным ученым с заметным влиянием. Несмотря на наличие сотрудничества, академического взаимодействия между высокопродуктивными учеными все еще недостаточно. Исследования сосредоточены на темах «ви-

зуальная грамматика», «многомодальность», «перевод субтитров», «взаимодополнение текста и изображения», «культурная коммуникация», «Один пояс, один путь» и «неявная информация». Тенденции развития направлены на разнообразное применение, междисциплинарную интеграцию и международную перспективу.

Анализ показывает, что в многомодальном дискурс-анализе есть ценные результаты, но также существуют недостатки. Во-первых, исследования в этой области в значительной степени зависят от западных теоретических рамок [7]. Хотя такие ученые, как Чжан Дэлу [13, 14], предложили некоторые локализованные теории, в целом теоретическая инновация все еще недостаточна. Во-вторых, существуют дисциплинарные барьеры, и междисциплинарная интеграция остается слабой; исследователи из лингвистики, коммуникации, компью-

терных наук и психологии недостаточно сотрудничают, что приводит к однобокости аналитических инструментов. Также наблюдаются недостатки в критическом анализе публичного дискурса. На основе этого исследование предлагает следующие рекомендации: (1) создать теоретическую рамку для многомодального дискурс-анализа, основанную на китайском контексте. Пан Яньян и Ли Чжаньцзы подчеркивают, что интеграция перспектив и теоретическая инновация являются

ключевыми тенденциями развития многомодального дискурс-анализа, требуя активного объединения различных подходов [9]. (2) Создавать междисциплинарные платформы для интеграции различных областей. Улучшить методы исследования и инструменты для повышения уровня китайских исследований и интеграции с международными [10]. (3) Расширить практические приложения многомодального дискурс-анализа для улучшения социального управления.

Список источников

1. Chaomei C. CiteSpace II: Detecting and visualizing emerging trends and transient patterns in scientific literature // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2005. Т. 57. № 3. P. 359 – 377.
2. 蔡可歆. 对话交流: 视觉语法下的一带一路纪录片多模态话语分析—以《通向繁荣之路》为例 // 东南传播. 2024. № (05). С. 143 – 147.
3. 陈悦, 陈超美, 刘则渊, 胡志刚, 王贤文. CiteSpace 知识图谱的方法论功能 // 科学学研究. 2015. № (02). P. 242 – 253.
4. 冯德正. 视觉语法的新发展: 基于图画书的视觉叙事分析框架 // 外语教学. 2015. № (03). P. 23 – 27.
5. 黄东晶, 毛竹君. 基于 CiteSpace 文献计量的国内体认语言学研究进展与热点可视化分析 // 外语学刊. 2023. № (06). P. 107 – 114.
6. 李萍, 王丽丽. 国内多模态技术的研究现状与发展趋势: 基于 CiteSpace 的可视化分析 // 智能计算机与应用. 2025. Vol. 15. № 01. P. 194 – 202.
7. 刘玉梅, 王晓峰. 国内多模态研究热点与趋势(2010-2020)—基于 CiteSpace 的可视化分析 // 外国语文. 2021. № (06). P. 66 – 74.
8. 李燕, 姜亚军. 多模态话语研究—源流、视角与趋势 // 中国外语. 2022. № (02). P. 54 – 62.
9. 潘艳艳, 李战子. 国内多模态话语分析综论(2003-2017)—以 CSSCI 来源期刊发表成果为考察对象 // 福建师范大学学报(哲学社会科学版). 2017. № (05). P. 49-59+168-169.
10. 史兴松, 徐文娟. 近十五年 SSCI 期刊网络多模态话语研究现状及发展趋势分析 // 外国语(上海外国语大学学报). 2020. № (03). P. 55 – 66.
11. 孙小孟, 秦艳. 多模态话语对“一带一路”话语体系的构建意义—以习近平在首届中国国际进口博览会开幕式上的演讲视频为例 // 长春理工大学学报(社会科学版). 2020. № (01). P. 148 – 152.
12. 杨思洛, 韩瑞珍. 知识图谱研究现状及趋势的可视化分析 // 情报资料工作. 2012. № (04). P. 22 – 28.
13. 张德禄. 多模态话语分析综合理论框架探索 // 中国外语. 2009. № (01). P. 24 – 30.
14. 张德禄. 系统功能理论视阈下的多模态话语分析综合框架 // 现代外语. 2018. № (06). P. 731 – 743.
15. 张俊怡. 文化传播视阈下“一带一路”国际形象网宣片 Belt and Road 的多模态话语分析 // 中国传媒科技. 2024. № (11). P. 55 – 58.

References

1. Chaomei C. CiteSpace II: Detecting and visualizing emerging trends and transient patterns in scientific literature. Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2005. Т. 57. № 3. P. 359 – 377.
2. 蔡可歆. 对话交流: 视觉语法下的一带一路纪录片多模态话语分析—以《通向繁荣之路》为例. 东南传播. 2024. № (05). С. 143 – 147.
3. 陈悦, 陈超美, 刘则渊, 胡志刚, 王贤文. CiteSpace 知识图谱的方法论功能. 科学学研究. 2015. № (02). P. 242 – 253.
4. 冯德正. 视觉语法的新发展: 基于图画书的视觉叙事分析框架. 外语教学. 2015. № (03). P. 23 – 27.
5. 黄东晶, 毛竹君. 基于 CiteSpace 文献计量的国内体认语言学研究进展与热点可视化分析. 外语学刊. 2023. № (06). P. 107 – 114.

6. 李萍, 王丽丽. 国内多模态技术的研究现状与发展趋势: 基于 CiteSpace 的可视化分析. 智能计算机与应用. 2025. Vol. 15. № 01. P. 194 – 202.
7. 刘玉梅, 王晓峰. 国内多模态研究热点与趋势(2010-2020)—基于 CiteSpace 的可视化分析. 外国语文. 2021. № (06). P. 66 – 74.
8. 李燕, 姜亚军. 多模态话语研究—源流、视角与趋势. 中国外语. 2022. № (02). P. 54 – 62.
9. 潘艳艳, 李战子. 国内多模态话语分析综论(2003-2017)—以 CSSCI 来源期刊发表成果为考察对象. 福建师范大学学报(哲学社会科学版). 2017. № (05). P. 49-59+168-169.
10. 史兴松, 徐文娟. 近十五年 SSCI 期刊网络多模态话语研究现状及发展趋势分析. 外国语(上海外国语大学学报). 2020. № (03). P. 55 – 66.
11. 孙小孟, 秦艳. 多模态话语对“一带一路”话语体系的构建意义—以习近平在首届中国国际进口博览会开幕式上的演讲视频为例. 长春理工大学学报(社会科学版). 2020. № (01). P. 148 – 152.
12. 杨思洛, 韩瑞珍. 知识图谱研究现状及趋势的可视化分析. 情报资料工作. 2012. № (04). P. 22 – 28.
13. 张德禄. 多模态话语分析综合理论框架探索. 中国外语. 2009. № (01). P. 24 – 30.
14. 张德禄. 系统功能理论视阈下的多模态话语分析综合框架. 现代外语. 2018. № (06). P. 731 – 743.
15. 张俊怡. 文化传播视阈下“一带一路”国际形象网宣片 Belt and Road 的多模态话语分析. 中国传媒科技. 2024. № (11). P. 55 – 58.

Информация об авторе

Ю Юньхэ, Хэйлунцзянский университет, Китай, 1515136531@qq.com

© Ю Юньхэ, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 004.056.84

Глокализация стриминговых платформ: стратегия Netflix на индийском рынке

¹ Кандыба Я.В.

¹ *Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики*

Аннотация: статья посвящена исследованию процессов глокализации глобальных стриминговых платформ на примере стратегии компании Netflix на индийском медиарынке. Глокализация в данном контексте рассматривается как ключевая управленческая парадигма, обеспечивающая адаптацию OTT-сервисов к культурной, языковой, социально-экономической и технологической специфике региональных аудиторий при сохранении единого глобального позиционирования бренда. На материале кейса Netflix в Индии проанализированы изменения в бизнес-модели, маркетинговых коммуникациях, политике ценообразования, интерфейсных решениях и контентной стратегии, а также охарактеризованы организационные механизмы локализации и взаимодействия с национальной индустрией. В качестве основного методологического инструмента применен метод кейс-стади, позволивший осуществить целостный анализ этапов выхода Netflix на индийский рынок, выявить управленческие вызовы, с которыми столкнулась платформа, и оценить эффективность реализованных адаптационных решений. Особое внимание уделено экономическим барьерам (низкая платежеспособность населения), культурной и языковой фрагментированности аудитории, а также высокой конкурентной насыщенности рынка (более 30 OTT-игроков, включая локальных и транснациональных операторов). На основе эмпирического материала показано, что успешное функционирование глобальных цифровых платформ в странах Глобального Юга возможно только при условии глубокой локализации всех ключевых компонентов продукта и стратегии. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что глокализация выступает не просто как операционная тактика, но как структурно необходимый элемент бизнес-стратегии в условиях цифровой глобализации и многоуровневой конкуренции. Кроме того, подчеркивается роль глокализации как механизма культурного обмена: через локализацию контента и расширение присутствия на региональных рынках глобальные платформы способствуют интернационализации локальных культурных продуктов. Статья вносит вклад в развитие научной дискуссии в рамках медиаменеджмента, стратегического маркетинга, культурных исследований и глобальных медиаисследований, расширяя представление о механизмах взаимодействия глобального и локального в цифровую эпоху.

Ключевые слова: глокализация, OTT, стриминговые сервисы, Netflix, локальный контент, индийский рынок, медиастратегия

Для цитирования: Кандыба Я.В. Глокализация стриминговых платформ: стратегия Netflix на индийском рынке // Современный ученый. 2025. № 9. С. 85 – 92.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Glocalization of streaming platforms: Netflix's strategy in the Indian market

¹ Kandyba Ya.V.

¹ National Research University Higher School of Economics

Abstract: the article is devoted to the study of the glocalization processes of global streaming platforms, taking Netflix's strategy on the Indian media market as an example. In this context, glocalization is viewed as a key managerial paradigm that ensures the adaptation of OTT services to the cultural, linguistic, socio-economic, and technological specifics of regional audiences while maintaining a unified global brand positioning. Using the Netflix case in India, the authors analyze changes in the business model, marketing communications, pricing policy, interface solutions, and content strategy, and describe the organizational mechanisms for localization and interaction with the national industry. The main methodological tool is the case-study method, which makes it possible to conduct a comprehensive analysis of the stages of Netflix's entry into the Indian market, identify the managerial challenges the platform faced, and assess the effectiveness of the adaptation solutions implemented. Special attention is paid to economic barriers (low purchasing power of the population), cultural and linguistic fragmentation of the audience, and the high competitive density of the market (more than 30 OTT players, including local and transnational operators). Based on empirical data, it is shown that the successful operation of global digital platforms in Global South countries is possible only with deep localization of all key components of the product and strategy. The results confirm the hypothesis that glocalization functions not merely as an operational tactic but as a structurally necessary element of business strategy under conditions of digital globalization and multilevel competition. Moreover, the role of glocalization as a mechanism of cultural exchange is emphasized: through content localization and expanded presence in regional markets, global platforms contribute to the internationalization of local cultural products. The article contributes to the development of scholarly discourse in media management, strategic marketing, cultural studies, and global media research, expanding our understanding of the mechanisms of interaction between the global and the local in the digital age.

Keywords: glocalization, OTT, streaming services, Netflix, local content, Indian market, media strategy

For citation: Kandyba Ya.V. Glocalization of streaming platforms: Netflix's strategy in the Indian market. Modern Scientist. 2025. 9. P. 85 – 92.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

На сегодняшний день ведущими игроками рынка стриминга выступают Netflix, Amazon Prime Video, Disney+, которые привлекли сотни миллионов пользователей по всему миру, существенно изменив традиционные модели медиапотребления.

В условиях нарастающей глобализации и конкуренции стриминговые сервисы сталкиваются с необходимостью адаптации своих стратегий к специфическим условиям региональных рынков. В ответ на это активно развивается концепция глокализации, подразумевающая интеграцию глобальных и локальных подходов к созданию и продвижению контента.

Особое внимание в этом контексте заслуживает индийский рынок, который является одним из самых перспективных и конкурентных регионов. Индийская аудитория характеризуется выраженными языковыми, культурными и

потребительскими особенностями, а также высоким уровнем конкуренции со стороны локальных сервисов (например, Hotstar, ZEE5). Это делает опыт адаптации Netflix в Индии показательным для изучения процессов глокализации на примере стриминговых платформ.

Проблема исследования заключается в противоречии между глобальной стандартизацией бизнес-моделей OTT-платформ, обеспечивающей экономическую эффективность и масштабируемость, и необходимостью учитывать локальные культурные, экономические и технологические условия на региональных рынках. На примере Netflix в Индии это противоречие проявляется особенно остро, поскольку успешная интеграция глобальной платформы в национальный рынок предполагает решение сложных управленческих задач, связанных с балансом между сохранением единого

бренда и глубокой адаптацией продукта под местные потребности аудитории. В связи с этим возникает необходимость детального анализа подходов и стратегий, используемых глобальными OTT-сервисами, для эффективного преодоления данного противоречия в конкретных локальных контекстах.

Термин «глокализация» введен Р. Робертсоном, отражает интеграцию глобального и локального подходов и акцентирует важность учета культурных различий в стратегии международных компаний [1]. Дж. Ритцер и М. Райан противопоставляют глокализацию унифицирующей «глобализации», подчеркивая необходимость адаптации глобальных продуктов к специфике локальных рынков [2]. У. Бек и Т. Фридман признают неизбежность адаптации глобальных стратегий к локальным контекстам, отмечая риски игнорирования культурных особенностей [3, 4]. Р. Лобато анализирует стратегию Netflix, указывая на сочетание глобальной технологической платформы и локальной адаптации контента, и маркетинга [5]. Д. Салл и С. Туркони изучают выход Netflix на индийский рынок, акцентируя инвестиции в местный контент и партнерства с индийскими медиакомпаниями как условия успешной адаптации [6]. М. Сингх выделяет важность языковой адаптации интерфейса Netflix (поддержка хинди) для расширения охвата индийской аудитории [7]. Дж. Янг и Ю. Квон подчеркивают, что устойчивость цифровых подписных сервисов напрямую связана с их способностью адаптировать предложения к региональным потребительским предпочтениям и экономическим условиям [8]. Метод кейс-стади, описанный Р. Йином, позволяет глубоко изучать стратегии адаптации международных компаний к региональным рынкам с учетом внутреннего контекста [9]. Ю. Юань на примере Disney демонстрирует аналогичную важность локализации контента и гибкости ценовых моделей в стратегии цифровых платформ [10].

Материалы и методы исследований

Использован метод кейс-стади, позволяющий глубоко изучить стратегию Netflix в условиях индийского рынка. В качестве источников использованы отчеты компании, отраслевые аналитические обзоры и экспертные интервью. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе восстановлена хронология выхода Netflix в Индию: описаны исходные условия (состояние отрасли, конкуренты, первоначальная бизнес-модель) и выделены основные проблемы входа. На втором этапе проведен углубленный анализ ключевых направлений адаптации сервиса:

локального контента, интерфейса, маркетинга и бизнес-модели. Такой подход позволил выявить конкретные решения Netflix и оценить их влияние на развитие сервиса в Индии. Метод кейс-стади был детально разработан в социальных науках и менеджменте в работах Р. Йина, ставших классическими для данного направления.

Результаты и обсуждения

Глокализация, подразумевающая адаптацию глобальных стратегий ведущих компаний к локальным культурным и экономическим условиям, стала неотъемлемой частью развития стриминговых сервисов, стремящихся укрепить свое присутствие на международных рынках. Одним из наиболее показательных примеров является деятельность Netflix в Индии, где конкурентная среда переплетена с языковым многообразием, сильной кинематографической традицией и особым менталитетом зрителей. В отличие от классических форм международной экспансии, которые зачастую опирались на единый шаблон продвижения контента и унифицированные маркетинговые подходы, политика Netflix все более тонко учитывает локальные особенности, стремясь предложить индийской аудитории контент на различных языках и в жанрах, близких местным культурным ценностям. При этом сохраняется общая узнаваемость и репутация бренда, что в совокупности формирует двунаправленную стратегию: компания привносит на локальный рынок глобальные сериалы и фильмы из обширной библиотеки, одновременно инвестируя в совместные проекты с индийскими продюсерами и сценаристами. Подобная интеграция глобального и местного контента не только делает Netflix привлекательным для широкой аудитории, но и усиливает вовлеченность подписчиков, поскольку те ощущают персонализированный подход, отвечающий их национальными и культурными ожиданиями. Одновременно с этим повышается потенциал экспорта индийских проектов на международную арену, когда успешные локальные сериалы получают шансы выйти за пределы родной страны и завоевать популярность у мировой аудитории.

Проблематика исследования глокализации стриминговых платформ в контексте индийского рынка тесно связана с необходимостью понять, как экономические и культурные факторы в совокупности способствуют изменению моделей потребления контента. Влияние многочисленных языковых групп, различия в уровне дохода зрителей и серьезная конкуренция со стороны местных стриминговых сервисов усложняют

задачи Netflix, заставляя компанию проводить более детальный анализ целевой аудитории и разрабатывать гибкие модели подписки. В условиях развития технологической инфраструктуры и распространения широкополосного интернета даже в сельских районах Netflix вынужден оперативно реагировать на изменения платежеспособности и предпочтений пользова-

телей, предлагая доступные тарифы и продвигая оригинальный контент, который опирается на специфику местных культурных кодов. Цель данного анализа – понять, с какими конкретными вызовами столкнулась компания на индийском рынке и какие количественные показатели подтверждают эффективность или слабые стороны ее глобализационной стратегии (табл. 1).

Таблица 1

Динамика подписчиков Netflix и конкурентов в Индии (2019-2023 гг.), млн человек.

Table 1

Dynamics of Netflix and competitors subscribers in India (2019-2023), million people.

Год	Netflix	Amazon Prime Video	Disney+ Hotstar	Суммарная аудитория*
2019	2,83	5,47	6,52	14,82
2020	3,99	7,33	9,61	20,93
2021	5,28	9,14	11,07	25,49
2022	7,41	11,29	13,54	32,24
2023	9,37	13,68	16,05	39,10

*Суммарная аудитория по трем платформам представляет собой сумму значений Netflix, Amazon Prime Video и Disney+ Hotstar за соответствующий год.

*The total audience across the three platforms is the sum of the Netflix, Amazon Prime Video and Disney+ Hotstar figures for the respective year.

Анализ представленных в таблице данных показывает постепенное увеличение числа подписчиков всех трех рассматриваемых платформ, что свидетельствует о росте популярности онлайн-видеосервисов в Индии на протяжении последних лет. В 2019 году Netflix существенно уступал конкурентам, но уже начиная с 2020 года заметны стабильные темпы роста, позволившие компании не только преодолеть барьер в 5 млн подписчиков к 2021 году, но и вплотную приблизиться к показателю 10 млн в 2023 году. Этому способствовали активные инвестиции в локализацию контента и улучшение пользовательского опыта, в том числе внедрение тарифов для мобильных устройств по более низкой цене. При сравнении Netflix с Amazon Prime Video и Disney+ Hotstar видно, что в первую очередь за счет собственного многолетнего присутствия и агрессивных маркетинговых кампаний конкуренты сохраняли

некоторый отрыв, однако разрыв в долях рынка сокращается из года в год, что говорит о росте узнаваемости Netflix и усилении его позиций.

Особый интерес представляет изучение динамики совокупного охвата (последняя колонка). С 14,82 млн подписчиков суммарно у трех сервисов в 2019 году аудитория выросла до 39,10 млн в 2023 году, что указывает на более чем двукратное увеличение рынка онлайн-подписок за исследуемый период. Если в 2019 году Netflix составлял только около 19% суммарной аудитории, то уже к 2023 году этот показатель приблизился к 24%, подчеркивая важность внедрения локальных стратегий компании для поддержания конкурентоспособности. Несмотря на то что доля Amazon Prime Video и Disney+ Hotstar по-прежнему выше, тенденция на рост Netflix очевидна, а сохранение данной динамики в перспективе может привести к дальнейшему перераспределению долей рынка.

Таблица 2

Доля расходов Netflix на локальный контент в Индии относительно общего бюджета на производство и закупку контента (2020-2023 гг.).

Table 2

Netflix India local content spend as a percentage of total content production and acquisition budget (2020-2023).

год	Общий бюджет, млн USD	Расходы на локальный контент, млн USD	Доля локальных расходов, %
2020	281,76	48,93	17,36
2021	335,42	71,88	21,42
2022	412,59	103,17	25,00
2023	497,83	139,65	28,05

Анализ распределения расходов Netflix на локальное производство показывает, что с 2020 года бюджет компании на создание и покупку прав на индийский контент неуклонно растет, и эта тенденция сохраняется как в абсолютных, так и в относительных показателях. Если в 2020 году суммарные затраты Netflix на индийский сегмент составляли только 48,93 млн долларов при общем бюджете 281,76 млн, то к 2023 году данные расходы увеличились почти втрое, достигнув 139,65 млн долларов. Так как общий бюджет на контент также возрастал – с 281,76 до 497,83 млн долларов, – Netflix стремится пропорционально увеличивать инвестиции в локальные проекты, чтобы успевать за конкурирующими платформами, которые активно развивают собственную линейку региональных сериалов и фильмов.

Особое значение имеет изменение доли расходов на локальный контент. Здесь данная

метрика возросла с 17,36% до 28,05%, что говорит о повышении приоритетности индийского рынка для Netflix. Это не просто статистическое подтверждение более глубокого погружения в местную культуру, но и отражение серьезной конкурентной борьбы за эксклюзивные права на производство проектов с популярными актерами, режиссерами и сценаристами. Такая стратегия направлена на формирование уникальных предложений для индийских подписчиков, которые получают возможность смотреть контент, максимально ориентированный на их предпочтения. Ожидается, что дальнейшие крупные вложения в локальные сериалы и фильмы позволят Netflix укрепиться в качестве одного из лидеров рынка, особенно с учетом ожидаемого вовлечения зрителей из малоохваченных регионов страны.

Таблица 3

Структура расходов Netflix на индийский контент по жанрам (2023 г.).

Table 3

Netflix Indian content spending breakdown by genre (2023).

Жанр	Расходы, млн USD	Процент от локального бюджета, %
Драмы	48,17	34,48
Комедии	25,89	18,54
Триллеры	21,05	15,07
Романтические	16,98	12,16
Документальные	10,31	7,38
Мультипликация	8,32	5,95
Другие жанры	9,00	6,42
Итого	139,72	100,00

При рассмотрении структуры трат Netflix на производство и покупку индийских проектов за 2023 год можно увидеть, что преобладает категория драм – на нее приходится 48,17 млн долларов, а процент от общего объема затрат на локальный контент составляет 34,48%.

Следующим по величине направлением идут комедии с показателем 25,89 млн долларов, соответствующим 18,54% от суммарного бюджета. Основываясь на растущем спросе именно на драматические и комедийные сериалы, Netflix делает акцент на жанрах, наиболее

популярных среди индийских зрителей, причем подобные приоритеты подтверждаются и близким раскладом у конкурентов.

Анализ дальнейших позиций, таких как триллеры с 21,05 млн долларов и романтические проекты с 16,98 млн, показывает, что Netflix стремится охватить максимально широкий спектр интересов аудитории. При этом документальные фильмы и анимация, хотя и занимают меньшую часть бюджета, также играют значимую роль, укрепляя бренд Netflix как универсальной платформы не только для художественного кино, но и для контента познавательного и семейного

характера. Интерпретация этих значений свидетельствует о том, что компания учитывает специфику индийской культуры, где наряду с традиционной любовью к эмоционально насыщенным драмам возрастает интерес к смешанным жанрам, а также к познавательной документалистике. Тот факт, что расходы на категории «Другие жанры» занимают 6,42%, говорит о стремлении Netflix искать новые форматы и тестировать экспериментальные шоу, которые могут в перспективе стать следующими локальными хитами.

Таблица 4

Изменение средней продолжительности просмотра на пользователя в Индии (2021-2023 гг.).

Table 4

Change in average viewing duration per user in India (2021-2023).

год	Средняя продолжительность просмотра, мин/сутки	Прирост к предыдущему году, мин	Прирост, %
2021	48,26	–	–
2022	56,39	8,13	16,86
2023	64,57	8,18	14,51

Комплексный анализ средней продолжительности просмотра на одного пользователя в Индии свидетельствует о том, что аудитория Netflix постепенно увеличивает время, проводимое за просмотром контента, что может указывать на рост лояльности и расширение ассортимента интересных локальных проектов. С 2021 по 2022 год среднее значение выросло на 8,13 минуты в сутки, что эквивалентно примерно 16,86%. Это может быть связано с тем, что именно в этот период были запущены некоторые нашумевшие оригинальные сериалы, нацеленные на местных зрителей, а также осуществлен переход к разным моделям подписок, стимулирующим более активное использование сервиса даже в регионах, где платформы стриминга не имели большой популярности.

Выводы

Результаты исследования демонстрируют, что стратегия глокализации, реализованная Netflix на индийском рынке, является примером эффективного сочетания глобальных бизнес-стандартов с глубокой локальной адаптацией. Подтверждается гипотеза о том, что успешная конкуренция глобальных OTT-платформ в регионах с выраженными культурными, языковыми и экономическими особенностями невозможна без значительных усилий по адаптации контента, маркетинга и ценовой политики.

Анализ опыта Netflix позволяет выделить несколько ключевых аспектов, которые способствовали успешной адаптации компании на индийском рынке. Во-первых, компания существенно изменила первоначальную стратегию, основанную на премиальной модели SVOD, дополнив ее гибкими предложениями (мобильные тарифы и сезонные скидки). Это подтверждает необходимость дифференциации бизнес-модели в зависимости от локальной экономической ситуации и покупательской способности аудитории.

Во-вторых, инвестиции в создание оригинального индийского контента на местных языках оказались решающим фактором повышения привлекательности сервиса для местных пользователей. Netflix не только удовлетворил потребности местной аудитории, но и способствовал глобальному продвижению индийского контента, что подтвердило ценность стратегии глокализации как двустороннего процесса обмена культурными продуктами.

В-третьих, партнерская экосистема с местными телекоммуникационными компаниями и медиастудиями позволила Netflix преодолеть инфраструктурные и маркетинговые барьеры, значительно ускорив процесс интеграции сервиса на новом рынке. Это подчеркивает необходимость интеграции глобальных компаний в существующие локальные сети и платформы для

эффективного масштабирования на развивающихся рынках.

Вместе с тем, кейс Netflix в Индии демонстрирует и ряд проблем, с которыми сталкиваются глобальные игроки на специфических рынках. Несмотря на существенный рост и успешную локализацию, Netflix все еще остается нишевым премиальным сервисом, испытывая давление со стороны конкурентов, которые предлагают более доступные модели монетизации (AVOD или гибридные модели). Это ставит вопрос о возможной необходимости пересмотра глобальной стратегии Netflix в направлении более доступных предложений для массовой аудитории.

Также важно отметить, что успешная стратегия глокализации требует значительного времени и финансовых ресурсов, что подтверждается многолетним горизонтом инвестиций Netflix в Индии. Это обстоятельство должно учитываться другими международными компаниями при планировании выхода на аналогичные рынки. Кейс Netflix иллюстрирует важность гибкости, готовности к глубоким изменениям и долгосрочных инвестиций в стратегии глобальных OTT-сервисов, стремящихся успешно интегрироваться в высококонкурентные и культурно разнообразные региональные рынки.

Список источников

1. Robertson R. Globalisation or glocalisation // The Journal of International Communication. 1994. № 18 (2). P. 191 – 208. <https://doi.org/10.1080/13216597.2012.709925>
2. Ritzer G., Ryan M. Towards a richer understanding of global commodification: glocalization and grobalization // Sociological Theory. 2003. Vol. 21. № 3. P. 193 – 209.
3. Beck U. What is globalization? / Ulrich Beck ; translated by Patrick Camiller. Cambridge: Polity Press, 2000. 140 p.
4. Friedman T. L. The world is flat: a brief history of the twenty-first century. New York, NY : Farrar, Straus and Giroux, 2005. 488 p.
5. Lobato R. Netflix Nations: The Geography of Digital Distribution. New York: NYU Press, 2019. 240 p.
6. Sull D., Turconi S. Netflix Goes to Bollywood. Cambridge, MA : MIT Sloan School of Management, 2021. 19 p.
7. Singh M. Netflix's latest effort to make inroads in India: Support for Hindi [Электронный ресурс] // TechCrunch. 2020. 07.08.2020. Режим доступа: <https://techcrunch.com/2020/08/07/netflixs-latest-effort-to-make-inroads-in-india-support-for-hindi/> (дата обращения: 18.02.2025)
8. Yang J., Kwon Y. Are digital content subscription services still thriving? Analyzing the conflict between innovation adoption and resistance // Journal of Innovation & Knowledge. 2024. Vol. 9. Article 100581. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100581
9. Yin R. K. Case Study Research: Design and Methods. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1984. 151 p
10. Yuan Y. Turn to Streaming Media: Digital Transformation and Innovation of Disney // Advances in Economics, Management and Political Sciences. 2024. Vol. 59. P. 100 – 105.

References

1. Robertson R. Globalization or glocalisation. The Journal of International Communication. 1994. No. 18 (2). P. 191 – 208. <https://doi.org/10.1080/13216597.2012.709925>
2. Ritzer G., Ryan M. Towards a richer understanding of global commodification: glocalization and grobalization. Sociological Theory. 2003. Vol.21. No. 3. P.193 – 209.
3. Beck U. What is globalization? Ulrich Beck; translated by Patrick Camiller. Cambridge: Polity Press, 2000. 140 p.
4. Friedman T. L. The world is flat: a brief history of the twenty-first century. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux, 2005. 488 p.
5. Lobato R. Netflix Nations: The Geography of Digital Distribution. New York: NYU Press, 2019. 240 p.
6. Sull D., Turconi S. Netflix Goes to Bollywood. Cambridge, MA: MIT Sloan School of Management, 2021. 19 p.
7. Singh M. Netflix's latest effort to make inroads in India: Support for Hindi [Electronic resource]. TechCrunch. 2020. 08/07/2020. Access mode: <https://techcrunch.com/2020/08/07/netflixs-latest-effort-to-make-inroads-in-india-support-for-hindi/> (access date: 02/18/2025)

8. Yang J., Kwon Y. Are digital content subscription services still thriving? Analyzing the conflict between innovation adoption and resistance. Journal of Innovation & Knowledge. 2024. Vol. 9. Article 100581. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100581

9. Yin R.K. Case Study Research: Design and Methods. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1984. 151 p.

10. Yuan Y. Turn to Streaming Media: Digital Transformation and Innovation of Disney. Advances in Economics, Management and Political Sciences. 2024. Vol. 59. P. 100 – 105.

Информация об авторе

Кандыба Я.В., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
kandybayaroslav01@gmail.com

© Кандыба Я.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 316.472.4

Социальная сеть ВКонтакте как особая виртуальная форма коммуникации

¹ Матевосян А.П.

¹ Кубанский государственный университет

Аннотация: социальные сети имеют значительное влияние на сегодняшнее молодое поколение. Они оказались главным элементом виртуальной коммуникации. Через социальные сети люди не только контактируют друг с другом, изучают что-то новое, но и получают онлайн-обучение, управляют финансами, работают с документами, продают товары и т.д. Для подрастающего поколения социальные сети стали безграничными возможностями для виртуальной коммуникации, для развития личности, самообразования, сотрудничества и взаимодействия.

Актуальность выбранной темы представляет социальную сеть ВКонтакте как особую форму коммуникации, которая реализует принцип обратной связи, то есть коммуникативную виртуальную реальность, основной целью существования и функционирования которой является передача или взаимообмен информацией между людьми. Также в статье исследуются структуры виртуальных сообществ и особенности взаимодействия пользователей в социальной сети ВКонтакте.

Ключевые слова: виртуальная форма, сленг, англицизмы, интернет

Для цитирования: Матевосян А.П. Социальная сеть ВКонтакте как особая виртуальная форма коммуникации // Современный ученый. 2025. № 9. С. 93 – 97.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The social network VKontakte as a special virtual form of communication

¹ Matevosyan A.P.

¹ Kuban State University

Abstract: social media has a significant impact on today's younger generation. They turned out to be the main element of virtual communication. Through social networks, people not only contact each other, learn something new, but also receive online training, manage finances, work with documents, sell goods, etc. For the younger generation, social networks have become limitless opportunities for virtual communication, personal development, self-education, collaboration, etc. interactions.

The relevance of the chosen topic is presented by the social network VKontakte as a special form of communication that implements the principle of feedback, that is, a communicative virtual reality, the main purpose of whose existence and functioning is the transfer or interchange of information between people. The article also examines the structures of virtual communities and the specifics of user interaction on the VKontakte social network.

Keywords: virtual form, slang, Anglicisms, Internet

For citation: Matevosyan A.P. The social network VKontakte as a special virtual form of communication. Modern Scientist. 2025. 9. P. 93 – 97.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Немногим более пятидесяти лет тому назад в России, как и во всём мире, люди жили по-другому, чем теперь: ходили в походы, участвовали в концертах, посещали систематически театры, кинотеатры, музеи, совершали лыжные прогулки, сообщали песни – словом, тесно общались друг с другом, помогая и поддерживая в трудную минуту.

Во второй половине XX века начали бурно развиваться высокие технологии, что в корне изменило не только общение между странами, но и человеческое общение. Первый интернет, созданный в конце 1960х годов министерством обороны США, связал два высших учебных заведения: Калифорнийский университет Стэнфордский Исследовательский институт. Это стало начало новой эры эры тотальной компьютеризаций. Современный человек живет во время совершенно новой культуры – информационной, которая соответствует новому обществу. Для нас интернет является средством обмена цифровой информацией. В настоящее время в цивилизованном обществе практически нет семьи, где бы не было одного, двух или более компьютеров. И эти миллиарды компьютеров во всем мире соединены в одну огромную сеть и объединяют всех пользователей воедино. Интернет – это не только самое огромное в мире хранилище знаний, но и средство общения, обмена опытом между людьми. Он становится незаменимым, принося в нашу жизнь много полезного и интересного. Кроме этого, интернет стал средством общения для многих людей. Сейчас на улицах мало встретишь людей, просто разговаривающих друг с другом, почти все не только на дороге, но и в транспорте, в театрах и даже иногда на работе, «виснут» в интернете. Сеть интернет-колоссальное пространство, подчинённое своим собственным законам, среди которых есть и языковые [6].

Интернет способен мгновенно сокращать расстояния между людьми, городами, странами, из-за чего каждый человек в любой момент может пообщаться с родными, близкими людьми. В настоящее время социальная сеть – это не только способ общения с друзьями, но и возможность познакомиться с теми людьми, которые близки по духу или интересуются тем же, что и ты.

Здесь можно среди десятков вакансий найти нужную именно тебе работу и встретить того единственного человека, который предназначен судьбой именно тебе.

Материалы и методы исследований

Социальная сеть ВКонтакте – это особое делённых правил к языку всех пользователей Интернет-коммуникаторы при написании текстов, сообщений вольны сами выбирать, какой языковой инструмент выбрать и каким именно методом писать свои сообщения комментарии. Специфической особенностью деятельности языка интернета является систематическое использование иностранных слов. Крысин Л.П., известный советский и российский лингвист, заметил, что проникновение иноязычных неологизмов в русский язык имеет свои социально-психологические причины, ведь во все времена люди из высшего общества знали один, два и более иностранных языков, что было более престижно, чем назначение других языков вообще.

Важно отметить, что благодаря функционированию языковых средств, которые используются нами в соцсети ВКонтакте, мы можем увидеть развитие человеческого общения и проследить, как происходит взаимодействие языковых культур и сообществ [4].

Практически все иностранные слова, используемые в сообщениях, диалогах, комментариях, пришла к нам из английского языка. Если обратиться к истории, то можно увидеть, что уже со второй половины 20 века англицизмы систематически пополняются экономия времени и чаще всего намного короче аналогичных слов в русском языке.

Язык – это своеобразный механизм, имеющий богатый словарный запас. У него разнообразные особенности: фонетические, морфологические, грамматические. Взаимодействует с другими языками в социальной, политической, культурной сферах, он развивается и изменяется под их влиянием. Эти изменения касаются всех особенностей языка, но больше всего подвержены им же, которые связаны с лексикой [3].

Язык – это живой организм, тесно связанный с человеком, поэтому он, как и сам человек, мгновенно реагирует на те изменения, которые происходят в науке, культуре, обществе и других сферах жизни человека, сразу же фиксируя эти измене-

ния, Когда пользователи сети общаются в интернете, они, конечно же, подвергают языковые нормы определённым изменениям, что находит своё отражение в комментариях, размещенных в соцсетях ВКонтакте. Юзеры стараются различными способами упростить или сократить свои высказывания, не обращая внимания на языковые нормы. Кроме этого, своеобразием лексики интернета является широкое использование иноязычной лексики и сленга [2].

Можно определить понятие сленг так: слова, часто нарушающие языковую норму. Очень выразительные, зачастую ироничные, они относятся к предметам, которые часто встречаются в повседневной жизни.

Определения сленга противоречивы, и сейчас их наблюдаются очень много. Некоторые спорят о том, что входит в понятие сленга. Одни считают, что это только ироничные и особенно яркие, точные слова, синонимичные литературным, другие доказывают, что сюда нужно включить всю ненормативную лексику, которая категорически отрицается среди образованных людей [9].

Доктор филологических наук И.В. Арнольд даёт определение сленга в том, что это только разговорные слова или выражения, которые имеют грубую или юмористическую эмоциональную окраску. Нельзя забывать о том, что сленг указывает на развитие языка, на его обновление, хотя жаргонные слова всегда являются синонимами общеупотребительных слов, а не уникальным способом выразить мысли, чувства пользователя [1].

Проанализировав иноязычные высказывания, мы можем выделить в отдельную группу такой вариант сленга, сленг соцсетей или интернет-сленг. Вот несколько примеров:

Сумка-багет от англ.: baguette bag

«Сегодня сумки-багеты снова в тренде, дизайнеры топовых модельных домов включают их во все последние коллекции, естественно уже в более современном стиле. Такую сумку можно сочетать с практически любым гардеробом: от вечерних платьев до повседневных нарядов и одежды в деловом стиле».

<https://www.livemaster.ru/topic/3429090-blog-sumka-baget>

Поло от англ.: polo

«Трикотажная рубашка с воротником, короткой планкой с пуговицами и коротким рукавом. Новинка в мире моды! ♥ Встречайте Свитишот и интрига в одном флаконе □□□ Модный свитишот с настроенными наизнанку силуэтными лентами, дополнен экстравагантными хлястиками (как у чулков) носим с чёрными легги, кожаными узки-

ми брючками и даже джинсами 🖨 Забираем любой цвет и размер за 5000р».

https://vk.com/wall-211895617_80

Так как почти все выражения относятся конкретно к соцсетям и являются их производным продуктом, то в соцсетях большая часть слов и словосочетаний непосредственно касается взаимодействия пользователей.

Главной целью сленга в интернете являются замена синтаксически нейтральной лексики и сокращение текста, изобретение совершенно новых смысловых единиц языка.

Результаты и обсуждения

В связи с тем, что соцсети становятся все более популярными, можно представить, что лексика сленговых высказываний со временем будет увеличиваться и обогащаться. В социальной сети ВКонтакте постоянно и активно используются англицизмы и сленга, становясь единой частью языка соцсетей, они часто дополняют друг друга.

Как и всякий другой язык, язык соцсетей включает в себя и лексику художественной литературы, и ограниченную лексику: иноязычную и жаргонизмы. Если посмотреть на современные заимствованные слова, которые используются в соцсети ВКонтакте, и иноязычные слова, пришедшие к нам в 19-20 веках, то можно увидеть ряд отличий [8].

Основное из них заключается в том, что большинство лексических значений слов, заимствованных в настоящее время и используемых в интернете, повторяет русские слова, имеющиеся в нашем языке, а не являются новыми. Из этого можно сделать вывод, что английский американский язык вытесняет русский, убирая же из обихода, чем обедняет, умаляет наш язык. Вот что мы видим в социальной сети ВКонтакте:

Толстовка с длинным рукавом и капюшоном от англ.: hoody

«Недавно у нас прошла совместная съёмка с @tsezarevna_bags. Теперь у нас можно заказать худи для своего питомца. У нас есть в наличии несколько Комплектов Унисекс костюмов и Худи для питомцев. При заказе комплекта дарим вам скидку 10% □□□ Костюм 6500р, Худи для питомца 1500р». https://vk.com/wall-211895617_77

Или, например:

Угги от англ.: uggs

«Угги войлочные - повседневная зимняя обувь изготовлена из тонкошерстного войлока (100% натуральная овечья шерсть). ★ Модели имеет дополнительную вкладную стельку из войлока – шерсть 100 %. ✨ Модели декорированы узорной

вышивкой и верх голенища декорирован полоской из искусственного меха. ★Размеры с 35 по 42»

https://vk.com/wall-153520104_13299

Также можно увидеть, например:

Тональный крем от англ.: *concealer*

«Кремовый консилер: Этот тип консилера можно наносить как пальцами, так и специальной кистью или спонжем. Какой бы вариант вы не выбрали, он ляжет одинаково хорошо благодаря своей мягкой текстуре. Это классический тип маскировочного средства, который подойдет и для области вокруг глаз, и для дефектов кожи лица».

https://vk.com/wall-100904274_66

Очень часто английские слова вызывают непонимание их значения и заставляют задуматься о целесообразности их применения в русской речи.

В итоге можно сказать, что заимствование – это непрерывный процесс, при котором появляются и приживаются в языке иноязычные слова, словосочетания и морфемы [10].

Лексика соцсети ВКонтакте, как и лексика разговорной и письменной речи, в настоящее время претерпевает изменения, которые ещё мало изучены учёными-языковедами. Происходит стирание границ между общеупотребительной, литературной лексикой и лексикой ограниченной сферы употребления. Больше шансов в выборе слов-синонимов имеется у слов, которые ярче, короче, быстрее и удобнее для произношения. На втором месте – слова, которые привлекают внимание, помогают выделиться на фоне других, менее эффективных слов, которые подчёркивают свою уни-

кальность, своеобразие. Крысин Л.П., советский и российский лингвист, говорил, что большое место среди причин, способствующих массовому проникновению иноязычных неологизмов в наш язык, занимают социально-психологические причины, так как многие индивидуумы считают иноязычное слово более влиятельным, более авторитетным, чем своё родное русское слово [5].

Выводы

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что одним из самых распространённых и популярных способов обращения в соцсетях ВКонтакте является английский язык. Более всего способствуют распространению англицизмов в интернете активные пользователи и молодёжь, играет роль также возраст потребления в общении. Благодаря этому заимствованные слова проникают не только в соцсети, но и в наш родной язык.

Социальная сеть ВКонтакте – это объединение огромного количества людей, которые поддаются влиянию при помощи интернета, а язык соцсетей, соответственно, – средство манипулирования сознанием человека. Усиливать влияние на пользователей помогают различные сайты, программы и другой интернет [7].

В настоящее время соцсеть ВКонтакте является востребованной бизнесом, рекламой, современной модой- современным обществом потребления и очень популярна среди пользователей. Одним словом, это медиaprостранство, где распространяются культурные, материальные и эстетические ценности нашей современности.

Список источников

1. Арнольд И.В. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 152.
2. Вавилова Е.Н. Жанровая квалификация дискурса телеконференций Фидонет: дисс. канд. филол. наук. Томск 2001 С. 118 – 120.
3. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языке (на материале дискурса компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2001. С. 19.
4. Крысин Л.П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, Пермский университет, 12-17 ноября 2001 г.). Пермь, 2001. С. 10 – 16.
5. Крысин Л.П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965. С. 104 – 116.
6. Кочнова К.А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2005. С. 78 – 80.
7. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград 2000. С. 5 – 20.
8. Максимов В.И., Голубев А.В. Русский язык и культура речи учебник для студентов высших учебных заведений 2014. С. 78 – 80.
9. Розин В.М. Существование, реальность, виртуальная реальность // Концепция виртуальных миров и научное познание / отв. Ред. И.А. Акчурин С.Н. Коняев, СПб РХГИ, 2000. С. 56 – 74.
10. Цатурян М.М. Англицизмы в интернет-рекламе: засорение или тренд // Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» 2021. С. 3.

References

1. Arnold I.V. English-Russian language contacts (Anglicisms in Russian). L.: Leningrad State University Publishing House, 1978. P. 152.
2. Vavilova E.N. Genre qualification of Fidonet teleconference discourse: diss. Cand. Philological Sciences. Tomsk 2001 P. 118 – 120.
3. Galichkina E.N. Specifics of computer discourse in English and Russian (based on computer conference discourse): author's abstract. diss. Cand. Philological Sciences. Volgograd: VSPU, 2001. P. 19.
4. Krysin L.P. On the Russian language of our days. The changing language world: materials of the Intern. scientific conf. (Perm, Perm University, November 12-17, 2001). Perm, 2001. P. 10 – 16.
5. Krysin L.P. On the definition of the terms “borrowing” and “borrowed word”. Development of the vocabulary of the modern Russian language. Moscow, 1965. P. 104 – 116.
6. Kochnova K.A. Lexical-semantic field “Natural time” in the linguistic picture of the world of A.P. Chekhov: diss. ... Cand. Philological sciences. N. Novgorod: NNSU, 2005. P. 78 – 80.
7. Karasik V.I. On the types of discourse. Linguistic personality: institutional and personal discourse. Volgograd 2000. P. 5 – 20.
8. Maksimov V.I., Golubev A.V. Russian language and culture of speech textbook for students of higher educational institutions 2014. P. 78 – 80.
9. Rozin V.M. Existence, reality, virtual reality. The concept of virtual worlds and scientific knowledge. ed. I.A. Akchurin S.N. Konyaev, St. Petersburg RHGI, 2000. P. 56 – 74.
10. Tsaturyan M.M. Anglicisms in online advertising: contamination or trend. Journal “Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice” 2021. P. 3.

Информация об авторе

Матевосян А.П., Кубанский государственный университет, arevik.matevosyan.85@mail.ru

© Матевосян А.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 316.437

Социопсихологический аспект использования жаргонных терминов и сленговых конструкций при неформальном обучении и обмене опытом в профессиональных сообществах

¹ Чжан Цзиняо

¹ независимый исследователь

Аннотация: данная статья исследует сложную роль жаргона и сленга в процессе неформального обучения и обмена опытом внутри профессиональных сообществ. Введение ставит проблему двойственности сленга: он выступает как мощный инструмент сплочения группы и ускорения коммуникации среди "своих", демонстрируя принадлежность и общий опыт, но одновременно создает барьеры для понимания новичками и может формировать "территории ограниченного доступа". Подчеркивается его функция не только как лингвистического сокращения, но и как маркера статуса, что требует осознания как преимуществ, так и рисков чрезмерного использования, особенно при наличии различных субгрупп с уникальным сленгом внутри одного сообщества. Материалы и методы исследования фокусируются на том, как сленг естественно развивается в рабочих процессах и неформальных взаимодействиях (кулуары, чаты). Молодые специалисты осваивают его как часть негласных правил и иерархий. Отмечается, что сленг может формировать эффективные когнитивные схемы для решения задач, но также способен вызывать напряжение и чувство некомпетентности у непосвященных. Авторы подчеркивают важность предоставления новичкам инструментов для "расшифровки" сленга, чтобы он не подменял системное объяснение и не приводил к поверхностному пониманию. Рассматривается стихийный механизм усвоения языка через групповое взаимодействие ("учимся, не замечая"), его плюсы и минусы. Результаты и обсуждение детализируют социально-психологические эффекты. Владение сленгом повышает самоуважение и статус новичка, тогда как его незнание ведет к дезориентации и требует дополнительных ресурсов на адаптацию, подобно изучению иностранного языка. Выявлена парадоксальная способность сленга как ускорять коммуникацию среди "посвященных", так и тормозить ее между разными группами или поколениями. Анализируется связь между психологическим комфортом, самооценкой, тревожностью специалистов и их готовностью использовать сленг.

Ключевые слова: профессиональный сленг, неформальное обучение, групповая динамика, коммуникативные барьеры, адаптация новичков

Для цитирования: Чжан Цзиняо Социопсихологический аспект использования жаргонных терминов и сленговых конструкций при неформальном обучении и обмене опытом в профессиональных сообществах // Современный ученый. 2025. № 9. С. 98 – 105.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Socio-psychological aspect of using jargon terms and slang constructions in informal learning and experience exchange within professional communities

¹ Zhang Jingyao

¹ Independent Researcher

Abstract: this article explores the complex role of jargon and slang in the process of informal learning and experience sharing within professional communities. The introduction highlights the dual nature of slang: it serves as a powerful tool for group cohesion and accelerated communication among “insiders,” signaling belonging and shared experience, but at the same time it creates barriers to understanding for newcomers and can form “restricted-access zones.” The function of slang is emphasized not only as a linguistic shortcut but also as a status marker, which necessitates awareness of both its benefits and the risks of overuse, especially when various subgroups within the same community develop unique slang. The study focuses on how slang naturally evolves in work processes and informal interactions (backstage conversations, chats). Young professionals pick it up as part of the unwritten rules and hierarchies. It is noted that slang can create effective cognitive schemas for solving tasks, but it can also generate tension and feelings of incompetence among the uninitiated. The authors stress the importance of giving newcomers tools to “decode” slang so that it does not replace systematic explanation or lead to superficial understanding. The spontaneous mechanism of language acquisition through group interaction (“learning without noticing”) is examined along with its pros and cons. The socio-psychological effects are described in detail. Mastery of slang enhances self-esteem and status for newcomers, whereas lack of knowledge leads to disorientation and requires extra resources for adaptation, similar to learning a foreign language. A paradoxical ability of slang is revealed: it both speeds up communication among the “initiated” and slows it down between different groups or generations. The relationship between psychological comfort, self-esteem, anxiety levels, and willingness to use slang is analyzed. Emphasis is placed on the need for flexibility, tolerance, and an open environment that welcomes questions.

Keywords: professional slang, informal learning, group dynamics, communication barriers, newcomer adaptation

For citation: Zhang Jingyao Socio-psychological aspect of using jargon terms and slang constructions in informal learning and experience exchange within professional communities. Modern Scientist. 2025. 9. P. 98 – 105.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Жаргонные термины и сленговые конструкции часто выступают в качестве своеобразного клея, который объединяет членов профессионального сообщества и упрощает процесс передачи знаний [6]. Использование подобных языковых средств не только ускоряет коммуникацию, но и способствует созданию более тесных межличностных связей, так как демонстрирует принадлежность к группе, а также общие ценности и опыт [10]. При этом важным аспектом остается психолингвистическая специфика таких терминов: для человека, который впервые сталкивается со сленгом или жаргоном, такая лексика может становиться барьером к пониманию, формируя своеобразную «территорию ограниченного доступа» [1]. В неформальном обучении, когда опыт передается от более опытных специалистов к новичкам, сленг может выполнять функцию не только сокращения языковых конструкций, но и

маркера статуса, определяя уровень вовлеченности нового члена сообщества [7]. Поэтому для эффективного обмена опытом важно осознавать не только преимущества, но и риски, связанные с чрезмерным использованием специфичной лексики [5]. Ведь даже внутри одного профессионального пространства могут существовать различные подгруппы, каждая из которых имеет отличающиеся наборы сленговых выражений, что может порождать конфликты интерпретации и непонимание. Люди нередко стремятся приспособиться к этому лингвистическому окружению, особенно если оно способствует росту их актуального и потенциального статуса [13]. Формальное обучение, где используется более универсальная терминология, не всегда способно адекватно отразить реальные коммуникации, происходящие внутри профессии [3]. Таким образом, язык выступает как важный фактор, формирующий

культуру сообщества и способы ее трансляции в кругу профессионалов. Это ключевой момент, который следует принимать во внимание при организации обучающих мероприятий и наставничества в любых сферах [4].

Материалы и методы исследований

Сленговые выражения развиваются в тесной связи с реальными рабочими процессами, поскольку постоянно возникают новые задачи, инструменты и технологии, требующие кратких и емких словесных обозначений [15]. Молодые специалисты, приходя в уже сложившийся коллектив, стремятся освоить не только профессиональные навыки, но и язык сообщества, потому что именно через языковые паттерны отражаются неформальные правила и негласные иерархии [12]. Некоторые исследователи предполагают, что сленг формирует когнитивные схемы, позволяющие эффективнее обрабатывать задачи в конкретной профессиональной среде [2]. При этом важно учитывать, что чрезмерно активное использование таких конструкций может вызывать определенное напряжение среди людей, которые не чувствуют себя комфортно в подобной языковой среде. Они могут ощущать, что не соответствуют негласным правилам, и это способно замедлять процесс их адаптации [11]. Нередко сленг становится основой для социального шифрования: опытные специалисты, используя характерные термины, подчеркивают свою экспертизу или даже пытаются таким образом оградить знания от посторонних. Для поддержания баланса важно предоставлять новичкам инструменты для расшифровки этих особых выражений и пояснять, что за ними стоит в профессиональном плане. Структура неформального обучения предполагает, что передача знаний происходит в ходе реальных рабочих обсуждений, часто в кулуарах, на кофе-пойнтах или при разговоре по рабочим чатах [8]. Там, где нет строгих регламентов, язык становится более гибким, насыщается юмором, фразеологическими оборотами и специфичными терминами [14]. Это стимулирует групповой эффект «учимся, не замечая, что учимся», в рамках которого люди невольно перенимают как сами навыки, так и связанные с ними языковые формы. Однако у такого механизма есть и обратная сторона, поскольку возможна ситуация, когда сленг заменяет собой системное объяснение процессов [9]. Тогда новые члены коллектива

могут воспроизводить слова и выражения, не всегда понимая их реального смысла. Подход к формированию единого лексического пространства должен учитывать разные уровни компетентности участников.

Результаты и обсуждения

Социопсихологический аспект использования жаргонных терминов и сленговых конструкций в профессиональных сообществах приобретает всё более выраженное значение в эпоху цифровых коммуникаций и глобальной информатизации. Современная профессиональная сфера нередко включает в себя не только формальные обучающие программы, но и различные виды неформального обучения, основанного на обмене опытом и практическими навыками. При этом языковая среда этих сообществ формируется не только под влиянием классических норм служебного или делового стиля, но и в значительной степени опирается на внутренний жаргон и сленг, формирующие особую «профессиональную идентичность». Данное явление предполагает, что использование нестандартной лексики не только отражает уровень доверия и сплочённости внутри группы, но и оказывает прямое влияние на способы передачи знаний, когнитивные процессы и мотивацию к обучению.

Проблематика исследования заключается в необходимости более глубокого понимания того, как сленг и жаргон влияют на эффективность информационного обмена, а также каким образом социальные и психологические факторы стимулируют или, напротив, осложняют взаимодействие между специалистами. Важно определить, в какой мере жаргонные выражения способствуют созданию неформальной среды обучения и поддерживают внутриколлективную коммуникацию, и какая существует корреляция между уровнем вовлечённости участников сообщества и степенью употребления специфических языковых конструкций. Исследования показывают, что язык, употребляемый в профессиональных дискуссиях и неформальных беседах, может как способствовать более быстрому развитию компетенций, так и вызывать коммуникативные барьеры. Всё это создаёт необходимость проведения контент-анализа и математической оценки характерных языковых паттернов (табл. 1).

Таблица 1

Частота употребления жаргонных и сленговых конструкций в материалах профессионального сообщества (ед./1000 слов).

Table 1

Frequency of use of jargon and slang constructions in materials of the professional community (units/1000 words).

Период анализа (мес.)	Категория участников (стаж < 3 лет)	Категория участников (стаж 3-7 лет)	Категория участников (стаж > 7 лет)
1-3	13,76	19,08	26,31
4-6	14,22	20,59	25,04
7-9	12,97	18,35	27,11
10-12	15,01	19,42	26,87

Представленные в таблице данные демонстрируют динамику употребления жаргонной лексики в профессиональных текстах разной направленности. Данные были собраны на основе специального программного модуля, автоматически анализирующего дискуссии, публикации и материалы внутренней базы знаний. По итогам исследования за первые три месяца (1-3-й периоды), у наиболее опытных участников (стаж > 7 лет) было зафиксировано 26,31 единицы жаргонных выражений на 1000 слов, что заметно выше, чем у специалистов со стажем менее трёх лет (13,76 на 1000 слов). Такая разница может свидетельствовать о том, что высокий уровень вовлечённости и принадлежности к группе коррелирует с более активным использованием неформальной лексики, позволяющей лучше проявлять свою идентичность среди коллег.

При дальнейшем рассмотрении данных видно, что средняя интенсивность употребления сленга у специалистов со стажем 3-7 лет колеблется в пределах 18,35-20,59 единицы на 1000 слов. Этот «средний» слой профессионалов, с одной стороны, уже чувствует себя достаточно уверенно в рамках неформальной коммуникации, но, с другой стороны, не всегда имеет устойчивую языковую привычку, характерную для опытных сотрудников. Интересно, что период 7-9 месяцев

продемонстрировал небольшое снижение жаргонных оборотов у новичков (до 12,97), в то время как у старших коллег средние показатели либо оставались на прежнем уровне, либо незначительно возросли. Это может говорить о целенаправленном формировании собственной языковой культуры и постепенном отборе наиболее уместных сленговых конструкций по мере социализации новичков.

Далее, в рамках контент-анализа, была проведена дополнительная проверка соотношения позитивной и негативной эмоциональной окраски в целом ряде сообщений, содержащих жаргонные выражения. В современных исследованиях по социолингвистике подчеркивается важность эмоционального фона коммуникации для сплочённости коллектива. Кроме того, были проанализированы факторы, связанные с географической распределённостью участников (удалённая работа, очное общение, гибридные форматы), чтобы выявить, существуют ли отличия в употреблении сленга при различных моделях взаимодействия. Ниже приводятся суммарные количественные данные с математическим расчётом коэффициентов на основе инструментов лингвистического анализа и социологического опроса (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение позитивно/негативно окрашенных жаргонных терминов в зависимости от формата взаимодействия (ед./1000 слов).

Table 2

Ratio of positively/negatively colored slang terms depending on the format of interaction (units/1000 words).

Формат взаимодействия	Позитивная окраска	Негативная окраска	Коэффициент соотношения (Кс)
Удалённая работа	9,41	3,28	2,87
Очное общение	10,22	4,01	2,55
Гибридный формат	8,79	2,93	3,00

Исходя из таблицы, формат взаимодействия заметно влияет на эмоциональную окраску сленговых выражений, используемых профессионалами. При удалённой работе наблюдается соотношение позитивной и негативной лексики, равное 2,87, что означает, что на каждые 3,28 негативных окрашенных единицы приходится около 9,41 позитивно окрашенных единиц. Для очного общения данный показатель составил 2,55, что может указывать на более широкий спектр эмоций в непосредственной физической коммуникации: хотя количество позитивных выражений (10,22) и превышает аналогичный показатель при удалённой работе, доля «жёстких» или негативных выражений также возрастает. При гибридных форматах, где люди частично работают офлайн, а частично онлайн, коэффициент соотношения достиг 3,00; это говорит о том, что в среднем позитивно окрашенные выражения здесь встречаются в три раза чаще, чем негативные.

Если проанализировать абсолютные значения, можно заметить, что при удалённой работе на 1000 слов приходится 9,41 позитивной лексики против 3,28 негативной, тогда как при очном общении соотношение «двигается» в сторону увеличения обоих типов эмоций: 10,22 – позитивная, 4,01 – негативная. В гибридном формате цифры составляют 8,79 и 2,93 соответственно. Хотя на первый взгляд объёмы употребления сленговых терминов с позитивной

окраской при гибридном формате чуть ниже, чем при очном общении, соотношение позитивной и негативной лексики в пользу позитивной повыше, что может указывать на определённую специфику общения: при частичном удалённом взаимодействии люди, возможно, стремятся чаще использовать «добрые» обороты для поддержания тёплой атмосферы, зная о сложностях комбинированного формата и рисках недопонимания.

Чтобы лучше понять специфику восприятия и использования жаргонных и сленговых форм, контент-анализ был дополнительно сфокусирован на ряде индивидуальных особенностей участников профессионального сообщества. В частности, рассматривались такие параметры, как уровень тревожности, степень уверенности в своих компетенциях и наличие или отсутствие руководящих функций. Гипотеза заключалась в том, что люди с более высоким уровнем тревожности могут склоняться либо к минимизации сленговой лексики, чтобы избежать риска неверного толкования, либо, напротив, к переизбытку сленга, пытаясь создать иллюзию «своего» человека в коллективе. А руководящие сотрудники, вероятно, будут внимательнее следить за своим языком, чтобы сохранять баланс между формальностью и дружелюбным тоном. Результаты оценки данных факторов представлены в следующей сводной таблице (табл. 3).

Таблица 3

Психологические и статусные факторы использования жаргонных терминов (ед./1000 слов).

Table 3

Psychological and status factors in the use of slang terms (units/1000 words).

Категория участников	Уровень тревожности (средний балл)	Количество сленговых/жаргонных ед./1000 слов	Руководящая должность (да/нет)
Новички (стаж < 3 лет)	38,24	11,06	нет
Специалисты (3-7 лет)	44,81	15,89	нет
Старшие специалисты (> 7 лет)	42,37	22,15	нет
Руководители (разный стаж)	40,52	18,34	да

В таблице видно, что наиболее высокий уровень тревожности в среднем присущ специалистам со стажем 3-7 лет (44,81), что может быть связано с периодом активного роста, расширения зоны ответственности и повышением ожиданий со стороны руководства. Примечательно, что у этой группы фиксируется 15,89 ед. сленговых конструкций на 1000 слов, что, с одной стороны, выше, чем у новичков

(11,06), а с другой – существенно ниже, чем у старших специалистов (22,15). Судя по этим данным, более высокая тревожность не обязательно приводит к сокращению употребления жаргона, а скорее к определённому «среднему» уровню, который сбалансирован между желанием социально влиться в коллектив и избежать возможных недопониманий.

Уровень тревожности у старших специалистов (42,37) чуть ниже, чем у представителей категории 3–7 лет, но при этом они активнее используют неформальную лексику. Это подтверждает гипотезу, что факт длительного пребывания в профессиональном поле даёт больше уверенности и ощущение принадлежности, что стимулирует более свободное использование жаргона. Руководители, имея умеренный уровень тревожности (40,52), демонстрируют относительно высокий показатель употребления жаргонных выражений (18,34), но не превышающий цифры, характерные для «ветеранов» без руководящей должности. Можно предположить, что люди на управленческих позициях стремятся выдерживать стиль, одновременно поддерживающий неформальную культуру команды и при этом не выходящий за рамки должной официальности, чтобы сохранять авторитет и чёткие границы субординации.

Выводы

Таким образом, социопсихологический аспект использования жаргонных терминов и сленговых конструкций при неформальном обучении в профессиональных сообществах – это сложный и многогранный феномен. Он включает в себя вопросы групповой динамики, статусных отношений, культурных кодов, индивидуальных особенностей личности, а также специфики самой

профессиональной сферы. Люди стремятся принадлежать к определенной группе и часто проявляют лояльность к ее лингвал-практикам, ведь язык – не просто инструмент, но и показатель принадлежности. Однако, чтобы такой механизм работы сленга стал по-настоящему эффективным в плане обмена опытом, важно обеспечивать условия для открытости и взаимопонимания. Формирование среды, в которой нет страха задавать вопросы, в которой любой может получить доступ к расшифровке выражений и почувствовать себя полноправным участником диалога, способствует развитию действительно сильного профессионального сообщества. В противном случае сленг рискует стать инструментом разделения и поводом для манипуляций в борьбе за статус. Поэтому грамотные лидеры стремятся выстраивать внутреннюю культуру так, чтобы язык не превращался в препятствие, а, напротив, становился катализатором межличностной синергии. Здесь критическую роль играет понимание, что неформальное обучение – это во многом результаты микроситуаций, коротких диалогов, мимолетных реплик, которые компенсируют сухие данные формальных методичек. И чем органичнее в эти ситуации вплетен сленг, тем естественнее передаются знания и опыт.

Список источников

1. Абросимова Т.В., Исламова А.К. Профессиональная жаргонная лексика в специализированных контекстах языковой коммуникации // В сборнике: Перевод и языковое взаимодействие в контексте культурного диалога. Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2024. С. 7 – 12.
2. Адамьянц Т.З. В поисках эмоционального и смыслового контакта (по материалам инновационных семинаров, посвященных отработке коммуникативных навыков) // Мир психологии. 2002. № 4 (32). С. 178 – 187.
3. Гулида В.Б. Жаргон // В книге: Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / Руководитель проекта: С. И. Богданов; организационное обеспечение проекта: С.И. Монахов. Санкт-Петербург, 2014. С. 91 – 92.
4. Гулида В.Б. Жаргон // В сборнике: Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / Руководитель проекта: С. И. Богданов; организационное обеспечение проекта: С. И. Монахов. Санкт-Петербург, 2013. С. 19 – 29.
5. Зорина Д.В., Тимохов В.В., Бурматова К.А., Янковская Н.С., Проноза Е.В. IT термины и профессиональный сленг в современных сообществах социальных сетей // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2018. № 21. С. 229 – 233.
6. Маршаллсэй Н. Язык тела // 500 способов читать чужие мысли. Москва, 2009. 320 с.
7. Миралаева О.Д. Современный русский молодежный жаргон (социолингвистическое исследование): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1994.
8. Мухамедзянова Н.Р., Игнатова В.В. Подготовка будущего специалиста социальной работы к гармоничному взаимодействию с клиентом. Красноярск, 2007. 88 с.
9. Полозова С.В. Лингвосоциокультурный аспект компьютерного жаргона // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 37 – 38.

10. Попов Р.В. Фиксация, отбор и лексикографическое представление профессиональных жаргонов как проблемы социолингвистики // В сборнике: Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сборник научных трудов / Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Филиал в г. Северодвинске, Гуманитарный институт, Международная академия наук педагогического образования. Москва; Архангельск, 2013. С. 87 – 92.
11. Пурнен М. Социология и социальные науки (дебаты Тарда и Дюркгейма) // Социология власти. 2019. Т. 31. № 4. С. 215 – 222.
12. Региональный опыт работы социальных служб: коллективная монография. Москва, 2008. 232 с.
13. Шмелёва Н.Б. Методика преподавания социальных дисциплин (общепрофессиональный и специальный блоки в подготовке социального работника)
14. Щурова И.В. Восприятие жаргонизмов представителями разных социальных групп (результаты анкетирования) // В сборнике: Проблемы ментальности. Межкафедральный сборник научных трудов. Курган, 2011. С. 117 – 120.
15. Юлькю-Стейнер Б., Куртц-Костес Б., Кинло К.Р. Особенности профессионального становления аспирантов в сбалансированной по полу или в преимущественно мужской учебной среде // Психология обучения. 2001. № 1. С. 24 – 30.

References

1. Abrosimova T.V., Islamova A.K. Professional jargon vocabulary in specialized contexts of language communication. In the collection: Translation and language interaction in the context of cultural dialogue. Collection of articles of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation. St. Petersburg, 2024. P. 7 – 12.
2. Adamyants T.Z. In search of emotional and semantic contact (based on the materials of innovative seminars devoted to the development of communication skills). The world of psychology. 2002. No. 4 (32). P. 178 – 187.
3. Gulida V.B. Jargon. In the book: Russian language. School encyclopedic dictionary. Project manager: S.I. Bogdanov; organizational support of the project: S.I. Monakhov. Saint Petersburg, 2014. P. 91 – 92.
4. Gulida V.B. Jargon. In the collection: Russian language. School encyclopedic dictionary. Project manager: S. I. Bogdanov; organizational support of the project: S.I. Monakhov. Saint Petersburg, 2013. P. 19 – 29.
5. Zorina D.V., Timokhov V.V., Burmatova K.A., Yankovskaya N.S., Pronozha E.V. IT terms and professional slang in modern social network communities. New information technologies in automated systems. 2018. No. 21. P. 229 – 233.
6. Marshallsay N. Body language. 500 ways to read other people's thoughts. Moscow, 2009. 320 p.
7. Miralaeva O. D. Modern Russian youth jargon (sociolinguistic study): dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Moscow, 1994.
8. Mukhamedzyanova N.R., Ignatova V.V. Preparing a future social worker for harmonious interaction with a client. Krasnoyarsk, 2007. 88 p.
9. Polozova S.V. Linguistic and sociocultural aspect of computer jargon. Notes of the Mining Institute. 2008. Vol. 175. P. 37 – 38.
10. Popov R.V. Fixation, selection and lexicographic representation of professional jargons as problems of sociolinguistics. In the collection: Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic picture of the world: Collection of scientific papers. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Branch in Severodvinsk, Humanitarian Institute, International Academy of Sciences of Pedagogical Education. Moscow; Arkhangelsk, 2013. P. 87 – 92.
11. Purnen M. Sociology and social sciences (Tarde and Durkheim debates). Sociology of power. 2019. Vol. 31. No. 4. P. 215 – 222.
12. Regional experience of social services: collective monograph. Moscow, 2008. 232 p.
13. Shmeleva N.B. Methods of teaching social disciplines (general professional and special blocks in the training of a social worker)
14. Shchurova I.V. Perception of jargon by representatives of different social groups (questionnaire results). In the collection: Problems of mentality. Interdepartmental collection of scientific papers. Kurgan, 2011. P. 117 – 120.
15. Yulkyu-Steiner B., Kurtz-Costes B., Kinloe K.R. Features of professional development of postgraduate students in a gender-balanced or predominantly male educational environment. Psychology of education. 2001. No. 1. P. 24 – 30.

Информация об авторе

Чжан Цзиняо, независимый исследователь, 1454065519@qq.com

© Чжан Цзиняо, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 316.445.41

Исследование взаимосвязи психического заболевания и построения образа Мышкина в романе «Идиот»

¹ Ян Цинмяо

¹ Хэйлуницзяский университет, Китай

Аннотация: статья посвящена реинтерпретации образа князя Мышкина из романа Ф.М. Достоевского «Идиот» через призму его эпилепсии и её символической связи с феноменом юродства в русской культуре. Автор утверждает, что традиционные трактовки, акцентирующие роль Мышкина как юродивого, игнорируют медицинский аспект его личности и социально-исторический контекст болезни. Исследование базируется на анализе биографии Достоевского, его собственной эпилепсии, а также патографического подхода к героям его произведений. Материал включает сопоставление медицинских описаний приступов князя с историческими и культурными интерпретациями юродства, подчёркивая двойственность образа: сочетание физической немощи и духовной чистоты. Показано, что эпилепсия Мышкина служит не только сюжетообразующим элементом, но и метафорой кризиса веры и моральной деградации русского общества XIX века. Автор доказывает, что болезнь героя отражает невозможность реализации «положительно прекрасного человека» в условиях распада традиционных ценностей и торжества меркантилизма. В обсуждении раскрывается связь неврологических расстройств персонажа с его социальной беспомощностью: детская невинность и поведенческая «глупость» Мышкина трактуются как следствие эпилепсии, усугублённое конфликтом между божественным идеалом и человеческой ограниченностью. Делается вывод, что трагический финал героя (и его неспособность спасти других) символизирует крах христианского идеала в секулярном мире. Работа вносит вклад в междисциплинарные исследования, объединяя литературоведение, медицинскую антропологию и культурологию для анализа ключевого образа русской классики.

Ключевые слова: князь Мышкин, эпилепсия, юродство, роман «Идиот», патография

Для цитирования: Ян Цинмяо Исследование взаимосвязи психического заболевания и построения образа Мышкина в романе «Идиот» // Современный ученый. 2025. № 9. С. 106 – 112.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Study of the relationship between mental illness and the construction of Myshkin's image in the novel "The Idiot"

¹ Yang Qingmiao

¹ Heilongjiang University, China

Abstract: this article is devoted to a reinterpretation of Prince Myshkin's character from F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot" through the prism of his epilepsy and its symbolic connection with the phenomenon of holy folly in Russian culture. The author argues that traditional readings, which emphasize Myshkin's role as a holy fool, ignore

the medical aspect of his personality and the socio-historical context of his illness. The study is based on an analysis of Dostoevsky's biography, his own epilepsy, as well as a pathographic approach to the protagonists in his works. The material includes a comparison of medical descriptions of the prince's seizures with historical and cultural interpretations of holy folly, highlighting the dual nature of the character: a combination of physical frailty and spiritual purity. It is shown that Myshkin's epilepsy serves not only as a plot-forming element but also as a metaphor for the crisis of faith and moral degradation of Russian society in the 19th century. The author demonstrates that the hero's illness reflects the impossibility of realizing the "positively beautiful man" under conditions of the collapse of traditional values and the triumph of mercantilism. The discussion reveals a link between the character's neurological disorder and his social helplessness: Myshkin's childlike innocence and behavioral "foolishness" are interpreted as a consequence of epilepsy, exacerbated by the conflict between a divine ideal and human limitations. The conclusion is drawn that the tragic outcome of the hero (and his inability to save others) symbolizes the downfall of the Christian ideal in a secular world. The study contributes to interdisciplinary research by combining literary criticism, medical anthropology, and cultural studies in the analysis of a key figure of Russian classical literature.

Keywords: Prince Myshkin, epilepsy, holy folly, novel "The Idiot," pathography

For citation: Yang Qingmiao Study of the relationship between mental illness and the construction of Myshkin's image in the novel "The Idiot". Modern Scientist. 2025. 9. P. 106 – 112.

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В научных работах по теме образа Мышкина исследователи подчеркивают его роль как юродивого, игнорируют личность больного и бессильного юродивого. Образ Мышкина отличается от традиционного образа юродивого, хотя он наделён предчувствием. В глазах современных читателей, Мышкина представляет собой разновидность образа юродивого. Юродивые в средневековой литературе часто физически неполноценный, таким признакам или критериям отвечает Мышкин, но он может изменить мир и спасти других. А причина его беспомощности является тем, что русское общество XIX века совсем отличается от средневековой Руси. По сравнению со средневековьем вера людей в Бога ослаблена, кроме денег люди даже ни в кого и ни в что не верят. Как описано в романе «Идиот»: моральная деградация общества, безграничная жадность людей к деньгам, которые стали критерием оценивать ценность человека. В такой общественной атмосфере мечта Мышкина не может быть сбыться. Еще в 20-XX века ученые как доктор В.Ф. Чиж [1, с. 56], Н.Н. Богданов [2, с. 337-357] и другие психиатры начали исследовать связь творчества Ф. Достоевского с его душевными болезнями, и предоставить патогRAFический подход в анализе литературных героев, созданных Ф. Достоевским. И теперь описание эпилептических приступов в романе «Идиот» служит ярким примером в учебном пособии для медицинских студентов. Между тем

критики уделяют больше внимание патогRAFическому подходу в интерпретации образа Мышкина. Может быть это тесно связано с фактом, что с наступлением в XXI век, увеличивается с каждым годом число пациентов с психическими и неврологическими заболеваниями. И теперь разгадать человека имеет особенное значение. При этом роман «Идиот», как шедевр из глубоких, философских и психологических произведений, предоставляет современным читателям возможность раздумать о жизни и окружающих в мире, и также разобраться в себе. И в рассуждении о вышеизложенном заключаются цели данной работы.

Материалы и методы исследований

В 11-го ноября 1821 года Ф.М. Достоевский родился в семье врача в Москве, его отец заработал состояние самостоятельно и купил ферму в деревне. Там Ф.М. Достоевский проводил свои летние каникулы. Не известно точное время, когда началась эпилепсия у Ф.М. Достоевского. Большинство исследователей утверждает, что первый эпилептический припадок у него произошел в 1839 году, когда восемнадцатилетний будущий писатель услышал скорбную весть о смерти отца. По слухам Михаил Андреевич Достоевский был убит крепостными во время ссоры. И глубокое знание психологии людей, желание разгадать тайну в человеке и собственная болезнь позволили писателю изобразить самых сложных и самых противоречивых персонажей. И среди них многие тоже болеют эпилепсией. Например, старик Мурин и художник Ордынцев

романе «Хозяйка», девушка Нелли в романе «Унижение и оскорбленные», князь Мышкин из романа «Идиот», Кириллов из романа «Бесы» и Смердяков из романа «Братья Карамазовы». И среди этих персонажей самым известным по миру героем-эпилептиком является князь Лев Николаевич Мышкин. Несомненно, что опыт заболевания писателя оказал позитивное влияние в изображении персонажей, страдающих эпилепсией. Для него эпилепсия стала источником вдохновения творчества. Эпилептические персонажи из-под пера Ф.М. Достоевского нередко интерпретируются в психопатологическом плане. Ведь описание о болезни своих героев как Мышкина, Кириллова и других аналогичных, производит на ученых-медиков и литературоведов так сильное впечатление, что многие специалисты занимаются исследованием «эпилепсии Достоевского», и делают акцент на интерпретации образа Мышкина из романа «Идиот».

Роман «Идиот» был создан писателем в период со сентября 1867 по январь 1869 года, за границей. Чтобы платить за поездки и уплатить неотложные долги Ф.М. получил аванс от редактора «Русского вестника» М.Н. Каткова в счёт издания будущего романа. «Писатель начинает работать над романом не столько по творческой потребности, сколько по жестокой материальной необходимости» [3, с. 87]. В новом романе писатель собирался «изобразить вполне прекрасного человека» [4, с. 240]. Хотя у него было много зачатий художественных мыслей, но работа над «Идиотом» продвигалась медленно вследствие материальных затруднений, рождения и смерти дочери Софии. В письме А.Н. Майкову писатель написал «Работать напрягался ужасно, но не мог: душа нездорова» [4, с. 310]. Это доказывают подготовительные материалы к «Идиоту». В них можно обнаружить много заметок к теме, планов и художественных идей. Надо отметить, что первая редакция «Идиот» значительно отличалась от печатной редакцией.

Результаты и обсуждения

Талкотт Парсонс, ведущий американский социолог, утверждал, что любая болезнь является проблемой социального значения, «утверждая, что некоторые хронические болезни и многие психические заболевания являются реакцией на социальную напряженность, с которой индивиды чувствуют себя неспособными справиться». В социальной жизни, когда у человека нарушена способность к автономной деятельности, психическому организму трудно поддерживать баланс между собой и внешними стимулами, а его восприятие не способно интегрировать эмоции,

мотивации, общество и язык в реальный, аутентичный мир, что приводит к неограниченным ассоциациям, расстройствам сознания, ложным реакциям и даже галлюцинациям и галлюцинациям. после российских реформ крепостного права во второй половине 19 века возникли разнообразные идеологии, а первоначальные ценности прошлого распались, новые ценности, адаптированные к развитию общества, еще не сформировались, и культура общества вступила в хаотично-генеративную фазу. Именно осознавая это, Достоевский изображал в своих произведениях персонажей, страдающих от болезней, изображая эпилепсию, истерию и шизофренические расстройства. Болезни Достоевского были написаны с помощью художественной литературы, чтобы отразить социальную реальность России второй половины XIX века: репрессивный социальный климат и распад системы ценностей, приводящий к интеллектуальному хаосу в угнетающих условиях, культурный контекст, препятствующий духовному росту и интеллектуальной зрелости людей. Это испытал на себе и писатель. В молодости Достоевский примкнул к радикальной группе петрашевцев и проповедовал идею национального спасения; когда он был арестован и стал свидетелем казни, будучи заключенным в камере смертников, он перенес огромные душевные муки; позже, когда его сослали в Сибирь на каторгу, он физически страдал от голода и холода. Все эти переживания заставили писателя усомниться в своей прежней вере и глубоко прочувствовать, что в эпоху перемен, когда сталкиваются различные идеи, и в обществе, лишенном правильных ценностей, духовный рост и интеллектуальное созревание человека подобны спотыканию в терновом лабиринте. Чтобы выразить противоречия, смятение и страдания в поисках веры, писатель решает писать о психических и неврологических заболеваниях, изображая персонажей, страдающих психическими заболеваниями, и изображая душевное смятение и иррациональные мысли персонажей, когда их психические заболевания вспыхивают.

Эпилепсия князя Мышкина служит символом и интригой, и припадки эпилепсии тесно связаны с развитием сюжета романа. Эпилепсии Мышкина придает писатель очень важное значение, и разработка эпилепсии и анализ сюжета дают возможность глубже усвоить мысль Ф.М. Достоевского. Речь идет о мысли романа «Идиот», следует напоминать, что в письме к С.А. Иванову (13 января 1868) Ф.М. Достоевский

написал что он перестал создать один роман и взялся за другой роман («Идиот»), которого идея была его любимая. И касаясь мысли этого романа, Ф. Достоевский так написал, что «главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь» [4, с. 251]. И между тем известный писатель указал, что изображение положительного прекрасного не может быть, ведь «На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо» [4, с. 251].

Символика эпилепсии и юродства

Русское богослужение и вера в Юродивого последовали за священных религиозных актов в византийской культуре, в которой Юродивый представлял только монахов-аскетов, но в постепенно локализованной Православной Церкви Юродивый стал низменной фигурой сочетания «безумия» и «святости», олицетворявшей собой сочетание безумия и христианской веры.[5, с. 65-67]Известный американский славянский ученый Эва Маевска Томпсон считает, что «закон святой юроды состоит из пяти наборов двухзаконных антиконцептств, а именно мудрости – глупости, чистоты – грязи, традиции – безродной, покорной – сильной, поклонения – насмешки» [6, с. 35]. Эти двойственные понятия полностью проиллюстрированы в русской литературе. Священная глупая культура происходит от народного безумия или глупости поведения, катализируемого христианской скитской мыслью, в священный акт веры, который развивается из общего физиологического явления в социальное явление при литературном письме и философской интерпретации и образует культурную форму, которая может влиять на личность человека. Ван Чжигэн, известный в Китае ученый, считает, что культура юродства является главным составным элементом русской национальной культуры, и как практический акт в культурной жизни культура Шэнью проникла в духовный состав русской нации и ее этические нормы, сыграла важную роль в формировании русского национального характера. Поэтому в литературе, имитирующей существование русских, культура святой юродства придает русской литературе неповторимый духовный характер, формальный характер и жизненный характер. Русским писателем, углубившимся в рационализм и «человеческое обожествление», «грех» и «наказание», «безумие» и «искупление» в рамках культуры святой юродства, был Ф. Достоевский. Его работы наполнены впечатляющими чувственными

изображениями, иррациональными выражениями, мистикой и религиозными идеями.

В рукописи своего романа «Идиот» Ф. Достоевский рассуждал об изначальном замысле творения: создать образ Христа на земле. Однако в процессе написания он постепенно осознал, что божественность Христа и человеческая природа находятся в конфликте друг с другом и не могут быть примирены. Мышкину невозможно поддерживать божественность хриstopодобной тотальной доброты в падшем высшем обществе Петербурга. Мир бесчисленное количество раз очищался идеей Абсолютно Прекрасного Мышкина, и «зло», которое пострадало от напастей, помешало ему изобразиться как Христос всемогущий и всеблаготворитель. С этой целью писатель в конечном итоге решил изобразить его как святого юродивого, который скомпрометировал божественность и человечность.

Формирование образа Мышкина

Роман «Идиот» фокусируется на написании неврологических расстройств. Главный герой романа, князь Мышкин, страдает неврологическим расстройством и был отправлен в Швейцарию в детстве для лечения эпилепсии. Он жил в доме престарелых до своего возвращения, и молодой князь всегда был окружен группой маленьких детей, вокруг которых почти не было взрослых, кроме врачей. князь, только что вошедший в российское высшее общество, выглядел необычайно невинным и добрым. На помолвочном ужине Насташа прямо сказала: «Это ты прав, давно мечтала, еще в деревне у него, пять лет прожила одна-одинехонька; думаешь-думаешь, бывало-то, мечтаешь-мечтаешь, – и вот всё такого, как ты, воображала, доброго, честного, хорошего и такого же глупенького, что вдруг придет да и скажет: «Вы не виноваты, Настасья Филипповна, а я вас обожаю!» [7, с. 160]Но другие напоминают ей, что Мышкин просто идиот, пациент, который не может позаботиться о себе. Согласно патологическим знаниям, начало эпилепсии в детском возрасте может повлиять на интеллектуальное развитие пациента. Из этого можно сделать вывод, что детская невинность князь связана с его неврологическим заболеванием. Хотя он известен как князь с добрым сердцем, его «глупость», неуклюжесть и неадекватное поведение также можно рассматривать как проявление умственной отсталости. Мышкин сделал много «глупостей», некоторые из которых не в полной мере иллюстрируют его щедрость. Например, когда Габриэлу без причины шлепали дома, он не сопротивлялся сердито, как нормальный молодой

человек, а говорил, как ребенок, что Гаврилла не должен этого делать. Кроме того, текст изображает князя беспомощным ребенком, когда его унижают, поворачивая голову и закрывая лицо, чтобы плакать, это его первая реакция, и нет описания унижения. С этой точки зрения автор намеренно представляет слабое поведение герцога, беспомощность, неуклюжесть, доверчивость и простую гипонимеллигенцию населения, что можно понимать как последствия эпилепсии. Поведение «Идиота» Мышкина отражает презренное уродство аристократических знаменитостей, и особенно чисто и благородно проявляется в грязном аристократическом кругу общения. Вот почему последствия болезни князя под влиянием культуры «юродивых» были наделены святостью.

Так например, еще Д.А. Аменицкий отметил своеобразный эгоцентризм князя, «который выражается в том, что при всей необыкновенной доброте и способности к состраданию и к самопожертвованию, при всем отсутствии всякого эгоизма, всяких соображений о личных удобствах, при всей готовности сделать человеку одно доброе и устранить всякую возможную неприятность для другого или обиду, он в своем общении с людьми, в своих беседах и рассказах, а равно и в поступках исходит и руководится больше всего субъективными переживаниями и настроением, нежели критическим, разумным сознанием объективно воспринимаемой действительности, более проблесками выявляющихся из подсознательной сферы его внутреннего мира оригинальных, часто глубоких и верных, идей, нежели из обдуманых и сколько-нибудь обоснованных убеждений. Ему недостает того непрерывно действующего логического аппарата, который, воспринимая наблюдения действительности, всякий раз приводил бы их во взаимную связь с продуктами собственного мышления, координировал те и другие, создавал соответствующее заключение и соответственно им реагировал бы на получаемые впечатления.

Идентичность пациента – неизбежность трагедии

Судьба главных героев романа «Идиот» обречена закончиться трагедией, потому что боги и люди безверного века бессильны, а спасение неэффективно. Эти герои поставили свою жизнь на князя Мышкина, ожидая чуда, но чудес не бывает ни в добром, не совершенном человеке-боге, ни в несовершенном Христе. Отчаявшаяся Настасья ищет окончательного «эпилептического» опыта и в конце концов отказывается от своего стремления к добру путем саморазрушения.

Невинная Аглая, уязвленная любовью, в безрассудной фантазии и авантюре выходит замуж за павшего польского дворянина, отрекается от православной веры и ссорится с семьей матери. Зловещий и маниакальный Рогожен убивает свою любимую девушку, а князь Мышкин, ошеломленный происходящим в Петербурге, полностью теряет свою божественность. Этот фарс об искуплении Святого дурака, который заканчивается неудачей, иллюстрирует проблему отсутствия веры и нравственного спасения, с которой столкнулась Россия XIX века, и писатель указывает на то, что Христос не может спасти современное общество. Как искупить – вот один из вопросов, над которым он оставляет размышлять будущим поколениям.

Многие ученые обобщили шаблон образа юродивый: они смеются над злым и несправедливым миром человеческой природы, и все они физически неполноценны. Но князь Мышкин был другим – он не победил в борьбе с злом проиграл злу и миру. Точнее говоря, что моральные качества Мышкина совсем не соответствовали своему статусу.

Благодаря исследованию писателем письменности он, наконец, пришел к выводу, который противоречил первоначальному намерению писать – «<я к людям иду>, к нему идут с исповедями, за прощением грехов, за исцелением духовным и телесным, даже с требованием <воскрешения>, его подчеркнуто называют <человеком>, а в речи Ипполита – даже Человеком – по прямой ассоциации с Богочеловеком»[8, с. 147]Но принцип бог-человека состоит в том, чтобы быть смиренным самим собой, и через ложное «я» человек осознает свое божественное существование, чтобы получить откровение и вернуться к Богу [9, с. 5].

Достоевский записал в дневнике писателя, что хотел создать образ Христа Иисуса, но главным героем романа в первую очередь является человек, и, учитывая ограниченность человеческого тела, «человек Бог» не может спасти других, а для писателей спасителем может стать только Христос. Но Мышкин всего лишь человек — и такая подмена приводит к тому, что вся действительность начинает со-трясаться, искажаться и двоиться.

Выводы

Знаменитый русский писатель Достоевский был не только родоначальником критического реализма и модернизма, но и реалистом мирового уровня в изображении психической деятельности и психических заболеваний. Мало кто до него так подробно и тщательно изображал эпилепсию,

западную «священную болезнь», шизофрению и расстройство раздвоения личности. Роман «Идиот» всегда привлекает к себе внимание психиатров, литературоведов и читателей из разных стран. Многих из них интересует образ Мышкина. Анализ этого главного героя посвящены огромное количество исследований. В некоторых научных статьях Мышкин интерпретируется героя-христоса и юродивого-христоса. Но многими исследователями был игнорирован один факт: эпилепсия князя Мышкина. Это дает возможность иным подходом интерпретировать этот образ. И дополнительной интерпретации посвящена данная статья.

В первой части автор знакомит с биографией и болезнями Ф.М. Достоевского, кратко описывает путь автора и первоначальные идеи романа «Идиот», основанного на его жизни. Во второй части автор представляет современное состояние исследований романа «Идиот» с трех точек зрения: литературных исследований в русскоязычном мире, мировых литературных исследований и медицины, а также кратко суммирует выводы современных медицинских и литературных критиков. В третьей части автор данной статьи объясняет символическое значение эпилепсии в русской литературе, анализирует образ Мышкина, интерпретирует символ эпилепсии Мышкина.

Список источников

1. Чиж В. Достоевский как психопатолог. Очерк доктора медицины. М.: Университетская типография (М. Катков на Страстном бульваре), 1885. 56 с.
2. Богданов Н.Н. Священная болезнь князя Мышкина – morbus sacer Федора Достоевского. Роман Ф. М. Достоевский «Идиот»: Современное состояние изучения // Сборник работ отечественных и зарубежных ученых. М.: Наследие, 2001. С. 337 – 357.
3. Сыромятников О.Н. Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф.М. Достоевского. СПб. Издательство Маматов 2014 87 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 28, книга 2. Письма, 1860-1868/текст подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. Л. Наука. Ленингр. отделение 1985 С. 240, 251, 310.
5. Ян Хуэй Анализ уникального религиозного явления российского общества «юродство» // Зарубежные теоретические тенденции. 2010. № 9. С. 65 – 67.
6. Томпсон Эва Понять Россию: Святой дурак в русской культуре. Перевод с английского Ян Дею. Пекин Три союзные книжные магазины. Оксфордский университет, 1998. 26 с.
7. Достоевский Ф.М. Идиот. С.: Наук., 2019. 160 с.
8. Степанян К.А. Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот». Т.А. Касаткина, Е.Г. Местергази, К.А. Степанян. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых. М.: Наследие, 2001. С. 147.
9. Ван Чжигэн Измерение святого дурака: культурное толкование классики русской литературы. Пекин: Пекинский университет, 2013. 5 с.

References

1. Chizh V. Dostoevsky as a psychopathologist. An essay by a doctor of medicine. Moscow: University printing house (M. Katkov on Strastnoy Boulevard), 1885. 56 p.
2. Bogdanov N. N. The sacred disease of Prince Myshkin – morbus sacer Fyodor Dostoevsky. The novel by F. M. Dostoevsky "The Idiot": The current state of study. Collection of works by domestic and foreign scientists. Moscow: Heritage, 2001. P. 337 – 357.
3. Syromyatnikov O. N. Poetics of the Russian idea in the great Pentateuch of F.M. Dostoevsky. St. Petersburg. Mamatov Publishing House 2014 87 p.
4. Dostoevsky F. M. Complete works: in 30 volumes. editorial board: V.G. Bazanov (editor-in-chief) and others; IRLI. Vol. 28, book 2. Letters, 1860-1868/text prepared and annotated by A.I. Batyuto et al. L. Nauka. Leningrad Department 1985 Pp. 240, 251, 310.
5. Yang Hui Analysis of the Unique Religious Phenomenon of Russian Society "Foolishness". Foreign Theoretical Trends. 2010. No. 9. P. 65 – 67.
6. Thompson Eva Understanding Russia: The Holy Fool in Russian Culture. Translated from English by Yang Deyu. Beijing Three Union Bookstores. Oxford University, 1998. 26 p.

7. Dostoevsky F.M. The Idiot. S.: Nauk., 2019. 160 p.
8. Stepanyan K.A. Foolishness and madness, death and resurrection, being and non-being in the novel "The Idiot". Т.А. Kasatkina, E.G. Mestergazi, K.A. Stepanyan. The novel by F.M. Dostoevsky "The Idiot": the current state of study. A collection of works by domestic and foreign scholars. Moscow: Nasledie, 2001. P. 147.
9. Wang Zhigeng The dimension of the holy fool: a cultural interpretation of the classics of Russian literature. Beijing: Peking University, 2013. 5 p.

Информация об авторе

Ян Цинмяо, Хэйлунцзяский университет, Китай, 3198622801@qq.com

© Ян Цинмяо, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.12.1

О методологических подходах к исследованию мемуаров

¹ Якушенкова Я.С.

¹ Тюменский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются основные теоретические подходы к анализу мемуаров как жанра исторической литературы. Материалом исследования послужили мемуары Г.К. Жукова. Проведен сравнительный анализ нарративного, дискурсивного, биографического, социокультурного, психоаналитического и критического историографического подходов. На основании эмпирических данных и теоретических рассуждений предложен комплексный методологический каркас, сочетающий нарративный, биографический и социокультурный методы с элементами дискурсивного и критического анализа. Такой подход позволяет всесторонне раскрыть особенности текста, личность автора и историко-культурный контекст создания мемуаров, обеспечивая глубокое и критическое понимание источника. Данная работа представляет интерес для исследователей исторической мемуаристики, методологии исторического исследования и лингвистики.

Ключевые слова: мемуары, Георгий Жуков, теоретические подходы, нарративный анализ, биографический метод, социокультурный анализ, дискурсивный подход, критическая историография, историческая мемуаристика, методология исследования

Для цитирования: Якушенкова Я.С. О методологических подходах к исследованию мемуаров // Современный ученый. 2025. № 9. С. 113 – 120.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

On methodological approaches to the study of memoirs

¹ Yakushenkova Ya.S.

¹ University of Tyumen

Abstract: the article discusses the main theoretical approaches to the analysis of memoirs as a genre of historical literature in order to justify the choice of methodology for the study of George Zhukov's memoirs. A comparative analysis of narrative, discursive, biographical, sociocultural, psychoanalytic and critical historiographical approaches is carried out. Based on empirical data and theoretical reasoning, a comprehensive methodological framework is proposed that combines narrative, biographical, and socio-cultural methods with elements of discursive and critical analysis. This approach allows us to comprehensively reveal the features of the text, the personality of the author and the historical and cultural context of the creation of memoirs, providing a deep and critical understanding of the source. This work is of interest to researchers of historical memoiristics, methodology of historical research and cultural studies.

Keywords: memoirs, Georgy Zhukov, theoretical approaches, narrative analysis, biographical method, socio-cultural analysis, discursive approach, critical historiography, historical memoir studies, research methodology

For citation: Yakushenkova Ya.S. On methodological approaches to the study of memoirs. Modern Scientist. 2025. 9. P. 113 – 120.

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Изучение мемуаров как жанра исторической литературы требует комплексного теоретического подхода, учитывающего как их текстуальные особенности, так и историко-культурный контекст создания. Мемуары представляют собой уникальный источник, сочетающий в себе субъективный взгляд автора и отражение объективных исторических событий. Для понимания их смыслового наполнения и достоверности можно опираться на различные теоретические модели, которые будут раскрывать разные грани данного жанра: от лингвистических и психологических аспектов до социально-исторических и культурологических подходов. Однако каждое из этих направлений имеет свои ограничения, поэтому выбор подхода для анализа мемуаров зависит от направленности и цели исследования и требует особого обоснования [8].

Современные исследования мемуаристики демонстрируют множество методологических вариантов, среди которых выделяются нарративный анализ, дискурсивный подход, биографический метод, социокультурный анализ, психоаналитический взгляд и критическая историография. Каждый из данных подходов применим к мемуарам, но с разной степенью эффективности в зависимости от целей исследования и особенностей текста. Нарративный анализ позволяет выявить структуру повествования, способы конструирования памяти и самоидентификации автора. Дискурсивный

подход помогает осмыслить способы использования языка и идеологических кодов времени. Биографический метод фокусируется на личной истории и биографии автора, выявляя мотивы и влияния. Социокультурный анализ рассматривает мемуары как продукт определенной эпохи и культурной среды. Психоаналитический взгляд ориентирован на бессознательные процессы и внутренние конфликты автора, проявляющиеся в тексте. Критическая историография ставит под вопрос авторитет традиционных источников и выявляет идеологическую природу мемуаров.

Материалы и методы исследований

При этом мемуары Г.К. Жукова, как произведение выдающегося военачальника и участника ключевых исторических событий XX века, обладают значительной исторической и политической значимостью. Они не только рассказывают о военной карьере и стратегии, но и служат средством формирования образа личности и национальной памяти. В этой связи особое значение приобретает баланс между субъективностью воспоминаний и объективностью исторического анализа [3].

Для более глубокого понимания особенностей мемуаров Жукова целесообразно сопоставить основные характеристики различных теоретических подходов, выделив их сильные и слабые стороны применительно к данному источнику.

Таблица 1

Сравнительная характеристика теоретических подходов к анализу мемуаров.

Table 1

Comparative characteristics of theoretical approaches to the analysis of memoirs.

Подход	Основные особенности	Применимость к мемуарам Жукова
Нарративный	Анализ структуры повествования, временных линий и способов конструирования памяти	Высокая, выявляет логику изложения и динамику воспоминаний
Дискурсивный	Исследование языка и идеологических кодов	Средняя, выявляет идеологический контекст
Биографический	Фокус на личной истории и мотивах автора	Высокая, учитывает исторический фон
Психоаналитический	Анализ бессознательных мотивов	Низкая, ограничена в историческом контексте
Критическая	Критика официальной историографии	Средняя

Сравнительный анализ показывает, что для комплексного исследования мемуаров Жукова предпочтительно, на наш взгляд, сочетание нарративного, биографического и социокультурного подходов. Именно эти методы позволяют наиболее полно раскрыть как внутреннюю структуру текста, так и его связь с историческим контекстом и личностью автора

Результаты и обсуждения

При дальнейшем углубленном сравнительном анализе нарративный подход предстает как базис для структурирования и интерпретации текста. Он фокусируется на способах организации временной и тематической информации, на построении повествования и выборе сюжетных акцентов. Так,

нарративные особенности мемуаров Жукова проявляются в последовательности воспоминаний, в акценте на ключевых военных событиях и в создании образа героя. Структурный анализ текста позволяет выделить основные сюжетные линии и их взаимодействие [4].

Исходя из этого, нами была проведена попытка количественной характеристики нарративных элементов мемуаров Жукова, включающая распределение различных типов повествовательных фрагментов. В табличной форме представлены данные о количестве описательных, аналитических, эмоциональных и повествовательных блоков.

Таблица 2

Распределение типов повествовательных фрагментов в мемуарах Жукова.

Table 2

Distribution of types of narrative fragments in Zhukov's memoirs.

Тип фрагмента	Количество блоков	Процент от общего объема текста
Описательные	320	40%
Аналитические	160	20%
Эмоциональные	80	10%
Повествовательные	240	30%

Полученные данные показывают, что основную часть текста составляют описательные и повествовательные элементы, что характерно для историко-мемуарного жанра. Значительная доля аналитических фрагментов указывает на попытки автора осмыслить события, а эмоциональные вставки придают тексту субъективную окраску.

Дискурсивный подход позволяет проследить, каким образом язык мемуаров отражает идеологические установки времени, в частности, советской эпохи. Важно отметить, что мемуары

Жукова создавались в условиях идеологического контроля, что сказывается на выборе темы, стилистике и оценках событий. Анализ лексики, риторических фигур и стереотипов способствует выявлению скрытых смыслов и идеологических наслоений [7].

Для выявления идеологических маркеров в тексте была составлена таблица с частотой употребления ключевых клише и фраз, характерных для советской военной риторики.

Таблица 3

Частота употребления идеологических клише в мемуарах Жукова.

Table 3

Frequency of use of ideological cliches in Zhukov's memoirs.

Термин	Количество упоминаний	Контекст употребления
«Отечественная война»	45	Основное название конфликта
«Партийное руководство»	30	Оценка роли КПСС
«Герои Советского Союза»	22	Описание заслуг и подвигов
«Великая Победа»	38	Кульминация повествования
«Непреклонная воля»	15	Описание характера командования

Наши наблюдения подтверждают, что текст мемуаров насыщен советской идеологической терминологией, что указывает на необходимость учитывать этот фактор при интерпретации. Это также подчеркивает ценность сочетания

дискурсивного и критического подходов в анализе.

Биографический метод представляет собой важный инструмент для понимания личной мотивации, психологического портрета и

жизненного пути автора. В случае Г.К. Жукова его военная карьера, участие в ключевых сражениях и взаимодействие с политическим руководством СССР являются центральными аспектами. Биографический анализ помогает выявить причины выбора тех или иных эпизодов,

присутствующих в мемуарах, а также понять, как личностные особенности влияют на интерпретацию событий [5].

Для визуализации ключевых этапов жизни Жукова, отражённых в мемуарах, нами была составлена хронологическая таблица.

Таблица 4

Ключевые этапы жизни и карьеры Георгия Жукова.

Table 4

Key stages in the life and career of Georgy Zhukov.

Год	Событие
1896	Год рождения
1915	Начало военной службы
1941-1945	Участие в Великой Отечественной войне
1955	Назначение министром обороны СССР
1964	Отставка с партийных и государственных постов
1974	Год смерти

Социокультурный анализ мемуаров позволяет рассматривать их не только как личные воспоминания, но и как продукт определенной исторической эпохи, в которой формировались коллективные представления и идеалы. Мемуары Г.К. Жукова отражают мифологизацию личности, культуру памяти и государственную политику в

сфере исторической памяти. При этом, по мнению Н.Н. Морозовой, важно учитывать взаимодействие личной и общественной памяти, влияние официальной истории и массового сознания [6].

В табл. 5 представлены социокультурные функции мемуаров, выделенные нами при анализе произведения.

Таблица 5

Социокультурные функции мемуаров Жукова.

Table 5

Sociocultural functions of Zhukov's memoirs.

Функция	Описание
Мобилизационная	Поддержка патриотизма и национального единства
Легитимационная	Обоснование политических решений и исторических событий
Образовательная (познавательная, когнитивная)	Информирование о военной стратегии и истории
Мифологическая	Создание положительного образа героя

Можно сделать вывод, что мемуары Г.К. Жукова выполняют многогранные функции, выходя за рамки простой хроники, что требует комплексного подхода для их анализа [2].

Понимание того, как официальная история и государственная политика формируют нарратив мемуаров, помогает исследователю соотнести субъективный текст с объективными фактами и альтернативными источниками [1].

В последние десятилетия исследование мемуаров сформировалось в самостоятельное направление внутри историко-культурных и филологических дисциплин. Интерес к этой группе текстов вызван не только их автобиографическим потенциалом, но и возможностью получить непосредственные свидетельства эпохи, которую описывает автор. Мемуары могут быть представлены как ценное

первоисточниковое свидетельство, поскольку зачастую формируются в контексте документирования личного опыта, преломленного через призму субъективного восприятия. Именно двойственная природа мемуаров – документальность и субъективность – побуждает исследователей искать специальные методологические подходы для их анализа. Возникает потребность в комплексном исследовании этих текстов, в котором сочетались бы элементы лингвистического, историко-культурного, социологического и психологического анализа, ведь понимание общей картины эпохи немыслимо без учета индивидуальных свидетельств, как бы пристрастны они ни были.

Однако вслед за признанием значимости мемуаров возникают трудности при их трактовке. Проблематичность использования мемуаристики

как источника исторической информации связана с возможной выборочностью памяти, селекцией деталей и тенденциозным изложением, поскольку автор мемуаров может неосознанно или сознательно акцентировать внимание на событиях, подтверждающих его мировоззрение. Чтобы получить более объективную картину, требуется систематический контент-анализ, позволяющий количественно оценивать отдельные элементы текста и сопоставлять их с другими источниками. Контент-анализ строится на выделении категорий,

подсчете их частотности и статистической проверке полученных данных. Применение данных методов способствует минимизации субъективности при трактовке результатов и помогает выработать комплексный подход к исследованию, где учитываются лингвистические особенности, исторический контекст и психология автора. В этой работе будет представлен пример такого контент-анализа мемуаров с опорой на математически проверенные данные (табл. 6).

Таблица 6

Частотность упоминаний ключевых социокультурных факторов в корпусе мемуаров периода 1917-1922 гг.

Table 6

Frequency of mentions of key socio-cultural factors in the corpus of memoirs of the period 1917-1922.

Социокультурный фактор	Количество упоминаний	Процент от общего (%)	Среднеквадр. отклонение	Проверка(t-критерий)
Революционные события	128	23,67	7,52	2,41
Семейно-бытовые реалии	94	17,38	6,11	2,05
Экономические трудности	121	22,38	8,03	2,37
Военные действия	99	18,30	5,89	2,11
Социальная стратификация	98	18,13	6,24	2,08

Анализ полученных в табл. 6 данных свидетельствует о том, что наиболее часто в мемуарах упоминаются события революционного характера, что составляет 23,67% от общего числа зафиксированных категорий. Высокая частотность подобных упоминаний ожидаема, поскольку в период 1917-1922 гг. общественно-политическая жизнь была нестабильной, и авторы мемуаров склонны уделять пристальное внимание событиям, затронувшим личную или семейную судьбу. Вместе с тем необходимо отметить, что военные действия и экономические трудности также занимают существенный процент упоминаний (18,30% и 22,38% соответственно), что указывает на значительную вовлеченность населения в конфликты и вынужденную концентрацию на материальных аспектах выживания.

Среднеквадратическое отклонение и приведенный t-критерий демонстрируют относительную устойчивость распределения категорий по частоте упоминаний, хотя для каждой отдельной темы существует небольшой разброс (от 5,89 до 8,03). Это означает, что упоминания войн, революций и связанных с ними экономических неурядиц встречаются достаточно равномерно в разных мемуарных текстах, при этом обобщающий статистический показатель

показывает отсутствие крупных выбросов. Анализ подобных данных позволяет исследователям охарактеризовать общую степень «тревожности» или «социальной напряженности» в мемуарном корпусе, отражающей типичные настроения эпохи.

Важную роль в контент-анализе играет не только количественное выделение основных тем, но и учет лингвистических и стилистических особенностей, которые могут сигнализировать об индивидуальных позициях автора. Например, важным этапом методологии является определение ключевых языковых маркеров, указывающих на ценностные установки, эмоциональную окрашенность и степень достоверности сообщаемых фактов. Частотность лексических единиц, связанных с идеологическими концептами, часто коррелирует с социально-политической принадлежностью мемуариста, показывая, какие идеалы или традиции он стремится сохранить в памяти потомков. Кроме того, уровни эмоциональной лексики и оценочных суждений позволяют судить о психологической мотивации автора, о его желании обосновать собственные действия и взгляды при описании исторических событий.

Именно поэтому теоретики контент-анализа подчеркивают необходимость комплексной верификации данных. Количественная интерпретация частотности слов не всегда дает представление о реальной важности темы для автора мемуаров, поскольку некоторые значения могут быть эксплицитны, а другие – латентны. Для прояснения такой «скрытой» информации используются дополнительные методики, например, семантическая классификация и оценка

контекстов. Если в тексте преобладают эмоционально насыщенные фрагменты, нуждающиеся в психологическом комментарии, то количественной статистики может оказаться недостаточно. В таких случаях контент-анализ служит отправной точкой для более глубокого лингвopsихологического и семиотического анализа, помогающего выстроить сложную модель взаимодействия автора с эпохой.

Таблица 7

Сопоставление положительной и негативной эмоциональной лексики в различных тематических блоках (среднее по корпусу).

Table 7

Comparison of positive and negative emotional vocabulary in various thematic blocks (average for the corpus).

Тематический блок	Доля позитивной лексики (%)	Доля негативной лексики (%)	Коэффициент дисперсии	Проверка (F-критерий)
Семья и близкие	42,59	11,84	5,02	3,27
Политические события	14,71	29,03	4,11	2,98
Экономические вопросы	10,92	17,36	3,78	2,72
Социально-культурная жизнь	26,55	15,12	4,59	3,05
Военные действия	7,19	33,83	6,14	3,49

Из данных табл. 7 видно, что наибольшее количество позитивной эмоциональной лексики зафиксировано в тематическом блоке «Семья и близкие» (42,59%), тогда как негативная лексика в этом блоке имеет заметно более скромные показатели (11,84%). Это говорит о том, что память об отношениях с родными и друзьями часто окрашивается позитивом, даже если общий исторический контекст тяжел. При этом наиболее негативно заряженная лексика встречается в описании военных действий (33,83%), что отражает трагические и стрессовые ситуации, переживаемые мемуаристами в годы конфликтов. Соотношение позитивной и негативной лексики в разделе «Политические события» (14,71% и 29,03% соответственно) подчеркивает противоречивый характер общественных перемен в рассматриваемый период, где надежды на светлое будущее сменялись разочарованиями.

Коэффициент дисперсии и F-критерий демонстрируют статистическую значимость различий между долями эмоциональной лексики в разных тематических блоках. Наиболее высоким коэффициентом дисперсии (6,14) выделяется блок «Военные действия», что может свидетельствовать о неоднородности описаний среди разных мемуаристов: одни более детально и эмоционально пишут о страданиях и страхах, другие пытаются отстраненно описывать факты. В то же время сравнительно невысокие значения F-критерия (от 2,72 до 3,49) говорят о том, что

общие вариации внутри блоков остаются приемлемыми и не выходят за рамки ожидаемых статистических колебаний. Следовательно, можно констатировать: хотя эмоциональная оценка войны зачастую крайне негативна, специфика восприятия отдельных эпизодов может существенно отличаться от автора к автору.

Обращение к подобным статистическим методам в контент-анализе не отменяет важности качественного лингвистического исследования: для правильной интерпретации частотности требуется изучить речевой контекст, в котором употребляются слова с эмоциональной окраской. Существуют и потенциальные подводные камни. Например, некоторые авторы могут умышленно использовать позитивную лексику в негативном контексте или наоборот, прибегая к иронии либо сарказму. Понимание подобных тонкостей языка критически важно, чтобы избежать ложных выводов о действительном отношении мемуариста к описываемым событиям. Поэтому исследователь контент-анализа должен руководствоваться междисциплинарными установками, сочетая статистические методы с герменевтикой и семантическим анализом.

Современные инструменты компьютерной лингвистики открывают возможность автоматизированного подсчета и анализа больших корпусов мемуарных текстов. Однако даже при использовании программного обеспечения для лемматизации, морфологического разбора и

семантического тэггинга требуется человековедущая интерпретация, поскольку машина не способна точно учесть все тонкости контекстуальных отсылок и стилистических приемов. Классический контент-анализ, подразумевающий ручную выборку ключевых категорий, более трудоемок, но позволяет лучше контролировать качество данных и точнее выявлять даже небольшие, но важные смысловые оттенки. Во избежание статистических ошибок исследователи нередко прибегают к триангуляции методов – сочетанию компьютерной выборки с ручной проверкой и дальнейшим сравнительным анализом, что в перспективе обеспечит максимально возможную репрезентативность.

Выводы

Таким образом, на основе теоретического анализа и эмпирических данных, обоснованным выбором для исследования мемуаров Жукова является, по мнению А.П. Федоровой, интеграция нарративного, биографического и социокуль-

турного подходов [10]. Такой комплексный методологический каркас позволяет учитывать структуру текста, личность автора и историко-культурный контекст, обеспечивая всестороннее понимание мемуарного источника. В то же время дискурсивный и критический подходы служат дополнением для выявления идеологических аспектов и анализа языка, что особенно важно при работе с источниками советской эпохи. Психоаналитический метод может использоваться в узких эпизодах для углубления понимания эмоциональной сферы автора, однако не является определяющим.

В итоге, предложенный методологический синтез дает исследователю широкий набор инструментов для анализа мемуаров Жукова, позволяя выявить их многогранную природу, сбалансировать субъективность и объективность, раскрыть культурные и исторические смыслы, а также критически осмыслить роль текста в формировании общественной памяти.

Список источников

1. Гусев Д.Л. Методология исторического исследования: учебное пособие. М.: Академия, 2017. 400 с.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления / Под ред. В. М. Бондаренко. М.: Воениздат, 1990. 560 с.
3. Иванов П.А. Нарративный анализ в исторических исследованиях // Вестник исторической науки. 2017. № 3. С. 45 – 58.
4. Кузнецова Т.Н. Социокультурный анализ исторических текстов: теоретические основы // Исторический журнал. 2016. Т. 8. № 2. С. 102 – 114.
5. Лебедев А.Ю. Критическая историография: теория и методы. Екатеринбург: УрФУ, 2018. 275 с.
6. Морозова Н.И. Психоаналитический подход к текстам исторической памяти // Вопросы культуры памяти. 2020. № 1. С. 33 – 47.
7. Петров В.С. Дискурс и идеология в советской историографии. М.: Историческая перспектива, 2014. 240 с.
8. Романова М.В. Теория мемуаристики: проблемы жанра и методологии исследования. М.: Наука, 2015. 280 с.
9. Смирнова Е.В. Биографический подход в исторической науке: методология и практика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. 320 с.
10. Федорова А.П. Историческая мемуаристика в России XX века: проблемы жанра и источниковедения. СПб.: Изд-во РГПУ, 2018. 350 с.

References

1. Gusev D.L. Methodology of Historical Research: a tutorial. Moscow: Academy, 2017. 400 p.
2. Zhukov G.K. Memories and Reflections. Ed. by V.M. Bondarenko. Moscow: Voenizdat, 1990. 560 p.
3. Ivanov P.A. Narrative Analysis in Historical Research. Bulletin of Historical Science. 2017. No. 3. P. 45 – 58.
4. Kuznetsova T.N. Sociocultural Analysis of Historical Texts: Theoretical Foundations. Historical Journal. 2016. Vol. 8. No. 2. P. 102 – 114.
5. Lebedev A.Yu. Critical Historiography: Theory and Methods. Yekaterinburg: UrFU, 2018. 275 p.
6. Morozova N.I. Psychoanalytic approach to historical memory texts. Issues of Memory Culture. 2020. No. 1. P. 33 – 47.
7. Petrov V.S. Discourse and ideology in Soviet historiography. Moscow: Historical perspective, 2014. 240 p.
8. Romanova M.V. Theory of memoir writing: issues of genre and research methodology. Moscow: Nauka, 2015. 280 p.

9. Smirnova E.V. Biographical approach in historical science: methodology and practice. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2019. 320 p.

10. Fedorova A.P. Historical memoir writing in 20th century Russia: issues of genre and source studies. St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical Univ., 2018. 350 p.

Информация об авторе

Якушенкова Я.С., аспирант, Тюменский государственный университет, jakuschenkova@rambler.ru

© Якушенкова Я.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 659.4:327.39

Городская дипломатия в цифровом пространстве: как мегаполисы создают свой глобальный имидж

¹ Ахмедова Ф.Ф., ¹ Курилкина Е.А.

¹ *Московский государственный институт международных отношений*

Аннотация: в условиях цифровой трансформации мегаполисы становятся самостоятельными субъектами международной коммуникации, формируя глобальный имидж через цифровую городскую дипломатию. Цель исследования – выявить, как города используют цифровые технологии и спортивные мероприятия для продвижения во внешнем контуре. Гипотеза состоит в том, что интеграция спорта и digital-коммуникаций усиливает дипломатический потенциал города, способствуя экономическому росту, притоку инвестиций и укреплению имиджа государства. В качестве кейсов рассмотрены Париж, Абу-Даби и Москва — три мегаполиса с активной стратегией городского брендинга и яркими спортивными событиями. Методология исследования включает контент-анализ цифровых кампаний, сравнительно-исторический подход и анализ медиаисточников. В результате показано, что цифровые инструменты и событийные кампании приуроченные к мероприятиям международного масштаба выступают мощным каналом культурной дипломатии и фактором конкурентоспособности на глобальной арене.

Ключевые слова: городская дипломатия, мягкая сила, социология, урбанистика, цифровая дипломатия, PR, цифровой PR, брендинг, имидж государства, национальный брендинг, спорт, спортивные мероприятия, событийный маркетинг

Для цитирования: Ахмедова Ф.Ф., Курилкина Е.А. Городская дипломатия в цифровом пространстве: как мегаполисы создают свой глобальный имидж // Современный ученый. 2025. № 9. С. 121 – 129.

Поступила в редакцию: 20 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Urban diplomacy in the digital space: how megacities create their global image

¹ Akhmedova F.F., ¹ Kurilkina E.A.

¹ *Moscow State Institute of International Relations*

Abstract: in the context of digital transformation, megacities are becoming independent subjects of international communication, forming a global image through digital urban diplomacy. The purpose of the study is to identify how cities use digital technologies and sports events to promote themselves in the external circuit. The hypothesis is that the integration of sports and digital communications enhances the diplomatic potential of the city, contributing to economic growth, investment and strengthening the image of the state. Paris, Abu Dhabi and Moscow, three megacities with an active urban branding strategy and vibrant sporting events, were considered as cases. The research methodology includes content analysis of digital campaigns, a comparative historical approach, and analysis of media sources. As a result, it is shown that digital tools and event campaigns dedicated to international events act as a powerful channel for cultural diplomacy and a factor of competitiveness in the global arena.

Keywords: urban diplomacy, soft power, sociology, urban studies, digital diplomacy, PR, digital PR, branding, state image, national branding, sports, sports events, event marketing

For citation: Akhmedova F.F., Kurilkina E.A. Urban diplomacy in the digital space: how megacities create their global image. Modern Scientist. 2025. 9. P. 121 – 129.

The article was submitted: April 20, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В эпоху цифровой глобализации традиционные формы публичной дипломатии все активнее трансформируются под влиянием новых технологий и урбанистических процессов. Мегаполисы, обладая собственной политической субъектностью, становятся центрами притяжения не только экономической, но и символической власти, вступая в международную коммуникацию напрямую – в обход традиционных государственных каналов. Это явление получило название городская дипломатия, и его интенсивное развитие наблюдается в контексте цифровых платформ, социально ориентированного маркетинга и крупных международных событий, в особенности спортивных.

Особое значение приобретает взаимодействие спорта и цифровых стратегий как инструмента формирования глобального имиджа. Олимпиада в Париже, Гран-при Формулы-1 в Абу-Даби и стратегия Москвы после чемпионата мира по футболу в 2018 году показывают, что спорт способен стать каналом мягкой силы, усиливая присутствие города в международной повестке. Однако системный научный анализ этих процессов остается фрагментарным и требует междисциплинарного подхода, объединяющего теории публичной дипломатии, брендинга, цифрового PR и урбанистики.

Цель исследования – изучить, как мегаполисы используют цифровые технологии и спортивные мероприятия для формирования и трансляции своего глобального имиджа в рамках городской дипломатии.

Задачи исследования:

1. Раскрыть теоретические основы городской дипломатии, digital diplomacy и спортивного брендинга.
2. Проанализировать цифровые коммуникационные практики Парижа, Абу-Даби и Москвы.
3. Выявить общие и отличительные черты в стратегиях имиджевого позиционирования.
4. Определить перспективы развития городской дипломатии в digital-среде.

Гипотеза исследования заключается в том, что интеграция спорта и digital-инструментов усиливает дипломатический потенциал города, делая

его активным участником международных процессов.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленных целей применён качественный междисциплинарный подход, сочетающий элементы медиакоммуникационных исследований, урбанистики и публичной дипломатии.

1. Контент-анализ официальных цифровых платформ: сайты городов (mos.ru, visitabudhabi.ae, paris2024.org), социальные сети, видеоплатформы, а также медиаконтент, связанного с ключевыми спортивными мероприятиями (Олимпийские игры, Формула-1, ЧМ-2018 и др.).

2. Сравнительный метод – для сопоставления цифровых стратегий трёх городов и выявления динамики развития городской дипломатии в контексте событийного маркетинга.

3. Метод кейс-стади – анализ конкретных практик Парижа, Абу-Даби и Москвы как репрезентативных примеров использования спорта и digital для глобального позиционирования.

4. Анализ вторичных источников: научных публикаций, международных отчетов, аналитики платформ и профильных российских исследований по цифровому PR, городскому брендингу и спортивной дипломатии.

Выбор кейсов обусловлен их высокой видимостью на глобальной арене, значительными инвестициями в спортивную инфраструктуру и развитой системой цифровых коммуникаций.

Результаты и обсуждения

Что такое городская дипломатия

Городская дипломатия – это практика, когда города выступают как самостоятельные международные акторы: взаимодействуют с международными организациями, глобальной аудиторией, политическими структурами и официальными лицами, формируя собственную повестку мировой дипломатии и имидж страны. Michele Acuto подчёркивает, что города сейчас выступают в том числе в роли «глобальных дипломатических акторов» [1]. Saskia Sassen (теория «глобального города») и Benjamin Barber (идея «города как демократической ячейки») расширяют эту концепцию, показывая, что мегаполисы становятся центрами между-

народного влияния и горизонтального взаимодействия [2].

В данном контексте необходимо ввести термин «мягкая сила», означающий способность влиять на глобальное представление не только о городе, но и стране и ее гражданах через придание привлекательности определенным чертам – культуре, ценностям, инновациям, не применяя силу [3]. Города, обладая культурными событиями, архитектурой, брендом, становятся как раз центрами мягкой силы. Это также и довольно распространенный инструмент публичной дипломатии и выстраивания имиджа – то есть этот процесс является коммуникацией не через дипломатов, официальных лиц и документов, а напрямую с глобальной аудиторией. Эта стратегия получила название городская дипломатия или дипломатия городов [4].

В силу повсеместной цифровизации становится все проще найти выход на широкую глобальную аудиторию: используются digital-инструменты, официальные сайты, аккаунты в соцсетях, UGC-контент, культурные мероприятия и спортивные события. Все это позволяет напрямую влиять на мнения и представления глобальной публики.

Именно благодаря цифровым инструментам, Интернету и социальным сетям, города выстраивают стратегическую коммуникацию и взаимодействие онлайн – двустороннее, интерактивное. Подобный вид активности – это не просто PR, это послание аудитории, формирование доверия и вовлечение в диалог. Это часть цифрового брендинга города через его визуальный образ, ценности и культурную принадлежность в интернете.

Спорт и спортивные мероприятия становятся одним из ключевых каналов культурной дипломатии, дипломатии городов и инструментов формирования имиджа страны. Подобные мега-события создают глобальные очаги внимания и формируют сильную эмоциональную связь с аудиторией. Появился даже термин “sport-tech diplomacy” [5] – демонстрация технологических достижений через спортивные события: умные стадионы, хай-тек трансляции, инфраструктурные инновации и другие подобные способы привлечения внимания. Спорт выступает проводником для мягкой силы: способствует улучшению туристического потока, инвестиционной привлекательности, политической репутации, усиливает нарратив устойчивого и модернизированного города.

Сегодня современные мегаполисы выстраивают стратегию международного позиционирования через сочетание официальных каналов и медийных платформ. Среди ключевых элементов:

- Официальные сайты, соцсети, видеоплатформы: Города создают мультязычные сайты и

мобильные приложения, продвигают профили в Instagram*, TikTok, YouTube. Это позволяет быть на связи с инвесторами, туристами и СМИ по всему миру.

- Цифровые кампании при международных мероприятиях: При подготовке к крупным событиям (ОИ, Формула-1, Мундиал) используются особые хэштеги, AR-фильтры, челленджи и кампании с цифровым охватом, чтобы усилить вовлеченность аудитории.

- Коллаборации с блогерами, СМИ и брендами: Для повышения доверия и охвата проводятся совместные инициативы с инфлюенсерами, медийными партнерами и коммерческими брендами.

Проведение подобной политики помогает достичь нескольких экономических, социальных и имиджево-политических целей. Города позиционируют себя как устойчивые, технологичные, культурно ориентированные центры. Это способствует развитию туризма – цифровые кампании превращают онлайн-аудиторию в реальных гостей. Также цифровой имидж способствует доверию международных корпораций, повышает инвестиционный рейтинг не только города, но и страны, тем самым привлекая средства для развития. И, наконец, подобные кампании увеличивают политический капитал, позволяя городам выступать в роли акторов мягкой силы.

Так цифровой брендинг позволяет мегаполисам действовать независимо от госструктур, выстраивая коммуникацию напрямую, а спортивные и культурные мероприятия встраиваются в digital-стратегии для вовлечения аудитории. Особое внимание уделяется развитию официальных ресурсов и медиа-кампаний, что создаёт глобальную экосистему городского бренда.

Для доказательства гипотезы ниже будут рассмотрены три кейса успешного применения цифровой дипломатии на примере Парижа, Абу-Даби и Москвы. Выбор этих объектов для анализа обусловлен тем, что эти города представляют разные культуры, расположены в разных частях света, но при этом используют схожие эффективные стратегии.

Кейс 1: Москва

Чемпионат мира 2018 стал мощным толчком для развития цифрового городского бренда столицы России. Москва инвестировала в мультязычную навигацию и инфраструктуру – на стадионах появились огромные экраны, Wi-Fi и системы информационных сообщений на английском языке [6]. При этом также запускались Telegram- и Viber-каналы [7]. Также активно использовались и оказались очень эффективны зрительные и цифровые форматы – VR-туры, мобильные приложения

и онлайн-трансляции – именно они стали ключом привлечения глобальной аудитории и создали чувство «цифровой открытости» москвичей.

Учёные отмечают, что ЧМ-2018 воплотил концепцию так называемых «режимов видимости» [8] – Москва смогла презентовать все свои визуальные особенности, в которых заложен культурный код: фольклор, гастрономия, урбанистическая архитектура и лайфстайл стали частью мощного международного шоу. Всё это составило имидж мегаполиса: комфорт, безопасность, культурное многообразие – залог туристического успеха.

После ЧМ-2018 Москва не остановилась: годовой календарь событий пополнился крупными ивентами. «Московские сезоны» – уличные фестивали, рынки и концерты проходят круглогодично, создавая цифровые стримы и VR кампании, привлекая гостей и жителей столицы. Кубок мира по хоккею, марафоны, Гран-при по фигурному катанию – все эти инициативы сопровождают онлайн-трансляции, прогнозы, инстаграм-дневники – и всё это активно продвигается через официальные каналы коммуникации города: VK-группы и Telegram-каналы столичного правительства [9].

Исследования маркетинга спортивных событий в России подчёркивают: именно цифровые кампании – важный канал взаимодействия и формирования имиджа города, а интерфейсы социальных сетей (даже запрещённых) позволяют усиливать вовлечённость молодежи и международной аудитории.

Комбинирование различных платформ создаёт цифровую экосистему, способную вовлекать аудиторию не только в России, но и за рубежом – включая англоязычные субтитры и дубляж.

Москва демонстрирует свою мультикультурность через массовые соревнования и цифровой охват, подчеркивая архитектурные контрасты и культурное разнообразие. На примере ЧМ-2018 город подаёт себя не просто как спортивную локацию, но как пространство культуры, гастрономии, искусства и технологий [10]. Футбол, хоккей, фигурное катание, марафоны – формируют образ доступного, живого мегаполиса, где цифровой интерфейс (стримы, VR-тура, активность в соцсетях) подкрепляет это представление.

Городские цифровые кампании трансформируют спортивные события в бренд: комфорт для семьи, технологичность, межкультурный обмен – всё это способствует улучшению восприятия Москвы как современного международного центра.

Москва после ЧМ-2018 заняла стратегическую нишу «город – цифровой культурный мегаполис». Благодаря многоканальным цифровым платфор-

мам и систематическому освещению массовых и спортивных событий создаётся устоявшийся образ города: технологичного, безопасного, многонационального и открытого. Цифровая дипломатия Москвы работает в унисон с офлайн-офертой, формируя устойчивую имидж-структуру мегаполиса пост-мегаивентов.

Кейс 2: Абу-Даби

С 2009 года Yas Marina Circuit в Абу-Даби принимает этап Формулы-1, будучи одним из самых инновационных треков мира (с крытыми зрительскими зонами и интеграцией с яхтами). Во время пандемии UFC организовал серию «Fight Island» на Yas Island – до 2021 года прошло 19 мероприятий с продлением контракта до 2028 года. Бразильское джиу-джитсу стало национальным видом спорта в ОАЭ: Абу-Даби учреждён как центр ADCC и Grand Slam World Tour, ежегодно собирая лучших атлетов мира на Grand Slam AJP и World Pro Championships с 2009 года [11]. Все эти мероприятия организуются там в рамках крупной инициативы ОАЭ по укреплению имиджа страны на международной арене: в том числе как развитого культурного и спортивного места притяжения людей со всего мира.

Абу-Даби позиционирует себя не только как центр спорта, но и как безопасный, технологичный мегаполис [12]. По Global Liveability Index город второй год подряд – самый безопасный в мире [13]. В «Tourism Strategy 2030» [14] планируется внедрение новых объектов (Harry Potter Park, Sphere и т.д.) и инфраструктуры – участки с биометрией, цифровой паспорт (Abu Dhabi Pass) – все эти инициативы направлены на создание положительного туристического опыта и привлечение инвесторов.

Министерство культуры и туризма (DCT) запустило бренд Visit Abu Dhabi и активные англоязычные каналы в TikTok с 85 млн просмотров и 1,9 млн лайков к январю 2022 года – безначальных затрат, только органический рост [15]. Кампания «Friends of Abu Dhabi» участвует с инфлюенсерами по всему миру, например, Shaquille O’Neal («Street Bites») и Крисом Хемсвортом.

Особое внимание стоит уделить Формуле 1. Это мероприятие притягивает миллионы туристов со всего света. Именно в Абу-даби проходит последняя гонка сезона – самая зрелищная и популярная, поэтому на нее приходится много ключевых событий. Так в 2021 году была борьба за титул чемпиона двух пилотов – Хэмилтона и Ферстаппена. На это легендарное противостояние многие люди приехали увидеть вживую. При этом местное DCT тщательно следит за выпускаемым контентом, касающимся Формулы 1: гарантирует

контроль контента при работе с блогерами, усиливая стратегическую достоверность кампании [16].

Абу-Даби выстроил образ городского бренда на основе спорта: от Grand Prix до UFC, от джитсу до NBA-игр и T10-крикета. Инвестиции в Manchester City и крупные международные партнёрства – пример гибкой мягкой силы: успехи в организации спортивных мероприятий сформировали политическое восприятие ОАЭ.

Абу-Даби умело использует спорт: инвестируя в премиум-события, связывая их с цифровым маркетингом и инфлюенсерами, а затем соединяя всё это с концепцией безопасности и инноваций – сформирована цельная, узнаваемая идентичность. Город трансформируется из центра добывающей страны в глобальную спортивно-культурную платформу, доступную миру через цифровой формат.

Кейс 3: Париж

Париж начал стратегическую подготовку к Олимпиаде задолго до 2024 года – город сформулировал нарратив "Games Wide Open", подчёркивая доступность, символику и ценности открытого общества. Учёные из Университета Эдинбурга отмечают, что дипломатическая сеть Франции, включая 146 посольств, активно продвигала Олимпиаду за рубежом, усиливая культурные и торговые связи Франции на глобальной арене [17]. Открытие на реке Сена, отражающее культурный код и обаяние города, было символическим визуальным заявлением о французской истории и при этом непрекращающемся развитии.

Организаторы Олимпиады сделали ставку на digital-стратегию. По данным Euromonitor, приложение Paris 2024 скачали более 21 млн раз в период между маем и июлем 2024 [18]. На TikTok Международный олимпийский комитет (ИОК) смог увеличить число установок приложения на Android до +93% благодаря таргетированной рекламе и сотрудничеству с креаторами [19].

Первые популярные создатели контента были специально приглашены в Париж, чтобы транслировать атмосферу Олимпиады. (официальная программа Olympic Creator Programme [20]). Эта стратегия сработала довольно успешно. Например, видео Симоны Байлс набрало 128 млн просмотров, что значительно усилило вовлечённость аудитории. Такие кампании создали волну пользовательского контента, что подчёркивает стратегию «from global creators to global audience».

Париж 2024 – это не только спорт, но и мощное культурное заявление. Миссия Токийских игр 2020 – "зелёные и инклюзивные" – продолжили и французы. Свидетельством стало гендерное равенство – впервые на Олимпиаде в Парке было

ровно 50% женщин-участниц. Олимпийская деревня была построена из эко-материалов. Все эти решения получили широкое освещение в СМИ и социальных сетях. Кроме того, организаторы использовали AR-фильтры Snapchat и проекции QR-кодов вдоль исторической центральной зоны, чтобы усилить связь поколений и с прошлого, и с будущим [21].

Обязательными стали кампании на тему культурного обмена: внимание уделялось разнообразию, человеческому равенству, истории искусства и экологии. Эти акценты отражают ценности гуманизма и международной солидарности, что также занимает значительное место в текущей международной и, особенно, европейской повестке [22].

Олимпийские игры традиционно способствуют экономике и национальному бренду. Согласно данным Euromonitor, месячный трафик Amazon.fr вырос на 13% в июле 2024 по сравнению с июнем – прирост в 24 млн уникальных пользователей напрямую связывают с ОИ [23]. Кроме того, маркетинговые партнёрства (онлайн-шампуни Procter & Gamble и др.) показали рост продаж на 15–52% в ключевых странах [24].

С точки зрения мягкой силы, мощная digital-кампания и дипломатическая поддержка помогли укрепить культурный имидж Франции. Участие посольств, интервью с дипломатами, акцент на культурных обменах – всё это воспринимается как скоординированная дипломатическая кампания.

Олимпиада 2024 в Париже стала одним из примеров весьма удачной городской дипломатии: через digital-кампании, глобальные партнёрства, с акцентом на устойчивости и равенстве, а также чётко продуманную доктрину «город-культурная платформа». Всё это – мощный инструмент формирования экономического роста, туристической привлекательности и культурного влияния Франции на международной арене.

Выводы

Совмещение спорта с digital-стратегиями превращает мегаполисы в динамичные центры внимания. Как показано в исследованиях [25], технологии (AR, стриминг, мобильные приложения) дают возможность городу транслировать ценности и эффективно использовать свою мягкую силу. Эта синергия усиливает коммуникацию за пределами собственных границ.

Каждый город вырабатывает индивидуальный подход, исходя из политической, культурной и экономической среды. Париж сфокусировался на устойчивости и культурном наследии; Абу-Даби – на участии в глобальных спортивных лигах и повышении безопасности; Москва – на цифровой

инфраструктуре, комфорте, доступности и многонациональном мультикультурном посыле. Такой контекстно-ориентированный дизайн укрепляет локальную идентичность внутри глобальной коммуникации.

Современные мегаполисы становятся полноправными дипломатическими акторами. Они выходят за рамки публичной дипломатии, создавая собственные каналы влияния, сети и культурные альянсы на мировой арене.

Соцсети, AR-фильтры, мобильные приложения и мессенджеры обеспечивают прямую связь с гло-

бальной аудиторией. Эти платформы позволяют привлекать внимание, создавая сторителлинг вокруг культур, экологии, технологий, общества – в онлайн и офлайн одновременно.

На пороге новых цифровых инноваций мегаполисы исследуют метавселенные, виртуальные туры и цифровые двойники – то есть «цифровые реплики» реального города. Эти инструменты позволяют моделировать события, передавать ощущение участия и визуализировать городские пространства в реальном времени, расширяя рамки городского брендинга.

Список источников

1. The Global City and the Diplomat: Why Metropolises Matter [Электронный ресурс] // Diplomatic Courier. URL: <https://www.diplomaticcourier.com/posts/the-global-city-and-the-diplomat-why-metropolises-matter> (дата обращения: 10.03.2025)
2. Waltinger L., Butter M. Smart cities and global networks: Rethinking urban diplomacy // Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. Article 1521396 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/sociology/articles/10.3389/fsoc.2025.1521396/full> (дата обращения: 10.03.2025)
3. Lee D. Urban branding through digital diplomacy: The case of Tokyo and Paris // Place Branding and Public Diplomacy. 2024. Vol. 20. Issue 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41254-024-00342-9> (дата обращения: 10.03.2025)
4. Vrontis D., Christofi M., Tarba S. et al. Digitalization and international marketing: A review, framework, and research agenda // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19 (2). P. 1146 [Электронный ресурс]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8743748/> (дата обращения: 10.03.2025)
5. Anholt S. Nation Brands in the COVID-19 era. Journal of Place Branding and Public Diplomacy. 2020. Vol. 16 (3). P. 213 – 221 [Электронный ресурс]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7653986/> (дата обращения: 10.03.2025)
6. How the World Cup is Set to Transform Russian Advertising [Электронный ресурс] // Little Black Book. URL: <https://lbbonline.com/news/how-the-world-cup-is-set-to-transform-russian-advertising> (дата обращения: 10.03.2025)
7. World Cup 2018: How Russian Football is Using Digital to Prepare for the Tournament [Электронный ресурс] // DigitalSport. URL: <https://digitalsport.co/world-cup-2018-how-russian-football-is-using-digital-to-prepare-for-the-tournament> (дата обращения: 10.03.2025)
8. Grix J., Brannagan P. M., Wood H. et al. State Strategies for Leveraging Sports Mega-Events: Unpacking the Concept of "Soft Power" // Journal of Sport & Social Issues. 2020. 44 (6). P. 504 – 526. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0193723520919814> (дата обращения: 10.03.2025)
9. Сафонова Е.А. Репрезентация районов Москвы в территориальных интернет-сообществах в социальной сети «ВКонтакте» // Вестник МГУ. Серия: Журналистика. 2025. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2025/2/reprezentatsiya-rayonov-moskvy-v-territorialnykh-internet-soobshchestvakh-v-sotsialnoy-seti-vkontakte/> (дата обращения: 10.03.2025)
10. Dubinsky Y. The Sport Mega-Event Strategy in Qatar and the Soft Power Model: The Case of the 2022 FIFA World Cup // The International Journal of the History of Sport. 2018. Vol. 35 (7-8). P. 776 – 792. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2018.1433960> (дата обращения: 10.03.2025)
11. Soft Power through Combat Sports: The Abu Dhabi Blueprint [Электронный ресурс] // Play the Game. URL: <https://www.playthegame.org/news/soft-power-through-combat-sports-the-abu-dhabi-blueprint/> (дата обращения: 10.03.2025)
12. UAE's Sports Diplomacy Push Takes Different Tack from GCC Pack [Электронный ресурс] // Middle East Institute (MEI). URL: https://mei.nus.edu.sg/think_in/uaes-sports-diplomacy-push-takes-different-tack-from-gcc-pack/ (дата обращения: 10.03.2025)
13. Абу-Даби укрепляет глобальный имидж через спорт и культуру [Электронный ресурс] // Emirates News Agency (WAM). URL: <https://www.wam.ae/en/article/hszrchri> (дата обращения: 10.03.2025)

14. Transforming Abu Dhabi [Электронный ресурс] // Rihla Travel News. URL: <https://rihlattravelnews.com/destinations/transforming-abu-dhabi/> (дата обращения: 10.03.2025)
15. Department of Culture and Tourism – Abu Dhabi TikTok Success Story [Электронный ресурс] // Emplifi. URL: <https://emplifi.io/customers/departments-of-culture-and-tourism-abu-dhabi-tiktok-success/> (дата обращения: 10.03.2025)
16. The Essence of a Brand: Destination Strategy for Abu Dhabi [Электронный ресурс] // Think Digital Travel. URL: <https://www.thinkdigital.travel/cases/the-essence-of-a-brand> (дата обращения: 10.03.2025)
17. Paris 2024 and the Crumbling Illusion of Peaceful Competition [Электронный ресурс] // Medium. URL: <https://medium.com/european-horizons/paris-2024-and-the-crumbling-illusion-of-peaceful-competition-fd623c1cbdc4> (дата обращения: 10.03.2025)
18. How the Paris 2024 Olympics Has Set New Standards for Digital Engagement [Электронный ресурс] // Euromonitor International. URL: <https://www.euromonitor.com/article/how-the-paris-2024-olympics-has-set-new-standards-for-digital-engagement> (дата обращения: 10.03.2025)
19. International Olympic Committee – TikTok Campaign Case Study [Электронный ресурс] // TikTok for Business. URL: <https://ads.tiktok.com/business/en-US/inspiration/international-olympic-committee-case-study-en> (дата обращения: 10.03.2025)
20. Olympic Digital Experiences Set to Serve and Delight Fans for Paris 2024 [Электронный ресурс] // Международный олимпийский комитет (ИОК). URL: <https://www.olympics.com/ioc/news/olympic-digital-experiences-set-to-serve-and-delight-fans-for-paris-2024> (дата обращения: 10.03.2025)
21. How the Paris 2024 Olympics Has Set New Standards for Digital Engagement [Электронный ресурс] // Euromonitor International. URL: <https://www.euromonitor.com/article/how-the-paris-2024-olympics-has-set-new-standards-for-digital-engagement> (дата обращения: 10.03.2025)
22. Republic Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://republicpolicy.com> (дата обращения: 10.03.2025)
23. How the Paris 2024 Olympics Has Set New Standards for Digital Engagement [Электронный ресурс] // Euromonitor International. URL: <https://www.euromonitor.com/article/how-the-paris-2024-olympics-has-set-new-standards-for-digital-engagement> (дата обращения: 10.03.2025)
24. How the Paris 2024 Olympics Has Set New Standards for Digital Engagement [Электронный ресурс] // Euromonitor International. URL: <https://www.euromonitor.com/article/how-the-paris-2024-olympics-has-set-new-standards-for-digital-engagement> (дата обращения: 10.03.2025)
25. Anholt S. Nation Brands in the COVID-19 era // Journal of Place Branding and Public Diplomacy. 2020. Vol. 16 (3). P. 213 – 221. [Электронный ресурс]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7653986/>

References

1. The Global City and the Diplomat: Why Metropolises Matter [Electronic resource]. Diplomatic Courier. URL: <https://www.diplomaticcourier.com/posts/the-global-city-and-the-diplomat-why-metropolises-matter> (date of access: 10.03.2025)
2. Waltinger L., Butter M. Smart cities and global networks: Rethinking urban diplomacy. *Frontiers in Sociology*. 2025. Vol. 10. Article 1521396 [Electronic resource]. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/sociology/articles/10.3389/fsoc.2025.1521396/full> (date of access: 03.10.2025)
3. Lee D. Urban branding through digital diplomacy: The case of Tokyo and Paris. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2024. Vol. 20. Issue 1 [Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41254-024-00342-9> (date of access: 03.10.2025)
4. Vrontis D., Christofi M., Tarba S. et al. Digitalization and international marketing: A review, framework, and research agenda. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19(2). P. 1146 [Electronic resource]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8743748/> (date of access: 10.03.2025)
5. Anholt S. Nation Brands in the COVID-19 era. *Journal of Place Branding and Public Diplomacy*. 2020. Vol. 16 (3). P. 213 – 221 [Electronic resource]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7653986/> (date of access: 10.03.2025)
6. How the World Cup is Set to Transform Russian Advertising [Electronic resource]. Little Black Book. URL: <https://lbbonline.com/news/how-the-world-cup-is-set-to-transform-russian-advertising> (date of access: 03.10.2025)
7. World Cup 2018: How Russian Football is Using Digital to Prepare for the Tournament [Electronic resource]. DigitalSport. URL: <https://digitalsport.co/world-cup-2018-how-russian-football-is-using-digital-to-prepare-for-the-tournament> (date of access: 03.10.2025)

8. Grix J., Brannagan P.M., Wood H. et al. State Strategies for Leveraging Sports Mega-Events: Unpacking the Concept of "Soft Power". *Journal of Sport & Social Issues*. 2020. 44 (6). P. 504 – 526. [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0193723520919814> (date of access: 10.03.2025)
9. Safonova E.A. Representation of Moscow districts in territorial online communities on the VKontakte social network. *Moscow State University Bulletin. Series: Journalism*. 2025. No. 2. [Electronic resource]. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2025/2/reprezentatsiya-rayonov-moskvy-v-territorialnykh-internet-soobshchestvakh-v-sotsialnoy-seti-vkontakt/> (date of access: 10.03.2025)
10. Dubinsky Y. The Sport Mega-Event Strategy in Qatar and the Soft Power Model: The Case of the 2022 FIFA World Cup. *The International Journal of the History of Sport*. 2018. Vol. 35 (7-8). P. 776 – 792. [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2018.1433960> (date of access: 10.03.2025)
11. Soft Power through Combat Sports: The Abu Dhabi Blueprint [Electronic resource]. Play the Game. URL: <https://www.playthegame.org/news/soft-power-through-combat-sports-the-abu-dhabi-blueprint/> (date of access: 10.03.2025)
12. UAE's Sports Diplomacy Push Takes Different Tack from GCC Pack [Electronic resource]. Middle East Institute (MEI). URL: https://mei.nus.edu.sg/think_in/uaes-sports-diplomacy-push-takes-different-tack-from-gcc-pack/ (date of access: 10.03.2025)
13. Abu Dhabi Strengthens Global Image through Sports and Culture [Electronic resource]. Emirates News Agency (WAM). URL: <https://www.wam.ae/en/article/hszrchri> (date of access: 10.03.2025)
14. Transforming Abu Dhabi [Electronic resource]. Rihla Travel News. URL: <https://rihlattravelnews.com/destinations/transforming-abu-dhabi/> (accessed: 10.03.2025)
15. Department of Culture and Tourism – Abu Dhabi TikTok Success Story [Electronic resource]. Emplifi. URL: <https://emplifi.io/customers/department-of-culture-and-tourism-abu-dhabi-tiktok-success/> (date of access: 10.03.2025)
16. The Essence of a Brand: Destination Strategy for Abu Dhabi [Electronic resource]. Think Digital Travel. URL: <https://www.thinkdigital.travel/cases/the-essence-of-a-brand> (date of access: 10.03.2025)
17. Paris 2024 and the Crumbling Illusion of Peaceful Competition [Electronic resource]. Medium. URL: <https://medium.com/european-horizons/paris-2024-and-the-crumbling-illusion-of-peaceful-competition-fd623c1cbdc4> (date of access: 10.03.2025)
18. How the Paris 2024 Olympics Has Set New Standards for Digital Engagement [Electronic resource]. Euromonitor International. URL: <https://www.euromonitor.com/article/how-the-paris-2024-olympics-has-set-new-standards-for-digital-engagement> (date of access: 10.03.2025)
19. International Olympic Committee – TikTok Campaign Case Study [Electronic resource]. TikTok for Business. URL: <https://ads.tiktok.com/business/en-US/inspiration/international-olympic-committee-case-study-en> (date of access: 10.03.2025)
20. Olympic Digital Experiences Set to Serve and Delight Fans for Paris 2024 [Electronic resource]. International Olympic Committee (IOC). URL: <https://www.olympics.com/ioc/news/olympic-digital-experiences-set-to-serve-and-delight-fans-for-paris-2024> (date of access: 10.03.2025)
21. How the Paris 2024 Olympics Has Set New Standards for Digital Engagement [Electronic resource]. Euromonitor International. URL: <https://www.euromonitor.com/article/how-the-paris-2024-olympics-has-set-new-standards-for-digital-engagement> (date of access: 10.03.2025)
22. Republic Policy [Electronic resource]. URL: <https://republicpolicy.com> (date of access: 10.03.2025)
23. How the Paris 2024 Olympics Has Set New Standards for Digital Engagement [Electronic resource]. Euromonitor International. URL: <https://www.euromonitor.com/article/how-the-paris-2024-olympics-has-set-new-standards-for-digital-engagement> (date of access: 10.03.2025)
24. How the Paris 2024 Olympics Has Set New Standards for Digital Engagement [Electronic resource]. Euromonitor International. URL: <https://www.euromonitor.com/article/how-the-paris-2024-olympics-has-set-new-standards-for-digital-engagement> (date of access: 10.03.2025)
25. Anholt S. Nation Brands in the COVID-19 era. *Journal of Place Branding and Public Diplomacy*. 2020. Vol. 16 (3). P. 213 – 221. [Electronic resource]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7653986/>

Информация об авторах

Ахмедова Ф.Ф., Московский государственный институт международных отношений, fidan8@bk.ru

Курилкина Е.А., Московский государственный институт международных отношений,
kata.kurilkina.mail@gmail.com

© Ахмедова Ф.Ф., Курилкина Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'377.4

Синтаксический способ образования терминов в сфере инициативного бюджетирования

¹ Абляметова С.М., ¹ Билялова С.С.

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Аннотация: в статье рассматривается синтаксический способ образования терминов в сфере инициативного бюджетирования, что связано с активным использованием языка для описания новых экономических и управленческих процессов. Авторы подчеркивают, что терминология не только отражает развитие научной мысли, но также является важным инструментом для профессиональной коммуникации в узкоспециальных областях. Цель данного исследования заключается в выявлении структурных моделей терминов инициативного бюджетирования, образованных синтаксическим способом. Исследование опирается на анализ документов и методических рекомендаций по инициативному бюджетированию и показывает, что термино-система данной сферы пополняется в первую очередь за счет переосмысливания общеупотребительных слов. В работе установлено, что основными моделями терминообразования являются одно-, два-, три-, четырех- и пятикомпонентные словосочетания. Особенно отмечено, что двух- и трехкомпонентные термины составляют основную часть терминов и имеют продуктивные модели, такие как «существительное в И.п. + существительное в Р.п.» и «прилагательное в И.п. + существительное в И.п.». На основе проведенного анализа исследуется, как термины, образованные синтаксическим способом, помогают точно обозначить новые концепции в области инициативного бюджетирования. Подводя итоги, авторы отмечают, что синтаксический способ образования терминов играет ключевую роль в создании актуальной и понятной терминологии в сфере инициативного бюджетирования. Результаты исследования могут быть полезны для разработки учебных материалов и курсов, направленных на обучение терминологии в рамках бюджетирования и управления. В перспективе исследования могут стать основой для дальнейших дискуссий и семинаров в области терминов и их образования.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, термин, терминообразование, терминология инициативного бюджетирования, синтаксический способ, модель термина

Для цитирования: Абляметова С.М., Билялова С.С. Синтаксический способ образования терминов в сфере инициативного бюджетирования // Современный ученый. 2025. № 9. С. 130 – 134.

Поступила в редакцию: 20 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Syntactic method of forming terms in the sphere of participatory budgeting

¹ Ablyametova S.M., ¹ Bilyalova S.S.

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract: the article examines the syntactic method of forming terms in the sphere of participatory budgeting, which is associated with the active use of language to describe new economic and managerial processes. The authors emphasize that terminology not only reflects the development of scientific thought, but is also an important

tool for professional communication in highly specialized fields. The purpose of this study is to identify structural models of participatory budgeting terms formed syntactically. The study is based on the analysis of documents and methodological recommendations on participatory budgeting and shows that the terminology of this sphere is replenished primarily by rethinking commonly used words. The work establishes that the main models of term formation are one-, two-, three-, four- and five-component phrases. It is especially noted that two- and three-component terms make up the bulk of the terms and have productive models, such as “noun in the nominative + noun in the genitive” and “adjective in the nominative + noun in the nominative”. Based on the analysis, it is investigated how terms formed syntactically help to accurately designate new concepts in the field of participatory budgeting. In conclusion, the authors note that the syntactic method of forming terms plays a key role in creating relevant and understandable terminology in the field of initiated budgeting. The results of the study may be useful for developing training materials and courses aimed at teaching terminology in the context of budgeting and management. In the long term, the research may become the basis for further discussions and workshops in the field of terms and their formation.

Keywords: participatory budgeting, term, terminology formation, participatory budgeting terminology, syntactic method, term model

For citation: Ablyametova S.M., Bilyalova S.S. Syntactic method of forming terms in the sphere of participatory budgeting. Modern Scientist. 2025. 9. P. 130 – 134.

The article was submitted: April 20, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В современном обществе язык и терминология играют ключевую роль в формировании и коммуникации идей, особенно в области науки, экономики и управления. Образование терминов является важной частью лексикологического процесса, отражающего не только развитие научной мысли, но и общие тенденции языковой динамики. В условиях стремительного развития технологий и глобализации вопрос о способах, механизмах и закономерностях формирования терминов приобретает особую актуальность.

«Термины создаются как наименования понятий, связанных с узкой, профессиональной областью», – пишет В.П. Даниленко, – «и предназначены служить средством общения определенной группы профессионально связанных между собой людей в производственных условиях» [3, с. 91] Одним из важных аспектов в создании эффективной и понятной терминологии является способ ее образования. Эта мысль подтверждается в исследовании В.Е. Зиньковской и О.А. Гордиенко, по мнению которых «словообразовательные особенности являются одним из основных факторов, обеспечивающих системность терминологии» [4, с. 487]. В последние десятилетия особое внимание уделяется синтаксическому способу образования терминов, который базируется на использовании существующих языковых конструкций для создания терминов путем комбинации различных частей речи, что позволяет гибко описывать понятия, связанные с той или иной сферой деятельности.

Материалы и методы исследований

С развитием социально-экономических процессов и внедрением новых форм управления финансами активно формируется лексика, отражающая современные реалии. Одной из таких форм является инициативное бюджетирование – относительно новое направление в сфере государственного и муниципального управления, ориентированное на вовлечение граждан в процесс распределения бюджетных средств. Вслед за появлением и развитием этого института происходит интенсивное формирование специализированной терминологии, необходимой для точного описания новых понятий, процедур и ролей участников.

Особое место среди способов образования терминов занимает синтаксический способ, предполагающий создание терминов в виде словосочетаний. Такие номинативные единицы чаще всего отражают сложные административные, юридические и экономические явления, требующие многокомпонентного обозначения. Синтаксический способ позволяет быстро адаптировать язык и разрабатывать термины для описания новых понятий, связанных с такими сферами, как участие граждан в процессе бюджетного планирования, финансовое взаимодействие на уровне местных сообществ, социальное предпринимательство и другие. Это делает синтаксический способ актуальным для создания терминов в развивающихся областях, где традиционные термины не всегда могут адекватно отразить новые реалии.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса были изучены работы В.Г. Влавац-

кой, А.С. Мусаевой, В.С. Позвонковой и О.Н. Польщиковой, в которых описаны особенности синтаксического способа терминообразования и основные структурные модели терминов различных сфер.

Цель статьи – выявление структурных моделей терминов инициативного бюджетирования, образованных синтаксическим способом словообразования. Для достижения поставленной цели был определен ряд задач, таких как анализ структурных особенностей терминов ИБ, собранных методом сплошной выборки в текстах методических рекомендации ИБ, а также официальных документов; определение основных моделей терминов ИБ.

Результаты и обсуждения

Как известно, любая терминосистема пополняется, в первую очередь, посредством переосмысления общеупотребительных слов, которые приобретают узкоспециальное значение. То есть, одна и та же языковая единица имеет одно значение в общем контексте, и другое в той или иной научной сфере. Так, например, слово «проект» в словаре С.И. Ожегова имеет несколько общих значений, используемых в повседневной жизни: 1. Разработанный план сооружения, какого-либо механизма, устройства; 2. Предварительный текст какого-нибудь документа; 3. Замысел, план [11]. В сфере инициативного бюджетирования лексема «проект» употребляется только в одном специальном значении – «предложение граждан, внесённое в установленном порядке в администрацию субъекта реализации практики инициативного бюджетирования» [6]. В последствии на основе слов с новой семантикой путем сочетания в определенной последовательности формируется новый термин. Способ объединения таких слов в конструкции и называется синтаксическим способом образования терминов. В отличие от других способов (например, морфологического, где используется корень слова), синтаксический способ опирается на грамматическую структуру языка, а именно – на сочетание слов в предложении.

Анализ полученного методом сплошной выборки фактического материала показал, что термины сферы инициативного бюджетирования представлены преимущественно словосочетаниями. Это объясняется тем, что такие конструкции более четко и ясно отражают семантику обозначаемого процесса или понятия.

О.Н. Польщикова отмечает, что «термины-словосочетания образуются на основе подчинительной связи и состоят из главных и подчиненных слов» [10, с. 806]. Так в исследуемой сфере с главным словом *бюджетирование* используются словосочетания *инициативное бюджетирование*,

партисипаторное бюджетирование, *централизованное бюджетирование*. С главным словом *группа* встречаются словосочетания *инициативная группа*, *экспертная группа*, *рабочая группа*, *координационная группа*.

Анализ структуры терминов ИБ показал, что они могут быть одно-, двух-, трех-, четырех-, и пятикомпонентными.

Так однокомпонентные термины встречаются не так часто и составляют лишь 9 % всех терминов ИБ: *проект*, *инициатива*, *бюджет*, *бюджетирование*, *смета*, *голосование*, *партисипаторность*, *софинансирование*. Значительно чаще используются двухкомпонентные словосочетания (32,5 %), где можно выделить ряд продуктивных моделей:

1. существительное в именительном падеже (далее в И.п.) + существительное в родительном падеже (далее в Р.п.), например: *прозрачность бюджета*, *обсуждение проектов*, *реализация проекта*, *сопровождение проекта*, *сбор инициатив*, *выдвижение проекта*, *отбор проектов*, *оценка эффективности* и т.д.;

2. прилагательное в И.п. + существительное в И.п.: *инициативное бюджетирование*, *партисипаторное бюджетирование*, *предварительное собрание*, *итоговое собрание*, *народный бюджет*, *экспертная группа*, *рабочая группа*, *партисипаторный механизм*, *экспертная комиссия*, *коммерческое предложение*, *локальная смета*, *некоммерческая организация*, *проектная идея*, *проектный центр*, *общественное обсуждение*, *экспертное сопровождение*, *инициативные платежи*.

В процентном соотношении по частотности над двухкомпонентными словосочетаниями преобладают трехкомпонентные, которые составляют 38,5 % от всех терминов ИБ. В профессиональном дискурсе ИБ встречаются трехкомпонентные словосочетания-термины следующих моделей:

1. существительное в И.п. + существительное в Р.п. + существительное в Р.п.: *стоимость реализации проекта*, *срок реализации проекта*, *этап реализации проекта*;

2. существительное в И.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в Р.п.: *проект инициативного бюджетирования*, *организация студенческих пространств*, *участники инициативного бюджетирования*, *механизм инициативного бюджетирования*, *поддержка проектного предложения*, *модель инициативного бюджетирования*, *практика инициативного бюджетирования*, *внедрение партисипаторного бюджетирования*, *выдвижение инициативных проектов*, *модель инициативных проектов*;

3. прилагательное в И.п. + прилагательное в И.п. + существительное в И.п.: *школьное инициативное бюджетирование, студенческое инициативное бюджетирование, проектное инициативное бюджетирование.*

Четырехкомпонентные словосочетания-термины ИБ обладают меньшей частотностью и составляют 11 %, анализ структуры которых позволил выделить следующие конструкции:

1. прилагательное в И.п. + существительное в И.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в Р.п.: *муниципальная практика инициативного бюджетирования, конкурсный отбор инициативных проектов, региональная практика инициативного бюджетирования, механизм практики инициативного бюджетирования.*

2. существительное в И.п. + существительное в Р.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в Р.п.: *этапы реализации инициативного проекта, программа поддержки инициативного бюджетирования.*

Структура пятикомпонентных терминов ИБ (9 %) представлена такими моделями:

1. существительное в И.п. + существительное в Р.п. + существительное в Р.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в Р.п.: *мониторинг реализации практики инициативного бюджетирования, оценка эффективности практики инициативного бюджетирования, субъект реализации практики инициативного бюджетирования;*

2. прилагательное в И.п. + существительное в И.п. + существительное в Р.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в И.п.: *информационная поддержка практики инициативного бюджетирования.*

Из анализа становится понятно, что многокомпонентные модели формируются из одно- и двухкомпонентных терминов, которые, последовательно сочетаясь друг с другом, конкретизируют терминологическое понятие.

Выводы

Таким образом, большая часть терминов инициативного бюджетирования образованы преимущественно синтаксическим способом. Компоненты терминов образованных указанным способом связаны между собой подчинительной связью. По количеству компонентов термины ИБ могут быть одно- (9%), двух- (32 %), трех- (38,5%), четырех- (11 %) и пятикомпонентными (9%). Наиболее частотными являются двух- и трехкомпонентные словосочетания. В результате анализа терминов ИБ, образованных путем сочетания слов, выявлено 9 продуктивных моделей терминообразования: 1) существительное в И.п. + существительное в Р.п.; 2) прилагательное в И.п. + существительное в И.п.; 3) существительное в И.п. + существительное в Р.п. + существительное в Р.п.; 4) существительное в И.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в Р.п.; 5) прилагательное в И.п. + прилагательное в И.п. + существительное в И.п.; 6) прилагательное в И.п. + существительное в И.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в Р.п.; 7) существительное в И.п. + существительное в Р.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в Р.п.; 8) существительное в И.п. + существительное в Р.п. + существительное в Р.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в Р.п.; 9) прилагательное в И.п. + существительное в И.п. + существительное в Р.п. + прилагательное в Р.п. + существительное в И.п. Многокомпонентные термины создаются с целью конкретизировать и уточнить понятие.

Следует отметить, что терминосистема терминов ИБ на данный момент находится в стадии активного развития, то есть состав терминов непрерывно пополняется, поэтому отследить полный спектр структурных моделей многокомпонентных терминов ИБ является процессом весьма затруднительным.

Результаты данного исследования могут быть использованы при составлении спецсеминаров, спецкурсов и лекционных курсов по терминоведению.

Список источников

1. Влавацкая В.Г., Ефанова М.А. Структурные схемы терминов комбинаторной лингвистики в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 8. С. 2639 – 2645.
2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
3. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Изд-во «Наука», 1977. 246 с.
4. Зиньковская Е.В., Гордиенко О.А. Терминообразование в документоведении. Синтаксический и морфологический способы // Фундаментальные исследования. 2013. № 8 (часть 2). С. 486 – 489.
5. Лотте Д.С. Основы построения терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.

6. Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации. Москва, 2023. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/proactive_bud?id_65=305101-

7. Мусаева А.С. Общеязыковой субстрат терминологии искусственного интеллекта (на примере терминов-словосочетаний) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 12 – 19.

8. Мусаева А.С. Терминообразование в сфере искусственного интеллекта // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 166 – 173.

9. Позвонкова В.С. Структурные особенности военно-химических многокомпонентных терминов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 3. С. 54 – 61.

10. Польщикова О.Н. Синтаксический способ образования терминов компьютерной лингвистики // Вестник Удмуртского Университета. 2023. Т. 33. Вып. 4. С. 805 – 809.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>

References

1. Vlavatskaya V.G., Efanova M.A. Structural schemes of terms of combinatorial linguistics in the English language. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 15. Issue. 8. P. 2639 – 2645.

2. Grinev-Grinevich S.V. Terminology. Moscow: Publishing Center “Academy”, 2008. 304 p.

3. Danilenko V.P. Russian terminology. Experience of linguistic description. Moscow: Publishing house “Nauka”, 1977. 246 p.

4. Zinkovskaya E.V., Gordienko O.A. Term formation in document science. Syntactic and morphological methods. Fundamental research. 2013. No. 8 (part 2). P. 486 – 489.

5. Lotte D.S. Fundamentals of constructing terminology. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1961. 158 p.

6. Methodological recommendations for the preparation and implementation of participatory budgeting practices in the Russian Federation. Moscow, 2023. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/proactive_bud?id_65=305101-

7. Musaeva A.S. General language substrate of artificial intelligence terminology (based on the example of term-phrase combinations). Actual issues of modern philology and journalism. 2022. No. 3 (46). P. 12 – 19.

8. Musaeva A.S. Terminology formation in the field of artificial intelligence. Upper Volga Philological Bulletin. 2022. No. 2 (29). P. 166 – 173.

9. Pozvonkova V.S. Structural Features of Military-Chemical Multicomponent Terms. Bulletin of PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy. 2021. No. 3. P. 54 – 61.

10. Polshchikova O.N. Syntactic Method of Forming Terms in Computational Linguistics. Bulletin of Udmurt University. 2023. Vol. 33. Issue 4. P. 805 – 809.

11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>

Информация об авторах

Абляметова С.М., старший научный сотрудник, Центр изучения гражданских инициатив, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Билялова С.С., старший научный сотрудник, Центр изучения гражданских инициатив, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

© Абляметова С.М., Билялова С.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81'22:659.1

Особенности употребления заимствованных англицизмов в современной медийной среде

¹ Гутиева М.Т.

¹ Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова

Аннотация: в статье рассматриваются особенности употребления англицизмов в современном медиадискурсе. На основе анализа 200 медийных текстов выявлены частотные тематические группы заимствований, включая IT-термины, бизнес-лексику, политические и сленговые выражения. Определены степени морфологической адаптации заимствований и их функциональные роли в текстах. Особое внимание уделяется коммуникативной нагрузке англицизмов и рискам, связанным с их чрезмерным использованием. Сделан вывод о необходимости выработки языковой политики и словарной регламентации. Работа подчеркивает двойственную роль англицизмов как инструмента модернизации и потенциальной угрозы языковой идентичности.

Ключевые слова: англицизмы, медиа, заимствования, лексика, адаптация, стилистика, дискурс

Для цитирования: Гутиева М.Т. Особенности употребления заимствованных англицизмов в современной медийной среде // Современный ученый. 2025. № 9. С. 135 – 140.

Поступила в редакцию: 21 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Peculiarities of the use of borrowed anglicisms in the modern media environment

¹ Gutieva M.T.

¹ North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Abstract: the article examines the peculiarities of anglicism usage in modern media discourse. Based on the analysis of 200 media texts, the study identifies frequent thematic groups of borrowings, including IT terms, business vocabulary, political, and slang expressions. The degrees of morphological adaptation and the functional roles of these borrowings in media texts are defined. Special attention is paid to the communicative load of anglicisms and the risks associated with their excessive use. The conclusion highlights the need for a language policy and lexicographic regulation. The study emphasizes the dual role of anglicisms as both a tool for modernization and a potential threat to linguistic identity.

Keywords: anglicisms, media, borrowings, vocabulary, adaptation, stylistics, discourse

For citation: Gutieva M.T. Peculiarities of the use of borrowed anglicisms in the modern media environment. Modern Scientist. 2025. 9. P. 135 – 140.

The article was submitted: April 21, 2025; Approved after reviewing: June 18, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Современное развитие языковых процессов свидетельствует о растущем влиянии англицизмов на национальные языковые системы. В медийном пространстве особенно интенсивно распространяются иноязычные заимствования, которые отображают эволюцию социальной, экономической и культурной сфер. Усиление межкультурных контактов, динамика международных обменов и становление глобального информационного общества коррелируют с непрерывным ростом объемов иностранной лексики в речи средств массовой информации. Лексические заимствования часто обосновываются потребностями в наименовании новых концептов или явлений, однако нередко их распространению способствует социальный престиж и «мода» на все западное. Этот процесс оказывает влияние не только на лексику, но и на стилистические характеристики текста, формируя особые коммуникативные коды в медиадискурсе.

Англоязычные заимствования часто интегрируются в публицистические заметки, газетные статьи, рекламные тексты и онлайн-площадки, раскрывая многообразие форм взаимодействия языков. Исследование употребления таких заимствований позволяет понять, каким образом современная русскоязычная аудитория усваивает иностранные элементы и как они встраиваются в систему традиционных тематических или жанровых категорий. Вопросы адаптации, ассимиляции и функционального назначения англицизмов становятся особенно актуальными в связи с постоянным обновлением лексики и расширением сетевых СМИ. Специфика медийных текстов предполагает быстроту передачи информации и емкость содержания, что влияет на характер и темпы распространения английской лексики. Данная проблема требует подробного рассмотрения, а комплексное исследование выявляет особенности ассимиляции и коммуникативной функции англицизмов в языке масс-медиа.

Текущие тенденции подтверждают, что негативное или позитивное отношение к англицизмам зависит от культурно-исторического контекста, а также от сферы, в которой эти заимствования появляются. Проникая в язык СМИ, они становятся индикаторами модных трендов, маркером статуса или компетентности, часто подчеркивают глобальные ориентиры массовой культуры. Однако активная экспансия заимствованной лексики может привести к негативным последствиям, среди которых расширение стилистических и грамматических норм за счет иноязычных вариантов и постепенное вытеснение исконных эквивалентов.

Усиление роли интернета и сетевых средств массовой информации оказывает прямое воздействие на темпы появления и интенсивность проникновения англицизмов. Проблема усугубляется отсутствием четко сформулированной языковой политики, которая могла бы регулировать соотношение иноязычных и родных лексических единиц. В контексте данного исследования важно рассмотреть, как новые заимствования, используемые в массе текстов, функционируют в публицистических и рекламных форматах, в новостных статьях и блогах, а также каким образом они девайлируются или, напротив, осваиваются под влиянием речевой практики. Действенность англицизмов в медиаопосредованных коммуникациях опирается на социально-культурную ориентированность говорящих и их готовность воспринимать иностранные элементы как часть собственной языковой картины мира.

Материалы и методы исследований

Цель эксперимента: Основная цель эксперимента заключалась в выявлении степени употребительности англицизмов и в том, чтобы проанализировать темпы их морфологической и семантической адаптации в современных медиа.

Ход эксперимента: Исследование проводилось на основе анализа текстов новостных интернет-порталов, онлайн-журналов и телевизионных новостных лент, а также выборочного наблюдения за блогосферой. В первую очередь учитывались такие параметры, как частота употребления англицизмов, контекст их появления и функциональная нагрузка. Эмпирический материал составляли 200 газетных и интернет-статей, отобранных случайным образом в течение полугода. Для оценки полученных данных применялись методы лингвистического анализа, в том числе элементарная статистическая обработка и сопоставительно-описательный метод, позволяющий сравнивать языковые единицы по ряду критериев. Меркулова И.А., Проценко Е.А. подчеркивают: «Переосмысление роли иноязычной лексики в русскоязычном пространстве требует внимательного подхода к факторам социального, функционального и когнитивного порядка, обеспечивающим долгосрочное существование иностранных терминов и их закрепление в речевой практике» [9, с. 285]. Ход эксперимента включал три последовательных этапа сбора эмпирических текстов, категоризацию выявленных англицизмов по тематическим и структурным параметрам, а также анализ интеграции заимствованных лексем в синтаксические конструкции.

Результаты и обсуждения

Результаты и их обсуждение демонстрируют, что в рамках статей шла активная фиксация групп заимствованных англицизмов, тематически связанных с информационными технологиями, бизнесом, политикой и сленгом. Частое включение таких слов в текст коррелирует с потребностью описывать инновации, глобальные тренды и молодежные явления, которые активно тиражируются средствами массовой коммуникации. Анализ показывает, что более 70% статей содержали хотя бы одну группу иноязычных терминов, реже встречались материалы, ориентированные на узконациональные вопросы, не требующие привлечения зарубежных концептов. Козловских И.С., Репаков Т.С. пишут о том, что характер международного сотрудничества и виртуальных обменов усиливает

статус заимствованных терминов, превращая их в «скомпонованный набор глобально понятных значений, упрощающих диалог между людьми разных культурных пространств» [6, с. 1073]. Важнейшим критерием закрепления новых слов стала их относительная прозрачность для пользователей, которые быстро осваивают термин, если частота его повторений достаточно высока.

Табл. 1, составленная по итогам обработки 200 статей, отражает преобладание четырех основных групп англицизмов: бизнес-лексика, IT- и интернет-термины, политические обозначения и молодежно-сленговые конструкции. Данные представлены с точным указанием количества упоминаний зафиксированных групп, что свидетельствует о достаточно четкой концентрации заимствованных единиц в конкретных сферах.

Таблица 1

Частотность употребления тематических групп англицизмов в медийных текстах.

Table 1

Frequency of use of thematic groups of Anglicisms in media texts.

Группы англицизмов	Частота упоминаний на 200 статей
IT- и интернет-лексика	148
Бизнес-термины	121
Политические конструкции	63
Молодежно-сленговые	84

Анализ этой таблицы показывает, что сферы информационных технологий и бизнеса оказались самыми продуктивными поставщиками новой лексики. IT- и интернет-лексика включает многочисленные обозначения процессов цифровизации, сетевых ресурсов и форматов онлайн-взаимодействия. Бизнес-термины отражают международные экономические модели и коммерческие механизмы, тесно связанные с глобализацией торгового пространства и потребностью именовать явления, не имевшие ранее устойчивых аналогов в национальном языке. Молодежно-сленговые понятия свидетельствуют о том, что культурная коммуникация среди молодых людей часто протекает на стыке традиционных норм и заимствованного стилистического регистра.

Частотность групп терминов указывает на то, что наиболее востребованными оказываются названия явлений, укорененных в повседневном опыте значительной части общества, особенно в интернете и массовых сервисах. Стабильное присутствие политических конструкций, связанных с моделями западных парламентов и выборами, объясняется вовлеченностью российского информационного пространства в мировую политическую дискуссию. Это заметно не только в узкоспециализированных материалах, но и в заметках

общеполитических рубрик, где любое упоминание зарубежных реалий становится поводом для использования англицизмов. Меркулова И.А., Проценко Е.А. считают, что при интенсивном обращении новых слов возникает риск смешения речи: «Некоторые англицизмы, ранее воспринимавшиеся как терминологические, быстро переходят в массовый обиход, сопровождаясь переосмыслением и дополнительными коннотациями, которые не всегда совпадают с исходными значениями» [9, с. 286]. Таким образом, язык СМИ выступает не только передатчиком смысла, но и катализатором его трансформации.

Более развернутый анализ структуры заимствованной лексики включал оценку морфологической и синтаксической адаптации. Важным этапом эксперимента являлось наблюдение за тем, насколько быстро и полно новые слова интегрируются в грамматический строй русского языка. Для этого в собранном массиве статей выделили три уровня морфологической ассимиляции: полностью освоенные формы, частично адаптированные и неосвоенные термины. Проникновение слова в широкую речевую практику, как правило, сопровождается появлением производных или новым употреблением уже известных заимствований. Новожилова Д.И., Гоги́на Л.П. подчеркивают, что «адекватная

адаптация способствует органичному восприятию иностранных единиц, тогда как неформальные лексемы могут создавать барьеры для массовой аудитории, затрудняя коммуникативный процесс» [10, с. 9]. Оказалось, что многие политические заимствования остаются на периферии языка дольше, чем бизнес- или IT-лексика, поскольку менее востребованы в повседневном обиходе. В свою очередь, молодежно-сленговые выражения за ко-

роткий срок могут прижиться в разговорной среде и даже проникнуть в тексты крупных развлекательных изданий.

Табл. 2 отражает точное распределение групп англицизмов в зависимости от степени их морфологической адаптации. Она показывает, сколько терминов из каждой тематической категории относится к полностью освоенным, частично освоенным и пока неосвоенным единицам.

Таблица 2

Степень морфологической адаптации англицизмов по тематическим группам.

Table 2

Degree of morphological adaptation of Anglicisms by thematic groups.

Группы англицизмов	Полностью освоенные	Частично освоенные	Неосвоенные
IT- и интернет-лексика	19	14	8
Бизнес-термины	16	21	7
Политические конструкции	6	13	11
Молодежно-сленговые	11	17	4

Из данных таблицы следует, что наиболее высокий процент полной ассимиляции отмечается среди лексики IT и бизнеса. Это связано с регулярным употреблением подобных терминов в самых разных аспектах повседневной деятельности, от новостных статей до пользовательских инструкций и рекламных роликов. Некоторое количество бизнес-слов сохраняет колебания в написании и склонении, что объясняется конкуренцией разных способов передачи звуков и не до конца устоявшейся орфографической нормой. Политические конструкции чаще всего остаются в пограничном положении, отражая узкую специализированность соответствующего сегмента и менее массовый характер их употребления. В свою очередь, молодежно-сленговые элементы, хотя и быстро входят в устную речь, могут еще не получить закрепления в письменной норме.

Сопоставление количественных показателей с данными предыдущих исследований свидетельствует о тенденции к стабилизации ряда заимствованных форм. Одновременно можно видеть, как часть молодежных или интернет-сленговых выражений не выходит за пределы локальных сообществ, оставаясь малоизвестной более консервативной аудитории. Другая доля англицизмов неизбежно становится частью общелитературного языка, особенно если они описывают новые профессиональные или технологические явления. Кукнерик А.А. считает, что решающим фактором в закреплении таких слов выступает «преимущественная ориентация на кросс-культурную коммуникацию и реальные социальные практики, формирующие новый облик русскоязычной медиасре-

ды с расширенным запасом межъязыковых значений» [7, с. 4].

Расширенное рассмотрение функционально-прагматических аспектов подтверждает, что англицизмы используются не только для именования, но и для придания текстам дополнительных стилистических оттенков. В бизнес-журналистике эти заимствования подчеркивают глобальную перспективу и престижность, делая речь более авторитетной в глазах читателя. В IT-сферах они зачастую выполняют роль технических терминов, облегчающих описание научно-технологических процессов. В политическом дискурсе иностранные конструкции могут выступать маркерами взаимодействия с международными институтами, транслируя идею причастности к глобальным событиям. Молодежно-сленговая лексика, подчеркнутая в заголовках и подачах, придает материалам неформальный, «продвинутый» характер, ориентируя их на специфическую группу потребителей контента.

Большое число авторов указывает на потенциальные риски чрезмерного использования заимствованной лексики. Ограничения связаны с потерей индивидуальных стилевых особенностей русского языка, размыванием его системных норм и стилистическими перегрузками, которые вынуждают неподготовленную аудиторию испытывать дискомфорт при чтении. При отсутствии ясных и системных рекомендаций по регулированию потока иноязычных элементов возникает опасность хаотического использования англицизмов, часто не имеющих четкой и понятной для всех носителей смысловой базы. Наблюдается формирование своеобразных элитарных «кодов», которые позво-

ляют одной части общества дистанцироваться от другой с помощью непрозрачных терминов и иностранных компонентов.

Обобщая итоги наблюдений и количественных измерений, можно выделить две взаимосвязанные тенденции. Первая состоит в том, что наиболее массовое распространение наблюдается у терминов, описывающих передовые отрасли экономики, информационных технологий и глобальной политики. Такая лексика быстро осваивается благодаря интенсивной поддержке СМИ, а также растущей привлекательности международной повестки в глазах аудитории. Вторая тенденция связана с изменением стилистической парадигмы, поскольку иноязычные элементы все глубже проникают в молодежное пространство, формируя новые речевые коды, в которых иностранные вкрапления становятся неотъемлемым знаком групповой идентичности. Лашкова Г.В., Матяшевская А.И. выделяют еще одно направление: «Усиление контактов с западными корпоративными медиа-брендами и общественными платформами приводит к ускоренному возникновению гибридных форм, когда англицизмы модифицируются под местные языковые правила, сохраняя часть иноязычного статуса» [8, с. 153].

Выводы

Выводы указывают на то, что в современных российских СМИ сформировалась устойчивая практика применения англицизмов разных тематических направлений, причем эти слова демонстрируют неодинаковую скорость адаптации. Язык прессы и интернет-изданий показывает высокую восприимчивость к инновациям, особенно в бизнесе и сфере высоких технологий, тогда как политические и молодежные конструкторы частично сохраняют черты «чужеродности». При наличии спроса и доступности информации заимствования продолжают активно воспроизводиться, проникают в широкую речь и оказывают влияние

на повседневное коммуникационное пространство. Решение возникающих проблем заключается в комплексной языковой политике, где важнейшую роль играет систематическое просвещение авторов СМИ, разработка словарей, регламентирующих употребление англицизмов, а также поддержка научно обоснованного подхода к ассимиляции терминов. Готовность медийной среды к поиску компромисса между традицией и инновацией способствует естественной селекции заимствованных форм: только наиболее уместные и функциональные англицизмы продолжают использоваться массово, превращаясь в привычную составляющую национального языка.

Актуальные результаты эксперимента демонстрируют большую пластичность современного медиадискурса и готовность русскоязычной аудитории к восприятию большого количества англицизмов. Проблемы, возникающие при употреблении этих заимствований, связаны с отсутствием единого языкового контроля и возможной девальвацией некоторых семантических оттенков. Однако перспективы их решения состоят в гармонизации национальной языковой политики, ориентированной на сохранение базовых норм и ценностей, а также в разработке специализированных словарей и методических рекомендаций. Дальнейшее развитие данной области исследования может включать мониторинг эффективности подобных мер и отслеживание изменений в структуре речевого взаимодействия. Несмотря на опасения о чрезмерной экспансии, практика показывает, что языковая система способна к самоорганизации: избыточные элементы вскоре либо отсекаются, либо трансформируются и обогащают язык новыми смыслами. Это говорит о высокой устойчивости лингвокультуры, которая, с одной стороны, принимает востребованные инновации, а с другой – защищает свою самобытность.

Список источников

1. Бейсенова М.К., Кенжетоева Г.К., Аитова Ж.Ж. Морфологические характеристики англицизмов в казахстанском медиадискурсе (на примере социальных сетей) // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. 2024. № 3. С. 64 – 78.
2. Гаран Е.П. Функции англоязычных заимствований в современных интернет-СМИ // Балтийский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 1 (42). С. 46 – 55.
3. Гуляева Е.В., Денисенко М.В., Никитина И.С. Употребление заимствований в современных СМИ: коммуникативные риски // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 146 – 157.
4. Дегальцева А.В., Сиротинина О. Б. Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ // Филология и человек. 2022. № 4. С. 7 – 25.
5. Иванова В.И., Буряковская А.А. Рунглиш современных спортивных медиатекстов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 4 (47). С. 7 – 25.

6. Козловских И.С., Репаков Т.С. Современные тенденции в языке СМИ и массмедиа // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 5 (86). С. 1070 – 1077.
7. Кукнерик А.А. Англицизмы в восприятии аудитории медиа // Международный научный журнал «Слово в науке». 2023. С. 39 – 42.
8. Лашкова Г.В., Матяшевская А.И. Англицизмы в современном русском языке: к проблеме лингвотолерантности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 151 – 157.
9. Меркулова И.А., Проценко Е.А. Функционирование перекодированной лексики в русском медиапространстве // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 284 – 297.
10. Новожилова Д.И., Гогина Л.П. Коммуникативная роль англицизмов в лексике современного медиа-текста // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. Т. 6. № 4. С. 8 – 17.
11. Туленкова П.П., Мухамедьянова Г.Н. Англицизмы в русском языке // Молодой ученый. 2022. № 16 (411). С. 503 – 506.
12. Шевцова А.В., Голева Н.М. Актуальные проблемы функционирования иноязычной лексики в современных отечественных СМИ // Молодой ученый. 2022. № 2 (397). С. 384 – 386.

References

1. Beisenova M.K., Kenzhetaeva G.K., Aitova Zh.Zh. Morphological characteristics of Anglicisms in the Kazakhstani media discourse (on the example of social networks). Bulletin of the Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov. Philological series. 2024. No. 3. P. 64 – 78.
2. Garan E.P. Functions of English-language borrowings in modern online media. Baltic Humanitarian Journal. 2023. Vol. 12. No. 1 (42). P. 46 – 55.
3. Gulyaeva E.V., Denisenko M.V., Nikitina I.S. Use of borrowings in modern media: communicative risks. Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2021. T. 20. No. 1. P. 146 – 157.
4. Degaltseva A.V., Sirotinina O.B. Problems of using borrowed vocabulary in modern media. Philology and man. 2022. No. 4. P. 7 – 25.
5. Ivanova V.I., Buryakovskaya A.A. RunGLISH of modern sports media texts. Theory of language and intercultural communication. 2022. No. 4 (47). P. 7 – 25.
6. Kozlovskikh I.S., Repakov T.S. Modern trends in the language of media and mass media. Bulletin of Science. 2025. T. 4. No. 5 (86). P. 1070 – 1077.
7. Kuknerik A.A. Anglicisms in the perception of the media audience. International scientific journal "Word in Science". 2023. P. 39 – 42.
8. Lashkova G.V., Matyashevskaya A.I. Anglicisms in the modern Russian language: on the problem of linguo-tolerance. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism. 2022. Vol. 22, issue 2. P. 151 – 157.
9. Merkulova I.A., Protsenko E.A. Functioning of recoded vocabulary in the Russian media space. Russian studies. 2022. Vol. 20. No. 3. P. 284 – 297.
10. Novozhilova D.I., Gogina L.P. The communicative role of Anglicisms in the vocabulary of a modern media text. Communicology: electronic scientific journal. 2021. Vol. 6. No. 4. P. 8 – 17.
11. Tulenkova P.P., Mukhamedyanova G.N. Anglicisms in the Russian language. Young scientist. 2022. No. 16 (411). P. 503 – 506.
12. Shevtsova A.V., Goleva N.M. Actual problems of the functioning of foreign-language vocabulary in modern domestic media. Young scientist. 2022. No. 2 (397). P. 384 – 386.

Информация об авторе

Гутиева М.Т., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, mgutieva@mail.ru

© Гутиева М.Т., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 821.161.1

Культурные коды аутентичной / сгенерированной народной сказки

¹ Евсеев О.В.

¹ Центр иностранных языковых и коммуникативных технологий,
Тюменский государственный университет

Аннотация: в статье рассмотрен культурный код в русских народных сказках и их искусственно сгенерированных аналогах при помощи большой языковой модели GigaChat. Цель исследования – выявить и проанализировать способы репрезентации культурных кодов в аутентичных и сгенерированных сказках. Для достижения поставленной цели был проведен структурно-семантический и контент-анализ, направленный на выявление дифференциальных признаков двух видов сказки по трём взаимосвязанным параметрам: реализация сюжетных элементов; репрезентация культурных кодов; специфика использования языковых средств. Результаты исследования показали, что существуют культурные коды, получающие особые формы репрезентации в народных и сгенерированных сказках: *архаичные реалии, суеверия и религиозные обряды, социальная сатира*. Данные коды выражены как рядом сюжетных особенностей: *абсурдом, моралью, конфликтами, юмором*, так и языковыми средствами: *архаизмами, глагольной динамикой, описаниями и звукоподражанием*. В результате происходит упрощение культурных кодов: миф заменяется на волшебство, которое не имеет отношения к обрядам / обычаям / табу / суевериям, присущим русскому народу; социальная критика подменяется идеализацией социальных ролей; происходит упрощение и чрезмерное расшифрование сказочных уроков и морали, направленных на воспитание младшего поколения старшим.

Ключевые слова: сгенерированная сказка, русская народная сказка, культурный код, архаичные реалии, обряды, социальная сатира

Для цитирования: Евсеев О.В. Культурные коды аутентичной / сгенерированной народной сказки // Современный ученый. 2025. № 9. С. 141 – 146.

Поступила в редакцию: 22 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Cultural codes of authentic / AI-generated folk tales

¹ Evseev O.V.

¹ Center for Foreign Language and Communication Technologies,
University of Tyumen

Abstract: the article examines cultural codes in Russian folk tales and their AI-generated analogues using the large language model GigaChat. The study aims to identify and analyze the ways in which cultural codes are represented in authentic and AI-generated fairy tales. To achieve this goal, a structural-semantic and content analysis was conducted, focusing on distinguishing features between the two types of tales across three interrelated parameters: narrative elements, cultural codes, and linguistic devices.

The findings reveal that some cultural codes in folk tales differ from the ones in AI-generated tales: these are archaic realities, superstitions, religious rituals, and social satire. These codes are expressed through plot-related features: absurdity, moral lessons, conflicts and humor, as well as linguistic devices, including archaisms, verbal dynamism, descriptive passages, and onomatopoeia. The results of the study confirmed that a simplification of cultural codes in AI-generated tales takes place. Myth is replaced by generic magic, detached from the rituals, customs, taboos, and superstitions inherent to Russian tradition. Social criticism is replaced by an idealized portrayal of social roles. The moral and educational lessons, that are aimed at intergenerational upbringing, are oversimplified and excessively spelled out.

Keywords: generated fairy tale, Russian folk tale, cultural code, archaic realities, rituals, social satire

For citation: Evseev O.V. Cultural codes of authentic / ai-generated folk tales. Modern Scientist. 2025. 9. P. 141 – 146.

The article was submitted: April 22, 2025; Approved after reviewing: June 19, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Культура различных народов представлена системой кодов, которые играют ключевую роль в формировании идентичности общества. Она транслирует коллективный опыт, знания, навыки, цели и ценности, передаваемые от поколения к поколению [5, с. 63]. Народные сказки тесно связаны с культурой, они выражают национальные, исторические и культурные особенности народа [6, с. 45].

Культурный код – многогранное явление, выступающее как категория бытия народа. Он является абстрактным и придаёт символическое и культурно обусловленное значение различным явлениям жизни. [4, с. 70; 7, с. 5, 7]. Это система знаков, которая распространена лишь среди носителей определенной культуры, и в ней происходит постоянная генерация и трансляция новых смыслов [14, р. 4]. Основу культурного кода составляют феномены, укоренившиеся в системе того или иного народа (мифы, обряды, верования, обычаи, устное народное творчество, архетипы и другое) [7, с. 8, 9; 1, с. 205].

С активным развитием больших языковых моделей (БЯМ) возник феномен искусственно сгенерированных сказок – текстов, созданных искусственным интеллектом (ИИ) по определенным алгоритмам [17, р. 4].

Несмотря на активное изучение культурного кода (R. Clotaire, C. Lévi-Strauss, К.К. Васильева, Ю.М. Лотман, М. Фуко), роли аутентичных и сгенерированных сказок (A. Aarne, N. Choi, M. Elgarf, H. Saraswat, W. Wundt, C. Zhang, А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, А.И. Никифоров, Э.В. Померанцева, В.Я. Пропп), сравнительный анализ реализации культурных кодов естественных и искусственных сказок представлен в исследованиях недостаточно.

Цель настоящей работы – выявить и сравнить способы репрезентации культурных кодов в русских народных сказках и их сгенерированных аналогах.

Материалы и методы исследований

Для исследования естественных и искусственных сказок используется контент-анализ по заданным кодам, а также структурно-семантический анализ с целью определения структур сказочных нарративов.

Для корпуса естественных сказок использовался метод простой выборки русских народных сказок, собранных И.А. Худяковым (5 сказок). Для корпуса ИИ-сказок (5) использовалась большая языковая модель “GigaChat” и метод промптинга «ролевой промптинг» (role prompting). Данный промпт предполагает назначение роли БЯМ с целью повышения релевантности сгенерированного ответа и влияния на его стиль. Данный метод повышает производительность БЯМ в процессе выполнения творческих задач [13, р. 21-22], [18, р. 2244-2245]. Ролевой промпт представляет собой следующий запрос: «Ты – собиратель русского фольклора, который путешествует по разным городам и селам с целью сбора русских народных сказок. Твоя задача – записать оригинальную сказку, которую ты услышал от представителя русского народа. Объём сказки – от 150 до 450 слов».

Путём тщательного сопоставительного изучения форм реализации культурных кодов в естественных и искусственных сказках были чётко определены ключевые отличительные признаки этих двух видов сказочного текста.

Результаты и обсуждения

Сказка, будучи базовым культурным текстом, представляет собой отражение сознания народа [2, с. 307]. Поскольку культурные коды являются хранителями и трансляторами ценностей и духов-

ности и в них заключается социальные нормы, правила и установки народа, сказки являются ключевым инструментом их передачи от старшего поколения к младшему [8, с. 1, 3]. Все жизненные уроки, которые старшее поколение желает донести младшему, представляют собой зашифрованную информацию, запрятанную в персонажах, метафорах, аллегориях и так далее [3, с. 244].

Сгенерированная сказка, будучи новым феноменом, представляет собой скомбинированную информацию из базы данных большой языковой модели. Такого рода произведения не базируются на реальном человеческом опыте, поскольку они являются результатом работы алгоритмов нейросетей. В результате происходит потеря культурной связи искусственного сказочного текста и народа [11, р. 359].

Таким образом, в настоящем исследовании аутентичные сказки и их сгенерированные аналоги анализировались по трём взаимосвязанным параметрам: реализация сюжетных элементов; репрезентация культурных кодов; специфика использования языковых средств.

Сюжет аутентичных народных сказок выражен следующими особенностями: *троичность*, *дидактичность*, *неожиданная логика*, *отсутствие явной морали*, *жёсткий юмор*.

Троичность проявляется через: три неудачные попытки мужа сделать мотовило; три брата; три обмана; три наказания; три ночи караула покойницы; три кармана; три попытки покойницы съесть мальчика; *дидактичность*: лень приводит к разоблачению и исправлению через наказание; *неожиданная логика*: жена прячется в дупле дерева и пугает мужа; доведение проблемной ситуации до крайности (смерти) из-за пустяка; *отсутствие явной морали*: сказки заканчиваются действиями без выводов: жена умирает из-за башмаков и её «зарыли и точка»; старик измучил волшебной дудкой людей, которые хотели его повесить; брат убивает двух своих братьев и стал жить спокойно; жених бьёт царевну палкой и исцеляет её; братья пытаются убить Ивана, но сами гибнут из-за глупости; *жёсткий юмор*: жена притворяется мёртвой, а муж «воскрешает» её плетью; разыгрывание смерти из-за купленных башмаков; мальчик бьёт царевну палкой, пока из неё выходят «гады». Например, в сказке «Волшебница» *троичность* проявляется через фразы: «И дал ему дедушка три: карман изгорьев, карман подпилков, карман угольев»; «...опять царь стал его нанимать на третью ночь».

Реализация сюжетных элементов искусственных сказок представлена *линейностью сюжета*,

отсутствием абсурда, *явной моралью*, *смягченными конфликтами*, *современными ценностями*.

Линейность сюжета проявляется через строгое следование односложной схеме: несправедливость / проблемы (братья обделили Иванушку; бедность хозяина; нищета семьи; похищение Василисы; одиночество стариков) → испытание (магическое испытание; искушение; бой с антагонистом; выполнение заданий) → счастливый финал (женитьба; богатство; возвращение; освобождение; слава); *отсутствие абсурда*: логичная мотивация персонажей, например, обида как результат несправедливости; следование мудрым советам; осознание ошибки и её исправление; спасение девушки из благородных побуждений; *явная мораль*: «что Бог ни делает – всё к лучшему!»; «сказка эта учит бережному отношению к природе»; «зависть разрушает, вера спасает»; «смелость и решительность важны»; «добро вознаграждается всегда щедро и справедливо»; *смягченный конфликт*: отсутствие жестокости в наказании антагонистов: завистники теряют богатство; братья остаются живы; змей повержен без мучений; *современные ценности*: экология и устойчивое развитие «сказка эта учит бережному отношению к природе и сохранению природных богатств родных земель прекрасных». Например, в сказке «Иванушка-дурачок и Серый Волк» *явная мораль* проявляется через фразу: «жили они счастливо..., сохраняя веру в добро настоящее и справедливость вечную».

Культурные коды корпуса естественных сказок выражены следующими особенностями: *архаичные реалии*, *четкое деление гендерных ролей*, *суеверия*, *нечистая сила и табу*, *социальная сатира*, *религиозные обряды*.

Архаичные реалии проявляются через лексемы: мотовило; печка; коты; торг; дяк; гривна; исправник; *четкое деление гендерных ролей*: муж – добытчик, жена – пряха; муж покупает вещи, а жена – решает, как ими пользоваться; *суеверия*, *нечистая сила и табу*: запрет делать мотовило, иначе умрёт жена; помощь от чертёнка; *социальная сатира*: дяк – жертва розыгрыша; царь проявляет милосердие только из-за страха; исправник ведётся на обман; царь наказывает мальчика за малый дар; *религиозные обряды*: священник приобщает жену, соборует маслом и проводит похороны; мешок – аналог смерти, прорубь – аналог границы между мирами; караул у гроба покойника; петухи как символ рассвета; перемывание костей царевны как ритуальное очищение. Например, в сказке «Старик» *социальная сатира* проявляется через фразы: «...он заиграл в дудку: дяк заплясал, весь репёй искомолся, плачет да скачет»; «...он их измучил; до того плясали, что от усталости попадали

наземь. *Царь* за это его и *простил*». Таким образом выражается отношение народа к духовенству и несправедливой власти, что стало более частым явлением по мере развития общества и ослабления веры народа в волшебство. Сказка превратилась в орудие народа для борьбы с отрицательным влиянием на их быт и внешними поработителями [9, с. 43].

Реализация культурных кодов сгенерированных сказок представлена *отсутствием сатиры, наличием социальных ролей, отсутствием обрядов*.

Отсутствие сатиры проявляется через следующие особенности: отсутствие социальной критики (возликовал правитель..., наградил Ивана щедрыми дарами большими) и идеализация персонажей (злодеи моментально раскаиваются: люди осознали свою ошибку непростительную); *наличие социальных ролей*: крестьяне – бедные, цари и правители – справедливые и милосердные; *отсутствие обрядов*: нет жертвоприношений, обращений к духам или предкам, упрощение ритуалов (испытания у Мороза Ивановича: принести веточку, набрать ведро снега и сделать метлу как бытовые действия). Между тем большинство исследователей представляют сказку как фольклорный жанр, который развивался в контексте определенных исторических событий, он содержал в себе атавизмы магических ритуалов и культов, непосредственно был связан с религиозными верованиями [3, с. 245].

Языковые средства корпуса аутентичных народных сказок представлены следующими особенностями: *просторечия и архаизмы, повторы, глагольная динамика, отсутствие описаний, звукоподражание*.

Просторечия и архаизмы проявляются через лексемы: поди; чрез; коты; кошель; пуще; дыак; наземь; сдуреть; *повторы*: повторение ключевых фраз («не делай мотовила: жена умрёт!»; «кому коты купил?»; «дура, за что умираешь?»; «обманул нас Иван-дурак, убьём его»; «я у дедушки спрошу»); *глагольная динамика* выражена короткими и энергичными фразами: «она не пьёт, не ест, больна лежит»; «делай гроб, клади меня в гроб»; «дыак заплясал...плачет да скачет»; «вынул дудку и давай играть, все стали плясать, он их измучил»; *отсутствие описаний*: движение сюжета происходит через действия героев и их диалоги; *звукоподражание* («буль, буль, буль»; «буры, буры, буры»). Например, в сказке «Иван-дурак и братья» *отсутствие описаний* связано с обилием диалогов и глаголов («схватил», «упала», «кричит», «давай»), а также передачей эмоций через действия («начал кричать изо всего горла»).

Особенность выражения языковых средств корпуса искусственных сказок заключается в следующем: *нейтральная лексика и книжные обороты, описательность, меньшим количеством диалогов, отсутствием звукоподражаний*.

Нейтральная лексика и книжные обороты представлены следующими особенностями: отсутствие диалектизмов и просторечий (стандартный литературный язык); сложные предложения с причастными оборотами («девушка, работающая и приветливая, каждый день помогала родителям»); клишированные эпитеты («девушка-красавица»; «мальчик храбрый»; «лес густой»; «зима долгая»); *описательность* реализуется в излишней детализации портретов («Курочка Рябуша – перья разноцветные, глаза ясные, лапки быстрые»; «Мороз Иванович, бородой длинной сверкая, взгляд строгий»); *меньшее количество диалогов* выражается посредством преобладания косвенной речи («радовалась хозяйка... хотела рассказать... но вмешалась Рябуша»; «увидев перемены... поверила вся деревня») и отсутствием эмоциональных реплик; отсутствие звукоподражаний создаёт эффект тихих сказок, чьё повествование разворачивается через образы («Однажды летом услышала Катерина ночью лягушку квакающую необычно мелодично»). Например, в сказке «Курочка Рябуша и её секреты» *описательность* проявляется через излишне пространное описание волшебного места («Просторная пещера, полная света яркого и тепла солнечного. По стенам росли грибы волшебные, травы целебные и ягоды вкусные»). Данная особенность искусственных сказок уменьшает их динамичность и ритмичность.

Выводы

Таким образом, нами был выявлен ряд ключевых культурных кодов, которые позволяют дифференцировать аутентичные и сгенерированные сказочные произведения: *архаичные реалии, суеверия и религиозные обряды, социальная сатира*. Они выражены сюжетными особенностями сказок: *абсурдом, моралью, конфликтами, юмором*, а также языковыми средствами: *архаизмами, глагольной динамикой, описаниями и звукоподражанием*.

В процессе генерации искусственных народных сказок происходит упрощение архаичных культурных кодов: миф заменяется волшебством, которое существует в отрыве от народа и его обрядов. Например, в аутентичных сказках смерть представлена как комедийный или дидактический элемент, который имеет связь с обрядами и потусторонним миром. Искусственно сгенерированные сказки избегают тему смерти или заменяют её эвфемизмами, что приводит к потере связи с народ-

ными ритуалами. Это напрямую связано с запретами на генерацию опасного или вредоносного контента, заложенными в больших языковых моделях на этапе обучения [12, р. 2].

В сгенерированных сказках происходит идеализация социальных ролей и отсутствует критика системы и её несправедливости. В отличие от аутентичных сказок, где нередко происходит смена социальных ролей (дурак становится царём), здесь каждый знает своё место в системе. Отмечается стерилизация языка и юмора, что выражается

в нейтральности лексики, отсутствии грубости, абсурда или жёсткого юмора.

Особенностью дидактики искусственных сказок является идеализация мира, в котором добро всегда побеждает априори. При этом теряются хаотичность, жестокость и сложность, которые присущи реальному миру. Излишняя симплификация и экспликация жизненных сказочных уроков приводит к размыванию подлинной мудрости русского народа и стиранию глубинного культурного кода.

Список источников

1. Балич Н.Л. Этнокультурные практики – основа воспроизводства культурного кода восточных славян // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 193 – 207.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 5. Спб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1901. 593 с.
3. Богатырева Ж.В., Куземина Е.Ф. Значение функциональной специфики сказки в становлении личности // Вестник Академии права и управления. 2015. С. 241 – 246.
4. Букина Н.В. Культурный код как язык культуры // Вестник ЧитГУ. 2008. № 2 (47). С. 69 – 73.
5. Данилов А.Н. Программирующая роль культуры в теории социальной эволюции // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 63 – 71.
6. Идрозова Э.С.А. Общая характеристика сказок и их особенности // Lingua-Universum. 2014. № 6. С. 42 – 45.
7. Клименкова А.М. Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 2. С. 5 – 12.
8. Котляров И.В. Культурный код: к новой системе ценностей (социально-философские тренды) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48SCSK322.pdf> (дата обращения: 25.03.2025)
9. Новиков Н.В. Сатира в русской волшебной сказке записи XIX – начала XX века // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 40 – 61.
10. Худяков И.А. Великорусские сказки. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1860. 148 с.
11. Bhandari P., Brennan H. Trustworthiness of Children Stories Generated by Large Language Models // The 16th International Natural Language Generation Conference. Prague, 2023. P. 352 – 361.
12. Bianchi F., Zou J. Large Language Models are Vulnerable to Bait-and-Switch Attacks for Generating Harmful Content // arXiv. 2024. 9 p. URL: <https://arxiv.org/abs/2402.13926> (дата обращения: 07.03.2025)
13. Boonstra L. Prompt Engineering. 2025. 68 p. URL: <https://www.kaggle.com/whitepaper-prompt-engineering> (дата обращения: 25.03.2025)
14. Fiske J. Television Culture. L.: Routledge, 2010. P. 424.
15. GigaChat [Электронный ресурс]. URL: <https://giga.chat/gigachat/> (дата обращения: 25.03.2025)
16. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing. 2025. P. 591. URL: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/ed3book.pdf> (дата обращения: 25.03.2025)
17. Makridis G., Oikonomou A., Koukos V. FairyLandAI: Personalized Fairy Tales utilizing ChatGPT and DALL-E-3 // arXiv. 2024. 11 pp. URL: <https://arxiv.org/abs/2407.09467> (дата обращения: 25.03.2025)
18. Wang R. et al. Role Prompting Guided Domain Adaptation with General Capability Preserve for Large Language Models // Findings of the Association for Computational Linguistics: NAACL. 2024. P. 2243 – 2255, Mexico City. URL: <https://aclanthology.org/2024.findings-naacl.145/> (дата обращения: 25.03.2025)

References

1. Balich N.L. Ethnocultural practices as the basis for reproducing the cultural code of the Eastern Slavs. Sociological almanac. 2017. No. 8. P. 193 – 207.
2. Belinsky V.G. Complete Works. Vol. 5. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich, 1901. 593 p.
3. Bogatyreva Zh.V., Kuzemina E.F. The importance of the functional specificity of a fairy tale in the development of personality. Bulletin of the Academy of Law and Management. 2015. P. 241 – 246.
4. Bukina N.V. Cultural code as the language of culture. Bulletin of ChitSU. 2008. No. 2 (47). P. 69 – 73.

5. Danilov A.N. The programming role of culture in the theory of social evolution. Sociological studies. 2023. No. 2. P. 63 – 71.
6. Idrazova E.S.A. General characteristics of fairy tales and their features. Lingua-Universum. 2014. No. 6. P. 42 – 45.
7. Klimenkova A.M. Cultural codes as factors in the formation of value orientations. Bulletin of RUDN. Series: Sociology. 2013. No. 2. P. 5 – 12.
8. Kotlyarov I.V. Cultural code: towards a new system of values (social and philosophical trends). World of science. Sociology, philology, cultural studies. 2022. Vol. 13. No. 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48SCSK322.pdf> (date accessed: 25.03.2025)
9. Novikov N.V. Satire in Russian fairy tale recordings of the XIX – early XX centuries. Russian folklore: materials and research. Moscow; Leningrad, 1957. Vol. 2. P. 40 – 61.
10. Khudyakov I.A. Great Russian tales. Moscow: Edition of K. Soldatenkov and N. Shchepkin, 1860. 148 p.
11. Bhandari P., Brennan H. Trustworthiness of Children Stories Generated by Large Language Models. The 16th International Natural Language Generation Conference. Prague, 2023. P. 352 – 361.
12. Bianchi F., Zou J. Large Language Models are Vulnerable to Bait-and-Switch Attacks for Generating Harmful Content. arXiv. 2024. 9 p. URL: <https://arxiv.org/abs/2402.13926> (date of access: 07.03.2025)
13. Boonstra L. Prompt Engineering. 2025. 68 p. URL: <https://www.kaggle.com/whitepaper-prompt-engineering> (date of access: 25.03.2025)
14. Fiske J. Television Culture. L.: Routledge, 2010. P. 424.
15. GigaChat [Electronic resource]. URL: <https://giga.chat/gigachat/> (date of access: 03.25.2025)
16. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing. 2025. P. 591. URL: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/ed3book.pdf> (date of access: 03.25.2025)
17. Makridis G., Oikonomou A., Koukos V. FairyLandAI: Personalized Fairy Tales utilizing ChatGPT and DALL-E-3. arXiv. 2024. 11 p. URL: <https://arxiv.org/abs/2407.09467> (date of access: 03.25.2025)
18. Wang R. et al. Role Prompting Guided Domain Adaptation with General Capability Preserve for Large Language Models. Findings of the Association for Computational Linguistics: NAACL. 2024. P. 2243 – 2255, Mexico City. URL: <https://aclanthology.org/2024.findings-naacl.145/> (date of access: 03.25.2025)

Информация об авторе

Евсеев О.В., ассистент, Центр иностранных языковых и коммуникативных технологий, Тюменский государственный университет

© Евсеев О.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 82.31

Сравнение переводов романа "Война и мир" в рамках теории коммуникативного перевода – на примере переводов Цао Ин, Лю Ляои и Чжан Цзе

¹ Пэй Цзяхуэй

¹ Хэйлунцзянский университет, Китай

Аннотация: основываясь на теории коммуникативного перевода, эта статья систематически сравнивает практические различия между китайскими переводами романа "Война и мир", выполненными Цао Ин, Лю Ляои и Чжан Цзе. Успешный перевод заключается не только в точной передаче информации, но и в способности заставить читателей с разной культурной подготовкой почувствовать очарование и глубину оригинального произведения. Сосредоточившись на четырех измерениях: характеристика персонажей, ситуативный контекст, логика и привычка выражения целевого языка, а также культурно-специфическая лексика, – переводчики выявляют, как они балансируют между верностью и читабельностью. Глубокое обсуждение различий в переводах разных переводчиков и их всесторонняя оценка позволяют обобщить их различия в работе с культурными факторами, языковым выражением и передачей информации, что еще раз подтверждает руководящую ценность коммуникативной теории перевода для художественного перевода – установление адаптивного баланса между семантической точностью и читательским восприятием с помощью динамических механизмов эквивалентности, через ориентированную на читателя реконструкцию текста, которая не только передает художественную сущность оригинала, но и способствует диалогу цивилизаций, а также вносит вклад в дать методологические рекомендации по повторному переводу классических произведений в межкультурном контексте.

Ключевые слова: теория коммуникативного перевода, "Война и мир", сравнение переводов

Для цитирования: Пэй Цзяхуэй Сравнение переводов романа "Война и мир" в рамках теории коммуникативного перевода – на примере переводов Цао Ин, Лю Ляои и Чжан Цзе // Современный ученый. 2025. № 9. С. 147 – 154.

Поступила в редакцию: 23 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Comparison of the translations of the novel "War and Peace" under the theory of communicative translation – taking the translations of Caoying, Liu Liaoyi and Zhang Jie as an example

¹ Pei Jiahui

¹ Heilongjiang University, China

Abstract: based on the communicative translation theory, this paper systematically compares the practical differences between the Chinese translations of "War and peace" by Cao Ying, Liu Liaoyi and Zhang Jie. A successful translation lies not only in the accurate conveyance of information, but also in the ability to make readers of differ-

ent cultural backgrounds feel the charm and depth of the original work. Focusing on the four dimensions of character setting, situational context, logic and expression habits of translation, and culture-specific item, it reveals how the translators balance between fidelity and readability. In-depth discussion of the differences in the translations of various translators and comprehensive evaluation are conducted to summarize the differences in their handling of cultural factors, linguistic expression and information transmission, further verifying the guiding value of communicative translation theory for literary translation - establishing an adaptive balance between semantic precision and reader acceptance with the help of dynamic equivalence mechanisms, through reader-oriented text reconstruction, which not only transmits the artistic essence of the original but also facilitates the dialogue of civilizations, and contributes to the provide methodological references for classical retranslation in cross-cultural contexts.

Keywords: communicative translation theory, War and Peace, translation comparison

For citation: Pei Jiahui Comparison of the translations of the novel "War and Peace" under the theory of communicative translation – taking the translations of Caoying, Liu Liaoyi and Zhang Jie as an example. Modern Scientist. 2025. 9. P. 147 – 154.

The article was submitted: April 23, 2025; Approved after reviewing: June 20, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

На фоне эпохи глубокой глобальной культурной интеграции и тенденции к повторному переводу классических литературных произведений, переводческая деятельность перешла от преобразования языка к кросс-культурному когнитивному строительству. Теория коммуникативного перевода, предложенная Ньюмарком, делает акцент на эффективной передаче культурной информации посредством динамической эквивалентности, фокусируясь на эффекте принятия целевыми читателями, что обеспечивает методологический подход к решению дилеммы между "верностью" и "читабельностью" в художественном переводе. Являясь образцовым текстом межкультурной коммуникации, "Война и мир" содержит глубокие русские исторические контексты и символы культурной нагрузки и сталкивается с такими систематическими проблемами, как искажение персонажа, вакансии культурно-специфической лексики и неуместная прагматическая логика при межконтекстной конверсии. Были выбраны три авторитетных китайских перевода (Цао Ин, Лю Ляои и Чжан Цзе), и их дифференцированное отношение к аспектам формирования персонажа и культурного переноса представляет собой идеальный образец для проверки эффективности практики коммуникативной теории перевода. Существующие исследования в основном сосредоточены на лингвистических особенностях отдельного перевода, им не хватает систематического сравнения в рамках единой теоретической базы, не говоря уже о выявлении механизма корреляции между стратегическим выбором переводчика и эффективностью восприятия читателями. Различия в переводческих стратегиях отражают дифференцированное отношение переводчиков к диалектическим отноше-

ям между "верностью" и "читабельностью", что является основным положением коммуникативной теории перевода.

В данной работе используются метод сопоставительного анализа и метод внимательного чтения текста, извлекаются типичные примеры предложений для микролингвистического анализа на основе двунаправленного параллельного корпуса текстов "исходный текст – переведенный текст" и применяется теории коммуникативного перевода для оценки эффективности переводов с точки зрения культурного переноса, логической самосогласованности, эмоциональной восстанавливающей силы и т.д. Благодаря микроскопическому текстуальному анализу ключевых отрывков в трех переводах раскрывается практическая ценность теории коммуникативного перевода в решении проблемы баланса между художественностью и читабельностью художественного перевода. Данное исследование не только открывает новую интерпретационную перспективу для истории перевода романа "Война и мир", но и подтверждает жизнеспособность теории коммуникативного перевода в распространении классики в цифровую эпоху, а также служит парадигмальным ориентиром для кросс-культурной интерпретации в условиях глобализации.

Материалы и методы исследований

Теория коммуникативного перевода была представлена английским ученым Питером Ньюмарком (1980 г.) в его работе "Подходы к переводу" (Approaches to Translation) на основе мнения о том, что "перевод – это способ современной коммуникации", которое сформировало основные понятия его переводческой мысли, а именно "коммуникативный перевод" и "семантический перевод" [1]. Коммуникативный, предложенный здесь Нью-

марком, фактически эквивалентен значению "коммуникации", предложенному Найдой в теории функциональной эквивалентности, то есть "эквивалентности смысла" или "эквивалентности эффекта". Таким образом, речь идет о передаче смысла и культурной информации. Семантический перевод подчеркивает важность точной передачи оригинальной формы [2].

Ньюмарк считает, что первой задачей перевода является передача функционально связанных основных значений (включая денотативное значение, лингвистическое значение, прагматическое значение и эстетическое значение), а не механическое копирование всех уровней значения. Теория ориентирована на целевого читателя, требует, чтобы перевод соответствовал его культурным традициям и читательским привычкам, и стремится сделать перевод легким для понимания и восприятия, и в конечном счете осознает, что воздействие перевода на читателя на целевом языке такое же, как и реакция читателя на исходном языке. Основной принцип коммуникативной теории перевода заключается в следующем: Во-первых целевые читатели стоят на первом месте: При коммуникативном переводе стиль, язык и содержание перевода должны соответствовать привычкам чтения и культурному фону целевого читателя, чтобы повысить эффективность восприятия информации [3]. Во-вторых точная передача информации: коммуникативный перевод придает большое значение эффекту передачи информации, подчеркивая баланс между формой и содержанием в соответствии с предпосылкой обеспечения целостности информации в оригинальном тексте, а также избегая упущения или неправильного понимания информации. Коммуникативный перевод должен сочетаться с семантической стратегией перевода для достижения эквивалентности глубокого смысла [4]. В-третьих беглость и удобочитаемость перевода: переводчик должен ставить язык оригинала в подчиненное положение по отношению к переводимому языку и переводимой языковой культуре и обращать внимание на реакцию читателей на языке перевода. На основе точной передачи информации, снизить затраты на понимание для читателей за счет естественного и беглого выражения, а также повысить приемлемость текста [5].

Основываясь на теории коммуникативного перевода, в этой статье сравниваются и анализируются переводы романа "Война и мир" Цао Ин, Лю Ляои и Чжан Цзе по четырем измерениям: характеристика персонажей, ситуативный контекст, логика и привычка выражения целевого языка, а также культурно-специфическая лексика.

Во-первых, переводение характеристики персонажей. В рамках коммуникативного перевода перевод персонажей должен преодолеть простое воспроизведение и обеспечить точность и резонанс передачи образов, сочетая культурный фон, читательские привычки и когнитивный контекст целевых читателей. Являясь основным носителем тематических идей и эмоциональных ценностей, перевод черт характера непосредственно влияет на понимание и восприятие читателями оригинального текста и является ключевым фактором, определяющим качество переводного текста. Мы рассмотрим четыре аспекта перевода: перевод языка персонажей, перевод характера персонажей, перевод идентичности персонажей и перевод поведения персонажей.

Пример 1: я вас больше не знаю.

Перевод Цао Ин: I shall cut you off[6].

Перевод Лю Ляои: Then I shall have nothing more to do with you[7].

Перевод Чжан Цзе: Then I shall never know you again[8].

Прежде всего, перевод языка персонажей. Выбранный отрывок представляет собой речь Анны во вступительном абзаце статьи, и лучший метод перевода можно искать в теории коммуникативного перевода, которая может взять характеристику Анны в качестве первой ссылки. Основываясь на статусе Анны как женщина-дворцовый чиновник, ее элегантных и остроумных качествах, в сочетании с деликатным образом больной и слабой женщины, чтобы вызвать сочувствие во второй части текста, перевод "Then I shall have nothing more to do with you." Лю Ляои соответствует принципу принятия читателем коммуникативного перевода, используя тонкие и эвфемистические слова, чтобы соответствовать ее политическим навыкам и женственности.

Пример 2: Анна Павловна Шерер, ..., была преисполнена оживления и порывов.

Перевод Цао Ин: Anna Scherer... She is still full of vitality and enthusiasm when she speaks[6].

Перевод Лю Ляои: Anna Pavlovna Scherer... but she is full of vitality and easily excited[7].

Перевод Чжан Цзе: Anna Pavlovna Scherer... is still full of energy and easily impulsive[8].

Далее, перевод характера персонажей. Данный отрывок представляет собой прямое описание характера Анны "порыв". В соответствии с установкой характеристика персонажа, Анна, как элегантная и мудрая женщина-дворцовый чиновник с хорошей проницательностью и высоким уровнем образования. Негативные выражения "easily excited" и "easily impulsive" не соответствуют ее

положительному образу, и более уместным является "full of vitality and enthusiasm", которое также соответствует "Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением", встречающемуся далее в тексте.

Пример 3: Это один из хороших эмигрантов, из настоящих.

Перевод Цао Ин: Prince Mortemar is a true high-level expat [6].

Перевод Лю Ляои: He is a very good exile, a truly worthy exile [7].

Перевод Чжан Цзе: This is a very good expat, a real expat [8].

После этого, перевод идентичности персонажей. Из оригинального текста ясно, что виконт Мортемар был немецким аристократом, переехавшим во Францию по собственной инициативе и получившим офицерский чин в результате военной службы, и что это было добровольное перемещение в поисках саморазвития. "exile" относится к людям, которые были вынуждены покинуть родину по политическим, религиозным или этническим причинам, что не соответствует виконту Мортемара, а "expat" обычно относится к людям, которые добровольно переезжают в другую страну ради лучших экономических или образовательных возможностей, в поисках лучшей жизни или во избежание конфликта, и которые обычно легально проживают в стране назначения. Слово "expat", которое более точно отражает их самостоятельный выбор и намерение поселиться [9].

Пример 4: Анна Павловна... захотела и щелкнуть князя за то, что он дерзнул так отозваться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его.

Перевод Цао Ин: Anna Scherer... On the one hand, she wanted to needle the prince (because he dared to criticize the person recommended to the Empress Dowager), and on the other hand, she wanted to appease him [6].

Перевод Лю Ляои: Anna Pavlovna... wanted to denounce the prince on the one hand, because he dared to criticize the person who was recommended to the Empress Dowager, and comfort him on the other [7].

Перевод Чжан Цзе: Anna Pavlovna... wanted to nudge the prince, because he dared to judge the person recommended to the Empress Dowager, and at the same time wanted to comfort him [8].

Наконец, перевод их поведения. Если сравнивать перевод слова "щелкнуть" с точки зрения теории коммуникативного перевода, то, прежде всего, слово "needle" нелегко понять читателю и невозможно достичь максимального эффекта коммуникативного перевода. Хотя оба слова

"denounce" и "nudge" подразумевают оценку или критику других, "denounce" обычно более прямое, серьезное и обвинительное. С другой стороны, "nudge" призвано напомнить другим о необходимости обратить внимание на свои собственные слова или поведение и может нести в себе предупреждающий смысл [9]. В сочетании с лояльностью и уважением Анны к вдовствующей императрице, а также тактичностью Анны, характер поведения Анны здесь – это вежливое напоминание, а не прямое обвинение, и "nudge" может более точно передать предупреждение.

Во-вторых, ситуативный контекст. Ситуативный контекст – это конкретная обстановка, в которой происходит язык, включая время, место, обстановка, отношения между участниками и так далее. При коммуникативном переводе переводчику необходимо учитывать ситуативный контекст, в котором осуществляется перевод, чтобы более точно передать смысл оригинального текста.

Пример 5: сказал он, не изменяя голоса и тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка.

Перевод Цао Ин: He said that he did not change his voice or tone, but his superficial courtesy and concern revealed indifference and even mockery [6].

Перевод Лю Ляои: He did not change his tone. From his polite, considerate and caring tone, he revealed indifference and even ridicule [7].

Перевод Чжан Цзе: He said in his voice and tone unchanged, revealing a kind of indifference and even mockery from his polite and caring words [8].

Лю Ляои и Чжан Цзе напрямую перевели "приличия" в отрывке как "polite", а Цао Ин добавил его как "superficial courtesy and concern". С точки зрения грамматического контекста, слову "приличия" предшествует предлог "из-за", который часто используется в сочетании с отрицательными причинами, когда он выступает в качестве предлога причины [10]. "Polite" не содержит никакого отрицательного элемента, но "superficial" добавляется к "приличиям", чтобы привнести отрицательную семантику, что соответствует грамматическому контексту. Из ситуативного контекста ясно, что в тоне виконта звучат безразличие и сарказм, что противоречит сути "polite". Три слова "superficial" показывают его лицемерие и подтверждают намерение автора критиковать лицемерный тон виконта.

В-третьих, логика и привычка выражения целевого языка. В коммуникативном переводе следование логике и привычке выражения целевого языка является важным принципом, гарантирующим качество перевода. Прежде всего, логическая адаптация напрямую определяет читабельность и приемлемость перевода. В процессе перевода пе-

реводчикам необходимо следовать лингвистическим правилам и логическим связям переводного языка, чтобы обеспечить соответствие перевода оригинальному тексту с точки зрения общей структуры и идей, и в то же время вносить соответствующие коррективы или реконструировать оригинальный текст, чтобы перевод в большей степени соответствовал мышлению читателей переводного языка. Во-вторых, переводчикам необходимо обращать внимание на привычку выражения целевого языка. Язык - это социальное явление, и его использование зависит от культурных особенностей. Переводчикам необходимо точно понимать прагматические правила читателей на языке перевода, чтобы избежать трудностей или двусмысленности перевода из-за культурного несоответствия. Таким образом, благодаря двухмерной адаптации логики и привычки выражения целевого языка могут получить опыт чтения, в значительной степени сходный с опытом читателей языка оригинала, и реализовать межкультурную эквивалентную коммуникацию.

Пример 6: Доброе, исплаканное лицо ее выражало только беспокойство и страх.

Перевод Цао Ин: Only anxiety and fear were left on her kind face that was crying and swollen [6].

Перевод Лю Ляои: Her kind, crying face with swollen eyes only showed uneasiness and fear [7].

Перевод Чжан Цзе: There are only expressions of anxiety and fear on her kind, crying and swollen face [8].

Лю Ляои и Чжан Цзе переводят "исплаканное лицо" как "swollen face", но на самом деле от плача опухает только область вокруг глаз, а не все лицо. Это не соответствует здравому смыслу, а также кажется негибким. Лю Ляои добавил слово "eyes" для обозначения опухшей части лица, что не только соответствует физиологическому факту, но и совпадает с обычным словосочетанием "swollen eyes" в китайском языке, делая перевод точным и естественным.

Пример 7: когда-то красивое лицо ее выразило озлобление, но это продолжалось только минуту.

Перевод Цао Ин: Her face, which was once beautiful when she was young, showed an angry look, but this was only a matter of a moment [6].

Перевод Лю Ляои: Her once beautiful face showed resentment, but this only lasted for a moment [7].

Перевод Чжан Цзе: Her once beautiful face showed an expression of resentment, but this only lasted for a minute [8].

Чжан Цзе переводит "минуту" как "minute", игнорируя его прагматическую функцию обозначения короткого периода времени, что приводит к

неправильному толкованию точной продолжительности читателями целевого языка. Хотя Лю Ляои преобразовал единицу времени и перевел "минуту" в "moment". Но глагол "last" и мгновенный квантификатор "moment" находятся в логическом конфликте. Цао Ин использует "matter" для визуализации абстрактного времени, что не только соответствует обычной структуре китайского выражения, но и сохраняет основную семантику "fleeting" в оригинальном тексте.

В-четвертых, Культурно-специфическая лексика. Культурно-специфическая лексика - это слова, которые несут в себе специфические культурные коннотации и имеют уникальные семантические вакансии, обусловленные культурными различиями. Перевод культурно-специфических лексик является важной задачей в коммуникативном переводе, поскольку они сталкиваются с такими препятствиями, как отсутствие непосредственно соответствующих понятий в культуре целевого языка и различное познание, стимулируемое одними и теми же символами в гетерогенных культурах. Чтобы обеспечить точную передачу информации, переводчикам необходимо полностью понимать культурный фон языка оригинала и языка перевода, а также использовать соответствующие стратегии и приемы перевода.

Пример 8: Она была в шифре и бальном платье.

Перевод Цао Ин: She is wearing a prom dress and a floral medal [6].

Перевод Лю Ляои: She is wearing a floral medal and a costume for the dance [7].

Перевод Чжан Цзе: She is wearing a flower character composed of the first letter of her name and wearing a prom costume [8].

Прямой перевод "шифр" в "floral medal" [10] сталкивается с серьезным культурным разрывом - этот символ совершенно пуст в китайской когнитивной системе, и даже если перевод Чжан Цзе переведет его более конкретно как "a flower character composed of the first letter of her name", читателю все равно будет трудно его понять. Поэтому Цао Ин и Лю Ляои делают сноски на эту культурно-специфическую лексику, причем Цао Ин объясняет его как "A medal awarded by the Queen of Russia to female high school graduates with outstanding grades." в сноске, а Лю Ляои - "During the Tsarist period, the Empress of Russia awarded the floral medal to female middle school students with outstanding graduation results.". Сноски, с одной стороны, восполняют пробелы в знаниях переводчика о культурной нагрузке, а с другой - усиливают характер персонажа, так что читатели на целевом языке и читатели на исходном языке могут

одновременно узнать о глубинных качествах "таланта и красоты" Хелен.

Результаты и обсуждения

Для того чтобы глубже понять применение теории коммуникативного перевода при переводе романа "Война и мир", в этой статье будет проведен сравнительный анализ трех репрезентативных переводов, выбранных для этой цели. Благодаря сопоставительному анализу мы сможем выявить различия между разными переводами в отношении культурных факторов, языковых выражений и передачи сообщения.

Перевод культурных факторов – один из основных вопросов теории коммуникативного перевода. В переводах романа "Война и мир" разные переводчики по-разному работают с культурными факторами. Одни переводчики стремятся сохранить культурные особенности оригинального текста, чтобы показать культурное наследие оригинала; другие уделяют больше внимания беглости и удобочитаемости перевода и вносят соответствующие коррективы или интерпретации культурных факторов оригинального текста.

При работе с культурными факторами Цао Ин применяет стратегию адаптации, локализуя некоторые труднопонимаемые элементы русской культуры, что делает перевод более понятным для китайских читателей. Например, Цао Ин переводит "долго смотревший в лорнет на виконта" на "The prince held long-handled glasses and looked at the vicomte for a while.". В этом предложении слово "held", которое он добавляет в перевод, не только обогащает действие виконта Ипполита, но и дает читателю целевого языка краткое представление о различиях во внешнем виде и использовании очков в историческом контексте и в наши дни. Лю Ляои, напротив, уделяет больше внимания сохранению культурных особенностей оригинального текста, например, в примере 9 ниже он старается максимально сохранить в переводе структуру предложений оригинального текста и стремится дать читателю возможность насладиться оригинальной русской культурой. Чжан Цзе учитывал обе стороны при работе с культурными факторами, не только принимая во внимание привычки чтения китайских читателей, но и сохраняя определенные культурные особенности оригинального текста.

Языковые выражения – один из важнейших критериев оценки качества перевода. В переводах романа "Война и мир" языковые выражения, используемые разными переводчиками, отличаются друг от друга. Одни переводчики стремятся использовать выражения, близкие к оригинальному тексту, чтобы сохранить стиль

оригинала, другие уделяют больше внимания естественной беглости перевода и используют лексику и модели предложений, которые в большей степени соответствуют языковым привычкам читателя целевого языка.

Пример 9: Князь Ипполит торопливо надел свой редингот, который у него, по-новому, был длиннее пятаков, и, путаясь в нем, побежал на крыльцо за княгиней, которую лакей подсаживал в карету.

Перевод Цао Ин: Prince Ippolit hurriedly put on a fashionable cloak that was a bit stumbling, and followed princess Andrei to the steps. At this time, the footman was helping the princess into the car [6].

Перевод Лю Ляои: Translated by Liu Liaoyi: Prince Ippolit hurriedly put on his heel-length frock coat made in accordance with the popular style, and stumbled after the princess to the steps. At this time, the footman was helping her into the carriage [7].

Перевод Чжан Цзе: Prince Ippolit hurriedly put on his long frock coat. This new style of frock coat was longer than his heels. He stumbled behind the princess and ran to the steps. At this time, the footman was helping her into the carriage [8].

Сравнивая эти три перевода, можно глубоко прочувствовать, что язык Цао Ин прост и естественен, передает информацию текста с помощью наиболее лаконичных выражений, гладких и легких для понимания, насыщенных жизненной атмосферой и соответствующих привычкам китайских читателей к чтению. Лю Ляои уделяет больше внимания естественному выражению языка, ориентируясь на структуру предложений оригинального текста, чтобы читатели могли оценить литературное очарование оригинала, и стремится к живости языка на основе сохранения стиля оригинала. Чжан Цзе, напротив, придерживается более простого стиля, используя ряд глаголов, чтобы сделать язык более динамичным.

Эффект передачи сообщения, являющаяся основным показателем качества перевода, продемонстрировала высокую точность в практике всех трех переводчиков, но их стратегии существенно различаются: Перевод Цао Ин соответствует лингвистическим нормам, точно передают смысл и идею оригинала. Перевод Лю Ляои добивается плавного преобразования сложных выражений за счет замены семантического поля. Перевод Чжан Цзе сохраняет культурные особенности оригинального произведения за счет переноса культурно-специфических лексических слов. Выяснилось, что один и тот же текст различается по эффекту передачи из-за различий в выборе переводчиками методов перевода: в то время как одни переводы до-

стигают глубокого восстановления идей благодаря выбору методов перевода, другие могут быть ослаблены с точки зрения восприятия из-за упущения информации или неточного преобразования. Этот контраст подтверждает ценность теории коммуникативного перевода для руководства переводческой практикой.

Пример 10: Князь Ипполит подошел к маленькой княгине и, близко наклоня к ней свое лицо, стал полупрошеющим что-то говорить ей.

Перевод Цао Ин: Prince Ippolit walked up to the petite princess, leaned his face close to her, and said a word to her quietly [6].

Перевод Лю Ляои: Prince Ippolit walked up to the petite princess, leaned down and leaned his face close to her, whispering something to her [7].

Перевод Чжан Цзе: Prince Ippolit walked up to the petite princess, leaned his face close to her, and began to lower his voice to say something to her [8].

Видно, что в переводах Цао Ин и Чжан Цзе используется субтрактивный перевод "наклоня", опуская слова "leaned down" в переводе Лю Ляои. Слово "leaned down", во-первых, содержит тенденцию действия виконта Ипполита, а во-вторых, через это действие ясно ощущается, что виконту Ипполиту нужно нагнуться, чтобы приблизиться к герцогине, что также отражает разницу в росте между виконтом Ипполитом и герцогиней со стороны. Такой сокращенный перевод приводит к тому, что картина, созданная с помощью языка тела в оригинальном тексте, растворяется в переводе, что нарушает принцип эквивалентности мультимодальной информации в коммуникативном переводе.

Выводы

Данное исследование подтверждает основную руководящую ценность теории коммуникативного перевода при повторном переводе классических литературных произведений, сравнивая переводы

романа "Война и мир", выполненные Цао Ин, Лю Ляои и Чжан Цзе. Основываясь на ту же теоретической базе, переводы трех переводчиков демонстрируют различия в характеристике персонажей, ситуативном контексте, логике и привычке выражения целевого языка и культурно-специфической лексике, что в значительной степени отражает различные интерпретации переводчиками диалектических отношений между "верностью" и "читабельностью". Эти различия не случайны, а являются результатом сознательного применения переводчиками ориентированного на читателя принципа текстовой реконструкции: натурализованный перевод Цао Ин усиливает сопереживание китайского читателя, семантический перевод Лю Ляои сохраняет языковые особенности оригинального текста, а Чжан Цзе стремится найти баланс между ними в процессе культурной трансплантации. Исследование показывает, что теория коммуникативного перевода через механизм динамической эквивалентности успешно решает дилемму между сохранением художественности и повышением рецептивной валидности в художественном переводе: она не только возрождает эмоции персонажей Толстого в китайском контексте, но и заполняет когнитивный разрыв между китайской и русской культурными системами символов. Такая двусторонняя адаптация, основанная на эквивалентном принятии текста читателем, не только усиливает литературное воздействие переводного текста, но и защищает культурное разнообразие в условиях глобализации. В будущей практике художественного перевода мы можем опираться на теорию коммуникативного перевода и применять ее для поиска творческого баланса между верностью исходного языка и удобочитаемостью перевода, чтобы достичь эквивалентной передачи литературного эстетического опыта.

Список источников

1. Peter Newmark. Approaches to translation // Oxford: Pergamon Press. 1988. 200 p.
2. Ху Дунпин, Ян Цзысюань Сравнение переводческих концепций Найды и Ньюмарка // Культурное творчество: древность и современность. 2023. № 5. С. 100 – 103.
3. Чжао Хуа Обсуждение принципов компромисса и сочетания семантического перевода и коммуникативной теории перевода // Английский язык за рубежом. 2020. № 21. С. 196 – 197+204.
4. Юань Хун О семантическом и коммуникативном переводе // Китайский журнал научно-технического перевода. 2003. № 2. С. 1 – 2.
5. Янь Юэхэ Исследование семантического и коммуникативного перевода Ньюмарка // Современная промышленность и торговля. 2020. № 41 (21). С. 190 – 191.
6. Цао Ин Война и мир: пер. с рус. Цзянсу: Издательство «Феникс». 2019. 1784 с.
7. Лю Ляои Война и мир: пер. с рус. Пекин: Издательство народной литературы. 2015. 1349 с.
8. Чжан Цзе Война и мир: пер. с рус. Пекин: Коммерческое издательство. 2021. 1862 с.

9. Редакция словарей Института языкознания Китайской академии общественных наук // Современный китайский словарь. Пекин: Коммерческое издательство, 2016. 1800 с.

10. Чжан Цзяньхуа, Чжао Вэньян Современный русско-китайский толковый словарь. Пекин: Издательство преподавания и исследований иностранных языков, 2022. 2148 с.

References

1. Peter Newmark. Approaches to translation. Oxford: Pergamon Press. 1988. 200 p.
2. Hu Dongping, Yang Zixuan Comparison of translation concepts of Naida and Newmark. Cultural creativity: ancient and modern. 2023. No. 5. P. 100 – 103.
3. Zhao Hua Discussion of the principles of compromise and combination of semantic translation and communicative theory of translation. English language abroad. 2020. No. 21. Pp. 196 – 197+204.
4. Yuan Hong On semantic and communicative translation. Chinese journal of scientific and technical translation. 2003. No. 2. P. 1 – 2.
5. Yan Yuehe A Study of Newmark's Semantic and Communicative Translation. Modern Industry and Trade. 2020. No. 41 (21). P. 190 – 191.
6. Cao Ying War and Peace: trans. from Russian. Jiangsu: Phoenix Publishing House. 2019. 1784 p.
7. Liu Liaoyi War and Peace: trans. from Russian. Beijing: People's Literature Publishing House. 2015. 1349 p.
8. Zhang Jie War and Peace: trans. from Russian. Beijing: Commercial Publishing House. 2021. 1862 p.
9. Editorial Board of Dictionaries of the Institute of Linguistics of the Chinese Academy of Social Sciences. Modern Chinese Dictionary. Beijing: Commercial Publishing House, 2016. 1800 p.
10. Zhang Jianhua, Zhao Wenyan Modern Russian-Chinese explanatory dictionary. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Publishing House, 2022. 2148 p.

Информация об авторе

Пэй Цзяхуэй, Хэйлунцзянский университет, Китай, pjh1053755892@163.com

© Пэй Цзяхуэй, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.923

Развитие языкового образа души в прозе А. Аверченко, Н. Тэффи и М. Зощенко

¹ Бахича Э.А.

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Аннотация: в статье описывается механизм развития языкового образа души в сатирических произведениях А. Аверченко, Н. Тэффи и М. Зощенко. Представлен лексикографический анализ лексемы душа, выделены ядерные и периферийные зоны данной лексемы. Выявлено, что в художественном дискурсе А. Аверченко, Н. Тэффи и М. Зощенко языковой образ души представлен в тексте не только как обозначение конкретного предмета, но и как отражение национальной действительности, национального характера и национальной ментальности русского народа. Отмечены разнообразные сочетаемостные свойства лексемы души.

Ключевые слова: лексема, душа, языковой образ, А. Аверченко, Н. Тэффи, М. Зощенко, сочетаемостные свойства

Для цитирования: Бахича Э.А. Развитие языкового образа души в прозе А. Аверченко, Н. Тэффи и М. Зощенко // Современный ученый. 2025. № 9. С. 155 – 161.

Поступила в редакцию: 24 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The development of the linguistic image of the soul in the prose of A. Averchenko, N. Teffi and M. Zoshchenko

¹ Bakhicha E.A.

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract: the article describes the mechanism of the development of the linguistic image of the soul in the satirical works of A. Averchenko, N. Teffi and M. Zoshchenko. A lexicographic analysis of the soul lexeme is presented, and the nuclear and peripheral zones of this lexeme are highlighted. It is revealed that in the artistic discourse of A. Averchenko, N. Teffi and M. Zoshchenko, the linguistic image of the soul is presented in the text not only as a designation of a specific subject, but also as a reflection of national reality, national character and national mentality of the Russian people. The various combinable properties of the soul token are noted.

Keywords: lexeme, soul, linguistic image, A. Averchenko, N. Teffi, M. Zoshchenko, combinable properties

For citation: Bakhicha E.A. The development of the linguistic image of the soul in the prose of A. Averchenko, N. Teffi and M. Zoshchenko. Modern Scientist. 2025. 9. P. 155 – 161.

The article was submitted: April 24, 2025; Approved after reviewing: June 21, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Душа занимает уникальное место в русской языковой культуре. Как многозначный и обладающий сложной структурой языковой образ души нуждается в детальном изучении лингвистов. Каждый писатель со своим набором представлений и воззрений может увидеть данный языковой образ по-своему, поэтому анализ языкового образа души позволит более детально изучить язык того или иного произведения.

Сатирические произведения А. Аверченко, Н. Тэффи и М. Зощенко занимают важное место в отечественной литературе начала XX века. Писатели не только обогатили содержание короткого юмористического рассказа, но и наполнили его глубоким психологическим содержанием, тем самым создав уникальную манеру повествования. В каждом рассказе переплетается комическое с трагическим, комическое с лирическим. Такие переплетения наиболее полно раскрываются через языковой образ души персонажей.

Цель статьи – описать механизм образования языкового образа души, его репрезентацию в различных языковых моделях.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили сатирические произведения А. Аверченко, Н. Тэффи и М. Зощенко. Основными в исследовании языкового образа души были методы сплошной выборки для сбора фактического материала в виде языковых единиц по мере их появления в текстах произведения, лексико-семантического анализа для детализации сем, входящих в ядерную и околоядерную зоны. Для исследования нами выбрана методика изучения языкового образа Н.Ф. Алефиренко [2; 3], Б.М. Гаспарова [6].

Результаты и обсуждения

В юмористических произведениях начала XX века языковой образ души представлен в нескольких направлениях:

- 1) душа как жизненное существо человека;
- 2) душа как основа психической жизни человека;
- 3) душа как внутренний мир человека.

Чтобы описать механизм образования языкового образа души необходимо обратиться к толкованию лексемы *душа*. Анализ словарных статей показал, что лексема *душа* имеет большое количество понятийных и семантических вариаций, что дает широкие возможности для ее интерпретации [5]. Отмечены религиозный, психологический, социальный и физический аспекты понятия «душа» [4]. Следует выделить и следующие признаки лексемы *душа*: а) духовный, указывающий на внутренний мир человека; б) мифологический, указы-

вающий на сверхъестественную силу; в) социальный, указывающий на положение человека в обществе [10].

Анализ словарных дефиниций показывает, что ядерными семами лексемы *душа* являются семы 'человек, с духом и телом', 'бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волей'; околоядерными семами – 'внутренний психический мир человека', 'сознание человека', 'то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами'; 'символ духовных или нетелесных аспектов человеческой личности', 'вдохновитель чего-либо', 'совокупность психических явлений, переживаний'. Выделенные семы позволяют смоделировать языковой образ души, выявить его эмоционально-оценочную характеристику.

Методом сплошной выборки из произведений Н. Тэффи, А. Аверченко и М. Зощенко были выявлены контексты с лексемой *душа*. Языковыми репрезентантами образа души в художественном дискурсе могут выступать

- а) образы, ассоциирующие душу с человеком, природными явлениями, животным и растительным миром;
- б) свободные адъективные сочетания;
- в) свободные глагольные сочетания;
- г) связанные (фразеологические) сочетания.

Основываясь на данную классификацию, представим модель языкового образа души в следующих конструкциях:

– образы, ассоциирующие душу с человеком, природными явлениями, животным и растительным миром; образы, ассоциирующие душу с психическими переживаниями – *душа* = субстанция (душа – ЧТО?);

– свободные адъективные сочетания – *душа* + адъектив (душа КАКАЯ?);

– свободные глагольные сочетания *душа* + глагол (душа ЧТО ДЕЛАЕТ?);

– связанные (фразеологические) сочетания.

Приведём примеры, в которых реализуются ядерные семы лексемы *душа*. Частотны контексты, в которых душа предстаёт как некая субстанция в сочетаниях *душа* + *существительное*, *местоимение* или *числительное*. Образ души выстраивается через ассоциации души с человеком или с определёнными явлениями действительности (душа – что?): «Только чтобы все – между нами! Чтобы ни одна душа не знала! А то: гнить нам всем в тюрьме» (Шутка Мецената) [1].

«Сердце мое охватила смертельная жалость к этому понуренному, терпеливо сидящему на козлах человеку, который должен умереть, и – ни одна душа о нем не вспомнит. После безрадост-

ной жизни — безвестная смерть!» (Чудеса) [1]. В контекстах реализуется сема 'человек, с духом и телом' — **ни одна душа** = ни один человек. Используя лексему *душа*

В следующих контекстах душа предстаёт как 'бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волей': «Грязное невежество: не пожар, а Страстная суббота. Завтра, милые мои, Светлое Христово Воскресенье. Конечно, вам все равно, потому что **души ваши** давно запроданы дьяволу, а моей душеньке тоскливо и грустно, ибо я принужден проводить эти светлые дни с отбросами каторги. О, мама, мама! Далеко ты сейчас со своими куличами, крашеными яйцами и жареным барааном. Бедная женщина!» (Подходцев и двое других) [1]. «Так как **в душе** у всех чувствовалась некоторая **пустота**, то все первым долгом принялись, по своему обыкновению, ругать Харченку» (Подходцев и двое других) [1].

Языковой образ может выстраиваться через ассоциации человеческой души с душой животного: «Не потерплю! У самого сенокосы по пятьсот десятин, а он лошадей с голоду морит!! Во мне, может быть, **душа лошади** — и я страдаю!» (Шутка Мецената) [1].

Околоядерные семы — 'внутренний психический мир человека', 'сознание человека', 'то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами' раскрывают образ души, представляют его эмоциональные характеристики (движения души, с восторгом в душе, душевное спокойствие; в душе сомнение, в душе мысли, в душе грубость, в душе презрения и сожаления, в душе ужас): «Какие тонкие психологи додумались до этих слов! Как могли они знать, что при виде медведя у человека должно явиться непреодолимое желание дразнить его зонтиком? И почему именно зонтиком? Как жутко, что самые сокровенные и темные **движения** нашей **души** предугаданы администрацией Зоологического сада!» (Сезон бледнолицых) [4].

Позвольте, я буду разливать чай, — сказала Марья Николаевна, совсем отогревшаяся **и душой и телом** в несколько сумбурной, но теплой компании трех друзей (Подходцев и двое других) [1].

В сочетании *движения души* представлена душа — не как человек, а как его внутренний мир, душа — не как статическая субстанция, а душа в движении, т.е. в изменении, развитии. Слово «движение» в «Большом толковом словаре» под редакцией Д.Н. Ушакова имеет следующие значения: 1. «Действие по глг. двигаться. 2. Форма существования материи, непрерывный процесс развития материального мира. 3. Перемещение чего-н. в определенном направлении. 4. перен.

Внутреннее побуждение, вызванное каким-нибудь чувством, переживанием. Душевное движение» [3]. В этом контексте «движение» выражено в значении «внутреннего побуждения, вызванное каким-нибудь чувством, переживанием» [3]. Душа представлена как внутренний мир человека, которая в данном случае представлена миром скрытых эмоций, чувств и поведения, которые невидимы окружающим.

Проанализируем очередной контекст: «Блондин склонил голову направо и юмористически пропихнул: — Визиты делаю! Мученик естества. — Выпейте чего-нибудь. — **С восторгом в душе!** Боже ты мой! Какие красивые яйца! И зелененькие, и розовенькие. И лиловые!» (Революционер) [1]. В этом контексте языковой образ души представлен совокупностью лексемы *душа* и лексемы *восторг*. Лексема *восторг*, с которым сочетается слово *душа* имеет следующее значение: «Необыкновенный подъем чувств, экстаз, упоение» [3]. В данном сочетании представлен внутренний мир человека в состоянии позитивного эмоционального состояния. Языковой образ души строится на основе положительных коннотаций.

В следующем контексте саркастично отмечается способность человека добывать деньги, о том, что эти способности заложены именно в душе: «**Возвышенные свойства его души**, однако, не мешают ему быть виртуозом по части добывания денег. Завезите его в пустыню Сахару и бросьте его там без копейки денег — к вечеру он очутится с десятью долларами, которые он перехватит у знакомого льва, проглотившего их в свое время вместе с африканским путешественником (Подходцев и двое других) [2].

Из приведенных контекстов видим, насколько разным бывает внутреннее состояние человека. Каждый персонаж, представленных авторов, воспринимает предметы, события внешнего мира по-своему. Они пропускают их через свое видение и восприятие мира. У Н. Тэффи *душа* человека представлена как некий скрытый, тайный мир. В свою очередь, у А. Аверченко, наоборот, внутренний мир человека открыт к радостям жизни, душа не скрывает чувства умиления и восторга. У М. Зощенко внутренний мир человека находится в умиротворенном состоянии, здесь мы не видим резких переходов к отрицательным или положительным оттенкам значения.

Как видим, построение языкового образа души основывается на различных параметрах. Интерес представляет также душа какместилище чувств, переживаний, ощущений. В рассказах Н. Тэффи, А. Аверченко и М. Зощенко отражены разныеместилища души. Например, у Н. Тэффи *душа*

является вместилищем для такого чувства как *сомнение*: «На пароме стояла телега, понурая лошадедка и понурый мужичонка. **В душе** Евеля шевельнулось *сомнение*. – Чи взял ты з него деньги вперед? – крикнул он сыну» (Новый циркуляр) [13]. Предлог *в* (в душе) указывает на место, где происходит действие. Лексема «сомнение» имеет следующее значение: «1. Неуверенность в истинности чего-н., раздумье о правильности чего-н., нетвердая, колеблющаяся вера в кого-что-н. 2. Затруднительность, недоумение при необходимости разрешить какой-н. вопрос» [5]. Автор описывает состояние неопределенности и неуверенности в душе человека. Посредством отрицательных коннотаций выражается затруднительность, недоумение персонажа.

«И **в душе** ее вспыхнули тревожно и радостно разом две *мысли*. Одна: «Неужели сорок тысяч выиграл?» И другая: «Все равно завтра все продует!» (Неудачник) [12]. В данном контексте *душа* представляет собой вместилище *мыслей*, отрицательных и положительных. Мысль – это «то, что явилось в результате размышления, идея». Т.е. душа человека может вмещать одновременно и положительное, и отрицательное.

Во многих контекстах *душа* становится вместилищем отрицательных чувств человека (обида, грубости, тревоги, ужаса): «На общей группе, когда весь театр в 23 году снимали на карточку, монтера этого пихнули куда-то сбоку – мол, технический персонал. А в центр, на стул со спинкой, посадили тенора. Монтер Иван Кузьмич Мякишев ничего на это хамство не сказал, но затаил **в душе** некоторую *грубость*» (Театральный механизм) [7]. Слово «грубость» означает «невежливость, некультурность, нелюбезность». В данном контексте писатель вместо слова *обида* (затаить обиду) выбрал слово *грубость* для более яркого выражения недовольства. Автор говорит об отрицательном качестве характера, которое возникло в душе в ответ на несправедливое отношение.

Об отрицательных чувствах, которые поселяются в душе пишет и А. Аверченко. Контекст передает наличие негативных чувств в душе, связанных с определенными обстоятельствами: «Надеюсь, вы должны понять теперь, почему я к вам совершенно равнодушен и – не буду скрывать – даже ощущаю **в душе** легкий налет *презрения и сожаления*, что между нами была близость. Прощайте!» (Петухов) [1]. В данном контексте *душа* стала вместилищем таких отрицательных чувств как *презрение* и *сожаление*. Слово *презрение* имеет следующее значение: «...отношение к кому-чему-н., которое вызывается признанием кого-чего-н. недостойным, не заслу-

живающим уважения, подлым, морально-низким, ничтожным», слово *сожаление* имеет следующие значения: «1. Чувство печали, скорби, раскаяния, вызываемое сознанием какой-н. утраты или неправимости чего-н. 2. Жалость, сострадание» [5]. В контексте *сожаление* употреблено в первом значении. Персонаж раскаивается в содеянном, переживает в душе неприятные чувства.

Отрицательные коннотации ‘трагичность’, ‘безвыходность’, ‘подавленность’ представлены в следующем контексте: «Немногие могут заглянуть за страшную завесу неизвестного, а те, кто заглянул, на всю жизнь сохраняют **в душе** холодный *ужас*, а на голове много лишних прядей седых волос» (По ту сторону) [1]. В этом случае *душа* является вместилищем *ужаса*. Лексема «ужас» имеет следующее толкование: «1. Чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета. 2. Трагичность, безвыходность» [5]. Писатель передает состояние страха, вызванное чем-то неожиданным и неприятным, но страха не как испуга, а страха как безвыходности. Т.е. в контексте раскрывается и реализуется второе значение.

В проанализированных контекстах внутренний мир человека – это его взгляды, убеждения, ощущения, чувства. Состояние души персонажей зависит от внешних и внутренних обстоятельств. У персонажей Н. Тэффи душа заполнена сомнениями и размышлениями, у М. Зощенко герой затаил обиду в душе. У А. Аверченко же души действующих лиц переполнены презрением, сожалением и ужасом. В данных контекстах писатели отображают душу как вместилище чувств, переживаний посредством отрицательных коннотаций. Душа предстает в образе грусти, обиды и ужаса. Языковой образ души моделируется при помощи отрицательных коннотаций ‘трагичность’, ‘безвыходность’, ‘подавленность’.

Диапазон лексической сочетаемости лексемы *душа*, раскрывающей потенциальные характеристики души в реальном мире, в загробном мире, души как качества характера человека довольно широк в художественном тексте А. Аверченко, Н. Тэффи и М. Зощенко. Данная языковая единица в произведениях часто сочетается с прилагательными и глаголами. Адъективные и глагольные парадигмы содержат эмоционально-экспрессивную характеристику души, дополнительную оценочную информацию.

Определим смысловые зоны, объективирующие языковой образ души в адъективных парадигмах (душа – какая?). Для этого покажем реализацию лексемы *душа* в контекстах.

Нематериальное начало жизни (души загубленных).

«Лекарь, — с трудом сказал Химиков, открывая глаза, — тебе не удастся проникнуть в тайну моего рождения. Ха-ха-ха! Он схватился за грудь и прохрипел: — Души загубленных мной толпятся перед моими глазами длинной вереницей... Но дам я за них ответ только перед престолом всевыш... Засни, Красный Матвей! И затих» (Страшный человек) [1]. Душа в данной смысловой зоне встретила только у А. Аверченко. Слово душа представлена в сочетании с причастием «загубленных» (загубленный — «такой, который был приведен к гибели, смерти» [5]. В этом контексте автор говорит о душах погибших людей, то есть о бестелесной, неосязаемой субстанции.

Как бесплотное существо, оставшееся после смерти человека душа предстает и в следующем контексте: «А внутри Химиков имел сердце благородного убийцы...Какая-нибудь заблудившаяся душа рыцаря прежних времён ...набрела на Химикова и поселилась в нём...» (Страшный человек) [1].

Свойство характера (самоотверженная душа, подлая душа, добрая душа).

«Встречаются остряки такие несчастные, такие забитые и разочарованные в своих способностях и, вместе с тем, с упорством поистине самоотверженной души не желающие сворачивать с своего тернистого пути, что не злобу и досаду должны они вызывать в собеседниках, а тихое умиление и восторг» (Остряки) [7]. В данном контексте языковой образ души моделируется в адъективной парадигме самоотверженной души. Прилагательное «самоотверженный» имеет следующее лексическое значение: «1. Жертвующий собой, личными интересами для общего блага, для блага других (о человеке). 2. Исполненный самоотвержения, героический (о действиях человека)» [5]. В данном контексте душа имеет такое свойство характера как самоотверженность, героизм, которые выражаются в способности человека героически преодолеть все преграды и трудности. Положительные коннотации ‘жертвующий собой’, ‘исполненный самоотвержения’, ‘героический’ в совокупности представляют положительный образ.

Языковой образ души представлен положительными коннотациями ‘благожелательный’, ‘отзывчивый’ у А. Аверченко: «Редактор Бильбокеев добрая душа, но тряпка и всецело в руках этого проклятого старика. Бильбокеев, хотя наружно и храбрится, но втайне боится его как огня» (Цепная собака) [1]. В этом контексте лексема душа

представлена в сочетании с прилагательным (как адъективная парадигма). Прилагательное «добрый» имеет следующую трактовку: «Делающий добро другим; благожелательный, отзывчивый, обладающий мягким характером» [5]. Душа в данном сочетании отражает такое свойство характера как доброта, образ души реализуется посредством положительных коннотаций.

Душа предстаёт перед нами и в отрицательном свете: «И вдруг какой-то к ней хахаль подходит. Тут у ней сразу и перелом случился. — Да ты, — говорит ему, — подлая твоя душа, что же это подходишь? Да, может, это порядочная дама вышедши к воротам подышать вечерней прохладой? Да как же, говорит, не лопнут твои бесстыжие глаза?» (Нервы) [4]. В данном контексте языковой образ души моделируется в адъективной парадигме подлая душа. Прилагательное «подлый» имеет следующее толкование: «Бесчестный, низкий, презренный» [5]. Здесь, с нравственной стороны, душа представлена низменной, то есть человек способен на коварные и бесчестные поступки.

В проанализированных контекстах душа отражает различные свойства характера. У Н. Тэффи и А. Аверченко они раскрываются посредством положительных коннотаций, у М. Зощенко же представлены отрицательными коннотациями. Таким образом, душа имеет устойчивые свойства характера, которые проявляются в общении и поступках человека.

Чувство, отзывчивость, пыл (порывистая дикая душа, зазвучала в душе, душа радуется).

«— А если я нажму кнопку посильнее? — Ты можешь биться об нее головой... Звонок будет молчалив, как старый башмак. Он задумался. — Брось проволоку, — сказал я. — Пойдем обедать. Ему все-таки было жаль расставаться со звонком. Он привязался к этому несложному инструменту со всем пылом своей порывистой дикой души...» (Специалист) [1]. В данном эпизоде лексема душа в сочетании с прилагательными (адъективная парадигма). Прилагательное «порывистый» в данном случае выступает в значении «легко увлекающийся, делающий все в порыве» [5], прилагательное «дикий» в значении «находящийся в первобытном состоянии, некультурный» [5]. В этом контексте автор показывает способность человека быстро увлечься, заинтересовываться каким-либо делом.

Языковой образ души расширяется за счёт адъективных парадигм, репрезентирующих признаковые свойства. Как показывает анализ, их структура чаще определяется положительной оценочностью.

«Алые знаки — квартирные билетки — по большей части сухи и официальные. Зеленые, объ-

являющие о сдаче комнаты, заключают в себе иногда целую поэму. «В тихой, скромной и интеллигентной семье желают отдать комнату одинокому». Словно Эолова арфа зазвучала в вашей душе. Не правда ли?» (Осенние дрязги) [12]. В этом фрагменте душа грамматически выражена в сочетании с глаголом «завучать» (глагольная парадигма), который имеет следующее значение: «1. Начать звучать; огласиться, наполниться звуками. 2. перен. Проявиться, стать более заметным, ощутимым» [5]. В данном контексте душа имеет положительный отклик на определенное обстоятельство.

«Поезда-то, милые граждане, теперь без единого звончка отходят. Без малейшего шума. Ах ты, красота какая! Даже душа, знаете ли, радуется. Поезд, например, отходит, а ты сидишь где-нибудь на подножке или на каком-нибудь торчке и не знаешь, из Лондона ли ты выезжаешь или из Берлина. Красота!» (Шипы и розы) [8]. В данном случае лексема душа выражена в сочетании с глаголом «радуется» (глагольная парадигма), в значении «чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение. Внешнее проявление этого чувства» [5]. В этом контексте мы видим позитивную реакцию души персонажа на изменения внешних обстоятельств.

В данных контекстах мы видим состояние души как ответ на внешние раздражители. У Н. Тэффи и М. Зощенко наблюдаем положительные эмоции и состояния на возникшие обстоятельства, у А. Аверченко показана серьезная заинтересованность и увлеченность определенным делом.

Вдохновитель чего-нибудь, главное лицо (душа общества, душа человек).

«Молодой моряк – душа общества – декламировал, импровизировал, читал Бальмонта под собственную музыку...» (Неделикатности) [7]. В данном отрывке словосочетание душа общества является фразеологизмом. Данный фразеологизм имеет значение: «главный собеседник по умению занять общество и оживлять его» [5], то есть человек является интересным собеседником и весельчаком в компании.

«Ты, брат, к нему запросто приходи! Он очень будет рад. Ну, как он тебе понравился? Не правда ли – душа человек?...» (Европегов) [1]. В этом от-

рывке словосочетание душа человек также является фразеологизмом в значении «прямой и добродушный» [5], то есть человеку все рады из-за его доброжелательности и радушия.

В данных контекстах Н. Тэффи и А. Аверченко демонстрируют человека-вдохновителя, способного расположить к себе в обществе. У Н. Тэффи такая личность представлена ярким, интересным собеседником, а у А. Аверченко приветливым, радужным человеком. В данном случае душа есть вдохновитель.

Выводы

В проанализированных контекстах сатирических произведений Н. Тэффи, А. Аверченко и М. Зощенко лексема душа отражает значения, представленные в толковых словарях В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, А. П. Евгеньевой. В произведениях слово душа в большей степени встречается в таких значениях как внутренний мир человека, в котором отражаются его чувства, переживания, ощущения. В меньшем количестве в контекстах произведений душа выступает как нематериальное начало жизни, то есть без плоти (души умерших); свойство характера персонажей, их черты и качества; чувство, отзывчивость, пыл как реакция, отклик на определенные обстоятельства; вдохновитель, главное лицо как умение расположить к себе людей, быть интересным; в значении сам человек как неотделимая от души субстанция.

Языковой образ души раскрывает потенциальные характеристики души в реальном мире, в загробном мире, души как качества характера человека довольно широк в художественном тексте А. Аверченко, Н. Тэффи и М. Зощенко. Языковой образ души развивается за счёт адъективных парадигм, репрезентирующих признаковые свойства. Как показал анализ, их структура чаще определяется положительной оценочностью. В глагольных парадигмах языковая единица «душа» отображает реальность через языковое выражение, представляя фрагмент действительности, душа отождествляется с личностью человека. Именно с душой связываются все явления и процессы, происходящие с человеком.

Список источников

1. Аверченко А.Т. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1001613>
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. Москва: Academia, 2002. 394 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания // Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 2021. № 4 (80). С. 10 – 18.

4. Большой толковый словарь русского языка. Новая современная редакция. Москва: ООО «Хит-книга», 2020. 816 с.
5. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Москва, 1991. 415 с.
6. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 376 с.
7. Зощенко М. М. Личная жизнь: Рассказы и фельетоны (1932-1946) Собрание сочинений / Сост. И.Н. Сухих. Москва: Время, 2008. 640 с.
8. Зощенко М.М. Нервные люди: Рассказы и фельетоны (1925-1930) Собрание сочинений / Сост. И.Н. Сухих. Москва: Время, 2008. 752 с.
9. Зощенко М.М. Разнотык: Рассказы и фельетоны (1914-1924) Собрание сочинений / Сост. И.Н. Сухих. Москва: Время, 2008. 848 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН; Российский фонд культуры. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 1995. 928 с.
11. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. Москва: Русский язык, 1985-1988. Т. I. А-Й. 1985. 696 с.
12. Тэффи Н.А. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. И. Владимиров. Москва: Книжный Клуб Книговек, 2011. Т. I. 480 с.
13. Тэффи Н.А. Юмористические рассказы. Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2020. 856 с.

References

1. Averchenko A.T. Collected Works [Electronic resource]. Access mode: <https://www.livelib.ru/book/1001613>
2. Alefirenko N.F. Poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture. Moscow: Academia, 2002. 394 p.
3. Alefirenko N.F. Language images as units of ethnocultural consciousness. Belgorod State National Research University. 2021. No. 4 (80). P. 10 – 18.
4. Large explanatory dictionary of the Russian language. New modern edition. Moscow: ООО "Hit-book", 2020. 816 p.
5. Dal V.I. Dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. Moscow, 1991. 415 p.
6. Gasparov B.M. Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence. Moscow: New Literary Review, 1996. 376 p.
7. Zoshchenko M.M. Personal Life: Stories and Feuilletons (1932-1946) Collected Works. Comp. I.N. Moscow: Vremya, 2008. 640 p.
8. Zoshchenko M.M. Nervous People: Stories and Feuilletons (1925-1930) Collected Works. Comp. I.N. Moscow: Vremya, 2008. 752 p.
9. Zoshchenko M.M. Raznotyk: Stories and Feuilletons (1914-1924) Collected Works. Comp. I.N. Moscow: Vremya, 2008. 848 p.
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. RAS; Russian Cultural Foundation. 3rd ed., rev. and additional Moscow, 1995. 928 pp.
11. Evgenieva A.P. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian; edited by A.P. Evgenieva. 3rd ed. stereotype. Moscow: Russian language, 1985-1988. Т. I. А-У. 1985. 696 p.
12. Teffi N.A. Collected works: in 5 volumes. comp. I. Vladimirov. Moscow: Knizhny Klub Knigovek, 2011. Vol. 1. 480 p.
13. Teffi N.A. Humorous stories. St. Petersburg: SZKEO, 2020. 856 p.

Информация об авторе

Бахича Э.А., старший преподаватель, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, selnara26@mauil.ru

© Бахича Э.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.11

Аксиологический аспект реализации медиаобразовательных проектов на всемирном фестивале молодежи: опыт МПГУ

¹ Владимирова Т.Н., ¹ Купцова И.А., ¹ Матюхина Е.Н.

¹ *Московский педагогический государственный университет*

Аннотация: статья посвящена исследованию аксиологических аспектов медиаобразовательных проектов, реализованных МПГУ в рамках Всемирного фестиваля молодежи. Целью исследования является анализ ценностно-смысловых оснований образовательных медиапрактик и их влияния на формирование профессиональных компетенций и мировоззренческих установок молодежи в условиях международного культурного диалога. В работе представлена комплексная методология реализации медиаобразовательных инициатив, интегрирующая технологический и аксиологический подходы. На основе системного анализа практического опыта МПГУ выявлены ключевые принципы проектирования медиаобразовательных мероприятий с учетом традиционных духовно-нравственных ценностей российской цивилизации. Особое внимание уделено вопросам формирования критического мышления, медиаграмотности и информационной культуры участников фестиваля в контексте глобальных вызовов цифровой эпохи. Результаты исследования могут быть использованы при разработке медиаобразовательных программ для молодежных форумов, проектировании учебных курсов по медиаобразованию и медиакоммуникации, а также в процессе подготовки специалистов в области медиапедагогики.

Ключевые слова: медиаобразование, аксиологический подход, ценностные ориентиры, наследие Д.С. Лихачева, медиаграмотность, информационная культура, Всемирный фестиваль молодежи, МПГУ

Для цитирования: Владимирова Т.Н., Купцова И.А., Матюхина Е.Н. Аксиологический аспект реализации медиаобразовательных проектов на всемирном фестивале молодежи: опыт МПГУ // Современный ученый. 2025. № 9. С. 162 – 168.

Поступила в редакцию: 25 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Axiological aspect of implementing media education projects at the world youth festival: MPSU experience

¹ Vladimirova T.N., ¹ Kuptsova I.A., ¹ Matyukhina E.N.

¹ *Moscow Pedagogical State University*

Abstract: the article is devoted to the study of axiological aspects of media education projects implemented by Moscow Pedagogical State University (MPSU) within the framework of the World Youth Festival. The aim of the research is to analyze the value-semantic foundations of educational media practices and their influence on the formation of professional competencies and worldview attitudes of young people in the context of international cultural dialogue. The paper presents a comprehensive methodology for implementing media education initiatives,

integrating technological and axiological approaches. Based on a systematic analysis of MPGU's practical experience, key principles for designing media education activities that take into account the traditional spiritual and moral values of Russian civilization have been identified. Special attention is paid to the formation of critical thinking, media literacy, and information culture of festival participants in the context of global challenges of the digital era. The research results can be used in developing media education programs for youth forums, designing educational courses on media education and media communication, as well as in the process of training specialists in the field of media pedagogy.

Keywords: media education, axiological approach, value orientations, D.S. Likhachev's heritage, media literacy, information culture, World Youth Festival, MPSU

For citation: Vladimirova T.N., Kuptsova I.A., Matyukhina E.N. Axiological aspect of implementing media education projects at the world youth festival: MPSU experience. Modern Scientist. 2025. 9. P. 162 – 168.

The article was submitted: April 25, 2025; Approved after reviewing: June 22, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Работа с молодежью в сфере медиаобразования постоянно развивается. Сегодня она выходит за рамки простого обучения технологиям и включает новые направления: методические подходы, историко-культурные аспекты и ценностные ориентиры. В наше время, когда образование всё больше обращается к человеческим ценностям, особенно важным становится вопрос «зачем?» и «ради чего?» мы учим молодежную аудиторию работать с медиа. Простое знание технологий уже недостаточно. Поэтому включение ценностного подхода в медиаобразование – это не просто дополнительная возможность, а необходимость. Именно аксиологическая основа определяет, в каком направлении будет развиваться вся система медиаобразования и какие результаты она принесет обществу в будущем. Для понимания аксиологической составляющей медиаобразования целесообразно обратиться к концептуальным основам самого понятия «аксиология». Данный термин, утвердившийся в научном дискурсе в первое десятилетие XX века, изначально обозначал философскую дисциплину, сфокусированную на исследовании ценностной проблематики [10, с. 5]. Более развернутую трактовку предлагает М.А. Киссель в «Философском энциклопедическом словаре», характеризуя аксиологию как «учение о природе ценностей, их месте в реальности и о структуре ценностного мира, т.е. о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности» [2, с. 763].

Материалы и методы исследований

В ходе эволюции научного знания сформировался спектр дисциплинарных подходов к аксиологической проблематике. Социологический, культурологический, психологический, педагогический и медийный дискурсы интерпретируют аксиологию через призму собственной методоло-

гии, фокусируясь на ценностных аспектах культуры, массмедиа, образовательных практик и моделей социального взаимодействия.

Так, медиасреда, интегрированная в образовательное пространство с учетом ценностных приоритетов, становится мощным фактором социализации, способствующим усвоению продуктивных поведенческих моделей и формированию устойчивой системы нравственных ориентиров. Особую значимость данный процесс приобретает в контексте реализации стратегических направлений государственной политики Российской Федерации в сфере образования, культуры и информационной безопасности.

Всемирный фестиваль молодежи – это не только межкультурный диалог и международные связи, но и инновационные образовательные практики, которые могут быть разработаны или представлены на этом мероприятии. В рамках фестиваля в 2024 году Московский педагогический государственный университет провел серию медиаобразовательных проектов, реализованных в формате мастер-классов и тематически основанных на творческом наследии Д.С. Лихачёва. Разработчики программы стремились сделать акцент на аксиологической составляющей.

В данной статье предпринята попытка проанализировать базовые ценности, лежащие в основе этих проектов, и обобщить практический опыт Московского педагогического государственного университета, стремящегося внедрить ценностно-ориентированный подход к медиаобразованию в международном масштабе. Методологической основой исследования послужила концепция медиаобразования, рассматривающая его как интегративный процесс, включающий «обучение и воспитание средствами медиа и/или в области медиа через процесс коммуникации» [5, с. 59-60]. Данный подход позволяет анализировать ме-

диаобразовательные практики не изолированно, а в контексте формирования целостной информационной культуры личности и развития ее интеллектуально-творческого потенциала.

Динамичность, разнообразие и растущее влияние характеризуют современное медиапространство как по содержанию, так и по способу воздействия на восприятие людей, особенно молодого поколения. В этих условиях медиаобразование приобретает особую значимость, поскольку воспринимается как инструмент, способствующий развитию критического мышления, медиаграмотности и ответственного отношения к информации. Аксиологическая составляющая подразумевает не только медианавыки, но и ценностные ориентации, которые необходимо развивать для плодотворного и этичного взаимодействия с медиапространством.

В своей деятельности по организации «Мастерской Д.С. Лихачёва» мы стремились опираться на научное наследие этого выдающегося филолога и культуролога, чьи исследования охватывали широкий спектр малоизученных культурных феноменов. «Работы Д.С. Лихачева должны сыграть свою роль и в переосмыслении неких фундаментальных постулатов и проблем образования. Стремительные перемены реальности, динамично обновляющийся жизненный контекст деятельности педагога требуют систематической сверки наших позиций с жизнью. Разумеется, фундаментальные ценности, выработанные в ходе всего развития человечества, меняются мало. Чего нельзя сказать об особенностях их звучания на различных этапах общественного развития и конкретных педагогических технологиях возвращения этих ценностей в новых поколениях воспитуемых», – отмечает А.С. Запесоцкий [4, с. 515-516].

Научный интерес Лихачёва был направлен на такие вопросы, как символика древнерусского искусства, взаимосвязь пространственно-временных аспектов с нарративами, сакральный смысл храмов в системах городских укреплений, вербальный и садово-парковый диалог культур, интеллектуальная топография городского пространства, садово-парковые традиции России, городская образность и эстетика садово-паркового искусства. А еще, как утверждает А.С. Запесоцкий: «С точки зрения Д.С. Лихачева, процесс воспитания и образования рассматривается как «приобщение человека к культурным ценностям и культуре родного народа и человечества» [4, с. 167].

Несколько слов о Концепции мастерских на Всемирной фестивале детей и молодежи. Работа выполнялась по заказу общероссийского общественно-государственного движения детей и мо-

лодежи «Движение первых». Участники дети: 14-18 лет.

Методология образовательных мастерских была основана на последовательном погружении участников в выбранную сферу через исследование её временных пластов – прошлого, настоящего и будущего. Такой комплексный подход обеспечивает целостное понимание предмета изучения и стимулирует многогранное развитие познавательных и творческих способностей. Ученый С.В. Рыжова, говоря о культурологическом значении вклада ученого в гуманитарные науки, говорила: «Д.С. Лихачев подходил к решению этой задачи с культурологических позиций: культура, по его мысли, обладает свойством преодолевать время, соединять прошлое, настоящее и будущее. Без прошлого нет будущего, тот, кто не знает прошлого, не может предвидеть будущее. Это положение должно стать убеждением молодого поколения. Для формирования личности молодого человека чрезвычайно важна социокультурная среда, созданная культурой его предков, лучшими представителями старшего поколения его современников и им самим» [9, с. 95].

Результаты и обсуждения

Первый этап «Прошлое» (4 академических часа) был основан на исторической перспективе и культурном наследии. В рамках «Мастерской Д.С. Лихачева» образовательный модуль «Прошлое» был разработан как серия вводных занятий, позволяющих участникам совершить первое глубокое погружение в интеллектуальное наследие Дмитрия Сергеевича и стимулирующих развитие исторического мышления. Для лучшего понимания и представления биографии и достижений учёного им была предложена лекция, создающая необходимую основу для дальнейшего углубления в данную тему занятий.

В первый день тренинга были реализованы следующие формы работы:

1. *Визуальное картирование наследия ученого.* Участникам предлагалось представить биографические данные и ключевые идеи Д.С. Лихачева в виде наглядной схемы на листе формата А3. Работа может выполняться индивидуально или в малых группах, что позволяет структурировать информацию о жизненном пути и научных достижениях выдающегося филолога и культуролога.

2. *Коллективное погружение в философско-этические тексты.* Метод: разбить «Письма о добре и прекрасном» на части, чтобы разные люди читали их одновременно. Это помогает лучше понять подлинные слова Лихачёва, развивает навыки говорения и побуждает группу задуматься над добрыми мыслями писателя. Пример фрагмента

письма: «Письмо четвертое. САМАЯ БОЛЬШАЯ ЦЕННОСТЬ – ЖИЗНЬ.

«Вдох – выдох, выдох!» Я слышу голос инструктора гимнастики: «Чтобы вдохнуть полной грудью, надо хорошенько выдохнуть. Учитесь прежде всего выдыхать, избавляться от «отработанного воздуха».

Жизнь – это прежде всего дыхание. «Душа», «дух»! А умер – прежде всего – «перестал дышать». Так думали исстари. «Дух вон!» – это значит «умер».

«Душно» бывает в доме, «душно» и в нравственной жизни. Хорошенько выдохнуть все мелкие заботы, всю суету будничной жизни, избавиться, стряхнуть все, что стесняет движение мысли, что давит душу, не позволяет человеку принимать жизнь, ее ценности, ее красоту.

Человек всегда должен думать о самом важном для себя и для других, сбрасывая с себя все пустые заботы.

Надо быть открытым к людям, терпимым к людям, искать в них прежде всего лучшее. Умение искать и находить лучшее, просто «хорошее», «заслоненную красоту» обогащает человека духовно» [7].

3. *Оценка усвоения базовых знаний.* Заключительная часть урока представляет собой небольшой тест, призванный обобщить полученные сведения о личности и деятельности Д.С. Лихачева и самостоятельно оценить начальный уровень понимания его наследия.

Работа по самостоятельному творчеству: после занятия участники снимают минутный видеоролик в патриотическом ключе «Моя Родина / Моя страна» для размещения в сообществе Telegram. Это задание позволит попробовать применить размышления Лихачёва о культурном наследии и любви к Отечеству к современным медиаформатам.

Комплекс образовательных мероприятий целенаправленно формирует у участников семинара базовые исследовательские умения, необходимые при работе с историко-культурным материалом. Таким образом, при последовательном применении всех компонентов программы формируются следующие компетенции: навыки информацион-

ного поиска: участники овладели методами сбора релевантных биографических данных и концептуальных положений из наследия Д.С. Лихачева; формирование культуры научной коммуникации от публичных чтений до совместных обсуждений текстов; развитие способности логически представлять и интерпретировать гуманитарные знания.

Конечным результатом работы мастерской является создание целостного исторического фона, отражающего основные факторы изучаемого культурного явления. Таким образом, данный методический подход обеспечивает комплексное освоение полного цикла историко-культурного исследования: от поиска первичной информации до формирования завершённого аналитического продукта.

Исследователи Н.Е. Плюшкина, М.Е. Мережко отмечают: «На сегодняшний день приобщение человека к богатейшему духовному опыту нашей культуры есть путь к гармоничному развитию его личности, его духовно-нравственному воспитанию. Усвоение человеком культурных национальных достижений своей страны способствует формированию достойного гражданина и патриота, обладающего богатым духовно-нравственным потенциалом» [8, с. 221].

Одним из основных компонентов второго урока «Настоящее», рассчитанного на два академических часа, является творческое упражнение, использующее философско-этические концепции Д.С. Лихачева как содержательную основу для современной визуальной коммуникации. Главная задача на этом этапе – попытаться преобразовать абстрактные гуманистические идеи учёных в конкретные медиапродукты, имеющие практическую ценность.

На втором семинаре участники образовательного практикума получили аналитический материал о соответствии объектов природного и культурного наследия России, входящих в список ЮНЕСКО, ценностям Движения первых [6]. Именно этот документ уже стал основой для дальнейшей исследовательской работы. Пример представлен в табл. 1.

Таблица 1

Соответствие российских объектов природного и культурного наследия из списка ЮНЕСКО ценностям «Движения первых».

Table 1

Conformity of Russian natural and cultural heritage sites from the UNESCO list to the values of the “First Movement”.

№ п/п	Ценности Движения первых	Объект культурного наследия ЮНЕСКО
1.	Единство народов России	Московский Кремль и Красная площадь
2.	Историческая память	Белокаменные памятники Владимира и Суздаля
3.	Добро и справедливость	Успенский Собор и монастырь острова-града Свияжск
4.	Мечта	Исторический центр Петербурга и связанные с ним группы памятников
5.	Созидательный труд	Цитадель, Старый город и крепостные сооружения Дербента
6.	Жизнь и достоинство	Ансамбль Новодевичьего монастыря
7.	Патриотизм	Озеро Байкал
8.	Дружба	Историко-архитектурный комплекс Казанского Кремля
9.	Служение Отечеству	Исторические памятники Великого Новгорода и окрестностей
10.	Крепкая семья	Исторический центр Ярославля
11.	Высокие нравственные идеалы	Культурно-исторический ансамбль Соловецких островов
12.	Милосердие	Ансамбль Ферапонтова монастыря
13.	Коллективизм	Церковь Вознесения в Коломенском
14.	Приоритет духовного над материальным	Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры в городе Сергиев Посад Московской области
15.	Преемственность поколений	Херсонес Таврический
16.	Гуманизм	Киж

Также методологическая структура работы включала в себя тщательный анализ и отбор цитат из произведений Д.С. Лихачева, отражающих его видение культуры, нравственности и гражданственности; разработку визуального оформления, гармонично дополняющего текстовый компонент; создание серии тематических открыток, интегрирующих философские концепции ученого в современный графический формат. Данная активность органично соединяет историко-культурный материал, освоенный на первом этапе, с актуальными прикладными навыками визуального дизайна и медиапроизводства [1]. Формируемый продукт продемонстрировал понимание обучающимися гуманистических идей адаптированную к восприятию цифровым поколением.

Третий этап «Будущее» (4 ак. часа) нацелен на создание разработки визуализацию проектов в свободной творческой форме, представление итоговых работ на Фестивале клубов. Для этого участникам мастерской был предложен мастер-класс «Сторителлинг – мастерство рассказывания историй», где даны практические рекомендации по развитию нарративных компетенций. Например, такие: *эмоциональное усиление повседневности* – трансформируйте обыденные события в запоминающиеся истории через продуманную эмоциональную окраску и выразительность подачи; *интуитивное восприятие вместо аналитического*

– отойдите от традиционного литературоведческого анализа в пользу непосредственного восприятия авторского видения и эмоционального контекста; *систематическая нарративная практика* – формируйте привычку регулярной фиксации событий и мыслей, используя как традиционные дневниковые форматы, так и современные цифровые платформы; *культивирование нарративной взаимности* – проявляйте искренний интерес к историям окружающих, создавая пространство для взаимного обмена личными нарративами [3].

Выводы

Представленные медиаобразовательные технологии позволяют сформировать пласт различных знаний, умений и навыков: 1) четкое понимание коммуникативной задачи и желаемого воздействия на аудиторию; 2) владение языковыми средствами, богатство лексического запаса и стилистическая гибкость; 3) способность глубоко проникать и вызывать сопереживание у слушателей; 4) умение выстраивать композиционно сбалансированный текст с логически обоснованной структурой; 5) развитие интонационного разнообразия и харизматичной манеры презентации материала; 6) органичное включение прямой речи и диалогов для создания эффекта присутствия; 7) включение неожиданных сюжетных элементов, поддерживающих вовлеченность аудитории; 8) интеграция личного опыта и внутренней энергии для со-

здания убедительного и резонирующего повествования.

Данная модель базируется на принципе исторической преемственности и прогностического мышления. Невозможно грамотно проектировать будущее без глубокого понимания исторических

предпосылок и аксиологического состояния предмета изучения. Трехэтапный подход позволяет гармонично сочетать исследовательскую, практическую и творческую деятельность, стимулируя разностороннее развитие участников.

Список источников

1. Виноградов А.Д., Лагутенко А.Ф., Паулич А.А., Хельвас А.В., Ширяев В.В., Яковлева С.Ю., Колесникова Л.Р. Технология гибридных открыток для создания мультимедийного рекламного контента в социальных сетях // Культура: теория и практика. 2016. № 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-gibridnyh-otkrytok-dlya-sozdaniya-multimediynogo-reklamnogo-kontenta-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 26.03.2025)
2. Киссель М.А. Ценностей теория // Философский энциклопедический словарь / под. ред. Л.Ф. Ильичева, П.П. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. М., «Советская энциклопедия», 1983. С. 763 – 764.
3. Кузовенкова А.И., Киуру К.В. Сторителлинг как технология создания медиаконтента // Медиасреда. 2018. № 2. С. 169 – 174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-tehnologiya-sozdaniya-mediakontenta> (дата обращения: 26.03.2025)
4. Запесоцкий А.С., Евдокимычева М.А., Запесоцкий Ю.А. и др. Культурология Дмитрия Лихачева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма "Наука", 2007. 528 с. Новое в гуманитарных науках. Вып. 27. ISBN 978-5-7621-0156-6
5. Купцова И.А., Т.Н. Владимирова Медиаобразование как средство формирования ценностных ориентиров и интеллектуально-творческого потенциала личности // Наука и школа. 2024. № 3. С. 55 – 64. DOI 10.31862/1819-463X-2024-3-55-64. С. 59060
6. Механизмы и технологии воспитания в Общероссийском общественно-государственном движении детей и молодежи «Движение первых» / под общ. ред. Н.А. Мандровой, Л.С. Львовой. М.: Департамент методического обеспечения Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых», 2023. 76 с. URL: https://mp.uspu.ru/wp-content/uploads/Metodicheskie_rekomendacii_Mehan.pdf?ysclid=mdkey8e9kg990955708
7. Письма о добром и прекрасном / сост., общ. ред. Г.А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1985. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pis_o_dob_i_prek.pdf?ysclid=mdkcnfge2j85929165 (дата обращения 10.02.2024)
8. Плюшкина Н.Е., Мережко М.Е. Д.С. Лихачев о духовно-нравственном воспитании молодёжи // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: Сборник докладов VIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных: в 4 т., Белгород, 27 октября 2020 года. Т. 2. Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2020. С. 218 – 221.
9. Рыжова, С.В. Культурологическое значение вклада Д. Лихачева в гуманитарные науки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 21 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskoe-znachenie-vklada-d-lihacheva-v-gumanitarnye-nauki> (дата обращения: 26.03.2025)
10. Слостенин В.А., Чижакова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие по специальности 031000 "Педагогика и психология". М.: Академия, 2003. 185,[2] с.; 22. (Высшее образование); ISBN 5-7695-0965-1.

References

1. Vinogradov A.D., Lagutenko A.F., Paulich A.A., Helvas A.V., Shiryayev V.V., Yakovleva S.Yu., Kolesnikova L.R. Hybrid postcard technology for creating multimedia advertising content in social networks. Culture: Theory and Practice. 2016. No. 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-gibridnyh-otkrytok-dlya-sozdaniya-multimediynogo-reklamnogo-kontenta-v-sotsialnyh-setyah> (date of access: 26.03.2025)
2. Kissel M.A. Theory of Values. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Ed. L.F. Ilychev, P.P. Fedoseeva, S.M. Kovaleva, V.G. Panova. M., "Soviet Encyclopedia", 1983. P. 763 – 764.
3. Kuzovenkova A.I., Kiuru K.V. Storytelling as a technology for creating media content. Mediasreda. 2018. No. 2. P. 169 – 174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-tehnologiya-sozdaniya-mediakontenta> (date of access: 03/26/2025)

4. Zapesotsky A.S., Evdokimycheva M.A., Zapesotsky Yu.A. and others. Culturology by Dmitry Likhachev. St. Petersburg: St. Petersburg publishing and bookselling company "Nauka", 2007. 528 p. New in the Humanities. Issue 27. ISBN 978-5-7621-0156-6
5. Kuptsova I.A., T.N. Vladimirova Media education as a means of forming value orientations and intellectual and creative potential of an individual. Science and School. 2024. No. 3. P. 55 – 64. DOI 10.31862/1819-463X-2024-3-55-64. P. 59060
6. Mechanisms and technologies of education in the All-Russian public and state movement of children and youth "Movement of the First". edited by N.A. Mandrova, L.S. Lvova. Moscow: Department of methodological support of the All-Russian public and state movement of children and youth "Movement of the First", 2023. 76 p. URL: https://mp.uspu.ru/wp-content/uploads/Metodicheskie_rekomendacii_Mehan.pdf?ysclid=mdkey8e9kg990955708
7. Letters about the good and the beautiful. compiled, general editorship by G.A. Dubrovskaya. Moscow: Children's Literature, 1985. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pis_o_dob_i_prek.pdf?ysclid=mdkcnfge2j85929165 (date of access: 10.02.2024)
8. Plyushkina N.E., Merezhko M.E. D.S. Likhachev on the spiritual and moral education of youth. Cultural trends of modern Russia: from national origins to cultural innovations: Collection of reports of the VIII All-Russian scientific and practical conference of students, master's students, postgraduates and young scientists: in 4 volumes, Belgorod, October 27, 2020. Vol. 2. Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2020. P. 218 – 221.
9. Ryzhova, S.V. Culturological significance of D. Likhachev's contribution to the humanities. Bulletin of SUSU. Series: Social and humanitarian sciences. 2008. No. 21 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskoe-znachenie-vklada-d-lihacheva-v-gumanitarnye-nauki> (date of access: 26.03.2025)
10. Slastenin V.A., Chizhakova G.I. Introduction to pedagogical axiology: textbook on specialty 031000 "Pedagogy and Psychology". Moscow: Academy, 2003. 185,[2] p.; 22. (Higher education); ISBN 5-7695-0965-1.

Информация об авторах

Владимирова Т.Н., доктор педагогических наук, доцент, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, Московский педагогический государственный университет, tkamv@yandex.ru

Купцова И.А., доктор культурологии, заведующий кафедрой медиаобразования, Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования, Московский педагогический государственный университет

Матюхина Е.Н., старший преподаватель, Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования, Московский педагогический государственный университет

© Владимирова Т.Н., Купцова И.А., Матюхина Е.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 316.7

Культура как социальный щит против терроризма

¹ Пирбал Омар Сабах Пирбал, ^{1,2} Пархитко Н.П.

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,

² Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация: в условиях глобальных угроз, связанных с распространением радикальных идеологий и террористической активности, особую значимость приобретает изучение культуры как ключевого фактора противодействия терроризму. Настоящая статья направлена на всестороннее теоретико-методологическое обоснование культуры как социального щита, укрепляющего устойчивость общества к экстремистским влияниям. Культура рассматривается не только как совокупность символических практик и норм, но и как инструмент формирования социальной идентичности, доверия, коллективной памяти и моральной солидарности. В рамках работы проведен анализ понятий социального капитала, резильентности, социальной сплоченности и контрнарративов в контексте антитеррористической профилактики. В статье показано, что культура способствует снижению уровня тревожности, формирует механизмы самоорганизации, укрепляет горизонтальные связи между социальными группами и повышает уровень межличностного и институционального доверия. Культура служит платформой для формирования альтернативных нарративов, способных нейтрализовать экстремистскую пропаганду. Полученные выводы подчеркивают необходимость внедрения культурных стратегий в государственную и общественную политику, направленную на предотвращение терроризма и насильственного радикализма.

Ключевые слова. резильентность, терроризм, культура, социальный щит, культурные стратегии, государственная политика, предотвращение терроризма, радикализм, культурные системы, культурная идентичность

Для цитирования: Пирбал Омар Сабах Пирбал, Пархитко Н.П. Культура как социальный щит против терроризма // Современный ученый. 2025. № 9. С. 169 – 175.

Поступила в редакцию: 26 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Culture as a social shield against terrorism

¹ Pirbal Omar Sabah Pirbal, ^{1,2} Parhitko N.P.

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,

² Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: in the context of global threats associated with the spread of radical ideologies and terrorist activity, the study of culture as a key factor in countering terrorism is of particular importance. This article is aimed at a comprehensive theoretical and methodological substantiation of culture as a social shield that strengthens the resilience of society to extremist influences. Culture is considered not only as a set of symbolic practices and norms, but also as a tool for forming social identity, trust, collective memory and moral solidarity. The work analyzes the concepts

of social capital, resilience, social cohesion and counter-narratives in the context of counter-terrorism prevention. The article shows that culture helps reduce anxiety, forms self-organization mechanisms, strengthens horizontal ties between social groups and increases the level of interpersonal and institutional trust. Culture serves as a platform for the formation of alternative narratives that can neutralize extremist propaganda. The findings emphasize the need to introduce cultural strategies into state and public policies aimed at preventing terrorism and violent radicalism.

Keywords: resilience, terrorism, culture, social shield, cultural strategies, public policy, terrorism prevention, radicalism, cultural systems, cultural identity

For citation: Pirbal Omar Sabah Pirbal, Parhitko N.P. Culture as a social shield against terrorism. Modern Scientist. 2025. 9. P. 169 – 175.

The article was submitted: April 26, 2025; Approved after reviewing: June 23, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В условиях продолжающегося роста террористических угроз культура воспринимается не только как зеркало общества, но и как инструменты его защиты. Растущая геополитическая нестабильность, цифровая радикализация и поражение культурного наследия усиливают необходимость системного анализа культуры как механизма устойчивости и противодействия экстремизму. Согласно докладу UNESCO (2023), культурное наследие и культурные практики становятся прямыми целями террористических групп, потому что культура тесно связана с коллективной идентичностью и служит механизмом восстановления доверия в после-конфликтных обществах [12].

Эмпирические исследования, проведенные в районе Кветты и Пакистана показывают, что социальная устойчивость сообщества после террористических актов определяется способностью к самоорганизации, присутствием активного гражданского участия и эффективной мобилизацией культурных ресурсов. В этой связи культура рассматривается как ключ к построению доверия, коллективной эффективности и психологической устойчивости.

Исследования в сфере контр-экстремизма (Karas 2024) подчеркивают, что современные экстремистские движения, включая фрагменты ультраправых групп, используют культурную площадку и медиа для распространения идеологии, тогда как культурные интервенции могут выступать как контр влияние и снижать эффективность радикализма [3]. Они акцентируют внимание на том, что культура и нарративы не только отражают угрозу экстремизма, но и формируют противодействия ей.

Другие исследования вводят концепт демократической устойчивости, где культура играет центральную роль в защите публичной сферы от радикальных и насильственных идеологий, усиливая

долгосрочную устойчивость политических институтов и гражданских сообществ [5].

Таким образом, объединение культурологического, социологического и политологического подходов позволяет понять культуру как не просто символическое пространство, но и как активный социальный ресурс, способный формировать альтернативные нарративы, укреплять доверие и предотвращать радикализацию.

Цель настоящего исследования – разработка теоретико-методологического основания осмысления культуры как системного фактора укрепления общественной устойчивости к терроризму через формирования идентичности, доверия, и сплоченности.

Исследование представляется современным, своевременным, учитывает вызовы цифровой радикализации, культурной агрессии и снижение доверия общества к институтам. В нем культура понимается как эффективный инструмент построения устойчивости, который достоин централизованного внимания в научной и практической плоскости.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер и опирается на концептуальные подходы их культурологии, социологии, политологии и социальной психологии. Методологическая база сформирована на основе сочетания качественных методов анализа, позволяющих изучить феномен культуры как защитного ресурса в контексте противодействия терроризму. В исследовании были учтены положения теории социальной идентичности, теории резильентности, концепции социального капитала. В качестве основного метода был использован системный анализ для выявления взаимосвязей между явлениями культуры, социальной идентичности, радикализации и терроризма. Подход позволил рассмотреть культуру не как изолированный феномен, а как структур-

ный элемент, влияющих на устойчивость социальной системы. Интерпретативный метод применяется для осмысления символических и ценностных измерений культуры в контексте устойчивости.

Результаты и обсуждения

Понятие терроризма представляет собой одну из наиболее спорных и концептуально сложных тем в современных социальных и политических науках. Несмотря на массовое использование термина, его точное определение остается неопределенным и многозначным. Одним из наиболее современных обзоров является работа Монфрифа М. (2024) где утверждается, что терроризм, это существенно спорное понятие, обусловленное культурными шаблонами и психологическими механизмами восприятия угрозы, а также отсутствием единой глобальной дефиниции даже среди экспертов [6].

В рамках систематического анализа понятия, Алекс Шмид представил свою концептуальную трактовку: терроризм – это тревожная система повторяющегося насилия, осуществляемая лицами или группами, зачастую тайными, с целью воздействия на аудиторию посредством посредков – жертв, где непосредственные жертвы служат мессенджерами, направленными на запугивание или принуждение целевых групп [10]. Подобное определение подчеркивает идеологическую и коммуникационную природу терроризма. Исследователь отмечает, что определение терроризма сложно универсализировать, поэтому необходимо применять комплексный подход, реализуемый через призму исторического анализа, психологию страха, типов политического насилия, характеристик политического акта и т.д. При этом, исследователь, указывает на важность сохранения узкого, конкретного дефиниционного фокуса для предотвращения злоупотреблений и произвольных толкований, особенно в условиях политической субъективности.

Дженкинс Дж. П. предлагает также лаконичный подход, в рамках которого терроризм – это расчетливое использование насилия для создания общего климат-страха среди населения с целью достижения конкретной политической цели [2].

На основании изложенного можно сформулировать следующие ключевые характеристики понятия терроризма:

- применение или угроза насилия против гражданских лиц или безоружных целей с целью внушить страх;
- наличие идеологической или политической мотивации, направленной на изменение поведения, политики или общественного мнения;

– повторяемость или системность действий, а не случайный эпизод;

– участие негосударственных акторов или подпольных структур, действующих скрытно;

– информационно-коммуникационная природа: жертвы насилия выступают символами, через которые посылают нарративные сообщения.

Таким образом, сущность терроризма заключается в его двойственном характере: это и реальное насилие, и коммуникационная стратегия. Он направлен на психологическую манипуляцию общественным сознанием, разрушение доверия и институциональной стабильности. Современные подходы рекомендуют сочетать акцент на мотивациях, действиях, акторах и стратегическом контексте, избегая слишком широких или субъективных трактовок.

Понятие культуры в контексте противодействия терроризму подразумевает не только совокупность символических практик, художественных выражений и мемориальной памяти, но и ресурс устойчивости, идентичности и диалога. В исследовании European Commission (2023), направленном на анализ использования искусства и культурных подходов для поддержки выживших после терроризма и профилактики экстремизма, подчеркивается: культурные и художественные практики (театр, музыка, живопись, творчество) способствуют эмоциональному исцелению, усилению чувств принадлежности и преодолению разобщенности, особенно среди пострадавших сообществ [8].

Исследование Khan A., и Rahman Z.U. показывает, что традиционные фольклорные нарративы паштунской культуры мобилизуют социальную резильентность и создают отторжение экстремистских посланий благодаря локальной культурной памяти и символам общности [4].

Также эмпирические данные демонстрируют, что восприятие угрозы культуре медируется через когнитивную закрытость, что повышает склонность к радикальным установкам: культура, которая снижает восприятие угрозы и укрепляет идентичность, фактически снижает эту уязвимость [7].

Синтезируя полученные данные, сущность культуры в контексте противодействия терроризму можно определить следующим образом. Культура – это система знаков, символов, практик и нарративов, формирующая коллективную идентичность и память, создающая устойчивые смыслы и нормы, поддерживающая доверие и сплоченность внутри общества. Культура не является пассивным элементом, но выступает в качестве активного агента в борьбе с терроризмом: они сни-

жает уязвимость (восприятие угрозы), укрепляет коллективное доверие и формирует резильентность, способствуя нейтрализовать разрушительные стратегии радикализации.

Разобравшись с определениями и сущностью культуры и терроризма, представляется возможным исследовать влияние культуры как социального щита против терроризма.

Культура, как социально-историческое явление, выполняет роль социального щита, в первую очередь через укрепление социального капитала, формирование культурной идентичности, повышение социальной устойчивости и создание противодействующих нарративов. Социальный капитал определяется как совокупность характеристик социальных структур – уровней межличностного доверия, норм взаимопомощи и каналов обмена информацией, которые действуют как ресурс для индивидуального и коллективного действия [9]. Социальная сплоченность описывает степень связности и солидарности внутри общества и включает отсутствие социальных конфликтов и наличие общих социальных связей [1].

Понятие резильентности, определенное как способность сообщества противостоять стрессам, адаптироваться и восстанавливаться после потрясений, применяется на уровне культурных систем: культурная резильентность – способность сохранять ключевые структурные элементы и идентичность в условиях изменений или угроз [13]. В контексте терроризма применение концепта резильентности приобретает методологическую значимость – он показывает, что устойчивость сообществ более эффективно формируется снизу, через самоорганизацию, а не навязывается сверху.

Культурная составляющая функционирует как защитный механизм через два основных канала: во-первых культура укрепляет социальный капитал – она создает мосты и связи внутри группы (bonding capital), формируя доверие и коллективную идентичность. Во-вторых, культура поставляет платформу для контрнарративов: образовательные программы, художественные инициативы и медиа создают инструменты для противостояния идеологическим формированиям экстремизма и радикализации.

Исследования, проведенные в районах, подверженных террористическим актам (например, Кветта, Пакистан) показали, что именно культурные и социальные инициативы помогают сообществам мобилизовать, выработать устойчивую гражданскую идентичность и снизить уровень тревожности, основывая на взаимопомощи и коллективной эффективности [11]. Анализ политических ответов после терактов (например, риторика

мэра Лондона Саадика Хана) демонстрирует, как культурная идентичность лидера может стать символом единства и культурного ответного действия, поддерживающего восстановление социальной сплоченности.

Таким образом, культура, как системный феномен, обеспечивает три ключевых защитных уровня: укрепление доверия и норм, сохранение культурной идентичности и целостности, и продвижение позитивных связей и диалога через медиа и контр-нарративы. Поскольку терроризм агрессивно воздействует на культурные символы, подчеркивая разделение и отчуждение, ответ культурной стратегии заключается в восстановлении общих смыслов, памяти, историй и практик, которые укрепляют солидарность и способность сообществ сопротивляться.

Рассматривая культуру в указанном триединстве, следует подробно выделить функции и инструменты воздействия культуры, что и позволяет создавать «культурный щит» в рамках противодействия терроризму.

Как носитель идентичности культура должна выполнять следующие функции:

- формирование чувства принадлежности к обществу;
- противодействие «фрагментации» личности, типичной при воздействии экстремистских идеологий;
- снижение риска когнитивной уязвимости к радикальным нарративам.

Воздействие культуры как носителя идентичности осуществляется посредством образования, языковой политики, этнокультурных практик, медиа, а также через локальные символы (праздники, традиции, обычаи, фольклор и др.)

Как генератор доверия культура должна выполнять иные функции, а именно:

- генерация горизонтального доверия (между гражданами) и вертикального (доверие к институтам общества и государства);
- снижение межгрупповой напряженности;
- повышение способности к кооперации в кризис.

В данном случае необходимо задействовать такие механизмы воздействия культуры на общество, как: культурные центры, культурные и художественные инициативы, культурное волонтерство, совместные общественные движения.

Культура как механизм социальной устойчивости обоснована в исследовании Soomro S.A. Она опирается на концепт community resilience в интерпретации Soomro S.A., который представляет собой способность локальных сообществ адапти-

роваться и восстанавливаться после экстремальных потрясений, таких как террористические акты, за счет внутренних ресурсов, социальных связей и культурной интеграции [11].

Опираясь на данный концепт, культура должна выполнять следующие функции:

- поддержка норм и привычек повседневной жизни после потрясений;
- создание эмоциональной и символической опоры в условиях неопределенности;
- генерация нарративов восстановления и сопротивления.

Ключевыми механизмами реализации данных функций должны быть: арт-терапевтические, мемориальные, символические культурные практики, медиа-платформы для контр-нарративов, музеи, культурные диалоги, музеи памяти.

Суммируя, культура в ее широком смысле – материальных и нематериальных практик, исторической памяти, идентичности, искусства и образования – служит эффективным механизмом социальной защиты против терроризма, снижая воспринимаемые угрозы, поддерживая устойчивости и создавая платформу для коллективной идентичности и диалога.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что культура в современных условиях выполняет не только эстетическую или символическую функцию, но и выступает в качестве системного защитного ресурса в борьбе с терроризмом. В

контексте глобальной радикализации, разрушения локальной идентичности и снижения доверия к социальным институтам, именно культура становится тем социальным «щитом», который способен стабилизировать общественные связи, укреплять коллективную идентичность и снижать восприимчивость населения к экстремистским идеологиям.

На основании анализа сделан вывод о том, что культура, являясь системным феноменом, формирует утри уровня устойчивости и защиты – через укрепление идентичности, генерацию межличностного и институционального доверия, а также развитие механизмов социальной резильентности. Эмпирические данные демонстрируют эффективность культурных инициатив в снижении тревожности, повышении сплоченности и формировании позитивных контрнарративов.

Таким образом можно заключить, что интеграция культурных стратегий в государственную и общественную политику в сфере профилактики терроризма является не опционной, и необходимой. Поддержка локальных культурных сообществ, развитие медиа-грамотности, сохранение культурного наследия и стимулирование межкультурного диалога – все это должно стать приоритетом для устойчивого противодействия радикальным угрозам. Культура, будучи живой тканью общества, способна не только защищать, но и восстанавливать его целостность в условиях риска и разрушения.

Список источников

1. Alcalá H.E., Sharif M.Z., Samari G. Social Determinants of Health, Violent Radicalization, and Terrorism: A Public Health Perspective // *Health Equity*. 2017. Vol. 1;1. Issue 1. P. 87 – 95. DOI: 10.1089/heq.2016.0016
2. Jenkins J.P. Terrorism Definition, History, & Facts // *Encyclopedia Britannica*. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/terrorism> (date of access: 10.04.2025)
3. Karas T. Cultural criminology, counter-extremism and the contemporary far right // *Crime, Media, Culture*. 2024. Vol. 21. Issue 3. P. 267 – 293. DOI: <https://doi.org/10.1177/17416590241279413>
4. Khan A., Rahman Z.U. Foresting community resilience through traditional narratives: Pashtun folklore in countering violent extremism // *Pakistan. Be-Annual. Research Journal*. Vol. 63. Issue 1. P. 80 – 112. [Electronic resource]. URL: https://pscjournal.pk/index.php/pakistan/article/view/105?utm_ (date of access: 05.04.2025)
5. McSwiney J., Ercan S.A., Dryzek J.S., Balint P. Building Democratic Resilience: Protecting the Public Sphere From Violent Extremism // *Crime & Delinquency*. 2024. Vol. 71. Issue 3. P. 769 – 794. DOI: <https://doi.org/10.1177/00111287241271209>
6. Moncrieff M. Terrorism as Coalitional Predation: Explaining Definitional Ambiguities and Precautionary Responses // *Evolutionary Psychology*. 2024. Vol. 22. Issue 2. DOI: <https://doi.org/10.1177/14747049241263995> (date of access: 05.04.2025)
7. Obaidi M.G., Anjum K., Bierwiazzonek J.F., Dovidio S. O., Kunst J.R., Cultural threat perceptions predict violent extremism via need for cognitive closure // *Psychological and cognitive science*. Vol. 120. Issue 20. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2213874120>

8. RAN VoT WG Meeting – Cultural and artistic approaches involving victims/survivors of terrorism, with a commemorative, healing or PVE aim, Vienna. 2023. [Electronic resource]. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/whats-new/publications/ran-vot-wg-meeting-cultural-and-artistic-approaches-involving-victimssurvivors-terrorism_en?utm (date of access: 05.03.2025)

9. Reed J.L., Bramlett J. C. Personal identity and community resilience: Sadiq Khan's restorative rhetoric in response to terrorism // Atlantic Journal of Communication. 2022. Vol. 31. Issue 4. P. 281 – 296. DOI: <https://doi.org/10.1080/15456870.2022.2052071>

10. Schmid A.P. Defining Terrorism. ICCT Report. 2023. [Electronic resource]. URL: https://icct.nl/sites/default/files/2023-03/SchmidtDefiningTerrorism_1.pdf (date of access: 05.04.2025)

11. Soomro S.A. Fostering community resilience through the lived experience of terrorist incidents // Management Decision. 2024. Vol. 5. P. 392 – 405. DOI: <https://doi.org/10.1108/MD-09-2023-1675> (date of access: 12.04.2025)

12. The role of culture for resilience, peace and security: a new international agenda promoted by UNESCO [Electronic resource]. URL: https://www.unesco.org/en/emergencies/culture/role-culture?utm_source (date of access: 05.04.2025)

13. Tulupov D.S., Kotsur G.V. Resilience concept as a methodological basis of a new approach to countering international terrorism // Rund Journal of Political Science. 2019. Vol. 21. №. 2. P. 358 – 372. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372

References

1. Alcalá H.E., Sharif M.Z., Samari G. Social Determinants of Health, Violent Radicalization, and Terrorism: A Public Health Perspective. Health Equity. 2017. Vol. 1;1. Issue 1. P. 87 – 95. DOI: 10.1089/heq.2016.0016

2. Jenkins J.P. Terrorism Definition, History, & Facts // Encyclopedia Britannica. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/terrorism> (date of access: 04.10.2025)

3. Karas T. Cultural criminology, counter-extremism and the contemporary far right. Crime, Media, Culture. 2024. Vol. 21. Issue 3. P. 267 – 293. DOI: <https://doi.org/10.1177/17416590241279413>

4. Khan A., Rahman Z.U. Foresting community resilience through traditional narratives: Pashtun folklore in countering violent extremism. Pakistan. Be-Annual. Research Journal. Vol. 63. Issue 1. P. 80 – 112. [Electronic resource]. URL: https://pscjournal.pk/index.php/pakistan/article/view/105?utm_ (date of access: 04.05.2025)

5. McSwiney J., Ercan S.A., Dryzek J.S., Balint P. Building Democratic Resilience: Protecting the Public Sphere From Violent Extremism. Crime & Delinquency. 2024. Vol. 71. Issue 3. P. 769 – 794. DOI: <https://doi.org/10.1177/00111287241271209>.

6. Moncrieff M. Terrorism as Coalitional Predation: Explaining Definitional Ambiguities and Precautionary Responses. Evolutionary Psychology. 2024. Vol. 22. Issue 2. DOI: <https://doi.org/10.1177/14747049241263995> (date of access: 04.05.2025)

7. Obaidi M.G., Anjum K., Bierwiazzonek J.F., Dovidio S. O., Kunst J. R., Cultural threat perceptions predict violent extremism via the need for cognitive closure. Psychological and cognitive science. Vol. 120. Issue 20. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2213874120>

8. RAN VoT WG Meeting – Cultural and artistic approaches involving victims/survivors of terrorism, with a commemorative, healing or PVE aim, Vienna. 2023. [Electronic resource]. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/whats-new/publications/ran-vot-wg-meeting-cultural-and-artistic-approaches-involving-victimssurvivors-terrorism_en?utm (date of access: 03.05.2025)

9. Reed J.L., Bramlett J.C. Personal identity and community resilience: Sadiq Khan's restorative rhetoric in response to terrorism. Atlantic Journal of Communication. 2022. Vol. 31. Issue 4. P. 281 – 296. DOI: <https://doi.org/10.1080/15456870.2022.2052071>

10. Schmid A.P. Defining Terrorism. ICCT Report. 2023. [Electronic resource]. URL: https://icct.nl/sites/default/files/2023-03/SchmidtDefiningTerrorism_1.pdf (date of access: 04.05.2025)

11. Soomro S.A. Fostering community resilience through the lived experience of terrorist incidents. Management Decision. 2024. Vol. 5. P. 392 – 405. DOI: <https://doi.org/10.1108/MD-09-2023-1675> (date of access: 04.12.2025)

12. The role of culture for resilience, peace and security: a new international agenda promoted by UNESCO [Electronic resource]. URL: https://www.unesco.org/en/emergencies/culture/role-culture?utm_source (date of access: 04.05.2025)

13. Tulupov D.S., Kotsur G.V. Resilience concept as a methodological basis of a new approach to countering international terrorism. Rund Journal of Political Science. 2019. Vol. 21. No. 2. P. 358 – 372. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372

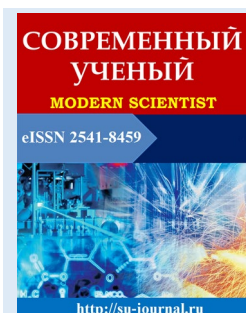
Информация об авторах

Пирбал Омар Сабах Пирбал, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-8499-8616>, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, pirbal@mail.ru

Пархитько Н.П., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы; Финансовый университет при Правительстве РФ, parkhitko_np@pfur.ru

© Пирбал Омар Сабах Пирбал, Пархитько Н.П., 2025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 331.108.26:378

Специфика освоения трудовых функций рабочими в процессе подготовки

¹ Башкова С.А.

¹ Уральский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье изучены теоретические сведения о реализации программ дополнительного образования, а именно подготовки новых рабочих, в рамках ЧУДПО «Учебного Центра Уралмашзавода». Рассмотрено действующее методическое обеспечение дисциплины; изучены и проанализированы учебный план и рабочая программа дисциплины ОП.04 «Чтение машиностроительных чертежей», определен перечень профессиональных стандартов по профессиям, обучаемым по программе подготовки.

Ключевые слова: образование, обучение, производство, профессиональный стандарт, трудовая функция, подготовка, методическое обеспечение дисциплин

Для цитирования: Башкова С.А. Специфика освоения трудовых функций рабочими в процессе подготовки // Современный ученый. 2025. № 9. С. 176 – 183.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Specifics of labor functions mastering by workers during training

¹ Bashkova S.A.

¹ Ural State Pedagogical University

Abstract: the article examines theoretical information on the implementation of additional education programs, namely the training of new workers, within the framework of the Uralmashzavod Training Center. The current methodological support of discipline was considered; the curriculum and working program of the discipline OP.04 "Reading machine-building drawings" were studied and analyzed, a list of professional standards for professions trained under the training program was determined.

Keywords: education, training, production, professional standard, labor function, training, methodological support of discipline

For citation: Bashkova S.A. Specifics of labor functions mastering by workers during training. Modern Scientist. 2025. 9. P. 176 – 183.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В настоящее время существует большое количество предприятий, каждое из которых предъявляет свои требования к знаниям, умениям и навыкам. Но не всегда приходящие на работу люди могут в полном объеме выполнять требуемые трудовые функции из-за отсутствия необходимого образования. В связи с этим все больше предприятий организуют учебные центры, чтобы обеспечить образование для рабочих. К ним относится также ЧУДПО «Учебный Центр Уралмашзавода», который разрабатывает программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Для правильной реализации эффективного обучения необходимо создавать подходящие условия: составление презентаций к лекциям, разработка методических указаний к практическим заданиям, промежуточные и итоговые средства контроля в соответствии с учебным планом и рабочей программой предприятия.

Целью статьи является обоснование разработки комплекта учебно-методической документации по дисциплине ОП.04 «Чтение машиностроительных чертежей» для комплексной программы переподготовки рабочих в соответствии с требованиями профессиональных стандартов.

Материалы и методы исследований

В работе использовались методы: анкетирование, анализ, синтез, сравнение и обобщение.

Результаты и обсуждения

Предприятие «Уралмашзавод» столкнулось со следующей проблемой: устраивающиеся рабочие не могли в полном объеме выполнять трудовые функции. Поэтому на базе отдела технического обучения и учебно-производственного цеха по решению Совета директоров ПАО «Уралмашзавод» был создан корпоративный образовательный центр, названный Учебным Центром Уралмашзавода [1].

Для рабочих профессий машиностроительного комплекса, инженерно-технических работников, специалистов в области информационных технологий в Учебном центре обучают по программам профессиональной переподготовки, обязательного обучения и промышленной безопасности, курсам повышения квалификации.

Для обеспечения качества учебного процесса в Учебном центре имеется учебно-практическая база, которая позволяет проводить не только теоретическое обучение, но и лабораторно-практические занятия по отработке первичных трудовых навыков при подготовке рабочих по станочным специальностям и прохождении производственного обучения на учебно-производственном участке подготовки кадров для сварочного производства.

Основными принципами работы учебного центра являются [1]:

- комплексность – интеграция форм и методов обучения, направленная на приобретение необходимых знаний и умений, и их эффективного применения на высоком технологическом уровне;
- практическая направленность – качественное улучшение имеющейся (или вновь приобретаемой) квалификации с учетом практических запросов работодателей;
- реальность – использование программ обучения уже апробированных и доказавших свою практическую состоятельность, основанных на реальных условиях производства;
- индивидуальность – организация образовательного процесса с учетом потребностей и индивидуальных особенностей каждого обучающегося.

Учебным центром предприятия был предоставлен учебный план, представленный в табл. 1, для дополнительной профессиональной программы переподготовки рабочих по нескольким профессиям: Вальцовщик, Долбежник, Заточник металлорежущих инструментов, Зуборезчик, Контролер станочных и слесарных работ, Разметчик в машиностроении, Сверловщик, Слесарь механосборочных работ, Слесарь-инструментальщик, Слесарь-ремонтник промышленного оборудования, Строгальщик, Токарь-карусельщик, Токарь, Токарь-расточник, Фрезеровщик, Шлифовщик.

В скором будущем для своего предприятия Учебный Центр будет осуществлять переподготовку рабочих по комплексной программе в соответствии с требованиями профессиональных стандартов для третьего уровня квалификации.

В процессе обучения предусмотрены:

- занятия в учебном центре ;
- занятия на производстве ;
- консультации и итоговая аттестация .

Таблица 1

Базовый учебный план для переподготовки рабочих.

Table 1

Basic curriculum for retraining workers.

Наименование модулей		Учебные недели									Кол-во часов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
ОП.00	Общепрофессиональный (отраслевой) цикл	20	20	26	20	20	0	0	0	0	106
ОП.01	Введение в специальность. Технологическое оборудование и безопасность труда на машиностроительном производстве	8									8
ОП.02	Материаловедение	12	4								16
ОП.03	Допуски и технические измерения		16								16
ОП.04	Чтение машиностроительных чертежей			26	16						42
ОП.05	Технологии машиностроения: механическая обработка материалов				4	20					24
ПМ.00	Профессиональный цикл	10	10	10	10	10	10	10	10	10	90
ПМ.01	Подготовка и осуществление технологических процессов обработки деталей и узлов конструкций на машиностроительном предприятии (по профессиям)	10	10	10	10	10	10	10	10	10	90
МДК 01.01	Устройство и принцип действия технологического оборудования, инструментов и приспособлений	4	4	4	4	4	4	4	4	4	36
МДК 01.02	Технологический процесс обработки деталей и узлов конструкций. Технический контроль качества продукции	6	6	6	6	6	6	6	6	6	54
ПО.01	Производственное обучение	10	10	4	10	10	30	30	30	22	156
	Консультации									4	4
ИА	Итоговая аттестация									4	4
ИТОГО		40	40	40	40	40	40	40	40	40	360

Для учебного центра Уралмашзавода более значимым является обучение рабочих знаниям и умениям, связанными с чтением и анализом машиностроительных чертежей. Поэтому вместе с учебным планом для разработки комплекта учебно-методического обеспечения также была представлена рабочая программа для комплексной подготовки рабочих по дисциплине ОП.04 «Чтение машиностроительных чертежей», которая в табл. 1 выделена.

Целью изучения дисциплины является создание условий, обеспечивающих развитие у обучающихся профессиональных компетенций для выполнения трудовых функций (трудовой деятельности), получения указанными лицами квалификации по профессиям.

Основные задачи освоения дисциплины «Чтение машиностроительных чертежей»:

- формирование знаний о правилах чтения рабочих чертежей типовых машиностроительных

деталей с учетом требований ЕСКД и особенностей технологии их изготовления;

- формирование знаний о правилах чтения сборочных чертежей по эскизам деталей, входящих в сборочную единицу;

- формирование навыков чтения чертежей, рабочей технической и технологической документации в объеме, необходимом для выполнения работы.

Для правильного подбора методического обеспечения необходимо начать с анализа трудовых функций и требований, предъявляемых профессиональными стандартами для вышеперечисленных профессий.

Также, пользуясь профессиональными стандартами, можно объединить профессии по предъявляемым требованиям к знаниям и умениям для наглядности и удобства анализа рабочей программы. После объединения профессий и требований по группам можно увидеть, какие знания и умения

необходимы для выполнения трудовых функций в соответствии с рис. 1 [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17].

На схеме (рис. 1) видно, что для всех перечисленных профессий необходим определенный уровень знаний основ машиностроительного черчения для выполнения работы в соответствии с требованиями, установленными стандартами; также важ-

но уметь читать и анализировать конструкторскую и технологическую документацию, в том числе чертежи деталей.

Так, например для обучающихся по профессиям Зуборезчик и Контролер станочных и слесарных работ необходимо уметь читать чертежи сборочных единиц и изделий [5, 6].

Рис. 1. Схема объединения профессий по предъявляемым требованиям. Группы профессий: 1 – Заточник металлорежущих инструментов, Сверловщик, Строгальщик, Фрезеровщик, Шлифовщик; 2 – Долбежник, Разметчик в машиностроении, Слесарь механосборочных работ, Слесарь-инструментальщик, Слесарь-ремонтник промышленного оборудования, Токарь-карусельщик.

Fig. 1. Scheme of combining professions according to the requirements. Groups of professions: 1 – Sharpener of metal-cutting tools, Driller, Planer, Milling machine operator, Grinder; 2 – Mortiser, Marker in mechanical engineering, Assembly fitter, Toolmaker, Industrial equipment repairman, Turner-carousel operator.

Для обучающихся по профессиям первой и второй групп (рис. 1), а также Зуборезчик, Контролер станочных и слесарных работ, необходимо знать условные обозначения предельных отклонений, квалитетов, шероховатости поверхности, а также допусков и посадок на чертежах.

Обучающиеся по профессиям второй группы, включая Токаря должны по прохождению курса дисциплины знать системы автоматизированного проектирования (и сведения о системе AutoCAD). Для вышеперечисленных профессий обучение этим знаниям и умениям организовано на производственном обучении.

Так как учебный план составлялся для комплексного обучения сразу по нескольким вышеперечисленным рабочим профессиям, некоторые пункты из рабочей программы тематического пла-

на учебной дисциплины будут нести лишь ознакомительный характер, но на производстве могут не применяться. Например, в условиях производства токарю может не понадобиться умение работы со сборочными чертежами и спецификацией, но могут оказаться нужными знания о параметрах шероховатости и допусках размеров. Данное заключение базируется на анализе трудовых функций, детально изложенных в соответствующих профессиональных стандартах.

Также для успешного освоения всей заданной программой дисциплины в установленные сроки обучающемуся необходимо уже иметь представление о тех или иных сведениях (например, знать допуски и посадки, виды механических передач, типы разъемных и неразъемных соединений, виды резьбы). Наличие этих предварительных знаний

позволит избежать дублирования информации и сосредоточиться на изучении их графического представления на чертежах.

Профессиональная подготовка работников в корпоративном учебном центре предприятия не квалифицируется как получение базового образования. Она представляет собой форму дополнительного профессионального обучения.

Дополнительное профессиональное образование (ДПО) представляет собой комплекс образовательных программ, ориентированных на приобретение, развитие или изменение профессиональных знаний, умений и навыков, соответствующих актуальным требованиям профессиональной деятельности. Дополнительное профессиональное образование не связано с получением основного образования. Оно может быть реализовано как в процессе трудовой деятельности, так и в свободное от работы время [18].

Основные формы дополнительного профессионального образования включают [18]:

- *профессиональную переподготовку* (подготовку новых рабочих), которая направлена на приобретение новой профессии или специальности, отличающейся от ранее полученной.

- *повышение квалификации*, целью которого является углубление, расширение или актуализация профессиональных компетенций в рамках уже освоенной специальности.

Образовательные программы в сфере дополнительного профессионального обучения должны разрабатываться с опорой на профессиональные стандарты, требования из квалификационных справочников, а также на федеральные законы и нормативные правовые акты Российской Федерации [19].

Образовательная программа представляет собой структурированный комплекс ключевых характеристик образовательного процесса, включающий объем, содержание и планируемые результаты обучения, а также организационно-педагогические условия. Данный комплекс оформляется в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) и других компонентов, оценочных и методических материалов. В предусмотренных законодательством случаях к программе также прилагаются рабочая программа воспитания, календарный план воспитательной работы и формы аттестации [20, ст. 2].

Программа профессиональной переподготовки предназначена для приобретения компетенций, необходимых для осуществления нового вида

профессиональной деятельности и получения новой квалификации [20, ст. 5].

Рассмотренный учебный план представляет собой профессиональную переподготовку рабочих. Всего на обучение выделяется 360 академических часов (табл. 1), что соответствует требованиям установленных сроков обучения. Из них общепрофессиональный цикл занимает 106 часов, профессиональный цикл – 90 часов и производственное обучение – 156 часов.

Программа обучения рассчитана на 9 недель, каждая из которых включает 40 академических часов. Таким образом, обучающиеся будут проходить полный рабочий день, продолжительностью восемь часов, что позволит им систематически осваивать учебный материал.

Для правильной реализации программы обучения необходимо разработать методическое обеспечение. Методическое обеспечение представляет собой комплексный процесс и его конечный результат, направленный на формирование разнообразных видов методической продукции, включая образовательные программы, учебно-методические комплексы, методические разработки и дидактические материалы.

Методическое обеспечение дисциплины представляет собой систематизированную совокупность учебно-методических документов, образовательных средств и инструментов контроля, необходимых для эффективной организации и реализации образовательного процесса в рамках каждой дисциплины учебного плана [21].

Система учебно-методических материалов и средств обучения должна обеспечивать полное и всестороннее освещение всех ключевых аспектов программного содержания. Комплексный подход предполагает, что изучение каждого основополагающего вопроса в рамках каждой темы или раздела учебной программы осуществляется с использованием оптимального набора учебно-методических средств и соответствующей документации, что способствует качественному проведению образовательного процесса [22].

Выводы

Результатом проделанной работы является предложенный комплект учебно-методической документации по дисциплине ОП.04 «Чтение машиностроительных чертежей», который включает в себя:

1. Конспекты – 15 лекций и презентаций к ним,
2. Методические указания к проведению – 5 практических работ,
3. Контрольно-оценочные средства для промежуточной аттестации в виде – 17 тестовых заданий,

4. Контрольно-оценочные средства для итоговой аттестации в виде – 20 билетов.

В процессе обучения по предложенному и разработанному методическому обеспечению рабо-

чие смогут получить необходимые знания, умения и навыки, удовлетворяющие требованиям профессиональных стандартов, для выполнения своих трудовых функций.

Список источников

1. Учебный Центр Уралмашзавода: [сайт]. Екатеринбург, 2025. URL: <https://uc.uralmash.ru/?ysclid=m2с6wokocw56171908> (дата обращения: 15.10.2024)
2. Профессиональный стандарт «Вальцовщик» от 28.06.2021 № 419н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.097-zuborezchik.html?ysclid=m77goi9jgj842646613> (дата обращения: 21.03.2025). Режим доступа: информ.ру
3. Профессиональный стандарт «Долбежник» от 04.08.2022 № 458н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.240-dolbezchnik.html?ysclid=m95jgodbdz681005637> (дата обращения: 21.03.2025). Режим доступа: информ.ру
4. Профессиональный стандарт «Заточник металлорежущих инструментов» от 16.09.2022 № 562н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.126-zatochnik-metallorezhushchego-instrumenta.html?ysclid=m95jgz16mo827029265> (дата обращения: 21.03.2025). Режим доступа: информ.ру
5. Профессиональный стандарт «Зуборезчик» от 20.12.2022 № 795н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.097-zuborezchik.html?ysclid=m77goi9jgj842646613> (дата обращения: 05.02.2025). Режим доступа: информ.ру
6. Профессиональный стандарт «Контролер станочных и слесарных работ» от 21.04.2022 № 234н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.199-kontroler-stanochnykh-i-slesarnykh-rabot.html?ysclid=m95jhmw0eb50042248> (дата обращения: 21.03.2025). Режим доступа: информ.ру
7. Профессиональный стандарт «Разметчик в машиностроении» от 16.09.2022 № 576н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.244-razmetchik-v-mashinostroenii.html?ysclid=m95jhvtu9670980461> (дата обращения: 21.03.2025). Режим доступа: информ.ру
8. Профессиональный стандарт «Сверловщик» от 25.10.2022 № 690н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.093-sverlovshchik.html?ysclid=m95jj9kp9x48549681> (дата обращения: 22.03.2025). Режим доступа: информ.ру
9. Профессиональный стандарт «Слесарь механосборочных работ» от 22.04.2022 № 238н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.200-slesar-mehanosborochnykh-rabot.html?ysclid=m95jjl00lj817632387> (дата обращения: 21.03.2025). Режим доступа: информ.ру
10. Профессиональный стандарт «Слесарь-инструментальщик» от 06.10.2020 № 60266 / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.028-slesar-instrumentalshchik.html?ysclid=m95jjubcnr146043387> (дата обращения: 22.03.2025). Режим доступа: информ.ру
11. Профессиональный стандарт «Слесарь-ремонтник промышленного оборудования» от 02.12.2020 № 61201 / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.077-slesar-remontneyk-promyshlennogo-oborudovaniia.html> (дата обращения: 22.03.2025). Режим доступа: информ.ру
12. Профессиональный стандарт «Строгальщик» от 16.09.2022 № 570н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.119-strogalshchik.html?ysclid=m95jkd60qn521130735> (дата обращения: 22.03.2025). Режим доступа: информ.ру
13. Профессиональный стандарт «Токарь-карусельщик» от 04.10.2022 № 621н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.128-tokar-karuselshchik.html?ysclid=m95jkot4hz486563365> (дата обращения: 22.03.2025). Режим доступа: информ.ру
14. Профессиональный стандарт «Токарь» от 02.06.2021 № 364н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.078-tokar.html?ysclid=m96jeqdvjv689858613> (дата обращения: 22.03.2025). Режим доступа: информ.ру

15. Профессиональный стандарт «Токарь-расточник» от 24.12.2015 № 1138н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://ppt.ru/docs/profstandarts/view/839> (дата обращения: 23.03.2025). Режим доступа: информ.ру

16. Профессиональный стандарт «Фрезеровщик» от 26.07.2021 № 505н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.021-frezervovshchik.html?ysclid=m8i9vidkqr135154950> (дата обращения: 23.03.2025). Режим доступа: информ.ру

17. Профессиональный стандарт «Шлифовщик» от 24.10.2022 № 681н / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.076-shlifovshchik.html?ysclid=m96j2uiup7880863682> (дата обращения: 23.03.2025). Режим доступа: информ.ру

18. Дополнительное профессиональное образование [Статья]: НИПКЭФ, 2023. URL: <https://nipkef.ru/about/blog/chto-takoe-dopolnitelnoe-professionalnoe-obrazovanie/> (дата обращения: 15.04.2025)

19. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка – ВГТУ, 2019. URL: <https://cchgeu.ru/press/news/ad/povyshenie-kvalifikatsii-i-professionalnaya-perepodgotovka-v-chyem-raznitsa/> (дата обращения: 20.03.2025)

20. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года]. Москва: Проспект; Санкт-Петербург: 2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 20.03.2025). Режим доступа: КонсультантПлюс

21. Положение «О комплексном учебно-методическом обеспечении учебных дисциплин и профессиональных модулей основных профессиональных программ» : методические рекомендации / утв. С. В. Калимулина. ГБПОУ РО «К-ШМК», 2017. 18 с. URL: <http://www.kshmk.ru/sveden/document/pologenieKUMO.pdf> (дата обращения: 18.03.2025)

22. Лимаренко А.А. Комплексное учебно-методическое обеспечение образовательного процесса / сост. А.А. Лимаренко. ГБПОУ «УИ ТЛТУ», 2017. 7 с. URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2017/03/05/kompleksnoe-uchebno-metodicheskoe-obespechenie> (дата обращения: 20.03.2025)

References

1. Uralmashplant Training Center: [website]. Yekaterinburg, 2025. URL: <https://uc.uralmash.ru/?ysclid=m2c6wokocw56171908> (accessed: 10/15/2024)

2. Professional standard "Roller" dated 06/28/2021 No. 419n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.097-zuborezchik.html?ysclid=m77goi9jgj842646613> (accessed: 03/21/2025). Access mode: inform.ru

3. Professional standard "Dolbezhnik" dated 08/04/2022 No. 458n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.240-dolbezhnik.html?ysclid=m95jgodbdz681005637> (date of access: 21.03.2025). Access mode: inform.ru

4. Professional standard "Sharpener of metal-cutting tools" dated 16.09.2022 No. 562n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.126-zatochnik-metallorazhushchego-instrumenta.html?ysclid=m95jgz16mo827029265> (date of access: 21.03.2025). Access mode: inform.ru

5. Professional standard "Gear cutter" dated 20.12.2022 No. 795n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.097-zuborezchik.html?ysclid=m77goi9jgj842646613> (date of access: 05.02.2025). Access mode: inform.ru

6. Professional standard "Inspector of machine and metalwork works" dated 21.04.2022 No. 234n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.199-kontroler-stanochnykh-i-slesarnykh-rabot.html?ysclid=m95jhmw0eb50042248> (date of access: 21.03.2025). Access mode: inform.ru

7. Professional standard "Marker in mechanical engineering" dated 16.09.2022 No. 576n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.244-razmetchik-v-mashinostroenii.html?ysclid=m95jhvtsu9670980461> (date of access: 21.03.2025). Access mode: inform.ru

8. Professional standard "Driller" dated 10/25/2022 No. 690n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.093-sverlovshchik.html?ysclid=m95jj9kp9x48549681> (date of access: 03.22.2025). Access mode: inform.ru
9. Professional standard "Mechanical assembly worker" dated 04/22/2022 No. 238n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.200-slesar-mehanosborochnykh-rabot.html?ysclid=m95jj100lj817632387> (date of access: 21.03.2025). Access mode: inform.ru
10. Professional standard "Toolmaker" dated 06.10.2020 No. 60266. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.028-slesar-instrumentalshchik.html?ysclid=m95jjubcnr146043387> (date of access: 22.03.2025). Access mode: inform.ru
11. Professional standard "Industrial equipment repairman" dated 02.12.2020 No. 61201. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.077-slesar-remontnykh-promyshlennogo-oborudovaniia.html> (date of access: 22.03.2025). Access mode: inform.ru
12. Professional standard "Planer" dated 16.09.2022 No. 570n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.119-strogaishchik.html?ysclid=m95jkd60qn521130735> (date of access: 22.03.2025). Access mode: inform.ru
13. Professional standard "Turner-carousel operator" dated 04.10.2022 No. 621n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.128-tokar-karuselshchik.html?ysclid=m95jkot4hz486563365> (date of access: 22.03.2025). Access mode: inform.ru
14. Professional standard "Turner" dated 02.06.2021 No. 364n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.078-tokar.html?ysclid=m96jeqdvjv689858613> (date of access: 22.03.2025). Access mode: inform.ru
15. Professional standard "Turner-borer" dated 24.12.2015 No. 1138n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://ppt.ru/docs/profstandarts/view/839> (date of access: 23.03.2025). Access mode: inform.ru
16. Professional standard "Milling machine operator" dated 26.07.2021 No. 505n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.021-frezerovshchik.html?ysclid=m8i9vidkqr135154950> (date of access: 23.03.2025). Access mode: inform.ru
17. Professional standard "Grinder" dated 10.24.2022 No. 681n. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Moscow. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.076-shlifovshchik.html?ysclid=m96j2uiup7880863682> (date of access: 03.23.2025). Access mode: inform.ru
18. Additional professional education [Article]: NIPKEF, 2023. URL: <https://nipkef.ru/about/blog/chto-takoe-dopolnitelnoe-professionalnoe-obrazovanie/> (date of access: 15.04.2025)
19. Advanced training and professional retraining – VSTU, 2019. URL: <https://cchgeu.ru/press/news/ad/povyshenie-kvalifikatsii-i-professionalnaya-perepodgotovka-v-chyem-raznitsa/> (date of access: 20.03.2025)
20. Russian Federation. Laws. On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ: [adopted by the State Duma on December 21, 2012; approved by the Federation Council on December 26, 2012]. Moscow: Prospekt; Saint Petersburg: 2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 03/20/2025). Access mode: ConsultantPlus
21. Regulation "On the comprehensive educational and methodological support of academic disciplines and professional modules of basic professional programs": methodological recommendations. approved. S.V. Kalimulina. GBPOU RO "K-ShMK", 2017. 18 p. URL: <http://www.kshmk.ru/sveden/document/pologenieKUMO.pdf> (date of access: 18.03.2025)
22. Limarenko A.A. Comprehensive educational and methodological support of the educational process. compiled by A.A. Limarenko. GBPOU "UI TLTU", 2017. 7 p. URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2017/03/05/kompleksnoe-uchebno-metodicheskoe-obespechenie> (date of access: 20.03.2025)

Информация об авторе

Башкова С.А., кандидат педагогических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.147

Подготовка студентов к взаимодействию культур Российской Федерации и стран африканского континента

¹ Быстрой Е.Б., ¹ Кутенева И.Е., ¹ Скоробренко И.А., ¹ Цилицкий В.С.

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Аннотация: в статье представлен ретроспективный экскурс в историю развития российско-африканского диалога. Основной задачей статьи являлось рассмотрение путей развития данного диалога, значимость которого подтверждена в статье статистическими данными, характеризующими современное положение системы образования африканских стран. Данные, приведенные в статье, свидетельствуют о недостаточно высоком уровне развития образовательных систем в Африке. Они не носят только констатирующий характер, авторы намечают перспективные направления сотрудничества России и стран африканского континента, акцентируя при этом его значимость в сферах высшего образования, научных исследований, освоения инновационных отраслей знаний.

С целью интенсификации российско-африканского диалога в образовательной сфере и повышения его эффективности подчеркивается необходимость адаптации не только африканских студентов, но и студентов российских вузов к участию в нем. В статье приводится опыт внедрения в процесс преподавания английского языка в педагогическом вузе информационного контента, связанного с реалиями жизни в Республике Мали. Реализация авторского учебно-методического комплекса с использованием инновационных приемов преподавания английского языка представляет интерес для специалистов и педагогов, осуществляющих межкультурное взаимодействие со странами Африки.

Ключевые слова: культура, взаимодействие, образование, Россия и Африка, российско-африканский диалог

Для цитирования: Быстрой Е.Б., Кутенева И.Е., Скоробренко И.А., Цилицкий В.С. Подготовка студентов к взаимодействию культур Российской Федерации и стран африканского континента // Современный ученый. 2025. № 9. С. 184 – 189.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Training of students for interaction between the cultures of the Russian Federation and the countries of the African continent

¹ Bystray E.B., ¹ Kuteneva I.E., ¹ Skorobrenko I.A., ¹ Tsilitkiy V.S.

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Abstract: the article presents a retrospective excursion into the history of the development of the Russian-African dialogue. The main objective of the article was to consider the ways of developing this dialogue, the importance of which is confirmed in the article by statistical data characterizing the current state of the education system of African countries. The data presented in the article indicate an insufficiently high level of development of educational

systems in Africa. They are not only ascertaining in nature, the authors outline promising areas of cooperation between Russia and the countries of the African continent, emphasizing its importance in the fields of higher education, scientific research, and the development of innovative branches of knowledge.

In order to intensify the Russian-African dialogue in the educational sphere and increase its efficiency, the need to adapt not only African students, but also students of Russian universities to participate in it is emphasized. The article presents the experience of introducing information content related to the realities of life in the Republic of Mali into the process of teaching English at a pedagogical university. The implementation of the author's educational and methodological complex using innovative methods of teaching English is of interest to specialists and teachers engaged in intercultural interaction with African countries.

Keywords: culture, interaction, education, Russia and Africa, Russian-African dialogue

For citation: Bystray E.B., Kuteneva I.E., Skorobrenko I.A., Tsilitskiy V.S. Training of students for interaction between the cultures of the Russian Federation and the countries of the African continent. Modern Scientist. 2025. 9. P. 184 – 189.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Развитие мирового социума на сегодняшний день маркировано глобализационными процессами, возрастанием роли цифровизации, конфронтацией с рядом глобальных проблем, таких как пандемии, борьба со смертельно опасными заболеваниями, экологические проблемы, парниковый эффект, истощение природных ресурсов, поиск новых источников энергии, освоение космического пространства, терроризм и др. Решение данных проблем может быть достигнуто совместными усилиями специалистов разных стран [4]. В этой связи особую значимость приобретает знание иностранных языков, как средства межкультурного общения, а также знание культурных особенностей представителей разных национальностей, особенностей ведения диалога культур, а также привлечение новых членов человеческого сообщества к эффективному участию в данном диалоге [6].

Однако, к сожалению, сегодняшняя ситуация в современном социуме детерминирована международной турбулентностью. В этой связи особую значимость приобретает развитие российско-африканского диалога как гарант обеспечения геополитической стабильности и «справедливой архитектуры мироустройства» [7] Инициирование организации и проведения саммитов «Россия – Африка», участие в них Президента Российской Федерации В.В. Путина являются маркерами стратегической направленности межгосударственных взаимоотношений России с государствами Африки. Следует усиливать взаимодействие с данными государствами, акцентируя наряду с необходимостью развития экономических и политических контактов также развитие взаимоотношений в сферах культуры и образования. В докладах спи-

керов, представленных на разнообразных площадках саммитов, отмечалась значимость совместных акций в научной и образовательной сферах. Многоаспектность и многогранность культурного российско-африканского ландшафта требует реформирования взаимодействия данных стран в аспекте достижения и поддержания духа дружбы и сотрудничества в сегодняшней ситуации, который базируется на добросердечных отношениях, возникших еще во времена СССР.

Как отмечал Президент России Владимир Путин в своем приветствии участникам Первой министерской конференции Форума партнерства Россия – Африка: «Страны Африки пользуются растущим авторитетом на мировой арене. Проводя конструктивную, миролюбивую внешнюю политику, они играют все более значимую роль в решении важнейших вопросов международной повестки дня. Россия со своей стороны придает особое значение упрочению традиционно дружественных отношений с африканскими партнерами. Нас объединяет стремление к построению справедливого, многополярного миропорядка, основывающегося на подлинном равенстве и верховенстве международного права, свободного от любых форм дискриминации, диктата и санкционного давления».

Взаимодействие со странами африканского континента трудно переоценить, ведь Африка является вторым по численности населения континентом мира. По демографическим оценкам ООН, в настоящее время в Африке проживает не менее 1,46 миллиарда человек, или 17,89% всего населения земли. Большинство представителей образовательной сферы африканского континента справедливо назвали университеты «ключом» к созданию устойчивых российско-африканских отношений. У

России установлены дружественные связи со всеми 54 странами Африки.

Обратимся к ретроспективному анализу российско-африканских взаимоотношений, базис которого был создан еще в Средневековье посредством встреч и общения русских и африканских путешественников во время паломничеств. Особенно знаменателен в аспекте взаимодействия России с африканским континентом XIX век, в период которого создавал свои неповторимые литературные творения Александр Сергеевич Пушкин, прадедом которого был выходец из Северного Камеруна Абрам Петрович Ганнибал, снискавший благоволение Петра Великого и освобождение первого. Следует отметить, что еще в XVIII веке русские мореплаватели и исследователи проявляли огромный интерес к открытию стран африканского континента. Начиная практически с революции 1917 года, началось культивирование привлечения африканцев на обучение в Россию. Участники конгресса Коминтерна выступили за чаяния африканских стран в аспекте освобождения от колониализма и приобретения независимости. Бывшие республики Советского Союза оказывали поддержку жителям Южной Африки в их борьбе против апартеида. Нынешнее стремление к дружбе и сотрудничеству в сфере высшего образования зиждется на сложившихся традициях оказания профессиональной помощи в подготовке и становлении квалифицированных африканских специалистов. В современной Африке функционируют альянсы выпускников вузов, которые прошли полный курс обучения в образовательных организациях России и бывшего СССР. Как показывает практика, многие выпускники занимают ведущие позиции в сферах экономики, политики, бизнеса в странах Африки как в государственных, так и в частных структурах. Учеными, методистами, педагогами создано солидное портфолио по привлечению африканских студентов в российские вузы и их эффективному обучению, что является преимуществом образовательного сектора нашего государства в привлечении африканских студентов в российские вузы по сравнению с другими странами [5].

Ядром российско-африканских взаимоотношений в образовательной сфере является Российский университет дружбы народов, где, начиная с 70-х годов прошлого столетия, получили качественное образование более полумиллиона африканцев. В числе выпускников данного российского университета немало государственных лидеров и деятелей в области политики и экономики. Таким образом, российская система образования является

кузницей управленческих кадров для различных сфер жизни и деятельности в Африке.

Народы Африки осознают необходимость перестройки сфер экономики, энергетики, здравоохранения, образования и др. Плодородной почвой для реализации перестроечных процессов являются вузы России, в рамках деятельности которых осуществляется диалог поколений. Сегодня выходцы из стран африканского континента принимают участие в совместных с российскими учеными проектах в области новейших инновационных трендов.

Кроме того, опыт России в преодолении экономических и социальных трудностей из-за санкций европейских стран и США может быть полезен для стран Африки, которые сегодня решают проблемы, связанные с недостаточной развитостью экономики и вызванные либеральной экономической политикой данных стран.

Взаимообогащение в области экономики, политики, здравоохранения, образования и других сфер человеческой деятельности заключается в обогащении данных отраслей инновационными стратегическими идеями. В соответствии с этим намечаются следующие векторы российско-африканского сотрудничества:

- стимулирование участия представителей России и Африки в проведении актуальных для современной науки исследований;
- повышение академической мобильности студентов, которая является надежным базисом дальнейшего развития стран обоих континентов;
- расширение информационного пространства с целью развенчивания негативных стереотипов и фейков;
- применение потенциала образования с целью внедрения новых технологий в экономику.

Спустя всего несколько лет после окончания Второй мировой войны СССР разработал доктрину привлечения абитуриентов из стран Африки в отечественные вузы. И сегодня Россия продолжает стимулировать приезд африканских граждан для обучения в нашей стране, ведь более половины населения Африки – молодые люди младше 25,5 лет. К 2030 году по прогнозам ООН их численность возрастет до 321 миллиона, а возможности самих африканских государств в образовательной сфере весьма ограничены. Доля африканских вузов составляет лишь 8,9% от общего числа имеющихся во всем мире вузов [9, 2].

Доля населения Африки моложе 15 лет составляла в 2021 году 40 процентов, а согласно данным Отдела народонаселения ООН, более половины населения Африки – молодые люди младше 25,5 лет. В 2019 году на Африканском континенте бы-

ло около 250 миллионов человек в «студенческом» возрасте, к 2030 году их численность возрастет до 321 миллиона, а к 2050 году – до 840 миллионов человек. В 2015 году состоялся всеафриканский саммит по высшему образованию, одним из итогов которого стало составление долгосрочного плана развития системы высшего образования в Африке. Согласно этому плану, к 2063 году степень охвата населения Африки высшим образованием должна увеличиться с имеющихся 8 до 50 процентов. В свете этого учебной миграции из Африки будет придаваться особое значение, и России необходимо не упустить открывающееся окно возможностей.

Материалы и методы исследований

В исследовании использованы ретроспективный анализ, контент-анализ, обобщение, систематизация, моделирование учебно-методического комплекса.

Результаты и обсуждения

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» осуществляет международное сотрудничество с республиками Мали и Сенегал. 2023 год был ознаменован созданием четырех Центров открытого образования в республиках Мали и Сенегал.

В 2023 году университет вошел в консорциум «Российско-Африканский сетевой университет». В этом же году партнерами по российско-африканскому сотрудничеству в Республике Сенегал стали Русский культурный центр «Калинка» и Университет Шейха Анти Диопа, известный также как Дакарский университет.

Осенью следующего года обучение в Центрах открытого образования Сенегала прошли 373 человека. В 2024 году продолжилось сотрудничество ФГБОУ ВО «ЮУрГТТУ» с образовательными организациями Мали. Было подписано соглашение с Институтом университетской педагогики.

Проблема взаимодействия культур Российской Федерации и стран африканского континента является чрезвычайно актуальной для систем образования обеих стран, ведь именно педагог новой формации, соответствующий потребностям социально-экономической модернизации, являясь ключевой фигурой современности, несет ответственность за будущее современного социума, которое полностью зависит от нравственных качеств подрастающего поколения, то есть от того, насколько верно будет организована деятельность педагога, будет зависеть также эффективность образовательного и воспитательного процессов [8].

В этой связи взаимодействие культур Российской Федерации и стран африканского континента представляется особенно важным в образователь-

ной сфере подготовки педагогов будущего. До недавнего времени данное взаимодействие не носило масштабный характер. В настоящее же время с обеих сторон предпринимаются усилия в направлении его интенсификации, понимания культур других народов, в частности, африканских стран [1]. Следует отметить, что, начиная с внешнего вида, манеры одеваться и заканчивая поведенческими и коммуникативными образцами, менталитетом, культуры народов африканского континента и россиян имеют значительные различия. Следовательно, необходимо адаптировать к межкультурному взаимодействию как представителей африканских стран, так и российских студентов, то есть, как справедливо отмечает О.В. Константинова, России и странам африканского континента необходимо взаимодействовать на основе обоюдных интересов и развивать сотрудничество на основе культурных и гуманитарных связей, что придаст позитивный характер интеграционным процессам [3].

В частности, на занятиях по иностранному языку (английскому) обучающимся предоставляется краткая информация о Республике Мали в историческом ракурсе с акцентированием процесса социализации детей и подростков в гендерном аспекте. Кроме того, студенты знакомятся с этнографическими особенностями данной страны, многообразием языков, на которых говорят жители данной территории. При подготовке к диктанту на тему «Флора и фауна Мали» на английском языке студенты расширяют свои знания о растениях и животных страны. Игра «Перепутанные буквы» по теме «Регионы Мали» позволяет познакомить обучающихся с административным делением страны. При заполнении «географического дневника» студентам предлагалось записать, чем известны такие малийские города, как Бамако, Гао, Калабанкоро, Кати, Мопти, Сан, Сегу, Сикасо. Также в работе со студентами использовался такой прием, как создание дерева ассоциаций «Спорт и физическая культура Мали». Российские студенты должны были обосновать свой выбор слов для создания дерева.

Кроме того, на уроках знакомства с жизнью Республики Мали, нами использовалась кластерная методика. Кластер, по сравнению с письменной работой, позволяет обучающимся более эффективно систематизировать приобретенные знания, акцентируя при этом взаимосвязь и взаимозависимость фактов и явлений действительности. Данный метод помогает визуализировать связи между словами и понятиями, активизировать словарный запас и развивать критическое мышление. Группа делилась на 2 подгруппы, каждой из кото-

рых было дано задание составить кластер по теме «Искусство Мали» и «Литература Мали». Выполнение данного задания позволило обучающимся познакомиться с такими сферами культуры, как искусство и литература.

Заключительным этапом в работе по теме «Республика Мали» на английском языке стала подготовка в малых группах (3-4 человека) экскурсии по Мали в режиме дополненной реальности.

Выводы

В силу глобализационных процессов, происходящих в современном социуме, на первый план выдвигается необходимость создания нового миропорядка, основанного на паритетных взаимоотношениях государств в различных сферах человеческой жизнедеятельности. В настоящее время особую актуальность приобретает проблема развития и укрепления российско-африканского диалога. В процессе саммитов российских и африканских лидеров подчеркивалась мысль о том, что данный диалог должен разворачиваться не только в сфере экономического взаимодействия, но и в гуманитарной сфере, включающей культуру и образование. Россия имеет солидный опыт в области организации обучения африканских студентов в вузах СССР, а сейчас России. Такое взаимодействие со странами африканского континента, как в академической сфере, так и в сфере культуры, приобретает сегодня новые импульсы развития.

Все сказанное выше актуализирует значимость межкультурного взаимодействия молодежи Рос-

сии и стран Африки, так как это будет способствовать прогрессу всего социума, ведь речь идет не о выжидательной позиции помощи со стороны Африки, а об интенсивном сотрудничестве в передовых областях науки, техники и социальной сферы. В силу различий в манере одеваться, в поведенческих паттернах, в этикетных формулах, традициях и обычаях необходимо разрабатывать методико-технологический и воспитательный инструментарий с целью адаптации к новым реалиям не только африканских студентов, но и их российских сверстников. Толерантное, дружелюбное отношение друг к другу будет способствовать повышению эффективности межкультурного взаимодействия.

Авторским коллективом был разработан учебно-методический комплекс с использованием различных инновационных технологий, таких как кластерная методика, технология развития критического мышления, дидактические игры и др. Данный комплекс использовался на занятиях по английскому языку в ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет». Он позволил российским студентам более глубоко проникнуть в мир африканской культуры, познакомиться с этнографическими и ландшафтными особенностями стран Африки, с их административным делением, что является базисом бесконфликтного взаимодействия и расширения продуктивного сотрудничества между Россией и Африкой.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках государственного задания ЮУрГГПУ на выполнение НИР ««Знакомимся с Россией: история и современность»: цифровая образовательная среда изучения русского языка как иностранного (на примере стран Мали и Сенегал) (SITN-2025-0014)», № государственной регистрации темы 1024040700002-0-5.3.1

Список источников

1. Бочаров В.В. Африка и Россия как субъекты культурального развития // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2012. № 3. С. 3 – 14.
2. Камара И., Ракачев В.Н. Африканские студенты в России: особенности социальной адаптации и взаимоотношения с принимающим обществом // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 4. С. 164 – 179.
3. Константинова О.В. Перспективы развития российско-африканского сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 3. С. 5 – 14.
4. Латышева Н.А., Ташлыкова Н.Ю., Гарская Е.С., Лутошкина В.Н., Белов А.В. Актуальные тенденции развития современного общества // Социология. 2023. № 6. С. 232 – 236.
5. Летина Н.Н. Культуросообразный алгоритм исследования оснований российско-африканского диалога // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 261 – 272.
6. Рыблова А.Н., Нямдорж Х. Технология обучения межкультурному взаимодействию в команде студентов-регионоведов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 3 (848). С. 66 – 70.

7. Саммит Россия – Африка. Владимир Путин принял участие в пленарных сессиях второго саммита Россия – Африка. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71826> (дата обращения: 08.03.2025)
8. Тихомиров С.Е. Учитель и его роль в современном образовательном процессе // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2018. № 1. С. 535 – 538.
9. Données mondiales de l'éducation, Mali. 7e édit. UNESCO, 2010. 276 p.

References

1. Bocharov V.V. Africa and Russia as Subjects of Cultural Development. Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental Studies. African Studies. 2012. No. 3. P. 3 – 14.
2. Kamara I., Rakachev V.N. African Students in Russia: Features of Social Adaptation and Relations with the Host Society. South-Russian Journal of Social Sciences. 2018. No. 4. P. 164 – 179.
3. Konstantinova O.V. Prospects for the Development of Russian-African Cooperation in the Cultural and Humanitarian Sphere. Scientific Notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 3. P. 5 – 14.
4. Latysheva N.A., Tashlykova N.Yu., Garskaya E.S., Lutoshkina V.N., Belov A.V. Current Trends in the Development of Modern Society. Sociology. 2023. No. 6. P. 232 – 236.
5. Letina N.N. Culture-consistent algorithm for studying the foundations of Russian-African dialogue. Upper Volga Philological Bulletin. 2023. No. 4 (35). P. 261 – 272.
6. Ryblova A.N., Nyamdorzh H. Technology of teaching intercultural interaction in a team of regional studies students. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. 2023. No. 3 (848). P. 66 – 70.
7. Russia – Africa Summit. Vladimir Putin took part in the plenary sessions of the second Russia – Africa Summit. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71826> (date accessed: 08.03.2025)
8. Tikhomirov S.E. The teacher and his role in the modern educational process. Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them. 2018. No. 1. P. 535 – 538.
9. Données mondiales de l'éducation, Mali. 7th edition. UNESCO, 2010. 276 p.

Информация об авторах

Быстрай Е.Б., доктор педагогических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой теории и практики иностранных языков, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5976-3465>, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, bistraieb@cspu.ru

Кутенева И.Е., кандидат педагогических наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1181-7003>, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Irina.K.E.90@mail.ru

Скоробренко И.А., ассистент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6644-4091>, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, skorobrenkoia@cspu.ru

Цилицкий В.С., кандидат педагогических наук, доцент, начальник Управления научной работы, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8113-8145>, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, cilickiivs@cspu.ru

© Быстрай Е.Б., Кутенева И.Е., Скоробренко И.А., Цилицкий В.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.3. Коррекционная педагогика (сурдопедагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия) (педагогические науки)

УДК 377.131.14

Специфика готовности к саморазвитию и самообразованию студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья

¹ Лапп Е.А., ¹ Елисеева Н.А.

¹Азовский государственный педагогический университет

Аннотация: авторское исследование нацелено на изучение готовности к саморазвитию и самообразованию студентов, проживающих в исторических регионах России, и имеющих инвалидность и ограниченные возможности здоровья. В фокусе внимания - определение компонентов саморазвития и самообразования студентов на основе изучения и обобщения междисциплинарных исследований, а также характеристика специфики саморазвития и самообразования у студентов с инвалидностью путем эмпирического изучения. В статье представлено сравнение специфической деятельности обучающихся, осуществляемой в соответствии с жизненными задачами и внутренними побуждениями, по самостоятельному изучению и приобретению знаний, умений, опыта профессиональной деятельности и работы над собой с целью улучшения личных и профессиональных качеств. Материалы статьи могут быть использованы профессорско-преподавательским составом в процессе инклюзивного обучения. Полученные данные могут заинтересовать руководителей различных организаций при подборе квалифицированных кадров, имеющих инвалидность и ОВЗ.

Ключевые слова: высшее образование, инвалидность, ограниченные возможности здоровья, студенты с инвалидностью и ОВЗ, саморазвитие, самообразование, исторические регионы России

Для цитирования: Лапп Е.А., Елисеева Н.А. Специфика готовности к саморазвитию и самообразованию студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья // Современный ученый. 2025. № 9. С. 190 – 200.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The specifics of the readiness for self-development and self-education of students with disabilities and limited health opportunities

¹ Lapp E.A., ¹ Eliseeva N.A.

¹ Azov State Pedagogical University

Abstract: the author's research is aimed at studying the readiness for self-development and self-education of students living in historical regions of Russia and having disabilities and limited health opportunities. The focus is on defining the components of self-development and self-education of students based on the study and generalization of interdisciplinary research, as well as characterizing the specifics of self-development and self-education of students with disabilities through empirical study. The article presents a comparison of the specific activities of students, carried out in accordance with life tasks and internal motivations, on independent study and acquisition of

knowledge, skills, professional experience and self-improvement in order to improve personal and professional qualities. The materials of the article can be used by the teaching staff in the process of inclusive education. The data obtained may be of interest to the heads of various organizations when selecting qualified personnel with disabilities and limited health opportunities.

Keywords: higher education, students with disabilities and LHO, self-development, self-education, historical regions of Russia

For citation: Lapp E.A., Eliseeva N.A. The specifics of the readiness for self-development and self-education of students with disabilities and limited health opportunities. Modern Scientist. 2025. 9. P. 190 – 200.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Формирование системы ценностей у обучающихся различных образовательных организаций и средовых условий для их актуализации является ведущей задачей государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» [9]. Приоритет среди всех ценностей отводится саморазвитию и самообразованию, которое связано с индивидуализацией и непрерывностью образовательного процесса. Данная ценность ассоциирована с активной, саморегулируемой, личностно и профессионально значимой познавательной деятельностью, направленной на поиск и усвоение социального опыта с целью самосовершенствования [6]. Необходимость формирования способности к самообразованию и самоорганизации подтверждается положениями федерального стандарта на уровне высшего образования и касается, в том числе, лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Способность к самообразованию определяет тон учебной деятельности студентов данной категории в соответствии с их индивидуальными образовательными потребностями и возможностями. Компетентность самостоятельно осваивать учебный материал по образовательной программе коррелирует со способностью креативно мыслить, развиваться и самосовершенствоваться. В будущем такие обучающиеся демонстрируют умения профессионально самообразовываться и активно проявлять себя в профессии [2].

Важность рассматриваемой проблемы проявлена в современной ситуации внешнеполитической жизни. На способность к саморазвитию и самообразованию студентов оказывают влияние различные мегафакторы. Очевидно, что разные группы студентов ощущают внешние влияния, в том числе и негативные, связанные с гибридными войнами современности в разной степени. Значительным является тот факт, что в условиях нестабильной обстановки университеты исторических регионов России чаще вынуждены работать в дистанцион-

ном формате. Данная форма требует от студентов высокой мотивации к саморазвитию, способности к самоорганизации своей учебной деятельности, использованию творческого подхода к овладению профессиональными знаниями, умениями и навыками [4]. Вопрос о том, насколько способны к саморазвитию и самообразованию студенты, проживающие в исторических регионах России, в частности, студенты с инвалидностью и ОВЗ, стал основой представленных в данной статье результатов исследования.

Теории и идеи саморазвития и самообразования личности в мировоззрении разрабатывались многими отечественными и зарубежными учеными. Данный феномен стал объектом исследования в педагогических (И.А. Зимняя, А.К. Маркова, М. Монтессори, В.С. Мухина, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман и др.); психологических (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А. Бандура, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, К. Роджерс, С.Л. Рубинштейн и др.); социологических (П.Бурдье, И.С.Кон, Д. Коульман, М.Н. Руткевич, В.Н. Шубкин, Э.Эрикссон и др.); философских исследованиях (Л.С. Выготский, Д.Дьюи, С.Л. Рубинштейн, В.Е.Степин, П. Фрейд и др.).

Современные ученые рассматривают процесс саморазвития и самообразования личности через призму субъект-субъектного (А.В. Брушлинского, И.С.Кон, Е.С. Сергиенко), деятельностного (Д.А. Леонтьев) гуманитарно-антропологического (В.И. Слободчиков), личностно-ориентированного (В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.), психолого-педагогического подходов (К.А.Абульханова-Славская, Е.И. Исаев, Б. МакКомбс, Г.А. Цукерман и др.), на основе концепции жизненного пути личности (А. Эрикссон и др.) и др.

Изучение проблемы саморазвития и самообразования студентов с инвалидностью и ОВЗ является развивающейся областью научных исследований. В работах О.А. Верховиной, А.А. Гареева, Ю.В. Красавиной, Е.П. Пономаренко, А.А. Шишкиной обращается внимание на изучение мотива-

ции, учебной активности и успешности студентов с инвалидностью в высших учебных заведениях [3, 8]. Авторы указывают, что данные процессы у студентов с ОВЗ и инвалидностью отличаются недостаточным уровнем сформированности, выявляется сопряженность недостаточного уровня учебной мотивации и интереса к профессии. В исследовании Е.А. Мартыновой, Д.Ф. Романенковой подчеркивается необходимость создания поддерживающей образовательной среды [5]. В части научных исследований авторами предлагаются педагогические инструменты формирования готовности к саморазвитию и самообразованию. Так, Ю.В. Бессарабова, Т.В. Журавлева, Ю.А. Джаубаев, доказали ценность фитнес-технологий для развития искомых процессов [1]. Е.В. Ульянова обращает внимание на развитие личностных качеств, значимых для саморазвития студентов с ОВЗ, в условиях инклюзивного волонтерства [12]. Специфика личных ресурсов и особенностей студентов с инвалидностью и ОВЗ как важное условие профессионального становления рассматривается И.В. Тимченко [11].

Изучение и анализ исследовательского поля показал, что данная проблема рассматривается в науке. Однако, в отношении студентов с ОВЗ и инвалидностью, обучающихся в исторических регионах России, её решение представлено незначительно.

Цель исследования: определение специфики готовности к саморазвитию и самообразованию студентов с инвалидностью и ОВЗ, проживающих в исторических регионах России.

Задачи: характеристика структуры и компонентов саморазвития и самообразования, а также готовности действовать на основе данных ценностей у студентов с инвалидностью и ОВЗ, проживающих в новых регионах Российской Федерации.

Научная новизна. Получены новые данные об особенностях саморазвития и самообразования

студентов с инвалидностью и ОВЗ, проживающих в исторических регионах России. Доказано, что специфика рассматриваемого феномена проявляется в понимании важности саморазвития и самообразования для дальнейшей профессиональной жизни, но отсутствием потребности и готовности самостоятельной реализации данных процессов. У респондентов проявлен, в основном, средний уровень искомых параметров. Определено, что потенциал к саморазвитию у студентов с инвалидностью и ОВЗ определяется личностными качествами и психолого-педагогическим сопровождением в среде вуза.

Теоретическая значимость. Выявлены структура и ключевые компоненты саморазвития и самообразования, которые развивают или ограничивают способность студентов с инвалидностью и ОВЗ вооружаться современными знаниями и умениями, а также понимать, как люди учатся и развиваются самостоятельно в условиях внешнеполитической напряженности. Углублено понимание о готовности студентов с инвалидностью и ОВЗ к саморазвитию и самообразованию.

Практическая значимость. Материалы статьи могут быть использованы профессорско-преподавательским составом в процессе инклюзивного обучения. Полученные данные могут заинтересовать руководителей различных организаций при подборе квалифицированных кадров, имеющих инвалидность и ОВЗ. Представленные материалы важны для будущих студентов с инвалидностью и ОВЗ.

Самообразование рассматривается как фактор саморазвития личности студентов [10]. В современных зарубежных и отечественных исследованиях саморазвитие личности интерпретируется с различных позиций, имея в своей основе неоднородную структуру [7] (табл. 1).

Таблица 1

Понятие и структура саморазвития в современных научных исследованиях.

Table 1

The concept and structure of self-development in modern scientific research.

автор	способность к саморазвитию как научное понятие	структура и компоненты способности к саморазвитию
М.Д.Виноградский, О.М. Шканова	способность к приобретению, обновлению и развитию знаний и умений, адаптированность к изменениям	комплекс умственных способностей
Л.Б. Гиль, К.А. Чеховских	комплекс индивидуально-психологических особенностей личности, обеспечивающих самостоятельное усвоение новых знаний, умений и навыков для решения конкретных жизненных проблем	мотивационный, организационно-управленческий и регулятивно-деятельностный компонент

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Е.Н. Ларина	сложное интегративное личностное образование, характеризующее субъектную позицию индивида	мотивационно-ценностный, оценочно-ориентационный и рефлексивно-результативный компоненты
С.А. Алешина	способность быть субъектом активной деятельности по освоению знаний, умений, опыта деятельности	мотивационный, деятельностный и рефлексивно-регулирующий компоненты

Обобщая теоретические сведения, а также опираясь на результаты собственных исследований, авторы рассматривают саморазвитие и самообразование как многомерный феномен и выделяют его ключевые компоненты (табл. 2).

Готовность к саморазвитию и самообразованию понимается авторами как интегративное сочетание мотивационно-ценностного, когнитивно-операционного, рефлексивно-прогностического

компонентов. Готовность рассматривается через сочетание сформированной учебно-профессиональной мотивации, способности проявлять активность в профессиональном развитии, сформированности познавательной деятельности и освоения вузовских требований, а также овладением умениями самообразовываться, самостоятельно находить информацию, в том числе, с применением ИКТ.

Таблица 2

Ключевые компоненты готовности к саморазвитию и самообразованию и их показатели.

Table 2

Key components of readiness for self-development and self-education and their indicators.

Компоненты	Показатели
Мотивационно-ценностный	проявлять учебно-профессиональные мотивы, интерес к будущей профессии, понимать ценности формируемых в учебном процессе и квазипрофессиональной деятельности компетенций для будущей трудовой деятельности
Когнитивно-операционный	способность осваивать учебную информацию, проявлять первоначальные умения профессиональной области на практике и научно-исследовательской деятельности, адаптироваться к изменениям в окружающей среде, демонстрировать освоение вузовских требований
Рефлексивно-прогностический	способность анализировать собственные умения и навыки, проявлять активность и ответственность в формировании профессиональных компетенций, самостоятельно обеспечивать регуляцию эмоциональных состояний и свойств, демонстрировать профессиональные намерения и оценивать соответствие ожиданий складывающейся реальной ситуации

Материалы и методы исследований

В качестве показателей специфики готовности к саморазвитию и самообразованию студентов с инвалидностью и ОВЗ рассмотрены мотивационно-ценностный, когнитивно-операционный, рефлексивно-прогностический компоненты.

Измерение уровня сформированности компонентов готовности к саморазвитию и самообразованию осуществлялось с помощью диагностирующего инструментария: методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной; методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С.С.Бубновой, тестирование «Оценка способностей к саморазвитию, к самообразованию» В.И. Андреева; «Методика диагностики индивидуальной меры рефлексивности» А.В. Карпова.

В исследовании приняли участие студенты с инвалидностью и ОВЗ, проживающие в Запорож-

ской области и Донецкой народной республике ($n = 52$). Выборки сопоставимы по ряду значимых для авторов характеристик: все респонденты обучаются по разным программам высшего образования бакалавриата, студенты не имеют нарушений психоэмоциональной сферы, доминирование мужчин в выборке (78,5%); доминирование респондентов в возрасте 17-25 лет (82,2%).

Вопросы анкеты представлены для респондентов в GOOFLE форме. Обработка результатов проводилась с помощью программ Microsoft Word, Microsoft Excel.

Результаты и обсуждения

Достоверные различия (по методике изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной) были выявлены у респондентов по преобладающему типу учебной мотивации в процентном соотношении (рис. 1).

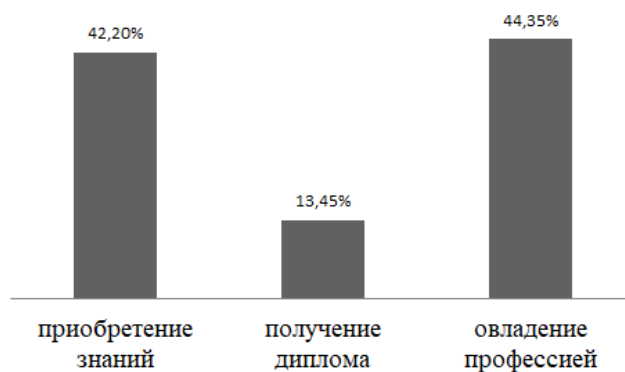

Рис. 1. Процентное соотношение респондентов по преобладающему типу учебной мотивации.
Fig. 1. Percentage of respondents by predominant type of educational motivation.

Качественный анализ определения особенностей мотивационно-ценностного компонента показал, что между стремлением овладеть профессией и приобретением знаний не выявлено значимых различий, на наш взгляд это может выступать как один мотив обучения. Можем видеть, что значимой ценностью для студента с инвалидностью и ОВЗ становится не получение диплома (7 человек, 13,45%), а желание обрести профессию и стать

конкурентноспособным специалистом (45 человек, 86,55 %).

Полученные результаты ранжирования по методике диагностики структуры ценностных ориентаций личности С.С.Бубновой переведены авторами в процентное соотношение в соответствии с уровнями – высокий, средний, низкий; средние показатели представлены на рис. 2.

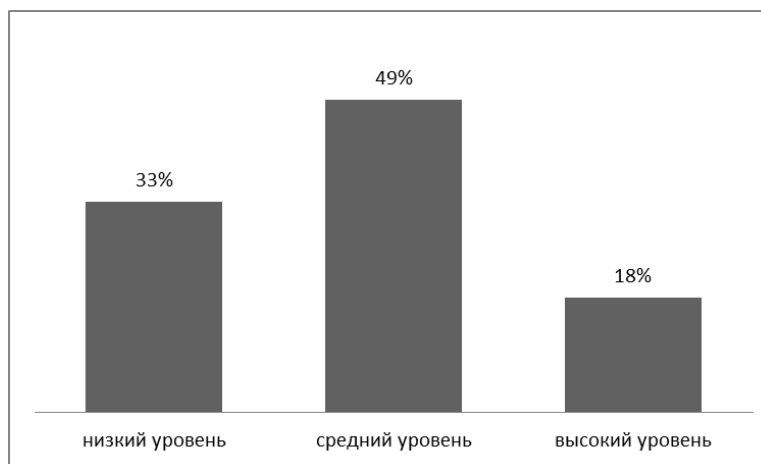

Рис. 2. Средние показатели ценностных предпочтении по методике С.С. Бубновой «Диагностика структуры ценностных ориентаций личности».
Fig. 2. Average indicators of value preferences according to the method of S.S. Bubnova "Diagnostics of the structure of value orientations of the individual".

Ведущими ценностными ориентациями или ценностным ядром у студентов с ОВЗ и инвалидностью являются «признание и уважение людей и влияние на окружающих» (с показателем 4,64); «здоровье» (с показателем 4,35); «любовь» (с показателем 4,07), которые отражают основные стремления современных обучающихся.

«Общение» (с показателем 3,94) как ценность не является ведущей ориентацией, данный факт может свидетельствовать о том, что студенты с

ОВЗ, инвалидностью считают себя незащищенными, испытывают дискомфорт в окружающем мире.

Самыми незначимыми ценностями оказались «социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе» (с показателем 2,8); «высокий социальный статус и управление людьми» (с показателем 2,65); «познание нового в мире, природе, человеке» с показателем 2,55). Такие низкие ценности могут указывать на инфантиль-

ность студентов с ОВЗ, инвалидностью, пониженное стремление к самореализации и саморазвитию.

Результаты ранжирования, полученные по методике «Оценка способностей к саморазвитию, к

самообразованию» В.И. Андреева приведены на рис. 3.

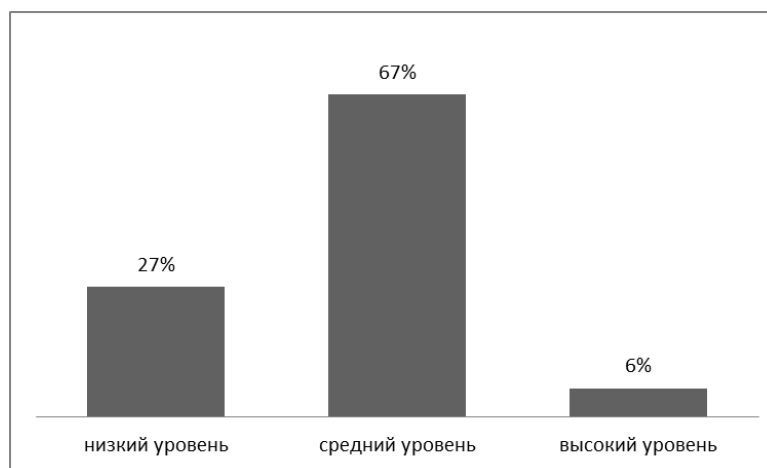

Рис. 3. Средние показатели по методике В.И. Андреева «Оценка способностей к саморазвитию, к самообразованию».

Fig. 3. Average indicators according to V.I. Andreev's method "Assessment of abilities for self-development, for self-education".

Доминирующей группой становятся студенты со средним уровнем способностей к саморазвитию и самообразованию. Приведем наиболее выраженные показатели ответов респондентов. Студенты с ОВЗ и инвалидностью считают, что: друзья ценят их за то, что они преданные и верные друзья – 27 чел. (52%); оценивают себя трудолюбивыми – 31 чел. (59,6%); к планированию своей работы на будущее относятся как к пустой трате времени – 25 чел. (48,1%); для профессионального самосовершенствования и самообразования недостаточного времени – 25 чел. (48,1 %); причинами своих ошибок считают невнимательность – 22 чел. (42,3%), а 24 чел. (46,2%) не определились вовсе; считают себя доброжелательными – 34 чел. (65,4%); справедливыми – 19 чел. (38%); генераторами идей – 19 чел. (36,5 %); обязательность – 20 чел. (38,5%) – их наиболее развитые качества; свободное время чаще проводят время с друзьями (в кругу семьи) – 24 чел. (46,2%); имеют познавательный интерес к научной фантастике – 21 чел. (41,2 %); могли бы себя реализовать в спорте – 24 чел. (49%); учителя чаще всего воспринимали (воспринимают их) трудолюбивыми – 27 чел. (52,9%); придерживаются принципа «живи и наслаждайся жизнью» – 28 чел.

(53,8 %); идеалом считают человека здорового, сильного духом – 19 чел. (36,5 %); смогут добиться в жизни намеченных профессиональных и личных целей 23 чел. (45,1 %); предпочитают комедийно развлекательные фильмы – 32 чел. (62,7%); на заработанный миллиард путешествовали бы и посмотрели мир – 24 чел. (46,2 %).

Изучение рефлексивных составляющих саморазвития с помощью опросника А.В. Карпова показало, что средний уровень сформированности рефлексии как личностного и профессионального свойства студентов с ОВЗ, инвалидностью составляет 5,1 стенов. Можно полагать, что у большинства респондентов уровень самоосознания не выражен, данный факт может стать препятствием к готовности личностного и профессионального самопознания и саморазвития.

Обработка результатов по всем методикам осуществлялась путем качественного анализа полученных данных, с учетом оценки определенных параметров и распределение результатов по уровням каждой методики. Данные результатов определены суммой показателей каждого критерия и вычисления их среднего арифметического (рис. 4).

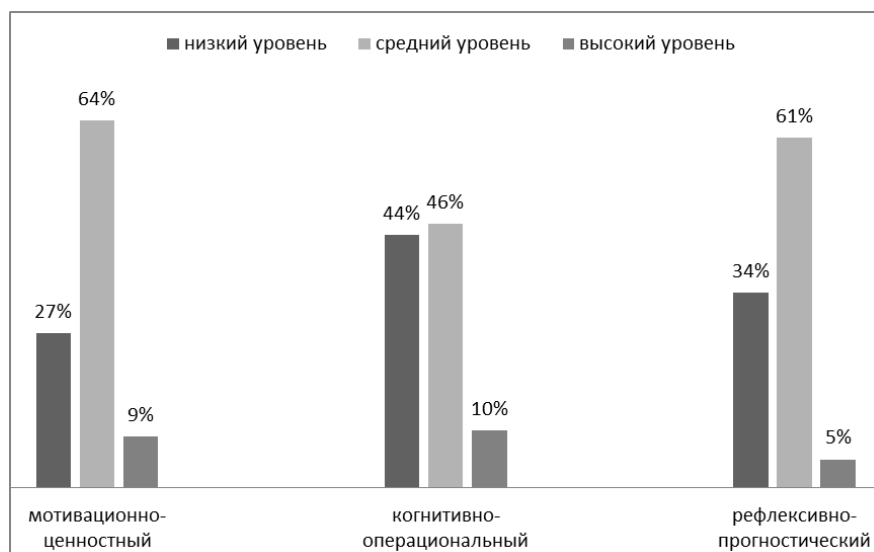

Рис. 4. Средние показатели уровня сформированности компонентов готовности к саморазвитию и самообразованию.

Fig. 4. Average indicators of the level of formation of components of readiness for self-development and self-education.

Анализируя специфику готовности к саморазвитию и самообразованию студентов с ОВЗ и инвалидностью можно видеть, что доминирующей группой становятся респонденты со средним уровнем по всем исследуемым компонентам.

Далее, в табл. 3, систематизированы содержательные характеристики уровней сформированности к саморазвитию и самообразованию студентов с ОВЗ и инвалидностью в соответствии с результатами исследования.

Таблица 3

Специфика готовности к саморазвитию и самообразованию студентов с ОВЗ и инвалидностью.

Table 3

Specifics of readiness for self-development and self-education of students with disabilities.

Компоненты	Уровни сформированности к саморазвитию и самообразованию
Мотивационно-ценностный	<u>Низкий уровень (27%)</u> <i>Показатели:</i> равнодушное отношение к происходящему в учебном процессе; непонимание значимости самообразования для профессиональной деятельности; низкий уровень самоконтроля; отсутствие устойчивых представлений о саморазвитии и личностном росте как жизненной и профессиональной потребности <i>Причины:</i> необдуманный или несамостоятельный выбор профессии. <i>Источник развития:</i> внешние стимулы
	<u>Средний уровень (64%)</u> <i>Показатели:</i> большая мотивация на учебную деятельность, осознание образовательных достижений, понимание их значимости, но неуверенность в своих силах для их развития и совершенствования; ситуативная активность в самостоятельном поиске путей профессионально-личностного саморазвития; мотивы самостоятельного и глубокого приобретения профессиональных знаний выражены частично <i>Причины:</i> отсутствие самостоятельности, проявленность патерналистских тенденций <i>Источник развития:</i> внешние стимулы
	<u>Высокий уровень (9%)</u> <i>Показатели:</i> высокая мотивация на учебную деятельность, демонстрация готовности и потребности в профессионально-личностном саморазвитии; высокая степень информированности; широта представлений о профессионально-личностном саморазвитии и инструментах получения знаний; самостоятельность в суждениях и поступках <i>Причины:</i> внутренняя мотивация <i>Источник развития:</i> высокая убежденность в личной значимости саморазвития

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Когнитивно-операциональный	<u>Низкий уровень (44%)</u> <i>Показатели:</i> признаки психо-социально-незрелой личности, несформированная способность понимать окружающую действительность, слабые знания об инструментах профессионально-личностного саморазвития и способах освоения содержания образования; затруднения в самостоятельной формулировке проблемы и путях решения, отсутствие самостоятельности в исследовательской деятельности <i>Причины:</i> индивидуально-психологические особенности, самовосприятие себя как пассивного объекта действия <i>Источник развития:</i> внешние стимулы
	<u>Средний уровень (46%)</u> <i>Показатели:</i> затруднение при осуществлении самостоятельной работы, недостаточно развитая познавательная активность; недостаточно осознаваемые процессы саморегуляции и самоконтроля; в образовательной деятельности присутствуют отдельные творческие элементы и проявления самостоятельности в решении образовательных задач, чаще проявлена деятельность по шаблонам; выбор содержания в различных видах образовательной деятельности не обоснован <i>Причины:</i> неупорядоченная деятельность и поведенческая самоорганизация, неустойчивые личностные мотивы, неадекватная оценка собственных возможностей <i>Источник развития:</i> внешние обстоятельства, окружающие условия
	<u>Высокий уровень (10%)</u> <i>Показатели:</i> осознанное овладение знаниями в области профессионально-личностного саморазвития, активная позиция к освоению профессиональных дисциплин, к творчеству в ходе организации учебной деятельности; внутренняя потребность в исследовательской деятельности, активность в построении и реализации целей деятельности и выбора адекватного её содержания; сформированные навыки тайм-менеджмента <i>Причины:</i> понимание значимости самоорганизации и самообразования в профессиональной деятельности <i>Источник развития:</i> внутренняя мотивация, любознательность и стремление к постоянному улучшению
Рефлексивно-прогностический	<u>Низкий уровень (34%)</u> <i>Показатели:</i> недостаточность устойчивых представлений о саморазвитии и личностном росте как жизненной и профессиональной потребности; несформированность рефлексивных и аналитических умений; неустойчивость и недифференцированность самовосприятия <i>Причины:</i> актуализация экзистенциальных кризисов, сопровождающихся отсутствием стремления менять себя и свою жизнь к лучшему <i>Источник развития:</i> внешние стимулы
	<u>Средний уровень (61%)</u> <i>Показатели:</i> мотивация к самопознанию и самосовершенствованию проявлена в специально созданных условиях; осознание необходимости самоизменения в личностной и профессиональной сферах сопровождается формированием лишь первичных установок, определяющих смысл и ценность данного процесса; саморазвитие происходит хаотично, несистематически, хотя динамика самоизменения в целом положительная <i>Причины:</i> отсутствие самостоятельности, слабое владение специальными умениями <i>Источник развития:</i> внешние стимулы, актуализация специальных условий
	<u>Высокий уровень (5%)</u> <i>Показатели:</i> проявленная способность проектировать профессионально-личностное саморазвитие, выстраивать индивидуальные траектории образования, высокая активность при решении профессиональных и личностных задач <i>Причины:</i> сформированные рефлексивные умения <i>Источник развития:</i> внутренняя мотивация

Выводы

Готовность к саморазвитию, постоянному профессиональному самообразованию – один из основных показателей образованности, профессиональной самореализации, востребованности специалиста. Ответственная социальная задача по

выпуску высококвалифицированных специалистов высшей школой заключается, в том числе, в воспитании молодого специалиста, умеющего и желающего самостоятельно добывать информацию, осмысливать, делать выводы, применять получен-

ные знания и навыки на практике, мотивированного на саморазвитие и постоянное самообразование.

Студенты с инвалидностью и ОВЗ, проживающие в новых регионах Российской Федерации, имеют достаточный потенциал для личностного роста, определяемый такими факторами как понимание ограничений и возможностей своего развития, наличие внутренних мотивов и высокой убежденности в личной значимости процесса саморазвития, владение инструментами саморазвития и др. Необходимо учитывать и нивелировать характерные для студентов данной группы индивидуально-личностные факторы, как психологическая, социальная и информационная дезадаптация, неадекватная самооценка, неустойчивый уровень притязаний, недостаточная самоидентификация в плане профессионального выбора и дальнейшего жизненного пути, которые рассматриваются как ограничивающие саморазвитие и самообразование. При этом обучающиеся нуждаются в особой организации образовательной среды, которая обеспечит им необходимый импульс, окажет стимулирующее и направляющее воздействие. Комплекс мер по организации процесса формирования готовности к профессиональному самообразованию в условиях образовательной среды вуза может быть разработан на основе выделенной структуры и компонентов саморазвития и самообразования студентов с ОВЗ и инвалидностью.

Анализ и обобщение данных, полученных в ходе проведенного исследования, показывает, что компоненты готовности к саморазвитию и само-

образованию гармонично сочетаются. Осознание ценности и смысла своей жизни и образования, высокий уровень самоуправления и саморегуляции определяют готовность студентов с ОВЗ и инвалидностью к личностному и профессиональному саморазвитию и самообразованию (студенты с высоким уровнем). Понимание важности самостоятельной деятельности для собственного личного и профессионального развития, но при этом неготовность ее организации и ведения, ожидание помощи извне приводит к тому, что процессы саморазвития и самообразования осуществляются недостаточно осознанно (студенты со средним уровнем). Непонимание значимости самообразования для профессиональной деятельности и личностного развития, низкий уровень самоконтроля определяют отсутствие стремления менять себя и свою жизнь к лучшему (студенты с низким уровнем).

Невысокие количественные показатели сформированности готовности к саморазвитию и самообразованию, полученные в исследовании студентов с инвалидностью и ОВЗ, требуют дальнейшей разработки данной темы, в частности, поиска эффективных путей и условий, новых форм и методов работы в вузе, разработки методических рекомендаций. Отдельным направлением исследований является изучение влияния социальных и культурных компетенций на образовательные возможности студентов с инвалидностью и ОВЗ, а также разработка эффективных стратегий их социальной адаптации и интеграции в общество.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Научное проектирование подходов к развитию социальных компетенций у студентов с ОВЗ, с инвалидностью (ОТГЕ-2025-0026), Рег.номер 720000Ф.99.1.БН60АБ85000

Список источников

1. Бессарабова Ю.В., Журавлева Т.В., Джаубаев Ю.А. Фитнес-технологии как средство саморазвития студентов с ОВЗ в рекреационной среде вуза // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2017. № 1 (193). С. 103 – 108.
2. Бонкало Т.И., Гребенникова В.М. Соблюдение принципа инклюзии в системе высшего образования как условие успешной профессиональной подготовки студентов с инвалидностью и ОВЗ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3, Педагогика и психология. 2022. № 4 (308). С. 73 – 81.
3. Верховзина О.А., Поташова И.И. Научно-методические аспекты исследования учебно-профессиональной мотивации студентов с инвалидностью и ОВЗ в образовательных организациях высшего образования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 9 (196). С. 505 – 506.
4. Гаранина Ж.Г. Мотивация профессионального саморазвития студентов вуза, использующих дистанционные образовательные технологии // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д, Филология и психология. 2020. № 1. С. 133 – 137.

5. Мартынова Е.А., Романенкова Д.Ф. Педагогическое содействие в формировании способности к самообразованию лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в процессе инклюзивного обучения по программам высшего образования // Развитие инклюзии в высшем образовании: сетевой подход: сборник статей / под ред. В.В. Рубцова. М.: МГППУ, 2018. (Библиотека журнала «Психологическая наука и образование»). С. 40 – 46.
6. Медведев И.Ф. Концепция самообразования: основные понятия и структура // Образование и наука. 2012. № 2. С. 32 – 42.
7. Ожиганова Г.В. Саморазвитие, способность к саморазвитию и высшая способность к саморазвитию // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 6 (40). С. 190 – 198.
8. Шишкина А.А., Красавина Ю.В., Пономаренко Е.П., Гареев А.А. Особенности учебной мотивации студентов с нарушением слуха // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 5. С. 36 – 47.
9. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 N 1642 (ред. от 21.02.2025) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования".
10. Суханов П.В., Нурулин Р.Н. Структура самообразовательной деятельности студентов как педагогическая проблема // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 218.
11. Тимченко И.В. Профессиональное развитие студентов с ОВЗ в предметном поле современных педагогических исследований // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-4. С. 258 – 261.
12. Ульянова Е.В. Особенности институционализации волонтерского движения в современном российском обществе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 178. С. 85 – 92.

References

1. Bessarabova Yu.V., Zhuravleva T.V., Dzhaubaev Yu.A. Fitness technologies as a means of self-development of students with disabilities in the recreational environment of the university. Bulletin of Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2017. No. 1 (193). P. 103 – 108.
2. Bonkalo T.I., Grebennikova V.M. Compliance with the principle of inclusion in the system of higher education as a condition for successful professional training of students with disabilities. Bulletin of Adyghe State University. Series 3, Pedagogy and Psychology. 2022. No. 4 (308). P. 73 – 81.
3. Verkhozina O.A., Potashova I.I. Scientific and methodological aspects of the study of educational and professional motivation of students with disabilities and special needs in higher education institutions. Eurasian Law Journal. 2024. No. 9 (196). P. 505 – 506.
4. Garanina Zh.G. Motivation for professional self-development of university students using distance learning technologies. Bulletin of Donetsk National University. Series D, Philology and Psychology. 2020. No. 1. P. 133 – 137.
5. Martynova E.A., Romanenkova D.F. Pedagogical assistance in the formation of the ability to self-education of persons with disabilities and limited health opportunities in the process of inclusive education in higher education programs. Development of inclusion in higher education: a network approach: a collection of articles. edited by V.V. Rubtsov. M.: MGPPU, 2018. (Library of the journal "Psychological Science and Education"). P. 40 – 46.
6. Medvedev I.F. The concept of self-education: basic concepts and structure. Education and Science. 2012. No. 2. P. 32 – 42.
7. Ozhiganova G.V. Self-development, ability to self-development and higher ability to self-development. Scientific and pedagogical review. 2021. No. 6 (40). P. 190 - 198.
8. Shishkina A.A., Krasavina Yu.V., Ponomarenko E.P., Gareev A.A. Features of educational motivation of students with hearing impairments. Questions of Psychology. 2024. Vol. 70. No. 5. Pp. 36–47.
9. RF Government Resolution of 26.12.2017 N 1642 (as amended on 21.02.2025) "On approval of the state program of the Russian Federation "Education Development".
10. Sukhanov P.V., Nurulin R.N. The structure of students' self-educational activities as a pedagogical problem. Modern problems of science and education. 2016. No. 5. P. 218.

11. Timchenko I.V. Professional development of students with disabilities in the subject field of modern pedagogical research. Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 72-4. P. 258 – 261.

12. Ulyanova E.V. Features of the institutionalization of the volunteer movement in modern Russian society. Vestnik of Tambov University. Series: Humanities. 2019. Vol. 24. No. 178. P. 85 – 92.

Информация об авторах

Лапп Е.А., кандидат педагогических наук, доцент, Азовский государственный педагогический университет, lapp-elen1965@mail.ru

Елисеева Н.А., старший преподаватель, Азовский государственный педагогический университет, elis-natalja@rambler.ru

© Лапп Е.А., Елисеева Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 371.321.2

Использование модели замкнутого цикла для управления качеством образовательного процесса

¹ Новгородцева Т.Ю., ¹ Бурдуковская А.В., ¹ Иванова Е.Н., ¹ Пегасова Н.А.

¹ Иркутский государственный университет

Аннотация: в настоящее время при определении задач развития современного образования и его реформирования приоритетное место занимают вопросы обеспечения его качества, поэтому проблема повышения качества образования в последние годы приобрела максимальную актуальность. На сегодняшний день существуют различные направления повышения эффективности управления качеством образования в образовательном учреждении. К ним относятся: аккредитация образовательного учреждения, школьная система оценки качества образования, мониторинг образовательного процесса, внутришкольный контроль и др. Основные противоречия оценки качества образования обусловлены, во-первых, сложностью исследования данной проблемы, во-вторых, малой разработанностью подходов к решению данной проблемы. В статье предлагается модель замкнутого цикла для управления качеством образовательного процесса. Исследование проводилось в Педагогическом институте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» на примере базовой дисциплины «Профессиональная ИКТ-компетентность педагога». В качестве исходных данных использованы результаты текущей успеваемости обучающихся при выполнении лабораторных и тестовых заданий. При определении объема выборки применен выборочный метод, отбор обучающихся осуществлен на основе алгоритма случайного выбора. На основе SWOT-анализа проведена характеристика оценочных средств, включенных в рабочую программу дисциплины. Проверка гипотез выполнена на основе корреляционного анализа, в качестве критерия статистической надежности результатов использован критерий Стьюдента.

Ключевые слова: модель замкнутого цикла, качество образования, выборочный метод, алгоритм случайного выбора, SWOT-анализ, корреляционный анализ, критерий статистической надежности

Для цитирования: Новгородцева Т.Ю., Бурдуковская А.В., Иванова Е.Н., Пегасова Н.А. Использование модели замкнутого цикла для управления качеством образовательного процесса // Современный ученый. 2025. № 9. С. 201 – 208.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Using a closed-loop model to manage the quality of the educational process

¹ Novgorodtseva T.Yu., ¹ Burdukovskaya A.V., ¹ Ivanova E.N., ¹ Pegasova N.A.

¹ Irkutsk State University

Abstract: currently, when defining the tasks of developing modern education and its reform, the issues of ensuring its quality occupy a priority place, therefore, the problem of improving the quality of education in recent years has acquired maximum relevance. Today, there are various ways to improve the effectiveness of educational quality

management in an educational institution. These include: accreditation of an educational institution, a school system for assessing the quality of education, monitoring of the educational process, intra-school control, etc. The main contradictions in assessing the quality of education are due, firstly, to the complexity of the study of this problem, and secondly, to the lack of development of approaches to solving this problem. The article proposes a closed-loop model for managing the quality of the educational process. The study was conducted at the Pedagogical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Irkutsk State University" using the example of the basic discipline "Professional ICT competence of a teacher". The results of students' current academic performance during laboratory and test assignments were used as initial data. When determining the sample size, a selective method was used, and students were selected based on a random selection algorithm. Based on the SWOT analysis, the assessment tools included in the discipline's work program are characterized. Hypothesis testing was performed on the basis of correlation analysis, and the Student's criterion was used as a criterion for the statistical reliability of the results.

Keywords: closed-loop model, quality of education, selective method, random selection algorithm, SWOT analysis, correlation analysis, criterion of statistical reliability

For citation: Novgorodtseva T.Yu., Burdukovskaya A.V., Ivanova E.N., Pegasova N.A. Using a closed-loop model to manage the quality of the educational process. Modern Scientist. 2025. 9. P. 201 – 208.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Для современного образовательного учреждения понятие «качество образования» рассматривается как комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося. Оно отражает степень соответствия федеральным государственным образовательным стандартам

там и требованиям, а также потребностям физических и/или юридических лиц, в интересах которых осуществляется образовательная деятельность.

Проблема изучения качества образования включает в себя не только его понятие, но и методы оценки, способы повышения и особенности управления (рис. 1) [1, 4, 6, 7, 10].

Рис. 1. Качество образования: понятие, особенности, методы оценки, способы повышения.
Fig. 1. Quality of education: concept, features, assessment methods, ways of improvement.

Современное понимание качества образования – это не только измерение успеваемости и оценки знаний, а также доступность и равенство возможностей образования, адаптивность образовательных программ к изменяющимся потребностям общества [8, 9, 11, 12, 13].

Различают понятия: внешняя и внутренняя оценка качества образовательной деятельности. Под внешней оценкой понимается деятельность,

осуществляемая органами государственного управления образованием, профессиональными ассоциациями, независимыми экспертными организациями. Под внутренней оценкой – деятельность образовательной организации (руководство, педагогический состав, учащиеся, родители). Основные методы внутренней и внешней оценки качества образовательной деятельности приведены в табл. 1.

Таблица 1

Методы оценки качества образования.

Table 1

Methods for assessing the quality of education.

Метод	Описание
Анализ документов и записей	Изучение учебных планов, программ, отчетов и других документов, связанных с образовательной деятельностью, с целью установления соответствия требованиям и стандартам
Наблюдение и оценка процесса обучения	Посещение занятий с целью анализа работы преподавателей и учащихся, использования методик обучения и образовательных технологий
Опросы и анкетирование	Проведение опросов и анкетирования среди учащихся, преподавателей и родителей с целью получения оперативной обратной связи об удовлетворенности организации образовательного процесса
Тестирование и оценка знаний и умений учащихся	Проведение контрольных работ, тестов, экзаменов с целью текущей оценки уровня знаний, умений и навыков учащихся
Оценка ресурсов и инфраструктуры образовательной организации	Анализ материально-технической и информационной базы с целью определения ее доступности и эффективности использования

Материалы и методы исследований

Разработана модель замкнутого цикла управления качеством образования – предполагает постоянное повторение цикла с целью непрерывного

мониторинга организации учебного процесса – является эффективным инструментом усовершенствования образовательных практик, повышения результативности обучения (рис. 2).

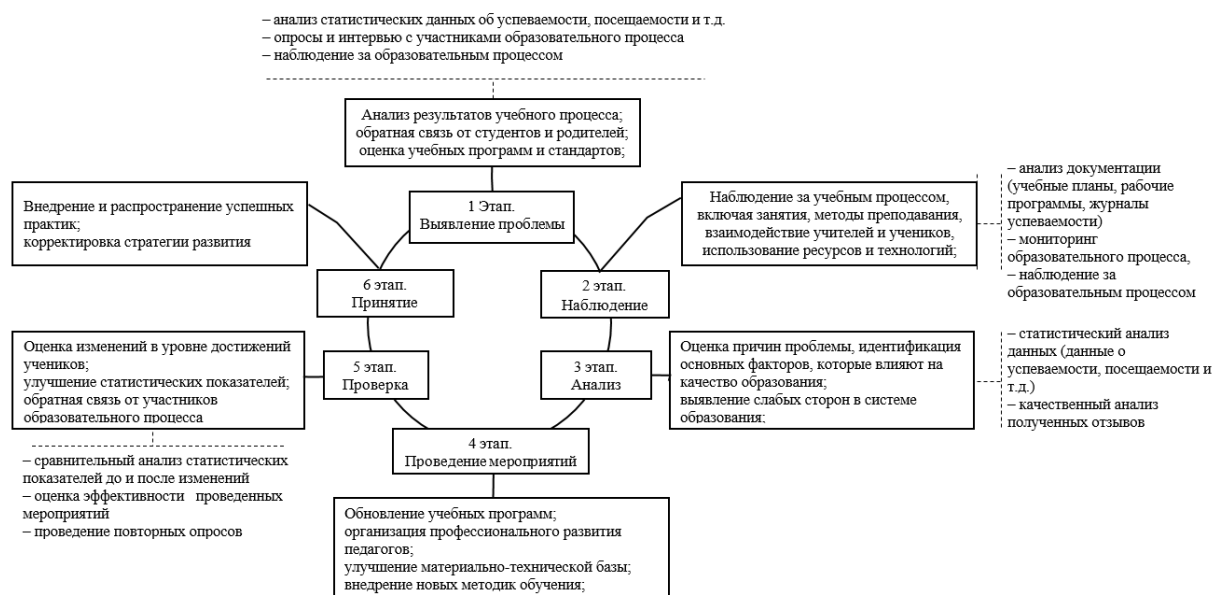

Рис. 2. Модель замкнутого цикла управления качеством образования.

Fig. 2. Closed-loop model of education quality management.

Внедрение модели замкнутого цикла управления качеством образования требует от педагогов и администраторов образовательных учреждений систематического и целенаправленного подхода к планированию, реализации, оценке и корректировке образовательных процессов.

Использование модели позволит выявлять проблемы на основе регулярных наблюдений и анализа учебного процесса, планировать корректировку рабочей программы дисциплины на следующий учебный год [5].

Основные этапы модели замкнутого цикла управления качеством образования.

Этап 1. Выявление проблемы. Анализ результатов текущего учебного процесса, обратной связи от учащихся и родителей, оценке учебных программ, стандартов и т.д.

Этап 2. Наблюдение. Получение представления о текущем состоянии и выявление проблемных ситуаций.

Этап 3. Анализ. Обработка полученных данных.

Этап 4. Проведение мероприятий. Принятие управленческих решений по внесению изменений в учебный процесс.

Этап 5. Проверка. Оценка введенных изменений в организацию учебного процесса.

Этап 6. Принятие решений. Оценка целесообразности дальнейшего внедрения проведенных изменений.

Модель замкнутого цикла управления качеством образования – эффективный инструмент для повышения эффективности образовательного процесса, обеспечивая непрерывное улучшение результатов обучения и развития обучающихся.

База исследования – Педагогический институт ФГБОУ ВО «ИГУ». Исследование проводилось на примере базовой дисциплины «Профессиональная ИКТ-компетентность педагога», которая реализуется кафедрой Информатики и методики обучения информатики при обучении студентов по направлениям укрупненной группы 44.00.00 «Образование и педагогические науки» на 1 курсе в 1 семестре.

Генеральная совокупность составила 608 человек. Выборочная совокупность (на основе алгоритма случайного выбора, при следующих параметрах: доверительная вероятность равна 95% при этом критическое значение t-критерия Стьюдента 1,96; ошибка выборки 0,05) равна 236 обучающихся.

Четыре преподавателя ведут данную дисциплину.

Исходные данные включают: № наблюдения (номер студента, включенного в выборку), Код группы, Код преподавателя (1, 2, 3, 4), Баллы за лабораторную работу (0-5), Баллы за текущее тестирование (0-5).

На основе исходных данных с использованием корреляционно-регрессионного анализа проведена проверка гипотез: «Существует ли зависимость между результатами защиты лабораторных работ и результатами промежуточного тестирования?»; «Существует ли зависимость между методикой обучения преподавателя и результатами промежуточной аттестации обучающихся?» [2].

Результаты и обсуждения

Результаты проведения корреляционного анализа представлены в табл. 2:

Таблица 2
Table 2

	Общая сумма баллов за защиту лабораторных работ	Общая сумма баллов по результатам тестирования	1	2	3	4
Общая сумма баллов за защиту лабораторных работ	1					
Общая сумма баллов по результатам тестирования	0,72	1				
1	0,16	0,17	1			
2	0,27	0,17	0,46	1		
3	0,16	0,24	0,32	0,28	1	
4	0,19	0,12	0,31	0,14	0,42	1

Выявлена тесная зависимость (парный коэффициент корреляции составил 0,72) между показателями «Общая сумма баллов за защиту лабораторных работ» и «Общая сумма баллов по результатам тестирования». Не выявлена теснота связи

между показателями «Общая сумма баллов за защиту лабораторных работ» и «Методика обучения преподавателя».

С целью проверки гипотез построена линейная модель множественной регрессии:

$$y_t = a_0 + a_1 x_{t1} + a_2 x_{t2} + a_3 x_{t3} + a_4 x_{t4} + \varepsilon_t, \quad t = 1, 2, \dots, n,$$

где

n – объем выборки (число обучающихся, вошедших в исследование),

y_t – общая сумма баллов за защиту лабораторных работ t -го обучающегося,

x_{t1} – общая сумма баллов по результатам тестирования t -го обучающегося,

x_{ti} – бинарные переменные для обозначения в модели преподавателей $i=2,3,4$,

$$x_{ti} = \begin{cases} 1, & \text{если в } t\text{-ом наблюдении } i \text{ преподаватель,} \\ 0, & \text{если в } t\text{-ом наблюдении не } i \text{ преподаватель,} \end{cases}$$

переменная для преподавателя с номером 1 является базовой, чтобы исключить линейную зависимость между векторами-наблюдениями,

ε_t – случайная ошибка модели.

Оценка параметров модели получена методом наименьших квадратов:

$$y_t = 16,23 + 12,33x_{t1} + 16,44x_{t2} + 11,39x_{t3} + 14,99x_{t4}, \quad t = 1, 2, \dots, 236.$$

Введем обозначения: гипотеза $H_0: a_1 = 0$ о статистической не значимости зависимости между результатами защиты лабораторных работ и результатами промежуточного тестирования; гипотеза $H_1: a_1 \neq 0$ о статистической значимости зависимости между результатами защиты лабораторных работ и результатами промежуточного тестирования. Проверка гипотезы выполнена с помощью критерия Стьюдента на уровне значимости 0,95: фактическое значение критерия Стьюдента составило 12,79; критическое значение равно 1,97, следовательно, принимается гипотеза H_1 .

Введем обозначения: гипотеза $H_0: a_i = a_j, i \neq j$ о статистической не значимости зависимости между

результатами защиты лабораторных работ и методики обучения преподавателей; гипотеза $H_1: a_i \neq a_j, i \neq j$ о статистической значимости зависимости между результатами защиты лабораторных работ и методики обучения преподавателей. Проверка гипотез (для каждой пары преподавателей) выполнена с помощью критерия Стьюдента на уровне значимости 0,95: фактические значения критерия Стьюдента составило 1,56; 0,84; 1,12; 1,05; критическое значение равно 1,97, следовательно, принимается гипотеза H_0 .

Выводы

В рамках исследования выполнена проверка статистических гипотез (табл. 2).

Таблица 2

Проверка статистических гипотез с помощью регрессионного анализа.

Table 2

Testing statistical hypotheses using regression analysis.

Гипотеза	Исходные данные для проверки	t-статистика	Вывод
«Существует ли зависимость между результатами защиты лабораторных работ и результатами промежуточного тестирования»	Общая сумма баллов за защиту лабораторных работ	12,79	Выявлена тесная зависимость между результатами защиты лабораторных работ и результатами промежуточного тестирования
	Общая сумма баллов по результатам тестирования		
«Существует ли зависимость между методикой обучения преподавателя и результатами промежуточной аттестации обучающихся»	Баллы за лабораторные работы	1,56	Методика обучения преподавателя не оказывает значимого влияния на результаты промежуточной аттестации обучающихся
		0,84	
		1,12	
	Код преподавателя	1,05	

В ходе исследования случайным образом отобраны 50 отчетов по лабораторным работам. По итогам экспертного анализа (эксперты – преподаватели, ведущие данную дисциплину) были получены следующие результаты: экспертами было

признано, что несамостоятельно выполненные лабораторные работы составили около 30%.

Подробный SWOT-Анализ оперативных методов повышения качества образования представлен в табл. 3.

Таблица 3

SWOT-Анализ оперативных методов повышения качества образования.

Table 3

SWOT analysis of operational methods for improving the quality of education.

Способы реализации по цели занятия	Сильные стороны	Слабые стороны
Типовые задания	1. Структурированность: учащиеся выполняют задания по шагам. 2. Повторение и закрепление: Много однообразных заданий позволяют учащимся повторить и закрепить изученный материал 3. Автоматизация: Чем больше раз учащийся выполняет однотипные задания, тем лучше они запоминаются и выполняются без необходимости активного размышления.	1. Однообразие: Много однообразных заданий может привести к утомлению и потере интереса учащихся. 2. Ограниченность: данные задания полезны для закрепления базовых навыков, но не всегда способствуют развитию более глубокого понимания и аналитических способностей. 3. Риск списывания: Так как все задания однотипные учащиеся легко могут их списать.
Задания по вариантам	1. Индивидуальность: Задания по вариантам позволяют каждому учащемуся работать над своим уникальным вариантом. 2. Активное участие: Учащиеся должны самостоятельно применять свои знания и принимать решения, что способствует развитию критического мышления и самостоятельности.	1. Сложность оценки: Учитель должен учитывать различия в подходах и решениях учащихся, что может потребовать дополнительного времени и усилий. 2. Дополнительные ресурсы: Задания по вариантам могут требовать дополнительных ресурсов и времени на подготовку индивидуальных вариантов для каждого ученика.
Профильно-ориентированные задания	1. Специализация: Учащиеся сосредотачиваются на задачах, связанных с их конкретным профилем обучения. 2. Практическое применение: Учащиеся применяют свои знания на практике и развивают практические навыки, необходимые для будущей работы. 3. Мотивация и интерес: так как обучающиеся работают над задачами, связанными с их профессиональными интересами, создается чувство значимости и увлеченности.	1. Отсутствие разнообразия: задания могут быть ограничены в разнообразии и предлагать схожие типы задач. 2. Ограниченность выбора: Задания по профилю могут ограничивать выбор учащихся и не учитывать их индивидуальные интересы и потребности. Это может привести к недостатку мотивации и учеников, которые не смогут найти себя в предлагаемых заданиях.

По результатам исследования принято решение о разработке учебно-методических материалов для дисциплины «Профессиональная ИКТ-компетентность педагога», которые будут включать: типовые задания, профильно-ориентированные задания по вариантам. Это поз-

волит снизить процент несамостоятельно выполненных работ и, как следствие, повысить качество образования. Разработано и внедрено в учебный процесс по 19 направлениям подготовки восемь лабораторных работ, в каждой из которых 30 вариантов [3].

Список источников

1. Абакумова Н.Н. Система мониторинга в образовании: учеб. пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 140 с.
2. Ахметджанова Г.В., Антонова И.В. Применение методов математической статистики в психолого-педагогических исследованиях: электронное учебное пособие. Тольятти: изд-во ТГУ, 2019.
3. Бурдуковская А.В., Новгородцева Т.Ю., Иванова Е.Н., Пегасова Н.А. Использование цифровых технологий в образовании [Электронный ресурс]: учебное пособие. Электрон. текст. дан.(13,5 Мб). Иркутск: Аспринт, 2024. 86 с. 1 электрон. опт. диск (DVD-R). Систем. требования: PC, Intel 1 Гц, 512 Мб RAM, 13,5 Мб свобод. диск. пространства; DVD-привод; ОС Windows XP и выше, ПО для чтения pdf-файлов
4. Варченко Е.И. Управление качеством образования в образовательном учреждении // Молодой ученый. 2019. № 3. С. 471 – 474.
5. Варшавская Е.В. Моделирование замкнутого цикла управления качеством образования // Наука и образование: проблемы и перспективы. 2018. № 4. С. 82 – 87.
6. Горева О.М., Осипова Л.Б. Управление системой образования в условиях повышения качества обучения // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 1.
7. Джамалдинова М.А., Возкаев С.С., Исакова Б.Л. Качество образования: инновационные тенденции и управление // Журнал прикладных исследований. 2022. № 6. С. 16.
8. Зотов А.С. Основные подходы к управлению качеством образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. № 1. С. 110 – 118.
9. Кравцов С.С. Основные направления развития общероссийской системы оценки качества образования // Педагогические измерения. 2019. № 2. С. 10 – 16.
10. Панасюк В.П., Третьякова Н.В. Качество образования: инновационные тенденции и управление: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. 201 с.
11. Рогачева Ю.А., Хайитов Х.О. Функции управления качеством образования // Экономика и социум. 2021. № 4-2. С. 83.
12. Сергеев А.Г. Управление качеством образования. Документирование систем менеджмента качества: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 158 с.
13. Черкашин О.Ю., Пономарев А.А. Вопросы комплексного функционального подхода к управлению качеством образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2020. № 3. С. 25.

References

1. Abakumova N.N. Monitoring system in education: textbook. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2018. 140 p.
2. Akhmetjanova G.V., Antonova I.V. Application of methods of mathematical statistics in psychological and pedagogical research: electronic textbook. Tolyatti: TSU Publishing House, 2019.
3. Burdukovskaya A.V., Novgorodtseva T.Yu., Ivanova E.N., Pegasova N.A. Use of digital technologies in education [Electronic resource]: textbook. Electronic text. data (13.5 MB). Irkutsk: Asprint, 2024. 86 p. 1 electronic optical disc (DVD-R). System requirements: PC, Intel 1 Hz, 512 MB RAM, 13.5 MB free disk space; DVD drive; OS Windows XP and higher, software for reading pdf files
4. Varchenko E.I. Education quality management in an educational institution. Young scientist. 2019. No. 3. P. 471 – 474.
5. Varshavskaya E.V. Modeling a closed loop of education quality management. Science and education: problems and prospects. 2018. No. 4. P. 82 – 87.
6. Goreva O.M., Osipova L.B. Education system management in the context of improving the quality of education. Modern problems of science and education. 2019. No. 1.
7. Dzhamaldinova M.A., Vozkaev S.S., Isakova B.L. Education quality: innovative trends and management. Journal of applied research. 2022. No. 6. P. 16.
8. Zotov A.S. Main approaches to education quality management. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. 2018. No. 1. P. 110 – 118.
9. Kravtsov S.S. Main directions of development of the all-Russian system of education quality assessment. Pedagogical measurements. 2019. No. 2. P. 10 – 16.
10. Panasyuk V.P., Tretyakova N.V. Education quality: innovative trends and management: monograph. Ekaterinburg: Publishing house of the Russian state prof. ped. University, 2018. 201 p.

11. Rogacheva Yu.A., Khaitov Kh.O. Education quality management functions. Economy and society. 2021. No. 4-2. P. 83.
12. Sergeev A.G. Education quality management. Documentation of quality management systems: a textbook for universities. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 158 p.
13. Cherkashin O.Yu., Ponomarev A.A. Issues of an integrated functional approach to education quality management. Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics. 2020. No. 3. P. 25.

Информация об авторах

Новгородцева Т.Ю., кандидат технических наук, доцент, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, д. 6, nfyz-31@mail.ru

Бурдуковская А.В., кандидат физико-математических наук, доцент, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, д. 6, buran_baikal@mail.ru

Иванова Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, д. 6, iimoi@mail.ru

Пегасова Н.А., кандидат педагогических наук, доцент, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, д. 6, pegasova2003@mail.ru

© Новгородцева Т.Ю., Бурдуковская А.В., Иванова Е.Н., Пегасова Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 796.011

Современная организация занятий физической культурой для подготовки студенток технического вуза к бегу

¹ Антипина Ю.В.

¹ Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: актуальность темы исследования состоит в том, что в условиях цифровизации и формирования нового социально-экономической модели жизнедеятельности, физическая активность среди молодежи снижается, и, на фоне гиподинамии, возникают проблемы со здоровьем требующие решения на уровне организации педагогического процесса. Целью настоящего исследования является современная организация занятий посредством разработки методики физической подготовки студенток технического вуза к бегу с учетом низкого уровня общей физической подготовленности, направленной на развитие качеств и показателей требующихся в беге, как форме физической активности для нынешнего поколения. Для достижения поставленной цели в исследовании были решены следующие задачи: проанализированы научно-исследовательские работы по вопросам физической подготовленности студентов, организации занятий физической культурой и кинематике бега; разработана и апробирована методика физической подготовки студенток. Методами исследования представлены анализ современных научно-исследовательских работ, педагогических практик и опыта по занятию со студентками, физической и функциональной диагностики, математической статистики, педагогический эксперимент.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: современное состояние физической активности требует решений в виде новых методик организации физической подготовки с учетом уровня подготовленности студенток и представляет собой актуальное направление проведения исследований, способствующее не только физическому развитию, но и формированию заинтересованности в занятиях физической культурой и популяризации здорового образа жизни.

Ключевые слова: занятия физической культурой, студентки, бег, техника бега, кинематика, координация, сила, обучение

Для цитирования: Антипина Ю.В. Современная организация занятий физической культурой для подготовки студенток технического вуза к бегу // Современный ученый. 2025. № 9. С. 209 – 214.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Modern organization of physical education classes to prepare female students of a technical university for running

¹ Antipina Yu.V.

¹ Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: the relevance of the research topic lies in the fact that in the context of digitalization and the formation of a new socio-economic model of life, physical activity among young people is decreasing, and, against the background of physical inactivity, health problems arise that require solutions at the level of the organization of the pedagogical process. The purpose of this study is the modern organization of classes through the development of methods of physical training of technical university students for running, taking into account the low level of general physical fitness, aimed at developing the qualities and indicators required in running as a form of physical activity for the current generation. To achieve this goal, the following tasks were solved in the study: scientific research works on the physical fitness of students, the organization of physical education classes and the kinematics of running were analyzed.; A method of physical training of female students has been developed and tested. The research methods include an analysis of modern scientific research, pedagogical practices and experience in teaching students, physical and functional diagnostics, mathematical statistics, and pedagogical experiment.

Based on the results of the study, the following conclusions were formulated: the current state of physical activity requires solutions in the form of new methods for organizing physical training, taking into account the level of preparedness of female students, and represents an urgent area of research that promotes not only physical development, but also the formation of interest in physical education and the promotion of a healthy lifestyle.

Keywords: physical education, female students, running, running technique, kinematics, coordination, strength, training

For citation: Antipina Yu.V. Modern organization of physical education classes for the preparation of technical university students for running. Modern Scientist. 2025. 9. P. 209 – 214.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 13, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), более 60% молодежи в возрасте 18-25 лет в мире не достигают рекомендуемых норм физической активности, что негативно сказывается на их здоровье и спортивной подготовке [2]. В России эта цифра составляет около 65%, что свидетельствует о необходимости разработки новых методов обучения и мотивации молодежи к физической активности [6]. В исследовательских работах последних лет отмечают значительный спад в уровне физической подготовки среди студентов вузов, в частности отмечают высокий уровень гиподинамии [5, 7, 9, 10]. На фоне развития информационных технологий и новой социально-экономической модели жизнедеятельности, позволяющей минимизировать двигательную активность в рабочей и бытовой сферах, физическая культура, как и физическая подвижность стали низкоприоритетными и утратили популярность особенно среди молодого поколения. В связи с этим отмечается рост заболеваемости и широкое распространение хронических заболева-

ний, а именно нарушений опорно-двигательного аппарата и сердечно-сосудистой системы. В своей работе А.Б. Габибов, Д.И. Жиренко и И.В. Чернов отмечают, что занятия физической культурой в вузе могут выступить не только как средство реабилитации, но и профилактике, а также видом борьбы с травматизмом и ухудшением здоровья студентов [3].

Наиболее доступной на сегодняшний день формой физической активности, способствующей поддержанию необходимого уровня физической активности, формы и здоровья, является бег. Но несмотря на кажущуюся простоту техники, в научных работах отмечают у студентов низкую эффективность выполнения движений и высокий риск травм, связанный с неправильной кинематикой движений во время бега. В работе А.С. Сидоренко, преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, отражено, что студенты при беге на короткие дистанции имеют комплекс ошибок, нарушающих структуру и ритм бега, приводящих к перераспределению усилий и более быст-

рой усталости [11]. И.Н. Грекалова в своих исследованиях так же отмечает необходимость проведения дополнительных тренировочных занятий с использованием специальных беговых упражнений для студентов с целью улучшения взаимодействия стопы с опорой в беге [4].

По данным исследований 2020 года, неправильная техника бега увеличивает риск травм нижних конечностей на 30-40% [4, 11]. Таким образом является актуальным разработка методики физической подготовки студенток к бегу, путем внедрения в организацию занятий физической культурой методов и средств, направленных на укрепление и подготовку мышц к беговой нагрузке, а также формированию правильной кинематики бега

Материалы и методы исследований

При проведении исследования проводилось изучение вопросов современного состояния студенток с точки зрения физического состояния и подготовленности, организации и методике занятий физической культурой в высших учебных заведениях, а также кинематике бега и профилактике травматизма. Нами были реализованы последовательные шаги, в ходе которых произведен опрос и тестирование студенток, отображающие их знания, предпочтения по занятиям физической культурой, и физические показатели соответственно. В качестве респонденток педагогического эксперимента было отобрано 50 девушек, обучающихся в ГУАП. Второй этап шел с сентября по декабрь и заканчивался промежуточным контрольным тестированием, отображающим изменения в уровне физической под-подавленности. Третий этап, длящийся с февраля по май, заканчивался аналогичным контрольным тестированием и подведением итогов по результатам анализа полученных данных.

В разработанную методику физической подготовки студенток были включены последовательно методы и средства по развитию подвижности, координации и силы нижних конечностей. Перво-степенной задачей в рамках развития физической подготовленности было обозначено развитие подвижности и координационных способностей, так как координационные навыки и наличие эластичности связок, гибкости обеспечивают выполнение корректных двигательных действий, с сопутствующим вовлечением только необходимых мышц. На занятиях применялись упражнения направленные на проработку подвижности тазобедренного и голеностопного суставов в первую очередь, а также на гибкость позвоночного столба. Координационные способности развивались посредством применения упражнений на гимнастической скамье и

балансировочной платформе. На втором этапе обучения, согласно методике, были добавлены методы и средства по развитию силовой выносливости и силы нижних конечностей. Средствами данного периода были представлены упражнения с собственным весом, с эспандерами и утяжелителями, направленными на проработку мышц стопы, голени, бедра и ягодичными: собирание мелких предметов одной ногой; продвижение на двух ногах вперед проталкиванием; удержания статического положения на одной ноге с опорой на пальцы ног и пятку, выполнение выпадов с аналогичной постановкой стопы. Так же использовался комплекс упражнений для профилактики травм илиотибиального тракта и синдрома «колена бегуна»: боковая планка с опорой на локоть и колена сверху лежащей ноги на скамью; ягодичный мост с отведением ноги в сторону, становая тяга на одной ноге на балансировочной платформе, поочередное отведение ноги в сторону в полуприседе, отведение колена в сторону с использованием сопротивления, выполнение приседа с удержанием стоп на носках [1].

Результаты и обсуждения

В контрольное тестирование, проводимое три раза в процессе педагогического эксперимента, были включены следующие оценочные средства: динамическая проба Ромберга (фиксировалось время удержания положения на одной ноге); пробегание 1000 метров с использованием датчика отслеживающего динамические характеристики бега (среднее вертикальное колебание и соотношение, распределение времени контакта с землей правой и левой ноги, частота шага). А также упражнения и системы оценки Functional Movement Screen (FMS), разработанной американскими физиотерапевтами Греем Куком и Ли Бартоном, для оценки недостатков в подвижности или стабильности, асимметрии или мышечного дисбаланса: глубокое приседание – выявляет степень отклонения в развитии мышечного корсета и эластичности связок по 6 точкам (мышцы плеч и верхней части спины, поясничные мышцы и мышцы брюшного пресса, ягодичные мышцы, мышцы передней поверхности бедра, задней поверхности бедра, икроножные мышцы, ахиллово сухожилие и мышцы стоп (обеспечивают устойчивое положение стоп параллельно друг другу и позволяют при приседаниях удерживать вес тела и отягощения на всей стопе (без отрыва пяток от опоры); перешагивание барьера и выпад вперед, палка за спиной в двух руках, стопы на одной линии – оценка способности сохранять устойчивость при движении в стойке на одной ноге [12]. Данные

упражнения оцениваются в соответствии с методикой FMS.

В результате педагогического эксперимента зафиксировано увеличение времени нахождения с закрытыми глазами и открытыми глазами на нестабильной поверхности на 43% у девушек, занимавшихся по разработанной методике и на 18% у контрольной группы. Полученные значения говорят об улучшении координационных возможностей и росте силы мышц стопы, ног. В динамических показателях бега получено уменьшение в показателе среднего вертикального колебания – 3,2 см и вертикального соотношения, отображающее отношение вертикального колебания к длине шага, на 5%. Также у респонденток ЭГ среднее распределение времени контакта с землей правой и левой ноги достигло значений 49,8% и 50,2% соответственно, тогда как у КГ наблюдался перекосяк на одну сторону.

По результатам FMS упражнений у ЭГ наименьшее количество баллов – 4 балла у ЭГ против 8 баллов КГ.

Если во входном тестировании было отмечено, что знания о значимости физической активности у студенток имелись базовые и значимости им они не предавали. После контрольного тестирования и снятия показаний с использованием датчиков, отображающих вертикальные колебания, рассказа преподавателя о значимости ударной нагрузки и возможных заболеваниях возникающих, в связи с этим, уровень заинтересованности на заключительном опросе вырос значительно. Так же было студентки ЭГ отметили эффективность занятий в части физической формы и улучшения состояния.

Использование управляющих воздействий в виде направленной коррекции тренировочного процесса для получения планируемых значений показателей командной скорости, определяющих модельную скорость, дает возможность команде достичь модельных значений этих показателей и выйти на необходимый уровень скорости. При этом коррекция тренировочного процесса на основе учета индивидуального уровня подготовленности спортсменов позволяет избегать перенапряжений слабых членов команды и подойти к соревнованиям в хорошем функциональном состоянии.

Выводы

Исследование показало, что в условиях снижения физической активности среди молодёжи необходимо разрабатывать новые методики физической подготовки, учитывающие уровень подготовленности студенток. Такие методики могут способствовать не только физическому развитию, но и формированию интереса к занятиям физической культурой, популяризации здорового образа жизни. Выявлено, что бег – эффективное средство поддержания необходимого уровня физической активности, однако неправильная техника бега повышает риск травм. Поэтому важно разрабатывать и внедрять методики, которые помогут сформировать правильную кинематику движений и подготовить мышцы к беговой нагрузке. Следует выделить больше внимания развитию координации движений в общем, подвижности и гибкости опорно-двигательного аппарата, и следующим этапом повышать уровень мышечной силы, так как сила в беге имеет непосредственное влияние на частоту шагов и скорости подъема стопы с опоры. Апробация разработанной методики засвидетельствовала рост показателей подготовленности и показала высокий процент эффективности. В процессе обучения с использованием разработанной нами методики студентки не только научились правильно, с наименьшими энергозатратами и рисками получения травмы, бегать, но и в первую очередь чувствовать свое тело, мышцы и силы, воздействующие на тело, что является одним из ведущих навыков в профилактике травматизма.

Новая методика занятий физической культурой, ориентированная на развитие техники бега у студенток технического вуза, демонстрирует высокую эффективность в формировании двигательных навыков, профилактике травматизма и укреплении здоровья. Это подтверждается результатами исследований, которые показывают положительное влияние на физическую подготовленность, снижение риска травм и улучшение психоэмоционального состояния. Таким образом, внедрение данной методики способствует популяризации здорового образа жизни и повышению уровня физической активности среди студенток.

Список источников

1. Антипина Ю.В. Оценка эффективности комплекса упражнений при подготовке триатлонистов: обобщение результатов педагогического эксперимента // Современное педагогическое образование. 2024. № 1. С. 85 – 87.

2. Всемирная организация здоровья. Почти 1,8 млрд взрослых подвергаются риску заболеваний по причине недостаточной физической активности. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/26-06-2024-nearly-1.8-billion-adults-at-risk-of-disease-from-not-doing-enough-physical-activity> (дата обращения: 24.01.2025)

3. Габиров А.Б. Особенности организации физической культуры как средства реабилитации здоровья студентов // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики: Материалы национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет. 2021. С. 134 – 138.
4. Грекалова И.Н. Особенности взаимодействия стопы с опорой в беге и специальных беговых упражнениях у квалифицированных спортсменов и студенток непрофильных вузов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 10 (80). С. 73 – 78.
5. Кабаргина А.А., Севодин С.В. Физическая культура и спорт в жизни студента // Вопросы педагогики. 2021. № 2-1. С. 63 – 66.
6. Котова М.Б. и др. Уровни и виды физической активности в России по данным исследования ЭССЕ-РФ: есть ли след пандемии COVID-19? // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22. № 8S. С. 3787. doi:10.15829/1728-8800-2023-3787
7. Лопатин Л.А., Васенков Н.В., Шарыпова Т.П., Биккина Л.И., Рихтер И.К. Пути решения проблемы повышения мотивации к занятиям физической культурой // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 3 (205). С. 239 – 241.
8. Никитина Е.В., Пьянзин А.И. Кинематические особенности поздней техники бега // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2010. №1 (14). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematicheskie-osobennosti-poznoy-tehniki-bega> (дата обращения: 14.03.2025)
9. Носков Е.А., Абзалова С.В. Актуальные проблемы преподавания физической культуры в высшей школе // Вопросы педагогики. 2021. № 2-1. С. 113 – 115.
10. Петрова К.Т. Влияние занятий оздоровительной аэробикой на функциональное состояние и физическое развитие студентов педагогических колледжей // Теория и практика физической культуры. 2022. № 9. С. 81 – 83.
11. Сидоренко А.С. Эффективность самостоятельной подготовки студентов в беге на короткие дистанции // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе : Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Воронежская государственная академия спорта, 08-09 октября 2024 года. Воронеж. 2024. С. 249 – 253.
12. Mackenzie Cole Assessment of Functional Movement Screening by assessor of three different skill levels [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/316753696_Assessment_of_Functional_Movement_Screening_by_assessor_of_three_different_skill_levels

References

1. Antipina Yu.V. Evaluation of the effectiveness of a set of exercises in the preparation of triathletes: generalization of the results of a pedagogical experiment. Modern pedagogical education. 2024. No. 1. P. 85 – 87.
2. World Health Organization. Nearly 1.8 billion adults are at risk of disease due to insufficient physical activity. [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/26-06-2024-nearly-1.8-billion-adults-at-risk-of-disease-from-not-doing-enough-physical-activity> (date of access: 24.01.2025)
3. Gabibov A.B. Features of the organization of physical education as a means of rehabilitation of students' health. Physical education and sports in higher educational institutions: topical issues of theory and practice: Proceedings of the national scientific and practical conference, St. Petersburg, November 16-18, 2021. St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University. 2021. P. 134 – 138.
4. Grekalova I.N. Features of the interaction of the foot with the support in running and special running exercises in qualified female athletes and students of non-core universities. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2011. No. 10 (80). P. 73 – 78.
5. Kabargina A.A., Sevodin S.V. Physical education and sports in the life of a student. Issues of pedagogy. 2021. No. 2-1. P. 63 – 66.
6. Kotova M.B. et al. Levels and types of physical activity in Russia according to the ESSE-RF study: is there a trace of the COVID-19 pandemic? Cardiovascular Therapy and Prevention. 2023. Vol. 22. No. 8S. P. 3787. doi:10.15829/1728-8800-2023-3787
7. Lopatin L.A., Vasenkov N.V., Sharypova T.P., Bikkinina L.I., Richter I.K. Ways to solve the problem of increasing motivation for physical education. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 3 (205). P. 239 – 241.

8. Nikitina E. V., Pyanzin A. I. Kinematic features of the postural running technique. Pedagogical-psychological and medical-biological problems of physical education and sports. 2010. No. 1 (14). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematicheskie-osobennosti-poznoy-tehniki-bega> (date of access: 03.14.2025)
9. Noskov E.A., Abzalova S.V. Actual problems of teaching physical education in higher education. Issues of pedagogy. 2021. No. 2-1. P. 113 – 115.
10. Petrova K.T. The influence of health aerobics classes on the functional state and physical development of students of pedagogical colleges. Theory and practice of physical education. 2022. No. 9. P. 81 – 83.
11. Sidorenko A.S. Efficiency of independent training of students in short-distance running. Physical education, sports and health in modern society: Collection of scientific articles of the International scientific and practical conference, Voronezh State Academy of Sports, October 8-9, 2024. Voronezh. 2024. P. 249 – 253.
12. Mackenzie Cole Assessment of Functional Movement Screening by assessor of three different skill levels [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/316753696_Assessment_of_Functional_Movement_Screening_by_assessor_of_three_different_skill_levels

Информация об авторе

Антипина Ю.В., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП), uliasha@list.ru

© Антипина Ю.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.1

Физиологические основы силы воли и её влияние на эффективность педагогического процесса у подростков, обучающихся в вузе

¹ Бабенко А.К., ¹ Терентьева О.С., ¹ Бахмутов Н.В.

¹ Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Аннотация: исследование посвящено выявлению взаимосвязей между волевыми качествами студентов-подростков и физиологическими показателями, а также влиянию этих факторов на результаты обучения. Актуальность работы обусловлена поиском способов повышения эффективности педагогического процесса за счёт развития силы воли учащихся. В статье была предпринята попытка обосновать значимость волевой саморегуляции в учебной деятельности и предложить интегральный подход, сочетающий психологическую диагностику силы воли с оценкой физиологических параметров. Полученные данные позволяют задуматься о биологической основе волевых качеств, самоконтроля и подчёркивают важность учёта волевых и физиологических особенностей, обучающихся в образовательной практике. В исследовании участвовали 88 человек (64 юноши, 24 девушки, 18-19 лет). Использованы тесты «Сила воли» Н.С. Смирновой, «Саморегуляция» В.И. Моросановой, «Учебная мотивация» Н.Ц. Бадмаева и проба Руффье для оценки ЧСС. Успеваемость анализировалась по среднему баллу, посещаемости и активности. Данные обработаны статистически с расчётом средних и распределений.

Большинство студентов показали средний уровень силы воли (84,1%), мотивации (77,3%) и саморегуляции (69,3%). Наблюдались неожиданные результаты: студенты с низким уровнем воли и мотивации демонстрировали более высокий средний балл (4,30 и 4,14 соответственно), чем с высоким (3,63 и 4,00). Индекс Руффье выявил вариабельность кардиореспираторной выносливости (40,9% средний уровень), подтвердив свою пригодность для скрининга физиологической устойчивости. Результаты подчёркивают многофакторность учебного успеха и необходимость интеграции программ развития воли и здоровья. Пилотное исследование, ограниченное гомогенной выборкой, закладывает основу для лонгитюдных работ с HRV и экологическими данными. Новизна заключается в редкой для России интеграции физиологических маркеров.

Ключевые слова: сила воли, саморегуляция, мотивация, индекс Руффье, академическая успеваемость, подростковый возраст, педагогический процесс, сердечный ритм

Для цитирования: Бабенко А.К., Терентьева О.С., Бахмутов Н.В. Физиологические основы силы воли и её влияние на эффективность педагогического процесса у подростков, обучающихся в вузе // Современный ученый. 2025. № 9. С. 215 – 225.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Physiological bases of willpower and its influence on the effectiveness of the pedagogical process in adolescents studying in higher education

¹ Babenko A.K., ¹ Terentyeva O.S., ¹ Bakmutov N.V.

¹ *Tambov State University named after G.R. Derzhavin*

Abstract: the study is devoted to the identification of interrelations between the willpower qualities of adolescent students and physiological indicators, as well as the influence of these factors on learning outcomes. The relevance of the work is due to the search for ways to improve the effectiveness of the pedagogical process through the development of students' willpower. In the article an attempt was made to substantiate the significance of willpower self-regulation in learning activity and to propose an integral approach that combines psychological diagnostics of willpower with the assessment of physiological parameters. The obtained data allow us to think about the biological basis of volitional qualities, self-control and emphasize the importance of taking into account the volitional and physiological characteristics of students in educational practice. The study involved 88 people (64 boys, 24 girls, 18-19 years old). The tests "Willpower" by N.S. Smirnova, "Self-regulation" by V.I. Morosanova, "Learning motivation" by N.Ts. Badmaev and Ruffier test for HR estimation. Academic performance was analyzed by grade point average, attendance and activity. The data were processed statistically with calculation of averages and distributions.

Most of the students showed an average level of willpower (84.1%), motivation (77.3%) and self-regulation (69.3%). Unexpected results were observed: students with low levels of willpower and motivation showed higher mean scores (4.30 and 4.14, respectively) than those with high levels (3.63 and 4.00). The Ruffier index revealed variability in cardiorespiratory endurance (40.9% mean), confirming its suitability for screening physiological resilience. The results underscore the multifactorial nature of academic success and the need to integrate will and health development programs. The pilot study, limited to a homogeneous sample, lays the foundation for longitudinal work with HRV and environmental data. The novelty lies in the integration of physiological markers, which is rare in Russia.

Keywords: willpower, self-regulation, motivation, Roffier index, academic performance, adolescence, pedagogical process, heart rate

For citation: Babenko A.K., Terentyeva O.S., Bakmutov N.V. Physiological bases of willpower and its influence on the effectiveness of the pedagogical process in adolescents studying in higher education. Modern Scientist. 2025. 9. P. 215 – 225.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 14, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Воля традиционно рассматривается как высшая психическая функция, отвечающая за сознательную саморегуляцию поведения в условиях препятствий и отвлекающих влияний. В отечественной психологии воля определяется как свойство психики, проявляющееся в активном управлении своей деятельностью вопреки внутренним и внешним барьерам.

Р.С. Немов в словаре – справочнике по психологии приводит семь определений воли, остановимся на трех, так как они представляют интерес в контексте нашего исследования.

1. Воля – это некоторая внутренняя сила психологического свойства, которая способна управлять другими психологическими явлениями и поведением человека.

2. Воля – форма внутреннего контроля поведения, осуществляемого самим человеком и связанного с его сознанием, мышлением, принятием решений и их последующим выполнением.

3. Воля – это то, благодаря чему человек способен ставить перед собой труднодостижимые цели и достигать их, преодолевая серьезные внутренние и внешние препятствия на своем пути.

Именно волевые процессы позволяют личности удерживать мотивированность и достигать поставленных целей, преодолевая соблазны и усталость, но одной мотивации и способностей недостаточно для успеха: чтобы добиться результата, необходима развитая волевая саморегуляция, другими словами, целеустремленность и настойчивость выступают ключевыми факторами успешного обучения, дополняя когнитивные способности,

а связь между мотивацией и волей является общепризнанной, в истории исследования данной проблемы можно выделить как минимум три различных подхода:

- 1) практически отождествляет мотивацию и волю;
- 2) не отождествляет мотивацию и волю, хотя и не отрицает наличия тесной связи между ними;
- 3) вообще ставит под сомнение связь воли с мотивацией.

Таким образом, воля как психологический механизм является полифункциональным явлением, позволяющим человеку сознательно управлять своими действиями [4, 7, 8, 9].

Волевые качества тесно связаны с умениями саморегуляции и контролем импульсов, самоконтроль в свою очередь, или способность соотносить свои действия с долгосрочными целями, лежит в основе академической дисциплины. Согласно исследованиям (Е.П. Ильин, Л.Д. Божович, В.В. Давыдов, О.А.), уровень самодисциплины в значительной мере предопределяет академические достижения учащихся, поскольку сильная воля помогает студентам придерживаться учебного плана, своевременно выполнять задания и противостоять отвлекающим факторам учебной среды. Напротив, недостаток волевой саморегуляции проявляется в прокрастинации, неспособности сосредоточиться и довести дело до конца, что негативно сказывается на успеваемости [4, 8, 9].

Важно подчеркнуть, что сила воли имеет не только психологическую, но и физиологическую основу. Современные исследования таких авторов (Ю.А. Алесандров, В.М. Бехтерев, Б.Г. Синани, С.Н. Мурашко и др) указывают на существование объективных индикаторов самоконтроля в работе нервной и сердечно-сосудистой систем, и вариабельность сердечного ритма рассматривается как информативный показатель “резерва” силы воли: высокая вариабельность сердечного ритма коррелирует с лучшей способностью человека противостоять искушениям, справляться со стрессовыми ситуациями [1, 5, 12].

Экспериментально показано, что активное сопротивление отвлекающим факторам (например, пойти на учебу, несмотря на желание пропустить) сопровождается повышением вариабельности сердечного ритма, отражающим мобилизацию волевых ресурсов. Сердечный ритм регулируется балансом симпатической и парасимпатической нервной системы, поэтому способность организма быстро восстанавливать пульс после нагрузки может свидетельствовать о высоком адаптационном резерве, связанном с саморегуляцией, в то время как индекс Руффье, используемый для оценки

функционального состояния сердечно-сосудистой системы, интегрально характеризует реакцию сердца на нагрузку и восстановление. Предполагается, что более тренированный, стрессоустойчивый организм обеспечит большую устойчивость психики при волевом усилии, а физиологические показатели (например, частота сердечных сокращений и индекс Руффье) могут служить объективными коррелятами силы воли [2, 6, 13, 15].

Подростковый возраст студентов первых курсов вуза является одним из самых трудных и сложных из возрастов, представляющий особый, кризисный период становления личности, поскольку перед подростками, переходящими из детства во взрослую жизнь, возникает множество сложных проблем, которые они не способны решить, опираясь на собственный опыт. Этот период наличествует возможность активного формирования навыков самоконтроля и самостоятельной организации деятельности и успешность адаптации первокурсника к условиям получения высшего образования, а именно: смены школьной системы обучения с ежедневным контролем на относительно свободное получение знаний и контроля только в период сессии. Исследование физиологических основ силы воли у студентов-подростков, обучающихся в вузе, представляет особый интерес для педагогики и возрастной психофизиологии [3, 4, 7].

Цель данного исследования – установить, соответствие волевых характеристик личностей исследуемого контингента физиологическим показателям, косвенно свидетельствующим о возможности проявления определенного уровня силы воли, а также успешности в учебной деятельности. Для достижения этой цели реализован комплексный подход, объединяющий психологическое тестирование силы воли, измерение параметров сердечного ритма как информативного показателя “резерва” силы воли и анализ академических результатов как дифференциацию достижений в период сессии среди участников исследования [2, 17, 21].

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие 88 студентов (64 юношей и 24 девушки) 18-19 лет, обучающихся на первом курсе вуза. От участников эксперимента были получены информированные согласия на проведение измерения физиологических показателей, а также анкетирования. В качестве инструмента психологической оценки использовались следующие методики тестирования: «Сила воли» Н.С. Смирновой; «Саморегуляция» В.И. Моросанова; «Учебная мотивация» Н.Ц. Бадмаев, предназначенные для количественного измерения выраженности волевых качеств личности, и испы-

туемые отвечали на ряд вопросов, а по их результатам которых вычислялся суммарный балл силы воли; также на основе шкалы методики выделялись три категориальных уровня развития волевых качеств: низкий, средний и высокий [7, 11, 16].

Физиологические параметры функционального состояния измерялись с помощью пробы Руффье, при которой каждый испытуемый проходил следующий протокол: в покое: фиксировалась исходная частота сердечных сокращений (ЧСС, уд/мин); затем испытуемый выполнял 30 приседаний за 45 секунд, после чего сразу измерялась ЧСС; через 1 минуту отдыха вновь регистрировалась ЧСС. На основании трех замеров (до нагрузки, сразу после и через 1 минуту) вычислялся индекс Руффье по формуле

$$RI = \frac{P_0 + P_1 + P_2 - 200}{10},$$

где P_0 – ЧСС в покое, регистрируется в последних 30 с трехминутного сидения; P_1 – ЧСС сразу после выполнения 30 приседаний за 45 с; P_2 – ЧСС через 60 с восстановления положения сидя; 200 – эмпирическая константа, отражающая средний возрастной норматив; деление на 10 – переводит суммарный избыток ЧСС в условную шкалу 0-20. Характеризующий способность сердечно-сосудистой системы справляться с физической нагрузкой. Низкие значения индекса Руффье соответствуют лучшей физической подготовке и более быстрому восстановлению пульса. Сам же индекс Руффье был выбран в качестве основного физиологического маркера в исследовании благодаря его простоте, доступности и информативности при оценке кардиореспираторной выносливости (Р.М. Баевский, А.Г. Черникова) [2, 6, 15]. В отличие от лабораторных методов, таких как измерение вари-

абельности ЧСС (HRV), требующих специализированного оборудования, пульсовой тест с индексом Руффье легко реализуем в аудиторных условиях вуза, что делает его оптимальным для скрининга больших групп студентов (В.В. Васильев, О.В. Кулакова). Высокая вариабельность индекса в выборке (31,8% низкий, 40,9% средний, 27,3% высокий, таблица 1) подтверждает его способность дифференцировать физиологическую устойчивость, что важно для выявления студентов, уязвимых к переутомлению. Выбор индекса также обусловлен его широким применением в спортивной физиологии и педагогике, что обеспечивает сопоставимость результатов с другими исследованиями (А.В. Кузнецов, В.М. Платонов) [10, 13].

Для оценки эффективности учебной деятельности каждого участника регистрировались показатели его академической успеваемости, при этом в качестве критериев результативности учебной деятельности анализировались: посещаемость студентами за семестр, его академическая активность по ходу семестра, а также в качестве итогового показателя использовались результаты сессии за семестр обучения. Данные об успеваемости также конвертированы в трехуровневую шкалу: высокий уровень (отличные оценки); средний (хорошие оценки); низкий (удовлетворительные и неудовлетворительные результаты) [17].

Полученные данные обрабатывались статистическими методами. Выполнен расчет средних величин и стандартных отклонений физиологических показателей по каждому показателю для всей выборки. Сопоставлены распределения испытуемых по уровням силы воли и уровням академической успешности [3].

Результаты и обсуждения

Средние показатели сердечного ритма и индекса Руффье у участников исследования ($M \pm \sigma$) (N 88).
Таблица 1

Table 1

Average heart rate and Ruffier index values in study participants ($M \pm \sigma$) (N 88).		
Показатель	$M \pm m$	Диапазон колебаний
ЧСС в покое (уд/мин)	66,0±5,3	58–75
ЧСС после (уд/мин)	105,9±11,1	84–131
ЧСС через 2 мин (уд/мин)	78,4±7,5	63–94
Δ ЧСС (уд/мин)	39,9±9,9	26–59
Индекс Руффье	5,1±1,9	1,2±9,2
Примечание: Категории индекса Руффье: низкий (<4), средний (4–6), высокий (>6).		

Как видно из табл. 1, средняя частота сердечных сокращений (ЧСС) у студентов в покое составила около $66,0 \pm 5,3$ уд/мин, что соответствует нормальным возрастным значениям. Нагрузка (приседания) вызвала существенное учащение пульса средняя ЧСС сразу после выполнения упражнения достигла $\sim 105,9 \pm 11,1$ уд/мин, свидетельствуя об активной сердечно-сосудистой реакции на физическое усилие. Спустя одну минуту восстановления пульс в среднем снизился до $\sim 78,4 \pm 7,5$ уд/мин, демонстрируя тенденцию к возвращению к исходному уровню. Расчётный индекс Руффье в исследуемой группе составил в среднем $5,1 \pm 1,9$ условных единицы, что соответствует удовле-

творительному уровню функциональной устойчивости к нагрузке, поскольку показатель находится в границах среднего уровня: он ниже критического значения, указывающего на совсем низкую физическую работоспособность (>6), однако и не достигает диапазона, характеризующего отличное состояние (условно <4). Таким образом, в целом испытуемые продемонстрировали средний уровень тренированности сердечно-сосудистой системы, что означает, что скорость восстановительных процессов после кратковременной нагрузки у большинства студентов находится на среднем уровне, без явных отклонений в сторону ни отличной, ни низкой выносливости [10, 13, 15].

Таблица 2

Распределение уровней волевых качеств по самооценке участников (N 88).

Table 2

Distribution of levels of volitional qualities according to self-assessment of participants (N 88).

Показатель	Низкий (n / %)	Средний (n / %)	Высокий (n / %)	Всего (n)	Преобладающий уровень
Тест «Силы воли»	6 (6.8 %)	74 (84.1 %)	8 (9.1 %)	88	Средний
Тест «Мотивации»	8 (9.1 %)	68 (77.3 %)	12 (13.6 %)	88	Средний
Тест «Саморегуляции»	5 (5.7 %)	61 (69.3 %)	22 (25.0 %)	88	Средний

По данным табл. 2, большинство участников (84,1 %) отнесли свою силу воли к среднему уровню, часть студентов (9,1 %) продемонстрировали высокий уровень волевых качеств, тогда как низкая сила воли отмечена у 6,8 % выборки. Иными словами, у преобладающей части обследованных волевые качества развиты в среднем степени, без ярко выраженной дефицитности, но и без исключительной выраженности, а каждый четвертый подросток оценивает свою силу воли как высокую, что свидетельствует о достаточно критичном отношении большинства к собственным волевым

ресурсам, но небольшая доля респондентов с низкой волей (6,8 %) указывает на наличие группы риска, которой потенциально могут требоваться специальные условия и методы педагогической поддержки для развития самодисциплины. В целом полученное распределение согласуется с ожидаемым: экстремально низкие или, напротив, выдающиеся волевые качества встречаются относительно редко, а для основной массы учащихся характерен средний уровень сформированности волевой сферы [9, 14, 16].

Таблица 3

Распределение уровней учебной успеваемости и активности студентов (N 88).

Table 3

Distribution of levels of academic performance and student activity (N 88).

Показатель	Низкий (n / %)	Средний (n / %)	Высокий (n / %)	Всего (n)	Преобладающий уровень
Средний балл	16 (18.2 %)	51 (58.0 %)	21 (23.9 %)	88	Средний
Посещаемость	23 (26.1 %)	45 (51.1 %)	20 (22.7 %)	88	Средний
Аудиторная активность	40 (45.5 %)	29 (33.0 %)	19 (21.6 %)	88	Низкий

Результаты успеваемости (табл. 3) показывают о существенной дифференциации академической успеваемости среди участников эксперимента. Лишь 23,9 % студентов продемонстрировали вы-

сокий уровень успеваемости, успешно сдав сессию преимущественно на «отлично», а большая часть выборки (58 %) характеризуется средним уровнем академических результатов – эти студенты в ос-

новном учатся на «хорошо», удовлетворяя базовые требования программы без серьёзных провалов, но доля учащихся (18,2 %) имеет низкий уровень успеваемости, то есть встречаются удовлетворительные оценки и возможны неудачи в сдаче отдельных дисциплин. Таким образом, примерно каждый третий студент испытывает выраженные трудности в учебе, что отражает актуальность поиска причин и факторов, влияющих на качество обучения, а в разрезе рассматриваемой проблемы

это означает, что при прочих равных условиях волевые и физиологические особенности могут играть роль в том, к какой из указанных категорий успеваемости попадёт конкретный студент. Уже на описательном уровне можно предположить, что высокая учебная результативность, показанная немногими студентами, может быть связана именно с развитостью их волевых качеств и способностью преодолевать трудности учебного процесса [17, 20, 21].

Соотношение уровней силы воли, индекса Руффье и среднего балла успеваемости (N 88). Таблица 4

The relationship between levels of willpower, Ruffier index and grade point average (N 88). Table 4

Уровень силы воли	Число студентов, n (%)	Индекс Руффье, усл. ед. (уровень)	Академическая успеваемость (средний балл по итогам сессии)
Высокий	8 (9,1 %)	4,7 (средний)	3,63 (средний)
Средний	74 (84,1 %)	5,2 (средний)	3,90 (средний)
Низкий	6 (6,8 %)	4,4 (средний)	4,30 (высокий)

Анализ взаимосвязи силы воли с физиологическими и академическими показателями, представленный в табл. 4, выявил неоднозначные тенденции, требующие дальнейшего изучения. Распределение по уровням силы воли, измеренным тестом Н.С. Смирновой, показало преобладание среднего уровня (84,1%, n=74), с минимальной долей участников с высоким (9,1%, n=8) и низким (6,8%, n=6) уровнями была незначительной, и при этом физиологические показатели, оценённые индексом Руффье, продемонстрировали средний уровень кардиореспираторной выносливости во всех группах (4,4–5,2, категория «средний»), с незначительными различиями, но студенты с низким уровнем силы воли показали лучший индекс Руффье (4,4), указывающий на более высокую выносливость, тогда как группа со средним уровнем воли имела худший показатель (5,2). Эти данные противоречат ожидаемой связи высокого волевого ресурса с лучшей физиологической адаптацией, что может быть связано с ограниченной вариабельностью индекса в выборке или влиянием неконтролируемых факторов, таких как уровень физической подготовки, психоэмоционального состояния, режима дня, учебной нагрузки студентов и т.д. (В.В. Васильев, О.В. Кулакова) [2, 3, 6, 10].

Академическая успеваемость, измеренная средним баллом по итогам семестра, также не подтвердила гипотезу о положительной связи с силой воли, студенты с низким уровнем воли продемонстрировали наивысший средний балл (4,3, категория «высокий»), тогда как группа с высоким уровнем

воли показала более низкий результат (3,63, категория «средний»). Это парадоксальное наблюдение может быть обусловлено ситуативным характером волевых усилий, как отмечено в исследованиях (A.L. Duckworth, M.E.P. Seligman). Самоотчёты о воле слабо предсказывают академические исходы, и, поскольку успех в учебном процессе включает в себя множество факторов, вероятно, которые снижают вклад силы воли, что согласуется с низкой объяснительной способностью полученных результатов (табл. 4), также нельзя не отметить дисбаланс выборки по полу (64 юноши против 24 девушек) и малый размер групп с крайними уровнями воли (n=8 и n=6) дополнительно ограничивают статистическую мощность анализа, требуя осторожности в выводах [3, 17, 21].

По нашему предположению, ещё одним не менее важным фактором, влияющим на полученные результаты, мог стать – социокультурные особенности, которые обусловлены местом взросления личности (город, деревня, поселок), и этот фактор потенциально мог повлиять на результаты из-за отличия повседневной физической активности, воспитания и адаптации в городской среде пребывания.

Несмотря на отсутствие значимых связей, пульсовой тест, включающий индекс Руффье, подтвердил свою ценность как скрининговый инструмент, выявляя вариабельность физиологической устойчивости (27,3% студентов с низким индексом <4, 31,8% с высоким >6 и с средним показателем диапазоне от 4 до 6, составило 40,9% табл. 5).

Это подчёркивает его потенциал для мониторинга здоровья студентов и раннего выявления групп риска по переутомлению, как предложено в работах по кардиореспираторной адаптации Р.М. Баевского, А.Г. Черниковой. Для углубления понимания связей между силой воли, физиологией и

успеваемостью необходимы лонгитюдные исследования с гетерогенными выборками, стратифицированными по полу, и включением дополнительных маркеров, таких как вариабельность ЧСС (J.D. Lane, J.F. Thayer) [2, 19].

Распределение показателей сердечного ритма и индекса Руффье (N 88).

Таблица 5

Table 5

Distribution of heart rate indicators and Ruffier index (N 88).

Показатель	Низкий (n / %)	Средний (n / %)	Высокий (n / %)	Всего (n)	Преобладающий уровень
Пульс в покое	18 (20.5 %)	60 (68.2 %)	10 (11.4 %)	88	Средний
Пульс после	16 (18.2 %)	34 (38.6 %)	38 (43.2 %)	88	Высокий
Пульс через 2 мин	18 (20.5 %)	26 (29.5 %)	44 (50.0 %)	88	Высокий
Δ ЧСС (дельта ЧСС)	20 (22.7 %)	50 (56.8 %)	18 (20.5 %)	88	Средний
Тест «Индекс Руффье»	28 (31.8 %)	36 (40.9 %)	24 (27.3 %)	88	Средний

Таблица 6

Соотношение уровней мотивации, индекса Руффье и среднего балла успеваемости (N 88).

Table 6

The relationship between motivation levels, Ruffier index and average academic performance (N 88).

Уровень мотивации	Число студентов, n (%)	Индекс Руффье, усл. ед. (уровень)	Академическая успеваемость (средний балл по итогам сессии)
Высокий	12 (13,6 %)	6,1 (высокий)	4,00 (средний)
Средний	68 (77,3 %)	4,7 (средний)	3,98 (средний)
Низкий	8 (9,1 %)	6,8 (высокий)	4,14 (высокий)

Табл. 6 иллюстрирует связь мотивации с физиологическими и академическими показателями. Распределение по уровням мотивации (шкала Н.Ц. Бадмаева) выявило преобладание среднего уровня (77,3%, n=68), с меньшей долей высокого (13,6%, n=12) и низкого (9,1%, n=8) уровней, что отражает гомогенность выборки. Физиологические показатели, измеренные индексом Руффье, показали низкую кардиореспираторную выносливость в группах с высокой (6,1) и низкой (6,8) мотивацией, тогда как средняя мотивация соответствовала умеренной выносливости (4,7), это не подтвер-

ждает связь высокой мотивации с лучшей физиологической адаптацией, возможно, из-за влияния внешних факторов. (В.В. Васильев, О.В. Кулакова). Академическая успеваемость, оценённая средним баллом, также демонстрирует парадокс: студенты с низкой мотивацией показали лучший результат (4,14), превосходя группы с высокой (4,0) и средней (3,98) мотивацией, что может быть связано с ситуативностью мотивации и многофакторностью успеха в учебной деятельности (A.L. Duckworth, E. Tsukayama) [17].

Таблица 7

Соотношение уровней саморегуляции, индекса Руффье и среднего балла успеваемости (N 88).

Table 7

The relationship between the levels of self-regulation, the Ruffier index and the average academic performance score (N 88).

Уровень саморегуляции	Число студентов, n (%)	Индекс Руффье, усл. ед. (уровень)	Академическая успеваемость (средний балл по итогам сессии)
Высокий	22 (25,0 %)	5,1 (средний)	4,10 (высокий)
Средний	61 (69,3 %)	5,2 (средний)	3,90 (средний)
Низкий	5 (5,7 %)	3,8 (низкий)	4,10 (высокий)

В табл. 7 проиллюстрированы данные полученные по шкале В.И. Моросановой, большинство студентов показали средний уровень саморегуляции (69,3%, n=61), с меньшей долей высокого (25,0%, n=22) и низкого (5,7%, n=5) уровней. Индекс Руффье указал на среднюю выносливость в группах с высокой (5,1) и средней (5,2) саморегуляцией, тогда как низкая саморегуляция неожиданно соответствовала высокой выносливости (3,8). Это намекает на возможный компенсаторный механизм: ограниченный поведенческий самоконтроль частично нивелируется повышенным соматическим резервом или, напротив, физическая тренированность временно маскирует дефицит волевых стратегий. Академическая успеваемость образуют похожую U-образную кривую: максимальные средние баллы (4,10) регистрируются и при высокой, и при низкой саморегуляции, тогда как «серединный» показатель демонстрирует более скромный результат (3,90). Такой профиль противоречит линейным гипотезам «чем выше саморегуляция, тем лучше оценки» и перекликается с данными о дифференцированных траекториях учебного успеха, где роль играет не столько абсолютный уровень контроля, сколько его адаптивность к контексту, однако следует помнить, что группа с низкой саморегуляцией крайне малочисленна; статистический вес этой вершины U-кривой невелик, и подтвердить результаты сможет лишь лонгитюдное наблюдение на большей выборке (J.D Lane, J.F. Thayer) [11, 19].

Представленные выше таблицы позволяют сделать следующие выводы:

– Первая матрица (воля × физиология × успеваемость) показывает, что высокий волевой статус не гарантирует автоматического перехода в верхний физический или академический диапазон, поскольку студенты с сильной волей распределены по всем физиологическим категориям, а их средний балл варьирует от среднего к высокому.

– Вторая матрица (мотивация × физиология × успеваемость) воспроизводит схожий рисунок,

подчеркивая, что высокая мотивация встречается как у кардиореспираторных «отличников», так и у условно «средняков»; при этом академические итоги колеблются в пределах общегрупповой медианы.

– Третья матрица (саморегуляция × физиология × успеваемость) демонстрирует наиболее плотное «зажатие» в средней зоне: абсолютное большинство комбинаций замыкаются внутри средних значений как по физическим, так и по педагогическим показателям, что подтверждает функцию саморегуляции как «стабилизатора» она сглаживает экстремумы, но не выводит к пикам [3, 7, 17].

Проведенный срез подчеркивает ключевую методическую идею: субъективные ресурсы (воля, мотивация, саморегуляция) и объективные индексы (ЧСС, индекс Руффье) формируют два лишь частично перекрывающихся «контура управления», в связи с чем развитие одного слоя (например, повышение физической выносливости) ещё не гарантирует автоматической корректировки другого (роста самодисциплины), и наоборот. Для практики это диктует необходимость параллельных, но согласованных программ: укрепляя соматическую базу через регулярную аэробную нагрузку, целесообразно одновременно вводить тренинг волевых и метакогнитивных стратегий, чтобы тело и поведенческий контроль развивались синхронно, а не «тянули» группу ресурсов в разные стороны [1, 9, 22].

Проведённый анализ выявил отсутствие значимых корреляций между волевым самоконтролем, измеренным тестом Н.С. Смирновой (2020), и академической успеваемостью студентов, что подчеркивает ситуативный характер волевых качеств в условиях образовательного процесса в вузе. Неожиданные результаты таблиц (например, средний балл 4.3 при низком уровне воли и 4.1 при низкой саморегуляции) указывают на влияние многофакторных детерминант успеха, включая мотивацию, стиль преподавания и поддержку различных социальных групп (A.L. Duckworth, E.

Tsukayama). Проблема может быть сформулирована следующим образом: у психологов есть сегодня достаточно серьезный репертуар тестов, в отношении которого, однако, тестируемый при желании может пустить в ход «противооружие», приведенный тезис особенно актуален, потому что тестируемый, особенно подросток способен приукрашиванию своего результата, и применяя сегодня кажущийся самым надежным и валидным тест и получая результат путем корректных и тщательных процедур, не может быть уверен в том, что против его теста не было использовано «противооружие», и в том, что полученный в конечном счете результат не сойдет с толку.

Физиологические показатели, такой как индекс Роффье подтвердил свою ценность как скринингового инструмента для оценки кардиореспираторной устойчивости [17, 20].

Эти данные свидетельствуют о независимости субъективно-волевого и физиологического компонентов регуляции учебной деятельности, взаимодействующих опосредованно через комплекс внешних факторов, таких как учебная нагрузка и физическая подготовка (В.В. Васильев, О.В. Кулакова, 2020) [6, 10].

Совокупность результатов подчёркивает необходимость интеграции программ развития силы воли, как ключевого нравственно-волевого качества (В.А. Сухомлинский), с мероприятиями по укреплению соматического здоровья. Педагогическим коллективам рекомендуется проводить скрининг индекса Роффье в начале семестра, дополняя его рекомендациями по режиму сна, дыхательным упражнениям и структурированию учебных зада-

ний, при этом индивидуальный профиль волевых и физиологических характеристик студентов должен учитываться при проектировании учебных нагрузок, что поддерживает концепцию персонализированного обучения (B.J. Zimmerman) [22].

Выводы

Настоящее исследование представляет собой первичный этап в рамках подготовки диссертационной работы, направленной на комплексное изучение нравственно-волевых показателей подростков. В отличие от зарубежных исследований, преимущественно фокусирующихся на когнитивных аспектах самоконтроля, отечественные работы редко интегрируют физиологические маркеры, что подчеркивает новизну данного подхода. Пилотный характер исследования, обусловленный гомогенной выборкой (84,1% студентов со средней волей), гендерным дисбалансом (64 юноши, 24 девушки) и однократным измерением, позиционирует его как основу для дальнейших междисциплинарных изысканий. Для преодоления выявленных ограничений и повышения достоверности в диссертационной работе планируется проведение лонгитюдных исследований с гетерогенными выборками, использованием дополнительных методик, таких как анализ variability сердечного ритма (HRV) и экологических факторов (учебной нагрузки), как рекомендовано в психофизиологических исследованиях, поскольку эти подходы позволяют разработать многоуровневые модели прогнозирования учебной успешности, внося значимый вклад в педагогическую и психологическую науку [3, 18, 19].

Список источников

1. Александров Ю.А. Нейрофизиологические механизмы самоконтроля: монография. Москва: Ин-т психологии РАН, 2019. 284 с.
2. Богданова И.В., Жирнова Е.В., Васильева Е.А., Мухамедова М.Ю. Оценка физического развития и функциональной подготовленности студентов I, II курсов вуза // Педагогическое образование. 2025. Т. 6. № 2. С. 172 – 176.
3. Барабанов С.В. Взаимосвязь волевых качеств и учебной успеваемости студентов // Вестник спортивной науки. 2021. Т. 10. № 3. С. 45 – 52.
4. Баранова Э.А. Социальная уверенность детей дошкольного возраста как фактор социализации. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2022. 159 с.
5. Бехтерев В.М. Общая психология: монография. Санкт-Петербург: Питер, 2020. 496 с.
6. Васильев В.В., Кулакова Е.С. Индекс Руффье как экспресс-критерий сердечно-сосудистой адаптации у молодёжи // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 6. С. 112 – 119.
7. Гордеева Т.О., Шпиллер Т.М. Учебная мотивация в период адаптации к вузу // Психология образования. 2023. № 1. С. 15 – 28.
8. Берестова Д.Д., Строганова Л.В. К.Д. Ушинский: современное прочтение наследия классика педагогики // Вестник МГПУ. Серия: Современный колледж. 2023. № 2 (6). С. 77 – 88.
9. Ильин Е.П. Психология воли: монография. Санкт-Петербург: Питер, 2022. 464 с.
10. Кузнецова Е.Т., Коляда Н.В. Формирование здоровьесберегающей компетенции студентов учреждения высшего образования в процессе физического воспитания // Здоровье для всех. 2023. № 2. С. 17 – 22.

11. Молодозишников И.А., Гусейнов А.Ш. Психологическая саморегуляция личности как ресурс преодоления неопределенности в спорте // Личность в изменяющейся социальной реальности: общение и событийность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, Сочи, Майкоп, 22-24 сентября 2023 года. Краснодар, 2023. С. 223 – 226.
12. Мурашко С.Н., Синани Б.Г. Вариабельность сердечного ритма как показатель стрессоустойчивости // Физиология человека. 2020. Т. 46. № 2. С. 77 – 86.
13. Пономарева И.А. Общие основы теории и методики оздоровительной физической культуры студента // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2024. № 1. С. 38 – 46.
14. Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека: нравственное воспитание: монография. Москва: Педагогика, 1989. 288 с.
15. Спиридонов Е.А., Миронов А.О., Понимасов О.Е., Сайганова Е.Г. Спортивная деятельность как средство формирования антистрессовой устойчивости студентов в образовательной среде // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 70 – 72.
16. Щербakov Е.П. Функциональная структура воли. 2-е изд., исправл. и дополн. Омск: Омская гуманитарная академия, 2015. 210 с.

References

1. Aleksandrov Yu.A. Neurophysiological mechanisms of self-control: monograph. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2019. 284 p.
2. Bogdanova I.V., Zhirnova E.V., Vasilyeva E.A., Mukhamedova M.Yu. Assessment of physical development and functional fitness of first- and second-year university students. Pedagogical education. 2025. Vol. 6. No. 2. P. 172 – 176.
3. Barabanov S.V. The relationship between volitional qualities and academic performance of students. Bulletin of sport science. 2021. Vol. 10. No. 3. P. 45 – 52.
4. Baranova E.A. Social confidence of preschool children as a factor in socialization. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovleva, 2022. 159 p.
5. Bekhterev V.M. General Psychology: Monograph. St. Petersburg: Piter, 2020. 496 p.
6. Vasiliev V.V., Kulakova E.S. Ruffier Index as an Express Criterion of Cardiovascular Adaptation in Young People. Modern Problems of Science and Education. 2020. No. 6. P. 112 – 119.
7. Gordeeva T.O., Shpiller T.M. Academic Motivation during the Adaptation Period to a University. Psychology of Education. 2023. No. 1. P. 15 – 28.
8. Berestova D.D., Stroganova L.V., K.D. Ushinsky: A Modern Reading of the Legacy of the Classic of Pedagogy. Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Modern College. 2023. No. 2 (6). P. 77 – 88.
9. Ilyin E.P. Psychology of will: monograph. St. Petersburg: Piter, 2022. 464 p.
10. Kuznetsova E.T., Kolyada N.V. Formation of health-saving competence of students of higher education institutions in the process of physical education. Health for all. 2023. No. 2. P. 17 – 22.
11. Molodozhnikov I.A., Guseinov A.Sh. Psychological self-regulation of the individual as a resource for overcoming uncertainty in sports. Personality in a changing social reality: communication and eventfulness: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Krasnodar, Sochi, Maykop, September 22-24, 2023. Krasnodar, 2023. P. 223 – 226.
12. Murashko S.N., Sinani B.G. Heart rate variability as an indicator of stress resistance. Human Physiology. 2020. Vol. 46. No. 2. P. 77 – 86.
13. Ponomareva I.A. General foundations of the theory and methodology of health-improving physical education of students. Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport. 2024. No. 1. P. 38 – 46.
14. Sukhomlinsky V.A. How to raise a real person: moral education: monograph. Moscow: Pedagogy, 1989. 288 p.
15. Spiridonov E.A., Mironov A.O., Ponimasov O.E., Sayganova E.G. Sports activities as a means of developing students' anti-stress resistance in the educational environment. Theory and practice of physical education. 2024. No. 7. P. 70 – 72.
16. Shcherbakov E.P. Functional structure of will. 2nd ed., corrected and supplemented. Omsk: Omsk Humanitarian Academy, 2015. 210 p.

Информация об авторах

Бабенко А.К., аспирант, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, babenkoaleksandr2024@mail.ru

Терентьева О.С., кандидат педагогических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, boss_o59ga@rambler.ru

Бахмутов Н.В., ассистент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, n.bahmutoff@yandex.ru

© Бабенко А.К., Терентьева О.С., Бахмутов Н.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.012.4

Наследие китайского реформатора высшего образования Цайя Юаньпэя в наукометрическом дискурсе

¹ Цуй Сяолин, ¹ Федотова О.Д.

¹ Донской государственный технический университет

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы реформирования системы профессионального образования в Китае, реализация которых тесным образом связана с именем Цайя Юаньпэя – министра просвещения Китайской Республики и первого ректора Пекинского университета. На основе обращения к наукометрическим базам данных открытого доступа Google Trends и CNKI (The Chinese National Knowledge Infrastructure) авторами установлено, что имеются значительные различия в оценке вклада Цайя Юаньпэя в реформирование системы высшего профессионального образования в зарубежных странах и в Китайской Народной Республике. Индикаторами различий являются частота поисковых запросов, смысловой категорией которых является имя Цайя Юаньпэя. Установлено, что в Google Trends с 2004 года по настоящее время зафиксировано минимальное количество запросов со стороны зарубежных стран, в то время как в Китае наблюдается стойкий интерес к истории реформирования системы высшего образования своей страны, концептуальные основы которого были заложены Цаем Юаньпэем.

Ключевые слова: образование, профессиональное образование, университет, Китай, Цай Юаньпэй, Пекинский университет, наукометрические ресурсы, поисковый запрос, реформирование образования

Для цитирования: Цуй Сяолин, Федотова О.Д. Наследие китайского реформатора высшего образования Цайя Юаньпэя в наукометрическом дискурсе // Современный ученый. 2025. № 9. С. 226 – 231.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The legacy of Chinese higher education reformer Cai Yuanpei in scientometric discourse

¹ Cui Xiaolin, ¹ Fedotova O.D.,

¹ Don State Technical University

Abstract: the article considers the problems of reforming the professional education system in China, the implementation of which is closely connected with the name of Cai Yuanpei, the Minister of Education of the Republic of China and the first rector of Beijing University. Based on the access to the open-access scientometric databases Google Trends and CNKI (The Chinese National Knowledge Infrastructure), the authors found that there are significant differences in the assessment of Cai Yuanpei's contribution to the reform of the higher professional education system in foreign countries and in the People's Republic of China. The indicators of differences are the frequency of search queries, the semantic category of which is the name of Cai Yuanpei. It was found that Google Trends from 2004 to the present has recorded a minimal number of queries from foreign countries, while in China there is

a persistent interest in the history of the reform of the higher education system of their country, the conceptual foundations of which were laid by Cai Yuanpei.

Keywords: education, professional education, university, China, Cai Yuanpei, Bejing University, scientometric resources, search query, educational reform

For citation Cui Xiaolin, Fedotova O.D. The legacy of Chinese higher education reformer Cai Yuanpei in scientometric discourse:.. Modern Scientist. 2025. 9. P. 226 – 231.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Характер изменений, происходящих в современных системах профессионального образования, связан с появлением новых запросов рынка труда на подготовку кадров определенной квалификации. Это требует разработки оснований, условий и технологий, позволяющих модернизировать имеющиеся образовательные программы, методические подходы и средства их реализации. В течение многих десятилетий система профессионального образования накопила определенный опыт решения новых задач, связанных с коренной перестройкой системы подготовки кадров. Обновление содержания и методических подходов в изменяющихся условиях связано, с одной стороны, с трансформацией трудовых функций работников, и, с другой стороны, с вполне понятным стремлением сохранить традиционные формы и методы подготовки кадров, доказавшие свою эффективность [1, 5]. Наиболее остро данная дилемма проявляется в исторические периоды, связанные со сменой общественно-политического и социального устройства государства. Проводимые и/или планируемые реформы всегда связаны с деятельностью лиц, уполномоченных разрабатывать новые концептуальные основы организации профессиональной подготовки кадров и реализовывать их. История развития системы профессионального образования Китая неразрывно связана с именем Цайя Юаньпэя (1868-1940), который являлся министром просвещения Китайской Республики, занимал пост ректора Пекинского университета и сыграл решающую роль в реформировании систем высшего, женского и музыкального образования [8, 9].

При обращении к теоретическому наследию известных в прошлом деятелей науки и просвещения всегда возникает вопрос о том, насколько его деятельностью и творчество известны современникам [3, 7]. Для определения уровня интереса к его вкладу в развитие системы образования Китая проведем исследование частоты обращений китайских исследователей к его трудам, составля-

ющим достояние китайской педагогической мысли [6].

Материалы и методы исследований

Для проведения исследования использованы два наукометрических ресурса – Google Trends (<https://trends.google.ru/trends/>) и CNKI (The Chinese National Knowledge Infrastructure, <https://oversea.cnki.net/index>). Исследование проводилось в два этапа, определяемых фактом обращения к одному из вышеупомянутых ресурсов. Для визуализации данных, которые не были автоматически сгенерированы данными ресурсами, использовались графические инструменты программы EXCEL, позволяющей создавать диаграммы разного вида. Для показа тенденций, характерных для тематических поисковых запросов, использовались инструменты графического редактора Paint.

Результаты и обсуждения

Первый этап исследования. Задачей первого этапа исследования являлось выяснение динамики популярности вклада Цайя Юаньпэя в развитие образования на основе поисковых запросов пользователей, использовавших его имя как смысловую категорию.

Ресурс Google Trends является интерактивной системой, содержащей встроенные инструменты (*локация, период, категории, поиск по позициям*), которые устанавливаются в зависимости от задачи исследования. Поисковые запросы могут быть сформулированы как в форме односоставных предложений, включающих интересующую исследователя смысловую категорию, так и в форме суждений на любом языке [2, 4]. Ресурс располагает системой визуализации поисковых запросов, которые представлены как в хронологии в виде графика, так и в форме немых бланковых географических карт. При проведении исследования были заданы следующие параметры: *локация* – по всему миру; *период* – 2004 по настоящее время; *категории* – все категории; *поиск по позициям* – веб-поиск. Запрос сформулирован на английском языке. По результатам исследования был получен следующий график, отражающий хронологию обращений пользователей (рис. 1).

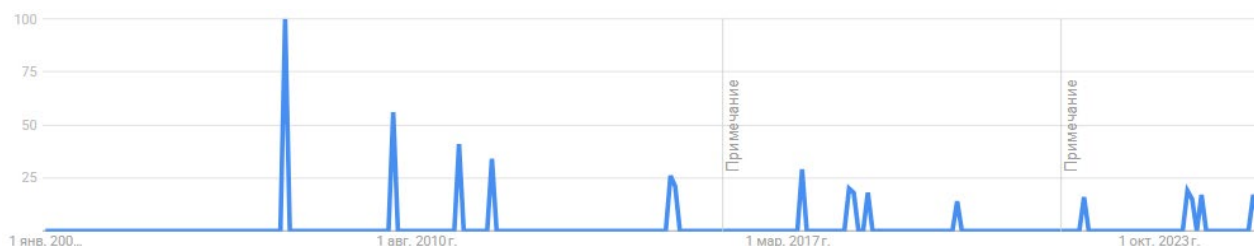

Рис. 1. Хронология и интенсивность обращения пользователей с поисковым запросом «Cai Yuanpei». <https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&q=Cai%20Yuanpei&hl=ru>.

Fig. 1. Chronology and intensity of user searches for the search query "Cai Yuanpei". <https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&q=Cai%20Yuanpei&hl=ru>.

Как следует из данных, представленных на рис. 1, наблюдался нисходящий тренд запросов до декабря 2012 года, который впоследствии перешел в

позицию «плато» на уровне, не превышающем 25 тематических запросов в год.

Страновое распределение поисковых запросов представлено на рис. 2.

Рис. 2. Популярность поискового запроса по регионам мира.

Fig. 2. Popularity of the search query by regions of the world.

На рисунке показаны страны, пользователи которых проявили интерес к наследию Цайя Юаньпэя и сформулировали поисковый запрос, содержащий его имя как смысловую категорию. Наибольшую активность проявили жители британской заморской территории в Вест-Индии Тёркс и Кайкос. Этому местоположению присвоено

но, согласно концепции системы Google Trends, 100 баллов, что отражено на шкале рис. 1. Пятьдесят баллов назначено Гонконгу как локации, в которой уровень популярности запроса вдвое ниже, чем в первом местоположении, маркированном 100 баллами. Порядок популярности запросов, сделанных из иных локаций, представлен на рис. 3.

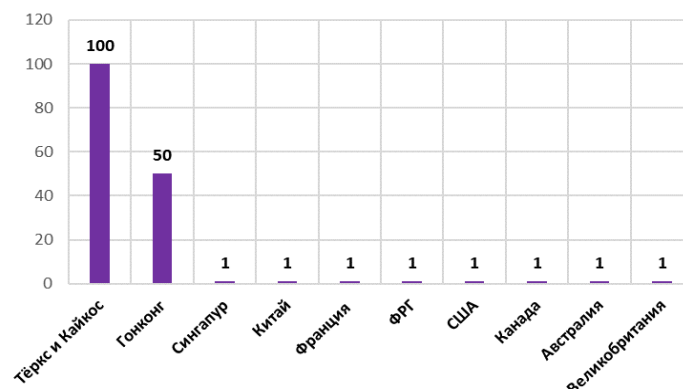

Рис. 3. Популярность поискового запроса по странам мира.

Fig. 3. Popularity of the search query by countries of the world.

В перечне стран, пользователи из которых проявили интерес к наследию Цайя Юаньпэя и сформировали поисковый запрос с его именем, представлены преимущественно англоговорящие страны. Исключение составляют страны Европы – ФРГ, Франция. Их активность, тем не менее, невелика и оценивается ресурсом на уровне единицы. Может вызвать вопрос содержащаяся на рисунке информация о том, почему столь же низкие показатели продемонстрировал Китай. Это объясняется тем, что в Китае поисковая система Google запрещена к доступу, и можно предположить, что поисковый запрос был сделан с использованием серверов других стран.

Второй этап исследования.

Задачей второго этапа исследования являлось определение динамики публикационной активности по тематике, связанной с наследием Цайя Юаньпэя. Для решения данной задачи был использован ресурс CNKI (The Chinese National Knowledge Infrastructure, 中国知网), который является национальным ресурсом Китайской Народной Республики [10].

В CNKI с 1955 года по настоящее время ведется статистика, отражающая количество опубликованных статей. Результаты запроса публикаций, связанных с научной биографией Цайя Юаньпэя, его творчества в области искусства, литературы и теории образования, представлены на рис. 4.

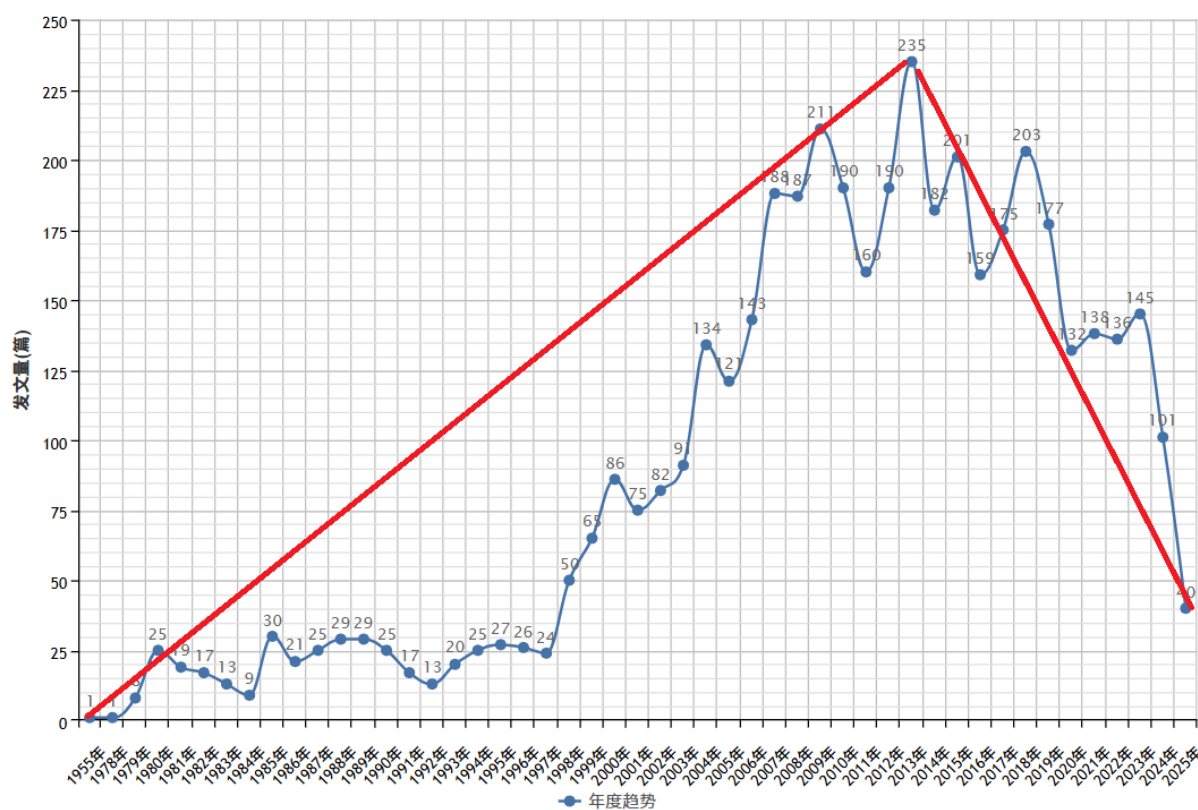

Рис. 4. Полигон распределения научных публикаций, касающихся наследия Цайя Юаньпэя, представленных в наукометрическом ресурсе CNKI.

Fig. 4. Distribution range of scientific publications related to the legacy of Cai Yuanpei, presented in the CNKI scientometric resource.

Хронологические рамки публикаций, собранных в CNKI, позволяют судить о том, что наследие Цайя Юаньпэя пользуется большой популярностью в Китае. Как показано на рисунке, в период с 1955 по 1978 годы наблюдался определенный пробел в публикационной активности китайских исследователей по рассматриваемой тематике. В дальнейшем, однако, данный пробел был воспол-

нен ежегодными исследованиями. Можно отметить наличие восходящего тренда, характеризующего возрастание количества публикаций в период с 1978 по 2013 годы. Максимальное количество статей, сопряженных с исследованием тематики научных и творческих интересов Цайя Юаньпэя, составляет 235 единиц и относится к 2013 году. Данная дата не связана с юбилейными мероприя-

тиями, которые, как правило, являются стимулом для рассмотрения, оценки и переоценки творчества юбиляров. После 2013 года наблюдается нисходящий тренд, в рамках которого публикационная активность авторов, учтенных в CNKI, резко снижается.

Выводы

Как показало исследование вопросов, связанных с оценкой влияния наследия Цайя Юаньпэя как на современную систему образования в Китае в целом, так и, в частности, на развитие системы профессионального образования, интерес зарубежных исследователей и китайских авторов к данной проблематике значительно разнится. Имя Цайя Юаньпэя и его вклад в становление и развитие системы профессионального образования высшего уровня высоко ценится в Китае. Научная и педагогическая общественность глубоко пони-

мает прогрессивный смысл реформирования Пекинского университета, который благодаря реализации концепции управления образованием, разработанной его первым ректором Цайем Юаньпэем, расширил направления подготовки специалистов за счет организации обучения на специализированных факультетах. Идея «профессорского управления», которая предусматривает участие профессорского состава в решении всех насущных проблем развития университета, сохранилась до наших дней и получила новый импульс к развитию в современном университетском кластере, гарантируя реализацию идей научности, академической свободы и мобильности. Наследие Цайя Юаньпэя достойно глубокого изучения и творческого осмысления как теория и практика, способствующая развитию системы научного образования.

Список источников

1. Бурляева В.А., Токарева А.И., Чебанов К.А. Трансформация профессионального образования в новых организационно-экономических условиях: проблемы реализации программ модернизации в системе профессионального образования // *Colloquium-Journal*. 2020. № 11-5 (63). С. 79 – 81.
2. Бутенко Ю.И. Метод разрешения лексической многозначности поискового запроса на основе онтологий // *Прикладная информатика*. 2020. Т. 15. № 5 (89). С. 103 – 110.
3. Заварзина Л.Э. Биографический подход к историко-педагогическим исследованиям // *Педагогика*. 2021. Т. 85. № 10. С. 104 – 116.
4. Осиповская Е.А. Тренды образовательных технологий в России и мире в 2020 г.: анализ поисковых запросов в Google Trends // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*. 2021. Т. 18. № 4. С. 291 – 304.
5. Платонова Е.Д., Платонов А.Ю., Рыбникова Г.И. Человеческие ресурсы и человеческий капитал в мировом и российском научно-информационном пространстве: области и тренды современных исследований // *Пространственная экономика: проблемы экономических структур. Материалы II Международной научной конференции*. Москва, 2025. С. 69 – 81.
6. Собкин В.С., Рзаева Ф.Р. Наукометрические индикаторы исследований в сфере образования // *Образовательная политика*. 2016. № 3 (73). С. 61 – 73.
7. Федотова О.Д., Латун В.В. Образование в Китае: психолого-педагогическая проблематика диссертационных исследований // *Интернет-журнал Науковедение*. 2013. № 6 (19). С. 204.
8. Цуй С., Федотова О.Д. Роль Цай Юаньпэя как основы эстетического воспитания в современном Китае // *Устойчивое развитие общества: новые научные подходы и исследования. Сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции*. Москва, 2024. С. 226 – 233.
9. Цуй С., Федотова О.Д. Позитивное влияние философии образования Цай Юаньпэя на современную педагогическую мысль Китая // *Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы. Сборник научных трудов по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции*. Москва, 2024. С. 232 – 235.
10. Liao M., Wu J.F. Lesson study & learning study in China (1999- 2021): bibliometric analysis based on CNKI // *International Journal of Modern Education and Computer Science*. 2022. Т. 14. № 2. С. 31 – 40.

References

1. Burlyayeva V.A., Tokareva A.I., Chebanov K.A. Transformation of vocational education in new organizational and economic conditions: problems of implementing modernization programs in the vocational education system. *Colloquium-Journal*. 2020. No. 11-5 (63). P. 79 – 81.
2. Butenko Yu.I. Method for resolving lexical ambiguity of a search query based on ontologies. *Applied Informatics*. 2020. Vol. 15. No. 5 (89). P. 103 – 110.

3. Zavarzin L.E. Biographical approach to historical and pedagogical research. *Pedagogika*. 2021. Vol. 85. No. 10. P. 104 – 116.
4. Osipovskaya E.A. Trends in educational technologies in Russia and the world in 2020: analysis of search queries in Google Trends. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education*. 2021. Vol. 18. No. 4. P. 291 – 304.
5. Platonova E.D., Platonov A.Yu., Rybnikova G.I. Human resources and human capital in the global and Russian scientific and information space: areas and trends of modern research. *Spatial economics: problems of economic structures. Proceedings of the II International Scientific Conference*. Moscow, 2025. P. 69 – 81.
6. Sobkin V.S., Rzaeva F.R. Scientometric indicators of research in the field of education. *Educational policy*. 2016. No. 3 (73). P. 61 – 73.
7. Fedotova O.D., Latun V.V. Education in China: Psychological and Pedagogical Problems of Dissertation Research. *Internet Journal Naukovedenie*. 2013. No. 6 (19). P. 204.
8. Cui S., Fedotova O.D. The Role of Cai Yuanpei as the Basis of Aesthetic Education in Modern China. *Sustainable Development of Society: New Scientific Approaches and Research. Collection of scientific papers based on the materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. Moscow, 2024. P. 226 – 233.
9. Cui S., Fedotova O.D. Positive Influence of Cai Yuanpei's Philosophy of Education on Modern Pedagogical Thought in China. *Digital Society: Scientific Initiatives and New Challenges. Collection of scientific papers based on the materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow, 2024. P. 232 – 235.
10. Liao M., Wu J.F. Lesson study & learning study in China (1999-2021): bibliometric analysis based on CNKI. *International Journal of Modern Education and Computer Science*. 2022. T. 14. No. 2. P. 31 – 40.

Информация об авторах

Цуй Сяолин, аспирант, Донской государственный технический университет, 250266697@qq.com

Федотова О.Д., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Образование и педагогические науки», Донской государственный технический университет, fod1053@yandex.ru

© Цуй С., Федотова О.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 377.8

Подготовка педагогов для системы среднего профессионального образования: вызовы времени

¹ Мухаметзянова Ф.Ш., ² Шайхутдинова Г.А.

¹ Казанский государственный институт культуры,

² Институт развития образования Республики Татарстан

Аннотация: в статье авторы рассматривают проблемы, присущие современному среднему профессиональному образованию, в том числе и вызовы времени, связанные с подготовкой педагогических кадров для СПО. Рассмотрены направления Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2030 года, и их содержательное раскрытие в контексте тех задач, которые стоят перед системой среднего профессионального образования.

Актуализированы вопросы подготовки педагогов для системы среднего профессионального образования в части подготовки по принципиально новым специальностям: в рамках целевого обучения или «Профессионалитета», как инновационной формы целевой подготовки кадров; включение подготовки педагогических кадров для техникумов и колледжей в отраслевые институты; пересмотра цифр бюджетного набора на устаревшие специальности; обеспечение непрерывности развития и совершенствования педагогических кадров для СПО.

Выделены параметры, для изменения ситуации с нехваткой педагогических кадров в СПО: введение новых специальностей в подготовку, целевое обучение, использование программы «Профессионалитета», пересмотр набора на традиционные специальности и бюджетные места, межотраслевая интеграция, непрерывное развитие и совершенствование педагогических кадров.

Ключевые слова: среднее профессиональное образования педагог, мастер производственного обучения, профессиональная подготовка, «Профессионалитет», производственное обучение

Для цитирования: Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А. Подготовка педагогов для системы среднего профессионального образования: вызовы времени // Современный ученый. 2025. № 9. С. 232 – 238.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Teacher training for secondary vocational education: the challenges of time

¹ Mukhametzyanova F.Sh., ² Shaikhutdinova G.A.

¹ Kazan State Institute of Culture,

² Institute for the Development of Education of the Republic of Tatarstan

Abstract: in this article, the authors examine the problems inherent in modern secondary vocational education, including the challenges of the time related to the training of pedagogical personnel for secondary vocational education. The article discusses the directions of the Strategy for the Development of the System of Training Workers

and the Formation of Applied Qualifications in the Russian Federation for the period up to 2030, and their substantive disclosure in the context of the tasks facing the secondary vocational education system.

The issues of training teachers for the secondary vocational education system have been updated in terms of training in fundamentally new specialties: as part of targeted training or "Professionalism" as an innovative form of targeted personnel training; inclusion of training of pedagogical personnel for technical schools and colleges in industry-specific institutes; revision of the numbers of budgetary enrollment in outdated specialties; ensuring the continuity of development and improvement of pedagogical personnel for secondary vocational education.

The following parameters have been identified to address the shortage of teaching staff in secondary vocational education: the introduction of new specialties in training, targeted education, the use of the "Professionalism" program, the revision of recruitment for traditional specialties and budgetary places, cross-sectoral integration, and the continuous development and improvement of teaching staff.

Keywords: secondary vocational education, teacher, master of production training, professional training, "Professionalism", and production training

For citation: Mukhametzyanova F.Sh., Shaikhutdinova G.A. Teacher training for secondary vocational education: the challenges of time. Modern Scientist. 2025. 9. P. 232 – 238.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Современное среднее профессиональное образование – это не просто уровень образования, позволяющий получить профессию определенной части молодежи, но и передовая площадка, отражающая все вызовы времени. В настоящее время в учреждениях среднего профессионального образования (далее СПО) обучается около 4 миллионов человек, которые получают квалификацию по программам профессионального обучения и ДПО, обучают которых свыше 200 тысяч педагогов и мастеров производственного обучения. Кроме того, поскольку СПО – это гибкий и мобильный сегмент системы образования, техникумы и коллежи открываются, развиваются в самых разных частях нашей страны, давая возможность молодежи, а также людям предпенсионного и пенсионного возраста получить профессию и новые навыки для совершенствования своих возможностей в целях трудоустройства в своём регионе. Сегодня СПО – это еще и площадка, где концентрируется работа по профориентации, социально-культурной, волонтерской и просветительской деятельности, предоставляются рабочие места на собственных производственных участках и многое другое.

Материалы и методы исследований

В статье авторы используют культурологический (Гильмеева Р.Х., Мухаметзянова Ф.Ш., Мухаметзянова Л.Ю., Тихонова Л.П., Шайхутдинова Г.А.) [1], к содержанию подготовки педагогов; модульный подход (Юцявичене П., Чошанов М.А. и др.) [2, 3], с целью оперативного изменения программ и учебников и экосистемный подход (П. Лукша, А.В. Уткин, Нугуманова Л.Н., Шайхутдинова Г.А.

и др.) [4, 5, 6], способствующий расширению ресурсной базы в целях эффективной подготовки педагогов для СПО.

Методы исследования заключаются в анализе нормативных документов и психолого-педагогических исследований по проблеме

Результаты и обсуждения

В Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2030 года (одобрена Национальным советом при Президенте РФ по профессиональным квалификациям (протокол от 12 марта 2021 г. N 51) определены приоритетные направления развития СПО:

1. Постоянное обновление содержания профессионального образования и обучения на основе актуальных и перспективных требований к квалификации работников и современных технологий. Реализация данного направления предполагает постоянную актуализацию Федеральных государственных образовательных стандартов (далее ФГОС), а также разработку новых стандартов с учетом появляющихся профессий и специальностей. Так, за последние 5 лет в СПО было обновлено 47 ФГОС. Кроме того, было утверждено 14 новых ФГОС. Эти изменения связаны с приведением стандартов в соответствие с потребностями экономики и рынка труда, а также с учетом изменений в законодательстве в области воспитания и практической подготовки.

В новые ФГОС добавлены компетенции по финансовой грамотности, предпринимательской деятельности и антикоррупционному поведению. Также пересматриваются перечни профессий

и специальностей, чтобы учесть скорость технологических изменений и потребности рынка труда.

Постоянное обновление содержания образования требует также разработку образовательных программ с учетом новых профстандартов, кроме того, оно должно быть вариативным и гибким и иметь возможность для замены модулей, изменения сроков обучения, сокращения, дополнений и т.д. важной частью является и нормативное обеспечение реализации новых и обновленных программ и деятельности по их разработке.

Обновленное содержание предполагает создание иного учебно-методического обеспечения – на новых концептуальных подходах. К таким мы относим: культуuroкомпетентностный (Гильмеева Р.Х., Мухаметзянова Ф.Ш., Мухаметзянова Л.Ю., Тихонова Л.П., Шайхутдинова Г.А.) [1], предполагающий проектирование содержания, направленного на формирование не только необходимых компетенций, но и на развитие культуры и ценностей, присущих нашему народу и их принятие обучающимися. Модульный подход (Юцявичене П., Чошанов М.А. и др.) [2, 3], который в настоящее время также становится востребованным в силу того, что быстрое развитие технологий требует быстрого обновления содержания и замена устаревшего модуля менее затратно по времени, чем замена целого учебного пособия или учебника. Экосистемный подход (П. Лукша, А.В. Уткин, Нугуманова Л.Н., Шайхутдинова Г.А. и др.) [4, 5, 6] к содержанию образования проявляется в возможности объединения и привлечения разных ресурсов для обеспечения тесной связи учебного заведения, производства, бизнеса, науки в целях профессионального самоопределения обучающихся, развития ресурсной и материальной базы, а также творческого развития обучающихся с помощью различных стартапов, конкурсов профессионального мастерства и т.д.

Обновление содержания тесно связано с обновлением методик и технологий профессионального образования, включая дуальное обучение интенсивные технологии, прикладные модули, цифровые ресурсы, сетевые формы обучения и многое другое. Обновление содержания влияет на качество аттестации и независимой оценки подготовленности выпускников, в виде демонстрационного экзамена в условиях реального производства.

2. Второе важное направление в Стратегии – формирование нового ландшафта сети СПО, который должен обеспечить гибкое реагирование на все стремительные изменения, происходящие в

экономике, политике, обществе, производстве, бизнесе. Например, в социальной сфере – это в первую очередь развитие инклюзивной среды, в производственной – развитое материально-техническое оснащение мастерских, соответствующих современным мировым стандартам, экономической – гармонизация структуры подготовки кадров и рынка труда, должна быть сформирована современная структура запросов на кадры рынка труда и др. Кроме того, важна дифференциация поддержки учреждений СПО: от учреждений высоких технологий, до организаций, где готовят кадры для сельского хозяйства, бизнеса и т.д.

3. Следующее направление – финансовая поддержка образовательных организаций, которые готовят рабочих и специалистов среднего звена: должна быть создана гибкая система финансирования, помощь в развитии внебюджетной сферы, вовлечение в инвестиционные проекты и др.

4. Важное направление, заявленное в Стратегии – развитие культуры профессиональных соревнований у обучающихся, это и участие обучающихся в конкурсах профессионального мастерства WorldSkills и «Абилимпикс» – профессиональный конкурс для обучающихся с инвалидностью, участия в олимпиадном движении и др.

5. Еще одно направление – развитие руководящих кадров и привлечение высококлассных специалистов из реального сектора экономики для преподавательской деятельности, а также постоянное повышение квалификации уже работающих педагогов и мастеров производственного обучения. Проблема подготовки педагогов для СПО – актуальная проблема, в СПО работают педагоги, не имеющие педагогического образования. Они не имеют представления о педагогической науке вообще, не знают особенностей психологии подростков, не имеют опыта воспитания в коллективе, и не умеют применять индивидуальный подход, проектировать образовательные маршруты, и многое другое. Проблема частично решается за счет программ переподготовки и повышения квалификации, но этого недостаточно, должна быть создана система подготовки кадров для СПО, тем более что этот уровень образования стремительно развивается и расширяется по всем направлениям.

Подготовка педагогов для системы СПО также сталкивается с вызовами времени: изменения в технологиях, новые квалификационные требования, новые профессии и соответственно

возникновение необходимости формирования новых компетенций у обучающихся, недостаточная оплата труда, проблемы с мотивацией педагогов на эффективный труд и многое другое. [7] Как решается проблема подготовки педагогов для такого уровня профессионального образования за рубежом?

Например, в Китае применяются индивидуальные и коллективные модели повышения квалификации, развито групповое обучение, когда педагоги объединяются в команды по целям и образовательным интересам. В Китае интегрируют традиционные и инновационные подходы к подготовке педагога. К новациям можно отнести: микропреподавание, когда рассматриваются ключевые аспекты темы и упор делается на изучение практической составляющей материала, важная часть – видеозапись процесса обучения, которая впоследствии анализируется, проводится работа над ошибками; технология «меню», когда педагог может из многообразия тематических блоков выбрать только, что ему интересно и необходимо; дистанционное и онлайн-обучение, которые облегчают доступ к обучению педагогам из разных провинций и районов Китая. К традиционным формам можно отнести написание научно-исследовательских работ, в процессе которой педагоги учатся работать с аутентичными источниками по заданной теме, овладевают современными методами написания научных работ. [8]

В Германии и Швеции применяется модель самоуправления, при которой педагог самостоятельно выбирает для себя модель обучения, формулирует цели и анализирует результаты.

В США для повышения квалификации педагогов применяются три модели: каскадная, стандартная и комбинированная. В первой модели сначала обучаются лидеры и эксперты, которые дальше передают свои знания подчиненным. Модель эффективна при обучении новым методикам и технологиям, при этом есть риск искажения информации от первых лиц к группе.

Вторая модель – стандартная, при которой обучение ведется по единой программе для всех, чаще всего в форме курсов и семинаров. Эффективна при необходимости обучения педагогов базовым знаниям и неэффективна для решения конкретных проблем.

Третья модель – комбинированная, сочетает в себе черты каскадной и стандартной моделей, предлагая групповые и индивидуальные формы обучения. Модель позволяет обучаться в группе,

но при этом можно индивидуализировать обучение исходя из потребностей педагогов.

В России педагогический состав учреждений СПО очень неоднородный: это и педагоги-предметники, педагоги с профессионально-педагогическим образованием, мастера производственного обучения, многие с образованием на уровне СПО и педагоги – специалисты, выходцы из производства. Все они сталкиваются с необходимостью решения в образовательном процессе следующих задач:

1. Необходимость интеграции цифровых технологий в образовательный процесс. Решение данной задачи в ряде учреждений СПО сталкивается определенными проблемами: сопротивление педагогов инновациям, которое происходит чаще всего из-за недостатка навыков работы с ними или консервативных взглядов на процесс обучения, кроме того, у педагогов, решивших включить цифровые технологии в учебный процесс, появляются проблемы из-за трудоемкости разработки занятий с применением информационных технологий, многим сложно найти и подготовить соответствующий учебный материал и др.

2. Появление новых профессий и исчезновение традиционных. Данная задача требует педагогов, готовых к постоянному переобучению и профессиональной мобильности.

3. Мотивация обучающихся и самих педагогов к эффективному образовательному процессу. Проблема мотивации сегодня одна из самых злободневных и сложных. Ее решение во многом связано с системными изменениями, которые и должны быть сделаны к 2030 году, после реализации Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации.

4. Обновление учебно-методического, ресурсного, материально-технического обеспечения и нормативной базы.

Тем не менее, в настоящее время, в России подготовка педагогов для СПО находится в процессе расширения и развития. Например, в Московском городском университете стартовала новая программа бакалавриата, направленная на подготовку педагогов для системы среднего профессионального образования, в которой сделан упор на практикоориентированность (большая часть программы будет обучающиеся будут проходить в колледжах и техникумах, так как подготовка проектируется по лучшим образцам советской инженерно-педагогической профессиональной школы. В 2025 году к

программе подключатся и другие регионы России – Нижегородская, Свердловская, Тульская, Томская, Ульяновская области, Красноярский, Пермский, Хабаровский, Ханты-Мансийский автономные округа, Санкт-Петербург, что позволит обеспечить систему СПО высококвалифицированными кадрами.

Большую роль в совершенствовании педагогических и руководящих кадров СПО играет система дополнительного профессионального образования. В Татарстане в 2025 году реализуется 21 программа повышения квалификации для педагогов и заместителей руководителей СПО, Институт развития образования Республики Татарстан (далее Институт) реализует программу профессиональной переподготовки «Педагогика и методика профессионального образования», на 250 часов, ежегодно по которой обучается не менее 25 человек (<http://pr.irort.ru/plan-ogro-2025/>).

Только в 2024 году для системы СПО Институт провел 6 профессиональных конкурсов, например, таких как республиканский конкурс «Лучшая рабочая программа дисциплины общеобразовательного цикла (с учетом профессиональной направленности образовательной программы СПО)» (<http://pr.irort.ru/конкурсы/>). В 2025 году Отдел развития профессионального образования Института провел обучающие семинары, панельные дискуссии, круглые столы на актуальные темы, такие как – «Использование искусственного интеллекта как средства повышения мотивации и качества образовательных достижений обучающихся, панельная дискуссия «Проектирование и реализация профессиональных образовательных программ: современные подходы и новые требования» (<http://pr.irort.ru/семинары>)

Вышеназванные мероприятия, по откликам педагогов помогают им получить знания и навыки, необходимые для повышения качества образовательного процесса и мотивации студентов.

Выводы

Несмотря на предпринимаемые усилия со стороны государства и регионов, среднее профессиональное образование продолжает испытывать кадровый голод. Необходимо

пересмотреть условия и варианты подготовки по следующим параметрам:

1. Подготовка педагогов по принципиально новым специальностям: аддитивные технологии, беспилотные летательные аппараты, мехатроника, робототехника и др. Включить в данные направления целевое обучение. Использовать в этих целях «Профессионалитет», как инновационную форму целевой подготовки кадров.

2. Пересмотреть цифры набора будущих педагогов и мастеров производственного обучения по устаревшим специальностям, и распределить набор по действительно нужным специальностям, испытывающим кадровый голод, например агрономия, ветеринария и др.

3. Обеспечить межотраслевую интеграцию в подготовке кадров для СПО, так как сама система подготовки данных педагогов неоднородна: это технико-технологические и психолого-педагогические знания, причем важно сохранить баланс между этими двумя видами подготовки.

4. Подготовка педагогов для СПО будет носить более эффективный характер, при учете ее отраслевого характера, т.е. подготовку могут осуществлять только отраслевые институты, способные обеспечить необходимый уровень технико-технологического знания. Либо необходимо разделить виды подготовки: технико-технологическую осуществлять в профильных вузах, а психолого-педагогическую в педагогическом или классическом университетах.

5. Необходимо обеспечить непрерывную профессионально-педагогическую подготовку для всех специалистов, работающих в СПО, а также диверсифицировать образовательные траектории для педагогов, работающих в разных технико-технологических областях. [9]

Таким образом, внедрение современных подходов в подготовку педагогов для СПО укрепит кадровый потенциал системы и откроет новые возможности для ее развития: обеспечит совершенствование образовательно-воспитательной среды, будет соответствовать необходимым запросам со стороны работодателей к квалификации выпускников СПО, тем самым способствовать укреплению экономики страны.

Список источников

1. Гильмеева Р.Х., Мухаметзянова Ф.Ш., Мухаметзянова Л.Ю., Тихонова Л.П., Шайхутдинова Г.А. Научно-методическое обеспечение реализации культурокомпетентного подхода в гуманитарной подготовке студентов профессиональной школы // Вестник КазГУКИ. 2013. № 2. 5 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-metodicheskoe-obespechenie-realizatsii-kulturokompetentnostnogo-podhoda-v-gumanitarnoy-podgotovke-studentov> (дата обращения: 11.03.2025)

2. Юцявичене П. Теория и практика модульного обучения. Каунас: Швиеса, 1989. 272 с.
3. Чошанов М.А. Теория и технология проблемно-модульного обучения в профессиональной школе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 1996.
4. Лукша П., Спенсер-Кейс Д., Кубиста Д. Образовательные экосистемы: возникающая практика для будущего образования // Moscow School of Management SKOLKOVO. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/obrazovatelnye-ekosistemy-voznikayushayapraktika-dlya-budushego-obrazovaniya/> (дата обращения: 11.07.2025)
5. Нугуманова Л.Н., Шайхутдинова Г.А., Яковенко Т.В. Экосистемный подход к решению актуальных вопросов образования педагогов в рамках инновационной площадки РАО // Вестник педагогических наук. 2022. № 5. С. 100 – 104.
6. Уткин А.В., Шевченко К.В. Экосистемный подход в образовании: от метафоры к методологии и практике // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 2 (107). С. 175 – 189.
7. Баканова И.Г., Капустина Л.В. Вызовы современной системе среднего профессионального образования и пути их решения // Концепт. 2022. № 4. 15 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-sovremennoy-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 11.03.2025)
8. Котельникова Н.Н. Инновационные формы повышения квалификации учителей в Китае // Педагогика: традиции и инновации: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2011 г.). Т. 2. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 151 – 153. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/19/974/> (дата обращения: 17.03.2025)
9. Кубрушко П.Ф., Шингарева М.В., Атапина Ю.А. Педагогическая подготовка преподавателей системы среднего профессионального образования // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 2 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-podgotovka-prepodavateley-sistemy-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 17.03.2025)

References

1. Gilmeeva R.Kh., Mukhametzyanova F.Sh., Mukhametzyanova L.Yu., Tikhonova L.P., Shaikhutdinova G.A. Scientific and methodological support for the implementation of the cultural competence approach in the humanitarian training of students of a professional school. Bulletin of KazGUKI. 2013. No. 2. 5 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-metodicheskoe-obespechenie-realizatsii-kulturokompetentnostnogo-podhoda-v-gumanitarnoy-podgotovke-studentov> (date of access: 11.03.2025)
2. Yuceviciene P. Theory and practice of modular training. Kaunas: Šviesa, 1989. 272 p.
3. Choshanov M.A. Theory and technology of problem-modular learning in a vocational school: author's abstract. diss. ... doctor of ped. sciences. Kazan, 1996.
4. Luksha P., Spencer-Case D., Kubista D. Educational ecosystems: emerging practice for the future of education. Moscow School of Management SKOLKOVO. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/obrazovatelnye-ekosistemy-voznikayushayapraktika-dlya-budushego-obrazovaniya/> (date of access: 11.07.2025)
5. Nugumanova L. N., Shaikhutdinova G. A., Yakovenko T. V. Ecosystem approach to solving topical issues of teacher education within the framework of the innovative platform of the Russian Academy of Education. Bulletin of pedagogical sciences. 2022. No. 5. P. 100 – 104.
6. Utkin A.V., Shevchenko K.V. Ecosystem approach in education: from metaphor to methodology and practice. Bulletin of Cherepovets State University. 2022. No. 2 (107). P. 175 – 189.
7. Bakanova I.G., Kapustina L.V. Challenges to the modern system of secondary vocational education and ways to solve them. Concept. 2022. No. 4. 15 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-sovremennoy-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-i-puti-ih-resheniya> (date of access: 11.03.2025)
8. Kotelnikova N.N. Innovative forms of advanced training for teachers in China. Pedagogy: traditions and innovations: materials of the I International. scientific conf. (Chelyabinsk, October 2011). T. 2. Chelyabinsk: Two Komsomolets, 2011. P. 151 – 153. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/19/974/> (date of access: 17.03.2025)
9. Kubrushko P.F., Shingareva M.V., Atapina Yu.A. Pedagogical training of teachers of the secondary vocational education system. Professional education and the labor market. 2022. No. 2 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-podgotovka-prepodavateley-sistemy-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (date of access: 17.03.2025)

Информация об авторах

Мухаметзянова Ф.Ш., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник, Казанский государственный институт культуры

Шайхутдинова Г.А., кандидат педагогических наук, доцент, ученый секретарь, Институт развития образования Республики Татарстан

© Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 796.011

Физическая подготовка студентов к гонкам с препятствиями в предсоревновательном мезоцикле

¹ Антипина Ю.В.

¹ Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: в связи с популяризацией и ростом числа соревнований по направлению спорта «Гонки с препятствиями», а также активной государственной политикой по привлечению молодежи к физической активности и созданию спортивных резервов существует необходимость в разработке научно-методических материалов по физической подготовке студентов по данному направлению. Целью исследовательской работы является разработка и апробация методики подготовки студентов к гонкам с препятствиями в предсоревновательном мезоцикле. Методы и организация научного исследования: использованы методы анализа и обобщения научно-методической литературы по теме физической подготовки в видах спорта с различными видами нагрузки, педагогический эксперимент с применением разработанной методики, оценки эффективности посредством тестирования с комплексом упражнений, отображающего качественные и количественные изменения в функциональном состоянии студентов. Разработанная методика была апробирована в Санкт-Петербургском университете аэрокосмического приборостроения. Результаты исследования и выводы. Анализ полученных данных выявил рост уровня физической подготовленности и заинтересованности в занятиях данным видом спорта.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: современное состояние физической активности требует решений в виде новых методик организации физической подготовки с учетом уровня подготовленности студенток и представляет собой актуальное направление проведения исследований, способствующее не только физическому развитию, но и формированию заинтересованности в занятиях физической культурой и популяризации здорового образа жизни.

Ключевые слова: гонки с препятствиями, физическая подготовка, имитационная тренировка, предсоревновательный мезоцикл, студенты

Для цитирования: Антипина Ю.В. Физическая подготовка студентов к гонкам с препятствиями в предсоревновательном мезоцикле // Современный ученый. 2025. № 9. С. 239 – 244.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Physical preparation of students for obstacle races in the pre-competition mesocycle

¹ Antipina Yu.V.

¹ Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: due to the popularization and increase in the number of competitions in the field of Obstacle racing, as well as an active state policy to attract young people to physical activity and create sports reserves, there is a need to develop scientific and methodological materials on physical training of students in this field. The purpose of the

research is to develop and test methods for preparing students for obstacle races in a pre-competitive mesocycle. Methods and organization of scientific research: methods of analysis and generalization of scientific and methodological literature on the topic of physical training in sports with various types of stress, pedagogical experiment using the developed methodology, evaluation of effectiveness through testing with a set of exercises reflecting qualitative and quantitative changes in the functional state of students were used. The developed technique was tested at the St. Petersburg University of Aerospace Instrumentation. Research results and conclusions. The analysis of the obtained data revealed an increase in the level of physical fitness and interest in practicing this sport.

Based on the results of the study, the following conclusions were formulated: the current state of physical activity requires solutions in the form of new methods of organizing physical training, taking into account the level of preparedness of female students, and represents an urgent area of research that contributes not only to physical development, but also to the formation of interest in physical education and the promotion of a healthy lifestyle.

Keywords: obstacle racing, physical training, simulation training, pre-competitive mesocycle, students

For citation: Antipina Yu.V. Physical preparation of students for obstacle races in the pre-competition mesocycle. Modern Scientist. 2025. 9. P. 239 – 244.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Изменения в организации работы и жизнедеятельности людей, возникшие в связи с ускоренным развитием цифровых технологий, оказали, как показывают исследования, не лучшие воздействия на физическое состояние и здоровье. Собранные статистические данные по росту заболеваемости, ожирения и общему снижению физической активности свидетельствуют о том, к 2030 году с такими тенденциями количество физически неактивных людей достигнет 35% населения. Согласно исследованиям Котовой М.Б., Максимова С.А., Шальной С.А., Волкова В.В. и др. необходимо вмешательства для формирования мер и программ, направленных на повышение населения РФ, так как тенденции снижения имеют прогрессирующий характер [3]. В работе Г.Н. Цинченко и И.С. Орлова отмечается, что после перехода к новой социально-экономической модели развития, возникла структурная перестройка всех сфер жизни граждан, в которой физическая культура и спорт выпали из сферы жизненных приоритетов и утратили былое распространение в обществе, достигнутое во второй половине прошедшего столетия [8]. Исследователями так же отмечено ухудшение состояния детско-юношеского спорта в организационном плане. Данные проблемы не были проигнорированы государственной политикой Российской Федерации и были предприняты меры в виде разработки Стратегии развития спорта и физической культуры [5]. Согласно целям Стратегии в октябре 2019 года во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин были включена дисциплина Гонка с препятствиями [4,7]. По правилам дисциплины «Гонки с препятствиями» – вид спорта, в котором спортсмен преодолевает

специально подготовленную дистанцию с препятствиями за минимально короткое время без использования какого-либо дополнительного специального оборудования [6]. Трассы и препятствия на них организуются таким образом, чтобы выступающий показал не только физическую, но и тактическую, а также техническую подготовки. От выступающих требуется иметь высокий уровень аэробных способностей для осуществления передвижения бегом по дистанции, а также развитые показатели силы, мощности, то есть анаэробных способностей для осуществления прыжков, подтягиваний, преодолений препятствий.

Осуществление спортивной подготовки, включающей в себя физическую, техническую и тактические виды, на данный момент базируется на Федеральном стандарте спортивной подготовки по виду Гонки с препятствиями. Но в виду мало количества тренировочного, тренерского опыта и малоизученности данной дисциплины с научной точки зрения на фоне роста заинтересованности молодежи таким видом физической активности является актуальным разработка и апробация методики физической подготовки студентов [1].

Цель настоящего исследования заключается в разработке и практической проверке методики подготовки студентов к соревнованиям по гонкам с препятствиями в рамках предсоревновательного мезоцикла.

Материалы и методы исследований

В ранее проведенных нами исследованиях физической подготовки студентов к гонкам с препятствиями было отмечено, что календарь соревнований строится в соответствии со спецификой вида спорта, подразумевающей проведение соревнований преимущественно в период весна-лето-осень,

таким образом рационально строить годичный макроцикл согласно теории и методики спортивной подготовки с разбивкой на 4 основных мезоциклов, где соревновательный цикл приходится на довольно длительный период с апреля по октябрь, базовый декабрь-март, восстановительный – ноябрь [1]. Но по мере накопления данных по соревновательной деятельности студентов было решено разработать новую методику физической подготовки, базирующейся на включении в годичной макроцикл обязательного предсоревновательного мезоцикла длительностью 6 недель и предшествующего первому старту атлетов. В процесс подготовки применения соревновательного метода с применением средств в виде имитационных упражнений в связи с тем, что в базовом цикле использовались для развития аэробных качеств методы повторной, переменной и интервальной тренировочной нагрузки, анаэробные развивались методами единичного максимального повторения.

Возраст студентов – респондентов педагогического эксперимента, участвующих в соревнованиях, 17-19 лет, что позволяет им участвовать в соревнованиях на всех дистанциях. Так же данный возраст соответствует переходу с этапа начальной подготовки на учебно-тренировочный этап, в целях которого обозначено формирование разносторонней общей и специальной физической подготовленности, формирование навыков соревновательной деятельности. Для реализации данных целей в рамках предсоревновательного мезоцикла было спланировано 5 микроциклов длительностью 7 дней, в каждом из которых респонденты участвовали на 6 день в имитации соревнований на чередующихся дистанциях 3000 метров и 5000 метров с количеством препятствий 9 и 15 соответственно (использованные препятствия: наклонные платформы, лестница, вертикальный забор, рукоход, кольца, баланс, сетка). Шестой микроцикл был восстановительным со сокращенной нагрузкой и интенсивностью.

Методами проведения исследовательской работы выступили анализ данных научных исследований, опыта тренерской практики и тренировочной деятельности спортсменов, пульсометрии, педагогический эксперимент, методы математической статистики. В рамках педагогического эксперимента были отобраны студенты 2-3 курсов в количестве 20 человек, имеющие опыт в тренировочной и соревновательной деятельности в гонках с препятствиями. Испытуемые готовились к соревнованиям по разработанной методике на протяжении 50 дней.

В рамках настоящего исследования для сбора данных о текущем и контрольном состояниях

участников использовались современные цифровые устройства и технологии. Применялись высокоточные сенсоры пульса для мониторинга сердечного ритма, а также облачный сервис Garmin Connect для обработки и анализа полученных данных. Эти инструменты обеспечили сбор объективных и надежных данных, необходимых для детального анализа физиологических показателей и динамики тренировочного процесса.

Результаты и обсуждения

Исследовательских работ по теме спортивной и физической подготовке к гонкам с препятствиями в настоящее время недостаточно. В зарубежных исследованиях отмечают необходимость всестороннего развития физических качеств, так как в гонках имеет место применение не только аэробных качеств, но и анаэробных, такие как мощность, взрывные усилия, спринтерские ускорения, силовая выносливость.

В отечественной научной сфере проблематика подготовки к гонкам с препятствиями активно исследуется такими учеными, как А.Р. Арапова, Ф.А. Мавлиев и С.Н. Павлов, чьи труды вносят значительный вклад в развитие теории и методики спорта по данной дисциплине. В рамках их исследовательской работы "Исследование функциональной подготовленности OCR-атлетов Татарстана" были получены подтверждение опытным путем о необходимости высокого уровня функциональной подготовленности и всестороннего физического развития у спортсменов данной дисциплины [2].

Федеральный стандарт спортивной подготовки (ФССП) по виду спорта «гонки с препятствиями», утвержденный приказом Министерства спорта Российской Федерации от 31 октября 2022 г. № 872, представляет собой нормативно-правовой акт, регламентирующий основные направления и объемы тренировочных нагрузок на различных этапах спортивной подготовки. Анализ данного стандарта позволяет выявить ключевые закономерности и особенности тренировочного процесса, которые могут служить основой для оптимизации подготовки спортсменов к соревнованиям высокого уровня. Согласно ФССП, на начальном этапе основное внимание уделяется общей физической подготовке (ОФП), которая составляет от 50% до 67% от общего объема тренировочных нагрузок [4]. Это обусловлено необходимостью создания прочной базы для дальнейшего развития специфических физических качеств и технических навыков, а также формирования основ функционального состояния организма спортсмена. Годовой объем тренировочных нагрузок на данном этапе варьируется от 234 до 416 часов, что обеспечивает по-

степенное увеличение интенсивности и объема тренировочных воздействий, способствуя адаптации организма к нагрузкам и развитию выносливости. На этапе спортивной специализации наблюдается значительное увеличение объема тренировочных нагрузок, который составляет от 624 до 728 часов. Увеличение объема тренировочных воздействий связано с необходимостью более детальной проработки специфических физических качеств, а также совершенствования технических и тактических навыков. Доля времени, отводимого на ОФП, снижается до 15-30%, что дает возможность перераспределить тренировочные нагрузки в пользу специальной физической подготовки (СФП), которая занимает до 25% от общего объема нагрузок. Техническая и тактическая подготовка также приобретают значительное значение, составляя около 25% тренировочного времени, что обусловлено необходимостью формирования устойчивых навыков и стратегий соревновательной деятельности. На этапах совершенствования спортивного мастерства и высшего спортивного мастерства акценты смещаются в сторону теоретической, тактической и психологической подготовки, которые занимают от 31% до 42% и от 32% до 43% соответственно [4]. Это свидетельствует о возрастающей значимости данных компонентов в достижении высоких спортивных результатов. Доля времени, отводимая на СФП и ОФП, остается относительно стабильной, однако их роль в тренировочном процессе меняется: ОФП продолжает обеспечивать поддержание и развитие базовых физических качеств, таких как выносливость, сила и гибкость, в то время как СФП становится более специализированной, направленной на развитие специфических навыков и умений, необходимых для успешной конкуренции на высочайшем уровне.

В ходе педагогического наблюдения и опроса выступающих на соревнованиях атлетов, было

установлено, что большинство осуществляет спортивную подготовку интуитивно с применением методов и средств из таких видов как легкая атлетика и функциональное многоборье.

Арапова А. Р. В своих исследованиях отмечает, что спортсмены Татарстана отдают от 50 до 75% физической подготовки выделяют на беговой вид тренировок, 10-30% на силовую подготовку и 5-30% имитационной вид [2]. Спортсмены Северо-Западного округа в большей степени занимаются силовой и координационной подготовкой, на беговую подготовку отводят не более 60% общего тренировочного объема с акцентом на кроссовый бег. Таким образом, несмотря на существующий ФССП по виду спорта гонки с препятствиями, в организации спортивной подготовки явно требуются исследования по организации методов и средств необходимых для развития и создания спортивного резерва, популяризации данной дисциплины как вида физической активности.

По завершению эксперимента был проведен всесторонний анализ полученных данных, который выявил значительное улучшение физической кондиции студентов. В частности, была зафиксирована положительная динамика уровня кардиореспираторной выносливости, что подтверждается статистически достоверным снижением средней частоты сердечных сокращений (ЧСС) на 5% при беге на дистанции в 3 километра и на 1,17% на 5 километров. Также было отмечено уменьшение максимального значения ЧСС на 6% при тестировании на 3 километра и на 4,2% при пробеге дистанции в 5 километров.

Эти наблюдения свидетельствуют о благоприятном воздействии разработанной программы физической подготовки на сердечно-сосудистую систему студентов. Данный факт является ключевым показателем улучшения их общей физической подготовленности и функциональной выносливости (табл. 1).

Таблица 1

Показатели в ходе педагогического эксперимента, $\bar{x} \pm \sigma$.

Table 1

Indicators during the pedagogical experiment, $\bar{x} \pm \sigma$.

Показатели	Имитационные соревнования в предсоревновательном мезоцикле N=20, $M \pm m$				
	1 3000 м.	2 5000 м.	3 3000 м.	4 5000 м.	5 3000 м.
Средняя дистанционная скорость, км/ч	10,8 $\pm$ 1,3	9,1 $\pm$ 1,4	11,2 $\pm$ 1,3	10,6 $\pm$ 1,4	11,6 $\pm$ 0,44
Средняя ЧСС по дистанции, уд/мин	176,1 $\pm$ 2,31	176,72 $\pm$ 1,2	173,38 $\pm$ 0,63	174,66 $\pm$ 0,92	167,3 $\pm$ 0,74
Максимальная ЧСС, уд/мин	193,1 $\pm$ 3,54	195,31 $\pm$ 2,1	189,1 $\pm$ 7,1	187,1 $\pm$ 1,33	182,1 $\pm$ 1,15

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

VO ₂ max, мл/кг/мин	54,73±2,32	54,53±1,87	53,9±1,64	53,13±1,14	53,02±0,94
Интенсивность (согласно Garmin) на дистанции	1,12±0,07	1,24±0,55	0,98±0,7	1,13±0,36	0,88±0,3
Время преодоления дистанции, мин	16,4±0,73	32,63±1,48	16±0,22	31,18±1,1	15,31±0,61
Время преодоления препятствий, мин	5,32±1,34	13,3±1,72	5,11±1,03	12,8±1,44	5,04±0,81

Изменения выразились в увеличении средней дистанционной скорости на 7,4% и 16,5% на 3 и 5 километрах, и скорости преодоления препятствий, способствующей сокращению затраченного времени на 30 секунд по обеим дистанциям. Важно отметить, что снижение средней частоты сердечных сокращений (ЧСС) на дистанции 5 километров, хотя и является положительным результатом, требует дальнейших исследований для оптимизации методов физической подготовки и повышения данного показателя.

Разработанная структура тренировочного мезоцикла для подготовки к соревнованиям в дисциплине "гонки с препятствиями" обеспечивает комплексное развитие необходимых физических качеств, а также решение специфических задач специальной подготовки. Кроме того, она способствует эффективной технической и психологической подготовке спортсменов к соревнованиям. Внедрение имитационных тренировок в программу подготовки позволяет целенаправленно подвести атлетов к приоритетным соревнованиям, обеспечивая их максимальную готовность к выполнению поставленных задач.

Выводы

На фоне падения уровня физической активности, активной борьбы государственной политики с данной тенденцией и ростом популярности вида спорта «Гонки с препятствиями» в связи с его доступностью, зрелищностью и эмоционально будоражающим эффектом, является актуальным проведение исследований в области организации спортивной и физической подготовки молодежи по данному виду. Проведенные изыскания показали, что на данный момент вопрос методик подготовки изучен и представлен критически мало. Специфика вида спорта, заключающаяся не только в отсутствии унифицированных трасс, но и в различных наборах условий, требований в развитии как силовых, так и скоростных показателей. Разработанная структура тренировок исследуемого мезоцикла подготовки к соревнованиям по виду спорта «гонки с препятствиями» позволяет целенаправленно развивать не только требуемые физические качества и решать задачи развития специальной подготовки, но и осуществлять проработку технической и психологической подготовки к соревнованиям. Применение таких средств как имитационные тренировки способствует подведению атлетов непосредственно к приоритетным соревнованиям.

Список источников

1. Антипина Ю.В. Физическая подготовка студентов к гонкам с препятствиями // Научная сессия ГУАП: Сборник докладов Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики, Санкт-Петербург, 08-15 апреля 2024 года., Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2024. С. 142 – 143.
2. Арапова А.Р. Исследование функциональной подготовленности OCR-атлетов Республики Татарстан // Наука и спорт: современные тенденции. 2024. Т. 12. № S2 (47). С. 9 – 17. DOI 10.36028/2308-8826-2024-12-S2-9-17
3. Котова М. Б. и др. Уровни и виды физической активности в России по данным исследования ЭССЕ-РФ: есть ли след пандемии COVID-19? // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22. № 8S. С. 3787. doi:10.15829/1728-8800-2023-3787
4. Приказ Министерства спорта РФ от 31 октября 2022 г. № 872 “Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «гонки с препятствиями». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405745775/> (дата обращения: 06.01.2025)
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.08.2009 № 1101-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года»; Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2014 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://minsport.gov.ru/sport/physicalculture/fiz-ra-paprk/4384> (дата обращения: 24.12.2024)

6. Российская федерация гонок с препятствиями. Правила вида спорта. [Электронный ресурс] URL: <https://ocrrussia.com/mediafiles/documents/program2022.pdf> (дата обращения: 24.12.2024)
7. Российская федерация гонок с препятствиями. Приказ о признании. [Электронный ресурс] URL: https://ocrrussia.com/mediafiles/documents/prikaz_priznanie.pdf
8. Цинченко Г.М., Орлова И.С. Государственная политика Российской Федерации в сфере развития физической культуры и спорта // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-rossiyskoy-federatsii-v-sfere-razvitiya-fizicheskoy-kultury-i-sporta> (дата обращения: 09.11.2024)

References

1. Antipina Yu.V. Physical training of students for obstacle races. Scientific session of GUAP: Collection of reports of the Scientific session dedicated to the World Aviation and Cosmonautics Day, St. Petersburg, April 08-15, 2024., St. Petersburg: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2024. P. 142 – 143.
2. Arapova A.R. Study of the functional fitness of OCR athletes of the Republic of Tatarstan. Science and Sport: Modern Trends. 2024. Vol. 12. No. S2 (47). P. 9 – 17. DOI 10.36028/2308-8826-2024-12-S2-9-17
3. Kotova M. B. et al. Levels and types of physical activity in Russia according to the ESSE-RF study: is there a trace of the COVID-19 pandemic? Cardiovascular Therapy and Prevention. 2023. Vol. 22. No. 8S. P. 3787. doi:10.15829/1728-8800-2023-3787
4. Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation of October 31, 2022 No. 872 “On approval of the federal standard of sports training in the sport of “obstacle racing”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405745775/> (date of access: 06.01.2025)
5. Order of the Government of the Russian Federation of August 7, 2009 No. 1101-r “On approval of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation through 2020”; Resolution of the Government of the Russian Federation of June 11, 2014” [Electronic resource]. URL: <http://minsport.gov.ru/sport/phvsicalculture/fiz-ra-papk/4384> (date of access: 24.12.2024)
6. Russian Obstacle Racing Federation. Rules of the sport. [Electronic resource] URL: <https://ocrrussia.com/mediafiles/documents/program2022.pdf> (date of access: 24.12.2024)
7. Russian Obstacle Racing Federation. Order on recognition. [Electronic resource] URL: https://ocrrussia.com/mediafiles/documents/prikaz_priznanie.pdf
8. Tsинченко Г.М., Орлова И.С. State policy of the Russian Federation in the field of development of physical culture and sports. Issues of management. 2019. No. 3 (39). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-rossiyskoy-federatsii-v-sfere-razvitiya-fizicheskoy-kultury-i-sporta> (date of access: 09.11.2024)

Информация об авторе

Антипина Ю.В., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП), uliasha@list.ru

© Антипина Ю.В., ГУАП, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.1

Педагогические основы адаптации студентов в условиях инклюзии

¹ Садртдинова Л.Р., ¹ Вашетина О.В., ¹ Хафизова А.А.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: современное образовательное пространство, несмотря на заявленную инклюзивность, зачастую оказывается недостаточно адаптированным к потребностям студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В связи с этим целью данного исследования является разработка и апробация авторской программы, направленной на социальную адаптацию студентов. Программа представляет собой комплексный подход, включающий разработку специализированной образовательной платформы, организацию тренингов для преподавателей и студентов, а также формирование инклюзивных сообществ. В ходе исследования были использованы качественные (глубинные интервью со студентами с ОВЗ, преподавателями и администрацией вуза, фокус-группы со студентами-ровесниками) и количественные методы (анкетирование студентов с ОВЗ и их ровесников, опрос преподавателей, анализ данных об учебной успеваемости студентов с ОВЗ за последние 3 года). В исследовании принимали участие 153 студента из трех вузов Казани. Проведенное исследование подтвердило гипотезу об эффективности использования разработанной программы. Наибольший прогресс отмечался в группах с изначально низким уровнем социальной адаптации. Разработанная программа может быть использована вузами в качестве модели для создания инклюзивной образовательной среды.

Ключевые слова: педагогическое исследование, высшее образование, инновации в образовании, инклюзивное образование, адаптация студентов

Для цитирования: Садртдинова Л.Р., Вашетина О.В., Хафизова А.А. Педагогические основы адаптации студентов в условиях инклюзии // Современный ученый. 2025. № 9. С. 245 – 252.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Pedagogical foundations of adapting students with disabilities in inclusive environment

¹ Sadrtdinova L.R., ¹ Vashetina O.V., ¹ Khafizova A.A.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: modern educational space, despite its declared inclusivity, often turns out to be insufficiently adapted to the needs of students with disabilities. Therefore, the purpose of this article is to develop and test the author's program, aimed at the social adaptation of students. The program represents a comprehensive approach, including the development of a specialized educational platform, the organization of training for teachers and students, as well as the formation of inclusive communities. In the course of the study, qualitative (in-depth interviews with students with disabilities, teachers and university administration, focus groups with peer students) and quantitative methods

(questionnaires of students with disabilities and their peers, surveys of teachers, analysis of data on the academic performance of students with LHO over the last 3 years) were used. The study involved 153 students from three universities in Kazan. The conducted research confirmed the hypothesis about the effectiveness of using the developed program. The greatest progress was noted in groups with an initially low level of social adaptation. The developed program can be used by universities as a model for creating an inclusive educational environment.

Keywords: pedagogical research, higher education, innovations in education, inclusive education, student adaptation

For citation: Sadrtidnova L.R., Vashetina O.V., Khafizova A.A. Pedagogical foundations of students' adaptation in conditions of inclusion. Pedagogical foundations of adapting students with disabilities in inclusive environment. Modern Scientist. 2025. 9. P. 245 – 252.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В условиях глобализации и стремительного технологического прогресса, конкурентоспособность национальных экономик все больше зависит от качества человеческого капитала. Образование, и особенно высшее образование, является ключевым фактором формирования этого капитала. Однако, потенциал многих талантливых людей с ОВЗ остается нереализованным из-за недостаточной доступности и инклюзивности системы высшего образования. Исключение значительной части населения из полноценного участия в образовательном процессе не только несправедливо, но и экономически неэффективно, приводя к потере высококвалифицированных специалистов и снижению общего потенциала страны.

Несмотря на прогресс в сфере инклюзивного образования, адаптация студентов с ОВЗ в высших учебных заведениях сталкивается с непреодолимыми, на первый взгляд, препятствиями. Одной из ключевых проблем является недостаточная готовность социума, особенно сверстников, к взаимодействию с людьми, имеющими специфические потребности. Этот «барьер» зачастую не позволяет студентам с ОВЗ чувствовать себя интегрированными, полноценными участниками университетской жизни, что отражается на их академической успеваемости, общем психологическом благополучии и уровне адаптации.

Адаптация студентов с ОВЗ к условиям высшего образования представляет собой сложную многогранную задачу, включающую в себя не только обеспечение доступной инфраструктуры (пандусы, подъемники, адаптированные аудитории), но и создание благоприятной психологической и социальной атмосферы. Необходимо учитывать разнообразие типов ОВЗ и индивидуальные потребности каждого студента, разрабатывая гибкие и персонализированные программы поддержки. Важной составляющей является формирование у препода-

вателей и студентов компетенций в области инклюзивного образования, понимание особенностей общения и взаимодействия со студентами с ОВЗ [8].

В работах А.Л. Князевой и Е.Н. Корнеевой были выделены психофизиологический, социально-психологический и мотивационно-личностный компоненты адаптации студентов. Эти исследователи рассматривают адаптацию как комплексный процесс, включающий различные аспекты приспособления к новым условиям жизни и обучения [3]. Л.Е. Елгина, рассматривая социальную адаптацию, определяет в ней две составляющие: профессиональную и социально-психологическую. Первая состоит в том, чтобы приспособиться к процессу обучения, вторая связана с взаимодействием студента с однокурсниками, с выработкой собственного стиля взаимодействия со средой и поведения в ней [2]. Хотим отметить, что зачастую исследователи рассматривают социальную адаптацию лишь в одном из направлений, что, на наш взгляд, неверно. Для эффективного решения данной проблемы необходимо задействовать все сферы адаптации, что обеспечит полноценное формирование индивида как системного объекта социализации. Это не противоречит теории С. Коби и К. Пэрли о трёх компонентах адаптации студентов с ОВЗ [10]. В ее основе – удовлетворение трех составляющих социальной адаптации, а именно: социально-психологический компонент (С-П), пространственный компонент (ПР) и образовательный компонент (ОБ). СП включает в себя адаптацию студента к социальной среде с психологической точки зрения, а также процесс освоения социальных ролей. ПР связан с физической адаптацией к новому пространству, инфраструктуре и окружающей среде. ОБ подразумевает приспособление к новым методам обучения, требованиям и учебной программе [10].

Д. Холл и Т. Тинклин выделили ряд особенностей, которые необходимо учитывать при взаимодействии со студентами с инвалидизацией. Так, они говорят об отсутствии в современной образовательной среде доступных помещений, специальных средств сопровождения инвалидов, безразличия со стороны вузовской социальной среды по отношению к студентам с ОВЗ, некомпетентность в области преподавания таким студентам. Особой проблемой авторы называют ограниченность в выборе образовательных программ для абитуриентов с инвалидностью. Можно предположить, что в дальнейшем выпускник может испытывать сложности в профессиональной и личностной самореализации [6].

Похожие проблемы выделяют и отечественные ученые, например, Е.Р. Ярская-Смирнова и П.В. Романов. Авторы говорят о том, что у абитуриентов с ОВЗ снижена мотивация к поступлению в вуз из-за страха перед «мейнстримной, неприспособленной средой» [5, 9].

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что проблема адаптации студентов с ОВЗ в образовательной среде привлекает внимание многих ученых и исследователей. Они стремятся найти эффективные способы создания инклюзивной среды, которая обеспечит равные возможности для всех учащихся. Одним из перспективных направлений является разработка программ, направленных на преодоление барьеров между студентами с ОВЗ и их сверстниками [1, 4, 7].

Материалы и методы исследований

В контексте обеспечения условий для адаптации студентов, авторами была создана программа для студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в условиях инклюзии. В отличие от многих существующих программ, предлагаемая программа делает акцент на практических занятиях, ориентированных на развитие конкретных навыков эффективного взаимодействия. Это позволит студентам не только получить теоретические знания, но и приобрести практический опыт, необходимый для успешной адаптации в условиях высшего образования. Успешная реализация данной программы может послужить примером для других вузов и стран, способствуя распространению лучших практик в области инклюзивного образования. Исследование внесет вклад в глобальную дискуссию о правах и возможностях людей с ОВЗ, показывая практическую реализацию принципов инклюзии.

Программа включает в себя ролевые игры, симуляции реальных ситуаций, тренинги по коммуникации и разрешению конфликтов. Результаты данного исследования могут быть использованы

для разработки рекомендаций по совершенствованию образовательных стандартов, подготовки преподавателей и создания инклюзивной среды в высших учебных заведениях.

Разработанная программа направлена на комплексную адаптацию студентов с ОВЗ к вузовской среде в инклюзивном формате. Она включает в себя многосторонний подход:

- целенаправленные тренинги по межличностному общению для развития навыков коммуникации как у самих студентов с ОВЗ, так и у их сверстников;
- мастер-классы по адаптации учебного процесса для разработки и внедрения индивидуальных подходов к обучению;
- создание специальных цифровых ресурсов для обеспечения доступности информации;
- систему наставничества для предоставления каждому студенту с ОВЗ персонального наставника.

Настоящее исследование направлено на оценку эффективности описанной выше программы. Мы стремимся ответить на следующие ключевые вопросы:

1. Как программа влияет на уровень социальной интеграции студентов с ОВЗ?
2. Как меняется отношение сверстников к студентам с ОВЗ?
3. Какие элементы программы наиболее эффективны?
4. Какова роль цифровых инструментов в улучшении коммуникации и взаимодействия между студентами?

Результаты исследования позволят не только оценить эффективность авторской программы, но и предоставят ценную информацию для разработки более эффективных стратегий создания инклюзивных образовательных сред в других университетах. Полученные данные послужат основой для рекомендаций по улучшению существующей программы и разработке новых инициатив в области инклюзивного образования.

Мы предполагаем, что участие в программе приведет к статистически значимому улучшению социальной интеграции студентов с ОВЗ и более позитивному отношению к ним со стороны их сверстников. Комбинированный подход программы (обучение, консультирование, использование цифровых технологий) будет более эффективен, чем применение отдельных компонентов.

Обоснование выбора методов и методик исследования

Для оценки эффективности программы будет использован смешанный метод, сочетающий ко-

личественные и качественные методы исследования:

- **Количественные методы** измерения показателей социальной адаптации включали в себя: анкетирование (авторская анкета, направленная на измерение уровня социальной адаптации студентов (шкалы социальной адаптированности, шкалы качества жизни), тестирование: шкала тревожности Спилбергера-Ханина и методика диагностики уровня эмпатии И.М. Юсупова. Статистическая обработка результатов осуществлена с помощью корреляционного анализа и t-критерия для выявления статистически значимых различий.

- **Качественные методы:** фокус-группы и/или полуструктурированные интервью с участниками программы (студентами с ОВЗ и их сверстниками) для получения более глубокого понимания их опыта, трудностей и мнений об эффективности программы. Анализ качественных данных проведен с использованием тематического анализа.

Выбор смешанного метода обусловлен необходимостью получить как объективные количественные данные об эффективности программы, так и глубокое качественное понимание субъективного опыта участников.

Экспериментальная база исследования

В исследовании участвуют три вуза Казани: Институт психологии и образования, Казанский энергетический университет и Институт юстиции. Общее количество участников эксперимента составляет 153 человека, которые разделены на шесть групп. Три группы являются экспериментальными, а три – контрольными.

Исследование включает три контрольные группы, каждая из которых состоит из студентов 1–2 курсов различных вузов. Эти группы подобраны аналогичным образом и включают пропорциональное количество студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и их нормотипичных сверстников. Такой подход позволяет обеспечить сопоставимость характеристик всех групп, участвующих в исследовании, и провести адекватное сравнение результатов экспериментальной и контрольных групп.

Результаты и обсуждения

На констатирующем этапе исследования было проведено анкетирование и тестирование 153 студентов первых курсов трех вузов различного профиля: Казанского федерального университета (КФУ), Энергетического университета (ЭУ) и Института юриспруденции (ИЮ). Диагностический инструментарий включал авторскую анкету адаптации, шкалу тревожности Спилбергера-Ханина и методику диагностики уровня эмпатии И.М. Юсупова. Полученные данные, представленные на рис. 1-4, выявили существенные межвузовские различия в исходном уровне адаптации.

На констатирующем этапе эксперимента нами были получены следующие данные: высокий уровень адаптации среди студентов КФУ представлен у 25,4%, ЭУ – 18,9%, ИЮ – 15,3%. При этом в последнем отмечался наиболее высокий процент студентов с низким уровнем адаптации (44,5%), что может быть связано со спецификой юридического образования, требующего особых навыков коммуникации.

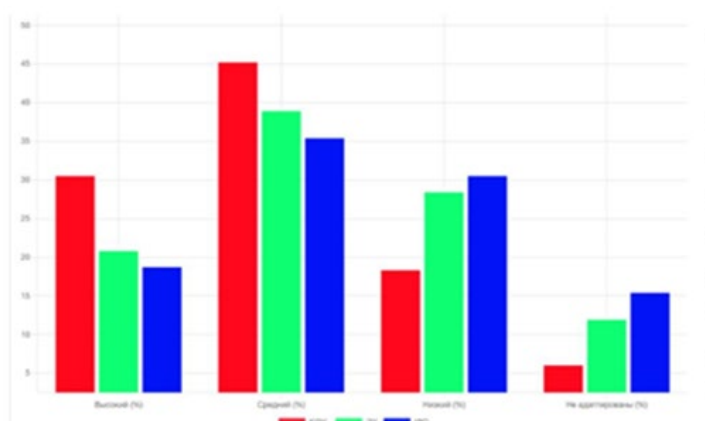

Рис. 1. Показатели уровня адаптации студентов на констатирующем этапе эксперимента (анкетирование, КГ).

Fig. 1. Indicators of the level of students' adaptation at the ascertaining stage of the experiment (questionnaire, CG).

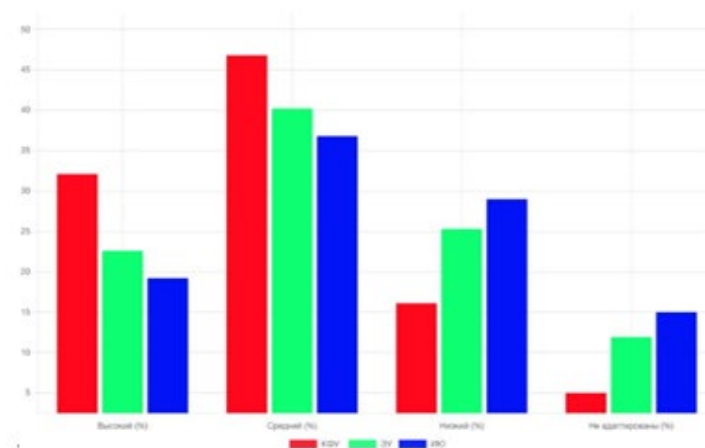

Рис. 2. Показатели уровня адаптации студентов на констатирующем этапе эксперимента (анкетирование, ЭГ).

Fig. 2. Indicators of the level of adaptation of students at the ascertaining stage of the experiment (questionnaire, EG).

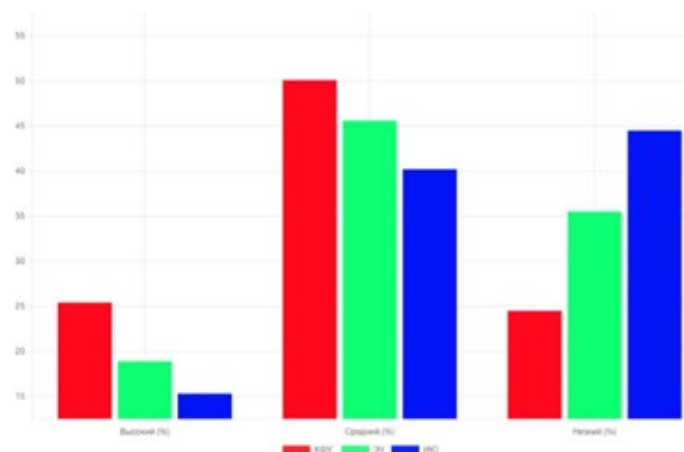

Рис. 3. Показатели уровня адаптации студентов на констатирующем этапе эксперимента (тестирование КГ).

Fig. 3. Indicators of the level of students' adaptation at the ascertaining stage of the experiment (testing of the KG).

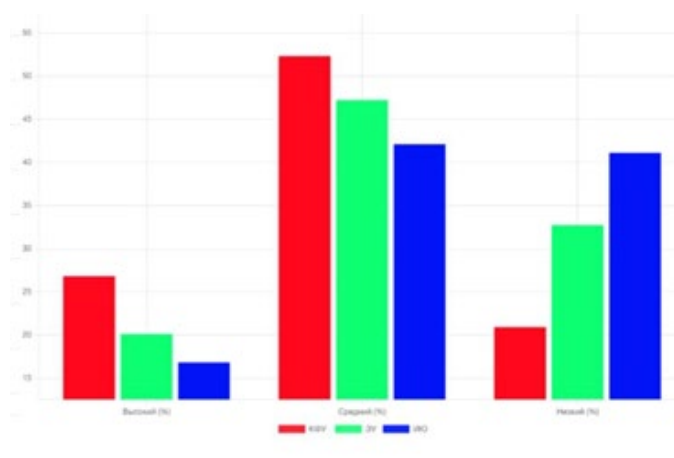

Рис. 4. Показатели уровня адаптации студентов на констатирующем этапе эксперимента (тестирование ЭГ).

Fig. 4. Indicators of the level of students' adaptation at the ascertaining stage of the experiment (EG testing).

Формирующий этап исследования включал реализацию четырех модулей авторской программы общей продолжительностью 222 академических часа. Особое внимание уделялось интерактивным методам работы: в модуле «Инициация и вовлечение» использовались кейс-стади и форум-театр, в модуле «Социальное консультирование» – индивидуальные супервизии, в модуле «Инклюзивные коммуникативные стратегии» – симуляционные игры с элементами дополненной реальности.

Контрольный этап исследования продемонстрировал значительную положительную динамику во всех экспериментальных группах. Наиболее выраженный эффект наблюдался в КФУ, где доля студентов с высоким уровнем адаптации увеличилась на 40,2% (с 32,1% до 72,3%, $p < 0,001$). В ИЮ, несмотря на изначально низкие показатели, прирост составил 35,5%, что свидетельствует об эффективности программы для студентов с выраженными трудностями адаптации.

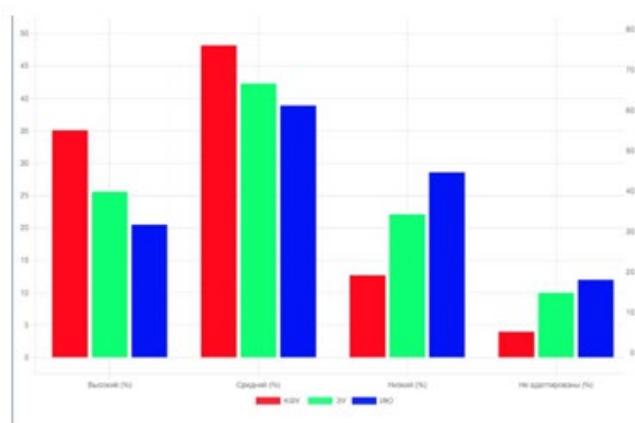

Рис. 5. Показатели уровня адаптации на контрольном этапе эксперимента (анкетирование КГ).
Fig. 5. Indicators of the adaptation level at the control stage of the experiment (questionnaire of the CG).

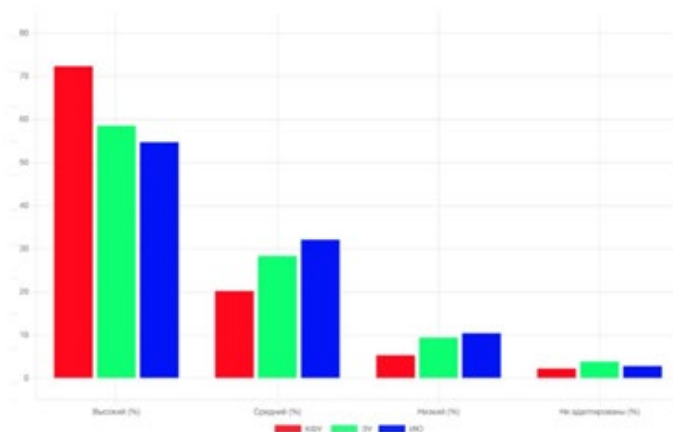

Рис. 6. Показатели уровня адаптации на контрольном этапе эксперимента (анкетирование ЭГ).
Fig. 6. Indicators of the adaptation level at the control stage of the experiment (EG survey).

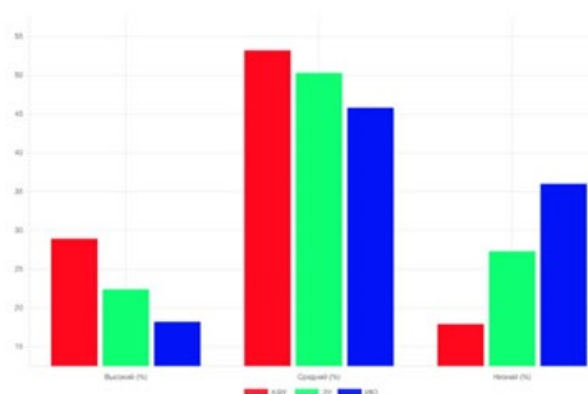

Рис. 7. Показатели уровня адаптации на контрольном этапе эксперимента (тестирование КГ).
Fig. 7. Indicators of the adaptation level at the control stage of the experiment (KG testing).

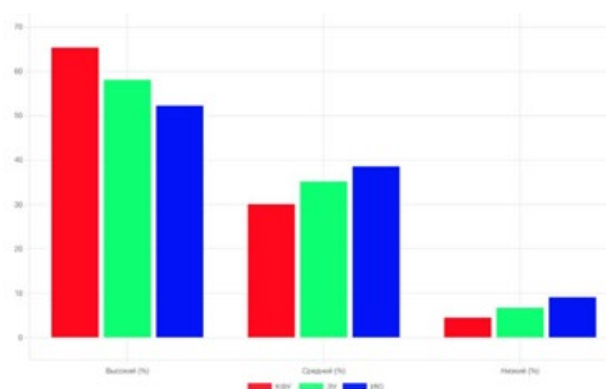

Рис. 8. Показатели уровня адаптации на контрольном этапе эксперимента (тестирование ЭГ).
Fig. 8. Indicators of the adaptation level at the control stage of the experiment (EG testing).

Качественный анализ показал, что 85% участников отметили улучшение коммуникативных навыков, а 78% – снижение уровня тревожности. Особенно ценными, по мнению студентов, оказались практико-ориентированные форматы работы и возможность апробировать различные стратегии взаимодействия в безопасной среде.

Дальнейшая работа будет направлена на разработку дифференцированных модулей программы с учетом профиля вуза и особенностей контингента студентов. Особое внимание планируется уделить цифровым инструментам сопровождения, показавшим высокую эффективность в условиях смешанного обучения.

Выводы

Результаты исследования, целью которого яв-

лялась разработка и апробация авторской программы социальной адаптации студентов, продемонстрировали положительную динамику во всех экспериментальных группах. Выраженный эффект был в КФУ, где доля студентов с высоким уровнем адаптации увеличилась на 40%. Более того, у 85% студентов отмечено улучшение в коммуникации, и почти у 80% – снижение уровня тревожности. Полученные данные свидетельствуют об эффективности разработанной программы для студентов с выраженными трудностями адаптации. Результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения долгосрочных эффектов программы и ее адаптации к различным образовательным контекстам.

Список источников

1. Добровольская Т.А., Шебалина Н.Б. Социально-психологические особенности взаимоотношений инвалидов и здоровых // Социол. исслед. 1993. № 1. С. 62 – 66.
2. Елгина Л.С. Социальная адаптация студентов в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 5. С. 162 – 166.
3. Князева А.Л., Корнеева Е.Н. Психологическая инвалидизация, или личностная идентичность инвалида // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 2. С. 93 – 99.

4. Парахонский А.П. Социальная адаптация студентов в процессе обучения в вузе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 11. С. 85 – 86.
5. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Изд-во "Научная книга", 2006. 260 с.
6. Холл Д., Тинклин Т. Студенты-инвалиды и высшее образование: пер. с англ. // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 1. С. 115 – 127.
7. Шакуров Р.Х. Социально-психологические проблемы руководства педагогическим коллективом. М., 1982. 207 с.
8. Швецов В.И., Рощина М.А. Модель организации поддержки образовательного процесса студентов – инвалидов по зрению на основе использования компьютерных тифлотехнологий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 11 – 18.
9. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Доступность высшего образования для инвалидов // Университетское управление. 2005. № 1 (34). С. 89 – 99.
10. Kobi S., Parli K. Bestandesaufnahme hindernisfreie Hochschule. Schweiz: Ziircher Fachhochschule, 2010. 79 p.

References

1. Dobrovolskaya T.A., Shebalina N.B. Social and psychological characteristics of relationships between disabled and healthy people. Sociological research. 1993. No. 1. P. 62 – 66.
2. Elgina L.S. Social adaptation of students at the university. Bulletin of the Buryat State University. 2010. No. 5. P. 162 – 166.
3. Knyazeva A.L., Korneeva E.N. Psychological disability, or personal identity of a disabled person. Yaroslavl pedagogical bulletin. 2005. No. 2. P. 93 – 99.
4. Parakhonsky A.P. Social adaptation of students in the process of studying at the university. International journal of applied and fundamental research. 2010. No. 11. P. 85 – 86.
5. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Disability Policy: Social Citizenship of Disabled People in Modern Russia. Saratov: Nauchnaya Kniga Publishing House, 2006. 260 p.
6. Hall D., Tinklin T. Disabled Students and Higher Education: trans. from English. Journal of Social Policy Research. 2004. No. 1. P. 115 – 127.
7. Shakurov R.Kh. Social and Psychological Problems of Teaching Staff Management. Moscow, 1982. 207 p.
8. Shvetsov V.I., Roshchina M.A. Model of Organization of Support for the Educational Process of Visually Impaired Students Based on the Use of Computerized Typhlotechnologies. Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2010. No. 1. P. 11 – 18.
9. Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V. Accessibility of Higher Education for Persons with Disabilities. University Management. 2005. No. 1 (34). P. 89 – 99.
10. Kobi S., Parli K. Accessibility of Higher Education for Persons with Disabilities. Switzerland: Ziircher Fachhochschule, 2010. 79 p.

Информация об авторах

Садртдинова Л.Р., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-5719-2513>, Казанский (Приволжский) федеральный университет, sedrik1600@mail.ru

Вашетина О.В., кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Хафизова А.А., кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Садртдинова Л.Р., Вашетина О.В., Хафизова А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.012

Некоторые аспекты формирования медиакультуры у обучающихся общеобразовательной школы

¹ Карова С.А.

¹ Пятигорский государственный университет

Аннотация: статья посвящена характеристике некоторых аспектов формирования медиакультуры у обучающихся общеобразовательной школы. Система образования призвана формировать умение учиться, добывать знания, развивать навыки, а не поглощать стройную систему фактов. В условиях информатизации образования актуальной проблемой является повышение информационной культуры личности. В данной статье особое внимание уделено термину «медиаобразование», который понимается авторами различно. Мы исходим из того, что медиаобразование реализует способность к развитию человека посредством медиа, формирует потребителя различной информации.

Отмечается, что цифровизация прочно вошла практически во все сферы деятельности современного человека. Это объясняется активно протекающими сегодня процессами дигитализации. Медиатизация современного общества существенно расширяет традиционное понимание культуры личности, включая способность эффективно функционировать в цифровом пространстве наряду с осознанием нравственных ценностей и самоопределением. Медиаобразование выступает фундаментальным элементом развития личностной культуры, определяющим становление информационной компетентности старших школьников. В данном контексте важно научить подрастающее поколение ориентироваться в медиа среде, критически оценивать поступающую информацию, умело использовать современные технологии для достижения одной из главных целей образования – формирования всесторонне развитой личности.

Ключевые слова: цифровизация образования, медиакультура, медиа технологии, общеобразовательная школа, обучающиеся, ценности, медиаобразование, культура, медиасреда

Для цитирования: Карова С.А. Некоторые аспекты формирования медиакультуры у обучающихся общеобразовательной школы // Современный ученый. 2025. № 9. С. 253 – 259.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Some aspects of media culture formation in students of a secondary school

¹ Karova S.A.

¹ Pyatigorsk State University

Abstract: the article is devoted to the characteristics of some aspects of the formation of media culture in students of comprehensive schools. The education system is designed to form the ability to learn, gain knowledge, develop skills, and not absorb a coherent system of facts. In the context of the informatization of education, an urgent problem is to improve the information culture of the individual. This article pays special attention to the term "media

education", which is understood by the authors in different ways. We proceed from the fact that media education realizes the ability to develop a person through media, forms a consumer of various information.

It is noted that digitalization has firmly entered almost all spheres of activity of a modern person. This is explained by the active digitalization processes today. The mediatization of modern society significantly expands the traditional understanding of personal culture, including the ability to effectively function in the digital space along with awareness of moral values and self-determination. Media education is a fundamental element in the development of personal culture, determining the formation of information competence of high school students. In this context, it is important to teach the younger generation to navigate the media environment, critically evaluate incoming information, and skillfully use modern technologies to achieve one of the main goals of education – the formation of a comprehensively developed personality.

Keywords: digitalization of education, media culture, media technologies, comprehensive school, students, values, media education, culture, media environment

For citation: Karova S.A. Some aspects of media culture formation in students of a secondary school. Modern Scientist. 2025. 9. P. 253 – 259.

The article was submitted: April 13, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Формирование медиакультуры у обучающихся общеобразовательной школы в современных условиях является актуальной педагогической задачей. Информационно-коммуникационные технологии кардинально трансформировали социокультурное пространство современного общества, формируя новую информационную эпоху. Электронные инновации и глобальная сеть фундаментально преобразовали механизмы информационного обмена, создавая, искаженное восприятие пространственно-временных категорий человеческого познания [4, с. 12].

Научный дискурс активно исследует феномены медиакультуры, виртуальной реальности, гипертекстуальности и фрагментарного мышления современного общества. Философское осмысление медиапространства раскрывает культурологические аспекты информационной эпохи. Психологические и социологические исследования фокусируются на трансформации когнитивных процессов под влиянием медиасреды. Педагогическая наука разрабатывает методологию информационной безопасности молодежи при одновременном развитии цифровых компетенций. Технологические инновации расширяют горизонты виртуальной коммуникации и самообразования, создавая одновременно новые вызовы для общества. У современных школьников необходимо формировать медиакультуру, при этом существует потребность в разработке теоретических основ данного процесса.

Материалы и методы исследований

В ходе работы над статьей проводился анализ научной литературы по теории и практике развития медиакультуры. Анализировались научные

работы, посвященные медиаобразованию и роли информационно-коммуникационных технологий в формировании парадигмы современного образования, А.В. Бабаян [15], И.А. Свинторжицкой, И.В. Кичевой, Л.И. Ермаковой, Г.А. Воробьева [3, 11, 13], Ю.В. Артемовой [1], В.С. Букреевой [3], Е.И. Кузнецовой [7], и др. Внимание было уделено характеристике понятий медиакультура и медиаобразование, а также некоторым практическим аспектам формирования медиакультуры обучающихся. Полученные результаты обобщались и систематизировались.

Результаты и обсуждения

Постиндустриальная эпоха создает принципиально новые условия существования человека. Информационное пространство, характеризующееся множественностью коммуникативных потоков, определяет специфику социальных взаимодействий и развития личности. Персональная культура становится ключевым фактором успешного функционирования социума.

Медиатизация современного общества существенно расширяет традиционное понимание культуры личности, включая способность эффективно функционировать в цифровом пространстве наряду с осознанием нравственных ценностей и самоопределением [5, 12, 14]. Медиаобразование выступает фундаментальным элементом развития личностной культуры, определяющим становление информационной компетентности граждан.

Эволюционный путь человеческой коммуникации привел к экспоненциальному росту медиаконтента через телевидение, интернет-платформы и множественные каналы массовой информации. Современные технологии позволяют получать сведения не только через традиционные источни-

ки, но и посредством новейших цифровых медиа, расширяя границы информационного взаимодействия [2].

Стратегические документы Российской Федерации, включая программу развития информационного общества до 2030 года, определяют ключевые векторы трансформации государственной системы. Молодое поколение россиян становится активным участником масштабных цифровых преобразований, формируя новую социальную реальность.

Процессы цифровизации катализируют медиатизацию общественной жизни, требуя переосмысления базовых концептов. Культура, создающая

пространство для самореализации личности и регулирования социальных взаимодействий, интегрируется с медиасферой – системой культурно-информационных институтов, становящихся основой государственного устройства [8, с. 8-14]. Взаимодействие медийных и культурных аспектов создает феномен медиакультуры, представляющий собой комплекс коммуникационных инструментов, сформированных в ходе исторической эволюции общества для развития социального мышления и личностной адаптации. В ходе исследования термина «медиакультуры» были определены следующие трактовки термина, данные разными авторами (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Автор определения	Определения медиакультуры
Федоров А.В.	совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа, исторически определенная система их воспроизводства и функционирования в социуме.
Кирилова Н.Б.	совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности
Кузнецова Е.И.	система со сложным иерархическим построением, структура которой с морфологической точки зрения состоит из различных уровней, имеющих более узкие системы – подсистемы медиакультуры
Коновалова Н.А.	медиакультура личности - диалоговый способ взаимодействия с информационным обществом, включающий ценностный, технологический и личностно-творческий компоненты, приводящий к развитию субъектов взаимодействия.

На данные трактовки, раскрывающие различные аспекты медиакультуры мы опираемся при изучении проблемы формирования медиакультуры у обучающихся общеобразовательной школы. Исследование показало, что развитие медиакомпетенций учащихся предполагает наличие профессиональной подготовки преподавателей в сфере медиаобразования, включающей аналитическую оценку информационных потоков, творческий подход к обработке данных и коммуникативные навыки в цифровом пространстве [6, с. 213]. Современная информационная среда существенно влияет на становление личности, что обуславливает необходимость углубленного анализа применения классических и инновационных медиаресурсов в образовательном процессе. Цифровые устройства и мультимедийные технологии транс-

формируют методы коммуникации и обучения, создавая новые образовательные возможности [2, с. 104].

Подготовка молодого поколения к эффективному использованию медиаресурсов требует внедрения специализированных образовательных методик. Современные школьники существуют в насыщенной медиасреде, активно используя разнообразные цифровые устройства. Мобильные технологии с подключением к глобальной сети расширяют коммуникативное пространство через социальные платформы (ВКонтакте, Telegram, WhatsApp). Анализируя источники и последние исследования (2024 год), в процентном соотношении (рис 1.) были выделены самые популярные социальные сети у молодежи (12-18 лет).

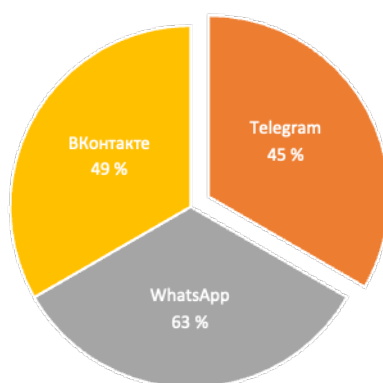

Рис. 1. Развитие навыков ответственного поведения и культуры взаимодействия в цифровом пространстве становится ключевой задачей воспитания.

Fig. 1. Developing skills for responsible behavior and a culture of interaction in the digital space is becoming a key educational task.

Медиапространство должно органично интегрироваться в образовательный процесс, способствуя оптимизации усвоения знаний через развитую медиакультуру учащихся. Многообразие форм представления информации через медиаресурсы соответствует различным типам восприятия учебного материала, обеспечивая визуальное, аудиальное и текстовое восприятие [5, с. 132-136].

Педагогическая наука признает многогранную роль вербальных способов передачи знаний. Ученые обосновали необходимость синтеза практических, наглядных и словесных методов обучения. Традиционные вербальные подходы, несмотря на кажущуюся пассивность, позволяют эффективно структурировать масштабные информационные блоки, формулировать учебные задачи и демонстрировать методологию решений. Слово становится инструментом активизации когнитивных процессов, стимулируя развитие памяти, аналитического мышления и творческого воображения учащихся.

Диалогический метод обучения, восходящий к античной традиции Сократа, реализуется через тщательно выстроенную систему вопросов,

направляющих познавательную активность учеников при освоении нового материала или закреплении пройденного.

Практико-ориентированная методика внеклассных занятий со школьниками базируется на комплексном применении медиаресурсов при выполнении упражнений, ситуационном анализе, имитационных играх и ролевых тренингах. Системно-деятельностный и проблемный подходы формируют основу образовательного процесса через активное вовлечение учащихся в творческую и исследовательскую работу, способствуя приобретению практических навыков и углублению теоретических знаний. Визуальное сопровождение учебного материала реализуется посредством разнообразных графических инструментов – презентаций, кластеров, ментальных карт, инфографики, мультимедийных подкастов.

Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют эффективно организовать, например, изучение литературного наследия писателей. Педагогический процесс может включать некоторые практические задания (рис. 2).

Рис. 2. Практические задания педагогического процесса.
Fig. 2. Practical tasks of the pedagogical process.

1) Создание хронологических карточек с ключевыми биографическими данными автора для последующей групповой работы по их систематизации на цифровых образовательных платформах.

2) Разработка мультимедийных презентаций, отражающих основные этапы творческого становления писателя.

3) Подготовка тематических подкастов или водкастов по анализируемым произведениям с использованием материалов электронных библиотек и сетевых ресурсов.

4) Одним из самых интересных методов является мультимедийный лонгрид. Он представляет собой современный формат подачи материала, сочетающий разнообразные способы представления данных через текст, визуальные элементы, аудиофрагменты и фотогалереи [7, с. 6]. Многоканальность передачи информации создает уникальные возможности для объединения различных речевых жанров в едином медиaprостранстве [1, с. 55].

Создание качественного лонгрида предполагает тщательную предварительную подготовку материалов. Данный формат успешно применяется при углубленном изучении литературных произведений и жизненного пути писателей.

Реализация подобных проектов требует определенного уровня компетенций, выходящих за рамки возможностей учащихся школы. Разработку мультимедийных лонгридов рационально включать в проектную деятельность старшеклассников, направленную на развитие исследовательских навыков. Успешные проекты могут эффективно использоваться при обучении старших школьников.

Геймификация образовательного процесса через компьютерные викторины предоставляет эффективный инструментарий оценки знаний обучающихся. Современные технические средства тестирования обеспечивают мгновенную обработ-

ку результатов, объективность оценивания, стандартизацию сложности заданий при массовом охвате аудитории, а также реализацию обучающего режима [4, с. 34].

Медиаобразовательные технологии выступают фундаментальным компонентом развития современной личности, существенно расширяя спектр педагогических возможностей. Медиакультура трансформируется в базовый критерий личностного становления, выходя за рамки прикладного инструментария.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования акцентирует внимание на формировании комплексных личностных результатов обучающихся. Приоритетными направлениями выступают развитие способности к саморазвитию, выстраивание значимых социальных взаимодействий, становление ценностных ориентиров деятельности, укрепление гражданской позиции и правосознания, осознание российской идентичности в многонациональном обществе [8, с. 7].

Выводы

Раннее знакомство обучающихся с медиакulturой становится определяющим фактором развития личности в современной информационной среде. Многоуровневая система медиакультурного развития позволяет сформировать навыки критического анализа медиатекстов, творческого самовыражения и непрерывного обучения. Образовательная система фокусируется на развитии самостоятельности в получении знаний и формировании ключевых компетенций. Цифровизация образовательного пространства способствует повышению информационной грамотности учащихся. Формирование медиакультуры у школьников - это актуальная проблема, связанная с развитием критического мышления обучающихся, обеспечением эффективного взаимодействия с различными информационными источниками.

Список источников

1. Артемова Ю.В., Дякина А.А., Осипова Н.В., Пузатых А.Н. Медиа образовательные технологии в профессиональной сфере: учебное пособие. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2021. С. 55.
2. Букреева В.С. Развитие медиа грамотности обучающихся с помощью медиа образовательных проектов // Цифровизация общества и медиа образовательная стратегия регионов России: сборник по материалам Всероссийской научной конференции. Елец, 2021. С. 104 – 109.
3. Свинторжицкая И.А., Кичева И.В., Ермакова Л.И., Бабаян А.В. Виртуальная среда вузовского дистанционного обучения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 120 – 124.
4. Кириллова Н.Б. Медиа культура и основы медиа менеджмента. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 184 с.
5. Кузнецова Е.И. Медиаальность и медиакультура как факторы динамики социальной среды: дис. ... д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 2010. 305 с.
6. Методические рекомендации «Quizizz.com – сервис для создания уроков, опросов и викторин» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://infourok.ru/metodicheskie-rekomendacii-quizizz-com-servis-dlya-sozdaniya-urokov-oprosov-i-viktorin-5393171.html> (дата обращения: 23.03.2025)
7. Набатникова Е.И. Использование информационно-коммуникационных технологий для развития творческого мышления и формирования медиа культуры школьников // Развитие креативности личности в современном цифровом мультикультурном пространстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Елец, 2022. С. 132 – 136.
8. Овчинникова И.Г. Дидактические условия формирования информационной культуры школьников: дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 1996. 177 с.
9. Петренко Е.И. Современные информационные технологии в развитии медиа культуры обучающихся 5-6 классов // Личность и образование в зеркале гуманитарных исследований и цифровой трансформации общества: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Елец, 2022. С. 212 – 217.
10. Пугач О.И. Формирование информационной культуры учащихся общеобразовательных школ как фактор гуманизации образования: дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2000. 194 с.
11. Свинторжицкая И.А., Кичева И.В., Ермакова Л.И., Воробьев Г.А. Роль информационно-коммуникационных технологий в формировании парадигмы современного образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 3-2. С. 71 – 74.
12. Симакова С.И., Исакова Т.Б. Мультимедийный лонгрид в самостоятельной работе студентов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 3. С. 6.
13. Кичева И.В., Бабаян А.В., Акопянц А.М. и др. Современные проблемы образования в России и пути их решения. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2023. 176 с.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утвержден и введен в действие Приказом Министерства образования и науки РФ от 17.12.2010. № 1897 с изменениями, внесенными Приказом Министерства образования и науки РФ от 31.12.2015. № 1577. 52 с. Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/55170507/> (дата обращения: 10.02.2025)
15. Babayan A.V., Varfolomeeva Z.S. Conducting Lectures on Physical Education at the University with the Use of Distance Educational Technologies // Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security: Conference proceedings, Switzerland, 01 января – 31 2021 года. Switzerland: Springer, 2022. P. 773 – 781.

References

1. Artemova Yu.V., Dyakina A.A., Osipova N.V., Puzatykh A.N. Media educational technologies in the professional sphere: a tutorial. Yelets: Yelets State University named after I.A. Bunin, 2021. P. 55.
2. Bukreeva V.S. Development of media literacy of students with the help of media educational projects. Digitalization of society and media educational strategy of the regions of Russia: a collection of materials from the All-Russian scientific conference. Yelets, 2021. P. 104 – 109.
3. Svintrzhitskaya I.A., Kicheva I.V., Ermakova L.I., Babayan A.V. Virtual environment of university distance learning. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2025. No. 3. P. 120 – 124.
4. Kirillova N.B. Media culture and the basics of media management. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2014. 184 p.

5. Kuznetsova E.I. Mediality and media culture as factors in the dynamics of the social environment: diss. ... Doctor of Philosophy. Sciences. Nizhny Novgorod, 2010. 305 p.
6. Methodical recommendations "Quizizz.com – a service for creating lessons, surveys and quizzes" [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://infourok.ru/metodicheskie-rekomendacii-quizizz-com-servis-dlya-sozdaniya-urokov-oprosov-i-viktorin-5393171.html> (date of access: 23.03.2025)
7. Nabatnikova E.I. Use of information and communication technologies for development of creative thinking and formation of media culture of schoolchildren. Development of personal creativity in modern digital multicultural space: collection of materials of the International scientific and practical conference. Yelets, 2022. Pp. 132 – 136.
8. Ovchinnikova I.G. Didactic conditions for formation of information culture of schoolchildren: dis. ... Cand. Ped. Sciences. Magnitogorsk, 1996. 177 p.
9. Petrenko E.I. Modern information technologies in the development of media culture of students in grades 5-6. Personality and education in the mirror of humanitarian studies and digital transformation of society: materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Yelets, 2022. P. 212 – 217.
10. Pugach O.I. Formation of information culture of students of comprehensive schools as a factor in the humanization of education: dis. ... Cand. Ped. Sciences. Samara, 2000. 194 p.
11. Svintorzhitskaya I.A., Kicheva I.V., Ermakova L.I., Vorobyov G.A. The role of information and communication technologies in the formation of the paradigm of modern education. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2024. No. 3-2. P. 71 – 74.
12. Simakova S.I., Isakova T.B. Multimedia longread in independent work of students. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2017. Vol. 2. No. 3. P. 6.
13. Kicheva I.V., Babayan A.V., Akopyants A.M. et al. Modern problems of education in Russia and ways of their solution. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2023. 176 p.
14. Federal state educational standard of basic general education: approved and put into effect by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 12/17/2010. No. 1897 with amendments introduced by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 12/31/2015. No. 1577. 52 p. Access mode: URL: <https://base.garant.ru/55170507/> (date of access: 02.10.2025)
15. Babayan A.V., Varfolomeeva Z.S. Conducting Lectures on Physical Education at the University with the Use of Distance Educational Technologies. Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security: Conference proceedings, Switzerland, January 01 – 31, 2021. Switzerland: Springer, 2022. P. 773 – 781.

Информация об авторе

Карова С.А., аспирант, Пятигорский государственный университет

© Карова С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.035.6

Сравнительное исследование патриотического воспитания в китайских и российских вузах

¹ Лю Синьчжу, ¹ Сун Тинтин

¹ Цзилиньский педагогический университет, Китай

Аннотация: в статье представлен сравнительный анализ систем патриотического воспитания в вузах Китая и России. Обнаруживаются общие черты и различия в подходах. Рассматриваются достижения обеих стран в патриотическом воспитании и выявляются потенциальные направления для обмена опытом. **Цель исследования** – сравнить системы патриотического воспитания в вузах КНР и РФ, выявить их сходство и различия. **Задачи исследования:** проанализировать направления патриотического воспитания, реализуемые в России и Китае; выявить роль государства, образовательных и общественных организаций; осуществить сравнительный анализ эффективности используемых подходов и обнаружить перспективные области для взаимного обмена опытом.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, гражданственность, идеология, вузы, студенты, Россия, Китай, сравнительный анализ

Для цитирования: Лю Синьчжу, Сун Тинтин Сравнительное исследование патриотического воспитания в китайских и российских вузах // Современный ученый. 2025. № 9. С. 260 – 267.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Comparative study of patriotic education in Chinese and Russian universities

¹ Liu Xinzhu, ¹ Song Tingting

¹ Jilin Normal University, China

Abstract: the article presents a comparative analysis of the systems of patriotic education in universities in China and Russia. Common features and differences in approaches are revealed. The achievements of both countries in patriotic education are considered and potential areas for exchange of experience are identified. The aim of the study is to compare the systems of patriotic education in universities of China and the Russian Federation, to identify their similarities and differences. The objectives of the study: to analyze the areas of patriotic education implemented in Russia and China; to identify the role of the state, educational and public organizations; to carry out a comparative analysis of the effectiveness of the approaches used and to identify promising areas for mutual exchange of experience.

Keywords: patriotic education, citizenship, ideology, universities, students, Russia, China, comparative analysis

For citation: Liu Xinzhu, Song Tingting Comparative study of patriotic education in Chinese and Russian universities. Modern Scientist. 2025. 9. P. 260 – 267.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В современном мире, в котором наблюдается ряд противоречивых процессов – глобализация, информатизация, возрастание геополитической конкуренции, проблема формирования у молодого поколения чувства гордости за свою Родину и готовности отстаивать ее интересы приобретают большую актуальность. Патриотическое воспитание в современном обществе – часть формирования личности и гражданина. Оно играет ведущую роль в обеспечении национальной безопасности, стабильности и устойчивого развития государства. Вузы выступают важнейшими институтами в системе патриотического воспитания, так как они не только выполняют передачу знаний от педагогов студентам, но и транслируют ценностные ориентиры.

КНР и РФ, будучи крупными евразийскими державами с богатой историей и самобытными традициями, уделяют серьезное внимание патриотическому воспитанию. Однако формы воспитания патриотизма и методы его реализации, несмотря на ряд общих черт, имеют и различия. Это определено спецификой политических систем, идеологий и социокультурных контекстов каждой из стран. Сравнение систем патриотического воспитания в вузах КНР и РФ позволяет обнаружить как универсальные принципы, так и специфические черты каждой из стран, и выявить эффективные практики и перспективные направления для взаимного обогащения опытом.

Материалы и методы исследований

При подготовке статьи были использованы актуальные публикации российских и китайских исследователей, посвященные проблеме патриотического воспитания молодежи в России и Китае. В ходе исследования применялись следующие методы: теоретический анализ (изучение и систематизация подходов к патриотическому воспитанию в России и Китае); сопоставление (выявление сходства и различий в методах к патриотическому воспитанию в КНР и РФ).

Результаты и обсуждения

Особенности патриотического воспитания в России

В России патриотическое воспитание – одно из приоритетных направлений государственной политики и образования. Его цели закреплены в таких документах, как Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р и

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО).

К целям патриотического воспитания в российских высших учебных заведениях относятся: формирование у студентов гражданской ответственности, патриотизма, уважения к традициям и историческому прошлому России, готовности к защите Родины. Особое внимание уделяется развитию личностных качеств, социальной ответственности и гражданской позиции. Патриотическое воспитание в отечественных вузах представлено множеством разнообразных направлений. Рассмотрим каждое из них.

Учебная деятельность

Данное направление представляет собой воспитание патриотизма в процессе обучения – через преподавание дисциплин гуманитарного и социально-экономического цикла. В рамках патриотического воспитания проводятся лекции, семинары, круглые столы, посвященные доблестным страницам истории России, государственным символам, выдающимся личностям, героям Отечества.

Внеучебная деятельность

Внеучебное направление патриотического воспитания представлено разнообразием форм: привлечением в поисковые отряды, военно-патриотические клубы, развитием интереса к исторической реконструкции и военно-спортивным играм. Важная форма патриотического воспитания – проведение историко-краеведческой работы (организация экскурсий по местам боевой и трудовой славы, посещение музеев и архивов, привлечение молодежи к краеведческим исследованиям). Значимую роль играет устройство культурных мероприятий с патриотическим подтекстом – концертов, конкурсов, посвященных государственным праздникам (Дню Победы, Дню защитника Отечества и др.), памятным датам, традициям народов России. Для формирования активной гражданской позиции и социальной ответственности значимым является привлечение молодых людей к волонтерской деятельности – участию в социальных проектах, акциях помощи ветеранам, пожилым людям, в благоустройстве территорий. Организация студенческого самоуправления и активное вовлечение молодых людей в эту деятельность развивает у них инициативность, ответственность и лидерские качества, т.е. способствует формированию ответственных граждан, на которых опирается государство.

Говоря о роли государства и вузов, следует подчеркнуть, что государство определяет страте-

гические направления и финансирует программы патриотического воспитания, а вузы разрабатывают собственные программы, формируют условия для реализации воспитательной работы, организуют штат соответствующих специалистов. Важное место в работе по патриотическому воспитанию студентов отводится сотрудничеству вузов с общественными и ветеранскими организациями.

Особенности патриотического воспитания в китайских вузах

В Китае патриотическое воспитание, определяемое как «идейно-политическое воспитание», занимает главные позиции в системе высшего образования и выступает одним из основных столпов государственной идеологии. Последний документ, регламентирующий его, – Закон о патриотическом воспитании КНР, принятый правительством 24 октября 2023 г. и вступивший в силу с 1 января 2024 г. Патриотическое воспитание в Поднебесной ориентировано на формирование лояльности к Коммунистической партии Китая, укрепление социалистических ценностей и развитие национального духа.

Ключевая педагогическая цель китайских вузов – воспитание высококвалифицированных специалистов, преданных Коммунистической партии, социалистической родине и народу. Особое внимание уделяется прививанию у студентов коллективизма, трудолюбия, дисциплинированности, развитию у них национального самосознания и гордости за достижения своей страны. Патриотическое воспитание в Китае, как и в России, осуществляется в рамках учебной и внеучебной деятельности.

Учебная деятельность

В процесс обучения в вузе китайские студенты обязаны посещать политизированные и идеологизированные курсы и лекции: по марксизму-ленинизму, идеологии Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, научной концепции развития Ху Цзиньтао, теории «трех представительств» Цзян Цзэминя и «мыслям Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху». Они направлены на формирование единого и строго идеологического мировоззрения. В рамках учебных программ проводятся регулярные собрания и семина-

ры, на которых студенты обсуждают актуальные политические события, решения правительства и партии.

Внеучебная деятельность

Патриотическое воспитание в контексте внеучебной деятельности в Китае, как и в России, отличается разнообразием. Проводятся массовые культурно-патриотические мероприятия, посвященные государственным праздникам (Дню образования КНР), историческим событиям. Организуются поездки, предполагающие посещение мест революционной славы, производственных объектов и научно-технических центров, демонстрирующих достижения Китая. Важное место занимает волонтерская деятельность: участие в социальных программах, направленных на развитие общества и поддержку малоимущих слоев населения. Особая форма патриотического воспитания в вузах Китая – практическая работа. Студенты участвуют в проектах, ориентированных на применение полученных знаний на практике в производственной и сельскохозяйственной сферах, что способствует формированию трудовой этики и пониманию нужд народа. Значение имеют студенческие организации, контролируемые Коммунистическим союзом молодежи.

Анализируя роль государства и вузов в патриотическом воспитании китайских студентов, важно отметить, что государство жестко контролирует указанный процесс, разрабатывая единые учебные программы и методические рекомендации. Вузы выступают проводниками государственной политики, внедряя элементы идейно-политического воспитания во все сферы студенческой жизни. Значение партийных комитетов в вузах является определяющим.

Сравнение патриотического воспитания в российских и китайских вузах

Итак, в Китае и России в патриотическом воспитании наблюдаются как сходство, так и различия. К общим чертам относятся: важная роль государства, разнообразие форм, внимание к национальной истории, культуре и традициям, формирование активной гражданской позиции и социальной ответственности, вовлечение в процесс общественных и молодежных организаций (табл. 1).

Таблица 1

Общие черты в системе патриотического воспитания России и Китая.

Table 1

Common features in the system of patriotic education in Russia and China.

Название страны	Роль государства	Комплексный характер и многообразие форм	Отношение к истории, культуре, традициям	Гражданственность и социальная ответственность	Роль общественных и молодежных организаций
РФ	Правительство занимает главные позиции в патриотическом воспитании.	Учебная деятельность: гуманитарные и социально-экономические дисциплины; внеучебная деятельность: поисковые отряды, военно-патриотические клубы, волонтерство, историческая реконструкция, военно-спортивные игры, экскурсии, посещение музеев и архивов, краеведческая работа, участие в концертах, конкурсах.	Большое внимание к отечественной истории, русской культуре, национальным традициям, фольклору.	Стремление развивать в молодежи активную гражданскую позицию и чувство ответственности перед обществом.	Наряду с государством, большая роль в патриотическом воспитании принадлежит общественным структурам: ветеранским и молодежным организациям, студенческому самоуправлению.
КНР	Правительство и Коммунистическая партия регулируют патриот. воспитание.	Учебная деятельность: политизированные и идеологизированные курсы, лекции, собрания, семинары; внеучебная деятельность: массовые культурно-патриотические мероприятия, экскурсии, поездки, волонтерская деятельность.	Серьезный интерес к народной китайской культуре и традициям, к конфуцианству, истории Китая и Коммунистической партии.	Внимание уделяется воспитанию достойных членов общества, которые будут служить ему, то есть также большое значение имеет воспитание гражданского долга и ответственности перед другими.	Важное значение студенческих организаций под руководством Коммунистического союза молодежи.

Различия в патриотическом воспитании в РФ и КНР проявляются в следующем: идеологической основе, степени централизованности, методах, роли педагога, степени коллективизма и индивидуализма (табл. 2). Различия отражают историческую, политическую и культурную специфику каждой из стран. Китайская модель, построенная на конфуцианских идеях и коммунистических принципах,

стремится к созданию единого идеологического пространства, что обеспечивает высокий уровень управляемости и предсказуемости в воспитательном процессе. Российская ищет равновесие между государственными интересами и гражданскими свободами, что делает ее более гибкой, но и менее единообразной.

Таблица 2

Различия в системе патриотического воспитания РФ и КНР.

Table 2

Differences in the system of patriotic education in the Russian Federation and the People's Republic of China.

Название страны	Идеология	Уровень централизации	Методы	Роль преподавателя	Степень индивидуализма и коллективизма
КНР	Жесткий идеологизированный характер и тесная связь с доктриной Коммунистической партии.	Унифицированность и строгая централизованность системы патриотического воспитания, она регулируется едиными программами и жестким контролем со стороны государства и партии.	Опора на обязательные идеологические курсы и массовые мероприятия.	Педагоги идейно-политических дисциплин занимают доминирующее положение в формировании мировоззрения студентов.	Воспитание, в первую очередь, коллективизма, жесткой дисциплины и лояльности к государству.

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

РФ	Меньше идеологизированности и политизированности, больше свободы и широты в понимании патриот. Идей.	относительная независимость вузов в разработке и реализации собственных патриотических программ.	Помимо традиционных методов, интенсивное развитие альтернативных подходов: проектной, волонтерской деятельности, интерактивных форматов.	Роль преподавателей в патриотическом воспитании важна, но не так жестко регламентирована в идеологическом плане.	При определенной поддержке коллективистских ценностей, большое значение придается развитию индивидуальных качеств и свободного мышления студентов в рамках гражданского общества.

Между тем, и РФ, и КНР сталкиваются с общими вызовами – влиянием глобализации, цифровизации на формирование ценностей молодежи. Поэтому обмен опытом между РФ и КНР полезен для обеих стран. Для России изучение китайского опыта с его системностью, обязательностью и массовостью может пригодиться в плане повышения эффективности патриотического воспитания. Для Китая российский опыт будет полезен с целью развития неформальных форм патриотического воспитания и индивидуальной инициативы.

Проблема патриотического воспитания в настоящее время крайне важна как для России, так и для Китая, поэтому она активно обсуждается учеными. Исследователи обеих стран анализируют этот аспект, выявляют его сильные и слабые стороны, предлагают новые модели патриотического воспитания и выявляют перспективы его дальнейшего развития.

Чжоунь и Ду Яли отмечают, что и в России, и в Китае патриотическому воспитанию молодого поколения в настоящий момент уделяется много внимания. Исследователи отмечают, что в обеих странах патриотизм понимается многопланово (уважение к Родине, семье, культуре и национальным традициям, проявление гражданской гордости и социальной ответственности) [2, с. 93]. Чжоунь и Ду Яли подчеркивают, что воспитание патриотизма – комплексная работа, в которой участвуют разные структуры: государство, общество, система образования и семья [2, с. 93-95].

А.К. Рожкова и Т.В. Факторович анализируют опыт Китая в аспекте патриотического воспитания молодежи. Они показывают, что в современном мире, охваченном глобализацией и вестернизацией, воспитание патриотизма среди молодежи актуально как для Китая, так и для России, так как эти страны не только стремятся развиваться в рамках мировых процессов, но и стараются сохранять свою национальную идентичность, самобытный культурный код. Исследователи считают, что в КНР политика патриотического воспитания отличается эффективностью и уже достигла больших

успехов, и что РФ может использовать китайский опыт для развития и усовершенствования собственной системы [8, с. 85].

Если А.К. Рожкова и Т.В. Факторович считают, что России следует перенять кое-что от Китая, то Баохуэй и Сы Цзюньцин полагают, что и РФ достигла хороших результатов в указанном процессе, и КНР необходимо обратить внимание на ее достижения. Исследователи отмечают, что особенно ценным является то, что в России после распада СССР отмечался упадок гражданственности и патриотичности среди населения, но она смогла за короткие сроки возродить патриотический дух в обществе [9, с. 87].

В.С. Калинин и О.Ю. Верпатова отмечают, что для России патриотическое воспитание молодежи в современных геополитических реалиях особенно востребованно, так как оно служит залогом сохранения национальной безопасности, идентичности, суверенитета страны и благополучного развития социума в будущем. Исследователи акцентируют внимание на проблемах и недоработках, существующих в системе патриотического воспитания: разрозненности молодежных и общественных организаций, военно-патриотических клубов, поисков отрядов и отсутствии систематизации. По мнению ученых, систематизация патриотического движения и объединение общественных структур позволит повысить эффективность и вовлеченность молодежи в эту деятельность [3, с. 110].

Н.В. Корж и Л.Ф. Каримова также затрагивают вызовы, существующие в системе патриотического воспитания в России. Исследователи считают, что главная проблема состоит в том, что российская молодежь часто проникается идеями патриотизма лишь эмоционально. Молодые люди говорят о любви к Родине, ее культуре и традициям. Но, по мнению исследователей, существует проблема с поведенческим восприятием патриотизма. Ученые утверждают, что нужно нацеливать молодежь на активное проявление гражданской позиции и отстаивание интересов своей родины [4, с. 80].

Проблемам патриотического воспитания в Рос-

сии уделяют внимание П.А. Пономарев и др. Они заявляют, что, несмотря на усиленную работу государства в этом направлении, немалое число молодежи имеет размытые представления о патриотизме. Часть молодых людей считают себя приверженными патриотическим идеям, но также рассматривают для себя вариант проживания и работы в другой стране. Исследователи полагают, что система патриотического воспитания должна быть более динамичной и гибкой. Также для ее успеха важна скоординированность действий всех участников процесса. Ученые рассматривают современные перспективные формы патриотического воспитания: проектную деятельность, медиаресурсы, междисциплинарные образовательные программы, исторические реконструкции [7, с. 95].

Н.Д. Осипов и др. высказывают схожие мысли, что и указанные выше исследователи. Они говорят о том, что, хотя государство и ведет активную работу по патриотическому воспитанию молодежи, существует еще достаточно много проблем в данной области: отсутствие у молодежи духовно-нравственных ценностей, слабые познания в истории и культуре, недостаточно качественно организованная работа воспитателей по военно-гражданским вопросам. Исследователи считают, что назрела необходимость в создании единой государственной идеологии, как в Китае, которая наметила бы четкие цели для молодежи [6, с. 186].

Глубокое представление об особенностях патриотического воспитания в Китае дают Чжан Шуан и Н.В. Карнаух. Исследователи рассказывают о деятельности центров патриотического воспитания, относящихся к структуре дополнительного образования. Их деятельность направлена на формирование ценностных ориентаций, патриотических чувств и национального духа и дает представление о символах и разных видах культуры КНР: традиционной, революционной и развитой социалистической [10, с. 55].

Мяо Даван представляет патриотизм как динамичную, развивающуюся в соответствии с запросами времени систему. Так, исследователь сравнивает систему, существовавшую в КНР в 1994 г., и ту, которая была утверждена в 2019 г.. Мяо Даван обосновывает, что за 15 лет Китаю удалось многого достичь в усовершенствовании сферы патриотического воспитания. Если в 1994 г. система была ориентирована только на утверждение социалистических идеалов и была закрыта от мира, то в 2019 г. она испытала влияние современных тенденций, связанных с развитием научно-технического прогресса, глобализацией и с тем, что для Китая стало более важным открываться миру, при этом отстаивая свою национальную са-

мобытность и сохраняя традиции [5, с. 6]. Переломным моментом в системе патриотического воспитания в Китае в 2019 г. стало усиление индивидуального начала, то есть персональной ответственности каждого человека перед задачей возрождения китайской нации [5, с. 8].

Г.Ю. Беляев рассматривает тему патриотического воспитания в более широком формате. Он утверждает, что данный вопрос актуален для стран всего мира, так как в условиях глобализации, стирания культурных границ, цифровизации любому государству важно поддерживать патриотизм ради сохранения и укрепления своей целостности и безопасности [1, с. 4].

Таким образом, вопросы патриотического воспитания волнуют многих современных российских и китайских исследователей. Они анализируют разные аспекты данного феномена, сосредотачивают внимание не только на его положительных результатах, но и на существующих проблемах, предлагают пути решения этих вызовов и намечают перспективы дальнейшего развития и обмена опытом между двумя указанными странами в вопросах патриотического воспитания.

Выводы

Сравнение патриотического воспитания в вузах РФ и КНР выявило как сходства, так и различия, что связано с уникальными историческими, политическими и культурными контекстами стран. Обе признают стратегическую значимость патриотического воспитания, оказывают ему поддержку на государственном уровне и реализуют комплексные программы. Важный акцент в обеих странах делается на формировании гражданственности, уважении к национальной истории и традициям, развитии социальной ответственности. Но существует и ряд различий между двумя системами, которые проявляются в идеологической базе, степени централизации, используемых подходах. Российская система, основанная на богатом историческом опыте и классическом образовании, важное внимание уделяет развитию гражданской позиции через сочетание формальных и неформальных методов. Китайская система, уходящая корнями в традиционные философские концепции и построенная на партийной идеологии, обеспечивает высокую степень управляемости и унифицированности. Несмотря на различия, опыт обоих государств может быть взаимообогащающим. Дальнейшие исследования в рассмотренной области могут способствовать развитию эффективных и адаптивных моделей патриотического воспитания в условиях глобализации как в РФ, так и в КНР.

Список источников

1. Беляев Г.Ю. Гражданско-патриотическое воспитание в современном мире // Нижегородское образование. 2022. № 1. С. 4 – 15.
2. Гао Чаоцунь, Ду Яли. Сравнительный анализ патриотического воспитания в Китае и России // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 7 (169). С. 93 – 98.
3. Калинин В.С., Верпатова О.Ю. Патриотическое воспитание в современном российском обществе: особенности и проблемы развития // Социология. 2022. № 4. С. 110 – 118.
4. Корж Н.В., Каримова Л.Ф. Проблема патриотизма среди современной молодежи в условиях геополитической напряженности // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 4. С. 80 – 89.
5. Мяо Даван. Динамика патриотического воспитания: компаративный обзор планов реализации в рамках китайского образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 6. С. 1 – 11.
6. Осипов Н.Д., Невраева Н.Ю., Кабанов А.М., Яценко О.Ю. Проблема воспитания патриотизма у молодежи в современных условиях развития российского общества // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 4А. С. 185 – 195.
7. Пономарев П.А., Шалин В.В., Самыгин С.И. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 95 – 102.
8. Рожкова А.К., Факторович Т.В. К вопросу о патриотическом воспитании: опыт Китая. Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. № 5. С. 80 – 86.
9. Тун Баохуэй, Сы Цзюньцин. О патриотическом воспитании в России и Китае // Образование и право. 2020. № 9. С. 87 – 91.
10. Чжан Шуан, Карнаух Н.В. Роль центров патриотического воспитания в реализации идеи национального единства в Китае // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1. № 5 (101). С. 55 – 72.

References

1. Belyaev G.Yu. Civic-patriotic education in the modern world. Nizhny Novgorod education. 2022. No. 1. P. 4 – 15.
2. Gao Chaoqun, Du Yali. Comparative analysis of patriotic education in China and Russia. Ethnosociety and interethnic culture. 2022. No. 7 (169). P. 93 – 98.
3. Kalinich V.S., Verpatova O.Yu. Patriotic education in modern Russian society: features and problems of development. Sociology. 2022. No. 4. P. 110 – 118.
4. Korzh N.V., Karimova L.F. The problem of patriotism among modern youth in the context of geopolitical tension. Science. Society. State. 2022. Vol. 10. No. 4. P. 80 – 89.
5. Miao Dawang. Dynamics of Patriotic Education: A Comparative Review of Implementation Plans in the Framework of Chinese Education. The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2023. Vol. 11. No. 6. P. 1 – 11.
6. Osipov N.D., Nevraeva N.Yu., Kabanov A.M., Yatsenko O.Yu. The Problem of Fostering Patriotism in Young People in the Modern Conditions of Development of Russian Society. Pedagogical Journal. 2023. Vol. 13. No. 4A. P. 185 – 195.
7. Ponomarev P.A., Shalin V.V., Samygin S.I. Patriotic education of modern Russian youth: main problems and promising directions. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2025. No. 2. P. 95 – 102.
8. Rozhkova A.K., Faktorovich T.V. On the issue of patriotic education: the experience of China. Alma Mater (Higher School Bulletin). 2024. No. 5. P. 80 – 86.
9. Tong Baohui, Si Junqin. On patriotic education in Russia and China. Education and Law. 2020. No. 9. P. 87 – 91.
10. Zhang Shuang, Karnaukh N.V. The role of patriotic education centers in the implementation of the idea of national unity in China. Domestic and foreign pedagogy. 2024. T. 1. No. 5 (101). P. 55 – 72.

Информация об авторах

Лю Синьчжу, аспирант, старший преподаватель, Институт иностранных языков, Цзилиньский педагогический университет, Китай, 54115387@qq.com

Сун Тинтин, ассистент, библиотекарь, Цзилиньский педагогический университет, Китай, 49829623@qq.com

© Лю Синьчжу, Сун Тинтин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.035.6

Педагогические условия формирования российского мировоззрения в старшей школе

¹ Осипчук А.И.

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Аннотация: в статье исследуются педагогические условия формирования российского мировоззрения у старшеклассников, включающие: экологическое волонтерство как средство развития социальной ответственности, патриотическое воспитание на основе культурно-исторических ценностей, а также системное взаимодействие с родителями в реальной и цифровой среде. Автор анализирует теоретические основания каждого из условий и представляет результаты их практической реализации в образовательном процессе. Особое внимание уделяется интеграции экологической и патриотической составляющих через проектную деятельность, а также особенностям цифровой коммуникации между школой и семьей. Результаты исследования демонстрируют эффективность предложенного подхода в формировании ценностных ориентаций и гражданской позиции учащихся. Материалы статьи могут быть использованы для разработки комплексных программ воспитания в старшей школе.

Ключевые слова: российское мировоззрение, старшеклассники, педагогические условия, экологическое волонтерство, патриотическое воспитание, цифровая среда, семейно-школьное взаимодействие, проектная деятельность

Для цитирования: Осипчук А.И. Педагогические условия формирования российского мировоззрения в старшей школе // Современный ученый. 2025. № 9. С. 268 – 274.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Pedagogical conditions for forming a Russian worldview in high school

¹ Osipchuk A.I.

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Abstract: the article explores the pedagogical conditions for the formation of a Russian worldview among high school students, including environmental volunteering as a means of developing social responsibility, patriotic education based on cultural and historical values, and systematic interaction with parents in the real and digital environments. The author analyzes the theoretical foundations of each condition and presents the results of their practical implementation in the educational process. Special attention is given to the integration of environmental and patriotic components through project activities, as well as the features of digital communication between schools and families. The research findings demonstrate the effectiveness of the proposed approach in shaping students' value orientations and civic attitudes. The article's materials can be used to develop comprehensive educational programs for high schools.

Keywords: Russian worldview, high school students, pedagogical conditions, environmental volunteering, patriotic education, digital environment, family-school interaction, and project activities

For citation: Osipchuk A.I. Pedagogical conditions for forming a Russian worldview in high school. Modern Scientist. 2025. 9. P. 268 – 274.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Формирование российского мировоззрения у старшеклассников является актуальной педагогической задачей в условиях современных социокультурных трансформаций. Особую значимость приобретает поиск эффективных условий воспитания, способствующих становлению гражданской идентичности, экологического сознания и патриотических ценностей. В данной статье рассматриваются три ключевых педагогических условия: экологическое волонтерство как практико-ориентированная деятельность, патриотическое воспитание на основе историко-культурного наследия, а также взаимодействие с родителями в реальной и цифровой среде.

Теоретической основой исследования выступают работы в области педагогики (Л.С. Выготский, В.А. Сухомлинский), психологии развития (Д.И. Фельдштейн), а также современные исследования цифровой социализации (А.Г. Асмолов). Особое внимание уделяется интеграции экологического и патриотического воспитания через проектную деятельность и семейное взаимодействие.

Цель статьи – обосновать эффективность предложенных педагогических условий через анализ теоретических подходов и результатов практической апробации. В исследовании применялись методы анкетирования, педагогического эксперимента и контент-анализа цифровых коммуникаций.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении экологического волонтерства как средства формирования мировоззрения и разработке модели семейно-школьного взаимодействия в цифровой среде. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов для совершенствования воспитательных программ в старшей школе.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование базировалось на комплексном методологическом подходе, сочетающем теоретические и эмпирические методы познания. Теоретическая часть работы включала системный анализ современной научной литературы по проблемам формирования мировоззрения в подростковом возрасте, с акцентом на исследова-

ния в области педагогики, возрастной психологии и методики воспитательной работы. Особое внимание уделялось изучению научных трудов, посвященных особенностям гражданско-патриотического и экологического воспитания в условиях современной школы.

Эмпирическая часть исследования строилась на основе педагогического эксперимента, проводившегося в естественных условиях образовательного процесса. Эксперимент включал три последовательных этапа: констатирующий (диагностика исходного уровня сформированности компонентов мировоззрения), формирующий (реализация разработанной программы) и контрольный (оценка эффективности предложенных педагогических условий). В качестве основных диагностических инструментов использовались: авторская анкета для оценки когнитивного, ценностного и деятельностного компонентов мировоззрения; методика изучения гражданской идентичности; карта наблюдений за проявлениями мировоззренческой позиции в учебной и внеучебной деятельности.

Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики, включая расчет средних значений, определение достоверности различий с помощью t-критерия Стьюдента, а также корреляционный анализ для установления взаимосвязей между различными аспектами мировоззренческого развития. Исследование проводилось в течение 2024-2025 учебного года на базе общеобразовательных школ с участием 120 старшеклассников, разделенных на контрольную и экспериментальную группы с соблюдением принципов репрезентативности выборки.

Особенностью методологии данного исследования стало сочетание количественных и качественных методов анализа, что позволило получить не только статистически значимые данные, но и глубокое понимание процессов мировоззренческого становления личности в подростковом возрасте. Достоверность результатов обеспечивалась применением взаимодополняющих диагностических методик, длительным характером экспериментальной работы и строгим контролем переменных.

Результаты и обсуждения

Понятие российского мировоззрения в современной педагогической науке рассматривается как сложная система представлений, объединяющая когнитивный, ценностный и деятельностный компоненты (А.Н. Леонтьев, Д.И. Фельдштейн). Когнитивный компонент включает знания о национальной истории, культурных традициях и современных социально-политических реалиях России. Ценностный аспект, по мнению В.А. Караковского и И.А. Зимней, предполагает формирование патриотических идеалов, гражданской ответственности и экологического сознания. Деятельностный компонент проявляется в практической реализации мировоззренческих установок через социально значимую активность, что особенно актуально в контексте экологического волонтерства.

Возрастные особенности старшеклассников, как отмечает Л.И. Божович, характеризуются активным становлением самосознания и потребностью в самоопределении. В этот период происходит интенсивное формирование ценностных ориентаций (Д.И. Фельдштейн), что создает благоприятные условия для педагогического воздействия. Исследования Г.Н. Филонова подчеркивают, что именно в старшем школьном возрасте наиболее эффективно осуществляется переход от пассивного усвоения знаний к осознанному конструированию мировоззренческой позиции.

Роль образования в формировании национально-культурной идентичности, согласно концепции А.Г. Асмолова, заключается в создании условий для "культурного самоопределения" личности. В работах В.Т. Лисовского и Е.А. Ямбурга подчеркивается, что современная школа должна обеспечивать не только трансляцию знаний, но и создавать пространство для ценностного диалога, объединяющего традиции и инновации. Особое значение приобретает интеграция экологического и патриотического воспитания, что соответствует концепции устойчивого развития (Н.Н. Моисеев).

Анализ существующих педагогических подходов позволяет выделить несколько перспективных направлений. Исторический подход (А.А. Данилов, Л.Н. Боголюбов) акцентирует значение исторической памяти в формировании гражданской позиции. Культурологическая парадигма (В.С. Библер, Н.Б. Крылова) предлагает рассматривать мировоззрение как диалог культур. Аксиологический подход (З.И. Равкин, В.П. Зинченко) подчеркивает необходимость ценностного отбора и смыслообразования в образовательном процессе. Современные исследования (А.М. Кондаков, И.В. Метлик) демонстрируют эффективность интеграции этих подходов через проектную деятельность и цифровые технологии взаимодействия.

Таблица 1

Характеристика педагогических условий формирования российского мировоззрения у старшеклассников.

Table 1

Characteristics of the pedagogical conditions for shaping a Russian worldview among high school students.

Педагогическое условие	Содержание	Формы реализации	Ожидаемый результат
Экологическое волонтерство	Практико-ориентированная деятельность, направленная на сохранение природного наследия России	- Экологические акции (посадка деревьев, уборка территорий) - Исследовательские проекты по экологии региона - Создание экологических маршрутов	Формирование экологического сознания, чувства ответственности за природу родного края
Патриотическое воспитание	Система мероприятий, направленных на формирование гражданской идентичности и любви к Родине	- Уроки мужества, встречи с ветеранами - Исторические реконструкции, квесты - Создание цифровых архивов памяти	Развитие патриотических ценностей, уважения к истории и традициям России
Взаимодействие с родителями	Совместная деятельность школы и семьи в реальной и цифровой среде	- Семейные клубы, родословные проекты - Онлайн-платформы для обсуждения ценностей - Совместные социальные инициативы	Укрепление межпоколенческих связей, единство ценностных ориентиров

Современные исследователи в области педагогики (В.А. Сластёнин, Е.В. Бондаревская) единодушно отмечают, что эффективное формирование российского мировоззрения у старшеклассников требует создания специально организованной образовательной среды, включающей комплекс взаимосвязанных педагогических условий. Центральное место среди них занимает экологическое волонтерство как особая форма социально значимой деятельности. Как убедительно показано в работах С.Д. Дерябо и В.А. Ясвина, экологическая деятельность, организованная на принципах добровольчества, позволяет реализовать важнейший психолого-педагогический механизм "переживания-осмысления" национального природного наследия. При этом, согласно исследованиям А.Н. Захлебного, именно проектные формы экологического волонтерства (такие как мониторинг состояния местных экосистем, участие в природоохранных акциях, разработка экологических маршрутов) наиболее эффективно способствуют формированию у старшеклассников ценностного отношения к родной природе как неотъемлемой части российского культурного ландшафта.

Особую значимость в контексте формирования российского мировоззрения приобретает система патриотического воспитания, которая, по данным исследований И.А. Зимней и В.И. Лутовинова, должна строиться на принципе диалога традиций и инноваций. Современные научные работы (А.Н. Выршиков, М.Б. Кусмарцев) демонстрируют, что наиболее эффективными оказываются те программы патриотического воспитания, которые сочетают изучение исторического наследия (через краеведческую работу, музееведение, военно-исторические реконструкции) с современными цифровыми форматами (создание виртуальных музеев, разработка исторических квестов, участие в онлайн-архивах). Примечательно, что, как отмечает И.М. Ильинский, именно такая интеграция позволяет преодолеть формальный подход к патриотическому воспитанию и способствует формированию у старшеклассников осознанной гражданской позиции.

Не менее важным условием является организация системного взаимодействия с родителями, что особенно актуально в условиях цифровой трансформации общества. Как показано в исследованиях А.В. Мудрика и Е.А. Александровой, современная семья переживает кризис трансляции культурных ценностей, что требует новых форм педагогического сопровождения. Практический опыт, описанный в работах Н.Л. Селивановой, свидетельствует об эффективности таких форм взаимо-

действия, как семейные клубы исторической памяти, совместные с родителями экологические экспедиции, межпоколенческие проекты по сохранению семейных традиций. Особого внимания заслуживают цифровые форматы этого взаимодействия – семейные онлайн-архивы, виртуальные музеи семейной истории, совместные блоги о родном крае, которые, по данным исследований Д.В. Григорьева, позволяют преодолеть разрыв между поколениями и создать единое ценностное пространство.

Важно подчеркнуть, что, как отмечает в своих работах А.Г. Асмолов, подлинная эффективность перечисленных педагогических условий достигается только при их системном сочетании. Экологическое волонтерство обретает мировоззренческую глубину, будучи наполненным историко-культурным контекстом; патриотическое воспитание становится личностно значимым, когда включает практические формы гражданской активности; взаимодействие с родителями выходит на новый уровень, когда строится вокруг реальных дел и проектов. Именно такой комплексный подход, как убедительно доказывают современные исследования в области воспитания (И.Д. Фрумин, Н.Л. Селиванова), позволяет сформировать у старшеклассников целостное российское мировоззрение, сочетающее глубокие знания, осознанные ценности и готовность к социально значимой деятельности.

Опытно-экспериментальная работа по исследованию эффективности педагогических условий формирования российского мировоззрения у старшеклассников проводилась в течение 2024-2025 учебного года на базе общеобразовательных школ №6, 44 г. Копейске. В исследовании приняли участие 120 учащихся 9-11 классов, которые были разделены на контрольную и экспериментальную группы по 60 человек в каждой. Методологическую основу эксперимента составили принципы системности, объективности и валидности, что позволило обеспечить достоверность полученных результатов.

На констатирующем этапе исследования применялся комплекс диагностических методик, включавший: анкетирование по методике "Ценностные ориентации" (М. Рокич), адаптированное для изучения компонентов российского мировоззрения; тест смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев); методику изучения гражданской идентичности (А.Г. Асмолов); а также авторскую карту наблюдений за проявлениями мировоззренческой позиции в учебной и внеучебной деятельности. Результаты констатирующего этапа показали, что

лишь 23% учащихся экспериментальной группы демонстрировали сформированность всех компонентов российского мировоззрения, при этом у 41% наблюдался явный когнитивный диссонанс между декларируемыми ценностями и реальным поведением.

Формирующий этап эксперимента включал реализацию разработанной программы, основанной на трех ключевых педагогических условиях. Экологическое волонтерство было организовано через систему проектов "Экология малой родины", где учащиеся занимались исследованием местных экосистем, организацией эко-акций и созданием экологических маршрутов. Патриотическое воспитание осуществлялось через интеграцию традиционных форм (уроки мужества, встречи с ветеранами) и инновационных подходов (исторические VR-реконструкции, создание цифрового архива "Живая память поколений"). Взаимодействие с

родителями реализовывалось через семейные клубы, совместные проекты "Моя родословная" и цифровую платформу "Семейные ценности".

На контрольном этапе исследования были получены следующие результаты: в экспериментальной группе показатель сформированности российского мировоззрения вырос до 67%, при этом наиболее значительные изменения произошли в деятельностном компоненте (увеличение на 48%). Качественный анализ данных показал, что 78% учащихся стали демонстрировать осознанное отношение к экологическим проблемам родного края, 82% проявили устойчивый интерес к изучению семейной истории, а 65% начали активно участвовать в социально значимых инициативах. Особенно показательным оказался рост показателей ценностного единства между поколениями – совпадение ценностных ориентаций учащихся и их родителей увеличилось на 37%.

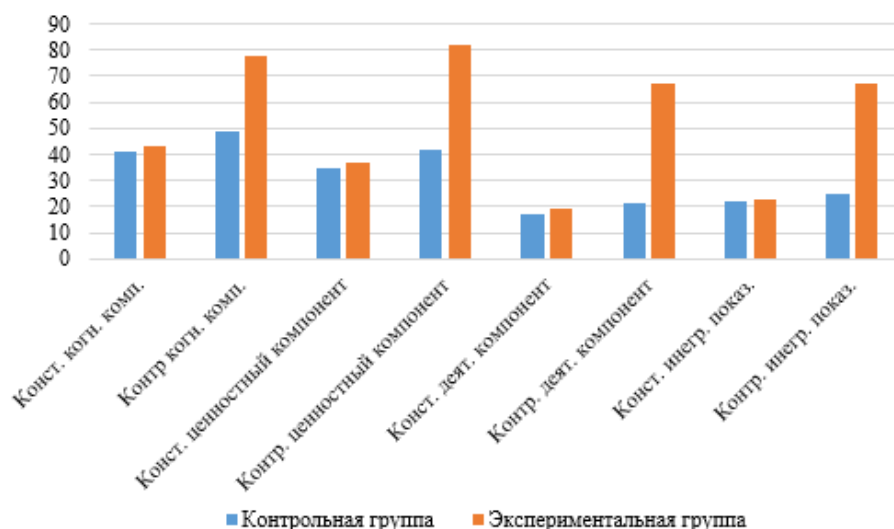

Рис. 1. Динамика сформированности компонентов российского мировоззрения у старшеклассников.
Fig. 1. Dynamics of the formation of the components of the Russian worldview among high school students.

Статистическая обработка данных с использованием t-критерия Стьюдента подтвердила достоверность различий между контрольной и экспериментальной группами ($p \leq 0,01$). Корреляционный анализ выявил устойчивую взаимосвязь между участием в комплексных проектах и показателями сформированности мировоззрения ($r = 0,72$). Полученные результаты убедительно доказывают эффективность предложенных педагогических условий и позволяют рекомендовать разработанную модель для внедрения в образовательную практику современных школ.

Выводы

Проведенное исследование убедительно доказало эффективность разработанного комплекса педагогических условий для формирования рос-

сийского мировоззрения у старшеклассников. Как показали результаты опытно-экспериментальной работы, наиболее значительная динамика наблюдалась в развитии деятельностного компонента мировоззрения, что подтверждает важность практико-ориентированных форм работы. Особенно показательным оказался рост показателей осознанного отношения к экологическим проблемам родного края и участия в социально значимых инициативах, что свидетельствует о действенности модели экологического волонтерства как средства формирования гражданской ответственности.

Существенное значение имеет выявленная в ходе исследования взаимосвязь между использованием современных цифровых форматов патриотического воспитания и уровнем осмысления ис-

торико-культурного наследия. Интеграция традиционных и инновационных подходов позволила преодолеть формализм в воспитательной работе и добиться качественно нового уровня осознания национальных ценностей. Не менее важным результатом стало установление устойчивой корреляции между системой взаимодействия с родителями и показателями ценностного единства поколений, что подчеркивает необходимость семейно-школьного партнерства в мировоззренческом воспитании.

Полученные результаты открывают новые перспективы для совершенствования воспитательной работы в старшей школе. Разработанная модель, сочетающая экологическое, патриотическое и се-

мейное направления воспитания, может стать основой для создания комплексных образовательных программ. Особую актуальность приобретает дальнейшее исследование возможностей цифровой среды для формирования мировоззренческих позиций, а также разработка диагностического инструментария, позволяющего оценивать динамику становления российского мировоззрения в условиях современной социокультурной реальности. Практическая значимость исследования подтверждается возможностью его результатов служить научно-методической основой для обновления содержания воспитательной работы в образовательных организациях различного типа.

Список источников

1. Алексеева В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5 № 5. С. 63 – 70.
2. Великова М.А. К вопросу правового регулирования патриотизма и его влияния на уровень патриотизма обучающихся // Научный аспект. 2024. № 5. С. 4910 – 4916.
3. Габриелян Г.В. Исторический патриотизм и патриотизм повседневности (проблемы формирования гражданственности патриотизма у современной молодежи) // Патриотическое воспитание молодежи как фактор сохранения исторических ценностей. Москва: Московский дом национальностей, 2022. С. 32 – 36.
4. Лубский А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий юга России. 2017. № 1. С. 42 – 59.
5. Лутовинов В.И. Критерии и основы методики оценки результатов работы по патриотическому воспитанию: моногр. / Российский государственный военный историкокультурный центр при Правительстве Российской Федерации. М.: Армпресс, 2016.
6. Лымарев В.Н., Н.В. Уварина Исследование иерархии военно-профессиональных ценностей курсантов Росгвардии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2022. № 205. С. 158 – 167.
7. Непряхин В.А. Система гражданско-патриотического воспитания молодежи в современной России, место и роль проекта "Без срока давности" // Актуальные проблемы преподавания истории и обществознания в различных типах образовательных организаций. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2024. С. 8 – 24.
8. Осипчук А.И., Уварина Н.В. Влияние проекта "Разговоры о важном" на формирование российского мировоззрения у старшеклассников // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 124 – 128.
9. Пашков С.В. Патриотизм как национальная духовная идея: нравственное содержание патриотизма в трактовке В.С. Соловьева // Психология и педагогика социального воспитания. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. С. 95 – 101.
10. Захлебный А.Н., Дзятковская Е.Н. Экологическая компетенция как новый планируемый результат экологического образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2008. № 2. С. 11 – 15.
11. Savchenkov A.V., Uvarina N.V. Motivational and valuebased component of future teachers' readiness for moral education: Concept clarification // Science for Education Today. 2021. Vol. 11. No. 2. P. 55 – 79.

References

1. Alekseeva V.G. Value orientations as a factor in life activity and personality development. Psychological journal. 1984. Vol. 5, No. 5. P. 63 – 70.
2. Velikova M.A. On the issue of legal regulation of patriotism and its influence on the level of patriotism of students. Scientific aspect. 2024. No. 5. P. 4910 – 4916.

3. Gabrielyan G.V. Historical patriotism and everyday patriotism (problems of forming civic consciousness and patriotism in modern youth). Patriotic education of youth as a factor in preserving historical values. Moscow: Moscow House of Nationalities, 2022. P. 32 – 36.
4. Lubskey A.V. Civic patriotism: on the compatibility of patriotism and civic consciousness in Russian society. Humanitarian of the South of Russia. 2017. No. 1. P. 42 – 59.
5. Lutovinov V.I. Criteria and principles of the methodology for assessing the results of work on patriotic education: monograph. Russian State Military Historical and Cultural Center under the Government of the Russian Federation. Moscow: Armprint, 2016.
6. Lymarev V.N., N.V. Uvarina Study of the hierarchy of military-professional values of cadets of the Russian Guard. Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2022. No. 205. P. 158 – 167.
7. Nepriyakhin V.A. The system of civic-patriotic education of youth in modern Russia, the place and role of the project "No Statute of Limitations". Actual problems of teaching history and social science in various types of educational organizations. Ufa: Limited Liability Company "Aeterna", 2024. P. 8 – 24.
8. Osipchuk A.I., Uvarina N.V. The Impact of the "Conversations about the Important" Project on the Formation of the Russian Worldview of High School Students. Actual Problems of Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2025. P. 124 – 128.
9. Pashkov S.V. Patriotism as a National Spiritual Idea: The Moral Content of Patriotism in the Interpretation of V.S. Solovyov. Psychology and Pedagogy of Social Education. Kostroma: Kostroma State University, 2020. P. 95 – 101.
10. Zakhlebny A.N., Dzyatkovskaya E.N. Environmental competence as a new planned result of environmental education. Standards and monitoring in education. 2008. No. 2. P. 11 – 15.
11. Savchenkov A.V., Uvarina N.V. Motivational and value-based component of future teachers' readiness for moral education: Concept clarification. Science for Education Today. 2021. Vol. 11. No. 2. P. 55 – 79.

Информация об авторе

Осипчук А.И., аспирант, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, osipchukai@cspu.ru

© Осипчук А.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 371.134:378.147

Критерии, показатели и уровни формирования традиционных ценностей будущих руководителей народного коллектива

¹ Сергеева Т.В.

¹ Мелитопольский государственный университет

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление и обоснование критериев, показателей и уровней формирования традиционных ценностей у будущих специалистов среднего звена – руководителей народного коллектива. Исследование проводилось с участием 56 студентов в возрасте от 15 до 22 лет. Автор обосновывает трехкомпонентную структуру критериев: мотивационно-ценностный, когнитивный и деятельностно-практический. В работе представлены результаты констатирующего эксперимента с использованием методики диагностики мотивации А.А. Реана и В.А. Якунина в модификации Н.Ц. Бадмаевой. Выявлена положительная динамика роста мотивационных показателей от младших к старшим курсам. Результаты исследования представлены в виде таблиц, диаграмм и графиков, демонстрирующих распределение уровней сформированности традиционных ценностей и корреляционные связи между различными мотивационными шкалами. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования разработанной диагностической системы в образовательном процессе подготовки руководителей народных коллективов.

Ключевые слова: критерии, показатели, уровни, традиционные ценности, руководители народного коллектива, мотивационно-ценностный критерий, диагностика, профессиональная подготовка, творческая деятельность

Для цитирования: Сергеева Т.В. Критерии, показатели и уровни формирования традиционных ценностей будущих руководителей народного коллектива // Современный ученый. 2025. № 9. С. 275 – 281.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Criteria, indicators and levels of formation of traditional values of future leaders of folk collectives

¹ Sergeeva T.V.

¹ Melitopol State University

Abstract: the article presents the results of an empirical study aimed at identifying and substantiating criteria, indicators and levels of formation of traditional values among future middle-tier specialists – leaders of folk collectives. The study was conducted with the participation of 56 students aged 15 to 22 years. The author substantiates a three-component structure of criteria: motivational-value, cognitive and activity-practical. The paper presents the results of a confirmatory experiment using the methodology for diagnosing motivation by A.A. Rean and V.A. Yakunin as modified by N.Ts. Badmaeva. A positive dynamics of growth of motivational indicators from

junior to senior courses was revealed. The research results are presented in the form of tables, diagrams and graphs demonstrating the distribution of levels of traditional values formation and correlations between various motivational scales. The practical significance of the study lies in the possibility of using the developed diagnostic system in the educational process of training leaders of folk collectives.

Keywords: criteria, indicators, levels, traditional values, folk collective leaders, motivational-value criterion, diagnostics, professional training, creative activity

For citation: Sergeeva T.V. Criteria, indicators and levels of formation of traditional values of future leaders of folk collectives. Modern Scientist. 2025. 9. P. 275 – 281.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 18, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Планирование проведения педагогического эксперимента по формированию традиционных ценностей будущих специалистов среднего звена – руководителей народного коллектива предусматривало необходимость решения ряда вопросов, таких как: выяснение содержания понятий «критерии» и «показатели» результативности любого процесса, в том числе и формирование традиционных ценностей будущих специалистов среднего звена – руководителей народного коллектива; изучение опыта разработки учеными критериев и показателей сформированности традиционных ценностей; обоснование критериев, показателей и уровней сформированности традиционных ценностей будущих специалистов среднего звена – руководителей народного коллектива в процессе профессиональной подготовки.

В словарях и энциклопедиях критерий определяется как средство рассуждения, признак, на основе которого проводится определение или классификация чего-либо, мерило оценки [12, с. 78]. Изучение научных исследований по формированию традиционных ценностей засвидетельствовало, что критерии и уровни сформированности традиционных ценностей учеными определяются как свойства, признаки исследуемого объекта и дают возможность анализировать уровень его совершенствования, развития и функционирования, а показатели – это количественные или качественные характеристики сформированности каждого критерия и признаки изучаемого объекта.

Цель исследования заключается в разработке и апробации системы критериев, показателей и уровней формирования традиционных ценностей у будущих руководителей народного коллектива, способствующей повышению их профессиональной компетентности и готовности к эффективной трансляции культурного наследия.

Научная новизна исследования

состоит в том, что здесь предложена авторская трактовка понятия «традиционные ценности руководителя народного коллектива», определяемая как совокупность усвоенных и осознанных моральных, духовных и культурных ценностей, отражающих исторический опыт народа, определяющих его мировоззрение и поведение в профессиональной деятельности.

Материалы и методы исследований

С целью определения показателей сформированности традиционных ценностей будущих специалистов среднего звена – руководителей народного коллектива нами проанализированы научные исследования, посвященные диагностированию традиционных ценностей будущих специалистов (Ахтямов Л.Д., Гехт И.А., Милькевич О.А., Михайлова Т.В., Рябцев А.В. Слостенин В.А., Чижакова Г.И., Шадрин И.Н. и др.).

В исследовании приняло участие 56 студентов – будущих педагогов Запорожской области, в возрасте от 15 до 22 лет, которые были условно разделены на группы по курсам обучения.

Для диагностики мотивационно-ценностного критерия использовалась методика А.А. Реана и В.А. Якунина в модификации Н.Ц. Бадмаевой [9, с. 154], включающая следующие шкалы мотивов: коммуникативные, учебно-познавательные, профессиональные, творческой самореализации, избегания неудачи, достижения успеха, социальные.

Критерии формирования традиционных ценностей будущих специалистов – руководителей народного коллектива согласуются с определенными группами традиционных ценностей:

— **мотивационно-ценностный** – выражает совокупность мотивов, а также устойчивых интересов и ценностных отношений к профессиональной деятельности, развитие творческих способностей, стремление к самовыражению;

— **когнитивный** – наличие и уровень знаний, умений, навыков профессиональной деятельности, наличие представлений о творчестве и творческих способностей;

— **деятельностно-практический** – сформированность пониманий и способности осуществления профессиональной деятельности, проявление креативности, оригинальности мышления в творческой деятельности.

Таблица 1

Критерии, показатели и уровни сформированности традиционных ценностей будущих специалистов среднего звена – руководителей народного коллектива.

Table 1

Criteria, indicators and levels of formation of traditional values of future mid-level specialists – leaders of the national collective.

Критерии	Показатели	Методы диагностики	Уровни сформированности
Мотивационно-ценностный	- Устойчивость системы мотивов - Устойчивый интерес и ценностное отношение к профессиональной деятельности - Стремление к самовыражению и творческому развитию	- Анкетирование - Тестирование - Методика А.А. Реана и В.А. Якунина	Высокий (4,1-5,0 баллов) Средний (2,6-4,0 баллов) Низкий (1,0-2,5 баллов)
Когнитивный	- Знание особенностей профессиональной деятельности руководителя народного коллектива на основе традиционных ценностей - Ориентация на сохранение самобытности народной песенной культуры - Транслирование знаний и опыта поколений в учебный процесс	- Междисциплинарные проектные технологии - Мастер-классы - Участие в конференциях - Творческие проекты	Высокий (4,1-5,0 баллов) Средний (2,6-4,0 баллов) Низкий (1,0-2,5 баллов)
Деятельностно-практический	- Проявление креативности и оригинальности мышления в творческой деятельности - Участие в коллективной творческой деятельности - Готовность к трансляции традиционных ценностей	- Концертно-исполнительская деятельность - Творческие выступления - Организация культурных мероприятий - Практические занятия	Высокий (4,1-5,0 баллов) Средний (2,6-4,0 баллов) Низкий (1,0-2,5 баллов)

Результаты и обсуждения

Учитывая вышеупомянутые критерии, показатели, уровни был спланирован и проведен констатирующий эксперимент, результаты

которого позволили выявить текущее состояние уровней сформированности традиционных ценностей будущих специалистов среднего звена – руководителей народного коллектива.

Таблица 2

Результаты диагностики мотивации будущих специалистов – руководителей народного коллектива.

Table 2

Results of diagnostics of motivation of future specialists – leaders of the national collective.

Шкала	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Средний показатель
КМ (коммуникативные мотивы)	2,0	3,0	5,0	5,0	3,75
УПМ (учебно-познавательные мотивы)	3,0	4,0	4,0	5,0	4,0
ПМ (профессиональные мотивы)	1,0	1,0	4,0	5,0	2,75
МТС (мотивы творческой самореализации)	1,0	1,0	4,0	5,0	2,75
МИ (мотивы избегания)	1,0	2,0	5,0	5,0	3,25
МП (мотивы престижа)	3,0	4,0	4,0	5,0	4,0
СМ (социальные мотивы)	1,0	2,0	4,0	5,0	3,0
Средний показатель по курсам	1,7	2,4	4,2	5,0	3,35

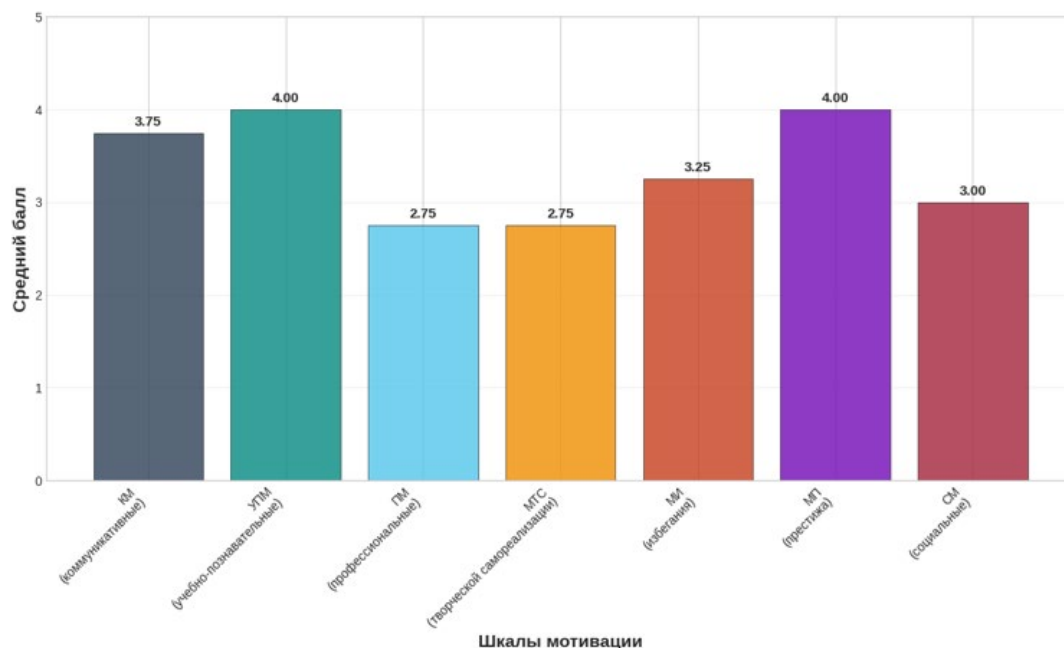

Рис. 1. Средние показатели мотивации будущих руководителей народного коллектива по шкалам.

Fig. 1. Average motivation indicators of future leaders of the national collective according to scales.

Анализ результатов диагностики мотивационных показателей показал, что наиболее высокие средние значения имеют учебно-познавательные мотивы и мотивы престижа (по 4,0 балла), что свидетельствует о стремлении студентов к качественному образованию и профессиональному признанию. Наименьшие

показатели выявлены у профессиональных мотивов и мотивов творческой самореализации (по 2,75 балла), что может указывать на недостаточную сформированность профессиональной идентичности на начальных этапах обучения.

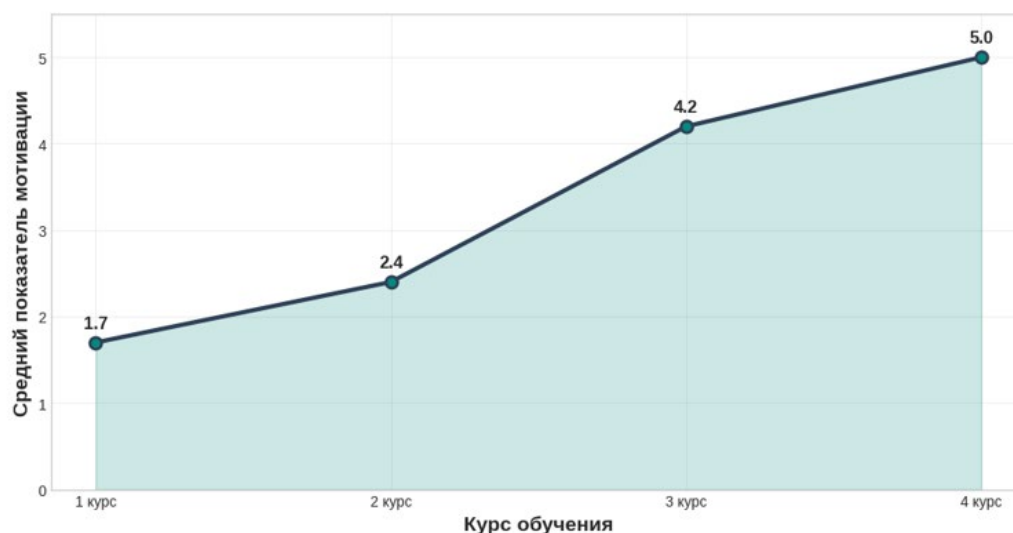

Рис. 2. Динамика роста мотивационных показателей у будущих руководителей народного коллектива по курсам обучения.

Fig. 2. Dynamics of growth of motivational indicators of future leaders of the national collective by training courses.

Анализ динамики мотивационных показателей по курсам обучения выявил устойчивую тенденцию роста от первого (1,7 балла) к четвертому курсу (5,0 баллов). Наиболее значительный прирост наблюдается между

вторым и третьим курсами (с 2,4 до 4,2 баллов), что может быть связано с началом профессионально-ориентированного обучения и практической подготовки.

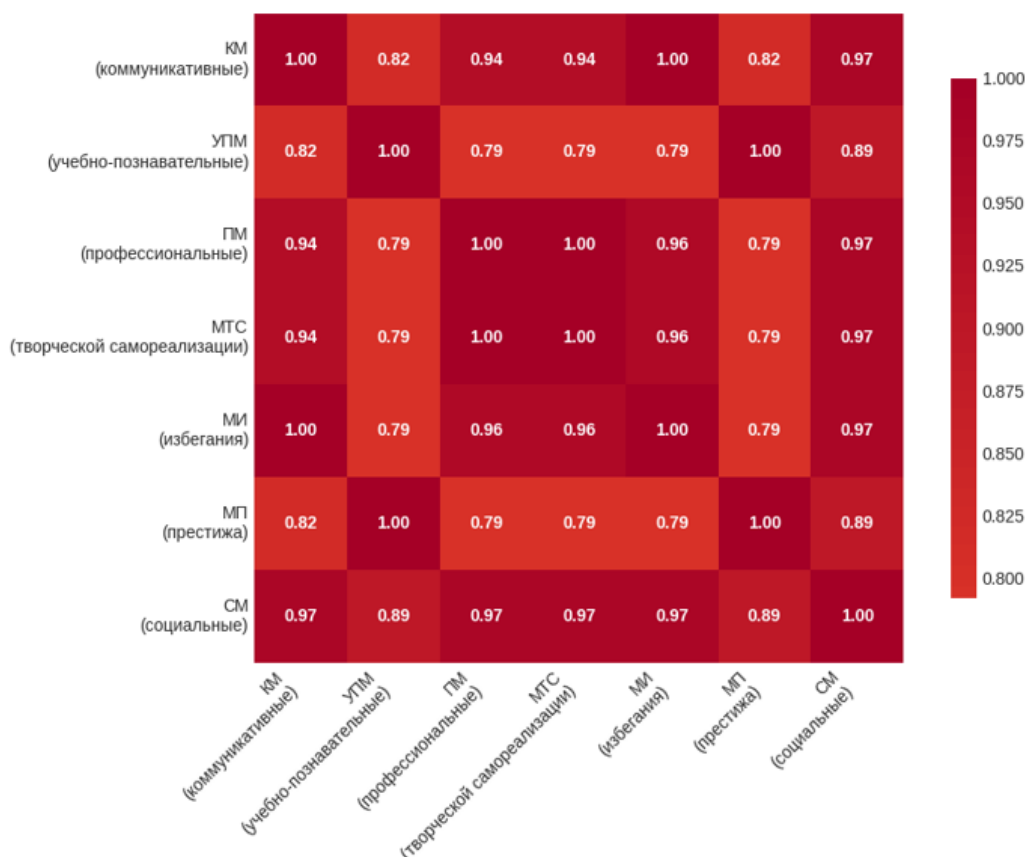

Рис. 3. Корреляционная матрица мотивационных шкал у будущих руководителей народного коллектива.
Fig. 3. Correlation matrix of motivational scales for future leaders of the national collective.

Корреляционный анализ показал наличие значимых положительных связей между различными мотивационными шкалами. Наиболее сильные корреляции выявлены между профессиональными мотивами и мотивами

творческой самореализации ($r = 1,0$), что подтверждает тесную взаимосвязь профессионального развития и творческого самовыражения в деятельности руководителя народного коллектива.

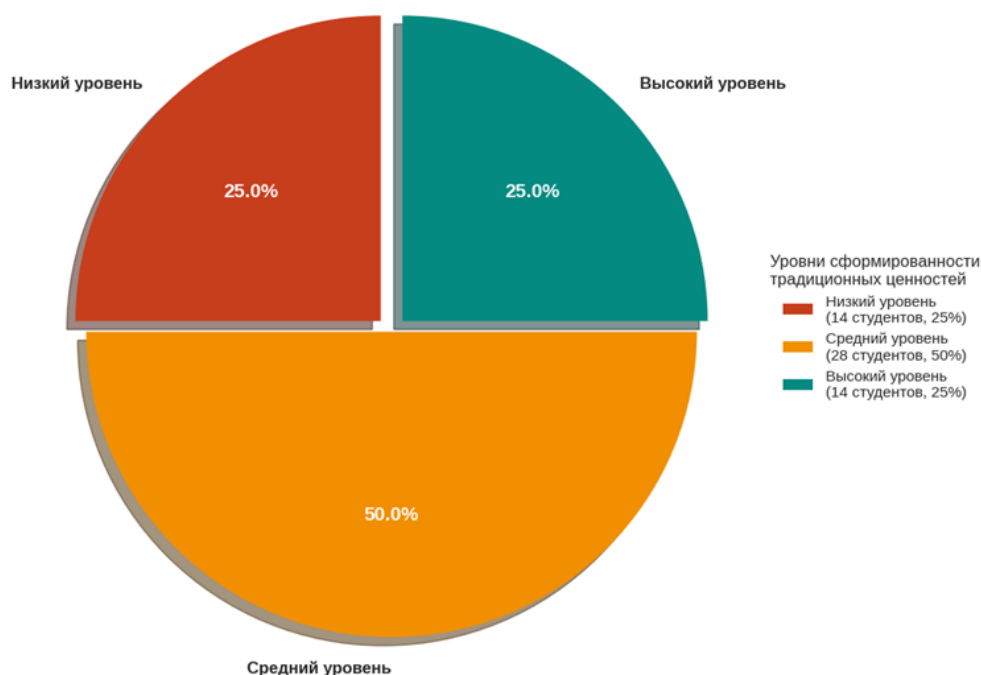

Рис. 4. Распределение уровней сформированности традиционных ценностей у будущих руководителей народного коллектива.

Fig. 4. Distribution of levels of formation of traditional values among future leaders of the national collective.

На основе комплексной диагностики было установлено распределение студентов по уровням сформированности традиционных ценностей: 25% студентов (14 человек) демонстрируют низкий уровень, 50% (28 человек) – средний уровень, и 25% (14 человек) – высокий уровень сформированности традиционных ценностей.

Низкий уровень характеризуется недостаточным осознанием значимости традиционных ценностей, фрагментарными знаниями о культуре и истории народа, отсутствием практической готовности к трансляции традиционных ценностей. Средний уровень характеризуется осознанием значимости традиционных ценностей, наличием базовых знаний о культуре и истории народа, эпизодическим проявлением готовности к трансляции традиционных ценностей. Высокий уровень отличается глубоким пониманием традиционных ценностей, систематическими знаниями о народной культуре и постоянной готовностью к их практической трансляции.

Выводы

Проведенное исследование позволило решить актуальную научно-педагогическую задачу, связанную с разработкой и обоснованием системы критериев, показателей и уровней формирования

традиционных ценностей у будущих руководителей народного коллектива.

Выявлена трехкомпонентная структура критериев сформированности традиционных ценностей: мотивационно-ценностный, когнитивный и деятельностно-практический, каждый из которых включает специфические показатели и методы диагностики.

Констатирующий эксперимент с участием 56 студентов показал положительную динамику роста мотивационных показателей от младших к старшим курсам (с 1,7 до 5,0 баллов), что свидетельствует об эффективности образовательного процесса в формировании профессионально значимых качеств.

Установлено, что половина студентов (50%) находится на среднем уровне сформированности традиционных ценностей, что указывает на необходимость совершенствования педагогических условий и методов формирования данных качеств в процессе профессиональной подготовки.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке и совершенствовании образовательных программ, учебных планов и методических материалов для подготовки руководителей народных коллективов в высших учебных заведениях.

Список источников

1. Галушкин П.А., Исаев Е.И. Самореализация личности как психологическая проблема // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Самореализация личности в современном мире». М.: РУДН, 2018. С. 55 – 60.
2. Грекова В.А. Психология учебной мотивации обучающихся. Учебная мотивация основные теории и подходы // Северо-Кавказский психологический вестник. 2008. № 6/3. С. 45 – 52.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. А-З. 699 с.
4. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд. БГУ, 1976. 176 с.
5. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер, 2005. 412 с.
6. Коломинский Я.Л. Пути формирования социально-психологической готовности к труду: итоги комплексного исследования // Формирование социально-психологической готовности к труду. Минск, 1987. С. 3 – 11.
7. Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. 223 с.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
9. Методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой) / Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. Улан-Удэ, 2004. С. 151 – 154.
10. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. Oxford, Penguin Non-Classic, 2002. 864 с.
11. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.

References

1. Galushkin P.A., Isaev E.I. Self-realization of the individual as a psychological problem. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation "Self-realization of the individual in the modern world". Moscow: RUDN, 2018. P. 55 – 60.
2. Grekova V.A. Psychology of educational motivation of students. Educational motivation main theories and approaches. North Caucasian Psychological Bulletin. 2008. No. 6/3. P. 45 – 52.
3. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Moscow: Russian Language, 1981. Vol. 1. A-Z. 699 p.
4. Dyachenko M.I., Kandybovich L.A. Psychological problems of readiness for activity. Minsk: Publishing House BSU, 1976. 176 p.
5. Ilyin E.P. Psychophysiology of human states. SPb.: Piter, 2005. 412 p.
6. Kolominsky Ya.L. Ways of forming social and psychological readiness for work: results of a comprehensive study. Formation of social and psychological readiness for work. Minsk, 1987. P. 3 – 11.
7. Kuzmina N.V., Rean A.A. Professionalism of pedagogical activity. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 1993. 223 p.
8. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. M.: Politizdat, 1977. 304 p.
9. Methodology for diagnosing students' academic motivation (A.A. Rean and V.A. Yakunin, modified by N.Ts. Badmaeva). Badmaeva N.Ts. Influence of motivational factor on development of mental abilities: Monograph. Ulan-Ude, 2004. pp. 151–154.
10. Oxford Dictionary of Psycholog. edited by A. Reber. Oxford, Penguin Non-Classic, 2002. 864 p.
11. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. Psychology: dictionary. edited by A.V. Petrovsky, M.G. Moscow: Politizdat, 1990. 494 p.
12. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter, 2000. 712 p.

Информация об авторе

Сергеева Т.В., аспирант, Мелитопольский государственный университет, taserghееva@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.013

Использование историко-культурного наследия местных музеев в системе подготовки педагогических кадров: опыт и перспективы разработки образовательных и воспитательных технологий суверенной системы образования

¹ Степаненко В.В., ² Мусенко П.А.

¹ Азовский государственный педагогический университет,

² Бердянский музейный комплекс муниципального образования
«городской округ Бердянск Запорожской области»

Аннотация: актуальность изучения темы сохранения и популяризации историко-культурного наследия музеев в системе подготовки педагогических кадров состоит в том, что неотъемлемой частью подготовки педагога является его понимание собственной принадлежности к определённой общности (коллективу, этносу, нации, государству) через принятие культурных норм, образцов поведения, ценностных ориентаций и языка. Простыми словами, это осознание себя как части целого – коллектива, народа, государства, без этого осознания педагог не сможет выполнить свои основные функции: не только передать необходимую сумму знаний по предмету обучения, но и воспитать достойного гражданина своего Отечества, сформировать личность ребёнка. Цель проведенного нами исследования состоит в проведении историко-культурологического и методологического анализа возможностей использования материалов местных музеев и разработки на их основе образовательных и воспитательных технологий в системе подготовки педагогических кадров для укрепления социокультурной идентичности российского общества. Среди задач данного исследования выделяются: изучение работ отечественных и зарубежных исследователей предмета – музейной деятельности по укреплению социокультурной идентичности российского общества; рассмотрение отдельных приемов и методов музейной работы на предмет оценки их эффективности и возможности использовать их для придания осмысленности выбору идентификационных ориентиров при подготовке педагогического работника, вовлечения его в единое социокультурное пространство и формирования у него осознания исторической причастности к судьбам страны.

Ключевые слова: музей, историко-культурное наследие, педагог, педагогический работник, система подготовки педагогических кадров, глобализация, культурно-цивилизационная гомогенизация, коммодификация образования, конъюктуризация личности, интерпретация смыслов, микрорегиональный культурно-исторический контекст

Для цитирования: Степаненко В.В., Мусенко П.А. Использование историко-культурного наследия местных музеев в системе подготовки педагогических кадров: опыт и перспективы разработки образовательных и воспитательных технологий суверенной системы образования // Современный ученый. 2025. № 9. С. 282 – 295.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The use of historical and cultural heritage of local museums in the system of teacher training: the experience and prospects of developing educational and upbringing technologies of the sovereign education system

¹ Stepanenko V.V., ² Musenko P.A.

¹ Azov State Pedagogical University,

² Berdyansk Museum Complex of the municipal formation «city district Berdyansk, Zaporozhye region»

Abstract: the relevance of studying the topic of preserving and popularizing the historical and cultural heritage of museums in the system of teacher training is that an integral part of teacher training is his understanding of his own belonging to a particular community (collective, ethnic group, nation, state) through the adoption of cultural norms, patterns of behavior, value orientations and language. In simple words, it is the awareness of oneself as part of a whole – a collective, a people, a state, without this awareness, a teacher will not be able to fulfill his main functions: not only to transfer the necessary amount of knowledge on the subject of study, but also to raise a worthy citizen of his Fatherland, to form the personality of a child. The purpose of our research is to conduct a historical, cultural and methodological analysis of the possibilities of using materials from local museums and developing educational and educational technologies based on them in the system of teacher training to strengthen the socio-cultural identity of Russian society. Among the objectives of this study are: the study of the works of domestic and foreign researchers of the subject – museum activities to strengthen the socio-cultural identity of Russian society.; consideration of individual techniques and methods of museum work in order to assess their effectiveness and the possibility of using them to make sense of the choice of identification guidelines in the training of a teacher, to involve him in a single socio-cultural space and to form his awareness of historical involvement in the fate of the country.

Keywords: museum, historical and cultural heritage, teacher, teaching staff, teacher training system, globalization, cultural and civilizational homogenization, commodification of education, personality conjugation, interpretation of meanings, micro-regional cultural and historical context

For citation: Stepanenko V.V., Musenko P.A. The use of historical and cultural heritage of local museums in the system of teacher training: the experience and prospects of developing educational and educational technologies of the sovereign education system. Modern Scientist. 2025. 9. P. 282 – 295.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 19, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

За годы после распада СССР сменилось два поколения россиян. Для них определиться в принадлежности к системе культурных норм, образцов поведения, ценностных ориентаций и языка в условиях плюрализма, навязываемых западных глобалистских стандартов и правил однополярного мира было совсем не просто. Ещё сложнее осознать свою социокультурную идентичность и сделать выбор в пользу одной из различных конкурирующих систем духовно-нравственных ценностей молодому поколению регионов Донбасса и Новороссии, возвратившихся в состав России.

Здесь кризис идентичности был обусловлен драматическими событиями государственного переворота февраля 2014 года, приведшего к разрушению экономических, политических и культурных связей официального Киева с Россией. Была

объявлена война на уничтожение ценностей советской идентичности и усиленно стала насаждаться антироссийская модель государства, связанного с приобщением к глобализационным стандартам.

Идеалы мультикультурализма и глобализации начиная с середины 90-х годов XX века усиленно насаждаются по всей территории бывшего Советского Союза. Это происходит за счет растущей роли транснациональных корпораций в управлении национальной и международной экономической деятельностью стран по всему миру. Следствием этого становится реализация Западом политики неокOLONиализма, которая выразилась в практике транснациональных корпораций, направленной на гомогенизацию культуры и упадок национальных государств. Огромную роль в этом сыграло бурное развитие коммуникационных

технологий, ускорение и упрощение транснациональных финансовых потоков, вытеснение из торгово-экономических отношений национальных валют долларом и евро. Параллельно усиленно распространялся стереотип, согласно которому любые политические, социальные и культурные реакции, выражающие несогласие и/или сопротивление глобализации на национальном уровне, рассматривались как противодействие демократии и авторитаризм.

Таким образом, в результате роста транснациональных корпораций, представляющих в своей основе «большую семёрку» (G7), объединяющую США, Великобританию, Германию, Италию, Канаду, Францию и Японию. Эти страны не просто увеличили свою долю в управлении мировой торговли, но и попытались создать «однополярный мир», т.е. стали осуществлять повсеместную культурно-цивилизационную, политическую и экономическую гомогенизацию, диктовать «правила» взамен положениям международного права, экспортировать «цветные революции» в страны, которые не желали соглашаться с этим. На протяжении почти трёх десятилетий эта политика стран Запада не встречала серьёзного сопротивления. Однако после событий 2008 года в Южной Осетии и возвращения Крыма в состав России многое изменилось.

Тем не менее, гомогенизирующие последствия глобализации и мультикультурализма выразились, по мнению Н.Н. Федотовой, «в расколе идентичности, ее фрагментации» [28, с.75], размытости и неустойчивости, что приводило к стиранию культурных различий, унификации поведения и образа жизни в разных сферах: экономике, социальной и культуре.

В сложных условиях перемен и военной опасности это представляет экзистенциальную угрозу культурной и политической целостности страны, так как в результате процесса гомогенизации народы и страны отчуждаются от своих культурно-исторических ценностей и традиций, теряют идентичность и даже язык, в угоду западным стандартам мультикультурализма, а по сути, отказываются от своей самобытности. Массовая культура, поддерживаемая глобальным рынком, подгоняет культурные проявления под единый шаблон. Локальные традиции и художественные стили, имеющие глубокие исторические корни, уступают место универсальным стандартам поп-культуры, навязываемым западными моделями потребительского поведения, что ведёт к формированию общества, где материальные ценности преобладают над духовными. Яркий пример тому – скандальная церемония открытия Олимпиады 2024 в Париже.

Вопрос о том, что идентичность целенаправленно разрушалась через воздействие на систему образования ещё требует своего комплексного изучения. Однако и сейчас отдельные исследователи прямо заявляют, что насаждаемое глобалистское «представление об образовательном учреждении исключительно» как оказывающем ряд услуг «в системе торговых отношений имеет далеко идущие культурные и экономические последствия» [11, с. 85-86].

Так, Л.С. Гаспарян, А.О. Карпов, В.С. Никольский и др. рассматривают проблемы традиционного дискурса образовательных целей в деле противостояния глобалистским объяснениям функций образовательных организаций, основанным на теории свободного выбора товара. При таком объяснении образования, указывают исследователи, товаром становятся не только знания и умения как продукт культуры, но и сам процесс, смысловое наполнение, визуальная или аудиальная составляющая, история, эмоции и переживания, получающего это образование [9, 11, 21, 3].

Критический анализ, раскрывающий последствия глобалистской товарной политики в образовательной среде, дает основания заявить, что коммодификация культуры и образования ведет к:

- утрате аутентичности, когда традиции и духовные ценности превращаются в товар, что лишает их духовного наполнения;
- размыванию ценностей, когда экономическая выгода или потребительская полезность преобладает над творчеством и духовными проявлениями, что приводит к утрате глубинных ценностей культуры и образования, их конъюктуризации.

Отсюда следует, что формирование и укрепление социокультурной идентичности требует духовного, а не только осознанного (рационального, прагматического, потребительского) принятия культурных характеристик, которые распространены в обществе. Внедрение в процесс самоидентификации личности наряду с традициями, ценностями, культурными образцами общества, товарных отношений (полезности, выгоды, соответствие моде и т.п.) приводит не к идентификации, а к конъюктуризации личности. Истинная социально-культурная идентификация предполагает восприятие культуры и истории сквозь личное приобщение к судьбе страны (региона, нации), к ее историческому пути, достижениям и проблемам. Это происходит через рост живого интереса к локальным идентичностям: национальным культурам, этническим и религиозным особенностям, – что позволяет отдельным группам и сообществам сохранить свою особость.

Для этого необходимо так готовить педагогические кадры, чтобы сам педагог четко укрепился в осознании собственной идентичности как представителя российского общества. Это происходит за счет включения в образовательный процесс педагогического вуза разнообразных механизмов укрепления социокультурной идентичности молодого специалиста. Начинается этот процесс с адаптации первокурсника к специфике педагогического вуза, затем он приобщается к отечественному и мировому педагогическому, историческому, этнокультурному наследию. По мере прохождения различного вида учебных практик, будущий педагог знакомится с региональными особенностями, включается в подготовку и проведение воспитательных мероприятий вуза (патриотическими, социальными, просветительскими проектами и т.п.). Необходимо добиться чтобы студент осознал свою национально-культурную самобытность. Это имеет важнейшее экзистенциально-мировоззренческое значение в рамках гуманитарного познания, т.к. выражает неразрывную связь с духовными основами многонациональной культуры России, с ее устойчивыми типологическими характеристиками, сохраняющимися в истории.

Исходя из этого, при разработке программы нашего исследования мы руководствовались:

- положениями, отраженными в «Стратегии государственной культурной политики до 2030 года», где ключевыми факторами формирования духовно-нравственного фундамента страны определены вопросы защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, соблюдения конституционных прав граждан в сфере культуры, в том числе права на доступ к культурным ценностям, сохранения исторического и культурного наследия, выполнения задач в области национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации [26];

- Указом Президента РФ № 529 от 18.06.2024, утверждающим приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших наукоемких технологий, в числе которых присутствует укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение его уровня [27].

Целью нашего исследования была определена разработка и апробация механизмов, методов и приемов воспитания и укрепления российской социокультурной идентичности посредством сохранения и популяризации отечественного материального и нематериального историко-

культурного наследия народов России (на примере организации музейной работы) в рамках системы подготовки педагогических кадров.

Среди ключевых терминов нашего исследования мы выделили особо:

- социокультурную идентичность, определяемую нами через осознание человеком своего реального места в социальном мире. Для этого человек устанавливает границы между «своими» и «чужими», определяет круг лиц, с которыми он связан и сознательно себя относит к этому кругу. Одновременно с этим он определяет круг лиц, которым он противостоит, от которых он себя четко отличает;

- сохранение и накопление духовного опыта нации в процессе исторического развития всего богатства отечественной культуры, обеспечивающей единство многонационального народа России, воспитывающей чувства патриотизма и национальной гордости, укрепляющей авторитет страны на международной арене;

- историко-культурное наследие, выступающее как совокупность формальных и неформальных институтов, ценностных явлений материального и нематериального мира и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение традиционных духовных ценностей, на основании которых и происходит самоидентификация. В данном исследовании основное внимание уделено, прежде всего, материальному и нематериальному историко-культурному наследию, сохраняемому и популяризируемому в рамках работы местных музеев;

- традиционные ценности России, выступающие основой формирования мировоззрения граждан нашей страны, которые составляют фундамент единого культурного пространства страны, укрепляя гражданское единство многонационального народа России;

- термин «укрепление» по отношению к социокультурной идентичности подразумевает институционализацию концептов и стратегий, обозначенных государством, посредством реализации конкретных социальных практик и технологий. Кроме этого, укрепление подразумевает защиту и сохранение исторической памяти, культурного наследия, чем способствует противостоянию деструктивным угрозам (экстремизму, глобализации, коммодизации и др.).

Материалы и методы исследований

В данном исследовании мы сфокусировались на образовательно-просветительских механизмах музейной работы, подразумевающих организацию

образовательных программ и мероприятий, направленных на повышение осведомленности будущих и действующих педагогов о важности сохранения культурного наследия и распространения знаний об этом наследии среди обучающихся.

Определяя место и роль образования в процессах гражданской и социокультурной самоидентификации, мы в своем исследовании особое внимание обращаем на формирование и наличие соответствующей культурной идентичности у самих преподавателей. Прежде чем формировать у воспитанников и учащихся приверженность к традиционным российским ценностям, таким как: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России, педагог сам должен ими обладать. Безусловно, аксиологическое ядро личности не формируется в одночасье, это длительный процесс.

Отсюда следует, что становление личности педагога должно начинаться как можно раньше, задолго до их включения в деятельность по воспитанию и образованию учащихся, т.е. на уровне получения профессионального образования и до начала профессиональной карьеры.

На стадии идентификации проблемы нами было установлено, что способы популяризации историко-культурного наследия в процессе подготовки педагогических кадров широко рассматриваются в работах: Деминой С.А., Ломако А.С., Малиш М.А., Решетовой М.А., Сальцевой С.В., Шапинская Е.Н. и др. [10, 16, 18, 24, 30].

В этом плане трудно переоценить роль музеев в подготовке педагогических кадров для укрепления российской социокультурной идентичности. Этот социальный институт визуализирует, конкретизирует на подлинных экспонатах и произведениях искусства, погружает в атмосферу прошлого или творческую среду выдающихся соотечественников или безымянных героев и подвижников, чем дополняет и углубляет воспитательную деятельность общеобразовательных учреждений. Музейные коллекции и экспозиции предоставляют уникальную возможность на богатом конкретно-историческом материале изучить творческие приёмы, технологии изготовления и историю шедев-

ров, а также сформировать своё культурно-историческое видение прошлого, ощутить себя в то время и в тех условиях, когда происходили важные события, преобразившие жизнь Отечества.

Сохранение и трансляция культурного наследия является значительным ресурсом формирования гражданской идентичности и учащихся школ, и студентов вузов и колледжей.

В деле формирования и укрепления гражданской и социокультурной идентичности музеев позволяет не только воспринимать классическое наследие и достижения современной культуры, но и формирует, совершенствует ценностные качества личности, расширяет культурный горизонт, содействует сближению поколений, национальных культур, приобщению к общим традиционным ценностям.

В стенах музеев или на открытых площадках архитектурных, археологических, природных памятников соединяются эпохи и культуры, духовность и чувственный мир, мудрость наших предков и достижения современников.

Сохраняя образцы высокой истинной культуры и достижений человечества, музеи осуществляют разностороннюю воспитательную работу по привитию молодому поколению духовно-нравственных ценностей, патриотизма, гордости за свою страну. Старшее поколение, посещая музеи ещё и ещё переживает свою связь достижениями страны и укрепляется в осознании своего вклада в историю страны, региона, города, своего места работы.

Эффективность использования возможностей музея при подготовке педагогов многократно возрастает, когда не просто студенты посещают музеи или тематические выставки, а проводят в них занятия в рамках педагогической или музейной практики. Так они не только сами приобретают новые профессиональные компетенции за счет использования огромного образовательно-воспитательного потенциала музея, но и воспитывают в себе и обучающихся гражданское самосознание, бережное отношение к культуре, духовно-нравственные основы своей личности, чувство патриотизма.

Таким образом, сохраняя и демонстрируя подлинные исторические документы, произведения искусства, предметы быта, фото, видеоматериалы, цифровые реконструкции, макеты и инсталляции, музеи открывают огромный простор для использования своего пространства и базы артефактов в подготовке педагогических кадров, что, по нашему убеждению, весьма способствует укреплению их социокультурной идентичности как представителей российского общества.

Результаты и обсуждения

Исходя из того, что формирование и укрепление социокультурной идентичности педагогических кадров является основанием для формирования и укрепления социокультурной идентичности обучающихся у них школьников и студентов, а музеи обладают значительным потенциалом, отражающим важнейший принцип восприятия и понимания информации (текста) – историзм, в котором отражаются соответствующие социально-исторические условия появления этой информации (рождения текста), можно предположить, что существует корреляция между музейной работой со студентами и их самоопределением как части целого (национальной культуры, государства, общества, региона и т.д.).

«Каждый из нас наполовину то, что он есть, а наполовину – окружение, в котором он живёт. Когда последнее совпадает со свойствами нашего характера, благоприятствует им, то наша личность реализуется полностью; одобрение её внешних проявлений побуждает её к развитию внутренних сил» [29, с. 6], – полагал Хосе Ортега-и-Гассет. Но в этом процессе самоопределения действует и противоположная сила: «Враждебное окружение, поскольку оно и внутри нас, толкает нас на сопротивление и ведет к постоянному разладу, угнетает, препятствует развитию и полному расцвету нашей личности» [29, с. 6], отмечает философ. В этом случае человек либо меняет свою «первую половину», конформистски подстраиваясь под окружение, либо стремится сменить окружение, борется с ним, деформирует его под себя.

Какие факты свидетельствуют о том, что музеи способствуют укреплению социокультурной идентичности российского общества? Как в этой связи музейная деятельность сможет помочь в формировании осознания исторической причастности педагогического работника вовлечению его в единое социокультурное пространство? Какие приемы и методы музейной работы следует использовать для придания осмысленности выбору идентификационных ориентиров? Ответы на эти вопросы легли в основу формирования задач нашего исследования.

При разработке программы исследования, на первом его этапе нам удалось выяснить, что ряд исследователей проблемы укрепления социокультурной идентичности российского общества в процессе осуществления деятельности музеев, указывают на то, что деятельность музеев способствует формированию исторического сознания и единого социокультурного пространства, она придает осмысленность массовому сознанию в выборе общенациональных приоритетов.

Так, А.Г. Колесникова, раскрывая консолидационный потенциал музеев в социокультурном пространстве России, указывает на то, что: «Российский музей в современных условиях открыто влияет на процесс социальной консолидации в силу своего «академического» статуса хранителя и презентанта мировой и национальной культуры, а также по причине того, что в повседневных практиках россиян музей представляет собой пространство социальной самомотивации» [13, с.3-4].

Освоение музеями новых форм налаживания диалога с посетителями и широкое внедрение информационных технологий существенно трансформирует функции музейной сферы [25]: активно используются интерактивные технологии, дополняющие и расширяющие экспозицию; создаются интернет-сайты, медиапорталы и виртуальные музеи; развиваются новые формы и приемы коммуникативной активности в интернете [1, 2, 7].

Так, на пример, отмечает Е.Г. Саркисова: «Конструирование ситуации эмоциональной вовлеченности пользователей позволяет эффективнее ретранслировать аксиологические смыслы передаваемые музеем информации, создавать предпосылки для усвоения традиционных моделей социального поведения» [25, с. 119].

Значительный вклад в изучение проблемы преодоления кризиса идентичности современного российского общества в процессе деятельности музеев внесла К.Ф. Каткова. Её работа «Музей в преодолении кризиса идентичности современного российского общества» рассматривает опасность этого кризиса с одной стороны как утрату индивидуальности личности, а с другой – связывает этот кризис с угрозой ослабления связей и диалога культур и цивилизаций [12]. Музей, по мнению К.Ф. Катковой, демонстрирует актуальные нормы, ценности, правила, модели, образцы и идеалы, а его культурное пространство наглядно отражает самосознание социума. Музей помогает посетителю почувствовать «свою принадлежность к той или иной социокультурной общности, через соприкосновение с идентичной себе культурой, музей формирует его психологическую стабильность и уверенность, что выступает гарантом преодоления внутреннего кризиса и развития гармоничной толерантной личности» [12, с. 37], а это является необходимым условием сохранения базовых основ идентичности: языка, религии, литературы, искусства.

На этапе сравнительного анализа опыта работы местных музеев по использованию историко-культурного наследия в системе подготовки педагогических кадров нам удалось получить опреде-

ленные эмпирические данные, которые свидетельствуют об уровнях эффективности различных методик активизации этой работы и перспективных направлениях разработки образовательных и воспитательных технологий суверенной системы образования.

Первичное обобщение этих данных позволило сделать заключение о том, что ведущим направлением музейной работы является просветительская, культурно-образовательная и популяризаторская деятельность, которая строится на демонстрации предметов историко-культурного наследия – памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, собранных, сохраненных, систематизированных и изученных для этого, а также интерпретация их смыслов.

Эта интерпретация определяет каждый конкретный памятник через микрорегиональный культурно-исторический контекст, уникальность которого, отмечает А. А. Никонова, «способствует легкости его трансформации и уничтожения. Показательными примерами данных процессов являются разрушение в современной культуре не только сельских связей и традиций, но и некоторых характерных черт городской культуры, в частности таких феноменов, как «повседневная культура Санкт-Петербурга – Ленинграда» или «московский стиль жизни». В настоящее время микрорегиональная специфика недостаточно задействована в развитии региональной культурной практики, поскольку в какой-то части она уничтожается современной практикой, в какой-то она законсервирована имманентными процессами. В этой связи оправданным становится возрастающее внимание к культурноисторической среде как основному, а порой и единственному источнику региональной специфики» [22, с. 121].

На долю местных музеев, подчеркивает А.А. Никонова, «поскольку они не только вырабатывают интерес к прошлому, но и формируют ценностное отношение к культурному наследию, обладая выработанной системой критериев» [22, с. 121], выпала в начале XXI в. миссия сохранить и популяризировать историко-культурное наследие региона.

Сфера анализа первичных данных нашего исследования ограничилась рассмотрением трех ветвей реализации основных функций местных музеев:

- сбережением музеями культурного наследия, сбором, классификацией, восстановлением и сохранением артефактов и сведений, обеспечивающих их защиту от разрушения и утраты;

- образовательным потенциалом, реализуемым через проведение экскурсий, лекций и мастер-

классов, квестов и других аттрактивных программ для школьников, студентов, исследователей и просто любознательных людей (туристов, бизнесменов, других специфических групп);

- проведением научных исследований, связанных с музейными коллекциями, изучением на их основе исторических и культурных процессов, разработкой новых методов консервации и реставрации, публикации научных трудов и каталогов.

Понимая невозможность «объять необъятное», наше исследование ограничилось масштабами двух «домашних» регионов: Запорожской областью с г. Бердянском, которые представлены Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Азовский государственный педагогический университет» (АГПУ) в качестве заявителя тематики научных исследований и Пермским краем в лице Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ) в качестве организации, осуществляющей научное и научно-техническое сотрудничество в проведении научных исследований.

В исследовании мы отталкивались от положения А.А. Никоновой о том, что: «культурные контакты имеют иную скорость освоения, зависимую от развития самосознания населения небольших территориальных единиц. Трудности российской модернизации в том и проявляются, что доминирование черт самобытности и национальных особенностей заменяется осмыслением нового понятия ментальной программы, в которой соединяются уровни универсального, коллективного и индивидуального. Осуществить такие фундаментальные изменения быстро невозможно, поэтому региональное самосознание, <...> нацеленное на консервативные формы существования, является сегодня определенным гарантом сохранения традиционной культуры» [22, с. 119-120].

Рабочей гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что произвести такую замену «доминирования» можно и нужно на основе практики работы местных музеев, где важно использовать следующие подходы:

- использовать коммуникативные формы деятельности музея, которые позволяют предложить определенные конструкции социокультурной идентичности, через аттрактивные формы популяризации национальных традиций и ценностей. Например, можно собирать экспозиции из воспоминаний жителей и документов, чтобы сформировать «Центр идентичности», где проводить так называемые «диалоги с наследием», которые, ве-

роятно, позволят разглядеть историческую связь местной специфики в контексте общенационального развития в прошлом и настоящем;

- воздействовать через визуализацию и инсталляцию музейного пространства, на интеграцию внешней и внутренней форм коммуникации, что, предположительно, будет оказывать благоприятное влияние на формирование национального менталитета и решение проблемы идентичности;

В процессе исследования предстоит выяснить имеют ли музеи преимущества перед лекционной аудиторией при подготовке педагогов. Есть устойчивое мнение, что в музейной среде для воспитания и обучения эти преимущества неоспоримы, так как в ней нет оценочных суждений, формальной проверки усвоения знаний.

Предстоит проверить ценность возможности возвращаться к материалам, подлинным предметам и впечатлениям в удобное для каждого посетителя музея время, постоянно углубляя понимание и расширяя диапазон восприятия информации.

О.С. Охрименко считает, что перед музеями стоит новая задача: «развитие их педагогического потенциала, востребованного современной системой обучения и воспитания учащихся. В большинстве стран Европы музеи уже давно перестали быть исключительно культурным центром, они превращены в учебно-воспитательные комплексы и центры исследовательской деятельности школьников» [23, с. 120]. В этой связи важно определить степень готовности местных музеев к выполнению такой миссии.

«Уникальность музейного смыслового пространства, – по мнению А.А. Никоновой, – в том и состоит, что оно позволяет соединить внешнюю (диалог культур) и внутреннюю (мое отношение к прошлому) формы коммуникации. Именно в этом контексте в пространстве музея (и шире – памятника культуры) происходит формирование национального менталитета и, более того, постановка проблемы идентичности» [22, с. 122]. В этой связи она справедливо, на наш взгляд, считает, что идентичность формируется не просто «как результат становления чувства самоуважения и самобытности», но связь с прошлым должна быть налажена через «осознание и осмысление, и одновременно включенность во множество смыслов прошлого через умение и понимание образно-чувственного мира музейного пространства» [22, с. 122].

Из собранного на первом этапе сбора и анализа эмпирического, пока не очень богатого материала, можно вывести ряд предпосылок для итогового заключения исследования:

По данным статистики: на 1 июля 2025 года численность населения г. Бердянска (город на юге Запорожской области Российской Федерации) «составляет 115 500 человек, в том числе детей в возрасте до 6 лет – 11 564 человека, подростков (школьников) в возрасте от 7 до 17 лет – 13 615 человек, молодежи от 18 до 29 лет – 13 874 человека, взрослых в возрасте от 30 до 60 лет – 49 651 человек, пожилых людей от 60 лет – 25 179 человек, а долгожителей Бердянска старше 80 лет – 1 617 человек» [20].

Показателен уровень образования жителей Бердянска: «высшее образование имеют 18.5% (21 368 человек), неполное высшее – 1.9% (2 195 человек), среднее профессиональное – 40.5% (46 778 человек), 11 классов – 41.6% (48 048 человек), 9 классов – 13.3% (15 362 человека), 5 классов – 8.3% (9 587 человек), не имеют образования – 0.6% (693 человека), неграмотные – 0.2% (231 человек)» [20].

При этом в городе, в структуре муниципального казенного учреждения «Бердянский музейный комплекс» (сообщество музеев города, которое хранит культурно-историческую память о военных и трудовых подвигах его жителей, этнокультурное богатство народов, населявших этот регион России, сохраняет традиционные ценности и воспитывает у посетителей эстетический вкус, уважение и гордость за величие нашей страны), на постоянной основе работают:

Художественный музей им. Исаака Израилевича И.И. Бродского. В стенах музея представлены полотна множества художников Приазовья и русских живописцев второй половины XIX – начала XX, таких как: И.К. Айвазовский, А.Н. Бенуа, А.И. Куинджи, А.К. Саврасов и др. Это один из старейших музеев в нашем регионе (действует с июля 1930 г.), обладает интереснейшим собранием отечественного и зарубежного искусства.

Музей истории г. Бердянска, который был открыт 17 сентября 2005 года. Его экспонаты рассказывают о возникновении небольшого селения на освобожденных от турецкого владения землях Северного Приазовья; об основании города генерал-губернатором, князем М.С. Воронцовым; о деятельности Бердянского морского порта, которому город обязан своим рождением; о Крымской войне 1853-1856 гг. во время которой город защищали казаки Азовского казачьего войска; о годах гражданской войны и восстановительного периода 1920-1930-х годов; о городе во время Великой Отечественной войны и его возрождении в послевоенный период; о продукции предприятий города и жизни горожан в советское и постсовет-

ское время; о современной жизни Бердянска и его развитии.

Музей «Подвиг» был открыт в сороковую годовщину Победы в Великой Отечественной войне в 1985 году. Его экспозиция музея посвящается жителям города Бердянска, которые проявили мужество и героизм на войне. Здесь регулярно проводятся встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, воинами, исполнявшими интернациональный долг в Афганистане, героями СВО и другие научно-образовательные и культурно-воспитательные мероприятия.

Мемориальный дом-музей П.П. Шмидта – один из главных исторических памятников Северного Приазовья. Старший Петр Шмидт являлся начальником города и порта Бердянска, а с сын городского начальника Петр Шмидт-младший был известным революционером. Именно он в 1905 году поднял восстание на корабле «Очаков».

Краеведческий музей основан в 1929 году в здании бывшей городской управы обладает большой коллекцией скифских, половецких каменных скульптур, есть и другие экспонаты скифского периода IV века до н.э. В музее представлено несколько выставок: естествознание края (палеонтологические, геологические находки, чучела птиц, рыб, животных – обитателей степей Приазовья и Азовского моря); выставка этнографии (образцы одежды и предметы быта народов Приазовья: болгар, греков, немцев, русских, украинцев, караимов, евреев, интерьер крестьянской избы XIX века и болгарского дома 50-х гг.) Многонациональность города отражена в тематических экспозициях таких как: «Греки в Бердянске», «Болгары в Таврии», «История и современность». 3 декабря 2024 года был создан Вокальный коллектив из талантливых и инициативных сотрудников Музейного комплекса, который радует гостей своими выступлениями.

Таблица 1

Студенты, посетившие музеи города с организованными экскурсиями.

Table 1

Students who visited city museums on organized excursions.

Год посещения	Количество человек
2022 г.	4 797 чел.
2023 г.	39 521 чел.
2024 г.	37 020 чел.

Из них: 40% составили студенты медицинского колледжа, а 60% студенты АГПУ.

В городе областного значения, являющимся морским, климатическим и грязевым курортом государственного значения, сооружено 26 памятников и символических скульптурных композиций, каждая из которых несет в себе либо историческую память, либо представляет собой некий символ города, его традицию, отношение к своим особенностям.

Важным структурным элементом в исследовании стал анализ методических пособий и рекомендаций по организации культурно-образовательной деятельности в музее.

Проанализировав большой пласт доступных нам учебно-методических пособий, разработанных в музеях с богатым опытом культурно-образовательной и научно-методической работы, мы пришли к выводу, что именно от этой деятельности во многом зависит место, которое тот или иной музей будет занимать в социокультурной сфере [4, 6, 8, 14, 15, 17, 19].

За более, чем трёхсотлетнюю историю существования музеев в России сменилось порядка пя-

ти моделей, определяющих представления о роли музея в общественной жизни.

В период зарождения музейного дела в России, преобладающей стала образовательная модель, согласно которой музеи являлись структурными подразделениями учебного заведения, что, главным образом, стало основным в определении задач, которые ставились перед музеями.

С 1870-е – 1890-е по середину 1920-х гг. с ростом количества публичных музеев по всей стране, сопровождавшееся переосмыслением назначения музея и разграничением функций учебных заведений и музея, главной миссией музея становится научно-просветительская деятельность [17].

С установлением советской власти в стране и насаждением тотального контроля во всех сферах жизни общества (1920-е – 1950-е гг.) музей становится «проводником политического просвещения, политико-просветительным комбинатом, мощным орудием политической и просветительной работы» [14, с. 7], что свидетельствует о преобладании политизированной модели музейной работы в этот период.

Изменения в общественной и политической жизни страны с середины 1950-х — вплоть до конца 1980-х годов отразились и в музейной работе. В это время отчетливо проявляются стремления вернуть музею статус научно-просветительного учреждения, что сформировало информативную модель музея, базирующуюся, главным образом, на задачах распространения знаний, имеющих научный, научно-популярный характер и предметную (источниковую) основу, но, несмотря на существенные изменения своей роли, музей все еще оставался идеологическим учреждением, действующим в контексте установленных политических представлений [14].

На сегодняшний день, можно говорить о утверждении коммуникативной модели музея и становлении так называемой музейной педагогики, отражающей «новое понимание характера образовательного процесса в музее как образования в сфере культуры. Отличие образовательной направленности от просветительной видится в целевых установках на развитие личностных качеств и способностей посетителей, а не только на сообщение определенного объема информации» [14, с. 9].

Наиболее продуктивная реализация музеями социальных функций, предусматривает развитие творческого потенциала человека, формирование ценностных, нравственных, мировоззренческих ориентаций, базирующихся в первую очередь на эмоциональной сфере. В связи с этим особую роль играет выбор наиболее эффективного метода взаимодействия с музейной аудиторией. Возможности использования того или иного метода при организации культурно-образовательной деятельности в музее достаточно детально рассматриваются в методическом пособии О.А. Ботякова, использующем опыт Российского этнографического музея (РЭМ) и освещающем вопросы, связанные с развитием культурно-образовательной деятельности этнографического музея в настоящее время. Автор подчеркивает, что «выбор ведущего метода не означает полного отказа от других, их сочетание повышает качество методического обеспечения работы с посетителями» [6, с. 24].

В сборнике материалов под общей редакцией М. Б. Федорцевой «Возможности музейной педагогики в развитии общекультурной компетентности субъектов образовательной деятельности» [8] аккумулирован опыт работников шестнадцати опорных методических площадок, созданных на базе образовательных организаций Новокузнецкого городского округа. В сборнике размещен ряд публикаций, освещающих различные содержательные, методические и практические аспекты

музейно-педагогической работы образовательных организаций и учреждений культуры, основанные на результатах реализованного муниципального научно-методического проекта «Музейная педагогика: новые реалии» в рамках программы «Развитие системы образования Новокузнецкого городского округа на 2016–2020 годы». Содержащиеся в сборнике методические разработки различных форм культурно-образовательной деятельности музея - занятия, экскурсии, квесты, праздники, вахты памяти, дают возможность образовательным организациям и учреждениям культуры использовать имеющийся педагогический опыт для расширения и реализации потенциальных возможностей музейной педагогики в своих регионах.

Выводы

Подводя итоги первого этапа исследования в рамках выполнения государственного задания с Министерством Просвещения Российской Федерации по теме «Технологии укрепления социокультурной идентичности российского общества на основе сохранения и популяризации историко-культурного наследия в системе подготовки педагогических кадров» (ОТГЕ-2025-0023) 1024122500005-6-5.3.1, мы пришли к следующим выводам:

1. Использование историко-культурного наследия местных музеев в системе подготовки педагогических кадров требует детального изучения и систематизации опыта разработки образовательных и воспитательных технологий.

2. Перспективы разработки таких технологий суверенной системы образования требуют противодействия гомогенизирующему влиянию глобализации и мультикультурализма, приводящим к стиранию культурных различий, унификации поведения и образа жизни, несущим угрозу отчуждения от своих культурно-исторических ценностей и традиций, потерю идентичности отказу от своей самобытности.

3. Местные традиции, ценности культуры и образования, имеющие глубокие исторические корни, необходимо сохранить, сберечь от коммодификации не допустить их утраты и конъюктуризации.

4. Музеи оказывают мощное непосредственное влияние на формирование, поддержание и укрепление социокультурной идентичности российского общества:

- создают условия для сохранения и популяризации национального культурного наследия, поднимают уровень культуры и образования, участвуют в проведении научных исследований, посвящённых проблемам

укрепления национально-культурной идентичности;

- поддерживают развитие культурных достижений и сохранение уникальных традиций народов России;

- организуют культурно-просветительские мероприятия, фестивали, форумы, выставки, способствующих взаимодействию различных

этнических и социальных групп, чем укрепляют социокультурную идентичность российского общества.

- от того, как будет организована культурно-образовательная деятельность в музее будет зависеть то место, которое музей будет занимать в социокультурной сфере.

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания с Министерством Просвещения Российской Федерации по теме «Технологии укрепления социокультурной идентичности российского общества на основе сохранения и популяризации историко-культурного наследия в системе подготовки педагогических кадров» (ОТГЕ-2025-0023) 1024122500005-6-5.3.1

Список источников

1. Абдуллаева А. Список виртуальных музеев // Мирмол: [сайт]. URL: <https://mirmol.ru/blogs/spisok-virtualnyh-muzeev> (дата обращения: 12.03.2025)
2. Абдуллаева А. Список ссылок на виртуальные экскурсии по музеям России // Мирмол: [сайт]. URL: <https://mirmol.ru/blogs/spisok-ssylok-na-virtualnye-jekskursii-po-muzejam-rossii> (дата обращения: 12.03.2025)
3. Акоева Н.Б., Коренной А.С. Коммодификация культуры: к постановке проблемы // Культурология. Серия: Познание. 2022. №6, июнь. С. 5 – 8.
4. Ануфриев А.В., Шахеров В.П., Шахерова С.Л. Музейное дело и охрана культурных ценностей: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 197 с.
5. Бабалаева М.В., Шульгин П.К. Использование музейного пространства образовательной организации при подготовке педагогических работников // Вестник МГПУ. Серия «Современный колледж». 2023. № 18. С. 28 – 39.
6. Ботякова О.А. Культурно-образовательная деятельность этнографического музея: направления, формы, методы: Методическое пособие. СПб., 2010. 47 с.
7. Виртуальный тур по музеям России // Культура.РФ: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/themes/252991/virtualnyi-tur-po-muzeyam-rossii> (дата обращения: 12.03.2025)
8. Казанцева Е.А., Примм И.Р., Хлебоказова Г.И. и др. Возможности музейной педагогики в развитии общекультурной компетентности субъектов образовательной деятельности: сборник материалов из опыта реализации муниципального научно-методического проекта / под общ. ред. М.Б. Федорцевой. Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2020. 131 с.
9. Гаспарян Л.С. Коммодификация как один из способов современного культурного влияния // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14. № 11А. С. 171 – 179.
10. Демина С.А. Актуализация образовательного потенциала культурного наследия в современном культурно-образовательном пространстве // Современная педагогика. 2014. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2014/03/2149> (дата обращения: 12.03.2025)
11. Карпов А.О. Коммодификация образования в ракурсе его целей, онтологии и логики культурного движения // Вопросы философии. М., 2012. № 10. С. 85 – 96.
12. Каткова К.Ф. Музей в преодолении кризиса идентичности современного российского общества // Вестник СПбГУКИ. № 1 (22) март 2015. С. 33 – 38. URL: <https://zanyatiya.com/a/erK90LZM> (дата обращения: 12.03.2025)
13. Колесникова А.Г. Музей в российском социокультурном пространстве: консолидационный потенциал: автореферат дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, ЮФУ. 2015, 43 с.
14. Культурно-образовательная деятельность в музее. Методическое пособие / Национальный музей Республики Татарстан. Казань, 2018, 54 с.
15. Культурно-образовательная деятельность музея: Методологическое пособие(из опыта работы музея со школьниками). Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей. 2007. 48 с.
16. Ломако А.С. Практика исследования, сохранения и популяризации объектов историко-культурного наследия посредством образовательных программ вуза: сборник статей // Современные тенденции развития системы образования: сборник статей. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 84 – 88.

17. Макеева И.А. Культурно-образовательная деятельность музея: содержание и формы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. С. 164 – 168.
18. Малиш М.А., Решетова М.А. Сохранение и популяризация объектов истории и культуры в современном обществе // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 3 (82). С. 121 – 128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-i-populyarizatsiya-obektov-istorii-i-kultury-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 12.03.2025)
19. Шляхтина Л.М. Музейная педагогика: учебно-методическое / М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры, фак. Мировой культуры, каф. музеологии и культурного наследия. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2021. 60 с.
20. Население Бердянска, численность в 2025 и 2024 годах. URL: <https://bdex.ru/naselenie/zaporozhskaya-oblast/berdyansk/> (дата обращения: 12.03.2025)
21. Никольский В.С. Коммодификация знания и образования: эссе о ценностях и ценах // Высшее образование в России. 2010. № 3. С. 149 – 152.
22. Никонова А.А. Роль музея в формировании культурной идентичности // Вопросы музеологии 2/2010. С. 119 – 123.
23. Охрименко О.С. Учебно-образовательный потенциал музея в контексте XXI века // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология» 2013. № 4 (26). С. 120 – 126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebno-obrazovatelnyy-potentsial-muzeya-v-kontekste-xxi-veka> (дата обращения: 12.03.2025)
24. Сальцева С.В., Кочемасова Л.А. Историко-педагогическое наследие как конструкт реализации современных образовательных практик // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 5 (223). С. 69 – 75.
25. Саркисова Е.Г. Музей и общество: трансформация социальных функций (Опыт современной России). Москва: Институт Наследия, 2023. 189 с. URL: <https://rucont.ru/efd/890623> (дата обращения: 12.03.2025)
26. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 12.03.2025)
27. Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения: 12.03.2025)
28. Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 3. С. 75 – 92.
29. Хосе Ортега-и-Гассет: Что такое философия? Цикл лекций. Лекция III. URL: <https://litlife.club/books/110042/read?page=6> (дата обращения: 12.03.2025)
30. Шапинская Е.Н. Роль культурного наследия в образовании и воспитании Российской молодежи // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусства. 2016. № 4 (23). С. 53 – 61.

References

1. Abdullaeva A. List of virtual museums. Mirmol: [site]. URL: <https://mirmol.ru/blogs/spisok-virtualnyh-muzeev> (date of access: 12.03.2025)
2. Abdullaeva A. List of links to virtual excursions to museums of Russia. Mirmol: [site]. URL: <https://mirmol.ru/blogs/spisok-ssylok-na-virtualnye-jekskursii-po-muzejam-rossii> (date of access: 12.03.2025)
3. Akoeva N.B., Korennoy A.S. Commodification of culture: towards the formulation of the problem. Cultural Studies. Series: Cognition. 2022. No. 6, June. P. 5 – 8.
4. Anufriev A.V., Shakherov V.P., Shakherova S.L. Museum work and protection of cultural values: textbook. manual. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2013. 197 p.
5. Babalaeva M.V., Shulgin P.K. Using the museum space of an educational organization in training teaching staff // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Modern College". 2023. No. 18. P. 28 – 39.
6. Botyakova O.A. Cultural and educational activities of the ethnographic museum: directions, forms, methods: Methodological manual. St. Petersburg, 2010. 47 p.
7. Virtual tour of Russian museums. Culture.RF: [website]. URL: <https://www.culture.ru/themes/252991/virtualnyi-tur-po-muzeyam-rossii> (date of access: 12.03.2025)

8. Kazantseva E.A., Primm I.R., Khlebokazova G.I. et al. Possibilities of museum pedagogy in the development of general cultural competence of subjects of educational activities: a collection of materials from the experience of implementing a municipal scientific and methodological project. under the general editorship of M.B. Fedortseva. Novokuznetsk: MAOU DPO IPK, 2020. 131 p.
9. Gasparyan L.S. Commodification as one of the methods of modern cultural influence. Culture and Civilization. 2024. Vol. 14. No. 11A. P. 171 – 179.
10. Demina S.A. Updating the educational potential of cultural heritage in the modern cultural and educational space. Modern pedagogy. 2014. No. 3. [Electronic resource]. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2014/03/2149> (date of access: 12.03.2025)
11. Karpov A.O. Commodification of education in terms of its goals, ontology and logic of the cultural movement. Questions of Philosophy. Moscow, 2012. No. 10. P. 85 - 96.
12. Katkova K.F. Museum in overcoming the identity crisis of modern Russian society. Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Arts. № 1 (22) March 2015. P. 33 – 38. URL: <https://zanyatiya.com/a/erK90LZM> (date of access: 12.03.2025)
13. Kolesnikova A.G. Museum in the Russian socio-cultural space: consolidation potential: abstract of dis. ... candidate of sociological sciences: 22.00.04. Rostov-on-Don, SFedU. 2015, 43 p.
14. Cultural and educational activities in the museum. Methodological manual. National Museum of the Republic of Tatarstan. Kazan, 2018, 54 p.
15. Cultural and educational activities of the museum: Methodological manual (from the experience of the museum with schoolchildren). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Regional Museum of Local History. 2007. 48 p.
16. Lomako A.S. Practice of research, preservation and popularization of historical and cultural heritage objects through educational programs of the university: collection of articles. Modern trends in the development of the education system: collection of articles. Cheboksary: ID "Sreda", 2019. P. 84 – 88.
17. Makeeva I.A. Cultural and educational activities of the museum: content and forms. Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov. 2011. Vol. 17. P. 164 – 168.
18. Malish M.A., Reshetova M.A. Preservation and popularization of historical and cultural objects in modern society. Cultural life of the South of Russia. 2021. No. 3 (82). P. 121 – 128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-i-populyarizatsiya-obektov-istorii-i-kultury-v-sovremennom-obschestve> (date of access: 12.03.2025)
19. Shlyakhtina L.M. Museum pedagogy: educational and methodological. Ministry of Culture of the Russian Federation, St. Petersburg State Institute of Culture, Faculty of World Culture, Department of Museology and Cultural Heritage. St. Petersburg: SPbGIK, 2021. 60 p.
20. Population of Berdyansk, numbers in 2025 and 2024. URL: <https://bdex.ru/naselenie/zaporozhskaya-oblast/berdyansk/> (date of access: 12.03.2025)
21. Nikolsky V.S. Commodification of knowledge and education: an essay on values and prices. Higher education in Russia. 2010. No. 3. P. 149 – 152.
22. Nikonova A.A. The role of the museum in the formation of cultural identity. Issues of Museology 2/2010. Pp. 119 – 123.
23. Okhrimenko O.S. Educational potential of the museum in the context of the 21st century. Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology" 2013. No. 4 (26). P. 120 – 126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebno-obrazovatelnyy-potentsial-muzeya-v-kontekste-xxi-veka> (date of access: 12.03.2025)
24. Saltseva S.V., Kochemasova L.A. Historical and pedagogical heritage as a construct for the implementation of modern educational practices. Bulletin of the Orenburg State University. 2019. No. 5 (223). P. 69 – 75.
25. Sarkisova E.G. Museum and society: transformation of social functions (Experience of modern Russia). Moscow: Institute of Heritage, 2023. 189 p. URL: <https://rucont.ru/efd/890623> (date of access: 12.03.2025)
26. Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (date of access: 12.03.2025)
27. Decree of the President of the Russian Federation of 18.06.2024 No. 529 "On approval of priority areas of scientific and technological development and the list of the most important science-intensive technologies". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (date of access: 12.03.2025)
28. Fedotova N.N. Multiculturalism and development policy. Journal of sociology and social anthropology. 2006. Vol. IX. No. 3. P. 75 – 92.

29. Jose Ortega y Gasset: What is Philosophy? Lecture Series. Lecture III. URL: <https://litlife.club/books/110042/read?page=6> (accessed: 12.03.2025)

30. Shapinskaya E.N. The Role of Cultural Heritage in the Education and Upbringing of Russian Youth. Culture and Education: Scientific and Information Journal of Universities of Culture and Art. 2016. No. 4 (23). P. 53 – 61.

Информация об авторах

Степаненко В.В., кандидат философских наук, доцент, Азовский государственный педагогический университет, 271118, Запорожская область, г. Бердянск, ул. Свободы, д. 101/1, vstepanenko1957@yandex.ru

Мусенко П.А., аспирант, Мелитопольский государственный университет, директор Бердянского музейного комплекса, МКУ «Бердянский музейный комплекс» муниципального образования «городской округ Бердянск Запорожской области», 271112, Запорожская область, г.о. Бердянск, г. Бердянск, ул. Тверская, д. 29, muzei.berdiansk@mail.ru

© Степаненко В.В., Мусенко П.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.147

Кооперативная рефлексия как инструмент формирования профессиональной субъектности будущего педагога

¹ Шварева Л.В., ¹ Воскрекасено О.А.

¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: формирование профессиональной педагогической субъектности является важнейшим аспектом подготовки будущих педагогов, требующим осмысления и трансформации профессионального опыта. В данном контексте особую значимость приобретает рефлексия, в частности, кооперативная, как инструмент формирования активной, творческой и ответственной позиции специалиста. Цель исследования: изучить и оценить роль кооперативной рефлексии в становлении профессиональной субъектности студентов-педагогов. Гипотеза. Кооперативная рефлексия, способствуя самоанализу в коллективной деятельности и учету внешней оценки, выступает эффективным средством формирования профессиональной субъектности будущих педагогов. Методология. Исследование базируется на личностно-ориентированном и системном подходах. Применялись: анализ теоретических основ (теории субъектности, рефлексии, ФГОС ВО), метод синтеза для интеграции теории и эмпирических данных, психолого-педагогические методы, включая педагогический эксперимент. Экспериментальная часть включала самооценку студентов и сбор обратной связи от одноклассников (кооперативная рефлексия) для выявления динамики представлений о себе как о будущем педагоге. Результаты. Эксперимент показал, что кооперативная рефлексия, стимулируя внутренний диалог и осмысление множественных точек зрения, способствует переосмыслению студентами своего профессионального «Я», формированию нового, интегрированного образа и укреплению субъектных действий. Установлено, что без специально организованных педагогических условий, способствующих кооперативной рефлексии, динамика профессиональной субъектности остается незначительной. Выводы. Кооперативная рефлексия выступает как эффективный инструмент целенаправленного формирования профессиональной субъектности студентов-педагогов. Исследование подтверждает, что активное включение механизмов кооперативной рефлексии в образовательный процесс вуза позволяет студентам лучше понять свои мотивы, ценности и ожидания, способствуя становлению их как активных и ответственных субъектов педагогической деятельности.

Ключевые слова: профессиональная субъектность, рефлексия, кооперативная рефлексия, студенты-педагоги, профессиональное становление, самооценка, педагогическое образование, компетенции, самоанализ

Для цитирования: Шварева Л.В., Воскрекасено О.А. Кооперативная рефлексия как инструмент формирования профессиональной субъектности будущего педагога // Современный ученый. 2025. № 9. С. 296 – 301.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Cooperative reflection as a tool for shaping the professional subjectivity of a future teacher

¹ Shvareva L.V., ¹ Voskrekasenko O.A.

¹ Penza State University,

Abstract: the formation of professional pedagogical subjectivity is an essential aspect of the training of future teachers, requiring reflection and transformation of professional experience. In this context, reflection, in particular, cooperative reflection, is of particular importance as a tool for forming an active, creative and responsible position of a specialist. The purpose of the study is to study and evaluate the role of cooperative reflection in the formation of professional subjectivity of students-teachers. Hypothesis. Cooperative reflection, contributing to self-analysis in collective activities and taking into account external assessment, is an effective means of forming the professional subjectivity of future teachers. Methodology. The research is based on a personality-oriented and systematic approach. The following methods were used: analysis of theoretical foundations (theories of subjectivity, reflection, FGOS HE), synthesis method for integrating theory and empirical data, psychological and pedagogical methods, including pedagogical experiment. The experimental part included self-assessment of students and collecting feedback from classmates (cooperative reflection) to identify the dynamics of self-image as a future teacher. Results. The experiment showed that cooperative reflection, stimulating internal dialogue and understanding of multiple points of view, helps students rethink their professional selves, form a new, integrated image and strengthen subjective actions. It is established that without specially organized pedagogical conditions conducive to cooperative reflection, the dynamics of professional subjectivity remains insignificant. Conclusions. Cooperative reflection acts as an effective tool for the purposeful formation of professional subjectivity of students-teachers. The study confirms that the active inclusion of cooperative reflection mechanisms in the educational process of the university allows students to better understand their motives, values and expectations, contributing to their formation as active and responsible subjects of pedagogical activity.

Keywords: professional subjectivity, reflection, cooperative reflection, students-teachers, professional development, self-assessment, pedagogical education, competence, introspection

For citation: Shvareva L.V., Voskrekasenko O.A. Cooperative reflection as a tool for shaping the professional subjectivity of a future teacher. Modern Scientist. 2025. 9. P. 296 – 301.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 19, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Формирование профессиональной педагогической субъектности является важной составляющей подготовки будущего специалиста. Особую значимость в этом процессе занимает рефлексия разного рода, от личностной до кооперативной. Без рефлексии сложно осмыслить свой профессиональный путь, осознать и трансформировать профессиональный опыт. В паспорте компетенций выпускника по направлению «Педагогическое образование» на основе ФГОС ВО (Высшего образования) не содержится прямого упоминания понятия «субъектность». Однако перечень обязательных компетенций содержит те навыки и качества, которые составляют основу субъектности, напрямую или косвенно связаны с ней: саморазвитие (УК-1), самостоятельность и ответственность (УК-2), критическое мышление (УК-3), профессиональное общение и сотрудничество (УК-4), гиб-

кость и адаптивность (УК-5) [12]. Таким образом, выполнение требований ФГОС ВО по развитию этих компетенций и есть путь к формированию профессиональной субъектности педагога методом кооперативной рефлексии, роль которой в данном контексте недостаточно исследована. Цель исследования – изучение роли кооперативной рефлексии в становлении субъектности студентов-педагогов.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования применён метод анализа теоретических основ (теории субъектности, теории рефлексии, ФГОС ВО, интерпретация результатов эксперимента); метод синтеза для объединения теории, эмпирических данных, компетенций ФГОС в целостное понимание проблемы; психолого-педагогические методы (педагогический эксперимент, самооценка студентов, сбор обратной связи как инструмент кооператив-

ной рефлексии). Исследование строилось на личностно-ориентированном и системном подходах.

Результаты и обсуждения

В настоящем исследовании обратимся к кооперативной рефлексии, помогающей будущему педагогу сформировать представление о себе как учителе совместно с другим, в коллективной деятельности и выстроить ориентиры в поведении.

Обзор научных изысканий показывает, что единое определение рефлексии отсутствует [4, 6, 10], выявлен также недостаток исследований, посвящённых роли кооперативной рефлексии в формировании профессиональной субъектности [5, 7]. С одной стороны, кооперативная рефлексия трактуется как процесс, с другой стороны, как результат процесса рефлексии [9, 13, 14].

Формирование профессиональной субъектности будущего специалиста неотделимо от его способности к самоанализу и пониманию своего места в социуме. Это позволяет ему выстраивать эффективное взаимодействие с коллегами и средой. Приведённое подтверждает мысль о том, что «рефлексия своей определённости ставит индивида вровень с окружающим его, открывает для него ориентиры корректного поведения во внешней среде» [2, с. 192].

Развивая эту идею, И.И. Петров заключает, что рефлексия есть процесс, действие, совершаемое самим обучающимся. Это заключение наиболее соответствует тому, что понимается под рефлексией студента – «это не простое наблюдение за собой, а активный процесс самоанализа, который позволяет ему не только понять, что было сделано правильно или неправильно, но и наметить конкретные шаги для улучшения будущей деятельности» [8, с. 80].

Более того, рассматривая рефлексия как средство профессиональной субъектности, Н.А. Астахова подчёркивает, что «рефлексия выступает как инструмент профессионального самоопределения, позволяя педагогу анализировать свои мотивы, ценности и жизненные смыслы, тем самым формируя активную, творческую и ответственную позицию по отношению к своей профессии и к процессу обучения» [1, с. 48].

Таким образом, становится очевидным, что значимым показателем профессиональной субъектности является непрерывное «личностно-профессиональное самосовершенствование, что приводит нас к необходимости выстраивать субъект-субъектные отношения в образовательной среде педагогического вуза» [11, с. 239]. В этом смысле кооперативная рефлексия обеспечивает возможность для проявления субъектности педагога в процессе профессионального становления,

так как взаимодействие и сотрудничество позволяет каждому участнику осознать свою роль, внести свой вклад и получить обратную связь, укрепляя собственную позицию.

Если обратиться к практической стороне организации рефлексии, то важность владения учителем способами организации рефлексии подчёркивает П.А. Гагаев, указывая, что в процессе рефлексии «на занятии может возникнуть ситуация *сгущения* смыслов и семантик, в результате чего та или иная мысль вдруг обретает трудно уловимую, но столь чаемую *чарующую* субъектность» [2, с. 202].

Наконец, для полноценного развития студента в этом процессе ему необходимо понимание позиций другого студента, «отзеркаливание» своего поведения и самоотношения. По мнению Н. В. Гончаровой, умение сравнивать собственную оценку своей учебной деятельности с оценкой со стороны, то есть умение учитывать внешнюю оценку, формирует у студента критическую самооценку достигнутых результатов профессиональной деятельности [3, с. 47].

Рефлексивная способность активно формируется во всех звеньях профессиональной деятельности, однако центром их формирования и функционирования является кооперативная рефлексия. Таким образом, действие рефлексии является сложным интегративным элементом в общей структуре профессиональной деятельности. Оно не зарождается само по себе, а требует специально организованных условий. Освоить, или сформировать, действие рефлексии означает подготовить обучающихся к осознанию самих себя как субъектов профессиональной деятельности, к объективной и адекватной оценке своих знаний и возможностей для саморазвития и самосовершенствования, для реализации своего творческого потенциала.

Процесс формирования рефлексии будущих педагогов как оценочной деятельности является не простой задачей, стоящей перед высшей школой. Но, несмотря на трудности, важно стремиться к тому, чтобы действие рефлексии было сформировано у всех обучающихся, потому что значение рефлексии в профессиональной педагогической деятельности поистине велико. Это и ее мотивационный смысл, и влияние на успешность профессионального становления и осуществления педагогической деятельности.

Для целенаправленного формирования профессиональной педагогической субъектности средствами кооперативной рефлексии был проведён эксперимент со студентами магистратуры первого курса, обучающихся по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование» Пензен-

ского педагогического института им. В.Г. Белинского. На первом этапе эксперимента студентам было предложено осознать и оценить себя как будущего учителя и ответить на вопрос «Как Вы считаете, каким учителем Вы себя представляете?». На следующем этапе каждому студенту предлагалось составить «чек-лист» представлений о себе как будущем педагоге по мнению одногруппников. Задача данной работы заключалась в выходе студента в противоречивую/конфликтную позицию, где представления о себе начали подвергаться сомнению под влиянием внешней оценки, сделанной одногруппниками. Проживая внутренний конфликт, встречаясь с противоречием, маги-

странт вынужден рефлексировать. От магистранта требовалось удержание сильного напряжения, которое характерно для деятельности подобного рода, и способность осуществлять кооперативную рефлексия. «В этом только случае на занятии может возникнуть ситуация *сгущения* смыслов и семантик, в результате чего та или иная мысль вдруг обретает трудно уловимую, но столь чаемую *чарующую* субъектность» [3, с. 202]. Кооперативная рефлексия, побуждая в студенте переживания, привело к переосмыслению отношения к себе как субъекту профессиональной деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Результаты кооперативной рефлексии: изменение представлений о себе как о будущем учителе.

Table 1

Results of cooperative reflection: changing ideas about oneself as a future teacher.

Студент (Имя)	Позиция ДО кооперативной рефлексии (Самооценка «Я буду хорошим учителем,...»)	Обратная связь от других студентов (кооперативная рефлексия)	Позиция ПОСЛЕ кооперативной рефлексии (Интегрированная самооценка «Я буду хорошим учителем,...»)
Денис Т.	...потому что хорошо учусь в вузе, вникаю в суть материала.	Дениса интересно слушать, он ответственный, хорошо разбирается в материале, трудолюбив, внимателен в общении, понимающий.	...потому что меня интересно слушать, чуткий в общении с людьми.
Илья А.	...потому что учителем, так как обладаю актёрским мастерством.	Илья много знает, обладает актёрским мастерством, хорошо поставлена речь, любознательный, прямолинейный и честный, собранный, организованный, умеет обратить на себя внимание.	...потому что у меня хорошо поставлена речь.
Максим О.	...потому что нахожусь на «одной волне» с учениками.	У Максима хорошо поставлена речь, актёрское мастерство, он ответственный, умеет расположить к себе, привлекательная манера общения и характер, способен разрешить разные ситуации, живой, деловой, разбирается в современных подходах.	...потому что я разбираюсь в современных образовательных технологиях.
Юлия Н.	...потому что хорошо объясняю актуальную информацию, делаю уроки разнообразными.	Юля проводит интересные уроки, заинтересована в пед. знании, отдает частичку себя, настроена на диалог, отзывчива, общительна, креативна, творчески подходит к подготовке заданий.	...потому что у меня есть творческий потенциал, моё окружение верит в меня и поддерживает.
Валерия К.	...потому что люблю детей, и взаимодействие с ними, нравится сам процесс обучения.	Валерия имеет искреннее желание стать профессиональнее, добросовестно относится к работе, честная, справедливая, трудолюбивая, ответственная, владеет тайм-менеджментом, имеет чувство долга.	...потому что я ответственно подхожу к своей работе и продолжаю совершенствовать свои навыки.
Софья С.	...потому что всегда стараюсь качественно выполнить свою работу.	Софья спокойная, у неё размеренная речь, хорошо продуманные уроки, умеет расположить к себе детей, серьезно относится к работе, не категорична в суждениях.	...потому что я смогу найти к каждому подход и создать комфортную обстановку на занятии.

Исследования показали, что кооперативная рефлексия изменила отношение магистрантов к своей будущей профессиональной деятельности. Анализ множественных точек зрения позволил им

осуществить «встречу с собою» через рефлексия. Разные мнения других одногруппников и новые смыслы, взаимодействуя друг с другом, поменяли представление о себе как о субъекте педагогиче-

ской деятельности, сформировали новый образ собственного «Я». Возрастающая потребность в самоопределении вызвала потребность во внешней помощи, благодаря которой каждый студент смог найти, а затем укрепить те субъектные действия, которые стали бы востребованными в его профессиональной педагогической деятельности.

Выводы

1. Кооперативная рефлексия – ключевой инструмент формирования профессиональной субъектности студентов-педагогов, способствующий саморазвитию, самостоятельности, критическому мышлению и сотрудничеству через взаимодействие и обратную связь.

2. Субъектность студентов-педагогов, хотя и не названа напрямую в ФГОС ВО, формируется через

развитие предусмотренных компетенций, для чего кооперативная рефлексия является необходимым средством, стимулирующим их проявление.

3. Эксперимент показал, что кооперативная рефлексия, создавая противоречия между самооценкой и обратной связью, провоцирует внутренний конфликт, побуждая к переосмыслению «Я» как педагога и формированию нового, более интегрированного представления о себе, своих мотивах и ожиданиях.

Настоятельная необходимость развития профессиональной субъектности будущих педагогов в период профессиональной подготовки не вызывает сомнений и может быть решена в процессе развития кооперативной рефлексии.

Список источников

1. Асташова Н.А. Проблемы формирования профессиональной субъектности будущего учителя // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 6. С. 45 – 61.
2. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Мистерия воспитания (о вселенско-поэтической основе педагогики). Москва: ООО «Издательский Центр РИОР», 2024. 253 с. // Научная электронная библиотека «Научная электронная библиотека». URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/monography/2998/view> (дата обращения: 21.03.2025)
3. Гончарова Н.В. Профессиональная рефлексия как фактор оптимального становления будущего педагога в профессии // Молодежь и образование XXI века: материалы XIII Межвузовской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Ставрополь, 15 апреля 2016 года / под ред. А.А. Фокина, И.Ю. Малыгиной. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2016. С. 46 – 49.
4. Гродина Т.Ф. Рефлексия и профессиональная идентичность студентов-психологов // Вестник КазАУ им. С. Аманжолова. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 139 – 145.
5. Екимова С.Г. Роль рефлексии в становлении личностно-профессиональных качеств студентов-волонтеров // Проблемы высшего образования. 2018. № 1. С. 253 – 256.
6. Енжевская М.В. Рефлексия профессионального становления будущих учителей начальных классов на этапе вхождения в профессию // Современное образование. 2018. № 4. С. 53 – 59.
7. Козлова В.А. От развития исследовательских умений младшего школьника к становлению профессиональной рефлексии будущих педагогов // Nominum. 2023. № 2 (10). С. 61 – 72.
8. Петров И.И. Развитие рефлексивной культуры будущих учителей в процессе педагогической практики // Современное образование. 2023. № 3. С. 78 – 85.
9. Рубанова Е.И. Проблема становления и формирования профессиональной рефлексии специалистов в сфере образования // Современные педагогические технологии профессионального образования: сборник статей по материалам Международной заочной научно-практической конференции, Махачкала, 17-18 мая 2019 года. Москва: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2019. С. 79 – 83.
10. Четошников Е.В. Особенности рефлексии студентов в процессе профессионального становления // Психология обучения. 2009. № 4. С. 61 – 68.
11. Шварева Л.В., Варникова О.В. Педагогическое сопровождение формирования профессиональной субъектности студентов вуза посредством рефлексивно-ориентированных упражнений // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-2. С. 239 – 242.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования: [сайт]. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 22.03.2025)
13. Jonnaert Ph., Ettayebi M. Le curriculum en développement: un processus dynamique et complexe // Observer les réformes en éducation / dir. L. Lafortune, M. Ettayebi, Ph. Jonnaert. Québec: Presses de l'Université du Québec, 2007. P. 15–52.
14. Paquay L., Sirota R. La construction d'un espace discursif en éducation. Mise en œuvre et diffusion d'un modèle de formation des enseignants: le praticien réflexif // Recherche et Formation. 2001. № 36. P. 5 – 16.

References

1. Astashova N.A. Problems of Formation of Professional Subjectivity of the Future Teacher. Education and Science. 2018. Vol. 20. No. 6. P. 45 – 61.
2. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Mystery of Education (on the Universal-Poetic Basis of Pedagogy). Moscow: OOO “RIOR Publishing Center”, 2024. 253 p. Scientific Electronic Library “Scientific Electronic Library”. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/monography/2998/view> (date of access: 21.03.2025)
3. Goncharova N.V. Professional reflection as a factor in the optimal development of a future teacher in the profession. Youth and education of the 21st century: materials of the XIII Interuniversity scientific and practical conference of students and young scientists, Stavropol, April 15, 2016. edited by A.A. Fokin, I.Yu. Stavropol: Publishing house of SGPI, 2016. P. 46 – 49.
4. Grodina T.F. Reflection and professional identity of psychology students. Bulletin of KazAU named after S. Amanzholov. Series: Humanities. 2007. No. 1. P. 139 – 145.
5. Ekimova S.G. The role of reflection in the development of personal and professional qualities of student volunteers. Problems of higher education. 2018. No. 1. P. 253 – 256.
6. Enzhevskaya M.V. Reflection of professional development of future primary school teachers at the stage of entering the profession. Modern education. 2018. No. 4. P. 53 – 59.
7. Kozlova V.A. From the development of research skills of primary school students to the formation of professional reflection of future teachers. Hominum. 2023. No. 2 (10). P. 61 – 72.
8. Petrov I.I. Development of reflective culture of future teachers in the process of pedagogical practice. Modern education. 2023. No. 3. P. 78 – 85.
9. Rubanova E.I. The Problem of Formation and Development of Professional Reflection of Specialists in the Field of Education. Modern Pedagogical Technologies of Professional Education: Collection of Articles Based on the Materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference, Makhachkala, May 17-18, 2019. Moscow: OOO Directmedia Publishing, 2019. P. 79 – 83.
10. Chetoshnikova E.V. Features of Students' Reflection in the Process of Professional Development. Psychology of Learning. 2009. No. 4. P. 61 – 68.
11. Shvareva L.V., Varnikova O.V. Pedagogical Support for the Formation of Professional Subjectivity of University Students Through Reflective-Oriented Exercises. Problems of Modern Pedagogical Education. 2022. No. 76-2. P. 239 – 242.
12. Federal State Educational Standard of Higher Education: [website]. URL: <https://fgos.ru/> (access date: 03/22/2025)
13. Jonnaert Ph., Ettayebi M. Le curriculum en développement: un processus dynamique et complexe. Observer les réformes en éducation. dir. L. Lafortune, M. Ettayebi, Ph. Jonnaert. Québec: Presses de l'Université du Québec, 2007, pp. 15–52.
14. Paquay L., Sirota R. La construction d'un espace discursif en éducation. Mise en œuvre et diffusion d'un modèle de formation des enseignants: le praticien réflexif. Recherche et Formation. 2001. No. 36. P. 5 – 16.

Информация об авторах

Шварева Л.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3016-1780>, Пензенский государственный университет, cnit@pnzgu.ru, lvshvareva@gmail.com

Воскресенко О.А., доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5681-137X>, «Пензенский государственный университет, cnit@pnzgu.ru, voskr99@rambler.ru

© Шварева Л.В., Воскресенко О.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.1

Реализация концепции патриотического воспитания молодежи в Ростовской области

¹ Самойлова А.Н.

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: с позиции системного подхода в статье предпринята попытка выявления цели, задач, принципов, направления и системы патриотического воспитания молодежи в Ростовской области, являющейся приграничным регионом, что накладывает определенный отпечаток на организацию воспитательной работы со студентами вуза – будущих учителей, чья миссия – формирование Человека, Гражданина, Патриота. Цель статьи: рефлексия содержания Концепции патриотизма и гражданственности в Ростовской области. Задачи статьи: определить основные векторы воспитательной работы с молодежью по формированию патриотизма и гражданственности; выявить стратегические и тактические инициативы вуза, направленные на воспитание патриотизма современных студентов; определить уровень социальной активности студентов, влияющий на развитие патриотизма личности. Использование метода анкетирования студентов, диагностика полученных результатов позволяют автору с определенной долей условности составить прогноз успешности основных воспитательных стратегий, внедряемых в вузе для формирования у молодежи патриотического сознания и активной гражданской позиции; повышения уровня социальной активности и ответственности молодежи; укрепления связи поколений и сохранения культурного наследия, что будет способствовать снижению социальных негаций и формированию у студенческой молодежи патриотизма и гражданственности.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, учащаяся молодежь, воспитание, стратегия, тактика

Для цитирования: Самойлова А.Н. Реализация концепции патриотического воспитания молодежи в Ростовской области // Современный ученый. 2025. № 9. С. 302 – 311.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Implementation of the concept of patriotic education of youth in the Rostov region

¹ Samoylova A.N.

¹ Rostov State University of Economics

Abstract: from the perspective of a systematic approach, the article attempts to identify the goals, objectives, principles, directions and system of patriotic education of young people in the Rostov region, which is a border region, which leaves a certain imprint on the organization of educational work with university students – future teachers, whose mission is to form a Person, Citizen, Patriot. The purpose of the article is to reflect on the content of the Concept of patriotism and citizenship in the Rostov region. The objectives of the article are to identify the main vectors of educational work with young people on the formation of patriotism and citizenship; to identify strategic and tactical initiatives of the university aimed at fostering patriotism among modern students; to determine the level of social activity of students that affects the development of personal patriotism. The use of the student survey method and the diagnosis of the results obtained allow the author, with a certain degree of conditionality, to make a

forecast of the success of the main educational strategies implemented at the university to form a patriotic consciousness and an active civic position among young people; increase the level of social activity and responsibility of young people; strengthen the intergenerational bond and preserve cultural heritage, which will help reduce social negation and students of patriotism and citizenship.

Keywords: patriotism, citizenship, student youth, education, strategy, tactics

For citation: Samoylova A.N. Implementation of the concept of patriotic education of youth in the Rostov region. Modern Scientist. 2025. 9. P. 302 – 311.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 20, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Исторические, социокультурные, политические трансформации в обществе вносят существенные коррективы в развитие мира, стран, регионов. Ростовская область в силу своего геополитического положения оказалась в эпицентре событий, связанных с проведением специальной военной операции, что потребовало от руководства области, муниципальных образований, руководителей образовательных организаций ревизии существующих положений в деле воспитания подрастающего поколения. В связи с этим Правительством Ростовской области была разработана Концепция патриотического воспитания молодежи в Ростовской области на период до 2030 года [8].

Разработчики Концепции патриотического воспитания молодежи опирались

- 1) на Конституцию Российской Федерации;
- 2) Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»;
- 3) Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»;
- 4) Указ Президента Российской Федерации от 20.10.2012 № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания Российской Федерации»;
- 5) Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;
- 6) Постановление Правительства Российской Федерации от 24.07.2000 № 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях»;
- 7) Областной закон от 06.05.2016 № 528-ЗС «О патриотическом воспитании граждан в Ростовской области»;
- 8) на многочисленные исследования отечественных ученых, посвященных вопросам формирования патриота: сущность, содержание и оценку

сформированности чувства патриотизма освещали в своих публикациях В.В. Барабанщикова, С.А. Иванова; патриотизм как компонент общественного сознания и как базисная детерминанта российской цивилизации является областью изучения Р.А. Данакари, С.Г. Ивченкова, Е.В. Сайгановой; теоретические и практические аспекты воспитания патриотизма обучающихся исследуют Д.Ю. Панин, Г.Я. Гревцева, А.Н. Игнатенко, С.А. Сакун; особенности воспитания патриотизма у современного субъекта образования интересуют Л.В. Быкасову, Ю.В. Трофименко, В.Н. Ретинскую, И.А. Мурзину и др.

Согласно Концепции патриотического воспитания молодежи, цель патриотического воспитания – создание условий для повышения гражданской ответственности; усиления консолидации общества для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации; воспитания гражданина, имеющего активную гражданскую позицию.

Задачи патриотического воспитания молодежи в Ростовской области, обозначенные в Концепции:

- 1) обновление содержания и расширение нормативно-правовой и информационно-методической базы патриотического воспитания молодежи;
- 2) совершенствование системы патриотического воспитания молодежи в Ростовской области за счет расширения просвещения и стимулирования ее социальной активности;
- 3) создание условий для социализации и адаптации участников СВО;
- 4) включение участников СВО в деятельность патриотических общественных объединений;
- 5) создание механизма государственно-общественного управления системой патриотического воспитания молодежи в Ростовской области;
- 6) популяризация подвигов участников специальной военной операции;
- 7) формирование в молодежной среде патриотических чувств путем вовлечения ее в деятельность молодежных общественных объединений;

8) укрепление в молодежной среде уважительного отношения к прошлому, настоящему и будущему Российской Федерации.

Патриотическое воспитание молодежи в Ростовской области реализуется на основании следующих принципов:

- системность (рассматривается явление в целостности, фокус внимания на структуре, функциональности и взаимодействии с искусственно создаваемой средой);
- адресность процесса (акцент на конкретном элементе системы, индивидуальные траектории для субъекта, эффективность принципа);
- универсальность (широта охвата, стандартизация, снижение сложности);
- активность (стимулирует мотивацию и вовлеченность субъекта в процесс образования, обучение через дискуссии, проекты и эксперименты);
- учет региональных условий (роль географических, экономических, этно-конфессиональных, социальных факторов в обучении).

Материалы и методы исследований

Молодежи принадлежит будущее, фундамент которого закладывается сегодня в семье, школе, вузе. Выпускники Таганрогского института имени А.П. Чехова, с которыми проводилось анкетирование, – это будущие учителя, чья миссия – формирование Человека. Важное внимание в Концепции патриотического воспитания молодежи уделяется созданию единого пространства гражданского и патриотического воспитания в Ростовской области. Это не случайно, так как

1. В Ростовской области проживают представители 27 национальностей, поэтому при реализации Концепции предполагается усиление функции системы образования на основе учета российских нравственных и культурных традиций и ценностей

(семья и брак, рождение детей, поддержка стариков и нуждающихся, инвалидов и т.д.);

2. Рост цифровизации наложил отпечаток на внедрение интерактивных образовательных программ, что позволяет в процессе образования пропагандировать жизненные ценности (защита Отчизны и своей малой родины, проявление героизма, помощь фронту, спасение от несчастных случаев, самопожертвование) [2];

3. Профилактика экстремизма и ксенофобии, что является острой проблемой в ситуации, когда СМИ обрушивают на неокрепшие души молодых людей множество непроверенных, а порой и откровенно враждебных информационных сообщений, не способствующих консолидации многонационального и многоконфессионального общества (участие в патриотических движениях, клубах «Патриот», «Дон», «Казачья дружина», военно-спортивных играх, студенческих слетах);

4. Сохранение традиций, культуры этносов нашей страны в целях развития межпоколенческих связей (литература, история, фольклор, ремесла, народные промыслы) [14];

5. Активизация патриотической работы (поисковая деятельность донских волонтеров, музейная работа, обращение к истокам и традициям казачества, военно-патриотические игры и соревнования, фестивали военных песен и т.д.).

Результаты и обсуждения

В Ростовской области – приграничной территории, которая постоянно подвергается атакам БПЛА, принимает беженцев, участвует в помощи фронту и военным госпиталям, является свидетелем перемещения военной техники, военнослужащих и раненых, – сложилась особая система патриотического воспитания, представленная на рис. 1.

Рис. 1. Система патриотического воспитания Ростовской области.

Fig. 1. The system of patriotic education in the Rostov region.

Как следует из рисунка, эта система представляет собой совокупность элементов:

1) научного основания. Педагогика как наука о воспитании являет собой важный инструмент в формировании патриотизма не только в процессе занятий, но и во внеаудиторной деятельности;

2) культурологического базиса. Культура помогает эффективно распространять патриотическую идеологию с помощью значительного количества краеведческих музеев, сохраняющих сведения о боевой и трудовой славе жителей Ростовской области. Например, в г. Таганроге находится один из величественных музеев под открытым небом – «Самбекские высоты». Экспозиция музейного комплекса повествует о кровопролитных боях на Миус-фронте. Это сложнейшее фортификационное сооружение было построено пленными солдатами Советской армии и имело длину 2000 км. Во время войны А. Гитлер лично проинспектировал всю линию обороны, придавая ей значение Сталинградской битвы. После тяжелых кровопролитных боев Советская армия разбила этот сложнейший укрепленный район и прорвала Миус-фронт, создав плацдарм для наступления основных сил. Молодежь Ростовской области часто посещает данный музей, экспонаты которого – артефакты войны: советские танки «Т-34», фашистские «Тигры» и «Пантеры», пушки, машины, вагоны-теплушки, землянки, медсанбат. Здесь все пропитано историей: и горечью утрат, но и славным подвигом нашего многонационального народа;

3) средств массовой информации. Миссия СМИ – ответственный выбор транслируемого контента. Распространяя патриотическую информацию, СМИ становятся важным инструментом патриотического воспитания молодежи;

4) семейных ценностей. Семья – основной институт социализации, морально-нравственного становления личности и формирования патриотизма молодого человека;

5) исторического начала. История – это генетическая память народа. Патриотизм формируется на основании знания истории своей страны, ее защиты и становления государственности;

6) служения Отечеству. Преданность своей Родине, защита ее территориальной целостности и независимости – это долг настоящего Гражданина. Ради Родины ежедневно совершаются подвиги на фронтах СВО, что вдохновляет наш народ, показывает ориентиры молодежи в патриотическом воспитании;

7) спортивной жизни. Спорт сегодня – это не только здоровое тело, но и закаленный дух, гарантия национальной безопасности. Увлекающийся

спортом молодой человек тренирует в себе дисциплину, выносливость, самообладание, что в большой степени характерно для патриота;

8) экологического сознания. Гордость за природное многообразие нашей страны – это эффективный инструмент патриотического воспитания современной молодежи, которая, путешествуя по Сибири и Кавказу, Петербургу и Москве, Енисею и Волге познает красоту, силу и мощь родного края;

9) военного-промышленного комплекса. Потенциал страны во многом определяет его оборона. У российских молодых людей формируется гордость за новейшие инженерные комплексы, субмарины, самолеты, ракетные установки, что порождает в них чувство защищенности, развивает патриотизм;

10) добровольческого движения. Добрая воля – это желание быть полезным, помочь нуждающемуся. Это – общечеловеческая ценность. У добровольчества и патриотизма одно основание: любовь к людям, Отечеству. Сегодняшние добровольцы участвуют в экологических акциях, тушат пожары, ищут пропавших людей, помогают семьям военнослужащих и т.д.

Если мы зададимся вопросом о том, кто является субъектом патриотического воспитания в Ростовской области, то ответ на данный вопрос будет представлен широкой палитрой: органы государственной власти Ростовской области, органы местного самоуправления, семья, образовательные организации, некоммерческие организации, ветеранские объединения, творческие, военные коллективы, религиозные общины, СМИ, лидеры общественного мнения.

Отметим, что Концепция патриотического воспитания молодежи в Ростовской области разработана с учетом всех возрастов: дети, подростки, юношество. Мы в статье сосредоточим свое внимание на студенческой аудитории. Основная цель студентов вуза – приобретение выбранной профессии, а их главная задача – получение образования, поэтому ведущий вид деятельности в высшей школе – учебно-профессиональная, направленная на самоопределение субъекта в жизни. Чтобы реализовать желаемую цель и задачу современным студентам (чей возраст примерно 18-25 лет) необходимо расширять диапазон социальных ролей для формирования патриотизма, т.е. увеличивать спектр коммуникантов и масштаб социальных интересов; повысить самостоятельность личности; проводить ревизию транслируемого из СМИ контента; осознанно выбирать социальные сети, бло-

ги, видеоигры; проявлять ответственность за слова и поступки.

Сегодня в вузе обучаются не только бакалавры, но и магистранты, чей возраст составляет примерно 25-40 лет. В мировоззрении данной категории обучаемых имеются отличия: концентрация по производству, рост карьеры, создание семьи и необходимость ее материального обеспечения, осознание ценности трудового коллектива, пере-

смотр отношения к социальным сетям, блогам, рост добровольчества (осознанное волонтерство, донорство, помощь в ЧС и т.д.).

При организации патриотического воспитания (в соответствии с Концепцией) необходимо учитывать своеобразие механизмов ее реализации. На рис. 2 представлена схема патриотического воспитания студентов Таганрогского института имени А.П. Чехова.

Рис. 2. Схема патриотического воспитания студентов.

Fig. 2. Scheme of patriotic education of students.

Из рисунка следует, что для успешного патриотического воспитания студентов необходимо обеспечить

1. Максимальное вовлечение молодежи в патриотическую деятельность (СМИ, просмотр и обсуждение фильмов, квесты, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, войны в Афганистане, первой и второй Чеченской войн, СВО);

2. Наивысшую заинтересованность глав муниципальных, руководителей отделов молодежной политики, специалистов воспитательных отделов вузов в организации патриотического воспитания молодежи [9];

3. Тесное сотрудничество с областной межведомственной комиссией по вопросам военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи [6];

4. Социально полезную деятельность донской молодежи (участие молодых людей в общественной жизни, поддержка органами исполнительной власти различных инициатив молодежи, причастность студентов к решению социально значимых проблем и т.д.) [4];

5. Постоянная рефлексия представителями науки и образования влияния сети Интернет на

формирование патриотизма личности (диагностика и прогностика) [10];

6. Выработка рекомендаций для преподавателей вузов, ответственных работников воспитательных отделов образовательных организаций по формированию патриотизма молодежи (пропаганда культуры; знакомство с национальными традициями народов России; укрепление духовности молодежи; информационная продукция различного рода: видео, плакаты, брошюры и т.д.) [7].

Патриотизм формируется у студентов под влиянием различных факторов: семья, пример родителей, церковь, традиции рода, интересы страны [5]. С целью определения основных векторов воспитательной работы с молодежью по формированию патриотизма и гражданственности, выявления стратегических и тактических инициатив вуза, направленных на воспитание патриотизма современных студентов, а также установления уровня социальной активности студентов, влияющего на развитие патриотизма личности, нами было проведено анкетирование 127 студентов Таганрогского института имени А.П. Чехова.

Таблица 1

Стратегические и тактические инициативы вуза по формированию патриотизма студентов.

Table 1

Strategic and tactical initiatives of the university for the formation of students' patriotism.

№	Стратегические инициативы	Тактические инициативы
1.	Разработка воспитательной концепции	1. Разговоры о важном. Встреча с героями России, ветеранами боевых действий 2. Посещение детского дома (проведение с детьми бесед, игр, спортивных соревнований) 3. Посещение дома престарелых с концертами (к Дню Победы, Дню пожилого человека, 23 февраля, 8 Марта и т.д.) 4. Шефство вуза над лагерем вынужденных переселенцев (обучение детей в течение года, организация досуга детей и взрослых) 5. Организация взаимодействия с Центром помощи «Надежда» (лица с ОВЗ) и т.д.
2.	Формирование гражданской позиции	1. Расширение взаимодействия с донским казачеством 2. Встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, войны в Афганистане, участниками СВО 3. Участие в военно-спортивных играх 4. Участие в студенческих слетах, дебатах, фестивалях, деловых играх 5. Разговоры о важном. Выступление студентов в агитбригаде в госпитале для военнослужащих с концертами
3.	Приобщение субъекта к культуре	1. Посещение музеев, картинной галереи, концертов 2. Участие в концертах самодеятельности вуза 3. Приглашение мастеров искусства для проведения бесед со студентами 4. Встреча с деятелями кино 5. Участие в съемках фильмов, проходящих в Таганроге
4.	Влияние церкви	1. Приглашение представителей церкви в вуз для встречи со студентами и преподавателями 2. Волонтерские практики студентов в церкви (помощь в сопровождении людей с ОВЗ на службу в храм) 3. Помощь студентов в уборке территории храма к праздникам Рождества, Пасхи, Троицы 4. Педагогическая практика студентов в воскресной школе 5. Разговоры о важном. Проведение бесед о служителях церкви – участниках СВО
5.	Роль армии и флота	1. Празднование Дня Победы 2. Встречи с ветеранами боевых действий 3. Проведение военно-спортивных игр 4. Посещение военно-исторических музеев 5. Разговоры о важном. Встречи с лидерами мнений, участниками программы «Время героев», проведение олимпиад, квестов, посвященных роли армии и флота

По мнению большинства респондентов, на формирование патриотизма в стратегическом плане влияют воспитание (19%), гражданский долг (17%), культурные традиции (16%), церковь (15%), армия и флот (14%), интересы государства (6%), социум (5%), друзья (4%), наставники (3%), шоу-бизнес (1%).

К тактическим мероприятиям по формированию патриотизма в вузе относятся, по мнению респондентов, встречи с ветеранами боевых действий – 37 %, пример родителей – 31%, волонтерство – 23%, военно-спортивные мероприятия, про-

водимые в институте и на летней базе отдыха – 9%.

В ответах на вопрос о социальной активности студентов Таганрогского института имени А.П. Чехова получены следующие ответы респондентов: спектр социальной активности студенческой молодежи достаточно широк: волонтерство – 16%; участие в общественных организациях Ростовской области и г. Таганрога – 13%; профессиональный рост субъекта – 12%; экологические акции – 11%; благотворительность – 11%; реализация социальных проектов в регионе – 10%; нетворкинг – 9%; самообразование студентов – 8%; участие в реше-

нии локальных проблем города и области – 7%; занятия в свободное время искусством – 3%.

На основании анализа анкет, проведенных со студентами института, определим основные векторы воспитательной работы с учащейся молодежью по формированию патриотизма:

1) военно-спортивные мероприятия для студентов всех курсов с участием в них сотрудников военных комиссариатов, военнослужащих запаса, спасателей МЧС, медицинских работников: встречи с героями СВО; антитеррористические беседы с сотрудниками ФСБ; слеты помощников пожарных; курсы оказания первой помощи; спортивные соревнования; фестивали военно-патриотических и бардовских песен; туристические слеты;

2) расширение движения «Казачи за Отечество»: участие студентов в этнографических экспедициях; организация встреч с атаманом войска Донского; посещение концертов ансамбля казачьей песни и пляски Донского государственного технического университета; экскурсии в станицу Старочеркасская с осмотром экспозиции жизни и быта донских казаков; посещение службы в главном казачьем соборе Дона (г. Новочеркасск) [1];

3) повышение роли наставничества: встреча с ветеранами педагогического труда; поздравление ветеранов, заслуженных педагогов Дона с праздниками; участие в сборе информации о тружениках тыла в годы Великой Отечественной войны; встреча с бывшими студентами вуза – почетными гражданами г. Таганрога; составление летописи трудового подвига таганрожцев – героев нашего времени;

4) культурно-просветительская работа: участие в экскурсиях в библиотеки г. Таганрога, г. Ростов-на-Дону для участия во встречах с писателями; посещение студентами театра, концертных

залов, кино с последующим обсуждением увиденного и услышанного; организация литературной гостиной в институте для популяризации авторской поэзии студентов; расширение рамок самостоятельной культуры студентов: танцевальный ансамбль, эстрадная студия, хоровой кружок и т.д.

Для реализации Концепции патриотического воспитания молодежи в Таганрогском институте имени А.П. Чехова ежегодно разрабатывается календарно-тематический план воспитательной работы со студентами. План включает в себя 3 блока: модули, перечень основных направлений воспитательной работы, план-сетка. Для удобства составления плана используется соответствующая аббревиатура.

I. Модули: «Основные студенческие дела» (ОСД), «Руководство куратора группы» (РКГ), «Внеаудиторная деятельность» (ВД), «Молодежные общественные объединения» (МОО), «Организация культурно-образовательной среды» (ОКОС), «Взаимодействие с администрацией» (ВсА), «Профилактика и безопасность» (ПБ), «Социальное партнерство» (СП), «Самоуправление» (С), «Образовательная деятельность» (ОД), «Студенческие медиа» (СМ) [11].

II. Перечень основных направлений воспитательной работы: «Человек, патриот и гражданин» – гражданско-патриотическое направление в воспитании (ГПНВ), «Человек и его нравственность» – духовно-нравственное воспитание (ДНВ), «Человек в мире культуры» – культурно-просветительское направление в воспитании субъекта (КП), «Молодежные общественные объединения» (МОО), «Человек в социуме» – социально-правовое (СПВ) [3].

III. Примерный план работы на месяц представлен в табл. 2.

Таблица 2

План мероприятий по формированию патриотизма студентов Таганрогского института имени А.П. Чехова.

Table 2

Action plan for the formation of patriotism among students of the Taganrog Chekhov Institute for September.

№	Наименование мероприятия	Основные модули воспитательной программы	Основные направления воспитания
1.	3 сентября. День солидарности в борьбе с терроризмом. Мероприятие, посвященное трагическим событиям в г. Беслане. Минута молчания. Всероссийская акция «Голубь мира». Радиорепортаж «Мы помним, мы скорбим».	ПБ, СМ	Человек, патриот и гражданин; человек и его нравственность
2.	5 сентября. Международный день благотворительности. Провозглашен по решению Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.2012 г. Переключки факультетов «Россия – мои горизонты»	ОСД, ОКОС	Человек и его нравственность, человек в социуме

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

3.	23 сентября. Международный день мира. В 1982 году в своей резолюции Генеральная Ассамблея ООН провозгласила Международный день мира как день всеобщего прекращения огня и отказа от насилия. День победы русских полков во главе с великим князем Дм. Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380) – День воинской славы России. Организованный выезд студентов в музей.	ОКОС, СМ	Человек, патриот и гражданин
4.	26 сентября. Международный день борьбы за полную ликвидацию ядерного оружия. Учрежден по решению Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.2013 г. Митинг у главного корпуса вуза.	МОО, ПБ	Человек, патриот и гражданин
5.	28 сентября. Международный день всеобщего доступа к информации. Объявлен Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 2015 г.	ОКОС, ПБ	Человек в социуме
6.	30 сентября. ПДД и пожарной безопасности. Встреча студентов с сотрудниками ГИБДД и пожарной инспекции.	ПБ, СП	Человек в социуме

Благодаря тщательному планированию, серьезной подготовке и организованному проведению всех мероприятий, направленных на формирование патриотизма студентов, в Таганрогском институте имени А.П. Чехова сформировалась специфическая социокультурная среда (наполненная смыслами, творческими идеями, информационными ресурсами), которая способствует реализации цели и задач, обозначенных в Концепции патриотического воспитания молодежи в Ростовской области. Отметим, что во внеаудиторной работе со студентами Таганрогского института имени А.П. Чехова преобладают мероприятия, формирующие прикладные навыки у студентов: сохранение жизни и здоровья, поиск надежного укрытия (в случае атаки БПЛА, ракетной угрозы), волонтерство (помощь нуждающимся, оказание первой медицинской помощи, снабжение водой, транспортировка пострадавших и т.д.), скорость принятия решений, быстрота и четкость выполнения предписаний для защиты людей и т.д. Реалии сегодняшнего дня способствуют тому, что чувство единения проживающих в Ростовской области людей, сплоченность трудовых коллективов региона для выполнения поставленных задач, единение народа для помощи фронту, консолидация усилий для поддержки пострадавших способствуют осознанному формированию патриотизма молодежи, которая рядом с родителями, преподавателями участвует во встречах с фронтовиками, шефствует над госпиталем, проводит сбор средств для пострадавших, поддерживает стариков и детей в сложной жизненной ситуации.

Выводы

Обобщая сказанное в статье, отметим следующие:

щие:

1. Концепция патриотического воспитания молодежи в Ростовской области на период до 2030 года была создана и утверждена постановлением Правительства Ростовской области от 13.11.2023 № 806, т.е. через 8 месяцев после начала СВО. Приграничные территории, находящиеся в непосредственной близости к районам боевых действий, особенно остро ощущают остроту и напряженность момента. В ситуации близости фронта и связанных с этим обстоятельством последствиях рельефно проявляются социальные инициативы людей нашей страны (волонтерство – стремление оказать любую посильную помощь для фронта и тыла), направленные на оказание помощи бойцам на передовой, раненым в госпиталях, лишенным крова людям в тылу, организации учебы и досуга детей в местах проживания вынужденных переселенцев. В такой атмосфере формируются отличные от уже имеющихся у субъекта образования черты характера: на первый план выдвигаются доброта и ответственность, серьезность и решительность, а также такие социальные черты как коммуникация, организованность и помощь. Все эти характеристики являются основой патриотизма.

2. Ростовская область (начиная с 2014 г.) имеет значительный опыт в формировании патриотизма молодежи, в воспитании Гражданина, Патриота. Власти региона разработали Концепцию патриотического воспитания, которая утверждает социально-нравственные и морально-этические ориентиры, необходимые для становления, развития и социального благополучия личности. Данная концепция может быть успешно использована в

образовательных организациях страны, что окажет значительную помощь педагогам в организации воспитательного процесса, так как конкретно определяет цели, задачи, принципы, направления и систему патриотического воспитания молодежи в регионе.

3. Сформированный патриотизм и дружба многочисленных этносов, проживающих на территории Ростовской области, представляют собой базисные детерминанты российской цивилизации, что не может игнорироваться, так как это аутентичные культурные потенции, особое и неповторимое, стяжающее в себе любовь, уважение и добродетель, обеспечивающее верность субъекта каноническим принципам, не позволяющим преступить морально-нравственные нормы и погрязнуть в этических ценностях [13].

4. Метод анкетирования студентов позволил выявить западающее звено в формировании патриотизма студентов, которое в Концепции патриотического воспитания молодежи в Ростовской области на период до 2030 года указано как базисное, а именно – культура. Возможно, это связано с текущей ситуацией в стране, но без культуры, искусства не может быть гармоничного развития и

становления человека. На вопрос о социальной активности студентов получен ответ, что занятиям искусством в свободное время уделяют внимание только 3% респондентов. Полагаем, что студентам, преподавателям, воспитательному отделу института необходимо обратить на это внимание с тем, чтобы искусство также занимало достойное место в социальной активности.

5. На профессорско-преподавательский состав вуза ложится ответственность по формированию у молодежи патриотического сознания и активной гражданской позиции, отличной от конформизма и национализма [12]. Амбициозность масштаба работы рельефно проявляется в стратегических и тактических инициативах воспитательного отдела вуза, направленных на повышение уровня социальной активности и ответственности молодежи за свои дела и поступки; укрепление связи поколений и сохранение культурного наследия, снижение негативных социальных явлений среди обучаемых вуза. Все усилия будут способствовать формированию у студенческой молодежи патриотизма и гражданственности, предусмотренных в Концепции патриотического воспитания молодежи в Ростовской области.

Список источников

1. Быкасова Л.В., Гармаш С.В., Подберезный В.В., Самойлова А.Н., Трофименко Ю.В. Формирование патриотизма субъекта образования // ЦИТИСЭ. 2025. № 1 (43). С. 270 – 282.
2. Барабанщикова В.В., Иванова С.А. Ценностная ориентация «патриотизм»: сущность, содержание и оценка сформированности // Национальный психологический журнал. 2023. № 4. С. 99 – 112.
3. Гревцева Г.Я. Педагогические условия воспитания патриотизма обучающихся: теоретический и практический аспекты // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2023. Т. 15, № 3. С. 18 – 31.
4. Данакари Р.А. Патриотизм и дружба народов как базисные детерминанты российской цивилизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 5. С. 193 – 204.
5. Ивченков С.Г., Сайганова Е.В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 96 – 109.
6. Игнатенко А.Н., Сакун С.А. Патриотизм истинный и псевдопатриотизм // Инновационная наука. 2022. № 2-1. С. 64 – 68.
7. Кононенко Б.И. Патриотизм и культура // Социология власти. 2005. № 4. С. 47 – 56.
8. Концепция патриотического воспитания молодежи в Ростовской области на период до 2030 года <https://www.donland.ru/activity/2875/>
9. Панин Д.Ю. Воспитание гражданина-патриота: теоретический аспект // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2021. Т. 13. № 4. С. 49 – 56.
10. Петров К.С. Цифровые технологии в патриотическом воспитании студентов // Инновации в образовании, 2023. № 4. С. 166 – 175.
11. Ретинская В.Н., Мурзина И.А. Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе: актуальные проблемы и перспективы развития // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 1 (90). С. 45 – 52.
12. Austers I., Dimdins G., Priedols M. The opposing roles of patriotism and nationalism in explaining trust in a political system // Social Sciences & Humanities Open. 2024. Vol. 10. P. 1 – 7.

13. Lu M.T. How Is Patriotism a Virtue? // Proceedings of the American Catholic Philosophical Association. 2020. Vol. 94. P. 119 – 128.
14. Uzakbayeva S., Zhalgasova Sh., Beisembayeva A. The Patriotism Education Content At The Present Stage // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 141. P. 675 – 679.

References

1. Bykassova L.V., Garmash S.V., Podberezny V.V., Samoilova A.N., Trofimenko Yu.V. Formation of patriotism of the subject of education. CITISE. 2025. No. 1 (43). P. 270 – 282.
2. Barabanshchikova V.V., Ivanova S.A. Value orientation "patriotism": essence, content and assessment of formation. National Psychological Journal. 2023. No. 4. P. 99 – 112.
3. Grevtseva G.Ya. Pedagogical conditions for fostering patriotism in students: theoretical and practical aspects. Bulletin of SUSU. Series "Education. Pedagogical Sciences". 2023. Vol. 15, No. 3. P. 18 – 31.
4. Danakari R.A. Patriotism and friendship of peoples as basic determinants of Russian civilization. Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations. 2019. No. 5. P. 193 – 204.
5. Ivchenkov S.G., Sayganova E.V. Patriotism as a component of public consciousness: a generational perspective of measurement. Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 96 – 109.
6. Ignatenko A.N., Sakun S.A. True patriotism and pseudo-patriotism. Innovative science. 2022. No. 2-1. P. 64 – 68.
7. Kononenko B.I. Patriotism and Culture. Sociology of Power. 2005. No. 4. P. 47 – 56.
8. The Concept of Patriotic Education of Young People in the Rostov Region for the Period up to 2030 <https://www.donland.ru/activity/2875/>
9. Panin D.Yu. Education of a Patriotic Citizen: Theoretical Aspect. Modern Higher School: Innovative Aspect. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 49 – 56.
10. Petrov K.S. Digital Technologies in Patriotic Education of Students. Innovations in Education, 2023. No. 4. P. 166 – 175.
11. Retinskaya V.N., Murzina I.A. Civic-patriotic education of youth in modern Russian society: current problems and development prospects. Search: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture. 2022. No. 1 (90). P. 45 – 52.
12. Austers I., Dimdins G., Priedols M. The opposing roles of patriotism and nationalism in explaining trust in a political system. Social Sciences & Humanities Open. 2024. Vol. 10. P. 1 – 7.
13. Lu M.T. How Is Patriotism a Virtue? Proceedings of the American Catholic Philosophical Association. 2020. Vol. 94. P. 119 – 128.
14. Uzakbayeva S., Zhalgasova Sh., Beisembayeva A. The Patriotism Education Content At The Present Stage. Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 141. P. 675 – 679.

Информация об авторе

Самойлова А.Н., ассистент кафедры психолого-педагогического образования и медиакоммуникации, Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета, ORCID ID: https://orcid.org/s_a_n_l@mail.ru

© Самойлова А.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 371.2

Особенности реализации проекта «Школа Минпросвещения России». Региональный аспект трансформации общего образования в Тюменской области

¹ Губарь Л.Р.

¹ *Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников, Тюменский областной государственный институт развития регионального образования*

Аннотация: в условиях системной трансформации российского образования особую значимость приобретают региональные механизмы реализации федеральных инициатив. Проект «Школа Минпросвещения России» является одним из ключевых инструментов обновления содержания и инфраструктуры общего образования. В статье представлено обоснование взаимосвязи между положениями проекта и стратегическими задачами, зафиксированными в Плане социально-экономического развития Тюменской области на долгосрочный период до 2034 года, и приведен анализ особенностей реализации данного проекта в Тюменской области с учетом институциональных, методических и социокультурных факторов, определяющих динамику и эффективность трансформационных процессов. Методология исследования опирается на контент-анализ нормативных документов, сравнительный анализ муниципальных данных и кейс-анализ лучших практик. На основе данных самодиагностики, мониторинговых исследований приведен опыт адресного сопровождения образовательных организаций региона, включая выстраивание дорожных карт развития и повышение квалификации управленческих и педагогических команд. Особое внимание уделено деятельности Наставнической лиги проекта «Школа Минпросвещения России» и сетевому взаимодействию между образовательными организациями, обеспечивающими горизонтальное распространение эффективных практик. В статье рассматривается опыт организации стажировочных площадок и повышения квалификации в формате методического абонемента на базе ЦНППМ ПР для управленческих и педагогических команд при реализации проекта «Школа Минпросвещения России». Представленные результаты демонстрируют успешную институционализацию модели регионального сопровождения в условиях трансформации образовательной среды. Выводы могут быть полезны при тиражировании успешных практик в иных субъектах Российской Федерации, а также при проектировании программ методической поддержки школ с низкими результатами.

Ключевые слова: трансформация образования, региональная образовательная политика, проект «Школа Минпросвещения России», Тюменская область, самодиагностика, методическое сопровождение, Наставническая лига, дорожная карта развития школы

Для цитирования: Губарь Л.Р. Особенности реализации проекта «Школа Минпросвещения России». Региональный аспект трансформации общего образования в Тюменской области // Современный ученый. 2025. № 9. С. 312 – 325.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Features of the implementation of the project “School of the Ministry of Education of Russia”. Regional aspect of general education transformation in the Tyumen region

¹ Gubar L.R.

¹ *Center for Continuous Professional Development of Pedagogical Staff,
Tyumen Regional State Institute for the Development of Regional Education*

Abstract: in the context of systemic transformation of the Russian education system, regional mechanisms for implementing federal initiatives are acquiring particular significance. The project “School of the Ministry of Education of Russia” is one of the key instruments for renewing the content and infrastructure of general education. This article substantiates the correspondence between the objectives of the project and the strategic goals outlined in the Forecast of the Socio-Economic Development of the Tyumen Region for the Long-Term Period up to 2034, and presents an analysis of the specifics of project implementation in the region, taking into account institutional, methodological, and sociocultural factors that determine the dynamics and effectiveness of transformational processes. The research methodology is based on content analysis of regulatory documents, comparative analysis of municipal data, and case analysis of best practices. Based on self-diagnosis data and monitoring results, the article describes the experience of targeted support for educational institutions in the region, including the development of school growth roadmaps and the professional development of school leadership and teaching teams. Special attention is given to the activities of the Mentorship League within the project and to the network-based cooperation among schools that facilitates the horizontal dissemination of effective educational practices. The article also examines the experience of organizing internship platforms and advanced training programs in the format of a methodological subscription at the Center for Continuous Professional Development for administrative and pedagogical teams involved in the project. The presented results demonstrate the successful institutionalization of a regional support model under conditions of educational transformation. The findings may be useful for scaling best practices to other regions of the Russian Federation and for designing methodological support programs for underperforming schools.

Keywords: education transformation, regional educational policy, “School of the Ministry of Education of Russia” project, Tyumen Region, self-diagnosis, methodological support, Mentorship League, school development roadmap

For citation: Gubar L.R. Features of the implementation of the project “School of the Ministry of Education of Russia”. Regional aspect of general education transformation in the Tyumen region. Modern Scientist. 2025. 9. P. 312 – 325.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 21, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Федеральный проект «Школа Минпросвещения России» нацелен на выравнивание стартовых образовательных возможностей, повышение качества образовательных результатов и создание устойчивой модели функционирования школ в различных условиях. Его внедрение обеспечивает не только формальное соответствие образовательных организаций единым стандартам, но и способствует глубокой трансформации школьной образовательной среды: внедрению программ воспитания, усилению профориентационной составляющей, развитию цифровой инфраструктуры и развитие педагогического коллектива [1]. Проект задает направление системной трансформации образовательных организаций нашей страны, в центре

которых находится обучающийся, его мотивация, благополучие и образовательные траектории.

В условиях поликультурной структуры российского образования особую значимость приобретает исследование региональных моделей адаптации федеральных инициатив. Такие исследования позволяют выявить, как федеральный проект реализуется в конкретных социально-экономических условиях субъекта Федерации. Тюменская область – регион с выраженной активной политикой в сфере образования, разветвлённой сетью образовательных организаций, высоким уровнем управленческой культуры и устойчивыми институциональными связями. Именно поэтому опыт реализации проекта «Школа Минпросвещения России» в Тюменской области представляет значительный

научно-практический интерес как пример успешной адаптации принципов трансформации образования на региональном уровне.

Несмотря на наличие значительного объема теоретических и концептуальных разработок по трансформации образования, в отечественной литературе в недостаточной степени представлены исследования, ориентированные на анализ внедрения федеральных проектов в регионах, с учетом их организационной специфики, ресурсных условий и управленческих решений. Практикоориентированные работы, систематизирующие региональные практики, часто носят фрагментарный характер. Таким образом, выявляется дефицит научно обоснованных инструментов региональной адаптации, которые могли бы служить ориентиром для субъектов Российской Федерации в условиях реализации масштабных федеральных инициатив в сфере образования. Настоящая работа призвана восполнить данный пробел на примере Тюменской области.

Материалы и методы исследований

Целью настоящей статьи является выявление региональных особенностей адаптации проекта «Школа Минпросвещения России» в Тюменской области, как одного из актуальных инструментов трансформации в образовательной политике. Предпринятая попытка анализа опирается на тезис о том, что именно региональный уровень представляет собой ключевое звено, через которое осуществляется внедрение, адаптация и трансформация содержательных и управленческих ориентиров проекта в условиях конкретного социокультурного и институционального контекста.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: во-первых, проанализировать нормативные, институциональные и методологические основания федерального проекта, выявив заложенные в нём управленческие механизмы и целевые ориентиры; во-вторых, охарактеризовать региональные особенности реализации на примере Тюменской области, с опорой на аналитические материалы, муниципальную документацию и практики сетевого взаимодействия; в-третьих, определить результативность проводимых мероприятий, обозначить эффективные инструменты, проблемные зоны и перспективные направления развития.

Научная новизна представленного исследования заключается в комплексном анализе региональной модели реализации федерального проекта «Школа Минпросвещения России» на примере Тюменской области как механизма трансформации общего образования. В отличие от имеющихся в литературе фрагментарных описаний отдель-

ных направлений проекта, в статье предпринята попытка выявить содержательно-управленческую взаимосвязь между федеральными целями и региональными стратегиями развития образования. Введено обоснование системной роли самодиагностики школ как институционального механизма внутреннего развития и стратегического управления, а также раскрыт потенциал Наставнической лиги как модели горизонтального распространения инновационных практик. Проведено сопоставление проекта с индикаторами Прогноза социально-экономического развития региона до 2034 года, что позволило доказать программную и содержательную согласованность между федеральными и региональными уровнями управления образованием. Разработанный метод аналитики динамики самодиагностики в муниципальном разрезе предложен как модель мониторинга эффективности образовательных трансформаций на уровне субъекта РФ.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения представленного аналитического подхода к мониторингу и сопровождению реализации проекта «Школа Минпросвещения России» в других субъектах Российской Федерации. В работе предложены конкретные управленческие и методические механизмы - от формата методического абонемента и стажировок до алгоритма построения дорожной карты развития школы – которые могут быть использованы региональными департаментами, муниципалитетами и институтами повышения квалификации в качестве шаблонов внедрения и адаптации федеральных инициатив. Представленная модель взаимодействия школ-лидеров и образовательных организаций с низкими результатами через Наставническую лигу может быть масштабирована и институционализирована как форма адресной поддержки и сетевого развития. Эмпирические данные по динамике самодиагностики в школах Тюменской области являются репрезентативной основой для обоснования решений в сфере управления качеством образования.

Методологической основой исследования послужил комплексный подход, сочетающий элементы сравнительного, структурного и контент-анализа. Эмпирическая база исследования включает нормативно-правовые документы, методические материалы федерального проекта «Школа Минпросвещения России», аналитические справки, данные регионального мониторинга, а также результаты самодиагностики образовательных организаций Тюменской области за 2023-2024 гг. Основные методы исследования: дедуктивный анализ региональных практик, кейс-анализ опыт-

ных площадок, сопоставление данных муниципального уровня, экспертная интерпретация материалов методических абонементов и стажировок.

Быстрое изменение социокультурных условий экономического и социального благополучия государства обуславливает изменение подходов к образованию, которое всегда было и остается ключевым фактором развития современного общества. Актуальность темы трансформации образования усиливается в контексте глобализации, изменения направлений развития, технологических инноваций, изменяющихся социокультурных реалий [2].

В условиях стремительных социально-экономических и технологических изменений система общего образования сталкивается с необходимостью не просто модернизации, а трансформации, предполагающей переосмысление её целей, форм, содержания и механизмов управления. Современные вызовы, такие как: цифровизация общества, увеличение информационного потока, изменение социального запроса к школе, требуют от образовательной системы способности к гибкому и опережающему реагированию, что возможно только при системных и структурных изменениях. Традиционно понятие трансформации понимается очень широко, как изменение, преобразование, превращение [3]. Опираясь на анализ современной литературы, можно выделить три основные научные позиции в интерпретации понятия трансформации образования:

1. Институционально-стратегическая позиция рассматривает трансформацию как смену управленческих и организационных моделей, предполагающую отказ от централизованно-директивного управления в пользу распределённого, сетевого и проектного. В рамках этой парадигмы трансформация выступает как условие достижения национальных целей в области образования, обозначенных в стратегических документах таких как Стратегия развития образования РФ [4], нацпроект «Образование» [5], включая цифровую трансформацию, адресную поддержку школ с низкими результатами, развитие механизмов оценки качества и сопровождения.

2. Инновационно-педагогическая позиция акцентирует внимание на содержательных и методологических изменениях в образовании: переходе от предметно-ориентированного обучения к метапредметному и междисциплинарному, от пассивного усвоения информации – к деятельностному, проблемному и проектному обучению. В этом контексте трансформация образования означает внедрение новых педагогических практик, развитие профессионального мастерства учителя как

агента изменений, усиление роли самоопределения и субъектности обучающегося.

3. Культурно-гуманитарная позиция трактует трансформацию как глубинный процесс переосмысления самой миссии образования в обществе: от передачи знаний к формированию личности, способной к моральному выбору, ответственности и участию в жизни гражданского общества. Здесь трансформация связана с гуманизацией образования, усилением воспитательного потенциала школы, адаптацией к социокультурному контексту.

Анализ определении понятия трансформации, представленных в научных и нормативно-правовых источниках, также демонстрируют его многомерность.

Доктором педагогических наук А.Ю. Уваровым под термином «трансформация» понимается «системное и синергичное обновление базовых составляющих образовательного процесса, включая результаты образовательной работы, содержание образования, организацию образовательного процесса, оценивание его результатов» [6].

Зарубежные исследователи акцентируют внимание на том, что трансформация образования включает интеграцию современных цифровых технологий в учебный процесс и управленческие практики.

Так, по мнению Э. Гейбла, трансформационные изменения в образовании следует рассматривать как целенаправленное совершенствование педагогических форм и методов с опорой на новейшие технические средства. Учёный подчёркивает особую значимость цифровизации, охватывающей различные уровни и компоненты образовательной системы [7].

В концепции В.С. Лазарева трансформация образовательной организации понимается как переход от воспроизводящей к развивающей модели, в которой школа становится субъектом собственного проектирования и саморазвития [8].

Таким образом, трансформация образования – это длительный, управляемый, но открытый процесс изменений, охватывающий инфраструктуру, содержание, отношения и ценности в образовании. Для субъектов Российской Федерации, в том числе для Тюменской области, актуальность трансформации заключается в необходимости расширения институционального опыта, обеспечения условий для сетевого взаимодействия и развития методической культуры в новых условиях. Именно в таком контексте следует рассматривать реализацию проекта «Школа Минпросвещения России» как одного из инструментов региональной трансформации общего образования.

В институциональном подходе разработка и реализация проекта «Школа Минпросвещения России» представляют собой значительный шаг в сторону системной трансформации общего образования в Российской Федерации. Для выявления и научного обоснования взаимосвязи между положениями данного проекта и стратегическими задачами, зафиксированными в Плане социально-экономического развития Тюменской области на долгосрочный период до 2034 года мы провели анализ проекта «Школа Минпросвещения России»

с КРП Прогноза развития Тюменской области до 2034 года [9]. На основе сопоставления проекта «Школа Минпросвещения России» (ШМП) и актуального Прогноза социально-экономического развития Тюменской области до 2034 года (в ред. от 24.01.2025), можно сделать вывод о прямой взаимосвязи между федеральной образовательной инициативой и региональными стратегическими ориентирами, выраженными в форме конкретных государственных программ и целевых показателей.

Таблица 1

Сопоставление проекта «Школа Минпросвещения России» с КРП Прогноза развития Тюменской области до 2034 года.

Table 1

Comparison of the project "School of the Ministry of Education of Russia" with the KPI of the Forecast for the Development of the Tyumen Region until 2034.

Направление	Целевой ориентир из Прогноза СЭР Тюменской области	Механизмы реализации проекта ШМП
Равный доступ к качественному образованию	Создание равных условий получения качественного образования для всех обучающихся (90% к 2030 году, п. 21.2)	Унификация стандартов, обязательная самодиагностика школ, устранение различий по территориальному и социальному признаку
Профессиональное развитие педагогов	Охват 100% педагогов повышением уровня профессионального мастерства к 2030 году (п. 21.6)	Каскадная модель ПК, индивидуальные маршруты, методическая поддержка педагогов
Воспитание и вовлечение в общественные объединения	60,7% обучающихся вовлечены в детские общественные объединения к 2030 году (п. 21.4)	Участие в проектах «Орлята России», «Движении первых», создание советов обучающихся, программы патриотического и культурного воспитания
Профорентация	55% обучающихся охвачены профориентацией к 2030 году (п. 21.3)	Профильные классы, профессиональные пробы, календарь профориентации, партнёрство с работодателями и колледжами, вузами
Цифровизация управления	100% цифровой зрелости госуправления к 2030 году (госпрограмма «Развитие информатизации», п. 16.1)	Самодиагностика в цифровом формате, цифровая аналитика, управление на основе данных
Инфраструктура школ	100% школьных зданий с благоустройством к 2030 году (п. 21.7)	Инфраструктура для внеурочной деятельности, инклюзии, безопасности и комфорта
Научно-образовательные инициативы	Создание инфраструктуры для реализации передовых образовательных и научных проектов (п. 21.8)	Наставническая лига, апробация инновационных моделей, стажировочные площадки

В представленной выше таблице мы видим, как целевые показатели Прогноза социально-экономического развития Тюменской области до 2034 года соотносятся с приоритетными направлениями проекта «Школа Минпросвещения России», что в свою очередь демонстрирует высокую степень содержательной и управленческой согласованности между федеральной инициативой и региональной образовательной политикой.

Каждый ключевой индикатор регионального развития находит соответствие в практических механизмах реализации проекта «Школа Минпросвещения России», что свидетельствует о систем-

ном характере трансформационных процессов. Так, целевая установка на обеспечение равного доступа к качественному образованию для 90 % обучающихся обоснованно коррелирует с мерами, направленными на унификацию образовательных стандартов и внедрение обязательной процедуры самодиагностики образовательных организаций. Это не только позволяет выравнивать образовательные условия в городских и сельских школах, но и формирует основу для прозрачного и объективного мониторинга внутренних процессов. Данная взаимосвязь дополняется соответствием между задачами охвата всех педагогов мерами повыше-

ния квалификации и каскадной моделью профессионального развития, внедряемой в рамках проекта, в которой формальное обучение дополняется сопровождением педагогов на практике, что обеспечивает устойчивый перенос полученных знаний в профессиональную деятельность.

Воспитательные и профориентационные ориентиры региона также находят отклик в логике проекта: через интеграцию федеральных движений, таких как «Движение первых» и «Орлята России», а также развитие профильных классов и партнёрств с работодателями формируется расширенное воспитательное пространство и реализуется переход от абстрактной профориентации к практико-ориентированным формам взаимодействия с профессиональной средой.

Особое внимание в проекте уделяется цифровой трансформации школ: цифровая зрелость системы управления образованием обеспечивается не только за счёт автоматизации процессов, но и за счёт внедрения аналитических инструментов, позволяющих использовать данные для прогнозирования рисков и принятия управленческих решений. Это согласуется с региональной задачей достижения стопроцентной цифровой зрелости в системе образования. Совершенствование инфраструктуры, задекларированная в региональном прогнозе как обеспечение 100 % благоустроенных зданий, в рамках проекта «Школа Минпросвещения России» дополняется идеей формирования образовательной среды, где комфорт, безопасность и инклюзивность становятся неотъемлемыми компонентами инфраструктурной политики.

Не менее значимой является и задача формирования научно-образовательных инициатив, на которую проект отвечает поддержкой Наставнической лиги на уровне региона и созданием условий для стажировок и обучения управленческих и педагогических кадров. Таким образом, проект «Школа Минпросвещения России» не только содержательно поддерживает, но и предоставляет конкретные механизмы достижения большинства ключевых индикаторов Прогноза социально-экономического развития Тюменской области. Включение школ региона в реализацию проекта «Школа Минпросвещения России» стало инструментом региональной трансформации системы образования.

Рассмотри подробнее региональные особенности реализации проекта «Школа Минпросвещения» как инструмента трансформации общего образования в Тюменской области.

Результаты и обсуждения

Отличительной чертой региональной политики является активная роль Департамента образования и науки Тюменской области, института развития регионального образования ТОГИРРО, Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников, выступающих в роли методического координатора и ресурсного оператора проекта. Механизмы реализации включают регулярный мониторинг, адресную поддержку муниципалитетов, сетевое взаимодействие школ и распространение лучших практик через институциональную модель наставничества. В каждом муниципалитете есть куратор и составлена дорожная карта сопровождения проекта «Школа Минпросвещения России». При этом регион опирается на принципы вариативности и учета муниципальной специфики, что позволяет гибко адаптировать проектные установки к образовательной реальности разных территорий. Такой подход усиливает эффект от внедрения федеральной инициативы, обеспечивая не механическое воспроизведение, а содержательное преобразование школьной практики в соответствии с локальными условиями и ресурсами. Для координации работы на базе ТОГИРРО проходят заседания РУМО с муниципальными методистами, посвященные участию в проекте школ Тюменской области из всех 26 муниципалитетов. Вопросы реализации проекта обсуждаются на коллегии Департамента образования и науки Тюменской области.

Одним из основных инструментов адресного сопровождения школ на региональном уровне стала самодиагностика общеобразовательных организаций Тюменской области на информационном ресурсе ФГБНУ «ИУО РАО» [10], которая в последующем легла не только в основу региональных и муниципальных дорожных карт, но и разработки программы развития образовательной организации и составление дорожной карты для перехода на необходимый уровень соответствия модели проекта «Школа Минпросвещения России» на уровне школы (табл. 1).

Таблица 2

Результаты самодиагностики образовательных организаций Тюменской области за 3 года.

Table 2

Results of self-diagnosis of educational organizations of the Tyumen region for 3 years.

Год	Количество ОО, прошедших диагностику	Высокий уровень	Средний уровень	Базовый уровень	Ниже базового
2022	177 из 192 (92,18%)	28%	63%	9%	н/д
2023	166 из 186 (89%)	40%	45%	5%	10%
2024 (июнь)	177 из 193 (91,7%)	48%	45%	2,8%	4%
2024 (ноябрь)	187 из 193 (96,4%)	48,6%	48,1%	2,7%	0,5%

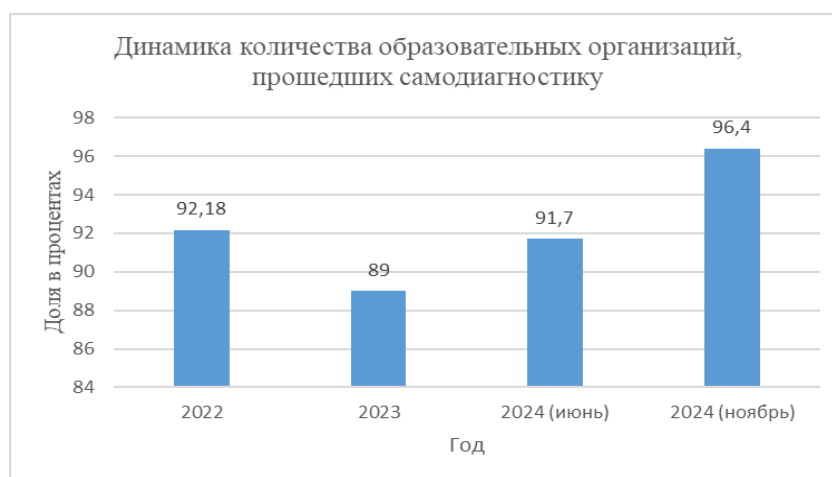

Рис. 1. Динамика количества образовательных организаций, прошедших самодиагностику за три года.

Fig. 1. Dynamics of the number of educational organizations that have undergone self-diagnosis over three years.

Результаты самодиагностики образовательных организаций Тюменской области показали устойчивую положительную динамику как по охвату, так и по качественным результатам. В соответствии с утверждённой нормативной процедурой,

уровень соответствия школ целевой модели определяется через соотношение достигнутых индикаторов к установленным критериям, с ключевым порогом в 80 % для перехода к более высокому уровню.

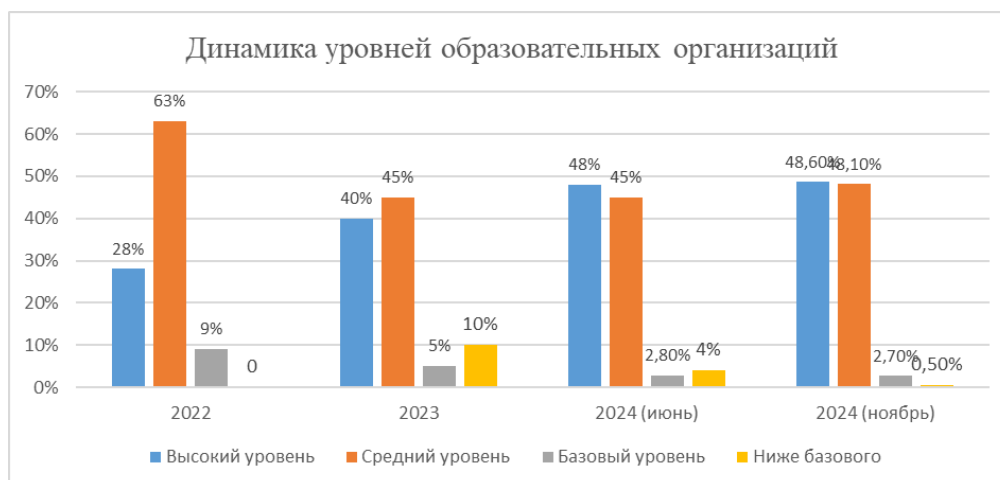

Рис. 2. Динамика уровней образовательных организаций, прошедших самодиагностику за три года.

Fig. 2. Dynamics of the levels of educational organizations that have undergone self-diagnosis over three years.

На старте внедрения проекта в 2022 году процедуру самодиагностики прошли 85 % государственных муниципальных образовательных организаций региона. Из них только 28 % продемонстрировали высокий уровень соответствия модели, тогда как 63 % находились на среднем уровне, а доля школ, не достигших базового уровня, составила 9 %. Это связано с организационно-адаптационными процессами и освоением критериев методологических основ самодиагностики.

В 2023 году доля участников возросла до 89 %, что говорит о вовлечённости в проект образовательных организаций региона. Стоит обратить внимание, что число школ, достигших высокого уровня, увеличилось до 40 %, а показатель «ниже базового уровня» снизился до 10 %. Это указывает на то, что школы стали осмысленно применять аналитические процедуры, фиксировать дефициты, и разрабатывать корректирующие меры в рамках Программ развития.

К середине 2024 года доля прошедших самодиагностику составила уже 90,7%, а к ноябрю – 96,4%, что близко 100% охвату образовательных организаций региона. Количество школ, продемонстрировавших высокий уровень, выросло до 48%, при этом доля школ с базовым уровнем снизилась до 2,7%, а не достигших базового – до 0,5%. Это является прямым следствием включения проектной методологии в управленческую практику образовательных учреждений региона.

Анализ динамики позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, за два года реализации проекта в Тюменской области сформировалась устойчивая инфраструктура организации самодиагностики: автоматизированный цифровой сервис, экспертные группы на базе ЦНППМ ПР ГАОУ ТО ДРО ТОГИРРО для консультационного сопровождения, нормативное-правовое сопровождение на уровне муниципальных методических служб. Во-вторых, произошёл качественный сдвиг от фор-

мального участия к содержательной рефлексии: управленческие команды не просто проходят процедуру, а и используют её результаты для обновления Программ развития и формирования дорожных карт. Это подтверждается почти двукратным ростом доли школ, демонстрирующих высокий уровень соответствия (с 28 % в 2022 до 48,6 % в ноябре 2024). В-третьих, наблюдается устойчивое снижение числа организаций с низким и базовым уровнем, что может свидетельствовать об эффективности методической и управленческой поддержки со стороны муниципальных и региональных координаторов проекта. Важно подчеркнуть, что снижение доли низких результатов происходит не за счёт «формального выравнивания», а за счёт реального повышения качества самоанализа и управленческих решений.

На ряду с положительной динамикой выявлены и затруднения в ходе самодиагностики. Так, на ноябрь 2024 года обозначены проблемы с прохождением диагностики у ряда специфических образовательных организаций Тюменской области: частных школ, вузовских и православной гимназии, физико-математической школы, учреждений закрытого типа. Это свидетельствует о необходимости доработки универсальных методик, адаптированных к разным типам образовательных организаций.

Особого внимания заслуживают данные об уровнях соответствия образовательных организаций модели «Школа Минпросвещения России» в разрезе муниципалитетов. В рамках проведенного анализа на основе официальных данных, представленных в разрезе муниципалитетов, школы классифицированы по четырем уровням соответствия модели: высокий (В), средний (С), базовый (Б), ниже базового (НБ). В ходе работы применены методы сравнительного анализа, локального сопоставления, а также дедуктивной интерпретации изменений в динамике.

Таблица 3

Уровни соответствия образовательных организаций модели «Школа Минпросвещения России» в разрезе муниципалитетов за два года.

Table 3

Levels of compliance of educational organizations with the model “School of the Ministry of Education of Russia” by municipalities over two years.

Муниципалитет	Количество школ, прошедших самодиагностику в 2024 году	2024 В %	2024 С %	2024 Б %	2024 НБ %	Количество школ, прошедших самодиагностику в 2023 году	2023 В %	2023 С %	2023 Б %	2023 НБ %
Абатский	3	33	67	0	0	3	0	33	33	33
Армизонский	2	0	100	0	0	2	0	100	0	0
Аромашевский	1	100	0	0	0	1	0	100	0	0

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Бердюжский	2	100	0	0	0	2	0	50	0	50
Вагайский	6	33	67	0	0	6	33	67	0	0
Викуловский	2	50	50	0	0	2	0	100	0	0
Голышмановский	4	25	75	0	0	4	0	100	0	0
Заводоуковск	6	67	33	0	0	5	80	20	0	0
Исетский	4	75	25	0	0	4	25	50	0	25
Ишимский	4	50	50	0	0	4	0	75	25	0
Казанский	2	50	50	0	0	2	50	0	50	0
Н. Тавдинский	2	50	50	0	0	2	50	50	0	0
Омутинский	3	67	33	0	0	3	33	33	0	33
Сладковский	3	33	67	0	0	3	33	67	0	0
Сорокинский	2	50	50	0	0	2	100	0	0	0
Тобольский	8	38	63	0	0	8	38	63	0	0
Тюменский	24	42	54	0	4	21	29	57	5	10
Уватский	5	40	60	0	0	5	20	60	0	20
Упоровский	5	20	80	0	0	5	20	80	0	0
Юргинский	2	0	100	0	0	1	0	100	0	0
Ялуторовский	4	25	75	0	0	4	25	50	0	25
Ярковский	3	67	33	0	0	3	33	33	0	33
г. Тюмень	58	62	34	3	0	49	53	31	6	10
г. Тобольск	17	35	59	6	0	16	50	38	0	13
г. Ишим	10	40	50	10	0	7	57	43	0	0
г. Ялуторовск	6	67	17	17	0	4	75	25	0	0

Большинство образовательных организаций Тюменской области в 2024 году достигли среднего или высокого уровня соответствия модели ШМП. Например, Абатский район демонстрирует положительную динамику – рост школ с высоким уровнем до 33% и полное исчезновение школ с уровнем ниже базового. В Армизонском, Аромашевском, Бердюжском районах также наблюдается закрепление школ на высоком или среднем уровне. Городские округа (г. Тюмень, г. Тобольск, г. Ишим) показывают расширение охвата: в Тюмени 58 школ прошли самодиагностику (в 2023 – 49), при этом доля школ с высоким уровнем выросла с 53% до 62%, и одновременно снизилось количество школ ниже базового уровня до 0. В Ишиме впервые зафиксированы 10% школ на базовом уровне, что требует отдельного анализа, учитывая снижение доли с высоким уровнем с 57% до 40%. Несмотря на общую положительную динамику, наблюдается сохраняющееся неравенство между муниципалитетами в достижении высокого уровня соответствия. Например, в Голышмановском районе только 25% школ достигли высокого уровня, остальные остались на среднем уровне. Это может быть следствием ограниченных кадровых или методических ресурсов. Анализ мониторинговых данных по самодиагностике образовательных организаций Тюменской области в 2023-2024 годах позволяет сделать вывод о разно-

направленной, но в целом позитивной динамике соответствия модели ШМП. Выявлены муниципалитеты с признаками стагнации и замедленного прогресса, но большинство территорий демонстрируют укрепление позиций в пределах среднего и высокого уровня.

Подводя итог, можно утверждать, что в Тюменской области сформирована эффективная модель реализации самодиагностики как этапа стратегического планирования внутри школ. Результаты 2024 года демонстрируют устойчивое развитие и приближение большинства образовательных организаций к модели «Школы Минпросвещения России», что свидетельствует о системном характере трансформации регионального образования.

Остановимся подробнее на лучших практиках, которые способствовали повышению показателей самодиагностики на региональном уровне в течение трех лет.

Практическая реализация проекта в Тюменской области носит системный, поэтапный характер, обеспеченный высоким уровнем регионального организационного сопровождения. Проект рассматривается как инструмент формирования единого образовательного пространства региона, направленного на повышение качества школьного образования, устойчивость образовательных организаций и выравнивание стартовых возможностей обучающихся. Региональная модель его реализа-

ции базируется на целевом подходе, гибкой координации, горизонтальном взаимодействии школ и постоянном мониторинге результатов.

Система реализации проекта построена на двухуровневой модели: стратегическое руководство осуществляется на уровне региона, а непосредственная реализация и проектирование конкретных мероприятий – в школах-участниках. С 2022 года проект охватил все муниципалитеты Тюменской области, включив как городские, так и сельские школы, в том числе учреждения, прошедшие капитальный ремонт и вновь открывшиеся школы. На первом этапе был обеспечен пилотный вход школ в проект, включая самодиагностику, разработку программ развития и формирование рабочих команд. В 2023 году произошёл масштабный охват – проект охватывает 100% школ региона.

Реализация направлений обеспечивается через систему управленческих и методических механизмов, включая организацию «единых методических дней», тематических консультаций, семинаров-практикумов и стажировок. Например, по направлению «Знание» активно реализуются практики формирования функциональной грамотности, обновления подходов к оцениванию и внедрения учебных модулей инженерного мышления. В рамках направления «Профорientация» налажено взаимодействие с колледжами, вузами и центрами занятости. Региональная система активно использует возможности инновационных площадок и интеграцию педагогических практик в цифровую образовательную среду, что позволяет существенно расширить спектр образовательных маршрутов для обучающихся.

Одним из эффективных региональных методических инструментов трансформации образования является построение дорожной карты внедрения проекта «Школа Минпросвещения России» в сопровождении муниципального и региональных кураторов. Рассмотрим опыт построения и внедрения дорожной карты в МАОУ СОШ № 56 города Тюмени, вступившей в проект в январе 2023 года. Программа развития школы была построена на концепции перехода от образовательной среды как совокупности материально-технических условий к образовательной экосистеме, открытой модели взаимодействия участников образовательного процесса. Это обеспечило не только вертикальное выстраивание управленческих решений, но и горизонтальную интеграцию внешних ресурсов, партнёрств и практик. Ключевой особенностью школы явилось её местоположение в новом жилом массиве с дефицитом учреждений дополнительного образования. Это предопределило приоритет

развития школы как центра образовательной, культурной и социальной активности микрорайона, а также усилило роль семьи как равноправного участника образовательной экосистемы. В основе проектирования дорожной карты реализации модели «Школа Минпросвещения России» были заложены следующие этапы:

- **Диагностико-аналитический этап:** проведение самодиагностики с определением текущего уровня соответствия модели ШМПР, проведение SWOT- и PEST-анализа для оценки внешних и внутренних условий с муниципальным куратором.

- **Проектировочный этап:** выбор стратегической модели «Школа полного дня», определение управленческого трека, формализация целей и ожидаемых результатов, разработка индикаторов совместно с муниципальным куратором.

- **Организационно-деятельностный этап:** формирование проектных групп, планирование этапов реализации, определение механизмов координации и контроля, обучение управленческой и педагогической команды в формате методического абонемента на базе регионального координатора ГАОУ ТО ДПО ТОГИРРО ЦНППМ ПР.

- **Мониторинг:** разработка системы показателей эффективности, включение механизмов обратной связи в том числе от муниципального и регионального кураторов, экспертиза промежуточных результатов, регулярная корректировка на основе мониторинговых данных.

- **Ресурсно-средовой блок:** проектирование цифровой и предметно-пространственной среды.

Дорожная карта была построена во 8 направлений проекта, охватывающие как урочную, так и внеурочную деятельность. Координация реализации программы развития на уровне школы осуществлялась через проектные группы с участием муниципального и регионального кураторов, администрации, педагогов, родителей, социальных партнёров и обучающихся. Управленческая логика включала совместное стратегическое планирование, делегирование полномочий, межуровневый контроль, публичную отчетность и ежегодный мониторинг. Школа обеспечила открытость процессов через регулярную экспертизу на заседаниях регионального учебно-методического объединения, педагогического совета, управляющего совета и родительского сообщества. Программа развития школы была апробирована и представлена на стажировочной площадке в рамках региональных курсов повышения квалификации. Обоснованность и системность реализуемых подходов позволяют рассматривать опыт МАОУ СОШ № 56 города Тюмени как универсальный алгоритм проектирования дорожной карты реализации модели

ШМПР, применимый в условиях других муниципальных образовательных систем.

Еще одним из эффективных региональных методических инструментов реализации трансформации образования через проект «Школа Минпросвещения России» является повышение квалификации педагогов в формате методического абонемента. Программа обучения выстраивается совместно со школой, муниципалитетом и ЦНППМ ПР. Методический абонемент выступает уникальным для региональной системы образования инструментом развития профессионального мастерства педагога. Он обеспечивает обучение на рабочем месте («корпоративное обучение») и охватывает единством целей и содержания работы весь педагогический коллектив, обеспечивая целостное и единое понимание направлений развития, актуализируя педагогический опыт каждого педагога и всего коллектива. Повышению квалификации педагогических коллективов в форме «методического абонемента» образовательных организаций –

это адресная форма повышения квалификации педагогического коллектива всей школы, основанная на выявлении профессиональных потребностей и направленная на достижение нового качества образовательных результатов.

Программа курсов повышения квалификации для управленческой команды «Организация деятельности школьной команды в обновленной образовательной среде» рассчитана на 36 часов и включает изучение организации проектного управления для создания единого образовательного пространства на основе выявленных «дефицитов» самодиагностики школы, межсессионную работу команд, итоговую аттестацию, разработку управленческого проекта в условиях в обновленной образовательной среде, направленной на повышение качества образования, разработку дорожной карты школы. Муниципальные кураторы проекта «Школа Минпросвещения» включают сопровождение школ в дорожные карты на муниципальном уровне.

Таблица 4

Количество педагогических и управленческих кадров, обученных в формате методического абонемента.

Table 4

Number of teaching and management staff trained in the methodological subscription format.

Год	Количество педагогических и управленческих кадров
2022	135
2023	43
2024	202
2025	304

Рис. 3. Динамика количества педагогических и управленческих кадров, обученных в формате методического абонемента.

Fig. 3. Dynamics of the number of teaching and management personnel trained in the methodological subscription format.

Программа курсов повышения квалификации для учителей «Организация деятельности педагогов в обновленной образовательной среде» рассчитана на 36 часов и включает изучение организации деятельности педагога в обновленной образовательной среде в рамках проекта «Школа Мин-

просвещения», техносферы современной школы: от обновления инфраструктуры к повышению качества образования, методику работы вовлечения обучающихся и родителей по созданию единого образовательного пространства школы, итоговую аттестацию. В ходе программы педагоги разраба-

тывают образовательные проекты в условиях в обновленной образовательной среды, направленной на повышение качества образования и защищают их на проектной сессии.

Обучение управленческих и педагогических команд так же проходит через участие в стажировочных практиках УМах на базе школ высокого уровня по 8 направлениям проекта «Школа Минпросвещения». В ходе обучения для каждой образовательной организации организована индивидуальная методическая консультационно-сопровождаящая поддержка.

Так, в контексте методического абонементa, направленного на поддержку управленческих и педагогических команд в условиях внедрения модели «Школа Минпросвещения России», сотрудниками отделения Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников в городе Ишиме была организована обучающая сессия для коллектива МАОУ «Ишимская школа-интернат». В рамках реализации модели «Школа Минпросвещения России» важную роль играет методическое сопровождение педагогических коллективов, обеспечивающее содержательную и организационную готовность к внедрению проектных направлений. В марте 2024 года на базе Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников в городе Ишиме состоялась обучающая сессия для команды МАОУ «Ишимская школа-интернат». Основное внимание в рамках программы было сосредоточено на осмыслении понятий «образовательная среда» и «образовательное пространство» в контексте модели «Школа Минпросвещения России», а также на анализе критериев самодиагностики как инструмента выявления дефицитов и актуализации программы развития образовательной организации. Практическая часть сессии включала стажировку на базе МАОУ СОШ № 4 г. Ишима - школы-новостройки, включённой в проект с 2023 года. Педагогический коллектив ознакомился с пространственно-средовыми решениями, обеспечивающими формирование единого образовательного пространства, а также с практиками реализации направления «Творчество», включая деятельность исследовательских лабораторий и участие обучающихся в программе «Шаг в будущее».

Деятельность Наставнической лиги проекта «Школа Минпросвещения России» на региональном уровне представляет собой эффективный инструмент трансформации регионального образования. Школы-лидеры проекта являются кураторами школ с низкими образовательными результатами в регионе. Таким образом региональное со-

бразование в рамках федерального проекта «Школа Минпросвещения России» получает значимый ресурс через деятельность Наставнической лиги, которая выступает в роли института тиражирования лучших педагогических и управленческих практик в Тюменской области.

Показательным примером эффективного функционирования данного механизма является деятельность МАОУ СОШ № 37 города Тюмени, включённой в состав Наставнической лиги в 2024 году. Образовательная организация была определена в качестве стажировочной площадки для специалистов муниципальных и региональных уровней: методистов, заместителей руководителей по методической работе, руководителей школьных методических объединений, а также методистов, сопровождающих школы с низкими образовательными результатами. Так, в 2024 году на базе МАОУ СОШ № 37 были организованы коуч-сессии для команд четырёх школ Упоровского района. Целью мероприятий являлось профессиональное сопровождение разработок по преодолению дефицитов, выявленных в процессе самодиагностики школ. В рамках сессий, совместно с экспертами-наставниками, для каждой школы была выработана индивидуальная дорожная карта с конкретными шагами и целевыми ориентирами. Также в рамках реализуемых мероприятий в течение года управленческая команда МАОУ СОШ № 37 города Тюмени представила систематизированный опыт методического сопровождения педагогов через деятельность клуба профессионального взаимодействия «Единомысленники» для педагогов и заместителей руководителей по методической работе в ШНОР. Особое внимание при работе с данной категорией школ было уделено вопросам самоанализа и методической экспертизы урока. Результаты такого наставнического взаимодействия получили дальнейшее развитие и институционализацию. В частности, региональный фестиваль методических разработок «Формула качества: эффективные решения в образовании», организованный Тюменским областным государственным институтом регионального развития образования, стал открытой площадкой демонстрации успешных практик, возникших в ходе стажировок и коуч-сессий. Представленные материалы подтвердили эффективность выбранных форматов взаимодействия в рамках Наставнической лиги как действенного инструмента формирования единых профессиональных ориентиров и развития внутришкольной методической культуры.

Выводы

Реализация проекта «Школа Минпросвещения России» в Тюменской области демонстрирует вы-

сокую степень интеграции федеральных управленческих и содержательных ориентиров в региональную образовательную политику. Представленные в статье результаты комплексного анализа подтверждают, что региональная модель сопровождения школ строится на принципах системности, адресности и научно обоснованного управления изменениями. Актуальные практики самодиагностики, проектирования программ развития, методического сопровождения и наставничества обеспечивают устойчивый рост качества образовательных процессов и соответствие образовательных организаций целевой модели.

Автором предложен ряд прикладных инструментов, обладающих потенциалом тиражирования в широкую образовательную практику. В частности, алгоритм построения дорожной карты развития школы на основе результатов самодиагностики может быть использован как управленческий механизм точечной коррекции и стратегического планирования на уровне ОО. Разработанная табличная модель муниципального сопоставления динамики уровней соответствия позволяет оценивать эффективность локальных управленческих решений, а также осуществлять мониторинг образовательной среды в разрезе территорий. Представлен также метод институционального наставничества, реализуемый через деятельность Наставнической лиги, в рамках которого транслируются передовые педагогические практики от школ-лидеров к школам с низкими результатами в формате стажировок и тьюторского сопровождения.

В ходе исследования обоснована необходимость рассмотрения самодиагностики как управленческого ресурса, позволяющего не только фиксировать текущее состояние, но и проектировать индивидуальные траектории развития школ. Подчёркнуто значение интеграции ресурсов регионального института развития образования, вузов и методических объединений для формирования единой среды профессионального роста педагогов.

Проведённое исследование позволило выявить ключевые особенности региональной реализации проекта «Школа Минпросвещения России» в Тюменской области, рассматриваемой как форма системной трансформации общего образования.

Таким образом, можно утверждать, что проект «Школа Минпросвещения России» в условиях Тюменской области выступает не только инструментом выравнивания образовательных возможностей, но и стимулирует трансформацию системы образования на уровне региона. Полученные результаты и обобщённый опыт могут быть использованы в других субъектах Российской Федерации для регионального сопровождения школ в условиях трансформации общего образования.

Перспективой дальнейшей научной работы представляется анализ влияния реализации проекта на образовательные результаты учащихся, в том числе с использованием методов лонгитюдного анализа и корреляционного сопоставления уровней реализации модели и динамики учебных достижений.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 01.05.2024 г.) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Российской Федерации.. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 26.03.2025)
2. Лопанова Е.В. Трансформация образования как социокультурный потенциал развития общества. Международная научно-практическая конференция; 28-29 февраля 2024 года: сборник статей в 2 частях. Ч. 1. Омск: Изд-во ОмГА. 2024. 248 с.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: ок. 25000 слов и словосочетаний. М.: Рус. яз., 1998. 846 с.
4. Стратегия развития образования в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180598/ (дата обращения: 28.03.2025)
5. Паспорт национального проекта «Образование» (ред. 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: Минпросвещения РФ. <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 28.03.2025)
6. Уваров А.Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2018. 168 с.
7. Аганбегян А.Г. О приоритетном развитии сферы «экономики знаний» // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 15 – 23.
8. Лазарев В.С. Концепция новой модели развивающего школьного образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2008. № 1. С. 13 – 18.

9. Постановление Правительства Тюменской области от 24 января 2025 г. (с изменениями): Об утверждении Прогноза социально-экономического развития Тюменской области на долгосрочный период до 2034 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/411357063/> (дата обращения: 31.03.2025)

10. Министерство просвещения Российской Федерации. ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования». Методические рекомендации по реализации проекта «Школа Минпросвещения России». М., 2022. 49 с.

References

1. On Education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ (as amended on May 1, 2024) [Electronic resource]. Collection of Legislation of the Russian Federation. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 03.26.2025)

2. Lopanova E.V. Transformation of Education as a Sociocultural Potential for Society Development. International Scientific and Practical Conference; February 28-29, 2024: collection of articles in 2 parts. Part 1. Omsk: OmskGA Publishing House. 2024. 248 p.

3. Krysin L.P. Explanatory Dictionary of Foreign Language Words: approx. 25,000 words and phrases. Moscow: Rus. lang., 1998. 846 p.

4. Strategy for the Development of Education in the Russian Federation through 2025: approved by the RF Government Order of 29.05.2015 No. 996-r. [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180598/ (date of access: 28.03.2025)

5. Passport of the national project "Education" (as amended in 2023) [Electronic resource]. URL: Ministry of Education of the Russian Federation. <https://edu.gov.ru/national-project/> (accessed on 28.03.2025)

6. Uvarov A.Yu. Education in the World of Digital Technologies: Towards Digital Transformation. Moscow: Publ. HSE House, 2018. 168 p.

7. Aganbegyan A.G. On the priority development of the "knowledge economy" sphere. Economic revival of Russia. 2021. No. 1 (67). P. 15 – 23.

8. Lazarev V.S. The concept of a new model of developing school education. Innovative projects and programs in education. 2008. No. 1. P. 13 – 18.

9. Resolution of the Government of the Tyumen Region of January 24, 2025 (as amended): On approval of the Forecast of socio-economic development of the Tyumen Region for the long-term period until 2034. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/411357063/> (date of access: 03.31.2025)

10. Ministry of Education of the Russian Federation. Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Education Management of the Russian Academy of Education". Methodological recommendations for the implementation of the project "School of the Ministry of Education of Russia". Moscow, 2022. 49 p.

Информация об авторе

Губарь Л.Р., начальник Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников, Тюменский областной государственный институт развития регионального образования, L.gubar@togirro.ru

© Губарь Л.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 37.01

Медико-педагогическое обоснование педагогической стратегии и методик проведения занятий со студентами специальной медицинской группы

¹ Евдокимов И.М.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: настоящая статья посвящена научно-обоснованному изложению методологических подходов к проведению учебных занятий среди студентов, отнесенных к специальной медицинской группе здоровья. Автором детально рассматривается концепция лечебной физической культуры (ЛФК), выделяются её ключевые характеристики и обосновывается значимость внедрения указанной методики для улучшения состояния здоровья обучающихся [5]. Помимо прочего, в работе проанализированы основные препятствия, возникающие при реализации программы ЛФК, включая низкий уровень мотивации учащихся, ограниченность временных ресурсов аудиторных занятий и организационные сложности группового формата мероприятий. Однако несмотря на обозначенные трудности, автор подчеркивает первостепенную роль лечебной физкультуры в укреплении физического здоровья и психоэмоционального благополучия студенческой молодежи.

Ключевые слова: студенты с ограниченными возможностями, исследование, здоровье, педагогические технологии, физическая культура, физическая активность, физическое воспитание

Для цитирования: Евдокимов И.М. Медико-педагогическое обоснование педагогической стратегии и методик проведения занятий со студентами специальной медицинской группы // Современный ученый. 2025. № 9. С. 326 – 331.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Medical and pedagogical substantiation of the pedagogical strategy and methods of conducting classes with students of a special medical group

¹ Evdokimov I.M.

¹ St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: this article is devoted to a scientifically based presentation of methodological approaches to conducting training sessions among students assigned to a special medical health group. The author examines in detail the concept of therapeutic physical culture (TPC), highlights its key characteristics and substantiates the importance of introducing this technique to improve the health of students. Among other things, the paper analyzes the main obstacles encountered in the implementation of the physical therapy program, including the low level of motivation of students, the limited time resources of classroom classes and the organizational difficulties of the group format of

events. However, despite these difficulties, the author emphasizes the primary role of physical therapy in strengthening the physical health and psycho-emotional well-being of students.

Keywords: students with disabilities, research, health, educational technologies, physical education, physical activity, physical education

For citation: Evdokimov I.M. Medical and pedagogical substantiation of the pedagogical strategy and methods of conducting classes with students of a special medical group. Modern Scientist. 2025. 9. P. 326 – 331.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 21, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Современная социальная динамика накладывает значительные физиологические и психологические нагрузки на студентов, обусловленные необходимостью совмещать обучение, трудоустройство и межличностное взаимодействие [1]. Данные обстоятельства часто приводят к развитию хронического стресса и эмоциональному выгоранию, негативно отражаясь на состоянии здоровья молодых людей. В этой связи внедрение специальной медицинской группы (МСГ) приобретает особую значимость как средство улучшения физического благополучия и стабилизации психоэмоционального статуса студента [4].

Медицинская специальная группа представляет собой научно обоснованный комплекс двигательной активности, направленный на профилактику заболеваний, повышение уровня функциональности организма и общее укрепление здоровья. Важнейшие эффекты МСГ включают оптимизацию обмена веществ, развитие мышечной системы, улучшение суставной подвижности, нормализацию кровообращения и дыхательной функции, а также положительное воздействие на психическое здоровье [9]. Занятия в МСГ способствуют улучшению самочувствия, повышению энергетического потенциала и работоспособности студентов. Кроме того, регулярные физические упражнения стимулируют выработку эндорфинов – гормонов, обладающих антидепрессантным действием, способствующих снижению уровня тревоги и депрессии [3].

Немаловажна и социальная составляющая групповых форматов МСГ, позволяющая развивать коммуникативные навыки и способствовать социальной интеграции учащихся. Интеграция мероприятий МСГ в учебный процесс университетов имеет потенциал снизить заболеваемость среди студентов, уменьшить экономические затраты на медицинскую помощь и повысить академическую успешность путем оптимизации когнитивных функций и устойчивости к стрессу [6].

Предварительный медицинский осмотр должен являться обязательной процедурой перед началом

занятий в МСГ для определения допустимых нагрузок и предотвращения риска осложнений [2].

Материалы и методы исследований

В работе применялся многогранный методологический инструментарий, сочетающий общие научные принципы анализа, синтеза, обобщения и формальной логики с особенностями, характерными для педагогических исследований. Среди последних – пассивное наблюдение, при котором исключается любое воздействие со стороны исследователя, и описательно-аналитический метод. Данное сочетание подходов обеспечило полноту и беспристрастность полученных данных, позволило определить основные элементы рассматриваемой темы и сформулировать действенные предложения по её разрешению. Задача данной работы – всестороннее рассмотрение воздействия физической активности при проведении занятий с студентами специальной медицинской группы, направленное на подготовку специалистов, способных успешно работать в профессиональной и общественной сферах.

Результаты и обсуждения

Исследование проводилось среди студентов, отнесенных к специальной медицинской группе вследствие медицинских показаний. Для проверки действенности новой методики физического воспитания была создана экспериментальная группа, состоящая из двух подгрупп, в каждой из которых насчитывалось от 10 до 15 участников. Подгруппы формировались в зависимости от курса: одна включала первокурсников, другая – студентов второго и третьего курсов. Занятия проводились еженедельно по одному разу в неделю согласно установленному учебному расписанию.

Контрольная группа также состояла из студентов специальной медицинской группы, но их физические упражнения выполнялись вместе с остальными обучающимися. Такой метод затруднял возможность индивидуальной работы со студентами, имеющими проблемы со здоровьем, поскольку усложнялось определение подходящих нагрузок и упражнений.

Оценка прогресса в тренировках осуществлялась путем анализа изменений в антропометрических данных, уровне физической готовности и работе сердечно-сосудистой системы. Показатели физического развития измерялись по следующим параметрам: броски теннисного мяча в мишень, эластичность тела (гибкость), силовая выносливость мышц пресса, прыжки в длину с места.

Кроме того, состояние сердечно-сосудистой системы участников исследования оценивалось посредством медицинского обследования и педагогического наблюдения в начале и в конце учебного года.

Следовательно, разработанная методика предполагала учет медицинских особенностей, возраста и уровня физической подготовки студентов для

улучшения учебно-тренировочного процесса и обеспечения оптимальной адаптации организма.

Выбор видов занятий и используемых методов физической культуры определялся оценкой состояния здоровья и особенностей физического развития студентов. Наиболее распространенными проблемами были заболевания сердца и сосудов, болезни органов дыхания, деформации позвоночника (сколиоз), а также избыточный вес (ожирение). Менее часто встречались отклонения в работе, пищеварительной и нервной системой, а также проблемы со зрением. Характер и степени отклонений в состоянии здоровья и физическом развитии занимающихся представлены в таблице в табл. 1.

Таблица 1

Характер и степени отклонений в состоянии здоровья и физическом развитии занимающихся.

Table 1

The nature and degree of deviations in the health and physical development of those involved.

Диагнозы					
Заболевания сердца и сосудов	болезни органов дыхания	деформации позвоночника (сколиоз)	избыточный вес (ожирение)	Пищеварительной и нервной системах	Заболевания органов зрения
32.8%	20,2%	18%	15%	9%	5%

Помимо признаков болезней, наблюдались ограничения в двигательной активности, вызванные недостатком физической нагрузки. Это выражалось в снижении функциональных возможностей организма, таких как объем вдыхаемого воздуха, подвижность суставов и сила мышц. Кроме того, результаты контрольных упражнений указывали на невысокий уровень общей физической подготовленности. В большинстве случаев, образ жизни студентов отличался отсутствием систематических физических упражнений и минимальной физической активностью.

Исследования продемонстрировали важность учёта особенностей образовательного процесса, ориентированного на совершенствование приспособления сердечно-сосудистой системы студентов к физическим нагрузкам с помощью тщательно отобранных упражнений. В рамках программы использовались комплексы корректирующих упражнений, элементы закаливания и различные виды физической активности, нацеленные на общее оздоровление и повышение резервных возможностей организма.

Задачи занятий заключались в улучшении самочувствия учащихся, повышении уровня общей физической подготовленности, развитии ключевых физических качеств и освоении базовых двигательных умений. Для реализации этих задач ши-

роко применялись приёмы и средства базовой гимнастики: общеразвивающие упражнения: выполнялись без оборудования и с использованием спортивного инвентаря (гимнастические палки, мячи разного размера, теннисные мячи, небольшие гантели, скакалки, обручи).

Упражнения с метанием: осуществлялись в виде бросков мяча по цели и на точность.

Подвижные игры: включали элементы акробатики (перемещения по гимнастическим скамьям).

Также большое внимание уделялось активным групповым играм, направленным на подготовку к популярным видам спорта («подводящие» игры к волейболу, баскетболу, бадминтону), что способствовало всестороннему физическому развитию учащихся и формированию устойчивого желания регулярно заниматься спортом.

В педагогической работе чаще всего применялись комбинированные занятия, в то время как занятия, полностью посвященные гимнастике или играм, проводились гораздо реже. Разнообразные методы обучения помогали пробудить у студентов интерес к занятиям, сделать их более эмоциональными и уменьшить усталость. Обычно учебная нагрузка составляла 70-80%, что объяснялось использованием групповых занятий и последовательным выполнением упражнений.

Учитывая недостаточную физическую подготовку и ограниченные возможности студентов с особыми медицинскими рекомендациями, время разминки и подготовки увеличивалось (до 20-25 минут). Кроме того, во время интенсивных занятий нагрузка регулировалась за счет замедления темпа, уменьшения дистанций, использования более легкого инвентаря и включения упражнений с минимальной нагрузкой. Это позволяло поддерживать умеренную интенсивность без серьезного воздействия на работу сердца, легких и других жизненно важных органов.

Когда требовалось значительно увеличить интенсивность движений при выполнении упражнений, активно использовались соревновательные

элементы, особенно в подвижных играх, интегрированных в учебный процесс.

Многочисленные исследования доказывают, что систематические занятия физической культурой положительно сказываются на здоровье, физической форме и общем развитии студентов, что свидетельствует об эффективности выбранных методик обучения, тщательно спланированной структуре занятий и применяемых упражнений [8].

В ходе экспериментов зафиксировано значительное повышение ключевых физических характеристик, важных для повседневной активности, включая силу, быстроту, выносливость, ловкость. (детали анализа представлены на рис. 1).

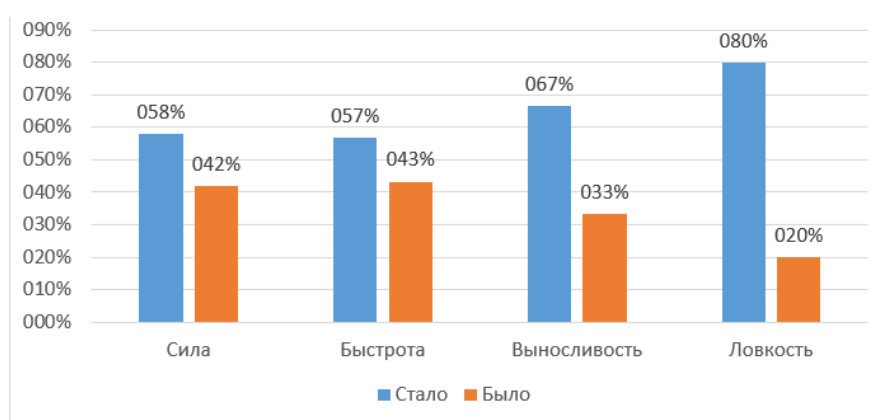

Рис. 1. Повышение физических характеристик, имеющую важную роль в повседневной активности студентов.

Fig. 1. Improving physical performance, which plays an important role in students' daily activities.

Повышение физической работоспособности отражается в увеличении возможности студентов выдерживать большие объемы работы во время занятий. Если в самом начале учебного периода они могли выполнять упражнения в течение 15-20 минут при умеренной интенсивности, то к завершению года они стали способны к 30-40 минутной нагрузке с краткими перерывами на небольшой отдых.

Сочетание физической активности и труда оказывало заметное влияние на образовательный процесс. Студенты начинали лучше понимать свою роль в обществе [7].

Параллельно наблюдалось благоприятное воздействие на физическое развитие и общую физическую готовность испытуемых. Наиболее заметные улучшения проявились в работе внутренних органов.

Зафиксировано, что реакция сердечно-сосудистой системы на стандартные физические упражнения стала более эффективной. Это выразилось в повышении стабильности сердечного

ритма, сокращении времени, необходимого для восстановления сил, и небольшом снижении пульса в состоянии покоя.

Сравнительный анализ изменений в физическом состоянии между экспериментальной и контрольной группами показал, что увеличение показателей роста и веса при занятиях физической культурой в специальных медицинских группах значительно превышало изменения в контрольной группе. Кроме того, было зафиксировано сокращение числа пропущенных занятий по причине болезни и улучшение показателей функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы.

Один из признаков возросшей мотивации к занятиям в специальной медицинской группе заключался в том, что многие студенты по собственной инициативе продолжали самостоятельные занятия во время зимних и весенних каникул в домашних условиях.

Выводы

Проведенное исследование указывает на то, что подобная структура учебных занятий позволяет

наиболее эффективно подбирать методики и инструменты, что положительно сказывается на оздоровлении студентов в процессе обучения.

Изучение выявило разную степень воздействия специальных медицинских групп на развитие двигательных навыков у студентов. Собранные сведения доказывают необходимость разработки индивидуальных планов учебных занятий, что позволит более результативно совершенствовать физические характеристики будущих специалистов в соответствии с целями образовательных программ.

Результаты проведенного анкетирования среди студентов показали, что специализированные занятия оказывают благоприятное влияние не только на физическое здоровье учащихся, но и на их эмоциональное состояние, что говорит о необходимости и целесообразности включения специальной медицинской группы в образовательный процесс. Поэтому, учитывая её преимущества перед занятиями в смешанных группах, рекомендуется внедрять именно такой формат.

Список источников

1. Евдокимов И.М., Живодеров А.В. Особенности организации и методики физического воспитания студентов с отклонением здоровья // Сборник трудов, Научная сессия ГУАП: Сборник докладов Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. Санкт-Петербург, 2024. С. 160 – 161.
2. Головина Е.А., Гуренко Ю.В., Томашевская О.Б., Романов С.С. Оценка физического состояния студентов первого курса // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт, 2020. Вып. 9. С. 14 – 20.
3. Галлямова О.Н. Внедрение ЛФК в учебный процесс при обучении студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-1. С. 105 – 107.
4. Евдокимов И.М., Живодеров А.В., Живодеров В.А. Оценка функционального состояния студентов инженерных вузов при проведении занятий по физической культуре // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2022. № 6 (208). С. 135 – 138.
5. Беляев В.В., Симонова И.М. Физическая культура как средство профилактики здоровья человека в экологических условиях // Развитие физической культуры и спорта на Северо-Востоке России. 2017. С. 151 – 156.
6. Ильина Н.С., Симонова И.М., Мишнева С.Д., Степин Г.В. Влияние занятий физической культурой в вузе на профилактику заболеваний органов зрения // Актуальные вопросы и перспективы развития физического воспитания, спорта в вузах. 2023. С. 87 – 91.
7. Копейкина Е.Н. Двигательная активность студентов различных медицинских групп здоровья в суточном, недельном и месячном цикле // Человеческий капитал. 2023. № 7 (175). С. 238 – 244.
8. Соколов Д.М., Мишнева С.Д. Спорт и физическая культура как факторы социализации студентов // Физическая культура и спорт в системе профессионального образования: опыт и инновационные технологии физического воспитания. 2018. С. 154 – 157.
9. Бондин В.И., Федотова О.Д., Пономарева И.А., Мареев В.И. Особенности интеграции образования в сфере оздоровительной физической культуры студентов на современном этапе научного знания // Теория и практика физической культуры. 2022. № 10. 71 с.

References

1. Evdokimov I.M., Zhivoderov A.V. Features of the organization and methods of physical education of students with health problems. Collection of works, Scientific session of GUAP: Collection of reports of the Scientific session dedicated to the World Aviation and Cosmonautics Day. St. Petersburg, 2024. P. 160 – 161.
2. Golovina E.A., Gurenko Yu.V., Tomashevskaya O.B., Romanov S.S. Assessment of the physical condition of first-year students. Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport, 2020. Issue. 9. P. 14 – 20.
3. Galliamova O.N. Implementation of exercise therapy in the educational process when teaching students. Problems of modern pedagogical education. 2024. No. 85-1. P. 105 – 107.
4. Evdokimov I.M., Zhivoderov A.V., Zhivoderov V.A. Assessment of the functional state of students of engineering universities during physical education classes. Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2022. No. 6 (208). P. 135 – 138.
5. Belyaev V.V., Simonova I.M. Physical education as a means of preventing human health in environmental conditions. Development of physical education and sports in the North-East of Russia. 2017. P. 151 – 156.
6. Ilyina N.S., Simonova I.M., Mishneva S.D., Stepin G.V. The influence of physical education classes at the university on the prevention of diseases of the organs of vision. Current issues and prospects for the development of physical education, sports in universities. 2023. P. 87 – 91.

7. Kopeikina E.N. Physical activity of students of various medical health groups in daily, weekly and monthly cycles. Human capital. 2023. No. 7 (175). P. 238 – 244.

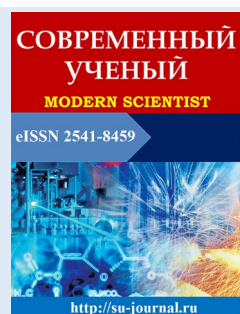
8. Sokolov D.M., Mishneva S.D. Sports and physical education as factors of students' socialization. Physical education and sports in the system of professional education: experience and innovative technologies of physical education. 2018. P. 154 – 157.

9. Bondin V.I., Fedotova O.D., Ponomareva I.A., Mareev V.I. Features of the integration of education in the field of health-improving physical education of students at the present stage of scientific knowledge. Theory and practice of physical education. 2022. No. 10. 71 p.

Информация об авторе

Евдокимов И.М., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1148-1180>, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 190000, г. Санкт-Петербург, Большая Морская улица, дом 67, литера А evdokimov-ivan@mail.ru

© Евдокимов И.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.1:81-11

Использование междисциплинарного подхода при формировании духовно-нравственных ценностей у студенческой молодежи (на примере категории милосердие)

¹ Корниенко Е.Р.

¹ Северный государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация: статья посвящена актуальной теме формирования духовно-нравственных ценностей; предложен подход к реализации Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в образовательной системе университета. Важным аспектом в приобщении молодежи к духовно-нравственным ценностям является их осмысление и принятие. На примере категории милосердие изложен механизм осмысления ценностей с использованием междисциплинарного подхода; применяются философский, педагогический, лингвокультурный аспекты. Проблема изучения сущности феномена и концепта милосердие решена посредством рассмотрения их отдельных аспектов через совокупность линейных характеристик; что позволило установить адекватное интегративное понятие традиционной российской ценности милосердие. Наличие взаимосвязанных форм осмысления ценности детерминировали оформление скрипта трансляции духовно-нравственных ценностей. Определен способ трансляции духовно-нравственных ценностей. В качестве примера предложен анализ лингвокультурного концепта милосердие, где использован словарный материал, в частности статьи толковых словарей, паремийное пространство концепта. Материалом для трансляции также послужил художественный текст; приведен пример исследования концепта в творчестве М. Горького. Анализ языкового материала позволил проиллюстрировать ценностный компонент концепта милосердие. Сделан вывод о значимости проблемы осмысления и трансляции духовно-нравственных ценностей; значение исследования видится в создании механизма их формирования у студенческой молодежи. Материалы статьи могут быть использованы в воспитательной работе в вузах, средних профессиональных учебных заведениях и школах.

Ключевые слова: система образования, духовно-нравственные ценности, милосердие, феномен, язык, языковая картина мира, концепт, трансляция ценностей

Для цитирования: Корниенко Е.Р. Использование междисциплинарного подхода при формировании духовно-нравственных ценностей у студенческой молодежи (на примере категории милосердие) // Современный ученый. 2025. № 9. С. 332 – 339.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The use of the interdisciplinary approach in the formation of spiritual and moral values in student youth (using the category of charity as an example)

¹ Kornienko E.R.

¹ Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation

Abstract: the article is devoted to the relevant topic of the formation of spiritual and moral values; an approach to the implementation of the Decree of the President of the Russian Federation "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" in the educational system of the university is proposed. An important aspect in involving young people to spiritual and moral values is their understanding and acceptance. The example of the category of charity is used to describe the mechanism of understanding values using an interdisciplinary approach; philosophical, pedagogical, and linguacultural aspects are applied. The problem of studying the essence of the phenomenon and concept of charity is solved by examining their individual aspects through a set of linear characteristics; which made it possible to establish an adequate integrative concept of the traditional Russian value of charity. The presence of interrelated forms of understanding the value determined the design of the script for transmitting spiritual and moral values. The method for transmitting spiritual and moral values is determined. The article uses vocabulary material, in particular, entries from explanatory dictionaries, and the paroemic space of the concept. The material for the translation also includes a literary text; an example of a study of the concept in the works of M. Gorky is given. The analysis of the language material allowed us to illustrate the value component of the concept of charity. A conclusion was made about the significance of the problem of understanding and transmitting spiritual and moral values; the significance of the study is seen in creating a mechanism for their formation among student youth. The materials of the article can be used in educational work in universities, secondary vocational educational institutions, and schools.

Keywords: education system, spiritual and moral values, charity, phenomenon, language, linguistic picture of the world, concept, transmission of values

For citation: Kornienko E.R. The use of the interdisciplinary approach in the formation of spiritual and moral values in student youth (using the category of charity as an example). Modern Scientist. 2025. 9. P. 332 – 339.

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 22, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В российском обществе уже представлена система духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»), основанных на исторических традициях русского народа [11]. Ее актуализация обусловлена неопределенностью трактовок и смыслового наполнения ценностей. Трансляция ценностей в обществе в целом, в частности в системе российского образования, носит стихийный, подчас эпизодический, характер. Отягощает данную ситуацию еще непреодоленная до конца ценностная аномия в социуме.

Нельзя оставить без внимания такие константы как культура и язык. Выдающийся культуролог Д. С. Лихачев компонентами культуры определял «образование, нравственные и моральные нормы поведения людей» [3, с. 22] и указывал, что «язык

нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации» [3, с. 251]. Следует признать, что погружение молодежи в культурное и языковое пространство, то есть приобщение их к основам культуры, не сводящимся к посещению театра или музея; к правильному русскому языку со знанием русской фразеологии и исключением из речи излишних англицизмов и обценной лексики также является актуальной проблемой в современном обществе и образовании.

В контексте указанной проблематики видится важным рассмотреть вопросы формирования личности в образовательном, в то же время социокультурном, пространстве и определить подходы к решению задачи интериоризации традиционных российских духовно-нравственных ценностей, связанной с развитием сознания и мышления молодого поколения.

Итак, укрепление традиционных ценностей как основы нового российского мировоззрения и фор-

мирование этнической идентификации, то есть приобщение к национальной культуре, детерминируют поиск способов практического внедрения положений Указа Президента № 809 в системе образования. Вектор решения проблем и задач видится нам в обращении к таким номинациям, как аксиологические константы, национальная и языковая картины мира, лингвокультура, концептуализация мира, концептосфера.

Для выработки междисциплинарного единого подхода к приобщению студенческой молодежи к традиционным ценностям в настоящем исследовании обратимся к одной из всей системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей – милосердие. Исходя из этого, целью статьи является всестороннее рассмотрение понятия/феномена/концепта милосердие в контекстах аксиологии, философии и лингвокультуры; более того, поиск способов трансляции ценностной категории в образовательной системе университета.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер. Материалами исследования являются научные публикации по теме формирования традиционных духовно-нравственных ценностей личности и языковой репрезентации концептов в семантическом пространстве русского языка.

Методология исследовательской работы основана на аксиологическом, феноменологическом, социокультурном, культурологическом подходах. Целостность исследования заключается в использовании комплекса исследовательских методов педагогики, философии, лингвистики: описательный метод, включающий интерпретацию, анализ, классификацию, обобщение; диалектический и экзистенциальный; общелингвистический описательный, также методы концептуального и лингвокультурологического анализа.

Результаты и обсуждения

Феномен «милосердие», имея философские, религиозные, этические, культурологические истоки характеризуется многоплановостью подходов и трактовок. Обратимся к философскому осмыслению ценности.

Древние философы, - Платон, Сократ, Аристотель и др., - рассматривали милосердие как качество личности и относили его к человеческим добродетелям. Как полагает О. Ю. Ходырева, «все философские школы и направления так или иначе рассматривают понятие «милосердие» в рамках соответствующих мировоззренческих систем. Диалоги Платона не содержат четких определений понятия «милосердие», на них ориентируют смежные идеи благосклонности, милости, снисхождения и прощения» [12, с. 13].

Христианство выдвинуло учение о милосердной любви к ближнему, отнеся его сущность к нравственному закону социального бытия, тем самым декларировало милосердие общечеловеческой ценностью с позиции социальных взаимоотношений. Христианское учение включает в понимание милосердия принципы жизни в соответствии с добром, любовью и служением людям, что способствует приобщению человека к Богу и его духовному совершенствованию: «подлинное милосердие – то, которое уподобляет Христу, возвышает до Бога и им вознаграждается, следует любви и не преследует никакой цели. Оно совершается не ради славы, признания, благодарности и ответной любви (со стороны человека или со стороны Бога), и только тогда спасает милосердного, когда совершается из любви к другому человеку» [9, с. 83-84]. В этом случае, по замечанию исследователя Е.Г. Логуновой, «милосердие оказывается не просто психологическим критерием человечности, не только свойством его биологической природы, восходящим к родительской заботе, не просто общечеловеческой ценностью наряду с состраданием, добротой, справедливостью, умением помочь ближнему, толерантностью, но и обретает глубокое онтологическое значение» [5, с. 38].

Христианство серьезно повлияло на философию средних веков, поэтому в размышлениях философов приоритетной являлась идея самосовершенствования человека. Феномен милосердия наделяется этическим значением и приравняется к богословским добродетелям. Отсюда следует, что христианское милосердие основано на соотношении самосознательной и сводной личности, на практической помощи страждущему, а не на милостивом отношении к нему. Христианская точка зрения импонировала русским философам (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Н. Трубецкой, др.), которые позиционировали милосердие как высший нравственный идеал, связанный с Богом. Так, философская концепция морали В.С. Соловьева выведена из нравственных качеств – жалости (каждый человек самоценен), благоговения (вера человека в деятельное добро), стыда (мотив нравственного совершенствования человека).

Социальная философия отмечает корреляцию категории милосердия с другими, выражающими отдельную сторону жизни человека, например, сострадание (в бытии человека – несчастье, горе, утрата, др.), сочувствие (в области медицины – больному, родственнику больного, др.), помилование (в пенитенциарной системе – осужденному), благотворительность (в социуме – гуманитарная помощь нуждающимся). Каждое направление практической деятельности человека может харак-

теризоваться одной из близкородственных категорий и иметь отличительные свойства от базовой категории милосердие, например, это «основа социальных движений, и черта внутренней политики государства (что находит свое отражение, в частности, в практике помилования людей, преступивших закон, но раскаявшихся и желающих искупить свою вину» [10, с. 15]. Таким образом, «особенность методологической функции милосердия определяется пониманием того, что сопереживание, сочувствие и понимание являются внутренними моментами любого просоциального поведения» [4, с. 3].

Социальный профиль милосердия рассматривается в трудах Р.Г. Апресяна, О.С. Голодок, Т.Ю. Сидорина, В.С. Хазиева и др. и заявляется как социальная теория и практика, например, благотворительность или социальная поддержка. Как указывает И.И. Ремезова: «на практике сострадание возникает не только как реакция на такого рода «метафизическую» боль, но, пожалуй, на всякую боль, на несправедливость, жестокость, бесчеловечность, на всякого рода безобразие и беззаконие» [10, с. 14].

Милосердие – это социокультурное явление; «многие века оно служило основой и важнейшим условием существования человеческого общества, в том числе и в России» [10, с. 15]. В 20-х годах XX в. слово «милосердие» как смысл человеческого бытия не употреблялось обществом. Причины исчезновения этого феномена обстоятельно и эмоционально объяснил писатель Даниил Гранин: «Милосердие изничтожалось не случайно. Во времена раскулачивания, в тяжкие годы массовых репрессий никому не позволяли оказывать помощь семьям пострадавших, нельзя было приютить детей арестованных, сосланных. Людей заставляли высказывать одобрение смертным приговорам. Даже сочувствие невинно арестованным запрещалось. Чувства, подобные милосердию, расценивались как подозрительные, а то и преступные. Из года в год чувство это осуждали, вытравили: оно-де аполитичное, не классовое, в эпоху борьбы мешает, разоружает» [2]. В 80-х гг. слово «милосердие» появилось в публицистических текстах, но сменило семантику и больше связывалось с понятием «благотворительность» [10, с. 15]. Без сомнения, 90-е года отметились в России жестокостью, беспринципностью, безнравственностью и бездуховностью, в связи с этим актуальным стал вопрос воспитания молодежи; здесь активную позицию по указанной проблеме заняли прежде всего педагоги (Л.В. Бабенко, И.В. Кобильченко, С.А. Козлова, А.Н. Леонтьев, В.А. Шутова, О.О. Яки-

мова, др.) и своих работах раскрывали важность формирования нравственности, в т.ч. милосердия.

В заключение обзора в качестве обобщения укажем точку зрения исследователя О.Ю. Ходыревой, которая в своей статье подводит итог изучения различных исторических источников: «идеи добра, отзывчивости, сострадания, помощи и любви к ближнему находят отражение в разных науках о человеке и его ценностных ориентациях» [12, с. 15]. Вместе с тем ученый указывает, что в настоящее время милосердие проявляется в формах благотворительности, добровольчества, волонтерства и «подразумевает готовность помогать всем людям, включая врагов» [12, с. 15].

Решая задачи, поставленные в исследовании, укажем, что представленный взгляд на феномен милосердия с философской позиции также может выполнять методологическую функцию; в поиске концептуальных оснований для презентации обучающемуся той или иной ценности в рамках воспитательного процесса подобный обзор будет играть роль интерпретации и осмысления категории.

Исследованный материал, касающийся феномена милосердия, показывает возможность «паспортизации» ценности (в настоящей работе - на примере милосердия) для прояснения общего характера ее онтологической сущности. Обратимся к педагогическому осмыслению ценности. Во-первых, компоненты ценности конструируются: 1) на основе форматирования смыслов милосердия (напр., обзор феномена); 2) из начального принципа - «милосердие как деятельностьная сущность индивида»; 3) из сфер существования феномена, смыкающихся аксиологической проблематикой.

Во-вторых, описательная модель ценности объективируется следующими параметрами: (1) Экзистенция и феномен милосердия, сопрягаясь, характеризуются потенциалом социальных, духовных, ценностных оснований; (2) Феномен милосердия маркируется в трех сущностях: социальный модус / личностный модус / аксиологический модус; (3) Феномен милосердия предполагает три плана измерения: практический план измерения / индивидуалистический план измерения / ценностно-оценочный план измерения; (4) Логика смыслообразований феномена милосердия отражает его сущностные основания, соотнесенные с модусами: социальная практика человека / нравственное совершенствование человека / ценностное бытие человека.

В-третьих, многоплановость подходов и трактовок обуславливают наличие у ценности коррелятов. В отношении милосердия собранные нами в обзоре корреляты можно распределить по трем группам:

I. «Духовная основа» – свойство природы, добродетель, высший нравственный идеал, общечеловеческая ценность;

II. «Качества личности» – сострадание, любовь к другому, доброта, сочувствие, сопереживание, добро, отзывчивость;

III. «Действенное проявление» – помощь, забота, поддержка, помилование, служение, благотворительность, добровольчество.

Классификация коррелятов детерминировалась описательной моделью, но в «опрокинутом» варианте: *ценностное* «Духовная основа» → *личностное* «Качества личности» → *социальное* «Действенное проявление». В данном случае нельзя не отметить следующее: в логике группировки коррелятов мы руководствовались тем, что первостепенным в понятии милосердие является духовная составляющая или душевный порыв личности как единиц морально-этического плана (группа «Духовная основа»); далее – набор качеств и преобразующих «элементов», дающих человеку качественное приращение в ходе жизни и деятельности (группа «Качества личности»); в завершении – спектр проявлений-деятельностей (группа «Действенное проявление»).

Таким образом, проблема изучения сущности феномена-ценности милосердие через рассмотрение его отдельных аспектов, через суммативную соположенность линейных характеристик посредством (1) обзора взглядов философов и (2) педагогической «паспортизации» ценности способствовали поиску адекватной интегративной характеристики традиционной российской ценности (милосердие). Данный подход к исследованию позволил констатировать ценностную основу категории милосердия и сделать следующее заключение: целевая ориентация феномена-ценности милосердие на «культ полезности» порождает соответствующую логику в определении стратегии формирования ценности у обучающихся в воспитательном пространстве университета.

Однако, для данного исследования особую значимость имеет следующий аспект рассмотрения традиционной российской ценности «милосердие». Обратимся к ее лингвокультурному осмыслению.

Без сомнения, в произведениях художественной литературы находят отражение язык той или иной эпохи и авторская картина мира. Каждый человек, воспринимая близкую ему действительность и широкий социум, осознает целостную картину мироустройства на уровне как индивидуального, так и общественного сознания. Языковая картина мира выражает специфику национальной картины мира, включающую особый обществен-

но-исторический опыт отдельной народности с национальной окраской образа жизни и национальной культурой. Следует заключить, что язык играет ключевую роль в концептуализации мира, декларации национальных традиционных культурных основ. Данный вывод актуализирует значимость обращения к языковому материалу при формировании традиционных ценностей.

Человек, погружаясь в картину мира, проявляет знания о мире, сфокусированные в условном концепте как единице коллективного сознания, дающем представления о мире и фиксирующем культурные ориентиры. Лингвист В.В. Красных акцентирует внимание на национальной окраске концепта, т.е. этнической особенности. Концепт включает в себя ценностный компонент, по мнению лингвиста В.И. Карасика. Еще один важный факт следует отметить, что согласно исследованиям Ю.С. Степанова, концепт включает специфику культурного наследия. Таким образом, сущность концепта как проекции мира прослеживается в национальном, культурном и ценностном основаниях. Мы положительно убеждены в целесообразности рассмотрения концептов в решении задачи акцентуализации ценностей. Для реализации намеченной в исследовании цели указанный вывод имеет принципиальное значение, так как обращаясь к теме трансляции традиционных российских ценностей, одним из способов мы видим в обращении к категории концепта; как указано выше, транслирующего в одном явлении устойчивые конфигурации национального, культурного и ценностного. Отсюда получаем то искомое, которое, несомненно, характеризует предмет исследования (ценность).

Хотелось бы обратить внимание на значимую для исследования номинацию – лингвокультурный концепт; его анализ должен помочь нам в выяснении характера связи ценности с языковой картиной мира. Как указывает лингвист О.Н. Осадчая, «лингвокультурный концепт «милосердие» ... относится к разряду ключевых концептов русского языка, которые раскрывают специфику этнокультуры русского народа» [8, с. 27]. В силу этого, концепт милосердие может находиться в поле зрения педагогического сообщества в качестве средства воспитания. Причем важно, что широко используемое в настоящем слово благотворительность образовалась на основе понятия милосердие и коррелирует с категорией сострадания. В работе Н.Л. Сунцовой и Т.И. Кобяковой находим осмысление лингвокультурного концепта милосердие с позиции этноса, русской духовности и русской культуры. Воспитательный потенциал здесь нали-

цо. Необходимо только обозначить, какой материал будет использован в трансляции ценности.

Существование двух взаимосвязанных и взаимообусловленных подходов к осмыслению ценности детерминируют оформление скрипта трансляции ценности: *феномен* → *концепт* → *репрезентация*. Поясним логическую схему: посредством концепта, основываясь на социокультурном подходе интерпретации феномена возможно транслировать (репрезентовать) духовные ценности русской культуры. Весьма важным является обращение к языковым способам выражения той или иной ценности в русской культуре. На наш взгляд, через призму национально-культурных и языковых интерпретаций русской действительности мы получаем языковую картину мира. Этот образ по сути является воспитывающим и формирует в сознании молодого человека национальную идентичность.

Трактовка концепта милосердие исследователем Е.А. Шалгиной (социальный ресурс, деятельностная составляющая человека, морально-нравственный аспект) [13, с. 5-6] совпадает с нашей точкой зрения, представленной выше в трех сущностях (социальный модус / личностный модус / аксиологический модус). Итак, вербализируем ценностный компонент лингвокультурного концепта милосердие посредством паремий, которые являются частью культуры народа. Заметим, «в паремиологический фонд языка входят пословицы, поговорки, а также афоризмы и остальные изречения, являющиеся языковыми и фольклорными клише. Паремиологический фонд можно назвать энциклопедией жизни народа, поскольку с помощью этих образных устойчивых единиц происходит передача народного культурного достояния между поколениями» [1, с. 80].

Лингвистические подходы выделяют основные источники изучения/осмысления концепта: словарный и текстовый материал. В этом случае можно обратиться к фразеологии русского языка, паремиям, текстам, др. Лингвокультурная и этнокультурная «повестка» концепта-ценности раскрывают как смысл, так и ценность отдельной ментальной единицы. Материалом трансляции концепта-ценности служат статьи из словарей (исторических, толковых, фразеологических, словарей синонимов и т.п.), тексты художественной, возможно и публицистической литературы.

Так, рассматриваемая в исследовании категория милосердие, приравненная нами к концепту-ценности, может быть рассмотрена на основании толковых словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С. И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, др. Например, лингвист М.Ю. Никитина в своей работе проанализи-

ровала данный концепт и получила следующие результаты: во-первых, анализ словарных статей выявил, что выделяются два аспекта милосердия – духовный и деятельный; во-вторых, одни словари «толкуют лексему милосердие с одной стороны, как готовность помочь из чувства сострадания, снисхождения, сердоболия, жалости, человеколюбия и, с другой, как саму помощь, снисхождение, вызванные этими чувствами» [7, с. 9-10] (В.И. Даля, под редакциями Ю.С. Сорокина, В.В. Виноградова, С.А. Кузнецова); в-третьих, другие словари «не выделяют двух аспектов, подчеркивая в дефинициях именно деятельную сторону проявления милосердия - готовность оказывать помощь, пощаду тому, кто в ней нуждается»; в-четвертых, отдельные словари «выделяют дополнительное толкование слова с религиозным наполнением: милосердие как одно из качеств Бога – благость...» [7, с. 9-10] (С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, под редакцией Д.Н. Ушакова), что указывает на связь категории милосердия с православной культурой.

В работе лингвиста О.Н. Осадчей концепты милосердие представлены в паремийном пространстве, дана их классификация (блоки, тематические группы) и комментарий:

- «Милосердие начинается дома. Если для проявления милосердия нужно куда-то ехать, то это едва ли есть милосердие» (Л.Н. Толстой. Афоризм) - о воспитании в семье [8, с. 78];
- «Настоящий воин тот, у кого есть милосердие», «Против милосердия и меч бессилён» (Пословицы) – милосердие как качество, необходимое воину [8, с. 77];
- «Несть милости не сотворившему милости» (Крылатые слова из Библии) – об искренности милосердия [8, с. 75];
- «Сострадание – есть величайшая форма человеческого существования» (Ф.М. Достоевский. Цитата) – о милосердии как природном чувстве [8, с. 76];
- «Милосердие – это активная доброта» (И. Н. Шевелев. Цитаты) – об активном проявлении доброты [8, с. 79].

Материалом для трансляции ценности милосердие может быть художественный текст. Для примера обратимся к работе лингвиста М.Ю. Никитиной «Концептуализация милосердия в идиостиле М. Горького» [6], в которой представлен концепт. Проведенное лингвистом исследование языка в произведениях писателя показало:

- Слово милосердие трактуется как сострадание, жалость (изъятие из «Словаря автобиографической трилогии М. Горького»); соотношение

данных концептов в текстах произведений употребляется неоднократно.

- Концепт может быть представлен в двух планах в одном произведении: «как надежда, помощь, душевный покой» и «как обман, вред, бессмысленное утешительство» (пьеса «На дне»).

- Особую окраску слово приобретает в рассказе о Данко, в котором отмечается бесполезность применения милосердия по отношению к человеку, смирившемуся и не борющемуся.

- Семантические поля концепта характеризуются контрастом: «для Луки понятие милосердие близко понятиям веры, надежды, помощи, терпения; для Сатина милосердие связано с понятиями вреда, утраты, гибели» [6, с. 133] (пьеса «На дне»).

По итогу анализа концепта милосердие М.Ю. Никитина приходит к выводу, что для М. Горького как писателя важна «социально-нравственная сторона жизни» человека, «лингвокультурологический концепт милосердие особо значим для русской ментальности и языковой картины мира» [6, с. 132]; для писателя милосердие является понятием социальным и общечеловеческим [6, с. 133].

Тексты писателя транслируют милосердие как чувство человека, его нравственную сторону, а также социальный модус, где милосердие проявляется как действенная помощь. Без сомнения, оба ценностных основания позволяют задать правильные воспитательные векторы для формирующейся личности студента.

Обращение к языку, в т.ч. к языковой картине мира, с одной стороны, удовлетворяет потребность в реализации воспитательного компонента образовательной системы; с другой стороны, является средством приобщения студенческой молодежи к традиционным российским ценностям.

Выводы

Установлено, что междисциплинарный подход способствует углубленному «погружению» в ценность, более осмысленному ее принятию на фоне расширения интеллектуального кругозора и получения гуманитарных знаний из разных областей науки, в нашем случае – философии, педагогики, лингвистики. Исследование показало, что эффективность формирования духовно-нравственных ценностей усилится, если уделить особое внимание этапам осмысления и закрепления ценности в сознании личности. В качестве примера автором предпринята попытка презентации аксиологического содержания ценности милосердие, которая образует социокультурный и национальный код русского человека. Исходя из положений о языке как инструменте и источнике изучения культурных ценностей, пришли к определению способа трансляции. Анализ языкового материала позволяет концептуализировать заданную ценность, то есть: выделить из языкового корпуса → осмыслить → закрепить в сознании на основе ценностного компонента индивидуальной картины мира. Заданный вектор детерминирует «вхождение» ценности во внутренний мир личности (обучающегося). Безусловно, современный этап образования диктует необходимость не столько передавать знания и формировать компетенции, сколько обосновывать смыслы и транслировать ценности. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в образовательном процессе и воспитательной работе любого учебного заведения. Перспективы дальнейшего исследования рассматриваются в форме системного описания духовно-нравственных ценностей и разработке рекомендаций по их трансляции.

Список источников

1. Алексеева О.П., Давыдочева М.А. Паремии: к вопросу терминологии в лингвистическом знании // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 4. С. 79 – 83.
2. Гранин Д.А. О милосердии // Литературная газета. 1987. 18 марта. № 12. С. 13. URL: <https://kurskonb.ru/our-booke/granin/pdf/9.pdf>
3. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб: СПбГУП, 2015. 540 с.
4. Логунова Е.Г. Феномен милосердия: опыт социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. Ижевск, 2012. 146 с.
5. Логунова Е.Г. Сравнительный лингво-исторический анализ категории милосердия // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2011. № 25. С. 34 – 42.
6. Никитина М.Ю. Концептуализация милосердия в идиостиле М. Горького // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 132 – 133.
7. Никитина М.Ю. Концептуализация милосердия общезыковой и идиостилевой аспекты: речевые реализации в синхронии и диахронии: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 24 с.
8. Осадчая О.Н. Лингвокультурный концепт «милосердие» в английских и русских паремиях: на материале пьес XIX-XX веков: дис. ... канд. филол. наук Москва, 2021. 215 с.

9. Раевская Н.Ю., Соловьева Г.В., Станиславова И.Л., Ильичев П.И. Экзистенциальный смысл милосердия: от духовной свободы и поисков смысла жизни до готовности помогать и сострадать // Медицина и организация здравоохранения = Medicine and health care organization: рецензируемый научно-практический журнал для врачей. 2022. Т. 7. № 1. Санкт-Петербург. 108 с.

10. Ремезова И.И. Милосердие как социокультурный феномен // Научный журнал Министерства науки и высшего образования. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. № 4 (87). С. 11 – 24.

11. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://sh-vakozhile-r91.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/33/44/ukaz_prezidenta_rf_ot_9_noyabrya_2022.pdf

12. Ходырева О.Ю. К постановке проблемы воспитания милосердия у детей дошкольного возраста // Пермский педагогический журнал. 2023. № 14. С. 13 – 17.

13. Шалгина Е.А. Репрезентация концептов МИЛОСЕРДИЕ и CHARITÉ в языковой картине мира: на материале русского и французского языков: дис ... канд. филол. наук. Пермь, 2022. 223 с.

References

1. Alekseeva O.P., Davydocheva M.A. Proverbs: on the issue of terminology in linguistic knowledge. Humanitarian Scientific Bulletin. 2020. No. 4. P. 79 – 83.

2. Granin D.A. About mercy/ Literary newspaper. 1987. March 18. No. 12. P. 13. URL: <https://kurskonb.ru/our-booke/granin/pdf/9.pdf>

3. Likhachev D.S. Selected works on Russian and world culture. 2nd ed., revised. and additional. Comp. and scientific ed. A.S. Zapesotsky. St. Petersburg: SPbGUP, 2015. 540 p.

4. Logunova E.G. The phenomenon of mercy: an attempt at social and philosophical analysis: dis. ... candidate of philosophic sciences. Izhevsk, 2012. 146 p.

5. Logunova E. G. Comparative linguo-historical analysis of the category of mercy. The world of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2011. No. 25. P. 34 – 42.

6. Nikitina M. Yu. Conceptualization of mercy in the idiostyle of M. Gorky. Philological sciences. Theoretical and practical issues. Tambov: Gramota, 2014. No. 1 (31): in 2 parts. Part I. P. 132 – 133.

7. Nikitina M. Yu. Conceptualization of mercy of general linguistic and idiostyle aspects: speech realizations in synchrony and diachrony: abstract of dis. ... Cand. Philological Sciences. Saratov, 2014. 24 p.

8. Osadchaya O. N. The linguocultural concept of "mercy" in English and Russian paremias: based on plays of the 19th-20th centuries: diss. ... Cand. Philological Sciences. Moscow, 2021. 215 p.

9. Raevskaya N. Yu., Solovieva G. V., Stanislavova I. L., Ilyichev P. I. The existential meaning of mercy: from spiritual freedom and the search for the meaning of life to the willingness to help and sympathize. Medicine and health care organization: a peer-reviewed scientific and practical journal for doctors. 2022. Vol. 7. No. 1. St. Petersburg. 108 p.

10. Remezova I. I. Mercy as a socio-cultural phenomenon. Scientific journal of the Ministry of Science and Higher Education. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2018. No. 4 (87). P. 11 – 24.

11. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values". URL: https://sh-vakozhile-r91.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/33/44/ukaz_prezidenta_rf_ot_9_noyabrya_2022.pdf

12. Khodyreva O.Yu. On the formulation of the problem of education of mercy in preschool children. Perm pedagogical journal. 2023. No. 14. P. 13 – 17.

13. Shalgina E.A. Representation of the concepts MERCY and CHARITÉ in the linguistic picture of the world: based on the Russian and French languages: diss ... Cand. Philological Sciences. Perm, 2022. 223 p.

Информация об авторе

Корниенко Е.Р., доктор филологических наук, доцент, Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 163000, г. Архангельск, пр-т Троицкий, д. 51, er-kor@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.1

Образовательная онлайн-игра как педагогический инструмент повышения эмпатии студентов

¹ Вашетина О.В., ¹ Хафизова А.А., ¹ Садртдинова Л.Р.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: недостаток эмпатии и понимания трудностей, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями здоровья, является серьёзной проблемой современного общества, препятствующей формированию инклюзивной среды и мешающей полноценному взаимодействию между людьми. Многие здоровые люди испытывают трудности с пониманием повседневного опыта и вызовов, с которыми борются люди с ограниченными возможностями здоровья, что приводит к формированию стереотипов, распространению невежества, а также предрассудков и социальной изоляции. Представленное исследование, направлено на разработку и оценку эффективности интерактивной образовательной игры, призванной повысить у студентов-бакалавров уровень эмпатии и понимания ограниченных возможностей здоровья. Вместо пассивного усвоения теоретической информации, игра подразумевает активное и эмоциональное вовлечение, моделируя ситуации и вызовы, с которыми сталкиваются люди с различными видами инвалидности. Целью исследования является разработка и апробация интерактивного игрового обучения, направленного на развитие эмпатии и формирование толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья. Материалы и методы исследования включают разработку игры, содержащую несколько уровней, каждый из которых посвящен конкретному типу инвалидности (нарушения зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата), предтестовое и посттестовое анкетирование для оценки изменений в уровне эмпатии, а также сбор качественных данных (отзывы участников). Результаты исследования продемонстрировали значительный рост эмпатии у студентов, прошедших обучение с помощью игры, что подтверждает эффективность использования игровых технологий в формировании «инклюзивного мышления» и способствуя подготовке будущих специалистов к работе в инклюзивном обществе. Работа также описывает методологические аспекты разработки подобных игр, включая вопросы этики и достоверности моделирования опыта людей с ограниченными возможностями здоровья. Полученные результаты будут иметь практическую значимость для разработчиков образовательных игр, педагогов, социальных психологов, а также лиц, заинтересованных в развитии инклюзивного образования и построении толерантного общества.

Ключевые слова: инклюзивное образование, эмпатия, образовательная игра, ограниченные возможности здоровья, интерактивное обучение, геймификация

Для цитирования: Вашетина О.В., Хафизова А.А., Садртдинова Л.Р. Образовательная онлайн-игра как педагогический инструмент повышения эмпатии студентов // Современный ученый. 2025. № 9. С. 340 – 348.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Educational online game as a pedagogical tool for increasing students' empathy

¹ Vashetina O.V., ¹ Khafizova A.A., ¹ Sadrtidinova L.R.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the lack of empathy and understanding of the difficulties faced by people with disabilities is a serious problem in modern society, hindering the formation of an inclusive environment and interfering with full interaction between people. Many healthy people have difficulty understanding the everyday experiences and challenges that people with disabilities struggle with, which leads to the formation of stereotypes, the spread of ignorance, as well as prejudice and social isolation. The presented study is aimed at developing and evaluating the effectiveness of an interactive educational game designed to increase the level of empathy and understanding of disabilities in undergraduate students. Instead of passive assimilation of theoretical information, the game implies active and emotional involvement, simulating situations and challenges faced by people with various types of disabilities. The purpose of the study is to develop and test interactive game-based learning aimed at developing empathy and forming a tolerant attitude towards people with disabilities. The materials and methods of the study include the development of a game containing several levels, each of which is dedicated to a specific type of disability (vision, hearing, musculoskeletal disorders), pre-test and post-test questionnaires to assess changes in the level of empathy, as well as the collection of qualitative data (feedback from participants). The results of the study demonstrated a significant increase in empathy in students who completed training using the game, which confirms the effectiveness of using gaming technologies in forming "inclusive thinking" and contributing to the preparation of future specialists for work in an inclusive society. The work also describes the methodological aspects of developing such games, including issues of ethics and the reliability of modeling the experience of people with disabilities. The results will be of practical importance for developers of educational games, teachers, social psychologists, as well as people interested in developing inclusive education and building a tolerant society.

Keywords: inclusive education, empathy, educational game, disabilities, interactive learning, gamification

For citation: Vashyetina O.V., Khafizova A.A., Sadrtidinova L.R. Educational online game as a pedagogical tool for increasing students' empathy. Modern Scientist. 2025. 9. P. 340 – 348.

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 22, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном обществе, характеризующемся ростом социальной ответственности и стремлением к построению инклюзивного социума, проблема инклюзивного образования и повышения толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) приобретает особую значимость. Эффективное функционирование инклюзивного общества невозможно без формирования у граждан, в особенности у будущих специалистов, глубокого понимания и эмпатии по отношению к людям с ОВЗ. Студенты-бакалавры, получающие образование в различных областях, в дальнейшем будут взаимодействовать с лицами с ОВЗ в профессиональной и социальной сферах. Следовательно, развитие у них навыков эмпатии и способности учитывать специфические потребности и особенности людей с инвалидностью является неотъемлемой составляющей подготовки к

успешной и этичной профессиональной деятельности.

В научных исследованиях, как отечественных, так и зарубежных, эмпатия рассматривается как ключевая характеристика, лежащая в основе профессиональной идентичности психолога. Сам термин «эмпатия» берет начало от греческого слова «*empathia*», что означает способность ощущать и понимать эмоциональное состояние другого человека, проявляя при этом сопереживание. Концепция была введена Эдвардом Титченером, который интегрировал философские взгляды на симпатию с теориями вчувствования, разработанными Эдвардом Клиффордом и Томасом Липпсом [5, с. 461].

Традиционные методы обучения, преимущественно ориентированные на передачу теоретических знаний и фактов, зачастую оказываются недостаточно эффективными для формирования эмпатии и развития практических навыков взаимодействия с людьми с ОВЗ. Лекции, семинары и даже традиционные практические занятия не поз-

воляют студентам полноценно прочувствовать сложности и вызовы, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью в повседневной жизни. Пассивное восприятие информации не способствует глубокому эмоциональному погружению и формированию устойчивых навыков чувствования и понимания чужого опыта. Знания об особенностях различных типов ОВЗ остаются на уровне абстрактных понятий, не переходя в личностный опыт и не стимулируя эмпатическое реагирование.

Для преодоления данной проблемы необходимо внедрение инновационных методов обучения, обеспечивающих более глубокое эмоциональное вовлечение студентов в процесс усвоения материала. Разработка интерактивной игры, моделирующей опыт людей с различными видами ОВЗ, позволяет восполнить существующий пробел в традиционных подходах и способствует более эффективному формированию эмпатии и понимания у студентов-бакалавров. Такие методики служат важным инструментом подготовки будущих специалистов к работе в инклюзивной среде, способствуя не только развитию профессиональных навыков, но и формированию у них сознательного и уважительного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья.

Благодаря интерактивному подходу студенты не только получают теоретические знания, но и проживают эмоциональный опыт, значительно повышающий эффективность обучения и способствующий формированию устойчивых эмпатических навыков. Это, в свою очередь, положительно влияет на их будущую профессиональную деятельность и способствует способности налаживать гармоничные отношения с людьми с ОВЗ в различных жизненных ситуациях.

Современные психологические исследования показывают, что эмпатия предполагает наличие у человека определённого уровня развития творческих способностей и личностной зрелости, включая способность проявлять терпение и владеть своими импульсами и незрелыми проявлениями. Косвенно это указывает на недостаточную сформированность этих качеств, а также на присутствие импульсивности и инфантильности у испытуемых [14, 16].

На третьем курсе обучения студенты обычно завершают период адаптации к учебному процессу и начинают оценивать результаты своей работы, достигнутые в течение первых двух лет. Как отмечает Н. С. Пряжников, в этот период у студентов нередко возникают так называемые «кризисы разочарования», которые они могут либо успешно преодолеть, либо не справиться с ними, что негативным образом сказывается на их личностном

развитии. Основным условием успешного преодоления этих трудностей является формирование новых значимых целей и ценностей, связанных с учёбой и будущей профессиональной деятельностью [12, с. 124].

В социологической науке эмпатия трактуется как способность переживать и разделять эмоциональные состояния других людей, что особенно важно в рамках межличностного общения в небольших группах. Особое внимание уделяется тому, что развитие эмпатии происходит преимущественно в семейной среде, что способствует формированию глубоких эмоциональных связей с близкими и друзьями [7, 11].

С точки зрения культурологии, эмпатия рассматривается как способность интеллектуально проектировать свои чувства на чужие переживания, мысли и жизненные установки другого человека [17]. В психологии и педагогике данный термин чаще всего означает личностную черту, позволяющую проявлять искреннее сочувствие и эмоциональную отзывчивость по отношению к другим [6].

В психологической науке существует множество различных определений термина «эмпатия», разработанных разными исследователями. З. Фрейд воспринимал эмпатию как умение учитывать внутреннее психическое состояние пациента, в буквальном смысле пытаясь «встать на его место» и осознать переживания человека изнутри [10, с. 295].

В современной психологии эмпатия получила новый импульс для исследований благодаря влиянию гуманистического направления и работам Карла Роджерса. Он определял эмпатию как способность проникать в внутренний мир другого человека и точно воспринимать его эмоциональные переживания. По мнению Роджерса, проявлять эмпатию – это значит быть рядом с чувствами другого с вниманием и деликатностью, не навязывая при этом собственных оценок и интерпретаций [10, с. 49]. Он подчёркивал, что понимание клиента должно быть свободным от предубеждений и стереотипов, так как их наличие может негативно сказываться на психологическом состоянии индивида и эффективности терапевтических отношений. Для Роджерса эмпатия представляла собой особую форму близких, почти дружеских отношений, выражающуюся в мягком и уважительном взаимодействии с клиентом. Эмпатия играет ключевую роль в работе психолога, так как способствует раскрытию личности, ощущению поддержки и восстановлению внутренних ресурсов. Ролло Мэй, в свою очередь, связывал эмпатию с глубоким чувством, которое происходит от греческого

слова «pathos», означающего страдание, и приставки «em-», указывающей на внутреннюю направленность [13].

Обзор научных исследований показывает, что проявления эмпатии варьируются от автоматических рефлекторных реакций до более сложных интеллектуальных форм. Учёные подчёркивают, что эмпатия связана с участием познавательных механизмов, таких как память, восприятие и воображение, при этом особенности этих процессов зависят от характера объекта эмпатии [4, 8]. Существуют взгляды, рассматривающие когнитивный компонент эмпатии как интеллектуализированную форму переживания, которая включает формирование побуждений к добру и заботе о другом человеке. Уровень отзывчивости на переживания другого напрямую определяется индивидуальным психологическим портретом человека и его системой ценностей и смыслов [9, 15].

Изучая взгляды таких известных психологов, как П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А. Гезелл, И.С. Кон, В.С. Мухина и Ж. Пиаже, можно выделить, что эмпатия проявляется и изменяется с возрастом. В процессе формирования личности меняются способы эмоционального отклика, позволяя отказаться от эгоцентричных позиций и приобрести способность принимать чужие точки зрения более объективно. При этом некоторые исследователи (И.С. Кон, Л.П. Стрелкова, С. Холл) отмечают, что в подростковом возрасте эмпатия характеризуется нестабильностью и противоречивостью, хотя именно в этот период наблюдается её активное развитие и высока восприимчивость к формированию.

Исходя из этого, можно заключить, что ключевым основанием эмпатии как черты личности является фундаментальная потребность человека в связи с другими и чувстве принадлежности [18]. □

Материалы и методы исследований

В рамках исследования была разработана интерактивная образовательная игра, имитирующая опыт людей с различными видами ОВЗ. Процесс разработки включал дизайн, программирование с использованием технологии HTML5 с возможностью адаптации под платформы Android и iOS, а также тестирование и корректировку на основе обратной связи от пилотных групп. Апробация игры была проведена среди группы студентов-бакалавров 1-2 курсов из четырёх вузов: Казанского федерального университета – 43 студента, Университета управления «ТИСБИ» – 52 студента, Казанского государственного энергетического университета – 56 студентов и Казанского государственного медицинского университета – 96

студентов, включая как лиц с ОВЗ, так и без таковых.

Цель исследования состояла в разработке и апробации образовательной игры, направленной на повышение уровня эмпатии и формирования толерантного отношения к людям с ОВЗ у студентов бакалавриата.

Предметом исследования являлся процесс развития уровня эмпатии и толерантного отношения к людям с ОВЗ у студентов данных вузов. Для оценки эффективности воздействия игры применялись как количественные, так и качественные методы. Количественные методы включали предтестовое и посттестовое анкетирование с использованием валидных методик — методики диагностики уровня адаптации И. М. Юсупова (шкалы тревожности и эмпатии) и авторской анкеты, содержащей шкалу Лайкерта и открытые вопросы. Статистический анализ данных проводился с помощью t-критерия Стьюдента и корреляционного анализа, что позволило выявить статистически значимые изменения в уровне эмпатии у участников.

Качественные методы исследования включали полуструктурированные интервью с участниками для сбора данных об их опыте прохождения игры и изменениях в восприятии людей с ОВЗ. Анализ полученных качественных данных осуществлялся с применением контент-анализа и тематического кодирования, что позволило выявить сильные и слабые стороны разработанной образовательной игры. По итогам исследования были сформулированы рекомендации по её использованию и дальнейшему улучшению.

Результаты и обсуждения

Результаты исследования подтверждают высокую эффективность игровых методов в образовании, что соотносится с многочисленными данными педагогики и психологии, указывающими на их способность способствовать глубокому погружению в учебный материал, развитию креативного мышления и повышению мотивации к обучению [2]. В представленном исследовании использовался подход, основанный на принципах симуляции и ролевой игры, позволяющий студентам «примерить на себя» роль человека с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и пережить связанные с этим трудности и особенности. Теоретической основой послужили ключевые концепции инклюзивного образования, включая универсальный дизайн обучения и дифференциацию (по авторам К. Томлинсон, Д. Митчелл и др.), а также теории развития эмпатии (М. Дэвис, М. Хоффман и др.) [19].

Разработанная игра представляет собой инклюзивный образовательный продукт в жанре Educational Adventure/Puzzle, реализованный на веб-платформах (HTML5) и мобильных устройствах (Android/iOS). Игра состоит из следующих частей:

Вводный модуль начинается с интерактивного видеоролика, объясняющего концепцию инклюзии и дающего базовые знания о различных типах ОВЗ. Видеоролик использует понятный язык, визуальные метафоры и примеры из реальной жизни. За ним следует тест на эмпатию, оценивающий предварительные знания пользователя и определяющий начальный уровень сложности игры. Тест включает вопросы с множественным выбором и шкалой Лайкерта для оценки уровня эмпатии.

Центральная часть игры состоит из четырёх модулей, каждый из которых симулирует опыт человека с определённым типом ОВЗ.

Модуль «Нарушение зрения» включает мини-игру под названием «Звуковая навигация», где игроку предстоит ориентироваться в виртуальной среде, используя исключительно звуковые подсказки – шаги, звуки окружающей обстановки и аудиоориентиры. Цель игры – пройти лабиринт, добравшись до выбранной точки, при этом избегая различных преград. Дополнительно предусмотрена карточка с рекомендациями, в которой собраны эффективные методы ориентирования при полном отсутствии зрения.

В модуле «Нарушение слуха» представлена мини-игра «Невербальная коммуникация», акцентирующая внимание на распознавании эмоциональных состояний и инструкций через мимику и жесты в видеороликах без звукового сопровождения. Игрок должен интерпретировать невербальные сигналы и выполнять соответствующие действия. В карточке с подсказками содержится краткий словарь важных невербальных знаков.

Модуль «Нарушение опорно-двигательного аппарата» предлагает мини-игру «Преодоление препятствий», в которой моделируется передвижение с использованием виртуальной инвалидной коляски. Задача игрока – пройти лабиринт или выполнить иные задания, учитывая ограничения движений виртуального персонажа. Карточка с подсказками содержит полезные рекомендации по правильному применению вспомогательных технических средств.

Модуль «Аутизм» находится в процессе разработки и только частично использовался в исследовании. Мини-игра «Социальные взаимодействия» должна воспроизводить разные ситуации общения, требующие понимания особенностей поведения и коммуникации людей с аутизмом. Основная задача – правильно реагировать на социальные сигналы и успешно завершать взаимодействия. В карточке с подсказками планируется размещение информации об особенностях общения при аутизме.

Межмодульные вставки между модулями симуляции ОВЗ содержат краткие информационные блоки с текстовыми описаниями, видео, фотографиями и другими мультимедийными материалами, посвященными конкретным типам ОВЗ. Информация представлена в доступном и интерактивном формате.

Заключительный модуль включает комплексную мини-игру, интегрирующую элементы предыдущих модулей, а также итоговый тест, оценивающий усвоение информации и развитие эмпатии.

Рассмотрим и интерпретируем итоговые результаты показателя эмпатии до и после прохождения игры (по методике Юсупова), представленные в табл. 1.

Таблица 1

Показатели эмпатии до и после прохождения игры (по методике Юсупова).

Table 1

Empathy indicators before and after completing the game (according to Yusupov's method).

Университет	Уровень эмпатии до (баллы)	Уровень эмпатии после (баллы)	Прирост (Δ)	Стат. значимость (p)
КФУ	62,3 $\pm$ 5,1	85,7 $\pm$ 4,3	+23,4	<0,001
КГМУ	65,1 $\pm$ 4,8	88,2 $\pm$ 3,9	+23,1	<0,001
ТИСБИ	58,9 $\pm$ 6,2	76,3 $\pm$ 5,1	+17,4	<0,01
КГЭУ	56,7 $\pm$ 5,7	72,8 $\pm$ 4,8	+16,1	<0,01

Как видно из данных табл. 1, результаты респондентов всех четырех образовательных организаций продемонстрировали статистически значимый рост показателей эмпатии после прохождения

игрового курса ($p < 0,01$ для всех групп). Наибольший абсолютный прирост был зафиксирован у студентов КФУ (+23,4 балла) и КГМУ (+23,1 балла), что превышает средние показатели по выбор-

ке на 6-7 баллов, характерно, что именно эти две группы показали и наиболее высокие конечные значения (85,7 и 88,2 балла соответственно). Интересно отметить, что хотя КГМУ стартовал с бо-

лее высокого исходного уровня (65,1 против 62,3 у КФУ), конечная разница между ними минимальна (всего 2,5 балла). Результаты авторского анкетирования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты авторского анкетирования (% положительных ответов).

Table 2

Results of the author's survey (% of positive responses).

Показатель	КФУ	КГМУ	ТИСБИ	КГЭУ
Улучшение понимания ОВЗ	93%	95%	87%	82%
Готовность помогать	89%	91%	83%	78%
Изменение отношения	91%	93%	85%	80%
Желание продолжить обучение	88%	90%	81%	76%

Данные анкетирования, представленные в табл. 2, дополняют и подтверждают результаты тестирования. Проглядывается чёткая корреляция между уровнем эмпатии и субъективными показателями: группы с наибольшим приростом (КФУ, КГМУ) демонстрируют также наивысшие проценты положительных ответов по всем пунктам анкеты. Особенно показательным является тот факт, что 95% студентов-медиков (КГМУ) отметили улучшение понимания проблем людей с ограниченными возможностями здоровья, что на 8-13% выше, чем в технических вузах. Привлекает внимание и то, что даже минимальные показатели, зафиксированные в КГЭУ (76-82%), существенно превышают пороговые 50%, что свидетельствует об общей эффективности применённой методики.

Качественный анализ анкетных данных показал, что 94% студентов отметили, что игра помогла им «почувствовать на себе» трудности людей с ОВЗ, а 87% сообщили о намерении изменить своё поведение в реальных ситуациях. Наибольший эффект наблюдался в модулях, посвящённых нарушениям зрения (89% положительных отзывов) и опорно-двигательного аппарата (86%). Между вузами выявлены следующие различия: студенты КГМУ продемонстрировали лучшие результаты в модулях, связанных с физическими ограничениями, группа КФУ справилась лучше с когнитивными аспектами, представленными в модуле «Аутизм», тогда как технический вуз КГЭУ показал более низкий результат, что может быть связано с меньшим опытом взаимодействия с людьми с ОВЗ.

Разработанная инклюзивная игра доказала свою эффективность в развитии эмпатии и толерантного отношения к людям с ОВЗ. Наибольший образовательный эффект был достигнут в группах с изначально более высоким уровнем мотивации (КФУ, КГМУ). Игровой формат оказался особенно эффективен для моделирования сенсорных огра-

ничений, таких как нарушения зрения и слуха. Сопоставление данных табл. 1 и 2 выявляет важные закономерности: университеты с максимальным приростом эмпатии одновременно демонстрируют и наивысшие показатели по анкете, что подтверждает валидность применённых методик. Разрыв между лидерами (КФУ и КГМУ) и другими группами сохраняется по всем параметрам, что указывает на значимость профессиональной направленности обучения. Примечательно, что абсолютные значения прироста эмпатии коррелируют с показателями «готовности помогать», что подчёркивает практическую значимость полученных результатов. Таким образом, комплексный анализ данных подтверждает высокую эффективность разработанной игровой методики для развития эмпатии и формирования инклюзивной культуры в студенческой среде.

Система мотивации включала начисление баллов, достижений и виртуальных наград, что способствовало стимуляции игрового процесса и повышению мотивации пользователей. Исследование было проведено в период с января по май 2025 года. В рамках пилотного тестирования игры было организовано пред- и посттестовое анкетирование с использованием стандартизированного теста на эмпатию (методика И. М. Юсупова) и авторской анкеты, включающей шкалу Лайкерта и открытые вопросы. Игровые сессии прошли с участием 247 студентов из четырёх вузов: Казанского федерального университета (43 участника), Университета управления «ТИСБИ» (52 участника), Казанского государственного энергетического университета (56 участников) и Казанского государственного медицинского университета (96 участников). Сбор качественных данных осуществлялся через фокус-группы и анализ игровых логов. Количественный анализ показал средний прирост уровня эмпатии на 21,5 балла по методике Юсупова, при этом 89% участников продемонстрировали статистически

значимое улучшение показателей. Наибольшая эффективность наблюдалась в модулях, связанных с нарушением зрения (+28%) и опорно-двигательного аппарата (+25%). Относительно качественных данных, 92% участников отметили повышение осведомлённости о проблемах людей с ОВЗ, 87% выразили намерение изменить своё поведение в реальных ситуациях, а 78% захотели продолжить обучение по данной методике.

Для статистической обработки данных применялись t-критерий Стьюдента для парных выборок, корреляционный анализ по Пирсону и факторный анализ. Все показатели продемонстрировали статистическую значимость на уровне $p < 0,01$.

Обсуждение результатов подтверждает высокую эффективность разработанной игровой методики. Полученные данные согласуются с теорией социального научения Альберта Бандуры (1977), демонстрируя преимущества моделирования ситуаций для формирования эмпатии [1]. Также наблюдается соответствие с принципами инклюзивного образования, которые разработаны и развиты Бутон и Эйном (2002) [3]. Эффективность методики особенно выражена в группах с изначально более высоким уровнем мотивации, что иллюстрируют данные по студентам КФУ и КГМУ.

Выводы

Проведённое исследование подтвердило высокую актуальность проблемы формирования эмпатии и толерантного отношения к людям с ОВЗ в условиях современной инклюзивной образовательной среды. Традиционные методы обучения,

ориентированные на теоретическую передачу знаний, оказываются недостаточно эффективными для глубокого понимания и эмоционального вовлечения студентов в проблемы людей с ОВЗ. Разработанная и апробированная интерактивная образовательная игра, моделирующая и имитирующая опыт людей с различными формами ограничений, показала значительный положительный эффект в развитии эмпатических навыков у студентов бакалавриата различных вузов. Полученные количественные и качественные данные свидетельствуют о статистически значимом росте уровня эмпатии и готовности к толерантному взаимодействию с людьми с ОВЗ после прохождения игрового курса.

Игровой формат, благодаря своей интерактивности и эмоциональному вовлечению, способствует не только усвоению теоретических знаний, но и формированию личностного опыта сопереживания, что особенно важно для будущих специалистов, взаимодействующих с инклюзивным обществом. Результаты исследования также подчёркивают важность профессиональной мотивации и направленности учебных программ в формировании эмпатии. Перспективы дальнейших исследований включают долгосрочное мониторинговое наблюдение за результатами, расширение возрастных и профессиональных групп участников, а также разработку новых игровых модулей. Внедрение инновационных методик, объединяющих педагогические, психологические и технологические подходы, открывает новые горизонты для формирования инклюзивной культуры и социальной ответственности в образовании.

Список источников

1. Бандура А. Теория социального научения: монография. Москва: Директ-Медиа, 2008. 532 с.
2. Бизунков А.Б., Криштопова М.А. Анализ возможностей повышения качества образования путем использования игровых методов обучения // Вестник Витебского государственного ордена Дружбы народов медицинского университета. 2021. Т. 20. № 4. С. 81 – 88. DOI: <https://doi.org/10.22263/2312-4156.2021.4.81>
3. Booth T., Ainscow M. Index for Inclusion: developing learning and participation in schools. 4-е изд., перераб. и доп. Cambridge: Index for Inclusion Network, 2016. 187 с.
4. Воднева А.Р., Орешина Г.В., Григоренко Е.Л. Межличностная синхронизация и диспозициональная эмпатия: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 1. С. 35 – 54.
5. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 512 с.
6. Кашапов М. М. и др. Ресурсность мышления и эмпатия как факторы социальной адаптации студентов // Перспективы науки и образования. 2025. № 2 (74). С. 53 – 69.
7. Кашуба И.В., Камышева О.В. Развитие эмпатического потенциала как компонента нравственного воспитания обучающихся в вузе // Научная мысль: традиции и инновации: сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции, 29-30 мая 2024 года. ООО ДиректМедиа, 2024. С. 89.
8. Мавлянов А., Эшматов И. Ё., Хайдарова Л. С. Взаимоотношение педагогов со студентами: психолого-педагогический аспект // Journal of new century innovations. 2025. Т. 78. № 1. С. 44 – 53.

9. Нарзикулова Ф. Развитие эмпатии как компонента коммуникативной компетентности студентов-психологов // *Journal of universal science research*. 2025. Т. 3. № 6 (SPECIAL ISSUE). С. 145 – 148.
10. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб: Питер, 2000. 464 с.
11. Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. Москва: Юридическое издательство Норма, 2023. 608 с. ISBN 978-5-91768-098-9
12. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2004. 480 с.
13. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ характера: Хрестоматия по психологии и типологии характеров. Самара: БАХРАХ-М, 2021. 640 с.
14. Рылеева А.С. Содержание психолого-педагогического сопровождения по развитию эмпатии у обучающихся в университете // *Мир науки, культуры, образования*. 2024. № 4 (107). С. 289 – 291.
15. Садовская А.А. Взаимосвязь темперамента и эмпатии // *Проблемы и перспективы развития современной медицины: сб. науч. ст. XVI Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием студентов и молодых учёных (г. Гомель, 22-23 мая 2024 г.): в 7 т. Гомель, 2024. Т. 1. С. 129 – 131.*
16. Санжениаков А.А. Эмпатия в феноменологической психологии и психотерапии // *Reflexio*. 2023. Т. 15. № 2. С. 5 – 16.
17. Слесаренко З.Р. Философско-культурологическое осмысление эмпатии в эпоху Возрождения // *Общество: философия, история, культура*. 2025. № 6. С. 234 – 239.
18. Стоянова Е.И., Колкова С.М., Живаева Ю.В. Динамика развития эмпатии студентов-психологов в период обучения в вузе // *Проблемы современного педагогического образования*. Ялта: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. № 76-1. С. 379 – 381.
19. Шахноза Т. Инклюзивное образование и универсальный дизайн: два понятия // *Общество и инновации*. 2024. Т. 5. № 8/S. С. 196 – 201. DOI: 10.47689/2181-1415-vol5-iss8/S-pp196-201

References

1. Bandura A. Social learning theory: monograph. Moscow: Direct-Media, 2008. 532 p.
2. Bizunkov A.B., Krishtopova M.A. Analysis of possibilities of improving the quality of education through the use of game teaching methods. *Bulletin of the Vitebsk State Order of Friendship of Peoples Medical University*. 2021. Vol. 20. No. 4. P. 81 – 88. DOI: <https://doi.org/10.22263/2312-4156.2021.4.81>
3. Booth T., Ainscow M. Index for Inclusion: developing learning and participation in schools. 4th ed., revised. and enlarged. Cambridge: Index for Inclusion Network, 2016. 187 p.
4. Vodneva A.R., Oreshina G.V., Grigorenko E.L. Interpersonal synchronization and dispositional empathy: a review of foreign studies. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 35 – 54.
5. Karpenko L.A. Brief psychological dictionary. Under the general editorship of A.V. Petrovsky, M.G. Rostov-on-Don: Phoenix, 1999. 512 p.
6. Kashapov M.M. et al. Resourcefulness of thinking and empathy as factors of social adaptation of students. *Prospects of science and education*. 2025. No. 2 (74). P. 53 – 69.
7. Kashuba I.V., Kamyshcheva O.V. Development of empathic potential as a component of moral education of students at the university. *Scientific thought: traditions and innovations: collection of scientific papers of the V All-Russian scientific and practical conference, May 29-30, 2024. OOO DirectMedia, 2024. P. 89.*
8. Mavlyanov A., Eshmatov I.Ye., Khaidarova L.S. Relationship between teachers and students: psychological and pedagogical aspect. *Journal of new century innovations*. 2025. Vol. 78. No. 1. P. 44 – 53.
9. Narzikulova F. Development of empathy as a component of communicative competence of psychology students. *Journal of universal science research*. 2025. V. 3. No. 6 (SPECIAL ISSUE). P. 145 – 148.
10. Nelson-Jones R. Theory and Practice of Consulting. SPb: Piter, 2000. 464 p.
11. Osipov G.V., Moskvichev L.N. Sociological Dictionary. ed. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. Moscow: Legal Publishing House Norma, 2023. 608 p. ISBN 978-5-91768-098-9
12. Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E.Yu. Psychology of Labor and Human Dignity. Moscow: Academy, 2004. 480 p.
13. Raigorodsky D.Ya. Psychology and psychoanalysis of character: Reader on psychology and typology of characters. Samara: BAKHRAKH-M, 2021. 640 p.
14. Ryleeva A.S. Contents of psychological and pedagogical support for the development of empathy in university students. *The world of science, culture, education*. 2024. No. 4 (107). P. 289 – 291.

15. Sadovskaya A.A. The relationship between temperament and empathy. Problems and prospects for the development of modern medicine: collection of scientific articles of the XVI Rep. scientific-practical. conf. with international. with the participation of students and young scientists (Gomel, May 22-23, 2024): in 7 volumes. Gomel, 2024. Vol. 1. P. 129 – 131.
16. Sanzhenakov A.A. Empathy in phenomenological psychology and psychotherapy. Reflexio. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 5 – 16.
17. Slesarenko Z.R. Philosophical and cultural understanding of empathy in the Renaissance. Society: philosophy, history, culture. 2025. No. 6. P. 234 – 239.
18. Stoyanova E.I., Kolkova S.M., Zhivaeva Yu.V. Dynamics of empathy development of psychology students during their studies at the university. Problems of modern pedagogical education. Yalta: Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 2022. No. 76-1. P. 379 – 381.
19. Shakhnoza T. Inclusive education and universal design: two concepts. Society and innovation. 2024. Vol. 5. No. 8/S. P. 196 – 201. DOI: 10.47689/2181-1415-vol5-iss8/S-pp196-201

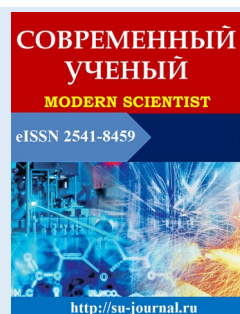
Информация об авторах

Вашетина О.В., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, ул. Межлаука 1

Хафизова А.А., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, ул. Межлаука 1

Садртдинова Л.Р., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, ул. Межлаука 1

© Вашетина О.В., Хафизова А.А., Садртдинова Л.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.147

Опыт использования цифровых образовательных ресурсов для педагогического контроля знаний студентов медицинского вуза по дисциплине «Физическая культура и спорт»

¹ Кабышева М.И., ¹ Ефремов Т.А., ¹ Воронин И.С., ¹ Давудов Т.С., ¹ Ткач А.С.

¹ Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация: в статье представлен метод контроля знаний студентов медицинского вуза в области физической культуры и спорта с применением цифровых образовательных технологий. Проведенное исследование теоретически обосновывает целесообразность интеграции цифровых образовательных ресурсов в систему физического воспитания для повышения качества знаний студентов. Отличительной особенностью предлагаемого подхода является его универсальность – возможность диагностики исходного уровня знаний студентов вузов различных направлений подготовки и отслеживания динамики знаний как результата целенаправленных педагогических воздействий. Полученные результаты обладают практической значимостью для формирования педагогических методов контроля, ориентированных на повышение уровня знаний студентов в области физической культуры и спорта в контексте высшего образования.

Ключевые слова: физическая культура и спорта, метод контроля знаний, цифровые образовательные ресурсы, студенты медицинского вуза

Для цитирования: Кабышева М.И., Ефремов Т.А., Воронин И.С., Давудов Т.С., Ткач А.С. Опыт использования цифровых образовательных ресурсов для педагогического контроля знаний студентов медицинского вуза по дисциплине «Физическая культура и спорт» // Современный ученый. 2025. № 9. С. 349 – 355.

Поступила в редакцию: 20 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Experience of using digital educational resources for pedagogical control of knowledge of medical university students in the discipline "Physical Education and Sports"

¹ Kabysheva M.I., ¹ Efremov T.A., ¹ Voronin I.S., ¹ Davudov T.S., ¹ Tkach A.S.

¹ Kuban State Medical University Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: the article presents a method for monitoring the knowledge of medical university students in the field of physical education and sports using digital educational technologies. The study theoretically substantiates the feasibility of integrating digital educational resources into the physical education system to improve the quality of students' knowledge. A distinctive feature of the proposed approach is its versatility – the ability to diagnose the

initial level of knowledge of university students in various fields of training and track the dynamics of knowledge as, a result of targeted pedagogical influences. The results obtained are of practical importance for the formation of pedagogical methods of control aimed at improving the quality of students' knowledge in the field of physical education and sports in the context of higher education.

Keywords: physical education and sports, knowledge control method, digital educational resources, medical students

For citation Kabysheva M.I., Efremov T.A., Voronin I.S., Davudov T.S., Tkach A.S. Experience of using digital educational resources for pedagogical control of knowledge of medical university students in the discipline "Physical Education and Sports":. Modern Scientist. 2025. 9. P. 349 – 355.

The article was submitted: April 20, 2025; Approved after reviewing: June 23, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Приоритетной задачей системы высшего образования является формирование у студентов знаний о здоровье и способах организации здорового образа жизни [8].

Эта задача приобретает особую актуальность для обучающихся медицинских вузов, поскольку их состояние здоровья и уровень работоспособности являются условием эффективной профессиональной деятельности в будущем.

По материалам гигиенической оценки условий профессиональной деятельности медицинских специалистов выделяют основные факторы риска, способные оказывать влияние на их здоровье. Ключевым фактором является нервно-эмоциональное напряжение, порожденное высокой степенью ответственности за результаты труда, потребностью в быстром принятии решений, возможностью допустить ошибку при выполнении сложных клинических задач и действий в условиях временных ограничений. Такое перенапряжение в дальнейшем может развиваться в профессиональное заболевание [5].

К профзаболеваниям медицинского персонала относятся поражения периферических нервов и мышц, невриты, радикулополиневриты, шейно-плечевые плекситы и вегетомиофасциты. Также страдает опорно-двигательный аппарат, появляются хронические воспаления оболочек сухожилий (тендовагиниты), стенозирующих лигаментитов, воспалений суставных сумок (бурситы), воспаления надмыщелка плечевой кости (эпикондилит) и дегенеративных изменений суставов. Нарушения двигательной координации могут выражаться в виде координаторных неврозов, писчего спазма и других физиологических расстройств движения [5].

В качестве превентивных мер профессиональных заболеваний врачей, разрабатываются профилактические мероприятия, включающие рекомендации по оптимальной организации

режима труда и отдыха, направленные на поддержание и сохранение здоровья.

Научные данные свидетельствуют, что у специалистов, ведущих активный образ жизни, физическая культура и спорт становится мощным инструментом поддержания здоровья и повышения профессиональной эффективности. Регулярные занятия улучшают работу сердечно-сосудистой системы и опорно-двигательного аппарата, повышают когнитивные способности. Владение навыками самостоятельной организации занятий физкультурой и спортом является адаптивным механизмом, нивелирующим действие вредных производственных факторов на здоровье медиков.

В связи с этим современный врач должен обладать необходимыми знаниями поддержания физической работоспособности, профилактики профзаболеваний средствами и методами физической культуры, т.к. важность этих знаний обуславливается профессией врача, обязывающей быть здоровым и популяризировать здоровый образ жизни. Так же необходимы умения применять знания физической культуры и спорта на практике, адаптируя их к своим индивидуальным особенностям и особенностям своих пациентов [4].

Однако существующая система физического воспитания студентов в большинстве вузов направлена, в первую очередь, на выполнение контрольных нормативов по физической подготовленности и повышение моторной плотности учебно-тренировочного занятия. Формированию у обучающихся специальных физкультурных знаний уделяется недостаточное внимание [2, 4].

Такое положение не способствует в полной мере реализации образовательных задач физического воспитания, обусловленное недооценкой значимости физической культуры в медицинском вузе, что делает поиск путей

оптимизации контроля знаний студентов актуальным. Это включает в себя разработку эффективных инструментов оценки знаний с использованием цифровых образовательных ресурсов.

В настоящий период в мировом образовании наблюдаются отчетливые тенденции к более широкому использованию интеграции традиционных методов и интернет-ресурсов, разрабатывающих тестовые задания для осуществления контроля знаний [1, 3, 7].

Наибольшее распространение интеграционные методы получили в системе физического воспитания студентов университетов Китая.

Например, учащиеся медицинских вузов предпочитают использование гаджетов не только для развлечения и обмена информацией, но и для сбора данных, связанных со здоровьем и разработкой оптимальных подходов к физической подготовке. Это позволяет осуществлять контроль знаний не только по физической культуре, но и в области других дисциплин: анатомии, физиологии, медицины, что дает возможность повысить уровень базовой медицинской грамотности, академическую мотивацию студентов, уделяющих относительно меньше внимания изучению профильных дисциплин, способствует развитию навыков и умений оказывать первую медицинскую помощь, определять тип повреждения и узнавать больше о внутренних органах человека [6].

Одним из подходов к повышению качества физического воспитания является использование цифровых технологий iPad, видеокамер, мобильных приложений и носимых гаджетов (умные часы), связанных со здоровьем. Эти достижения открывают новые возможности для совершенствования за счет использования методов видеонализа, а также изучения анатомических и физиологических реакций студентов. Цифровые технологии могут использоваться в качестве табло и специализированной платформы для интерактивного управления студенческой группой с помощью таймера, музыкального дисплея и микрофона. В то же время было установлено, что гаджеты: ноутбуки, планшеты, мобильные телефоны и другие приложения, используемые в физическом воспитании, могут повысить не только знания и мотивацию студентов, но и развить личностные качества, способствовать сплоченности учебной группы [6].

Изучение опыта использования цифровых образовательных ресурсов в физическом воспитании студентов университетов Китая показывает, что мобильные приложения являются

активно используемыми инструментами формирования знаний для создания персонализированных тренировочных программ, а приложения MyFitnessPal, Nike Training Club и другие могут включать в себя различные виды упражнений, рекомендации по питанию и режиму отдыха, предоставлять студентам доступ к статистике и отчетам. Цифровые ресурсы также служат инструментом для создания виртуальных тренировочных тренажеров. Эти проекты помогают студентам сформировать знания о различных видах двигательной активности и техники их выполнения без риска получения травмы.

В целом университеты по всему миру стремятся интегрировать мобильные приложения в систему физического воспитания. Эта тенденция продолжает развиваться. Тем не менее, степень интеграции может варьироваться в зависимости от университета и региона, а также от наличия необходимых ресурсов и технологий.

В педагогическом аспекте цифровые образовательные ресурсы понимаются как система отношений, возникающих в образовательной деятельности путем применения информационных технологий. Эти технологии дают студентам платформу для усвоения физкультурных и смежных знаний, формирования ответственного поведения в цифровом пространстве [9, 10].

Однако анализ отечественной и зарубежной литературы указывает на все еще ограниченное распространение предлагаемого прогрессивного метода, известного как интеграция обучения, в высших учебных заведениях. При этом проблема интегрированного обучения остается востребованной.

Цель исследования: выявить качество знаний студентов по дисциплине «Физическая культура и спорт» на основе результатов диагностического тестирования, изучить эти результаты в контексте их получения через портал дистанционного обучения Кубанского государственного медицинского университета (КубГМУ), который является частью вузовской системы цифровой оценки и мониторинга качества образования.

Мы исходим из гипотезы, что для повышения качества знаний студентов медицинского вуза необходимо использовать современные цифровые образовательные ресурсы в учебном процессе. Это позволит более эффективно контролировать и оценивать знания студентов.

Материалы и методы исследований

Исследование было проведено с применением комплексной методологии, объединяющей теоретические и эмпирические подходы.

Теоретическая часть включала анализ релевантной научной литературы, а эмпирическая – анализ и синтез полученных данных посредством тестирования, наблюдения и математических методов.

Материалы исследования включали протоколы тестирования 233 студентов, представляющих 15 учебных групп одного потока (второй курс педиатрический факультет). Гендерный состав выборки составил: 183 – девушки (78,54%), 50 – юноши (21,46%).

Тестирование включало 465 заданий, предусматривающих выбор одного или нескольких правильных ответов из диапазона от 2 до 6 предложенных вариантов. Каждому испытуемому компьютерная программа предлагала 50 заданий из 465 с ограничением по времени 60 минут.

Все тестовые задания были структурированы по трем категориям:

1) естественно-научные знания, лежащие в основе физической культуры и смежных дисциплин: анатомии, физиологии, экологии, гигиены;

2) методико-практические аспекты организации физкультурно-спортивной деятельности (принципы построения тренировок, методы и средства развития физических качеств, правила составления комплексов упражнений и др.);

3) физкультурно-спортивная эрудиция и осведомленность в области физической культуры и спорта.

Оценка успеваемости осуществлялась по шкале: «отлично» (90-100% правильных ответов), «хорошо» (75-89%), «удовлетворительно» (60-74%) и «неудовлетворительно» (менее 60%). Студенты, не преодолевшие порог в 60% правильных ответов, допускались ко второй попытке тестирования.

Результаты и обсуждения

Анализ результатов исследования продемонстрировал неравномерное распределение знаний среди студентов. Выявлено, что студенты обладают наилучшими познаниями в естественно-научных основах физической культуры. В то же время, их осведомленность в сфере общей физкультурно-спортивной грамотности ниже, а уровень владения методикой организации самостоятельных занятий физической культурой и спортом, что является основополагающим для их организации, оказался наименее сформированным.

Обнаруженная диспропорция в знаниях отдельных разделов программы подтверждается полученными фактами: знания по одним темам значительно превосходят знания по другим.

Например, в то время как 63,84% респондентов хорошо разбираются в физической работоспособности и причинах утомления, существует пробел в знаниях относительно методик саморегуляции психических состояний и других релаксационных техник восстановления, которыми владеют всего 29,97% тестируемых.

Более 57,27% тестируемых студентов осведомлены о формах и значении для здоровья производственной гимнастики. Однако всего 16,49% студентов оказались компетентны в выборе упражнений для грамотного составления комплексов физкультминутки и физкультпаузы на производстве, только 12,31% знают состав упражнений производственной физической культуры и методику ее проведения в режиме дня.

Около 60% студентов обладают базовыми знаниями о самоконтроле функционального состояния, ограничиваясь такими методами, как измерение пульса и оценка самочувствия, которые не требуют специального оборудования. Информация о других, более специфических показателях, доступна ограниченному числу студентов.

Студенты знают (17,67%) нагрузочные тесты с приседаниями, для оценки реакции организма на физическую активность, осведомлены (23,05%) о таких субъективных показателях, как затрудненное дыхание и покраснение лица, в качестве индикаторов плохой переносимости физической нагрузки.

Результаты тестирования показали, что более 80% не имеют опыта ведения дневника самоконтроля. Лишь 10% студентов отметили, что вели такой дневник в школьные годы, когда занимались в спортивной секции.

Более половины участников исследования (67,25%) сообщили о периодическом использовании цифровых серверов для отслеживания своего физического состояния. В частности, они выделили шагомер, интегрированный в смартфоны (включая айфоны), который позволяет им следить за ежедневной двигательной активностью и ее тенденциями в долгосрочной перспективе.

Исследование показало, что большинство студентов (67,51%) обладают теоретическими знаниями о физических качествах, включая их определения. Однако, когда дело доходит до выбора средств и методов практического применения знаний, способствующих развитию этих качеств, компетентность студентов резко падает до 17,38%.

Кроме того, студенты демонстрируют недостаточную осведомленность в вопросах

техники безопасности во время занятий физической культурой и спортом, с уровнем грамотности 34,68%. Только четверть обследованных студентов (24,86%) обладают знаниями о том, что во время занятий важно осознавать риски, присущие каждому типу упражнений, и быть готовыми к использованию страховки и специального оборудования.

Выявленная разница в качественном уровне знаний студентов свидетельствует о необходимости более углубленного изучения методического раздела программы физической культуры и спорта.

Тенденция недостатка знаний методики физической культуры подтверждается данными полученными в ходе проведения практических занятий. Установлено, что в группах, насчитывающих от 15 до 20 человек, лишь два-три студента, как правило, имеющие опыт спортивной деятельности на регулярной основе, способны грамотно провести фрагмент занятия (разминку или спортивную игру).

По нашему мнению, слабая подготовленность студентов вызвана не только нехваткой методических знаний, но и отставанием в развитии организационно-коммуникативных навыков. На наш взгляд ключевым является создание на занятиях инклюзивной и поддерживающей среды, создание условий, подчеркивающих важность совместной работы, вовлечение студентов в процесс выбора и организации игр, предоставление возможности влиять на ход занятий и обсуждать предлагаемые виды двигательной активности.

Необходимо отметить, в целом уровень знаний студентов является достаточно высоким: 32,03% студентов завершили тест с оценкой «отлично», 62,11% – «хорошо» и лишь 5,86% – «удовлетворительно». Гендерные различия в уровне знаний студентов оказались незначительными. Большинство юношей (57,34%) и девушек (66,88%) показали хорошие результаты. Процент отличных оценок также был высокой (34,48% у юношей и 29,57% у девушек), количество удовлетворительных оценок – минимальным (8,18% у юношей и 3,55% у девушек), неудовлетворительных оценок не оказалось. Все студенты прошли тестирование с первой попытки.

Выводы

В рамках дисциплины «Физическая культура и спорт» была проведена оценка качества знаний студентов медицинского вуза с использованием цифровых образовательных ресурсов. Установлено, что средние баллы по диагностическому тестированию 94,13% испытуемых находятся в пределах оценок «хорошо» и «отлично». Выявленная диспропорция в качественном уровне знаний студентов свидетельствует о необходимости более углубленного изучения методико-практического раздела программы.

Предлагаемый метод педагогического контроля на основе специально разработанной цифровой программы позволяет объективно оценить студентов не зависимо от преподавателя и устранить элемент субъективности.

Преимуществом предлагаемого метода является универсальность его использования – возможность определять исходный уровень знаний студентов вузов различных направлений подготовки, корректировать и отслеживать динамику знаний как результат целенаправленных педагогических воздействий.

В связи с этим бумажные носители теряют свою актуальность, уступая место усовершенствованным цифровым методам педагогического контроля. Современные решения предлагают беспрецедентную гибкость, обеспечивая такую возможность независимо от времени суток и географического положения.

Теоретически обосновано положение о возможности и целесообразности использования цифровых образовательных ресурсов в процессе повышения качества знаний студентов медицинских вузов.

Возможность интеграции цифровых образовательных ресурсов в учебный процесс медицинских вузов позволяет глубже понять сущность и особенности повышения качества образования в условиях его информатизации, тем самым обогащая дидактику высшей школы.

Результаты исследования имеют практическую значимость при разработке форм педагогического контроля знаний с использованием цифровых образовательных ресурсов ориентированных на повышение их качества в области физической культуры и спорта в высших учебных заведениях.

Список источников

1. Глобенко Д.П., Савкина Н.В. Современные информационные методы контроля по предмету физическая культура в вузах // Наука-2020. 2017. № 5 (16). С. 20 – 26.
2. Горская И.Ю., Нефедченко А.Н., Аверьянов И.В. Анализ осведомленности студентов о средствах самоконтроля функционального состояния в процессе занятий физической культурой // Современные вопросы биомедицины. 2022. Т. 6. № 2 (19). С. 254 – 259.
3. Кабышева М.И. Акмеографическое тестирование в исследовании аутофизкультурной компетентности студентов // Школа Науки. 2021. № 8 (45). С. 22 – 23.
4. Мандриков В.Б. Методология профилирования физического воспитания студентов медицинских вузов: автореф. дис. ... докт. педаг. наук. Волгоград, 2002. 40 с.
5. Медики их труд и здоровье. Управление Роспотребнадзора по Республике Мордовия. [Электронный ресурс]. URL: <https://13.rospotrebnadzor.ru/content/mediki-ih-trud-i-zdorove> (дата обращения: 18.04.2025)
6. Нью Ю. Интегрированное физическое воспитание и медицина в рамках общего физического воспитания в университетах в эпоху образовательных технологий // BMC Med Educ 23. 466 (2023). [Электронный ресурс] URL: <https://bmcmmeduc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12909-023-04440-9> (дата обращения: 12.04.2025)
7. Приказ Министерства просвещения РФ от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73235976/?ysclid=md8m2kqds3218149396> (дата обращения: 11.02.2025)
8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420353316/> (дата обращения: 06.04.2025)
9. Филиппова Е.Г. Анализ результатов диагностического тестирования первокурсников УрГУПС по математике // Инновационные технологии обучения математическому и имитационному моделированию студентов транспортного вуза: Сборник научных трудов / Под научн. ред. Г.А. Тимофеевой, О.В. Куликовой. Вып. 4 (248). Екатеринбург: Уральский государственный университет путей сообщения, 2022. С. 79 – 85.
10. Шилова О.Н. Цифровая образовательная среда: педагогический взгляд // Человек и образование. 2020. № 2 (63). С. 36 – 41.

References

1. Globenko D.P., Savkina N.V. Modern information methods of control in the subject of physical education in universities. Science-2020. 2017. No. 5 (16). P. 20 – 26.
2. Gorskaya I.Yu., Nefedchenko A.N., Averyanov I.V. Analysis of students' awareness of the means of self-monitoring of the functional state in the process of physical education classes. Modern issues of biomedicine. 2022. Vol. 6. No. 2 (19). P. 254 – 259.
3. Kabysheva M.I. Acmeographic testing in the study of autophysical culture competence of students. School of Science. 2021. No. 8 (45). P. 22 – 23.
4. Mandrikov V.B. Methodology for profiling physical education of students of medical universities: author. dis. ... doc. pedag. sciences. Volgograd, 2002. 40 p.
5. Doctors, their work and health. Office of Rospotrebnadzor for the Republic of Mordovia. [Electronic resource]. URL: <https://13.rospotrebnadzor.ru/content/mediki-ih-trud-i-zdorove> (date of access: 18.04.2025)
6. Nyu Yu. Integrated physical education and medicine within the framework of general physical education at universities in the era of educational technologies // BMC Med Educ 23. 466 (2023). [Electronic resource] URL: <https://bmcmmeduc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12909-023-04440-9> (date of access: 12.04.2025)
7. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of December 2, 2019 No. 649 "On approval of the Target Model of the digital educational environment". [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73235976/?ysclid=md8m2kqds3218149396> (date of access: 11.02.2025)
8. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 No. 273-FZ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420353316/> (date of access: 06.04.2025)

9. Filippova E.G. Analysis of the results of diagnostic testing of first-year students of the Ural State Transport University in mathematics. Innovative technologies for teaching mathematical and simulation modeling to students of a transport university: Collection of scientific papers. Under the scientific editorship of G.A. Timofeeva, O.V. Kulikova. Issue. 4 (248). Yekaterinburg: Ural State Transport University, 2022. P. 79 – 85.

10. Shilova O.N. Digital educational environment: pedagogical view. Man and education. 2020. No. 2 (63). P. 36 – 41.

Информация об авторе

Кабышева М.И., кандидат педагогических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой физической культуры и спорта, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9984-0223>, Author ID: 333795, Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 350063, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, 4, maslova70@inbox.ru

Ефремов Т.А., Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 350063, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, 4, timefr2022@yandex.ru

Воронин И.С., старший преподаватель, Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 350063, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, 4, voronin05/04/1990@mail.ru

Давудов Т.С., преподаватель, Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 350063, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, 4, talehkms19@mail.ru

Ткач А.С., преподаватель, Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 350063, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, 4, aleksander0505@mail.ru

© Кабышева М.И., Ефремов Т.А., Воронин И.С., Давудов Т.С., Ткач А.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 782.1

Теоретические основы академического вокально-хорового исполнительства и их педагогическое применение в работе с китайскими студентами

¹ Ли Дин

¹ Цзилиньский педагогический университет, Китай

Аннотация: в статье представлен анализ теоретических аспектов формирования академической парадигмы вокально-хорового исполнительства. Важная роль отведена исторической ретроспективе, на основе которой автор анализирует пути формирования академического вокала в европейской и российской традициях, их сходства и различия. Читателю предоставляется сравнительный и художественно-эстетический анализ тех жанров вокального творчества, в окружении которых академический вокал рассматривается как отдельное направление музыкального искусства, обладающего своей ярко выраженной спецификой. Не менее важными представляются и аксиологические аспекты академического пения, которые способны оказывать мотивационное воздействие на художественное мировоззрение обучающегося музыканта. Цель настоящего исследования направлена на выявление педагогического потенциала академической вокальной музыки, представленной как в виде сольного исполнительства, так и в виде хорового ансамбля. Автор обращается к этим двум направлениям учебной деятельности, которые реализуются в работе со студентами музыкальных университетов Китая. Основной вывод направлен на констатацию того важного концептуального положения, в соответствии с которым умение работать в двух парадигмах расширяет творческий потенциал китайского студента и укрепляет его профессиональные позиции в сфере музыкально-исполнительского творчества.

Ключевые слова: академический вокал, сольное и хоровое исполнительство, богослужебная музыка, народная песня, эстрадно-джазовый вокал, художественно-эстетические ценности

Для цитирования: Ли Дин Теоретические основы академического вокально-хорового исполнительства и их педагогическое применение в работе с китайскими студентами // Современный ученый. 2025. № 9. С. 356 – 362.

Поступила в редакцию: 20 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Theoretical basis of academic vocal and choral performance and their pedagogical application in working with Chinese students

¹ Li Ding

¹ Jilin Pedagogical University, China

Abstract: the article presents an analysis of the theoretical aspects of the formation of the academic paradigm of vocal and choral performance. An important role is assigned to the historical retrospective, on the basis of which the author analyzes the ways of formation of academic vocals in the European and Russian traditions, their similari-

ties and differences. The reader is provided with a comparative, artistic, and aesthetic analysis of those genres of vocal creativity, surrounded by which academic vocals are considered as a separate direction of musical art, which has its own pronounced specificity. Equally important are the axiological aspects of academic singing, which can have a motivational effect on the artistic worldview of a trained musician. The purpose of this study is aimed at identifying the pedagogical potential of academic vocal music, presented both as a solo performance and as a choral ensemble. The author refers to these two areas of educational activity, which are implemented in working with students of music universities in China. The main conclusion is aimed at stating the important conceptual position according to which the ability to work in two paradigms expands the creative potential of a Chinese student and strengthens his professional position in the field of musical and performing arts.

Keywords: academic vocals, solo and choral performance, liturgical music, folk song, pop and jazz vocal, artistic and aesthetic values

For citation: Li Ding Theoretical basis of academic vocal and choral performance and their pedagogical application in working with Chinese students. Modern Scientist. 2025. 9. P. 356 – 362.

The article was submitted: April 20, 2025; Approved after reviewing: June 23, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Музыкально-театральное искусство представляет собой одну из фундаментальных составляющих развития искусства в целом. Театр, будучи древнейшим по своему историческому происхождению, не теряет своей актуальности и на сегодняшний день. Искусство театра весьма разнообразно, отвечая той или иной национальной традиции. Тем не менее, в феноменологии театрального искусства отмечается наличие таких позиций, которые имеют вненациональный, общемировой характер. Тем это становится очевиднее, когда речь заходит о *вокальном исполнительстве*. Театральное певческое творчество в своем аутентичном виде, который нам доступен на сегодняшний день, восходит своими корнями к Италии XVI столетия. Именно здесь зарождается тот жанр, который дает вокально-театральному творчеству большой простор, - *жанр оперы*. Специфике оперного исполнительства соответствует определенная парадигма вокального звукоизвлечения, которую принято называть «академическим вокалом». Распространившись по Европе, оперное творчество в XVIII веке пришло в Россию. Русская опера с точки зрения специфики вокально-хорового исполнительства имеет как сходства с европейской классической традицией, так и свои существенные от нее отличия. Отсюда первая составляющая направлена на сравнительный анализ национальных и общемировых традиций академической музыки в их историческом развертывании (диахрония).

С другой стороны, сам академический вокал по своей художественной характерологии и специфике значительно отличается от остальных певческих жанров, к числу которых можно отнести *богослужебное пение, народную песню*, а также исторически более поздний *эстрадно-джазовый*

жанр, весьма распространенный в нашей современности (синхрония). Каждый жанр характеризуется своими специфическими отличиями в области художественно-эстетических тенденций в целом и манерой звукоизвлечения в частности.

Присутствует и третья компаративная составляющая вопросов, связанных с академической вокальной традицией. Она связана с *антитезой сольного и хорового пения*. В сольном варианте певец демонстрирует исключительно свои профессиональные умения и навыки. В составе хорового ансамбля он призван корректировать манеру звукоизвлечения, исходя из особенностей хорового коллектива, в составе которого он реализует свою исполнительскую роль.

Именно эти три антитетические составляющие (национальное-общемировое, академическое-внеакадемическое, сольное-хоровое) служат основанием для выявления теоретических основ академического вокально-хорового исполнительства, которое заявлено нами в качестве темы настоящей статьи. Концептуальный план педагогической реализации этих основ направлен на *когнитивно-мотивационную, ценностную и деятельностно-компетентностную* работу с китайскими студентами музыкальных вузов. Сравнение европейской и российской специфики, иллюстрирующее антитезу национального и мирового, компаративный анализ певческого искусства в его различных жанрах, а также обращение к двум принципиально важным для развития вокалиста парадигмам певческого творчества (сольное и хоровое пение), составляет в совокупности ту область задач, решение которых направлено на обогащение педагогической работы с китайскими студентами. Знание материала, основанного на таком многогранном сравнительном анализе, существенно расширяет

познавательный, ценностно-художественный и мотивационный потенциал китайского студента. Данные рассуждения подводят нас к необходимости произвести подбор соответствующего методологического инструментария, с помощью которого можно было бы оптимизировать процесс преподавания академического вокала китайским студентам-вокалистам.

Материалы и методы исследований

Выявление теоретических основ академического вокально-хорового исполнительства, заявленное нами в качестве темы статьи, предполагает многосторонний анализ музыкального материала, который представляет данный жанр. Вторая составляющая заявленной темы исследования отвечает педагогическому применению полученных нами теоретических основ в работе со студентами китайских музыкальных вузов. Отсюда следует вывести два основных плана преподавания академического вокала – *теоретический и практический*. Реализация теоретического сегмента предполагает следующие разделы: когнитивно-мотивационный, ценностно-эстетический подходы, практический сегмент направлен на деятельность-компетентностное (исполнительское) воспроизведение тех знаний, которые получены теоретическим путем.

Суть реализации когнитивного метода в фундаментальном смысле этого понятия трактуется как «выход за пределы непосредственной информации» [1, с. 210-211]. Под «непосредственной информацией» подразумевается сам музыкальный материал, представленный в виде конкретных произведений. Как знакомство с историческими тенденциями, в обстановке который этот материал создавался, так и его ценностно-художественное осмысление, предполагают необходимость «посмотреть на него извне», то есть «выйти за его пределы».

Нами отмечена важность проведения сравнительного анализа по трем вышеизложенным позициям. Из этого проистекает необходимость компаративного метода, который включает в себя *исторический, аксиологический, художественно-эстетический* аспекты изучения академической вокальной традиции. Сам сравнительный анализ осуществляется по всем данным позициям. Теоретико-методологической предпосылкой реализации аксиологического метода служит категория Прекрасного в музыкальном искусстве: «Поскольку основная ценность искусства заключается в созерцании прекрасного, отсюда нельзя упускать из виду функцию музыкально-эстетического наслаждения в воспитании... Многогранность “ролей” музыки определила ее сверхфункцию – преобразую-

щую, воспитательную, обогащающую духовный мир человека, – в которой все же доминирует эстетически-ценностная сторона, включающая и опосредующая все другие функции» [5, с. 14].

Деятельностно-компетентностный план педагогического применения теоретических основ вокально-хорового исполнительства предполагает их концептуальное изложение, демонстрацию педагогом тех или иных приемов и способов академического звукоизвлечения, а также возможность со стороны обучающегося студента-вокалиста эти приемы повторять и воспроизводить в учебно-исполнительской практике. В трудах классиков педагогической науки целесообразнее было бы выделить два метода, представляющиеся с этой точки зрения наиболее важными: *информационно-рецептивный и репродуктивный*. Как отмечает И. Я. Лернер (1917-1996), в рамках реализации информационно-рецептивного (объяснительно-иллюстративного) метода «перед учеником возникает цель внимательно слушать, смотреть совершать практические действия с предметами, затем понять и запомнить полученную информацию. Выполнение этой деятельности... вызывает в ученике психические процессы, в ходе которых развиваются его воля, внимание, память, мыслительные операции, с помощью которых он осознает информацию» [6, с. 95].

Дидактическая сущность репродуктивного метода заключается в том, что «учитель как выразитель коллективной общественной функции обучения конструирует систему заданий на воспроизведение действий... неоднократное воспроизведение способов деятельности позволяет не только применять, но и углублять лежащие в их основе знания, отчасти расширять и тем самым обеспечивать их прочное усвоение» [6, с. 98-99]. Таким образом, мы имеем два плана педагогической реализации настоящего исследовательского проекта: *когнитивный*, включая сравнительный, исторический, художественно-ценностный анализ (Дж. Брунер, Г.Г. Коломиец) и *компетентностный*, направленный на формирование исполнительских навыков и умений обучающегося музыканта в сфере освоения основ академического вокала (И.Я. Лернер).

Результаты и обсуждения

Первый сегмент реализации когнитивного подхода к проблемам вокально-хоровой педагогики отсылает нас в область исторической ретроспективы. С этой точки зрения представляется важным обратиться к Европе XVI столетия, когда зарождается академический вокал в виде его наиболее яркой манифестации – жанра *оперы*. В средние века этому жанру предшествует либо богослужebное пение (григорианский хорал), либо народное му-

зыкальное творчество. В XVI веке формируется содружество поэтов и композиторов под названием «Флорентийская камерата» (1573 год). С деятельности таких итальянских композиторов, как Якопо Пери (1561-1633), написавшего первые оперы под названием «Дафна» (1597 год) и «Эвридика» (1600), Клаудио Монтеверди (1567-1643), автора оперы «Орфей» (1697 год), и других, зарождается, собственно, европейская опера, которая приобрела общемировое значение, распространившись на другие страны.

Качественное отличие оперного жанра в истории музыкально-театрального искусства и тесным образом связанного с ним академического вокала в его историческом развитии состоит в том, что этот сам данный жанр *антропоцентричен*. Если богослужбное пение средневековья направлено на религиозное исполнительство, а народная музыка на отображение тех или иных бытовых сюжетов, то академическая классическая музыка отвечает человеческим *переживаниям, эмоциям, характеристам*. Фундаментальный антропоцентризм, на базе которого формировался академизм музыкального искусства, представляет собой часть общеполитической тенденции эпохи Ренессанса, ознаменовавшегося кардинальным *поворотом к реставрации античных традиций*.

Отсюда возникает запрос на расширение исполнительских возможностей вокалиста. Отражение человеческих характеров во всей палитре их эмоциональной выразительности повлекло за собой необходимость соответствовать музыкальным инструментам, которыми сопровождалось академическое пение. Соотнесенность с инструментальной музыкой создает предпосылки к расширению певческого диапазона, что требует специальных разработок в сфере вокальной техники, а, следовательно, и отдельного внимания к проблемам физиологии. Данная область вопросов играет принципиальную роль в воспроизведении штрихов, характера, динамики, нюансировки, декоративных компонентов, техники вибрата, пассажей. Для исполнения данных средств музыкальной выразительности неотъемлемой частью является работа дыхания, опоры, артикуляции, смыкания голосовых связок, создающего мягкость и «полётность» академического звукоизвлечения, «ровность голоса» (Ф. Ламперти, М. Гарсиа) [8, с. 14-31]. «В вокальной музыке различают 3 основных типа мелодий: 1. Певучий стиль – кантилена (от итал. *canto* – петь), широкое, плавное пение. 2. Декламационный стиль – приближается к интонациям речи, речитативы. 3. Колоратурный стиль – здесь наблюдается отход от слова, большое количество украшений (иногда дробящих слово), пас-

сажей, быстрое движение мелодии» [8, с. 74]. Все эти различные типы вокально-хорового исполнительства объединяет единая парадигма звукоизвлечения и вокальная техника, распространяющаяся как на солиста, так и на хорового исполнителя.

Жанр оперы под непосредственным влиянием итальянских композиторов распространился в XVIII веке и в России. Если в Европе мы наблюдаем «легкость» воспроизведения штриха, декоративных элементов, «полётность» при исполнении сложных пассажей, то в русской академической традиции, представленной в опере, романсах и кантатно-ораториальном жанре, присутствует *большой драматизм*. Манера звукоизвлечения характеризуется некоторой «тяжеловесностью», что исторически связано с монотонностью богослужбного пения, отличавшегося аскетизмом. Прежде всего, речь идет о знаменном унисонном пении, путевом распеве, имевшем «тяжеловесный характер движения», как отмечает К.Ф. Никольская-Береговская [7, с. 20].

Черты драматизма, народности в особенности воспроизвелись в оперном творчестве М.И. Глинки («Жизнь за царя» (1836), «Руслан и Людмила» (1842)), который совершил поворот в сторону национальных мелодических традиций, заложив основу русского композиторского искусства последующей эпохи. Как, в частности, отмечает О. В. Скобелева, «основой оперы (“Жизнь за царя”) является высокое обобщение образа народа в его этическом, нравственном аспекте: народ как носитель духовных ценностей, как воплощение мужества, добра, справедливости. Отсюда своеобразие композиции, сочетающей в себе черты эпичности и драматизма: трагические события разворачиваются в масштабе народной эпопеи» [9, с. 26].

Традиции М.И. Глинки продолжил ряд композиторов XIX века: М.П. Мусоргский, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков и др. С именами М.И. Глинки, А.Е. Варламов, Г.Я. Ломакина связано формирование и развитие *русской вокальной школы*. На примере сравнения между европейской академической традицией и русского вокального искусства мы можем наблюдать сближение их в области художественной характерологии, романтизме и антропоцентризме, однако в манере исполнительства, физиологических характеристиках звукоизвлечения отмечается и существенное отличие двух этих традиций друг от друга в сторону антитезы «легкость-тяжеловесность», «лиризм-драматизм» (в аспекте преобладания одного над другим). Европейская и русская традиции оказали непосредственное влияние на китайское музыкальное искусство, европеизация которого «происходила в трудные 1920-30-е годы. Эти события

связаны в первую очередь с русской эмиграцией в северную (Харбин) и центральную части Китая (Нанкин, Шанхай, отчасти Пекин), а также с приездом выдающихся российских певцов во главе с Ф.И. Шаляпиным» [4, с. 51].

Отмеченный нами антропоцентризм академической вокально-хоровой традиции, как на общемировом, так и на национальном уровнях, воспроизводит себя и в своей *ценностно-художественной интерпретации*. Представляется уместным вести речь о сравнении академического пения с другими жанрами вокального исполнительства, включая богослужебную и народную музыку, а также более поздний по происхождению жанр эстрадно-джазового вокала. Каждый из них отличается своей художественной интенциональностью: богослужебное пение имеет своим предметом религиозную устремленность, выражаемую в характерологической сдержанности, округлости манеры звукоизвлечения; народное – отображает жизненное пространство человека во всей совокупности своих сюжетных линий – рядовой быт, труд, патриотизм, бытовая драма и т.п.

Эстрадный и джазовый вокал направлен на достижение тех или иных позитивных эмоциональных трансформаций, позволяющих сознанию слушателя отойти от рутины повседневности. Специалистами в области вокальной педагогики отмечается существенное различие между академическим и эстрадным вокалом: «Современные образовательные методики в области вокала предлагают два принципиально разных подхода – эстрадный и академический, каждый из которых имеет свои уникальные особенности, продиктованные целями и задачами обучающихся... В свою очередь, обучение академическому вокалу основывается на строгих канонах и традициях, восходящих к классическим представлениям о теории и практике пения. Здесь акцент делается на развитие технического мастерства и точности исполнения» [2, с. 148]. Художественно-каноническая строгость академического вокально-хорового исполнительства обусловлена его выраженной антропоцентрической направленностью, сложностью устройства человеческих характеров, эмоций и отношений. Для их ретрансляции требуется максимальное вокально-техническое мастерство.

Эстрадный жанр не предполагает четкого соблюдения классических канонов, делая наибольший акцент на импровизационности, исполнительской гибкости и пластичности, с такими часто используемыми стилистическими приемами, как *глиссандо*, *назальный призыв*, *субтон*, *придыхание* и прочее. «Говоря об эстрадном пении, хочется отметить, что здесь нет единой эстетики в голосо-

ведении и звукообразовании» [10, с. 234]. В качестве одного из существенных отличий можно привести наличие в эстрадном вокале такого важного сценического компонента, как *звукоусиливающая аппаратура и микрофон*. Владение микрофоном в рамках эстрадно-джазового исполнительства составляет одну из важнейших частей освоения вокального искусства. Академический вокал данный компонент исключает.

Народное пение также имеет свои отличительные черты, к числу которых можно отнести «прямое звукоизвлечение», отсутствие богатых тембральных красок и связанных с этим декоративных средств вокального исполнительства. Наибольший акцент сделан на «простоте звучания». «Народная песня и народный стиль исполнения – главные составляющие этнической культуры... А речевые интонации, которые выражаются через распевки и звуковые образы – это и есть народная манера исполнения, основанная на особенностях диалекта музыкального языка и исполнительского опыта ряда поколений певцов одной местности» [10, с. 233].

Следующий аспект сравнительного анализа, который нами обозначен во вступительной части, представляет собой антитезу сольного и хорового академического исполнительства. До сих пор речь шла о сольной манере звукоизвлечения. И к числу основных его характеристик мы можем отнести: смыкание голосовых связок и основанное на этом расширение диапазона, дыхание, опору, резонаторное пение, артикуляцию, «округлость» звучания. Сюда же относятся основные средства музыкально-исполнительской выразительности: штрих (*legato*, *staccato*, *marcato*), характер (*pesante*, *lugubre*, *agitato*, *animato*, *dolce*, *gaudioso*, *scherzando*), динамика (*crescendo-diminuendo*), нюанс (*forte-piano*), декоративные компоненты в виде вибрато, трелей, пассажей, тембральная легкость или «утяжеленность» звукоизвлечения, в зависимости от художественной ситуации.

В структуре вокальной академической работы присутствует также *пение в составе хорового ансамбля*. Основное специфическое отличие от сольного пения состоит в необходимости корректировать тембральные краски индивидуального звука в соответствии с условиями конкретного коллектива. Вне этого каждый певец неизбежно будет «выделяться» из хоровой партии, что чревато интонационными, акустическими, темпоритмическими и иными погрешностями.

Компетентностный план преподавания академического вокала китайским студентам включает в себя демонстрацию приемов звукоизвлечения и их аутентичное воспроизведение обучающимся в

различных художественных ситуациях. «Художественная компетентность складывается из способности оперировать художественными, эмоционально-чувственными образами, включать воображение, фантазию, воспринимать эстетические объекты интегративно, уметь интееоретизировать (принимать) и эктееоретизировать (переносить) внешние впечатления, соединять художественно – эстетическое с нравственным, духовным» [3, с. 208].

Специфика преподавания академического вокала студентам университетов Китая представляет собой синтез национального и общемирового, о чем говорилось выше: «Современное китайское вокальное искусство, с одной стороны, наследует традиции, а с другой – включает западные вокальные элементы, образуя, тем самым, новую национальную форму пения» [11, с. 373]. «Аутентичное исполнение народных песен теперь можно услышать реже, чем в обработках для академического вокала. Кроме старинных народных песен в образовательных программах для студентов академического вокала встречаются и новые народные песни» [11, с. 374].

Выводы

Итак, перед вокальным педагогом, обучающим китайских студентов, стоит целый комплекс педагогических задач. Прежде всего, представляется необходимой реализация когнитивно-мотивационных аспектов преподавания академического вокала, что воспроизводит себя в сравнительном анализе с учетом исторического развития данной парадигмы певческого исполнительства (диахронический срез). Ретроспектива в эту область вопросов направлена на анализ формирования европейской и русской традиций, их сходств и различий между собой.

В качестве второй важнейшей составляющей процесса задействуется сравнение академической манеры вокального исполнительства с теми жанрами, в окружении которых он реализует себя как отдельное направление музыкальной деятельности: народное пение, богослужебная вокальная музыка, эстрада и джаз (синхронический срез). Выявляются качественные отличия академического звукоизвлечения, его своеобразие и специфика. В контексте данных когнитивных позиций обуча-

ющемуся студенту предлагается художественно-эстетический и ценностный анализ с констатацией кардинального антропоцентризма вокальной академической музыки, отражающей всю эстетическую палитру человеческих характеров в их творческой репрезентации. Расширение познавательных границ обучающегося студента оказывает влияние на мотивацию к его дальнейшему профессиональному росту, почему когнитивный план тесным образом связан с мотивационными процессами.

Неотъемлемым элементом преподавания академического вокала является способность работать в двух исполнительских парадигмах – сольном пении и пении в составе хорового ансамбля. Педагог предлагает анализ сходств и различий между двумя этими направлениями. Умение работать в этих двух модальностях расширяет творческий потенциал китайского студента и укрепляет его позиции как профессионального музыканта. Важную роль в этом процессе играет синтез общемирового и национально-традиционного направлений. Наряду с когнитивно-мотивационным планом преподавания вокала педагог реализует и компетентностно-исполнительский план, сопровождая каждое свое педагогическое действие подбором соответствующего репертуарного материала, освоение которого направлено на демонстрацию тех или иных приемов преподавателем и их репродукцию обучающимся.

Как видим, педагогический потенциал академической музыки отличается своей многогранностью и разноплановостью. Преподавание классического вокала в такой конфигурации педагогических составляющих создает предпосылки к расширению познавательных и ценностных границ обучающегося вокально-хорового исполнителя, а также к обогащению его творческих возможностей. Данная область исследований в наибольшей степени приобретает свою актуальность именно в работе со студентами китайских вузов, ориентированных на традицию. Есть все основания утверждать, что педагогические исследования в этом направлении имеют большие перспективы своего научного развития.

Список источников

1. Брунер Джером С. Психология познания: За пределами непосредственной информации: пер. с англ. К.И. Бабицкого. М: Прогресс, 1977. 412 с.
2. Виторт Ю.А. Современные подходы и формы преподавания эстрадного вокала // Культура и цивилизация. 2024. № 5А. С. 144 – 152.

3. Воронова М.А. Духовно-нравственное развитие личности обучающихся хорового класса и класса сольного академического пения средствами искусства в условиях детской школы искусств // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Нижняя Салда, 19-20 января 2022 года. Чебоксары: «Издательский дом «Среда», 2022. С. 207 – 211.

4. Дроздова Н.П. Своеобразие формирования приемов оперного пения у китайских студентов // Musicus: Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. 2021. № 2 (66). С. 50 – 53.

5. Коломиец Г.Г. Музыкально-эстетическое воспитание (аксиологический подход): монография. М.: ИНФРА-М, 2020. 240 с.

6. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. 186 с.

7. Никольская-Береговская К.Ф. Русская вокально-хоровая школа IX-XX вв. М.: «Языки русской культуры», 1998. 192 с.

8. Пекерская Е.М. Азбука вокала. М., 1976. 81 с.

9. Скобелева О.В. История русской хоровой музыки: учебное пособие. Ялта, 2016. 111 с.

10. Тихонова А.А. Исполнительские особенности и ключевые различия народного и эстрадного вокала // Образовательный форсайт. 2021. № 3 (11). С. 232 – 237.

11. Цзышу Чжан Китайские народные песни в программе обучения академическому вокалу студентов в КНР // Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве: Материалы XIII международной научно-практической конференции. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 371 – 376.

References

1. Bruner Jerome S. Psychology of knowledge: Beyond immediate information: trans. from English by K.I. Babitsky. Moscow: Progress, 1977. 412 p.

2. Vitort Yu.A. Modern approaches and forms of teaching pop vocals. Culture and civilization. 2024. No. 5A. P. 144 – 152.

3. Voronova M.A. Spiritual and moral development of the personality of students of the choral class and the class of solo academic singing by means of art in the conditions of a children's art school. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Nizhnyaya Salda, January 19-20, 2022. Cheboksary: "Publishing house" Sreda ", 2022. P. 207 – 211.

4. Drozdova N.P. The Peculiarities of the Formation of Opera Singing Techniques among Chinese Students. Musicus: Bulletin of the St. Petersburg State Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov. 2021. No. 2 (66). P. 50 – 53.

5. Kolomiets G.G. Musical and aesthetic education (axiological approach): monograph. Moscow: INFRA-M, 2020. 240 p.

6. Lerner I.Ya. Didactic foundations of teaching methods. Moscow: Pedagogy, 1981. 186 p.

7. Nikolskaya-Beregovskaya K.F. Russian vocal and choral school of the 9th-20th centuries. Moscow: "Languages of Russian Culture", 1998. 192 p.

8. Pekerskaya E.M. ABC of vocals. Moscow, 1976. 81 p.

9. Skobeleva O.V. History of Russian choral music: a tutorial. Yalta, 2016. 111 p.

10. Tikhonova A.A. Performance features and key differences between folk and pop vocals. Educational foresight. 2021. No. 3 (11). P. 232 – 237.

11. Zishu Zhang Chinese folk songs in the academic vocal training program for students in the PRC. Traditions and innovations in the modern cultural and educational space: Proceedings of the XIII international scientific and practical conference. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2023. P. 371 – 376.

Информация об авторе

Ли Дин, преподаватель, кандидат искусствоведения, Цилиньский педагогический университет, Китай

© Ли Дин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.013

Развитие цифровых компетенций педагога как условие повышения эффективности воспитательной работы с обучающимися в современном вузе

¹ Семенова О.А.

¹ Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

Аннотация: в статье рассматривается проблема развития цифровых компетенций педагогических работников высших учебных заведений как ключевого фактора повышения эффективности воспитательной деятельности в условиях цифровой трансформации образования. Целью данного исследования является обоснование влияния развития цифровых компетенций педагога на повышение эффективности воспитательной работы с обучающимися в современном вузе и разработка методических рекомендаций по развитию этих компетенций. Для достижения цели были поставлены такие задачи как: 1) проведение теоретического анализа научной литературы по обозначенной теме; 2) выявление значения цифровых компетенций в работе педагога в условиях современного вуза; 3) формулировка выводов и рекомендаций, имеющих теоретическую и практическую значимость для совершенствования системы воспитательной работы в современном вузе. Автором анализируется сущность и структура цифровых компетенций педагога, их значимость для организации воспитательной работы с современным студентом. Обосновывается необходимость овладения данными компетенциями для успешной реализации воспитательных задач и исследуется их влияние на деятельность заместителей деканов по воспитательной работе/ молодежной политике.

Ключевые слова: цифровые компетенции, воспитательная работа, цифровизация образования, высшее образование, студенческая молодежь, педагог, заместитель декана по воспитательной работе, цифровые технологии, воспитательное пространство, молодежная политика

Для цитирования: Семенова О.А. Развитие цифровых компетенций педагога как условие повышения эффективности воспитательной работы с обучающимися в современном вузе // Современный ученый. 2025. № 9. С. 363 – 367.

Поступила в редакцию: 21 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Development of digital competencies of a teacher as a condition for improving the effectiveness of educational work with students in a modern university

¹ Semenova O.A.

¹ I.N. Ulyanov Chuvash State University

Abstract: the article discusses the problem of developing the digital competencies of teaching staff in higher education institutions as a key factor in improving the effectiveness of educational activities in the context of digital transformation of education. The purpose of this study is to substantiate the impact of the development of digital competencies of a teacher on improving the effectiveness of educational work with students in a modern university

and to develop methodological recommendations for the development of these competencies. To achieve this goal, the following tasks were set: 1) conducting a theoretical analysis of scientific literature on the designated topic; 2) identifying the importance of digital competencies in the work of a teacher in a modern university; 3) formulating conclusions and recommendations of theoretical and practical importance for improving the system of educational work in a modern university. The author analyzes the essence and structure of a teacher's digital competencies, their importance for organizing educational work with a modern student. The necessity of mastering these competencies for the successful implementation of educational tasks is substantiated and their impact on the activities of deputy deans for educational work is investigated.

Keywords: digital competencies, educational work, digitalization of education, higher education, student youth, teacher, deputy dean for educational work, digital technologies, educational space

For citation: Semenova O.A. Development of digital competencies of a teacher as a condition for improving the effectiveness of educational work with students in a modern university. Modern Scientist. 2025. 9. P. 363 – 367.

The article was submitted: April 21, 2025; Approved after reviewing: June 24, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется глобальной цифровизацией, проникающей во все сферы жизнедеятельности, включая систему высшего образования. Соответственно актуальность исследования определяется рядом факторов, обусловленных современными тенденциями развития образования и общества. Прежде всего, стремительная цифровизация всех сфер жизни, включая образование, предъявляет новые требования к профессиональной компетентности педагогических кадров. Современные студенты, являясь представителями цифрового поколения, выросли в условиях повсеместного использования информационных технологий и активно применяют их в учебной и внеучебной деятельности. В связи с этим, традиционные подходы к воспитательной работе, не учитывающие особенности цифровой среды, утрачивают свою эффективность и требуют переосмысления.

Государственная образовательная политика, отраженная в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) и стратегии развития воспитания в Российской Федерации, акцентирует внимание на формировании у обучающихся не только профессиональных знаний и умений, но и социально значимых личностных качеств, гражданской позиции и ответственности. Реализация этих задач требует от педагога не только глубоких предметных знаний и педагогического мастерства, но и владения современными методиками, цифровыми инструментами и технологиями, позволяющими эффективно взаимодействовать со студентами в том числе в цифровой среде, создавать и поддерживать онлайн-сообщества, организовывать интерактивные воспитательные мероприятия и развивать

критическое мышление в условиях информационного изобилия.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования использовался комплекс взаимодополняющих методов, обеспечивающих всесторонний анализ проблемы развития цифровых компетенций педагога как условия повышения эффективности воспитательной работы с обучающимися в современном вузе. Материалами исследования послужили: нормативно-правовые документы, научная литература по проблемам цифровой компетентности педагогов, воспитательной работы в вузе, использования цифровых технологий в образовании в форме монографий, статей в научных журналах, диссертаций и авторефератов. В исследовании применялись следующие методы: теоретические (анализ научной литературы, синтез, индукция и дедукция, сравнение, классификация, моделирование) и эмпирические (педагогическое наблюдение).

Результаты и обсуждения

А.Д. Король и Ю.И. Воротницкий отмечают, что в условиях цифровой трансформации общества человек в системе образования не может рассматриваться как пассивный объект, который, следуя установленным планам и программам, участвует в процессе формирования профессиональных навыков и умений. Цифровая трансформация всех областей деятельности человека предъявляет новые требования к образованию людей, которые будут участвовать в модернизации процессов во всех видах своей деятельности: на производстве, в общественной и личной жизни, создавая, внедряя и используя в повседневной практике цифровые технологии [5, с. 50]. Из чего можно заключить, что цифровая трансформация не только изменяет подходы к обучению, но и

предъявляет новые требования к организации работы с обучающимися, в том числе и в воспитательной работе.

Р.М. Мухаметшин в качестве аргумента аналогичных доводов приводит репрезентативное всероссийское исследование «Цифровая социализация и цифровая компетенция российской молодежи», в ходе которого отмечается, что что уровень цифровой грамотности у молодого поколения достаточно высокий [6, с. 221]. Таким образом, студенческая молодежь, являясь активным пользователем цифровых технологий и социальных сетей, формирует свои ценностные ориентации и социальные установки в значительной степени под влиянием цифровой среды. В этих условиях традиционные методы и формы воспитания утрачивают свою эффективность, что порождает необходимость поиска новых подходов к организации воспитательной деятельности в вузе, которые бы откликнулись современному поколению.

Ключевую роль в решении этой задачи играет педагог, уровень профессиональной компетентности которого определяет успешность воспитательного процесса. Особую значимость приобретают цифровые компетенции, позволяющие преподавателю эффективно взаимодействовать со студентами в цифровом пространстве, использовать потенциал современных технологий для решения воспитательных задач и формирования гармонично развитой личности.

Цифровые компетенции – это комплекс навыков, технологий и стратегий по работе в цифровой среде и с цифровыми продуктами, включая деятельность по созданию и сбору данных, их обработке и анализу, а также по автоматизации процессов с помощью компьютерных технологий [4]. При этом под цифровыми компетенциями педагога следует понимать не только технические навыки использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), но и способность критически осмысливать информацию, создавать качественный цифровой контент, обеспечивать безопасность в сети и выстраивать эффективную коммуникацию в цифровой среде. В контексте воспитательной работы эти компетенции приобретают особое значение, позволяя:

1) Осуществлять техническое сопровождение воспитательной работы, а именно формировать единое воспитательное пространство [8, с. 299]. Педагог, обладающий цифровыми компетенциями, способен интегрировать онлайн и оффлайн форматы взаимодействия, создавая единое информационно-воспитательное пространство, в котором студенты могут получать актуальную информацию, участвовать в

обсуждениях, реализовывать совместные проекты и получать поддержку.

2) Использовать потенциал социальных сетей. Грамотное использование социальных сетей и мессенджеров позволяет наладить неформальную коммуникацию со студентами, оперативно информировать их о предстоящих мероприятиях, вовлекать в волонтерскую, творческую и научную деятельность, а также осуществлять мониторинг социально-психологического климата в студенческих группах [1].

3) Создавать и транслировать ценностно-ориентированный контент, так как цифровые инструменты дают возможность создавать и распространять контент, направленный на формирование у студентов гражданской ответственности, патриотизма, духовно-нравственных ценностей и установок на здоровый образ жизни. Это могут быть виртуальные экскурсии, образовательные вебинары, онлайн-дискуссии на актуальные темы, создание тематических групп и сообществ [2; с. 579].

4) Осуществлять профилактику деструктивного поведения в сети. Иными словами, лицо, ответственное за проведение воспитательной работы, должен обладать знаниями о рисках и угрозах цифровой среды, уметь распознавать признаки кибербуллинга, интернет-зависимости и вовлечения студентов в деструктивные онлайн-сообщества. Цифровые компетенции позволяют своевременно выявлять подобные случаи и оказывать необходимую психолого-педагогическую поддержку.

Реализация данных функций говорит о том, что в современном обществе с его запросами и стремительной трансформацией, развитие цифровых компетенций педагога становится не просто желательным, а необходимым условием для повышения эффективности воспитательной работы в современном вузе. Как отмечает Е.В. Гнатышина, системе профессионального педагогического образования свойственны как общие так и информационные проблемы академического вузовского образования. Одна из них прямо ориентирована на модель «потребление готового знания». Современная ситуация требует постоянно анализировать ведущие тенденции развития различных сфер жизни и непрерывно осваивать новые приемы и технологии подготовки подрастающего поколения. Цифровая культура в этом ключе становится одним из условий, способствующих развитию новой ценностно-ориентированной модели профессионального педагогического образования [3, с. 5].

Согласно теории поколений современная молодежь начиная с 2004 года принадлежит к поколе-

нию Z, которые выросли не просто в эпоху интернета, но цифровизации общества. Для них интернет – это естественная среда обитания. Поэтому, рассматривая динамику когнитивной сферы современного обучающегося, важно учитывать становление и развитие нового типа мышления – «клипового» [7, с. 8]. Такое видение ситуации вполне доказывает, что современный студент – это представитель «цифрового поколения», для которого интернет является неотъемлемой частью жизни. Игнорирование этого факта и отказ от использования цифровых технологий в воспитательной работе приводит к возникновению барьера между педагогом и студентом, снижению авторитета преподавателя и, как следствие, к падению эффективности воспитательных воздействий. Овладение цифровыми компетенциями позволяет педагогу не только говорить со студентами «на одном языке», но и быть для них интересным и авторитетным собеседником не только в аудитории, но и в виртуальном пространстве. Это способствует установлению доверительных отношений, которые являются фундаментом успешной воспитательной деятельности. Более того, цифровая грамотность самого педагога становится примером для студентов, мотивируя их к ответственному и безопасному поведению в сети.

В высших учебных заведениях заместители деканов по воспитательной работе/ молодежной политике являются ключевыми организаторами и координаторами воспитательной деятельности на факультетах. От уровня их цифровой компетентности напрямую зависит системность и эффективность всей воспитательной работы в подразделении. Наличие цифровых компетенций открывает целую кладезь возможностей, позволяющих быстро, а главное эффективно осуществлять свою деятельность в рамках поставленных задач. Во-первых, это эффективное планирование и координация воспитательной работы через использование цифровых инструментов (электронных календарей, облачных сервисов, систем управления проектами), которые позволяют оптимизировать процессы планирования, распределения поручений и контроля за их исполнением.

Во-вторых, цифровые технологии предоставляют широкие возможности для сбора и анализа данных об участии студентов в мероприятиях, их интересах и предпочтениях, что позволяет осуществлять мониторинг и анализ воспитательной деятельности, охватывая всех студентов. Это поз-

воляет своевременно корректировать планы воспитательной работы и повышать их адресность, что в целом позволяет повысить эффективность реализуемых мер.

В-третьих, использование цифровых технологий позволяет организовывать повышение квалификации кураторов и наставников онлайн без отрыва от места работы. Ни для кого не секрет, что большая часть семинаров и курсов проводится дистанционно, поэтому для организации такого обучения лицу, ответственному за организацию воспитательной работы в вузе или на факультете, необходимо знание «рекомендуемого» материала.

Все вышеперечисленное только подтверждает тот тезис, что развитие цифровых компетенций заместителя декана по воспитательной работе является необходимым условием для перехода от формального подхода к системной и технологичной организации воспитательного процесса, отвечающей вызовам современности.

Выводы

Цифровая трансформация высшего образования обуславливает необходимость пересмотра традиционных подходов к организации воспитательной работы. В современных условиях эффективность воспитательной деятельности напрямую зависит от уровня развития цифровых компетенций педагогических работников. Способность педагога эффективно использовать цифровые технологии для взаимодействия со студентами, создания ценностно-ориентированного контента и обеспечения безопасности в сети становится ключевым фактором успешного формирования личности будущего специалиста.

Особую актуальность приобретает целенаправленное развитие цифровых компетенций у заместителей деканов по воспитательной работе/ молодежной политике, которые выступают организаторами и координаторами воспитательного процесса в вузе. Их цифровая грамотность позволяет выстроить системную и эффективную модель воспитательной деятельности, отвечающую интересам и потребностям современного студенчества.

Таким образом, инвестиции в развитие цифровых компетенций педагогов и управленческого персонала вуза следует рассматривать как стратегически важное направление, обеспечивающее повышение качества не только образовательного, но и воспитательного процесса в условиях цифрового общества.

Список источников

1. Арсентьева М.В. Использование социальных сетей в процессе воспитания студентов вуза // Известия ТулГУ. Технические науки. 2017. № 11-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sotsialnyh-setey-v-protssesse-vospitaniya-studentov-vuza>
2. Брызгалина Е.В., Станченко С.В. Воспитание как образовательный результат: ценностноориентированный подход к оцениванию в системе общего образования // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2021. № 4. С. 574 – 588.
3. Гнатышина Е.В. Ценностно-смысловые ориентиры формирования цифровой культуры будущего педагога: дис. ... док. пед. наук. Грозный, 2019. 353 с.
4. Концепция развития цифровых компетенций студентов НИУ ВШЭ // приказу НИУ ВШЭ от 02.08.2024 № 6.18-01/020824-2. Факультет компьютерных наук. Москва, 2020. URL: <https://www.hse.ru/docs/969670971.html>
5. Король А.Д., Воротницкий Ю.И. Цифровая трансформация образования и вызовы XXI века // Высшее образование в России. 2022. № 6. С. 48 – 61.
6. Мухаметшин Р.М. Молодежь и цифровое потребление в контексте социализации новых поколений // ВЭПС. 2024. № 2. С. 220 – 224.
7. Орлов А.А. Портрет «сетевой личности» в контексте теории поколений // Педагогика, 2019. Т. 83. № 10. С. 5 – 16.
8. Шкунова А.А., Хижная А.В. Применение цифровых навыков в работе преподавателя школы // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-4. С. 298 – 301.

References

1. Arsentyeva M.V. Using social networks in the process of educating university students. Bulletin of Tula State University. Technical sciences. 2017. No. 11-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sotsialnyh-setey-v-protssesse-vospitaniya-studentov-vuza>
2. Bryzgalina E.V., Stanchenko S.V. Education as an educational result: a value-oriented approach to assessment in the general education system. Bulletin of RUDN. Series: Philosophy. 2021. No. 4. P. 574 – 588.
3. Gnatyshina E.V. Value-semantic guidelines for the formation of a digital culture of a future teacher: diss. doc. ped. sciences. Grozny, 2019. 353 p.
4. The concept of developing digital competencies of HSE students. to the order of HSE dated 02.08.2024 No. 6.18-01/020824-2. Faculty of Computer Science. Moscow, 2020. URL: <https://www.hse.ru/docs/969670971.html>
5. Korol A.D., Vorotnitsky Yu.I. Digital transformation of education and challenges of the 21st century. Higher education in Russia. 2022. No. 6. P. 48 – 61.
6. Mukhametshin R.M. Youth and digital consumption in the context of socialization of new generations. VEPS. 2024. No. 2. P. 220 – 224.
7. Orlov A.A. Portrait of a "network personality" in the context of generational theory. Pedagogy, 2019. Vol. 83. No. 10. P. 5 – 16.
8. Shkunova A.A., Khizhnaya A.V. Application of digital skills in the work of a school teacher. Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 72-4. P. 298 – 301.

Информация об авторе

Семенова О.А., аспирант, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

© Семенова О.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 373.1

Формирование цифровой научной грамотности учащихся: экспериментальное исследование

¹ Смирнова А.В.

¹ Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского

Аннотация: статья посвящена экспериментальной проверке эффективности авторской структурно-функциональной модели формирования цифровой научной грамотности (ЦНГ) у учащихся 9-11 классов. ЦНГ представлена как интегративное качество личности, включающее познавательный (системные знания о критериях достоверности, цифровых инструментах), деятельностный (практические умения поиска, верификации и обработки научных данных) и ценностный (ценностные ориентации на научную картину мира и этику) компоненты. Исследование проведено на базе трёх общеобразовательных школ (141 учащийся) с использованием авторского диагностического инструментария (практические задания, кейсы, опросники, экспертиза проектов).

Педагогический эксперимент включал четыре экспериментальные группы с разными организационно-педагогическими условиями: ЭГ1 (повышение квалификации педагогов), ЭГ2 (работа в цифровой лаборатории «Digital LinguaLab»), ЭГ3 (авторские учебно-методические материалы), ЭГ4 (комплекс всех условий) и контрольную группу (традиционное обучение). Исходно недостаточный уровень ЦНГ выявлен у 84-100% участников. После реализации модели в ЭГ4 достигнут наивысший результат: 50% учащихся – повышенный уровень ЦНГ (в КГ – 0%). Наибольшая динамика отмечена в когнитивном (+65.4% в ЭГ4) и операциональном (+73.1%) компонентах. Статистически значимые различия (χ^2 Пирсона) подтвердили эффективность модели, особенно при комплексном внедрении условий (синергетический эффект).

Практическая значимость: апробированы модель, диагностический инструментарий и условия формирования ЦНГ, применимые в школьном образовании для развития критического мышления и исследовательских компетенций в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровая научная грамотность, критическое мышление, педагогический эксперимент, структурно-функциональная модель, учащиеся основной и средней школы, цифровая образовательная среда, учебно-исследовательская и проектная деятельность

Для цитирования: Смирнова А.В. Формирование цифровой научной грамотности учащихся: экспериментальное исследование // Современный ученый. 2025. № 9. С. 368 – 374.

Поступила в редакцию: 22 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Developing school students' digital scientific literacy: an experimental research

¹ Smirnova A.V.

¹ St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K.D. Ushinsky

Abstract: the article is devoted to the experimental verification of the effectiveness of the author's structural and functional model of digital scientific literacy development among school students in grades 9-11. Digital scientific literacy (DSL) is presented as an integrative personality quality that includes cognitive (systemic knowledge of reliability criteria for evaluating digital scientific sources, digital tools), activity-based (practical skills in searching, verifying, and processing scientific data in the digital environment), and value-based (value orientations to the scientific worldview and ethics) components. The study was conducted on the basis of three secondary schools (141 students) using the author generated and other diagnostic tools (practical tasks, cases, questionnaires, project experience).

The pedagogical experiment included four experimental groups with different organizational and pedagogical conditions: EG1 (teacher training), EG2 (work in the Digital LinguaLab laboratory), EG3 (author's teaching materials), EG4 (a set of all three conditions) and a control group (traditional training). Initially, an insufficient level of DSL was detected in 84-100% of the participants. After the implementation of the model, the highest result was achieved in EG4: 50% of students had an increased level of DSL (0% in CG). The greatest dynamics were noted in the cognitive (+65.4% in EG4) and operational (+73.1%) components. Statistically significant differences (χ^2 Pearson) confirmed the effectiveness of the model, especially with the integrated implementation of all the three conditions (resulting in a synergetic effect).

Practical significance: the model, diagnostic tools and conditions for developing DSL applicable in school education for the development of critical thinking and research competencies in a digital environment, have been tested.

Keywords: digital scientific literacy, critical thinking, a pedagogical experiment, a structural and functional model, secondary school students, digital educational environment, educational research and project activities

For citation: Smirnova A.V. Developing school students' digital scientific literacy: an experimental research. Modern Scientist. 2025. 9. P. 368 – 374.

The article was submitted: April 22, 2025; Approved after reviewing: June 25, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В современном мире, характеризующемся цифровой трансформацией всех сфер жизни, актуализируется вопрос о разработке и внедрении новых подходов к подготовке подрастающего поколения к жизни в информационном обществе. В этой связи одним из перспективных направлений педагогических и психологических исследований является формирование научной и цифровой грамотностей населения [4, 2]. Современные школьники ежедневно взаимодействуют с огромными массивами информации, однако навыки критического анализа, оценки достоверности и эффективного использования научных данных в цифровой среде зачастую остаются недостаточно сформированными [4, 8], что обуславливает необходимость изучения взаимосвязи и взаимодополнения различных видов грамотности.

Научная грамотность и цифровая грамотность, традиционно рассматриваемые как отдельные компетенции, в условиях информационного обще-

ства приобретают новые качества и взаимосвязи, формируя комплексную характеристику, необходимую для успешного функционирования современного человека. Цифровая научная грамотность (ЦНГ) представляет собой интегративное качество личности, включающее в себя знания, умения и ценностные установки, необходимые для эффективной работы с научной информацией в цифровой среде. Ее развитие требует не только технических навыков, но и критического мышления, способности различать научные данные от ненаучных и лженаучных, а также этического подхода к использованию информации [12]. В структуру цифровой научной грамотности входят три взаимосвязанных компонента [9]:

- Познавательный (система знаний о критериях достоверности источников информации, принципах работы с цифровыми инструментами, ограничениях технологий в науке),

- Деятельностный (практические умения поиска, верификации, обработки научных данных, проведения цифровых исследований),

- Ценностный (ценностные ориентации на научную картину мира и этические нормы исследовательской деятельности).

Для формирования цифровой научной грамотности обучающихся 9-11 классов была разработана структурно-функциональная модель, включающая в себя четыре компонента: нормативно-целевой, мотивационно-ценностный, содержательно-деятельностный, аналитико-результативный, а также описаны организационно-педагогические условия ее реализации: повышение квалификации педагогов в вопросах формирования цифровой научной грамотности обучающихся, организация учебно-исследовательской и проектной деятельности обучающихся в цифровой лаборатории учебных исследований "Digital LinguaLab", внедрение авторских учебно-методических материалов для реализации курсов внеурочной деятельности, посвященных учебно-исследовательской и проектной деятельности, а также предмета «Индивидуальный проект» в основной и средней школе.

Целью настоящего исследования является экспериментальная проверка эффективности разработанной модели формирования цифровой научной грамотности учащихся основного и старшего звена общеобразовательной школы. В рамках исследования решались следующие задачи: определение исходного уровня цифровой научной грамотности школьников, внедрение модели ее формирования, организация педагогического эксперимента, анализ и интерпретация полученных результатов.

Научная новизна работы заключается в разработке и экспериментальной проверке структурно-функциональной модели формирования ЦНГ, интегрирующей современные подходы к цифровизации образования и развитию исследовательских компетенций школьников. Мы предполагаем, что комплексная реализация разработанной модели в совокупности с организационно-педагогическими условиями приведет к статистически значимому повышению уровня ЦНГ учащихся 9-11 классов.

Материалы и методы исследований

Экспериментальное исследование проводилось на базе трех общеобразовательных учреждений: ГБОУ СОШ № 119 с углубленным изучением английского языка Калининского района Санкт-Петербурга, ГБОУ гимназия № 652 Выборгского района Санкт-Петербурга и МОУ гимназия № 3 г. Ярославля. В эксперименте приняли участие 141 обучающийся 9-11 классов.

Для оценки уровня сформированности цифровой научной грамотности были определены три критерия; каждый критерий оценивался по трем уровням: недостаточный, базовый и повышенный:

- **КОГНИТИВНЫЙ** (оценивает сформированность познавательного компонента: недостаточный уровень – фрагментарные/ошибочные знания о критериях достоверности, цифровых инструментах; базовый – знание основных критериев и инструментов, понимание ограничений; повышенный – системные знания, способность к их применению в новых ситуациях);

- **ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ** (оценивает сформированность деятельностного компонента: недостаточный уровень – учащийся неспособен выполнить базовые операции поиска/верификации/обработки; базовый – владеет основными операциями, обращается за помощью к педагогу; повышенный – самостоятельно и эффективно применяет комплекс умений для решения исследовательских задач);

- **АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ** (оценивает сформированность ценностного компонента: недостаточный уровень – отсутствие ориентации на научную информацию, пренебрежение этикой; базовый – понимание ценности науки, соблюдение основных этических норм; повышенный – устойчивые ориентации на научное познание, осознанное следование этике).

Диагностический инструментарий включал:

- Комплекс практических заданий, разработанный автором на основе применяемой диагностики уровня сформированности проектной компетентности обучающихся 5-9 классов [6]. Валидность и надежность: проверен экспертной оценкой (3 эксперта-педагога, согласованность оценок $\kappa=0.78$). Комплекс включал задания на оценку достоверности сайта/статьи, поиск в научных базах данных по заданным критериям, обработку набора данных (мини-анализ), оформление ссылок.

- Диагностические кейсы, разработанные с опорой на методологические принципы, описанные в научных публикациях, посвященных диагностическому использованию кейс-технологии и кейс-метода [3, 1];

- опросник «Ценностные ориентации и установки при обработке научной информации из цифровых источников»;

- рефлексивную карту самооценки [11];

- тест для определения уровня научной грамотности [7];

- экспертизу продуктов учебно-исследовательской и проектной деятельности учащихся 9-11 классов.

Были сформированы четыре экспериментальные группы, в каждой из которых реализовывалась разработанная модель и одно из организационно-педагогических условий:

- ЭГ1 (30 чел.) – повышение квалификации педагогов;
- ЭГ2 (25 чел.) – организация деятельности в цифровой лаборатории "Digital LinguaLab";
- ЭГ3 (30 чел.) – внедрение авторских учебно-методических материалов;
- ЭГ4 (26 чел.) – комплексная реализация всех трех условий.

Контрольная группа (30 чел.) обучалась по традиционной модели организации учебно-исследовательской деятельности.

Статистическая обработка данных осуществлялась с применением критерия χ^2 Пирсона при уровне значимости $\alpha = 0,05$ в соответствии с типовыми методологическими подходами к анализу педагогических экспериментов [5].

Эксперимент проходил в три этапа: констатирующий (выявление исходного уровня), формирующий (реализация модели и организационно-педагогических условий) и контрольный (фиксация динамики развития показателей и оценка результативности) [10].

Результаты и обсуждения

Констатирующий этап эксперимента выявил преимущественно недостаточный уровень сформированности цифровой научной грамотности у большинства участников исследования. В экспериментальных группах данный показатель составил: ЭГ1 – 100%, ЭГ2 – 84%, ЭГ3 – 86,7%, ЭГ4 – 92,3%. В контрольной группе недостаточный уровень был зафиксирован у 90% обучающихся. Повышенный уровень на начальном этапе не был выявлен ни у одного участника эксперимента. Обобщенные данные представлены на графике на рис. 1.

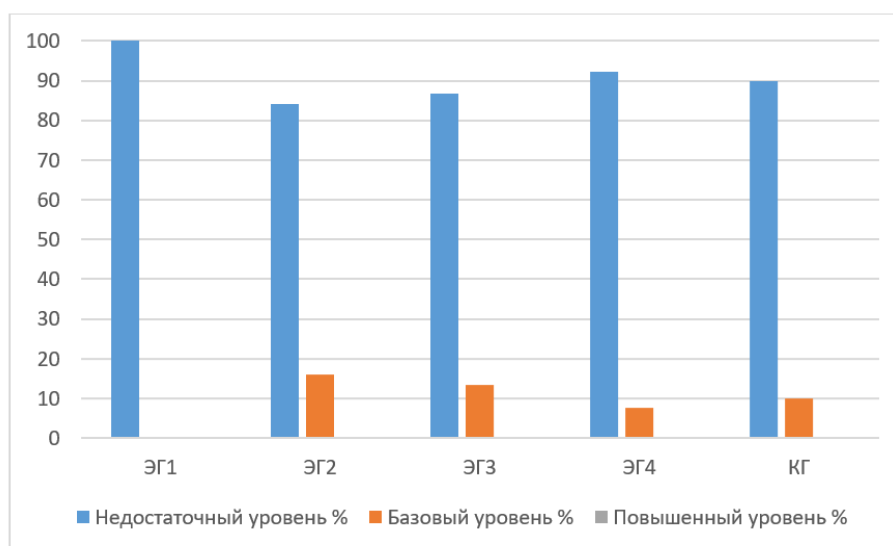

Рис. 1. Уровень сформированности цифровой научной грамотности обучающихся 9-11 классов (начальный диагностический срез, в %).

Fig. 1. The level of digital scientific literacy of students in grades 9-11 (initial diagnostic test, in %).

Анализ результатов по отдельным критериям показал, что наиболее развитым является ценностный компонент цифровой научной грамотности, тогда как познавательный и деятельностный компоненты сформированы существенно хуже.

В ходе эксперимента были зафиксированы значимые положительные изменения в структуре цифровой научной грамотности учащихся. После реализации модели формирования цифровой

научной грамотности и организационно-педагогических условий итоговый диагностический срез продемонстрировал значительные позитивные изменения в экспериментальных группах.

По результатам итогового среза распределение обучающихся по уровням сформированности цифровой научной грамотности представлено в табл. 1.

Таблица 1

Результаты итогового среза для определения уровня сформированности цифровой научной грамотности учащихся 9-11 классов.

Table 1

The results of the final test for determining the level of digital scientific literacy of students in grades 9-11.

Группа	Недостаточный уровень, %	Базовый уровень, %	Повышенный уровень, %
ЭГ1	0	73,3	26,7
ЭГ2	12	52	36
ЭГ3	3,3	60	36,7
ЭГ4	0	50	50
КГ	46,7	53,3	0

Наиболее значительный прогресс был достигнут в группе ЭГ4, где реализовывался комплекс всех организационно-педагогических условий. В данной группе полностью отсутствовали обучающиеся с недостаточным уровнем, а половина участников достигла повышенного уровня цифровой научной грамотности.

В ЭГ1, где основным условием выступало повышение квалификации педагогов, произошло снижение доли учащихся с недостаточным уровнем со 100% до 0% к концу эксперимента, что свидетельствует о высокой эффективности подготовки учителей для ликвидации пробелов у учащихся, однако для достижения повышенного уровня условие оказалось недостаточным без специализированной среды и материалов. В ЭГ2, где акцент делался на организацию учебно-исследовательской деятельности в цифровой лаборатории, доля учащихся с недостаточным уровнем снизилась с 84% до 12%. В ЭГ3, где внедрялись авторские учебно-методические материалы, наблюдается снижение недостаточного уровня с 86,7% до значительно меньшего показателя – 3,3%. Различия между ЭГ2 и ЭГ3 статистически незначимы ($\chi^2 = 1,85$), что указывает на сопоставимую эффективность этих условий по отдельности. В данных трех экспериментальных группах (ЭГ1, ЭГ2, ЭГ3) около трети учащихся достигли повышенного уровня.

Контрольная группа продемонстрировала менее выраженную динамику: базового уровня достигли 60% участников, однако 33,3% остались на недостаточном уровне, а повышенного уровня достигли лишь 6,7% обучающихся (2 человека).

Статистический анализ с использованием критерия χ^2 Пирсона подтвердил значимость различий между экспериментальными и контрольной группами. Рассчитанные значения критерия существенно превышали табличное значение (7,815), что свидетельствует об эффективности разработанной модели и организационно-педагогических условий.

Анализ динамики по отдельным критериям показал наиболее существенные изменения в развитии когнитивного компонента. В группе ЭГ4 65,4% обучающихся достигли повышенного уровня по данному критерию, тогда как в контрольной группе этот показатель составил лишь 3,3%.

По операциональному критерию также наблюдалась положительная динамика: в экспериментальной группе ЭГ4 повышенного уровня достигли 73,1% участников, в контрольной группе – только 6,7%.

Аксиологический критерий продемонстрировал наиболее высокие показатели во всех экспериментальных группах: от 70% до 92,3% обучающихся достигли повышенного уровня, в то время как в контрольной группе данный показатель составил 43,3%.

Выводы

Проведенное экспериментальное исследование подтвердило эффективность разработанной модели формирования цифровой научной грамотности обучающихся основной и средней школы. Статистически значимые различия между экспериментальными и контрольной группами свидетельствуют о результативности предложенного педагогического подхода.

Наиболее высокие результаты были достигнуты при комплексной реализации всех организационно-педагогических условий, что подтверждает системный характер процесса формирования цифровой научной грамотности и наличие синергетического эффекта от сочетания всех трех организационно-педагогических условий.

Установлено, что эффективными организационно-педагогическими условиями являются: повышение квалификации педагогов в области цифровой научной грамотности, организация учебно-исследовательской деятельности в специализированной цифровой среде, использование авторских учебно-методических материалов.

Практическая значимость исследования заключается в разработке и апробации модели формирования цифровой научной грамотности, которая

может быть внедрена в образовательный процесс школ. Предложенные методические материалы и критерии оценки позволяют системно подходить к развитию у учащихся навыков критического мышления и научного подхода к работе с информацией в цифровой среде. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования образовательного процесса в общеобразова-

тельных организациях и подготовки педагогических кадров к работе в условиях цифровой образовательной среды.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением возможностей адаптации разработанной модели для различных возрастных групп и образовательных контекстов.

Список источников

1. Дайнеко Я.М. Кейс-диагностика как основа непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников (опыт ЦНППМПР Красноярского края) // Экстернат.РФ. 2021. № 3 (14). С. 81 – 86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46687017> (дата обращения: 13.12.2024)
2. Индекс цифровой грамотности-2024: цифровая грамотность россиян не растет третий год подряд / Аналитический центр НАФИ. М. 2025. URL: <https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretyy-god-podryad/> (дата обращения: 04.03.2025)
3. Каско Ж.А., Буянова И.Б. Диагностический инструментарий исследования уровня практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе // Kant. 2022. №4 (45). С. 229 – 235. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnosticheskiy-instrumentariy-issledovaniya-urovnya-praktiko-orientirovannoy-podgotovki-pedagoga-issledovatelya-v-vuze> (дата обращения: 13.12.2024)
4. Марголис А.А. Новая научная грамотность: проблемы и трудности формирования // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 6. С. 5 – 24. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260601> (дата обращения: 11.01.2023)
5. Новиков Д.А. Статистические методы в педагогических исследованиях (типовые случаи). М.: МЗ-Пресс, 2004. 67 с.
6. Плетенева О.В., Целикова В.В., Бармина В.Я., Белаш Е.А. Диагностика уровня сформированности проектной компетентности обучающихся 5-9 классов: методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2018. 126 с.
7. Полякова В.В., Стрельцова Е.А. Научная грамотность и заблуждения населения // Наука Технологии Инновации. Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ. 2022. URL: <https://issek.hse.ru/news/663241006.html> (дата обращения: 26.07.2023)
8. Смирнова А.В. Исследование уровня сформированности цифровой научной грамотности учащихся основной и средней школы // Педагогический журнал. 2024. Т. 14. № 1А. С. 179 – 191.
9. Смирнова А.В. Цифровая научная грамотность школьников: сущность, структура и перспективы формирования в образовательном процессе // Конвергенция наук. Исследование междисциплинарных границ: сборник статей Международной научно-практической конференции. Саратов: НОП «Цифровая наука». 2025. С. 106 – 116.
10. Тархан Л.З. Формирующий этап педагогического эксперимента: особенности, интерпретация и обобщение результатов // Педагогический эксперимент: подходы и проблемы. 2021. № 7. С. 7 – 16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46457385> (дата обращения: 24.11.2024)
11. Халудорова Л.Е. Рефлексия как средство профессионального саморазвития педагога // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (55). С. 14 – 18. DOI 10.37386/2413-4481-2023-2-14-18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53961786> (дата обращения: 13.12.2024)
12. Holincheck N., Galanti T.M., Trefil J. Assessing the Development of Digital Scientific Literacy With a Computational Evidence-Based Reasoning Tool // Journal of Educational Computing Research. 2022. Vol. 60. No. 7. P. 1796 – 1817. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/07356331221081484> (дата обращения: 03.04.2025)

References

1. Daineko Ya.M. Case diagnostics as a basis for continuous improvement of professional skills of teaching staff (experience of the Center for Scientific and Practical Training of Pedagogical Workers of the Krasnoyarsk Territory). *Eksternat.RF*. 2021. No. 3 (14). P. 81 – 86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46687017> (date of access: 13.12.2024)
2. Digital Literacy Index-2024: digital literacy of Russians has not grown for the third year in a row. NAFI Analytical Center. M. 2025. URL: <https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretyi-god-podryad-/> (date of access: 03.04.2025)
3. Kasko Zh.A., Buyanova I.B. Diagnostic tools for studying the level of practice-oriented training of a teacher-researcher at a university. *Kant*. 2022. No. 4 (45). P. 229 – 235. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnosticheskiy-instrumentariy-issledovaniya-urovnya-praktiko-orientirovannoy-podgotovki-pedagoga-issledovatelya-v-vuze> (date of access: 12.13.2024)
4. Margolis A.A. New scientific literacy: problems and difficulties of formation. *Psychological science and education*. 2021. Vol. 26. No. 6. P. 5 - 24. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260601> (date of access: 01.11.2023)
5. Novikov D.A. Statistical methods in pedagogical research (typical cases). M.: MZ-Press, 2004. 67 p.
6. Pletneva O.V., Tselikova V.V., Barmina V.Ya., Belash E.A. Diagnostics of the level of formation of project competence of students in grades 5-9: a methodological manual. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute for Education Development, 2018. 126 p.
7. Polyakova V.V., Streltsova E.A. Scientific literacy and misconceptions of the population. *Science Technologies Innovations*. Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge (ISSEK) of the National Research University Higher School of Economics. 2022. URL: <https://issek.hse.ru/news/663241006.html> (date of access: 07.26.2023)
8. Smirnova A.V. Study of the level of formation of digital scientific literacy of students in basic and secondary schools. *Pedagogical journal*. 2024. Vol. 14. No. 1A. P. 179 – 191.
9. Smirnova A.V. Digital scientific literacy of schoolchildren: essence, structure and prospects of formation in the educational process. *Convergence of sciences. Study of interdisciplinary boundaries: collection of articles of the International scientific and practical conference*. Saratov: NOP "Digital science". 2025. P. 106 – 116.
10. Tarkhan L.Z. Formative stage of a pedagogical experiment: features, interpretation and generalization of results. *Pedagogical experiment: approaches and problems*. 2021. No. 7. P. 7 – 16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46457385> (date of access: 11.24.2024)
11. Khaludorova L.E. Reflection as a means of professional self-development of a teacher. *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*. 2023. No. 2 (55). P. 14 – 18. DOI 10.37386/2413-4481-2023-2-14-18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53961786> (date of access: 13.12.2024)
12. Holincheck N., Galanti T.M., Trefil J. Assessing the Development of Digital Scientific Literacy With a Computational Evidence-Based Reasoning Tool. *Journal of Educational Computing Research*. 2022. Vol. 60. No. 7. P. 1796 – 1817. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/07356331221081484> (date of access: 03.04.2025)

Информация об авторе

Смирнова А.В., аспирант, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского, alexvm99@mail.ru

© Смирнова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 372.881.1

К вопросу лингвистической подготовки студентов юридических специальностей в Китае

¹ Малишевская Н.А.

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения

Аннотация: в статье рассматриваются особенности лингвистической подготовки студентов юридических специальностей в Китайской Народной Республике. Анализируется значение профессионального владения языком для юристов в условиях глобализации, исследуются подходы к обучению юридическому английскому и китайскому языку, выявляются проблемы и перспективы совершенствования языковой подготовки в китайских юридических вузах. Работа основана на сравнительном анализе образовательных программ и практик, действующих в Китае, с учётом международного опыта.

Ключевые слова: лингвистика, подготовка, специальность, юриспруденция, языки, обучение, образование

Для цитирования: Малишевская Н.А. К вопросу лингвистической подготовки студентов юридических специальностей в Китае // Современный ученый. 2025. № 9. С. 375 – 381.

Поступила в редакцию: 22 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

On the issue of linguistic training of law students in China

¹ Malishevskaya N.A.

¹ Rostov State Transport University

Abstract: the article discusses the features of linguistic training of law students in the People's Republic of China. The importance of professional language proficiency for lawyers in the context of globalization is analyzed, approaches to teaching legal English and Chinese are investigated, problems and prospects for improving language training in Chinese law schools are identified. The work is based on a comparative analysis of educational programs and practices operating in China, taking into account international experience.

Keywords: linguistics, training, specialty, law, languages, training, education

For citation: Malishevskaya N.A. On the issue of linguistic training of law students in China. Modern Scientist. 2025. 9. P. 375 – 381.

The article was submitted: April 22, 2025; Approved after reviewing: June 25, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В современной юридической практике владение языком – это не просто средство коммуникации, а важнейший профессиональный инструмент. Особенно это актуально в условиях глобализации, когда международное сотрудничество, трансграничное регулирование и правовое взаимодействие выходят на первый план. Преподавателям иностранного языка, работающим на юридическом факультете хорошо известно, насколько сложно порой бывает работать с юридическими текстами даже на родном языке, не говоря уже о том, чтобы уверенно применять юридический английский или китайский в профессиональной сфере [15]. Именно поэтому проблема лингвистической подготовки будущих юристов приобретает особую значимость.

Особый интерес в этом контексте представляет Китайская Народная Республика – страна с активной международной правовой позицией, быстро развивающейся системой высшего образования и уникальными культурно-лингвистическими особенностями [3]. Китайские юридические вузы стремятся подготовить специалистов, способных эффективно действовать как на внутреннем, так и на международном уровне. Однако, как показывает практика, система лингвистической подготовки в Китае сталкивается с рядом методологических и содержательных вызовов [12].

Цель данной статьи – проанализировать особенности лингвистической подготовки студентов юридических специальностей в Китае, выявить сильные и слабые стороны существующих подходов, а также предложить возможные пути совершенствования данной системы. В качестве задачи мы ставим: рассмотреть роль языковой подготовки в юридическом образовании, изучить, как реализуется обучение профессиональному языку в китайских вузах, и наметить перспективные направления развития.

Объектом исследования выступает система лингвистической подготовки студентов-юристов в КНР, а предметом – содержание, методика и организационные особенности этой подготовки. Методологическую базу работы составляют сравнительно-правовой и структурно-функциональный анализ, а также обзор нормативных и образовательных программ.

Материалы и методы исследований

Лингвистическая подготовка представляет собой неотъемлемую часть профессионального становления будущего юриста. В условиях глобализации и активного развития международных правовых связей владение языком выходит за рамки

просто инструмента коммуникации – это становится основой юридического мышления, построения правовой аргументации и успешной профессиональной реализации [9]. Практика показывает, что даже успешный студент, обладающий глубокими теоретическими знаниями, может испытывать трудности при составлении юридических документов, чтении нормативных текстов или ведении устной презентации, если его языковая подготовка недостаточна.

Современные юридические образовательные программы предусматривают два ключевых направления лингвистической подготовки: овладение юридическим языком родной правовой системы и изучение иностранного языка для профессиональных целей [8]. В первом случае речь идёт о формировании навыков точного понимания и использования правовой терминологии, работы с нормативно-правовыми актами, составления правовых документов и участия в профессиональной коммуникации на национальном уровне. Это требует глубокого понимания стилистики и структуры юридического языка, отличающегося от повседневного как по лексике, так и по синтаксису [10].

Второе направление включает в себя изучение иностранного языка, прежде всего английского, применительно к правовой сфере (Legal English). Такое обучение предполагает не только знание лексических единиц, но и понимание логики функционирования иной правовой системы, в частности англосаксонской [13]. Юридический английский используется в международной правовой практике, в деятельности транснациональных компаний, при разрешении международных споров, что делает его важнейшим компонентом подготовки юристов в любой стране, включая Китай.

Международные подходы к языковой подготовке будущих юристов всё чаще базируются на принципах интеграции языка и содержания (CLIL), обучении английскому языку для специальных целей (ESP), а также на использовании методик, позволяющих применять язык в реальных профессиональных контекстах – таких как моделирование судебных процессов, правовой перевод, участие в международных конкурсах [14]. Таким образом, лингвистическая компетенция рассматривается как неотъемлемая часть профессионального профиля юриста [4]. Включение языкового компонента в юридическое образование становится необходимостью, обусловленной реалиями современной правовой среды.

Система лингвистической подготовки студентов-юристов в Китае

Система лингвистической подготовки студен-

тов юридических специальностей в Китайской Народной Республике представляет собой комплексную и динамично развивающуюся составляющую высшего юридического образования. Как специалист, имеющий опыт анализа образовательных программ, могу отметить, что в Китае формируется устойчивая тенденция интеграции языковой подготовки в профессиональные юридические курсы, особенно в контексте международной правовой деятельности и внешнеэкономических связей страны.

Юридическое образование в КНР традиционно строится по многоуровневой модели: бакалавриат, магистратура, аспирантура. Уже на этапе бакалавриата во многих ведущих вузах – таких как Китайский университет политических наук и права, Пекинский университет, Фудань – студенты сталкиваются с необходимостью изучения английского языка в юридическом контексте. Это не просто

общий курс иностранного языка, а специализированный блок, ориентированный на развитие навыков чтения правовых текстов, анализа англоязычных договоров, написания юридических заключений и ведения профессиональной коммуникации.

Важную роль играет преподавание английского для специальных целей (ESP), а именно Legal English, который преподаётся как отдельная дисциплина или встраивается в практические занятия по международному праву, контрактному праву, сравнительному правоведению [6]. Кроме того, в китайских вузах развиваются билингвальные курсы, где преподавание ведётся одновременно на китайском и английском языках. Такая модель позволяет не только осваивать юридическое содержание, но и параллельно формировать языковую гибкость студентов, что особенно ценно для будущей работы в транснациональной юридической среде.

Рис. 1. Юридический английский.

Fig. 1. Legal English.

На рис. 1 показано, из каких дисциплин оптимально формировать представление о Legal English.

Отдельного внимания заслуживает обучение иностранных студентов, изучающих китайское право. Для них в университетах Китая разработаны программы по китайскому юридическому языку, что также свидетельствует о системном подходе к лингвистической подготовке. Занятия включают лексику, грамматику и стилистические особенности юридического китайского, практику составления правовых текстов, а также правовой перевод.

Несмотря на достигнутые успехи, система лингвистической подготовки в КНР сталкивается с рядом вызовов. Один из них – дисбаланс между общим и профессиональным языковым обучением: нередко студенты проходят общий курс английского языка без достаточной связи с юридическим контекстом, что снижает его прикладную

ценность. Кроме того, ощущается нехватка преподавателей, способных одновременно качественно преподавать язык и ориентироваться в юридической тематике [7]. Это приводит к тому, что нередко используются устаревшие учебники, не соответствующие реалиям современной правовой практики.

Особенностью китайского подхода является акцент на формальной стороне языка – грамматике и лексике, тогда как коммуникативная и аргументативная составляющая часто остаётся на втором плане. На собственном опыте мы наблюдали, как студенты испытывают трудности при необходимости выступать на английском с юридическим докладом или участвовать в моделировании судебного процесса.

Таким образом, лингвистическая подготовка в юридических вузах Китая находится в стадии активного развития и модернизации [1]. Ведущие университеты уже предлагают специализирован-

ные программы, интегрирующие язык и право, но сохраняются проблемы методического и кадрового характера. При этом важно учитывать, что качественная языковая подготовка – это не только путь к успешной профессиональной карьере, но и необходимое условие для включения Китая в международное правовое пространство на равных.

Результаты и обсуждения

Вопрос лингвистической подготовки студентов юристов приобретает особую глубину, если рассматривать его в сравнительной перспективе. Опыт Китая не существует в вакууме – он развивается параллельно с аналогичными практиками в других странах, и их сопоставление позволяет выявить как уникальные черты, так и общие тенденции. На основании изучения образовательных программ и личного взаимодействия с коллегами из разных юрисдикций, наиболее интересным представляется сравнение подходов, реализуемых в Китае, с системами, принятыми в России и США.

В российской правовой школе, как и в китайской, лингвистическая подготовка долгое время рассматривалась как второстепенное направление. Однако в последние годы в России усиливается внимание к изучению английского языка в юридическом контексте. Во многих вузах появились дисциплины такие как «Английский язык в юриспруденции» или «Legal English», ориентированные на освоение базовой терминологии, навыков перевода и составления правовых текстов. Однако, как и в КНР, в российских реалиях часто наблюдается отрыв между языковыми курсами и основной юридической подготовкой. Нередки случаи, когда студенты проходят юридический английский по шаблонным учебникам, не адаптированным под специфику национальной правовой системы, а преподавание ведут филологи, не имеющие юридического опыта.

В отличие от России и Китая, в США лингвистическая подготовка встроена непосредственно в структуру самой правовой системы. Поскольку английский язык является и государственным, и профессиональным языком права, студенты юридических школ (Law schools) изначально формируют профессиональную языковую компетенцию в процессе изучения самой юриспруденции. Тем не менее, даже в США выделяется отдельное направление – Legal Writing, которое преподаётся в рамках обязательной программы и предполагает развитие навыков формальной юридической письменной речи, анализа прецедентов, подготовки меморандумов и судебных документов [7]. На наш взгляд, именно американская система демонстрирует наиболее гармоничное соединение лингвистической и юридической подготовки, поскольку

не отделяет язык от профессии, а делает его неотъемлемой частью профессионального мышления.

Кроме того, в американских вузах большое внимание уделяется развитию устной юридической коммуникации: студенты участвуют в дебатах, moot courts, учатся выступать в суде, что обеспечивает высокий уровень языковой гибкости и аргументации. Для китайской системы, где акцент часто делается на пассивное усвоение материала, этот подход может быть полезен как модель для дальнейшего совершенствования [11].

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что Китай, как и Россия, находится на этапе активного формирования устойчивой модели лингвистической подготовки юристов, стремясь интегрировать иностранный язык в профессиональный контекст. США же демонстрируют более зрелую и интегрированную систему, в которой язык преподаётся не отдельно, а как часть юридической профессии [2]. Опыт англоязычных стран может стать ориентиром для стран с иной правовой и образовательной традицией, включая Китай, при выстраивании собственных программ языкового и профессионального обучения.

Выводы

На фоне анализа текущего состояния лингвистической подготовки студентов-юристов в Китае становится очевидным, что данное направление обладает значительным потенциалом для развития. Проблемы, выявленные в существующей системе, такие как недостаточная связь между языковой и профессиональной подготовкой, ограниченность преподавательских кадров, а также ориентация на формальные аспекты языка в ущерб коммуникативным навыкам, требуют комплексного и системного решения. Вместе с тем, наблюдаемые позитивные тенденции и активный интерес со стороны ведущих китайских университетов позволяют говорить о наличии прочной основы для дальнейшего совершенствования этой сферы.

Одной из перспективных задач является разработка и внедрение полноценных программ билингвального юридического образования, где профессиональные дисциплины преподавались бы одновременно на китайском и английском языках. Такой подход не только способствует формированию языковой гибкости студентов, но и позволяет осваивать юридическую терминологию в условиях, приближённых к реальной профессиональной среде. Подобные модели уже начали внедряться в ряде китайских вузов, и их распространение представляется целесообразным на национальном уровне.

Кроме того, необходимо активизировать подготовку преподавателей, обладающих как лингви-

стической, так и юридической квалификацией. Включение в образовательный процесс специалистов, способных не просто преподавать язык, но и объяснять его применение в контексте конкретных правовых задач, существенно повысит качество лингвистической подготовки. В этом отношении можно опираться на опыт США, где курсы юридического письма и устной аргументации преподаются практикующими юристами и бывшими судьями.

Значимым ресурсом для развития лингвистической подготовки может стать расширение академической мобильности, участие студентов в международных юридических конкурсах (таких как Jessup Moot Court), программах обмена, онлайн-курсах по международному праву и Legal English. Участие в подобных проектах предоставляет не только языковую практику, но и реальное понимание, как функционирует правовая система в международном контексте – это опыт, который невозможно получить в рамках традиционного курса [3].

Среди прочих рекомендаций стоит отметить необходимость пересмотра содержания учебных

программ: курсы иностранного языка должны быть чётко привязаны к юридической специализации студента [5]. Например, будущим специалистам по международному праву следует давать больше материалов по прецедентному праву и судебной практике англоязычных стран, тогда как студентам, ориентированным на корпоративное право, полезнее будет сосредоточиться на юридической переписке, контрактной лексике и переговорах.

Таким образом, дальнейшее развитие системы лингвистической подготовки студентов юридических специальностей в Китае требует не только изменения отдельных курсов, но и пересмотра подходов к интеграции языка и права в целом. Речь идёт не о формальном добавлении часов английского языка, а о формировании новой образовательной культуры, в которой владение профессиональным языком рассматривается как равнозначная часть юридической квалификации. Только при таком подходе можно подготовить специалистов, способных эффективно действовать как в национальном, так и в международном правовом пространстве.

Список источников

1. Атабекова А.А., Сысоева И.А. Иностранный язык в развитии общекультурных и профессиональных компетенций специалистов юридического профиля // Образование. Наука. Научные кадры. 2010. № 4. С. 73 – 74.
2. Brown B. Legal discourse, 1998, doi:10.4324/9780415249126-T007-1. Routledge Encyclopedia of Philosophy, Taylor and Francis, <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/legal-discourse/v-1> (дата обращения: 30.04.2025)
3. Исаева Т.Е., Черкасова М.Н., Волежанина И.С. и др. Высшее образование в Китае: социально-философские и педагогические аспекты: коллективная монография / под научн. ред. Т.Е. Исаевой, М.Н. Черкасовой; ФГБОУ ВО РГУПС. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2024. 152 с.
4. Cheng L., Machin D. The law and critical discourse studies // Critical Discourse Studies. 2022. № 20 (3). P. 243 – 255. <https://doi.org/10.1080/17405904.2022.2102520> (дата обращения: 30.04.2025)
5. Малишевская Н.А. Вариативность значений юридических терминов в английском языке // В сборнике: Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: Сборник научных статей. Научный редактор Т.А. Колесникова. Москва, 2020. С. 202 – 208.
6. Малишевская Н.А., Бессарабова О.Н. Специфика обучения профессиональному иностранному языку в сфере юриспруденции студентов транспортного вуза // В сборнике: Сборник научных трудов "Транспорт: наука, образование, производство". Труды Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2023. С. 269 – 273.
7. Малишевская Н.А. Обучение письменной речи студентов юридических специальностей на занятиях английским языком // Стратегии развития современной науки: Сборник научных статей. Ч. VII / науч. ред. к.п.н. О.Ф. Король. М.: Издательство «Перо», 2021. С. 43 – 48.
8. Mellinkoff D. How to Make Contracts Illegible // Stanford Law Review. 1953. Vol. 5. No. 3. P. 418 – 432. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/1226449> (дата обращения: 06.04.2025)
9. Melinkoff D. The Language of the law. Wipf on Stock Publishers, 2004. 540 p.
10. Пугачёв И.А. Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному: теория, практика, технологии: монография. М.: РУДН, 2016. 483 с. URL: <https://ropryal.ru/wp-content/uploads/2017/03/pugachev-1.pdf> (дата обращения: 22.04.2025)

11. Савицкая И.С., Милованова О.И. Базовый курс английского языка для студентов-юристов I курса: учебное пособие. Томск: Томский государственный университет, 2007. 134 с. URL: <https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2013/08/Book.pdf> (дата обращения: 22.04.2025)
12. Тарасова Т.Н. Аспекты развития цифровых компетенций студентов юридических направлений и специальностей // Вестник педагогических наук. 2023. № 5. С. 112 – 118. URL: <https://vpn-journal.ru/wp-content/uploads/2023/10/vestnik-pedagogicheskikh-nauk-5-2023.pdf> (дата обращения: 22.04.2025)
13. McCarthy L. Thorne Language for Legal Discourse: Main Characteristics, published in ICAIL '89 Proceedings of 2nd International Conference on Artificial Intelligence and Law". P. 180 – 189.
14. Shuy R. Deceit, distress, and false imprisonment. Forensic Linguistics, 1994. № 1.2. P. 133 – 149.
15. Шевелева Е.А. Технология развития критического мышления в обучении иностранному языку студентов лингвистических направлений подготовки // Актуальные вопросы лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве: материалы X Международной молодежной научно-практической конференции (Россия, Омск, 20-23 апреля 2021 г.). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 9. URL: <https://lib.vavt.ru/MegaPro/Download/MObject/5274> (дата обращения: 22.04.2025)

References

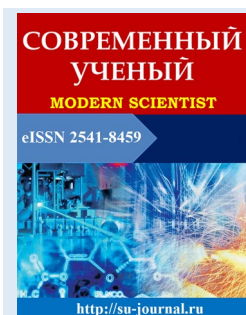
1. Atabekova A.A., Sysoeva I.A. Foreign language in the development of general cultural and professional competencies of legal specialists. Education. Science. Scientific personnel. 2010. No. 4. P. 73 – 74.
2. Brown B. Legal discourse, 1998, doi: 10.4324/9780415249126-T007-1. Routledge Encyclopedia of Philosophy, Taylor and Francis, <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/legal-discourse/v-1> (date of access: 30.04.2025)
3. Isaeva T.E., Cherkasova M.N., Volegzhanina I.S. and others. Higher education in China: socio-philosophical and pedagogical aspects: collective monograph. under the scientific editorship of T.E. Isaeva, M.N. Cherkasova; Rostov-on-Don: RGUPS, 2024. 152 p.
4. Cheng L., Machin D. The law and critical discourse studies. Critical Discourse Studies. 2022. No. 20 (3). P. 243 – 255. <https://doi.org/10.1080/17405904.2022.2102520> (date of access: 30.04.2025)
5. Malishevskaya N.A. Variability of meanings of legal terms in the English language. In the collection: Modern research in the humanities and natural sciences: Collection of scientific articles. Scientific editor T.A. Kolesnikova. Moscow, 2020. P. 202 – 208.
6. Malishevskaya N.A., Bessarabova O.N. Specifics of teaching professional foreign language in the field of jurisprudence to students of transport universities. In the collection: Collection of scientific papers "Transport: science, education, production". Proceedings of the International scientific and practical conference. Rostov-on-Don, 2023. P. 269 – 273.
7. Malishevskaya N.A. Teaching written speech to students of legal specialties in English classes. Strategies for the development of modern science: Collection of scientific articles. Part VII. Scientific. ed. candidate of pedagogical sciences O.F. Korol. M.: Pero Publishing House, 2021. P. 43 – 48.
8. Mellinkoff D. How to Make Contracts Illegible. Stanford Law Review. 1953. Vol. 5. No. 3. P. 418–432. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/1226449> (accessed: 06.04.2025)
9. Melinkoff D. The Language of the law. Wipf on Stock Publishers, 2004. 540 p.
10. Pugachev I.A. Professionally oriented teaching of Russian as a foreign language: theory, practice, technology: monograph. M.: RUDN, 2016. 483 p. URL: <https://ropryal.ru/wp-content/uploads/2017/03/pugachev-1.pdf> (date of access: 22.04.2025)
11. Savitskaya I.S., Milovanova O.I. Basic course of English for law students of the 1st year: a tutorial. Tomsk: Tomsk State University, 2007. 134 p. URL: <https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2013/08/Book.pdf> (date of access: 22.04.2025)
12. Tarasova T.N. Aspects of development of digital competencies of students of legal directions and specialties. Bulletin of pedagogical sciences. 2023. No. 5. P. 112 – 118. URL: <https://vpn-journal.ru/wp-content/uploads/2023/10/vestnik-pedagogicheskikh-nauk-5-2023.pdf> (date of access: 22.04.2025)
13. McCarthy L. Thorne Language for Legal Discourse: Main Characteristics, published in ICAIL '89 Proceedings of the 2nd International Conference on Artificial Intelligence and Law". P. 180 – 189.
14. Shuy R. Deceit, distress, and false imprisonment. Forensic Linguistics, 1994. No. 1.2. P. 133 – 149.
15. Sheveleva E.A. Technology of critical thinking development in teaching a foreign language to students of linguistic fields of study. Current issues of linguistics in the modern professional and communicative space: materials of the X International youth scientific and practical conference (Russia, Omsk, April 20-23, 2021). Omsk: OmskGTU, 2021. P. 9. URL: <https://lib.vavt.ru/MegaPro/Download/MObject/5274> (date of access: 22.04.2025)

Информация об авторе

Малишевская Н.А., Ростовский государственный университет путей сообщения

© Малишевская Н.А., 2025

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

УДК 347.626.2

Развитие брачного договора в современной России (на примере существовавших законодательных инициатив)

¹ Миронов В.А.

¹ *Институт государственной службы и управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы*

Аннотация: в настоящей научной статье автором подробно исследуется проблематика риска признания брачного договора недействительным. Обосновывается позиция, согласно которой текущее прочтение одного из оснований для признания брачного договора недействительным (наличия в тексте договора условий, реализация которых ставит одного из супругов в крайне неблагоприятное положение) создает условия, позволяющие недобросовестным супругам злоупотреблять своими правами. Автором последовательно критикуется одна из последних глобальных законодательных инициатив, предлагающая, кроме прочего, скорректировать подход к определению условий для признания брачного договора недействительным, а именно исключить само понятие «условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение» из российского семейного законодательства как таковое. По мнению исследователя, претворение в жизнь подхода, продемонстрированного в инициативе, способно существенно ухудшить устойчивость всего института брачного договора, окончательно трансформировав его в инструмент манипуляций.

Для обоснования верности собственной позиции, автор обращается как к трудам признанных классиков юридической доктрины, так и к позициям современных практикующих специалистов, выстраивая оригинальную систему аргументов, подробно раскрывающих глубокую ошибочность (и даже опасность) подхода, который на протяжении последних лет, к сожалению, пытаются реализовать ряд отечественных законодателей.

Ключевые слова: имущество супругов, брачный договор, недействительность договора, законодательная инициатива

Для цитирования: Миронов В.А. Развитие брачного договора в современной России (на примере существовавших законодательных инициатив) // Современный ученый. 2025. № 9. С. 382 – 390.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The development of the marriage contract in modern Russia (on the example of existing legislative initiatives)

¹ Mironov V.A.

¹ *Presidential Academy of the Russian Academy of National Economy and Public Administration*

Abstract: in this scientific article, the author examines in detail the problem of the risk of invalidation of a marriage contract. The position is substantiated, according to which the current reading of one of the grounds for invalidating the marriage contract (the presence in the text of the contract of conditions, the implementation of which puts one of the spouses in an extremely unfavorable position) creates conditions that allow unscrupulous spouses to abuse their rights. The author consistently criticizes one of the latest global legislative initiatives, which proposes, among other things, to adjust the approach to determining the conditions for invalidating a marriage contract, namely, to exclude the very concept of «conditions that put one of the spouses in an extremely unfavorable position» from Russian family legislation as such. According to the researcher, the implementation of the approach demonstrated in the initiative can significantly worsen the stability of the entire institution of the marriage contract, finally transforming it into a tool of manipulation.

To substantiate the correctness of his own position, the author refers both to the works of recognized classics of legal doctrine and to the positions of modern practitioners, building an original system of arguments that reveal in detail the profound fallacy (and even danger) of the approach that, unfortunately, a number of domestic lawmakers have been trying to implement in recent years.

Keywords: property of spouses, marriage contract, invalidity of the contract, legislative initiative

For citation:. Mironov V.A. The development of the marriage contract in modern Russia (on the example of existing legislative initiatives) Modern Scientist. 2025. 9. P. 382 – 390.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 14, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Актуальность темы настоящего исследования продиктована объективно существующей в юридической практике проблемой, вызванной формальной неопределенностью такой категории, как «условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение». Указанная проблема серьезным образом влияет на стабильность всего института брачного договора, создавая исключительно благоприятную почву для различных злоупотреблений.

В ситуации, когда легальные критерии «крайне неблагоприятного положения» и исчерпывающие описания способов привести к нему условий брачного договора изначально не заданы никакими органами государственной власти, недобросовестные супруги, преследующие корыстные или банально аморальные цели, получают возможность фактически «жонглировать» толкованием условий брачного договора, приобретая тем самым «рабочий» способ разрушить невыгодные конкретно для себя, но притом справедливые и изначально законные условия обсуждаемого договора: все упирается лишь в способность убедить суд в том, что те или иные условия создают некий

чрезмерный дисбаланс интересов. Судьи же, руководствуясь отсутствием каких-либо объективных критериев или маркеров «крайне неблагоприятного положения» в законодательстве и подзаконных актах, часто вынуждены следовать букве закона и признавать брачный договор, содержащий дисбалансные условия, действительным в части или даже полностью [1].

Подобное положение вещей, со всей очевидностью, не может положительно сказываться ни на авторитете, ни на стабильности такой правовой конструкции, как брачный договор. Однако, несмотря на относительную изученность в рамках правовой доктрины, обозначенная проблема фактически игнорируется отечественным законодателем: за последние годы была лишь одна инициатива, которая предлагала определенный путь выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации, но и она, к сожалению, не выдерживает никакой критики. Таким образом, по мнению автора, назрела необходимость действительно серьезного анализа и деятельного поиска путей разрешения проблематики формальной неопределенности категории «условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение» и определе-

ния конкретных маркеров, с высокой степенью вероятности указывающих на риск возникновения самого «крайне неблагоприятного положения» для одного из супругов.

Цель данной научной статьи – описать существующую в рамках института брачного договора проблему, связанную с формальной неопределенностью такой категории, как «условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение».

Задачи – охарактеризовать сущность вышеуказанной проблемы, объяснить ее негативное влияние на стабильность заключенного между супругами брачного договора, изучить и проанализировать существующие законодательные инициативы, предлагающие оригинальное разрешение обсуждаемой в рамках статьи проблемы.

Гипотеза – путь решения проблемы, связанной с формальной неопределенностью такой категории, как «условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение», приведенный в рамках текста внесенного законопроекта (Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей) № 835938-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)» абсолютно не жизнеспособен и, более того, вреден, так как, во-первых, открыто противоречит основным началам отечественного семейного законодательства, и, во-вторых, совершенно не учитывает существующих в российском обществе культурно-правовых реалий, в условиях которых реализация на практике предложений законодателями лишь усугубит ситуацию, связанную с добросовестным исполнением уже заключенных брачных договоров.

Материалы и методы исследований

В исследовании, проведенном в рамках настоящей научной статьи, применялись следующие теоретические методы: формально-юридический метод, метод толкования юридических норм (в частности, применялись синтаксический, телеологический и исторический методы толкования), метод юридической герменевтики, анализ, синтез и дедукция. К эмпирическим методам, использованным автором, следует относить описание. Эмпирической базой исследования выступили релевантные материалы юридической практики, различная научно-правовая литература, актуальные и исторические отечественные нормативно-правовые акты.

Результаты и обсуждения

По мнению автора настоящего исследования, одним из самых серьезных «камней преткнове-

ния», возникающих в связи с исполнением, изменением и расторжением брачного договора, является вопрос о признании его недействительным полностью или в части. Так, согласно п. 3 ст. 42 СК РФ устанавливается перечень условий, недопустимых к включению в текст брачного договора. Представляется, что вызывающим особые затруднения на практике является запрет на такие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

Основная сложность, связанная с обсуждаемым условием, заключается в том, что в легальном поле фактически отсутствует формальное определение или по крайней мере однозначные критерии определения состояния «крайне неблагоприятного положения».

Например, практикующий юрист А.Г. Просвирин высказывает мнение, что действующим законодательством на данный момент времени, к сожалению, действительно хотя бы приблизительно не определено, какое условие можно считать «ставящим супруга в крайне неблагоприятное положение».

С одной стороны, как отмечает юрист, есть весьма справедливое замечание Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), который в своем Определении от 21.06.2011 № 779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации» указывает, что использование законодателем описательно-оценочной формулировки «условия договора, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение» вовсе не свидетельствует о неопределенности содержания нормы СК РФ: разнообразие обстоятельств, оказывающих влияние на имущественное положение супругов, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе [9].

Подобным рассуждениям высшей судебной инстанции всецело соответствует и положение абз. 2 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», в котором, тем не менее, приводится один конкретный пример явного «неблагоприятного положения» – полное лишение одного из супругов права собственности на имущество, нажитое обоими супругами в период брака [12].

С другой стороны, подобная позиция КС РФ в свое время никак не разрешила имеющих место контроверзы, возникающих в рамках повседневной

юридической практики: поставив определение критериев «неблагоприятного положения» в зависимость от судейского усмотрения в каждом конкретном деле, сами споры, так или иначе связанные с институтом брачного договора, стали разрешаться без должного правового анализа ситуации, причем все чаще на основании фактически всего лишь одного принципа – «*pacta sunt servanda*» [1].

Согласно данному принципу, с целью поддержания стабильности и предсказуемости гражданского оборота, субъекты последнего обязаны добровольно и в полной мере исполнять все законно взятые на себя обязательства. Сила и авторитет обсуждаемого принципа, как отмечают исследующие его природу юристы [3], насчитывает многовековую историю и даже во многом лежит за гранью юридической науки.

Так, «*pacta sunt servanda*» пронизан еще влиянием классической богословской философией и обоснован так называемой «теорией обещания», нашедшей свое отражение в трудах Ф. Аквинского [20, q. 88, art. 3, 10] и ряде материалов Церковных Соборов [10, с. 70-71], а также развитой в дальнейшем Т. Гоббсом [4, с. 99], Д. Юмом [17, с. 605]. Кроме сказанного, данный принцип был развит в рамках обоснования его с точки зрения важности достигнутого и непрерываемого консенсуса сторон договора, выступающего своего рода конституирующим фактором его обязательной силы: об этом писали Г. Гроций [5, гл. 14], С. Пуфендорф [21, lib. 3, cap. 6.] и Х. Томазий, который впервые обозначил консенсус не просто как некую нерушимую договоренность, но как совпадение воли [19, vol. 1, 2, 6, 7].

Несмотря на то, что теория обещания и ее закономерная эволюция в лице теории воли обладают рядом неразрешенных противоречий, многие современные ученые-юристы безусловно признают их влияние на сегодняшнее непосредственно юридическое прочтение принципа «*pacta sunt servanda*». Например, Д. Гордли считает, что именно обещание было и фактически остается главным основанием обязательной силы договоров и проводит крайне интересное, а главное убедительное сравнительно-правовое исследование того, как обещания в сфере контрактного права понимаются и охраняются в различных правовых системах в наши дни [18]. Наконец, обсуждаемый принцип обладает колоссальным утилитарным значением для современного гражданского оборота, всецело отвечая требованиям экономической теории эффективности.

Современные исследователи в области экономического анализа договорного права небезосно-

вательно утверждают, что одной из фундаментальных целей договорно-правового регулирования в целом выступает «обеспечение возможностей фирм увеличивать общее благосостояние в процессе заключения договоров» [22, p. 17].

Объясняется процитированное утверждение следующим образом: стремясь к заключению договора любая из сторон стремится оказаться в более выгодном, чем до заключения договора, положении.

В рамках полноценного исполнения договора происходит обмен соответствующими благами и, таким образом, ресурсы перераспределяются между субъектами наиболее оптимальным (с точки зрения экономического расчета) образом.

Однако, в рамках исполнения договоров, которое зачастую может быть растянуто во времени, все без исключения стороны договора находятся в состоянии риска понести те или иные убытки, в том числе и в связи с неисполнением одной из сторон своих обязательств по договору.

На практике это означает, что при условии отсутствия у договора его принудительной силы, в рамках оборота у недобросовестных агентов рынка появится серьезный соблазн не исполнять взятые на себя обязательства.

Подобная конъюнктура рынка не может удовлетворять развивающееся общество, так как она исключит возможность заключения хоть скольких-нибудь сложных договоров, что, в свою очередь, приведет к общей деградации оборота и экономики.

Таким образом, обязательность договора обосновывается соображениями экономической эффективности там, где они применимы, а в прочих случаях – традиционной силой обещания. Несмотря на то, что, основываясь на анализе релевантных исторических, правовых и философских трудов, ни один из приведенных автором настоящей научной статьи подходов прямо не опирается на правовую природу договора, а лишь распространяет свою центральную идею на них как на частный случай человеческого поведения, они, тем не менее, являются серьезным подспорьем современному авторитету принципа «*pacta sunt servanda*».

Принимая во внимание все вышесказанное, необходимо перейти к детальному рассмотрению фактически единственной серьезной и глубокой законодательной инициативы последних лет, напрямую затрагивающей институт брачного договора.

Так, речь пойдет о законопроекте № 835938-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имуще-

ственных отношений супругов)», который был внесен коллективом Депутатов Государственной Думы России, внесенном на рассмотрение еще 14 ноября 2019 года.

Первым среди перечня причастных к законопроекту депутатов числится доктор юридических наук П.В. Крашенинников, в связи с чем для удобства обозначенный ранее законопроект будет здесь и далее обозначаться как «законопроект Крашенинникова».

Законопроект Крашенинникова предполагал внесение изменений в целый ряд федеральных законов, в том числе и относящиеся к отрасли семейного права, однако мы остановимся на рассмотрении лишь тех положений, которые, во-первых, непосредственным образом относились к институту брачного договора и, во-вторых, были способны оказать на него существенное влияние.

Стоит сказать, что, в то время как пп. «а» и «б» п. 4 ст. 4 текста законопроекта не представляют собой нечто революционное и просто предполагают незначительное расширение возможности договорного регулирования имущественных отношений супругов в весьма конвенциональном и даже несколько ожидаемом смысле, пп. «в» п. 4 ст. 4, в свою очередь, предлагает поистине революционное изменение нормы ст. 42 СК РФ — убрать из нее запрет на включение в брачный договор условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [15].

Исходя из содержания п. 6 пояснительной записки к законопроекту Крашенинникова можно сделать вывод, что, по мнению авторов законопроекта, возникшая на рубеже 1990-х годов новая общественная действительность подразумевала развитие нового экономического [7, с. 17-20] и, как следствие, правового уклада, в связи с чем в России возникает институт договорного регулирования имущества супругов.

Между тем, как утверждает текст пояснительной записки, практика многолетнего применения в судах правил п. 3 ст. 42 СК РФ и п. 2 ст. 44 СК РФ привела к тому, что многие супруги справедливо опасаются признания заключенного между ними брачного договора недействительным в связи с тем, что его условия рано или поздно поставят одного из них в неблагоприятное положение. Кроме сказанного, в записке к законопроекту Крашенинникова отмечается, что возможность признания недействительным нотариально удостоверенного договора между супругами создает не только неопределенность в правоотношениях между ними, но и ставит под удар интересы их контрагентов, которые полагались на существование брачного

контракта при вступлении в договорные отношения с одним из супругов.

Таким образом, в конце п. 6 пояснительной записки авторами законопроекта предлагается следовать принципу «договоры должны исполняться» (то есть ранее осаждавшемуся принципу «*pacta sunt servanda*»), что, исходя из уже рассмотренного содержания предполагаемого текста законопроекта, выражается в исключении категории «крайне неблагоприятное положение» из семейного законодательства как таковой [13].

Безусловно, было бы странным отрицать, что обозначенный принцип имеет огромное влияние на стабильность, динамичность и гармоничность гражданского оборота, равно как и игнорировать очевидный факт развития в нашем государстве полноценных рыночных отношений. Однако, как представляется автору данной научной статьи, подобные изменения носят характер отнюдь не «необходимых корректив, сформулированных предельно осторожно с целью минимального воздействия на сложившиеся семейные отношения» [13], а чересчур радикальной правовой ревизии, противоречащей своим содержанием устоявшиеся фундаментальные начала отечественного семейного законодательства.

Озвученную позицию можно подтвердить следующими тезисами.

1. Во-первых, развитие российского семейного законодательства в том виде, в котором оно предстает в рамках современной действительности, началось с самых первых годов существования советской власти.

Уже с момента принятия КЗАГС в 1918 году можно заметить определенные параллели с актуальным СК РФ, который до сих пор сохранил определенные правовые «находки» того периода отечественной истории: например, возникает институт государственной регистрации брака (ст. 52 КЗАГС и п. 2 ст. 1 СК РФ), четко регламентируются материальные условия заключения и расторжения брака (Глава II КЗАГС и Главы 3 и 4 СК РФ), позитивным образом регулируются конкретные права и обязанности супругов (Глава V КЗАГС и Главы 6, 7, 9 СК РФ) и многое другое. Безусловно, обнаружить похожий параллелизм также представляется возможным и в рамках последовательного сравнения определенных норм СК РФ с нормами КЗоБСО 1926 года и КоБС 1969 года.

Стоит отдельно заметить, что, как справедливо отмечает П.Л. Полянский, формирование советской семейно-правовой отрасли представляло собой неоднородный, сложный и многофакторный процесс [11, с. 30-31], однако именно на плодах

его достижений в свое время и начинало формироваться уже современное российское семейное право [6, с. 40-43].

Принимая во внимание данное обстоятельство, будет логичным утверждать, что современное законодательство, регулирующее семейные правоотношения, во многом базируется на принципах, заложенных еще в социалистический период развития нашей государственности. Получается, что семейное право в современной России хоть и весьма тесно связано с гражданским правом, но, тем не менее, по объективным уникальным историческим причинам до сих пор остается во многом самостоятельной правовой отраслью.

Стоит заметить, что во всех иных правопорядках континентальной правовой семьи семейное право в лучшем случае выступает лишь как подотрасль гражданского права, в то время как в нашем государстве по сей день не утихают ожесточенные споры относительно его полной отраслевой самостоятельности. По мнению автора настоящей научной статьи, современное семейное право России является полноценным продолжателем традиции строительства обозначенной отрасли в советский период, так как ему по-прежнему свойственны совершенно специфические принципы (п. 3 ст. 1 СК РФ), а также собственный особый предмет (ст. 2 СК РФ), который регулируется нормами гражданского законодательства лишь в субсидиарном порядке (ст. 4 СК РФ).

Таким образом, внося коррективы в семейное законодательство, руководствуясь при этом стремлением сблизить его институты с классическими принципами гражданского права, законодатель рискует нарушить механизмы исправно работающей, а главное сформировавшейся и прижившейся в социальной сфере жизнедеятельности нашего общества системы регулирования семейных отношений.

Особенно важно понимать, что цель «подружить» договорные отношения, вытекающие из семейных правоотношений, с фундаментальными принципами классического гражданского договорного права глубоко ошибочна сама по себе: смешение рыночных порядков, доминирующих в рамках гражданского оборота, с глубоко социальными началами текущего семейного права России неизбежно приведет к разращению и полному коллапсу последних. Подобный исход обусловит необходимость глобальной перестройки и адаптации всего массива норм актуального семейного законодательства под полноценные рыночные реалии, механизмы и принципы, которые в нашей стране, по уверениям множества исследователей,

еще далеки от своей окончательной сформированности [2].

2. Во-вторых, предлагаемое изменение напрямую противоречит некоторым основополагающим положениям Распоряжения Правительства РФ от 25.08.2014 года № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». В частности, в Концепции декларируется, что «эффективность экономических мер невозможна без создания в обществе атмосферы приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни».

Далее, под семейно-нравственными ценностями, синонимичными в контексте изучаемого нормативного акта понятию «традиционные семейные ценности», в частности, понимается «союз мужчины и женщины... основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению».

Возможно, последующая риторика будет несколько субъективной, но о каком уважении может идти речь в случае игнорирования фактора возможного злоупотребления правом со стороны одного из супругов путем постановки другого супруга в крайне неблагоприятное положение определенными условиями брачного договора? Бесспорно, личное дело и незыблемое право каждой семьи – самостоятельно решать свои имущественные вопросы, и нет ничего сверхъестественного в том, чтобы порой по обоюдной воле супругов отходить от принципа равенства долей путем последовательного распределения совместного имущества, допустим, в соотношении 70/30 или даже 80/20. Однако, что, если соотношение будет равняться 95/5? Или 99/1?

Руководствуясь принципом «договоры должны исполняться», подобные соотношения при соблюдении всех иных законных требований к содержанию брачного договора будут полностью легитимными. Кажется, что никакой проблемы не существует, а попытки ее найти – лишь софистические приемы и уловки, пытающиеся тормозить прогресс развития отечественного законодательства.

Тем не менее, мы не можем отрицать, что отрасль семейного права является в своей основе глубоко психологичной: очевидно, что ни одна отрасль права не существует в вакууме, являясь частью целой плеяды сопутствующих социальных взаимодействий, но именно правоотношения меж-

ду членами семьи буквально пронизаны эмоциями, представляя собой, пожалуй, самое концентрированное переплетение правового и межличностного, причем с явным превалированием последнего [8, с. 9].

Осознавая вышесказанное, мы также должны принимать факт того, что современное отечественное семейное право развивается в согласии с собственными уникальными тенденциями. Данные тенденции, в свою очередь, формируют конкретные фундаментальные отраслевые принципы, базирующиеся на ценностях, зачастую несвойственных для гражданско-правовых отношений.

Продолжая изучать Концепцию, мы видим прямое подтверждение озвученных умозаключений: при наличии принципа «самостоятельности семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни» государство прямо заявляет, что к его основным задачам относятся «повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании», а также «содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи», очевидно, с опорой на ранее провозглашенные традиционных ценностей [14].

Выводы

Таким образом, изучив законопроект Крашенинникова и проанализировав его основные положения, можно сделать вывод, что данная единственная имеющаяся на текущий момент времени поистине глобальная законодательная инициатива относительно изменения семейного законодатель-

ства в контексте института брачного договора является крайне спорной.

С одной стороны, пп. «а» и «б» п. 4, а также п. 5 и п. 6 ст. 4 текста законопроекта не приносят в обсуждаемый правовой институт заслуживающих пространного обсуждения изменений ввиду собственной незначительности. С другой стороны, пп. «в» п. 4 ст. 4 законопроекта Крашенинникова, предлагая исключить категорию крайне неблагоприятного положения из семейного законодательства, как было доказано выше, явно противоречит тенденциям и принципам развития семейного права России, входя в конфликт с социально-правовым назначением последних.

Закономерным итогом рассмотрения подобного законопроекта становится принятие Федерального закона от 14.07.2022 № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором сохранена лишь самая малая часть тех инициатив, которые изначально продвигали П. В. Крашенинников и его коллеги: конкретно в рамках семейного законодательства изменения коснулись исключительно норм ст. 35 и 39 СК РФ, но и их нельзя охарактеризовать в качестве хоть сколь-либо существенных [16]. К сожалению, в отсутствии иных законодательных инициатив, складывается поистине плачевная ситуация, в рамках которой проблема рисков признания брачного договора недействительным в части или полностью, то есть та самая «ахиллесова пята» всего правового института, изучаемого на страницах настоящего научного исследования, остается полностью неразрешенной.

Список источников

1. Антон Просвирин. «Рабочие» основания для признания брачного договора недействительным [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/2/25/rabochie_osnovaniya_dlya_priznaniyaA0brachnogo0dogovora_nedejstvitelnym (дата обращения: 02.03.2025)
2. Бархатов В.И., Плетнев Д.А., Арбачаускас В.О. Природа и эволюция российского капитализма // Вестник ЧелГУ. 2017. № 2 (398). С. 5 – 18.
3. Батырев Г.Т. Pacta sunt servanda: эволюция и неоднозначность внутреннего содержания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 1. С. 86 – 94.
4. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. 478 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn2.pdf (дата обращения: 02.03.2025)
6. Емелина Л.А. Формирование правовых основ семейного права России: исторический аспект // Семейное право. М.: Юрист, 2004. № 2. С. 40 – 43.
7. Козырев В.М., Козырева Т.В. Особенности и основные черты рыночной экономики в современной России (часть 1) // Вестник РМАТ. 2019. № 4. С. 17 – 28.
8. Кудрявцева Л.В., Куемжиева С.А., Масленникова Л.В. Актуальные проблемы семейного права: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2020. 104 с.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116295/ (дата обращения: 02.03.2025)
10. Полдников Д.Ю. Pacta sunt servanda: проблема преемственности в европейском частном праве // Государство и право. 2011. № 3. С. 67 – 75.
11. Полянский П.Л. Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 2. С. 3 – 33.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 03.03.2025)
13. Пояснительная записка к тексту внесенного законопроекта (Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей) № 835938-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)». [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 03.03.2025)
14. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/ (дата обращения: 03.03.2025)
15. Текст внесенного законопроекта (Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей) № 835938-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)». [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 03.03.2025)
16. Федеральный закон «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2022 № 310-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421888/ (дата обращения: 03.03.2025)
17. Юм Д. Трактат о человеческой природе: пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. М., 1996. 733 с.
18. Gordley J., The Enforceability of Promises in European Contract Law, Cambr., 2004. 514 p.
19. Thomasius Ch. Institutiones iurisprudentiae divinae. Halle, 1688. 874 p.
20. Thomas Aquinat. Summa Theologica. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Summa_Theologiae (дата обращения: 03.03.2025)
21. Pufendorf S., De Jure Naturae Et Gentium, L., 1672. 1227 p.
22. Schwartz A., Scott R.E. Contract Theory and Limits of Contract Law // John M. Olin Center for Studies in Law, Economics, and Public Policy Working Papers. 2003. Paper № 275 84 p.

References

1. Anton Prosvirin. "Working" grounds for recognizing a marriage contract as invalid [Electronic resource]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/2/25/rabochie_osnovaniya_dlya_priznaniyaA0brachnogo0dogovora_nedejstvitelny (date of access: 02.03.2025)
2. Barkhatov V.I., Pletnev D.A., Arbachauskas V.O. Nature and evolution of Russian capitalism. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2017. No. 2 (398). P. 5 – 18.
3. Batyrev G.T. Pacta sunt servanda: evolution and ambiguity of internal content. Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2020. No. 1. P. 86 – 94.
4. Hobbes T. Leviathan. M., 2001. 478 p.
5. Grotius G. On the Law of War and Peace. [Electronic resource]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn2.pdf (accessed: 03/02/2025)
6. Emelina L.A. Formation of the legal foundations of family law in Russia: historical aspect. Family law. M.: Jurist, 2004. No. 2. P. 40 – 43.
7. Kozyrev V.M., Kozyreva T.V. Features and main features of the market economy in modern Russia (part 1). Bulletin of the Russian Academic Marital Status. 2019. No. 4. P. 17 – 28.
8. Kudryavtseva L.V., Kuemzhieva S.A., Maslennikova L.V. Actual problems of family law: textbook. manual. Krasnodar: KubSAU, 2020. 104 p.

9. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.06.2011 No. 779-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valentina Pavlovna Arbuzova on the violation of her constitutional rights by paragraph 2 of Article 44 of the Family Code of the Russian Federation." [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116295/ (date of access: 02.03.2025)
10. Poldnikov D.Yu. Pacta sunt servanda: the problem of succession in European private law. State and Law. 2011. No. 3. P. 67 – 75.
11. Polyansky P.L. Formation of family law as a branch in Russia (statement of the problem). Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2010. No. 2. P. 3 – 33.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.11.1998 No. 15 (as amended on 06.02.2007) "On the application of legislation by courts when considering cases on divorce". [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (date of access: 03.03.2025)
13. Explanatory note to the text of the submitted bill (State Duma Committee on Family, Women and Children) No. 835938-7 "On Amendments to the Family Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation (in terms of property relations of spouses)". [Electronic resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (date of access: 03.03.2025)
14. Order of the Government of the Russian Federation of 25.08.2014 No. 1618-r "On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the Period up to 2025". [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/ (date of access: 03.03.2025)
15. Text of the submitted bill (State Duma Committee on Family, Women and Children) No. 835938-7 "On Amendments to the Family Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation (regarding the property relations of spouses)". [Electronic resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (date of access: 03.03.2025)
16. Federal Law "On Amendments to the Family Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 14.07.2022 No. 310-FZ. [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421888/ (date of access: 03.03.2025)
17. Hume D. Treatise on Human Nature: trans. from English by S.I. Tsereteli. Hume D. Works: In 2 vols. Vol. 1. Introduction. art. A.F. Gryaznov; notes. I.S. Narsky. 2nd ed., supplemented. and corrected. M., 1996. 733 p.
18. Gordley J., The Enforceability of Promises in European Contract Law, Cambr., 2004. 514 p.
19. Thomasius Ch. Institutiones iurisprudentiae divinae. Halle, 1688. 874 p.
20. Thomas Aquinat. Summa Theologica. [Electronic resource]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Summa_Theologiae (access date: 03/03/2025)
21. Pufendorf S., De Jure Naturae Et Gentium, L., 1672. 1227 p.
22. Schwartz A., Scott R.E. Contract Theory and Limits of Contract Law. John M. Olin Center for Students in Law, Economics, and Public Policy Working Papers. 2003. Paper No. 275 84 p.

Информация об авторе

Миронов В.А., преподаватель, аспирант, Высшая школа правоведения, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, vamir0n@yandex.ru

© Миронов В.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

УДК 349.3(075.8)

Проблемы реализации гарантий прав и льгот российских граждан, уволенных с военной службы

¹ Алиев Ш.И., ² Абакарова Б.Г.

¹ Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений,

² Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы реализации социальных гарантий, прав и льгот граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы. Анализируются нормативно-правовые основы социальной защиты военнослужащих, выявляются системные недостатки в механизмах предоставления льгот и компенсаций. Исследование базируется на анализе современного законодательства, статистических данных и экспертных оценок состояния системы социальной защиты военнослужащих. Выявлены основные проблемы: недостаточное финансирование социальных программ, бюрократические барьеры в получении льгот, неравномерность региональной реализации федеральных гарантий. Предложены направления совершенствования системы социальной защиты военнослужащих, включающие оптимизацию нормативной базы, улучшение межведомственного взаимодействия и создание эффективных механизмов контроля.

Ключевые слова: военнослужащие, социальные гарантии, льготы, социальная защита, права граждан, военная служба, социальная политика, компенсации

Для цитирования: Алиев Ш.И., Абакарова Б.Г. Проблемы реализации гарантий прав и льгот российских граждан, уволенных с военной службы // Современный ученый. 2025. № 9. С. 391 – 395.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Problems in the implementation of guarantees of the rights and benefits of Russian citizens discharged from military service

¹ Aliev Sh.I., ² Abakarova B.G.

¹ Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations,

² Dagestan State University branch in Izberbash

Abstract: the article discusses the current problems of the implementation of social guarantees, rights and benefits of citizens of the Russian Federation discharged from military service. The regulatory framework for the social protection of military personnel is analyzed, and systemic deficiencies in the mechanisms for providing benefits and compensations are identified. The study is based on an analysis of modern legislation, statistical data and expert assessments of the state of the social protection system for military personnel. The main problems are identified: insufficient financing of social programs, bureaucratic barriers in obtaining benefits, uneven regional implementation of federal guarantees. The directions of improving the social protection system for military personnel are pro-

posed, including optimizing the regulatory framework, improving interdepartmental interaction and creating effective control mechanisms.

Keywords: military personnel, social guarantees, benefits, social protection, citizens' rights, military service, social policy, compensation

For citation: Aliev Sh.I., Abakarova B.G. Problems in the implementation of guarantees of the rights and benefits of Russian citizens discharged from military service. Modern Scientist. 2025. 9. P. 391 – 395.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Социальная защита военнослужащих, уволенных с военной службы, представляет собой важнейший элемент государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и социальной стабильности. Эффективность системы социальных гарантий напрямую влияет на престиж военной службы, мотивацию к прохождению службы и общественное восприятие военной организации государства.

Современная система социальной защиты военнослужащих в Российской Федерации формировалась на протяжении последних десятилетий и включает широкий спектр гарантий, льгот и компенсаций. Однако практическая реализация этих мер сталкивается с многочисленными проблемами, что требует комплексного научного анализа и разработки предложений по совершенствованию действующих механизмов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности системы социальной защиты военнослужащих в условиях реформирования Вооруженных Сил и изменения социально-экономических условий в стране. Анализ проблем реализации гарантий прав и льгот позволит выявить системные недостатки и предложить пути их устранения.

Материалы и методы исследований

Исследование проведено с использованием комплексного методологического подхода, включающего анализ нормативно-правовых актов, статистических данных, экспертных оценок и социологических исследований. Применялись методы сравнительного анализа, системного подхода, структурно-функционального анализа и экспертных оценок.

Эмпирическую базу исследования составили данные Министерства обороны Российской Федерации, Росстата, региональных органов социальной защиты, а также результаты экспертных интервью с представителями военных комиссариатов, общественных организаций военнослужащих и специалистов в области социальной политики.

Временные рамки исследования охватывают период с 2020 по 2024 годы, что позволяет оценить современное состояние системы социальной защиты военнослужащих и выявить тенденции её развития в условиях изменяющихся социально-экономических условий.

Результаты и обсуждения

Анализ нормативно-правовой базы показал, что система социальной защиты военнослужащих в Российской Федерации базируется на Конституции РФ, федеральных законах «О статусе военнослужащих», «О ветеранах», «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации», а также многочисленных подзаконных актах.

Основные виды социальных гарантий включают: денежное довольствие и пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание, жилищные льготы, льготы по транспорту, образованию, трудоустройству, а также различные компенсации и выплаты. Однако практическая реализация этих гарантий сталкивается с рядом системных проблем [8].

Первостепенной проблемой является недостаточное финансирование социальных программ для военнослужащих [1]. Данная проблема проявляется в нескольких ключевых аспектах, требующих детального анализа и системного подхода к решению.

Прежде всего, дефицит финансирования отражается на качестве и доступности медицинского обслуживания военнослужащих и членов их семей. Недостаток средств в военно-медицинских учреждениях приводит к устаревшей материально-технической базе, нехватке современного медицинского оборудования и ограниченности спектра предоставляемых медицинских услуг. Это особенно критично для военнослужащих, проходящих службу в отдаленных регионах, где доступ к качественной медицинской помощи изначально ограничен.

Жилищная проблема также напрямую связана с недостаточным финансированием. Строительство служебного жилья для военнослужащих требует значительных капитальных вложений, которые не

всегда выделяются в полном объеме. Результатом становится длительное ожидание получения жилья, что негативно сказывается на мотивации к прохождению военной службы и создает дополнительные социальные напряжения.

Образовательные программы для детей военнослужащих также страдают от недофинансирования. Военные городки часто располагаются в отдаленных районах, где качество образовательных услуг может быть ниже среднего уровня, а дополнительные образовательные программы и кружки недоступны из-за нехватки средств на их организацию.

Анализ бюджетных расходов показывает, что доля средств, выделяемых на социальную защиту военнослужащих, остается недостаточной для полноценной реализации всех предусмотренных законодательством гарантий.

Анализ бюджетных расходов показывает, что доля средств, выделяемых на социальную защиту военнослужащих, остается недостаточной для полноценной реализации всех предусмотренных законодательством гарантий. Структура бюджетных ассигнований демонстрирует диспропорцию между декларируемыми социальными обязательствами государства перед военнослужащими и реальными возможностями их финансового обеспечения.

Особенно остро проблема недофинансирования проявляется в сфере санаторно-курортного лечения и реабилитации. Количество путевок, предоставляемых военнослужащим и членам их семей, значительно уступает реальной потребности, что приводит к формированию длительных очередей и снижению эффективности профилактических мероприятий. Недостаточное финансирование санаторно-курортных учреждений Министерства обороны ограничивает возможности их модернизации и расширения спектра предоставляемых услуг.

Система социальной адаптации уволенных в запас военнослужащих также испытывает серьезные финансовые трудности. Программы профессиональной переподготовки и трудоустройства ветеранов военной службы не получают достаточного финансирования, что затрудняет их интеграцию в гражданскую профессиональную деятельность и создает дополнительные социальные риски.

Компенсационные выплаты и социальные пособия военнослужащим часто индексируются с существенным отставанием от уровня инфляции, что фактически означает снижение их реальной покупательной способности. Данная ситуация особенно болезненно воспринимается военнослужащими, проходящими службу в условиях повы-

шенного риска или в отдаленных регионах. Это приводит к задержкам в предоставлении льгот, неполному финансированию компенсационных выплат и снижению качества социальных услуг [9].

Значительные проблемы связаны с бюрократическими барьерами в получении льгот и компенсаций [2,3]. Сложность процедур оформления документов, множественность инстанций, через которые необходимо проходить для получения социальных гарантий, создают дополнительные препятствия для граждан. Особенно остро эта проблема стоит для военнослужащих, проживающих в отдаленных регионах [10].

Бюрократические процедуры получения жилищных сертификатов требуют прохождения множественных согласований в различных ведомствах, что может растягиваться на месяцы и даже годы. Военнослужащие вынуждены неоднократно обращаться в жилищные комиссии, военные комиссариаты, органы местного самоуправления и региональные администрации, каждая из которых выдвигает собственные требования к документообороту.

Получение медицинских льгот и компенсаций также осложняется необходимостью прохождения многоуровневых медицинских комиссий и экспертиз. Военнослужащие, особенно находящиеся в отдаленных гарнизонах, часто не имеют возможности своевременно пройти необходимые медицинские обследования в специализированных центрах, что приводит к задержкам в оформлении соответствующих документов.

Электронный документооборот внедряется крайне медленно, а существующие цифровые платформы часто работают нестабильно или не покрывают весь спектр необходимых услуг [6,7]. Это заставляет военнослужащих по-прежнему полагаться на традиционные бумажные процедуры, требующие личного присутствия в различных учреждениях.

Координация между федеральными и региональными органами власти при реализации социальных программ для военнослужащих остается недостаточно эффективной, что создает дополнительные административные барьеры.

Региональная дифференциация в реализации федеральных социальных гарантий представляет собой еще одну серьезную проблему [4,5]. Различия в экономическом развитии субъектов Российской Федерации приводят к неравномерности в предоставлении льгот и качестве социальных услуг. В результате военнослужащие, проживающие в различных регионах, получают неодинаково-

вый объем социальной поддержки при формально равных правах [11].

Проблемы межведомственного взаимодействия также негативно влияют на эффективность системы социальной защиты. Недостаточная координация между различными ведомствами и организациями, участвующими в предоставлении социальных гарантий, приводит к дублированию функций, увеличению времени рассмотрения заявлений и снижению качества обслуживания граждан [12].

Информационная составляющая проблемы заключается в недостаточной осведомленности военнослужащих о своих правах и возможностях получения социальных гарантий. Отсутствие единой информационной системы, обеспечивающей доступ к актуальной информации о льготах и процедурах их получения, создает дополнительные трудности для граждан.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии системных проблем в реализации гарантий прав и льгот российских граждан, уволенных с военной службы. Основные проблемы связаны с недостаточным финансированием, бюрократическими барьерами, региональной дифференциацией и слабой координацией между различными ведомствами.

Для решения выявленных проблем предлагается:

Увеличение бюджетного финансирования социальных программ для военнослужащих с установлением гарантированных минимальных стандартов социальной защиты.

Упрощение процедур получения льгот и компенсаций через создание единых многофункциональных центров обслуживания военнослужащих.

Совершенствование нормативно-правовой базы с целью устранения противоречий и пробелов в законодательстве.

Создание единой информационной системы, обеспечивающей доступ к актуальной информации о социальных гарантиях и процедурах их получения.

Усиление контроля за исполнением социальных обязательств государства перед военнослужащими на всех уровнях власти.

Развитие межведомственного взаимодействия через создание координационных советов по социальной защите военнослужащих.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность системы социальной защиты военнослужащих и обеспечить полноценную реализацию их конституционных прав на социальную защиту.

Список источников

1. Васильев А.П. Социальная защита военнослужащих: современные проблемы и пути решения // Военно-юридический журнал. 2020. № 3. С. 12 – 18.
2. Григорьев С.В. Правовые основы социального обеспечения военнослужащих в Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 2. С. 25 – 32.
3. Данилова О.И. Актуальные проблемы реализации социальных гарантий военнослужащих // Социальное и пенсионное право. 2022. № 4. С. 8 – 14.
4. Ефремов В.А. Методология исследования социальной защиты военнослужащих // Вестник военного университета. 2020. № 1. С. 45 – 52.
5. Жукова Т.М. Эмпирические основы анализа социальной политики в отношении военнослужащих // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 78 – 85.
6. Захаров П.Н. Тенденции развития системы социальной защиты военнослужащих в современной России // Военная мысль. 2023. № 5. С. 34 – 41.
7. Иванов М.К. Конституционные основы социальной защиты военнослужащих // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 22 – 28.
8. Кузнецов Д.С. Виды социальных гарантий военнослужащих: классификация и проблемы реализации // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 56 – 63.
9. Лебедев А.В. Финансирование социальных программ для военнослужащих: проблемы и перспективы // Финансы и кредит. 2023. № 3. С. 18 – 25.
10. Морозов И.П. Бюрократические барьеры в системе социальной защиты военнослужащих // Государственное и муниципальное управление. 2022. № 1. С. 67 – 74.
11. Николаев С.А. Региональные особенности реализации социальных гарантий военнослужащих // Регионоведение. 2021. № 4. С. 89 – 96.
12. Петров Е.В. Межведомственное взаимодействие в сфере социальной защиты военнослужащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 102 – 109.

References

1. Vasiliev A.P. Social protection of military personnel: modern problems and solutions. Military Law Journal. 2020. No. 3. P. 12 – 18.
2. Grigoriev S.V. Legal basis for social security of military personnel in the Russian Federation. Law in the Armed Forces. 2021. No. 2. P. 25 – 32.
3. Danilova O.I. Actual problems of implementation of social guarantees of military personnel. Social and pension law. 2022. No. 4. P. 8 – 14.
4. Efremov V.A. Methodology for the study of social protection of military personnel. Bulletin of the Military University. 2020. No. 1. P. 45 – 52.
5. Zhukova T.M. Empirical foundations for the analysis of social policy in relation to military personnel. Sociological research. 2021. No. 7. P. 78 – 85.
6. Zakharov P.N. Trends in the Development of the System of Social Protection of Military Personnel in Modern Russia. Military Thought. 2023. No. 5. P. 34 – 41.
7. Ivanov M.K. Constitutional Foundations of Social Protection of Military Personnel. Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 6. P. 22 – 28.
8. Kuznetsov D.S. Types of Social Guarantees for Military Personnel: Classification and Implementation Problems. Administrative Law and Process. 2022. No. 8. P. 56 – 63.
9. Lebedev A.V. Financing Social Programs for Military Personnel: Problems and Prospects. Finance and Credit. 2023. No. 3. P. 18 – 25.
10. Morozov I.P. Bureaucratic barriers in the system of social protection of military personnel. State and municipal administration. 2022. No. 1. P. 67 – 74.
11. Nikolaev S.A. Regional features of the implementation of social guarantees for military personnel. Regionalology. 2021. No. 4. P. 89 – 96.
12. Petrov E.V. Interdepartmental interaction in the field of social protection of military personnel. Issues of state and municipal administration. 2023. No. 2. P. 102 – 109.

Информация об авторах

Алиев Ш.И., доктор социологических наук, профессор, Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений

Абакарова Б.Г., преподаватель, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

© Алиев Ш.И., Абакарова Б.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

УДК 349.3(075.8)

Механизм реализации и защиты права граждан на достойный уровень жизни в сфере социального обеспечения

¹ Таилова А.Г., ² Абдурахманова М.С., ² Кахруманова Ш.А.

¹ Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш,

² Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений

Аннотация: в статье рассматриваются основные механизмы реализации и защиты конституционного права граждан на достойный уровень жизни через систему социального обеспечения. Анализируются теоретические основы права социального обеспечения, современные подходы к определению достойного уровня жизни, а также практические аспекты функционирования системы социальной защиты населения. Исследуются правовые гарантии реализации социальных прав, механизмы их защиты, а также выявляются проблемы правового регулирования в данной сфере. Предлагаются направления совершенствования законодательства о социальном обеспечении с целью повышения эффективности защиты права граждан на достойный уровень жизни.

Ключевые слова: право социального обеспечения, достойный уровень жизни, социальная защита, социальные гарантии, механизмы защиты прав, социальное обеспечение

Для цитирования: Таилова А.Г., Абдурахманова М.С., Кахруманова Ш.А. Механизм реализации и защиты права граждан на достойный уровень жизни в сфере социального обеспечения // Современный ученый. 2025. № 9. С. 396 – 401.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The mechanism of realization and protection of the right of citizens to a decent standard of living in the field of social security

¹ Tailova A.G., ² Abdurakhmanova M.S., ² Kakhrumanova Sh.A.

¹ Dagestan State University, Izberbash branch,

² Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

Abstract: the article discusses the main mechanisms for the implementation and protection of the constitutional right of citizens to a decent standard of living through the social security system. The article analyzes the theoretical foundations of social security law, modern approaches to determining a decent standard of living, as well as practical aspects of the functioning of the social protection system. The article examines the legal guarantees of the realization of social rights, the mechanisms of their protection, as well as identifies the problems of legal regulation in this area. The directions of improving the legislation on social security are proposed in order to increase the effectiveness of protecting the right of citizens to a decent standard of living.

Keywords: social security law, decent standard of living, social protection, social guarantees, rights protection mechanisms, social security

For citation: Tailova A.G., Abdurakhmanova M.S., Kakhrumanova Sh.A. The mechanism of realization and protection of the right of citizens to a decent standard of living in the field of social security. Modern Scientist. 2025. 9. P. 396 – 401.

The article was submitted: April 13, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Право на достойный уровень жизни является одним из основополагающих социальных прав человека, закрепленных как в международных правовых актах, так и в конституциях большинства современных государств. В Российской Федерации данное право находит свое отражение в статье 7 Конституции РФ, которая провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Система социального обеспечения выступает основным инструментом реализации данного конституционного принципа, предоставляя гражданам различные формы социальной поддержки и защиты. Однако современные социально-экономические условия ставят перед государством новые вызовы в области обеспечения достойного уровня жизни граждан, что требует переосмысления существующих подходов к организации системы социального обеспечения.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, динамичное развитие общественных отношений и изменение социально-экономических условий требуют постоянного совершенствования механизмов социальной защиты населения. Во-вторых, необходимость повышения эффективности социальных расходов государства и обеспечения адресности социальной помощи делает актуальным анализ существующих механизмов реализации права на достойный уровень жизни.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Использовались методы системного анализа, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод правового моделирования. Эмпирическую базу исследования составили нормативные правовые акты Российской Федерации, материалы судебной практики, статистические данные в сфере социального обеспечения.

При проведении исследования были проанализированы труды ведущих специалистов в области права социального обеспечения.

Результаты и обсуждения

Право на достойный уровень жизни как правовая категория получило развитие в трудах современных исследователей. Захаров М.Л. и Тучкова Э.Г. [10, 17] определяют достойный уровень жизни как совокупность материальных и духовных благ, необходимых для полноценного существования человека и развития его личности. Мачульская Е.Е. рассматривает право на достойный уровень жизни через призму системы социального обеспечения, выделяя следующие его элементы: право на социальное обеспечение в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, достижения пенсионного возраста; право на социальную помощь в случае бедности; право на доступ к социальным услугам [13].

Реализация права на достойный уровень жизни требует эффективного взаимодействия различных институтов государственной власти и гражданского общества. Координация усилий федеральных, региональных и муниципальных органов власти обеспечивает комплексность и системность в предоставлении социальных гарантий.

Важным направлением совершенствования системы социального обеспечения является внедрение цифровых технологий для упрощения процедур получения социальных услуг и повышения качества их предоставления. Электронные сервисы позволяют гражданам получать необходимую информацию и оформлять документы в дистанционном режиме, что особенно актуально для лиц с ограниченными возможностями здоровья и пожилых людей [1].

Развитие негосударственного сектора социальных услуг расширяет возможности граждан в выборе поставщиков социальных услуг и повышает конкуренцию в данной сфере. Привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций к предоставлению социальных услуг обогащает спектр доступных форм поддержки и учитывает разнообразные потребности различных категорий населения [2].

Международное сотрудничество в области социального обеспечения способствует обмену лучшими практиками и гармонизации подходов к защите социальных прав граждан в условиях глобализации.

Сулейманова Г.В. подчеркивает, что реализация права на достойный уровень жизни требует не только формального закрепления соответствующих норм в законодательстве, но и создания эффективных механизмов их практической реализации [16]. Анализ современного состояния системы социального обеспечения показывает, что реализация права на достойный уровень жизни осуществляется через различные механизмы. Роик В.Д. [14] выделяет следующие основные механизмы: Пенсионное обеспечение, система социальных пособий, социальные услуги, социальная помощь.

Эффективность данных механизмов во многом зависит от их координации и взаимодействия между собой [3, 4, 5]. Необходимо развитие комплексного подхода к социальной защите, учитывающего индивидуальные потребности граждан.

Персонализированный подход к социальной защите предполагает создание гибких механизмов, способных адаптироваться к специфическим жизненным обстоятельствам каждого получателя поддержки. Данная концепция требует формирования многоуровневой системы оценки социальных потребностей, основанной на комплексном анализе материального положения, семейной ситуации, состояния здоровья и профессиональных возможностей человека.

Интеграция различных видов социальной помощи в единую платформу позволяет избежать дублирования функций и повысить эффективность расходования бюджетных средств [6, 7, 9]. Создание межведомственных координационных центров обеспечивает оперативное взаимодействие между органами социальной защиты, здравоохранения, образования и занятости населения при решении комплексных социальных проблем. Формирование социальной инфраструктуры нового типа подразумевает создание многофункциональных центров социального обслуживания, объединяющих различные виды услуг под одной крышей. Такие центры обеспечивают комплексное сопровождение граждан на всех этапах получения социальной поддержки [8, 11, 16].

Развитие партнерских отношений между государством, бизнесом и гражданским обществом создает дополнительные возможности для финансирования социальных программ и расширения спектра предоставляемых услуг. Корпоративная социальная ответственность становится важным

элементом общественной солидарности в решении социальных задач.

Важным аспектом исследования является анализ правовых гарантий реализации права на достойный уровень жизни. Лушников А.М. и Лушникова М.В. рассматривают систему гарантий как совокупность правовых, организационных и финансовых мер, направленных на обеспечение реализации социальных прав граждан [12]. Защита права на достойный уровень жизни осуществляется через различные механизмы. Агашев Д.В. классифицирует их на: административные механизмы, судебные механизмы и внесудебные механизмы [2].

Григорьев И.В. подчеркивает особую роль судебной защиты социальных прав, отмечая рост количества обращений граждан в суды по вопросам социального обеспечения [7]. Филиппова М.В. указывает на проблему фрагментарности правового регулирования, когда различные аспекты социального обеспечения регулируются разрозненными нормативными актами без должной координации между ними [18]. Сидоров В.Е. выделяет проблему недостаточного финансирования социальных программ, что приводит к невозможности обеспечения действительно достойного уровня жизни для всех категорий граждан [15].

На наш взгляд судебная защита социальных прав становится все более востребованным инструментом восстановления нарушенных прав граждан. Рост количества обращений в суды свидетельствует о системных недостатках в работе органов социальной защиты и необходимости совершенствования внесудебных механизмов разрешения споров. Однако судебная практика выявляет противоречивость толкования социального законодательства, что создает предпосылки для принятия различных решений по аналогичным делам.

Отсутствие четких критериев определения достойного уровня жизни создает серьезные препятствия для эффективной реализации конституционного права на социальное обеспечение. Размытость понятийного аппарата приводит к субъективному толкованию социальных стандартов и неравномерному применению мер социальной поддержки. Это особенно проявляется при определении размеров социальных выплат и установлении критериев нуждаемости.

Проблема финансирования социальных программ носит системный характер и требует кардинального пересмотра подходов к планированию социальных расходов. Недостаточное финансирование не только ограничивает возможности государства по выполнению социальных обязательств,

но и подрывает доверие граждан к институту социальной защиты в целом. Необходимо создание устойчивых механизмов финансирования, способных обеспечить стабильность социальных гарантий независимо от экономических колебаний.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Право на достойный уровень жизни является комплексным правом, включающим в себя различные аспекты социального обеспечения и требующим системного подхода к его реализации. Современная система социального обеспечения нуждается в совершенствовании механизмов реализации и защиты права граждан на достойный уровень жизни.

Анализ современного состояния правового регулирования в сфере социального обеспечения выявляет ряд проблем, требующих незамедлительного решения для обеспечения эффективной защиты социальных прав граждан.

Фрагментарность нормативно-правовой базы создает значительные трудности в правоприменительной практике. Отсутствие единых подходов к определению категорий получателей социальных выплат и критериев их предоставления приводит к возникновению правовых коллизий между различными уровнями законодательства. Множественность ведомственных актов, регулирующих отдельные аспекты социального обеспечения, усложняет процедуру получения помощи и создает барьеры для граждан.

Несовершенство механизмов правовой защиты социальных прав проявляется в ограниченности судебных способов обжалования решений органов социальной защиты. Длительность административных процедур и сложность доказательства правомерности требований граждан снижают доступность правосудия в социальной сфере.

Отставание темпов законодательного регулирования от динамики социально-экономических

изменений создает правовые пробелы в новых сферах социальной защиты. Недостаточная регламентация процедур предоставления цифровых социальных услуг и механизмов их контроля требует кардинального пересмотра существующих правовых норм.

Противоречивость федерального и регионального законодательства в области социального обеспечения порождает неравенство граждан в доступе к социальным благам в зависимости от территории проживания. Отсутствие четкого разграничения полномочий между различными уровнями власти усугубляет проблему координации социальной политики.

Недостаточная проработанность правовых гарантий финансирования социальных обязательств государства создает риски невыполнения социальных программ в условиях экономической нестабильности.

Существующие проблемы правового регулирования требуют комплексного решения на законодательном уровне.

Считаем возможным внести следующие предложения по совершенствованию законодательства:

Принятие федерального закона "О достойном уровне жизни", который бы определил критерии и стандарты достойного уровня жизни, а также механизмы его обеспечения.

Совершенствование системы социальных стандартов и нормативов, приведение их в соответствие с современными потребностями граждан.

Развитие механизмов адресной социальной помощи, основанных на комплексной оценке нужд граждан.

Усиление координации между различными органами социальной защиты для обеспечения комплексного подхода к решению социальных проблем граждан.

Совершенствование механизмов судебной защиты социальных прав, включая развитие специализированных судов по социальным спорам.

Список источников

1. Азарова Е.Г. Социальное обеспечение и правовая защита детей // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 23 – 34.
2. Агашев Д.В. Механизмы защиты социальных прав в современной России // Социальное и пенсионное право. 2022. № 3. С. 15 – 21.
3. Антонова Н.В. Проблемы определения достойного уровня жизни в российском праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 2. С. 45 – 58.
4. Благодир А.Л. Право социального обеспечения в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 67 – 78.
5. Буянова М.О. Комплексный подход к социальной защите населения // Труд и социальные отношения. 2021. № 6. С. 89 – 102.
6. Васильева Ю.В. Социальные права человека: теория и практика реализации // Государство и право. 2020. № 7. С. 12 – 25.

7. Григорьев И.В. Судебная защита социальных прав граждан // Российская юстиция. 2021. № 5. С. 34 – 41.
8. Гусева А.Ю. Принципы права социального обеспечения в современных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 3. С. 56 – 69.
9. Долженкова Г.В. Эволюция системы социального обеспечения в России // Социальная политика и социология. 2023. № 1. С. 78 – 89.
10. Захаров М.Л. Право социального обеспечения: теория и практика. М.: Проспект, 2020. 456 с.
11. Курбанов Р.А. Гарантии реализации социальных прав в российском законодательстве // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 23 – 30.
12. Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс права социального обеспечения: учебник. М.: Юстицинформ, 2023. 678 с.
13. Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения: учебник. М.: Юрайт, 2020. 441 с.
14. Роик В.Д. Социальная защита населения: теория и практика: учебное пособие. М.: Альфа-М, 2019. 398 с.
15. Сидоров В.Е. Финансирование социальных программ: проблемы и перспективы // Финансы и кредит. 2022. № 8. С. 45 – 56.
16. Сулейманова Г.В. Право социального обеспечения: современные тенденции развития // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 123 – 134.
17. Тучкова Э.Г. Достойный уровень жизни как цель социального обеспечения // Вестник Московского государственного юридического университета. 2021. № 6. С. 67 – 79.
18. Филиппова М.В. Систематизация законодательства о социальном обеспечении // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 5. С. 89 – 98.

References

1. Azarova E.G. Social security and legal protection of children. Journal of Russian Law. 2019. No. 8. P. 23 – 34.
2. Agashev D.V. Mechanisms for the protection of social rights in modern Russia. Social and pension law. 2022. No. 3. P. 15 – 21.
3. Antonova N.V. Problems of determining a decent standard of living in Russian law. Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2023. No. 2. P. 45 – 58.
4. Blagodir A.L. Social security law in the context of digitalization. Actual problems of Russian law. 2022. No. 4. P. 67 – 78.
5. Buyanova M.O. Integrated approach to social protection of the population. Labor and social relations. 2021. No. 6. P. 89 – 102.
6. Vasilyeva Yu.V. Social human rights: theory and practice of implementation. State and law. 2020. No. 7. P. 12 – 25.
7. Grigoriev I.V. Judicial protection of social rights of citizens. Russian justice. 2021. No. 5. P. 34 – 41.
8. Guseva A.Yu. Principles of social security law in modern conditions. Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2021. No. 3. P. 56 – 69.
9. Dolzhenkova G.V. Evolution of the social security system in Russia. Social policy and sociology. 2023. No. 1. P. 78 – 89.
10. Zakharov M.L. Social security law: theory and practice. M.: Prospect, 2020. 456 p.
11. Kurbanov R.A. Guarantees for the implementation of social rights in Russian legislation. Constitutional and municipal law. 2020. No. 9. P. 23 – 30.
12. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Course of social security law: textbook. M.: Yustitsinform, 2023. 678 p.
13. Machulskaya E.E. Social security law: textbook. M.: Yurait, 2020. 441 p.
14. Roik V.D. Social protection of the population: theory and practice: textbook. M.: Alfa-M, 2019. 398 p.
15. Sidorov V.E. Financing of social programs: problems and prospects. Finance and credit. 2022. No. 8. P. 45 – 56.
16. Suleimanova G.V. Social Security Law: Modern Development Trends. Bulletin of the Russian State Humanitarian University. 2022. No. 4. P. 123 – 134.
17. Tuchkova E.G. Decent Standard of Living as the Goal of Social Security. Bulletin of the Moscow State Law University. 2021. No. 6. P. 67 – 79.
18. Filippova M.V. Systematization of Social Security Legislation. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2020. No. 5. P. 89 – 98.

Информация об авторах

Таилова А.Г., кандидат юридических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

Абдурахманова М.С., старший преподаватель, Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений

Кахруманова Ш.А., старший преподаватель, Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений

© Таилова А.Г., Абдурахманова М.С., Кахруманова Ш.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.9

Потерпевший как участник производства по делам об административных правонарушениях: сравнительно-правовая характеристика законодательства Российской Федерации и отдельных иностранных государств

¹ Павлова Е.В.

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Аннотация: в статье проведен анализ основных положений действующих нормативных правовых актов, а также проектов кодифицированных законов закрепляющих основные элементы правового статуса такого заинтересованного в исходе дела об административном правонарушении участника как потерпевший, с целью выявления отдельных проблемных аспектов реализации вышеуказанных положений.

Осуществлен сравнительно-правовой анализ законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации и иностранных государств (Республика Беларусь и Республика Таджикистан), имеющих схожую систему построения кодифицированных актов об административных правонарушениях, для интеграции отдельных положений в кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ).

Обоснована возможность конкретизации комплекса прав, обязанностей и ответственности потерпевшего. Указана необходимость дифференцированного подхода к определению понятия потерпевшего, как физического лица, так и коллективного субъекта: юридического лица, в части касающейся причиненного ущерба. Сформулированы предложения, направленные на закрепление административной ответственности за заведомо ложное заявление об административном правонарушении, а также объяснение. Высказана необходимость дислокации прав и обязанностей потерпевшего в одной норме КоАП РФ для эффективного обеспечения их реализации в ходе производства по делу.

Ключевые слова: статус, ответственность, участник, производство по делу об административном правонарушении, потерпевший

Для цитирования: Павлова Е.В. Потерпевший как участник производства по делам об административных правонарушениях: сравнительно-правовая характеристика законодательства Российской Федерации и отдельных иностранных государств // Современный ученый. 2025. № 9. С. 402 – 407.

Поступила в редакцию: 15 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 30 июля 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The victim as a participant in the proceedings on administrative offenses: comparative legal characteristics of the legislation of the Russian Federation and individual foreign states

¹ Pavlova E.V.

¹ Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

Abstract: the article analyzes the main provisions of the current regulatory legal acts, as well as the drafts of codified laws that establish the main elements of the legal status of a victim who is interested in the outcome of an administrative offense case, in order to identify certain problematic aspects of the implementation of the above provisions. A comparative legal analysis of the legislation on administrative offenses of the Russian Federation and foreign countries (the Republic of Belarus and the Republic of Tajikistan), which have a similar system of codified acts on administrative offenses, has been conducted in order to integrate certain provisions into the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). The possibility of specifying the complex of rights, obligations, and responsibilities of the victim is substantiated. The need for a differentiated approach to defining the concept of a victim, both as an individual and as a collective, is indicated.

Keywords: status, responsibility, participant, administrative offense proceedings, victim

For citation: Pavlova E.V. The victim as a participant in the proceedings on administrative offenses: comparative legal characteristics of the legislation of the Russian Federation and individual foreign states. Modern Scientist. 2025. 9. P. 402 – 407.

The article was submitted: July 15, 2025; Approved after reviewing: July 30, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

При реализации мер государственного принуждения особое внимание уделяется защите прав и свобод индивидуальных и коллективных субъектов административного права, к которым применяются правоограничения. КоАП РФ содержит исчерпывающий перечень административных наказаний и мер обеспечения производства по делу, а также обязательность реализации принципа законности, который включает в себя не только неукоснительное соблюдение всех правовых норм, но и процедурность и стадийность такого производства. Следует отметить, что указанное основополагающее начало в полной мере распространяется и на тех лиц, которым в результате правонарушения причинен различного вида ущерб. Вместе с тем в практической деятельности ни всегда соблюдаются права таких участников и предоставляются должные условия для их осуществления, что предопределяет актуальность данного исследования.

Ученые административисты проявляют значительный интерес к обозначенной проблематике [1 с. 15; 2 с. 36, 3 с. 146, 4, с. 42, 5 с. 551], подчеркивая при этом, что в законодательстве не всегда присутствуют четкие механизмы реализации административно-правового статуса

потерпевшего.

КоАП РФ в части первой статьи 25.2 [6], определяет несколько признаков, характеризующих рассматриваемого участника производства. Во-первых, установлено, что потерпевшим может быть не только физическое, но и юридическое лицо. Во-вторых, ему должен быть причинен вред, в результате совершенного административного правонарушения, как моральный, так физический и имущественный.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовался метод анализа действующих административных правовых норм, закрепляющих положение потерпевшего как участника производства. На основе юридической компаративистики законодательства иностранных государств, в части касающейся, смоделированы предложения по внесению изменений в КоАП РФ.

Результаты и обсуждения

Если мы обратимся к положениям Проекта процессуального КоАП РФ [7], то они содержат абсолютно идеинтичное определение рассматриваемой дифениции. Анализ административного законодательства иностранных государств в рассматриваемой сфере свидетельствует о несколько ином подходе к изучаемому понятию. Процессуально-исполнительный кодекс Республи-

ки Беларусь об административных правонарушениях фиксирует [8], что потерпевшим являются физическое лицо, которому административным правонарушением причинены вред жизни или здоровью либо имущественный или моральный вред, а также юридическое лицо, которому в результате правонарушения также причинен имущественный вред. Однако законодатель четко указывает и на причинение юридическому лицу вреда его деловой репутации. Полагаем такую интерпретацию более оправданной, ввиду того, что юридическому лицу не причиняется физический вред, но при этом четко прописаны положения, касающиеся деловой репутации указанного коллективного образования.

Часть 1 статьи 30 Процессуального кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан [9], закрепляет аналогичное российскому законодательству понятие потерпевший.

Проанализируем отдельные положения административно-правового статуса потерпевшего. Полагаем целесообразным изучить его через призму четырех основных его составляющих: права; обязанности; ответственность и государственные гарантии для реализации вышеуказанных элементов. Как справедливо отмечает Д.В. Астахов государство обязано обеспечивать пострадавшему возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством» [10 с.112].

Полагаем обоснованным считать, что статус потерпевшего в значительной степени зависит от определения его места в системе участников производства по делу об административном правонарушении. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления классификации такой категории лиц, считаем возможным их деление на две группы: субъекты, заинтересованные в исходе дела и не имеющие такого интереса. Потерпевший относится к первой группе и соответственно его статус, близок по своим элементам со статусом лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, однако и отличительные черты присутствуют.

Права потерпевшего сосредоточены в части 2 статьи 25.2 КоАП РФ:

- знакомиться со всеми материалами дела об административном правонарушении;
- давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы;
- пользоваться юридической помощью предста-

вителя;

- обжаловать принятые решения.

Кроме того, законодатель указывает, что потерпевший вправе пользоваться и иными правами, однако ограничивает их положениями рассматриваемого кодифицированного акта. При этом, следует отметить, что чаще всего такие права вытекают из обязанностей должностного лица, либо судьи в производстве которого находится дело.

Указанная конструкция нормы, на наш взгляд, не обеспечивает в полной мере возможность потерпевшего проанализировать свои права с целью их реализации, в случае возникновения такой необходимости, особенно когда речь идет об иных правах, которые рассредоточены в значительном количестве норм КоАП РФ.

Подготовленный Проект процессуального кодекса ситуацию не исправляет, а скорее усугубляет, так законодатель отражает, что потерпевший вправе знакомится не со всеми материалами дела, а лишь теми, которые затрагивают его права и законные интересы и отсутствует прямое указание на возможность пользоваться услугами защитника. Статья 2.3 указанного законопроекта вызывает определенные дискуссии, ибо в ней указано, что только дееспособное лицо может пользоваться услугами защитника, либо представителя. Учитывая, то обстоятельство, что к потерпевшему такое требование не может быть предъявлено, возникает вопрос, потерпевший, не достигший возраста совершеннолетия, т.е. не полностью дееспособный, не может пользоваться таким правом? Тогда речь идет об ущемлении его конституционно закрепленного права. Кроме того, считаем не обоснованным выделение указанного элемента статуса в отдельную статью, причем объединяя такое право с иным участником производства, который, на наш взгляд, даже по этическим соображениям не могут рассматриваться в одной норме.

С положительной стороны следует отметить, положения Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, который в статье 4.2 проводит градацию прав потерпевшего в зависимости от его статуса. Для физических лиц предусмотрено двенадцать прав. При этом они детализированы, локально размещены в норме права. Что позволяет рассматриваемому участнику получить системное представление о своем статусе.

В качестве прав коллективных образований кодекс Республики Беларусь определяет:

- получать от суда, органа, ведущего административный процесс, уведомление о принятом решении по делу об административном правонарушении, а по своему ходатайству бесплатно полу-

чить копию постановления по делу об административном правонарушении;

- в случаях, предусмотренных КоАП, примириться с лицом, в отношении которого ведется административный процесс;

- подавать жалобы на действия судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс.

Российское же законодательство такого различия не делает, права потерпевшего предусмотрены для двух указанных категорий. Аналогичная ситуация прослеживается и в Процессуальном кодексе об административных правонарушениях Республики Таджикистан, который также не предусматривает градацию прав потерпевшего и сам перечень идеинтичен с нормой российского закона об административных правонарушениях.

Вместе с тем анализ норм права рассматриваемых кодифицированных актов свидетельствует, что процедуры реализации прав потерпевшего они не предусматривают, т.е. это материальные нормы, процессуальные же как правило содержатся в подзаконных нормативных правовых актах, что также может создавать коллизии в правоприменительной практике.

Вторым элементом процессуального статуса потерпевшего выступают его обязанности, которые вовсе не указаны в статье 25.2. Конечно, такое обстоятельство не свидетельствует об отсутствии таковых, но вместе с тем значительно затрудняет уяснение потерпевшим своего статуса, формируя ошибочное представление, что раз он жертва противоправного деяния, то и обязанностей в связи с производством по делу у него нет. Исходя из содержания положений КоАП РФ, потерпевший обязан выполнять законные требования распоряжения должностного лица, судьи, в производстве которых находится дело. Кроме того статья 27.15 КоАП РФ предусматривает такую меру процессуального обеспечения как привод, из содержания которой мы можем сделать вывод, что потерпевший обязан являться в государственный орган для дачи объяснений, однако прямого указания на такую обязанность нет.

Следует отметить, что на данного участника производства в полной мере распространяются положения принципа презумпции невиновности, вместе с тем практически отсутствует ответственность потерпевшего за заведомо ложное заявление о факте совершенного правонарушения. Кодекс Российской Федерации содержит состав, устанавливающий ответственность за заведомо ложный

вызов специализированных служб, то есть если потерпевший полицию не вызывал, а сам явился в территориальный орган МВД России с заведомо ложным заявлением, то и юридических последствий для него не наступит, по крайней мере по этому составу. Возможный выход из ситуации это привлечение к ответственности статье 17.9 кодекса, однако, чтобы появились основания вменить потерпевшему указанный состав административного правонарушения необходимо взять показания у него как у свидетеля.

В диспозиции статьи 34.19. Проекта КоАП РФ указано на следующие неправомерные действия: заведомо ложные показания потерпевшего, свидетеля, заключение эксперта, пояснение специалиста или заведомо неправильный перевод при производстве по делу об административном правонарушении или в исполнительном производстве, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. В соответствии со статьей 48 Федерального закона №229-ФЗ от 02.10.2007 года «Об исполнительном производстве» потерпевший не относится к лицам, участвующим в исполнительном производстве. Поэтому конструкция указанного состава не в полной мере соответствует действующему законодательству.

Выводы

Считаем обоснованным полагать, что преодоление данной коллизии возможно двумя путями. Первое, это по аналогии с законодательством Республики Беларусь вменить потерпевшему в обязанность давать правдивые показания по делу об административном правонарушении. Второе предусмотреть самостоятельный состав административного правонарушения часть 2 статьи 17.9 КоАП РФ: заведомо ложное заявление, либо объяснение потерпевшего при производстве по делу об административном правонарушении – влечет наложение административного штрафа в размере от одной до двух тысяч рублей.

Следует учесть, что потерпевший выступает одним из участников в производстве по делу об административном правонарушении, обладает административной правосубъектностью, деликтоспособностью, пользуется государственными гарантиями, которые характеризуют его процессуальное положение в ходе всего производства. Постоянное расширение составов административных правонарушений по которым одним из участников фигурирует потерпевший свидетельствует о необходимости внесения изменений в действующие положения КоАП РФ.

Список источников

1. Давыдов М.В., Лубский Р.А. Понятие «потерпевший» и проблемы реализации его административно-правового статуса в производстве по делам об административных правонарушениях // *Философия права*. 2023. № 1 (104). С. 14 – 20.
2. Герман Е.С. Административно-процессуальный статус физического лица – участника производства по делам об административных правонарушениях, имеющего личный интерес в деле: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2011. С. 36.
3. Зотова И.А. Особенности административно-процессуального статуса потерпевшего в административно-процессуальном законодательстве России // *Сборник: Человек: Преступление и наказание: Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов*. Рязань 2022. С. 145 – 150.
4. Вербицкая М.А. Потерпевший как участник производства по делам об административных правонарушениях. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации. Москва, 2013. С. 42.
5. Шакирова З.Р., Абдуллина И.С. Правовое положение участников производства по делам об административных правонарушениях // *Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина*. 2019. № 2. С. 548 – 553.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (дата обращения: 09.07.2025)
7. Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Проект Федерального закона. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (дата вступления в силу 03.07.2025)
8. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-з. URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (дата обращения: 09.07.2025)
9. Процессуальный кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 22 июля 2013 года № 97. URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (дата вступления в силу 09.07.2025)
10. Астахов Д.В. Правовой статус участников производства по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. С. 134.

References

1. Davydov M.V., Lubskiy R.A. The concept of "victim" and the problems of implementing his administrative-legal status in proceedings on administrative offenses. *Philosophy of Law*. 2023. No. 1 (104). P. 14 – 20.
2. German E.S. Administrative-procedural status of an individual – a participant in proceedings on administrative offenses, having a personal interest in the case: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. South Ural State University. Chelyabinsk, 2011. P. 36.
3. Zotova I.A. Features of the administrative-procedural status of the victim in the administrative-procedural legislation of Russia. Collection: Man: Crime and Punishment: Collection of materials of the International scientific and theoretical conference of adjuncts, graduate students, applicants, cadets and students. Ryazan 2022. Pp. 145 - 150.
4. Verbitskaya M.A. The victim as a participant in proceedings on cases of administrative offenses. Abstract of the dissertation for the degree of Cand. of Law. Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Moscow, 2013. P. 42.
5. Shakirova Z.R., Abdullina I.S. Legal status of participants in proceedings on cases of administrative offenses. Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen. 2019. No. 2. P. 548 – 553.
6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (date of access: 09.07.2025)
7. Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Draft Federal Law. [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (date of entry into force 03.07.2025)
8. Procedural and Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses of January 6, 2021 No. 92-z. URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (date of access: 09.07.2025)
9. Procedural Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses of July 22, 2013 No. 97. URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (date of entry into force 09.07.2025)
10. Astakhov D.V. Legal status of participants in proceedings on administrative offenses: dis. ... Cand. of Law. Sciences. Moscow, 2005. P. 134.

Информация об авторе

Павлова Е.В., заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, Российская Федерация, г. Орёл, ул. Игнатова, 2. pavlova.evgenia.78@yandex.ru

© Павлова Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

УДК 347.932

Значение института процессуальных сроков в разных видах гражданского судопроизводства

¹ Краснова М.П.

¹ Независимый исследователь

Аннотация: статья посвящена выявлению ценностного значения института процессуальных сроков в современном гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Целью данного научного исследования является эксплицировать весомость института процессуальных сроков в современном гражданском судопроизводстве, а также выявить проблемные аспекты его применения и предложить пути совершенствования для повышения эффективности правосудия и защиты прав участников гражданского процесса. Реализации поставленной цели послужили следующие задачи: во-первых, обосновать ценностное значение сроков в разных видах гражданского судопроизводства, а именно в приказном, исковом, особом производстве, а также в производстве, возникающим из публичных правоотношений; во вторых, выявить пробелы и актуальные проблемы в институте процессуальных сроков в рамках указанных видов гражданского судопроизводства; в-третьих, предложить пути решения выявленных проблем. Автором исследуются функции и роль процессуальных сроков как гарантии права на справедливое судебное разбирательство в разумный срок, выявляются и систематизируются ключевые проблемы, связанные с исчислением, применением и восстановлением процессуальных сроков, включая их несоблюдение и сложность дифференциации. Особое внимание уделено рассмотрению современных вызовов и поиску инновационных путей совершенствования законодательства и правоприменительной практики в данной сфере. Для повышения результативности гражданского судопроизводства, в статье обосновывается необходимость внедрения цифровых технологий и совершенствования механизмов судебного контроля.

Ключевые слова: процессуальные сроки, исковое производство, приказное производство, особое производство, производство, возникающее из публичных правоотношений, эффективность правосудия, информационные технологии, цифровизация

Для цитирования: Краснова М.П. Значение института процессуальных сроков в разных видах гражданского судопроизводства // Современный ученый. 2025. № 9. С. 408 – 413.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Significance of the institute of procedural terms in different types of civil proceedings

¹ Krasnova M.P.

¹ *Independent Researcher*

Abstract: the article is devoted to identifying the value of the institute of procedural deadlines in modern civil proceedings of the Russian Federation. The purpose of this scientific study is to explicate the significance of the institute of procedural deadlines in modern civil proceedings, as well as to identify problematic aspects of its application and propose ways of improvement to increase the effectiveness of justice and protect the rights of participants in civil proceedings. The following tasks served to achieve the set goal: firstly, to substantiate the value of deadlines in different types of civil proceedings, namely in order, claim, special proceedings, as well as in proceedings arising from public legal relations; secondly, to identify gaps and current problems in the institute of procedural deadlines within the framework of the specified types of civil proceedings; thirdly, to propose solutions to the identified problems. The author examines the functions and role of procedural deadlines as guarantees of the right to a fair trial within a reasonable time, identifies and systematizes the key problems associated with the calculation, application and restoration of procedural deadlines, including their non-compliance and the complexity of differentiation. Special attention is paid to the consideration of modern challenges and the search for innovative ways to improve legislation and law enforcement practice in this area. In order to improve the efficiency of civil proceedings, the article substantiates the need to introduce digital technologies and improve judicial review mechanisms.

Keywords: procedural deadlines, claim proceedings, order proceedings, special proceedings, proceedings arising from public legal relations, efficiency of justice, information technology, digitalization

For citation: Krasnova M.P. Significance of the institute of procedural terms in different types of civil proceedings. Modern Scientist. 2025. 9. P. 408 – 413.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В современном гражданском судопроизводстве институт процессуальных сроков играет ключевую роль в обеспечении своевременного и эффективного разрешения споров. Гражданский процессуальный кодекс (далее ГПК РФ) устанавливает четкие процессуальные сроки, определяющие темпоральные рамки каждой стадии судебного разбирательства, способствуют формированию правовой определенности, обеспечивают стабильность гражданского оборота и, в конечном счете, повышают доверие к судебной системе. Важность соблюдения этих сроков обусловлена необходимостью обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту в разумные сроки [1].

Однако, несмотря на значимость, институт процессуальных сроков не лишен проблем, связанных с их соблюдением, исчислением, восстановлением и правовыми последствиями пропуска. Особенно актуальны эти проблемы в контексте различных видов гражданского судопроизводства, каждый из которых характеризуется своими специфическими задачами и процедурами.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Формально-юридический метод позволил проанализировать нормы Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), регулирующие институт процессуальных сроков. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления правового регулирования сроков в различных видах гражданского судопроизводства.

В качестве теоретического материала для написания данной статьи использовались такие источники как: ГПК РФ, материалы судебной практики, а также научная литература: монографии, диссертации, статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, преимущественно за последние 5 лет, а также материалы научно-практических конференций.

Результаты и обсуждения

В условиях построения и сохранения концепции правового государства и стабилизации общественных отношений в Российской Федерации возрастает роль эффективной судебной защиты прав и законных интересов граждан и организа-

ций. Одной из основополагающих гарантий права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного в Конституции РФ и международных правовых актах, является соблюдение разумных сроков судопроизводства [6]. Центральным правовым инструментом, обеспечивающим своевременность правосудия, выступает институт процессуальных сроков. Как отмечается в юридической доктрине, несвоевременное рассмотрение дел не только нарушает права участников процесса, но и подрывает доверие к судебной системе в целом [10].

В гражданском процессуальном праве институт процессуальных сроков занимает ключевое место, обеспечивая динамичное развитие судопроизводства и его четкую организацию. Установленные временные рамки призваны не только гарантировать оперативное рассмотрение и справедливое разрешение гражданских споров, но и обеспечить баланс интересов всех участников процесса, способствуя достижению целей правосудия, включающих в себя: установление истины по делу, справедливое разрешение спора и восстановление нарушенных прав. При этом, значение процессуальных сроков приобретает особую специфику в зависимости от вида гражданского судопроизводства. Следует также обозначить, что институт процессуальных сроков, помимо прочего, является универсальным инструментом гражданского процессуального права, так как он адаптирован к специфике каждого вида судопроизводства, обеспечивая эффективную реализацию права на судебную защиту с учетом особенностей рассматриваемых категорий дел.

Так, приказном производстве, характеризующимся упрощенной процедурой и отсутствием судебного разбирательства по существу, процессуальные сроки приобретают особое значение. Срок для вынесения судебного приказа (10 дней со дня поступления заявления) является критически важным, поскольку определяет оперативность защиты прав взыскателя. Вместе с тем, короткие сроки для представления возражений должником (10 дней со дня получения копии судебного приказа) порождают серьезные проблемы для должников, не имеющих возможности оперативно получить юридическую помощь или собрать необходимые доказательства. Особенно обостряется ситуация в случаях оспаривания крупных сумм или сложных юридических вопросов.

В исковом производстве, являющимся наиболее распространенным видом гражданского судопроизводства, процессуальные сроки регулируют все стадии судебного процесса – от подачи искового заявления до вынесения решения и его обжа-

лования. Сроки рассмотрения дела (разумный срок, устанавливаемый судом с учетом сложности дела, поведения участников процесса и других обстоятельств) являются предметом постоянного внимания Конституционного Суда РФ. Как верно отмечает Н.Н. Ткачева, на практике нарушение процессуальных сроков довольно часто вызвано загруженностью судов, сложностью дел и недобросовестным поведением участников процесса, в следствии чего восстановление нарушенных прав становится попросту неактуальным для истца [11]. Такая ситуация приводит к нецелесообразности и даже бессмысленности судопроизводства.

Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений (оспаривание нормативных правовых актов, решений органов государственной власти и местного самоуправления, действий (бездействия) должностных лиц), имеет свои особенности в части процессуальных сроков. Сроки для обращения в суд с заявлением об оспаривании (например, три месяца со дня, когда гражданину стало известно о нарушении его прав) являются сокращенными, что обусловлено необходимостью оперативного восстановления законности в сфере публичного управления. При этом возникают вопросы об определении момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав. К пропускам сроков приводит также нечеткое разграничение компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов при рассмотрении дел, возникающих из публичных правоотношений.

В особом производстве, целью которого является установление юридических фактов, процессуальные сроки не играют столь критической роли, как в исковом производстве. Однако сроки рассмотрения дел данной категории также должны быть разумными и обеспечивать своевременное установление юридических фактов, необходимых для реализации прав граждан. В ГПК РФ, в отличие от искового производства, отсутствует прямое указание на конкретные сроки рассмотрения дел в особом производстве. Статья 154 ГПК РФ (о сроках рассмотрения гражданских дел) применяется в общем порядке, подразумевая «разумный срок» с учетом сложности дела и других обстоятельств. При этом в ГПК отсутствует четкое нормативное регулирование сроков рассмотрения дел отдельных категорий особого производства (например, дел об усыновлении (удочерении) детей), что также сводится к затягиванию процесса.

Тем не менее, несмотря на обозначенные проблемы, институт процессуальных сроков в целом исполняет важные функции в гражданском судопроизводстве. Во-первых, институт процессуаль-

ных сроков является дисциплинирующим фактором для всех участников процесса, включая суд. Без соблюдения процессуальных сроков гражданский процесс превратился бы в хаотичный и непредсказуемый процесс, что негативно отразилось бы на защите прав и законных интересов граждан и организаций. Как отмечает А.А. Дворецкий, длительное разбирательство в рамках одно и того же спора без каких-либо новых обстоятельств увеличивает риск судебных ошибок и неточностей [9]. Чем больше времени занимает рассмотрение дела, тем выше вероятность того, что на процесс повлияют различные случайные факторы, такие как отсутствие судьи по объективным причинам, замена секретаря судебного заседания, утрата части материалов дела и т.д. Каждый из этих факторов может внести искажения в процесс принятия решения. Конкретно установленные сроки побуждают к своевременному совершению процессуальных действий, предотвращая затягивание разбирательства и судебную волокиту.

Во-вторых, процессуальные сроки служат гарантией правовой определенности. Так, Е.А. Дербышева отмечает, что гармоничное правовое регулирование процессуальных аспектов, в том числе и сроков, создает правовую определенность, характеризующуюся ясностью и точностью юридических норм, четким порядком их применения, стабильностью возникающих правоотношений и предсказуемостью правоприменительной деятельности. Отсутствие этих элементов порождает правовую неопределенность, проявляющуюся в неясности и противоречивости законодательных положений, нестабильности правовых связей и непоследовательности в реализации правовых норм, что подрывает доверие к правовой системе [8]. Исходя из этого, можно заключить, что установление четких временных рамок для совершения процессуальных действий вносит ясность в правоотношения и способствует скорейшему разрешению спора, что, в свою очередь, стабилизирует гражданский оборот.

В-третьих, соблюдение процессуальных сроков – это не просто формальное требование, а ключевой элемент, гарантирующий справедливое и оперативное рассмотрение дела, что в совокупности составляет право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок, как это закреплено в статье 6.1 ГПК РФ. Законодатель определяет разумные сроки как временной промежуток, объективно необходимый и достаточный для осуществления правосудия по конкретному гражданскому делу, с учетом его сложности, фактических обстоятельств, поведения участников процесса и объема работы суда, обеспечивающий эффективную за-

щиту прав и законных интересов сторон и достижение целей гражданского судопроизводства, установленных законом. На разумность срока влияет поведение участников процесса. Как показывает практика зачастую происходит злоупотребление процессуальными правами. Так, например, стороны безосновательно избегают явки на судебные заседания [3], игнорируют судебные повестки [4], предъявляют необоснованные встречные иски [5], затягивают сбор доказательств и ознакомление с материалами дела [2], что существенно увеличивает сроки рассмотрения дела, и по большей части не оправдывает нарушение разумных сроков судом. Критерии для определения разумности срока (эффективность действий суда, сложность дела, поведение участников процесса) являются довольно гибкими, что создает почву для субъективизма. Часто процессуальные сроки, установленные законом, формально соблюдаются, однако реальная продолжительность судопроизводства выходит за рамки разумного. Поэтому видится разумным законодательно закрепить дефиницию «злоупотребление процессуальными правами», перечислив примеры таких действий, например, намеренное затягивание процесса, подача заведомо необоснованных ходатайств, неявка в судебные заседания без уважительных причин, представление ложных доказательств и т.д. Как отмечают И.А. Бердова, И.В. Гинзбург: «последствиями злоупотребления правом должно быть применение мер гражданской процессуальной ответственности и иных мер гражданского процессуального принуждения» [7]. Видится целесообразным за злоупотребление процессуальными правами предусматривать такие меры ответственности как штрафные санкции или возложение на сторону, злоупотребившую процессуальными правами, обязанности по возмещению всех судебных расходов другой стороны, включая расходы на оплату услуг представителя.

Достаточно серьезной видится проблема сложности исчисления и окончания сроков. Несмотря на наличие в процессуальных кодексах правил исчисления сроков, на практике возникают трудности, особенно при определении начала течения срока и его окончания, если последний день приходится на нерабочий день. Это может приводить к ошибкам и пропуску сроков сторонами. В этом случае, институт восстановления пропущенных процессуальных сроков, предусмотренный статьей 112 ГПК РФ, является важной гарантией защиты прав. Однако перечень уважительных причин для восстановления срока является открытым и зависит от усмотрения суда, что порождает неоднородную судебную практику, а суды не всегда при-

знают уважительными такие причины, как юридическая неграмотность или различные проблемы организационного характера.

Для повышения эффективности института процессуальных сроков и снижения количества нарушений предлагаем создание единой информационной системы на базе искусственного интеллекта, автоматически отслеживающей соблюдение сроков на всех стадиях судебного процесса и уведомляющей судей и участников процесса о приближении или истечении срока. Видится целесообразным создание электронного помощника по судебным делам, который будет интегрирован в личный кабинет Госуслуг. В функционал такого «электронного ассистента» можно добавить калькулятор процессуальных сроков, консультацию по перечню необходимых документов, а также алгоритм действий в различных ситуациях. Такая система контроля за соблюдением сроков способна значительно снизить влияние человеческого фактора и повысить исполнительскую дисциплину. Системы «Электронное правосудие» и «КАД Арбитр» уже демонстрируют свой потенциал в этой области, но требуют дальнейшего развития, в частности, введения автоматических уведомлений участников процесса о приближении и истечении сроков. Более того, внедрение систем искусственного интеллекта для автоматизации рутинных операций, таких как проверка соответствия документов требованиям, формирование судебных запросов и подготовка проектов судебных решений, позволит освободить судей от выполнения технических задач и сосредоточиться на рассмотрении сложных правовых вопросов.

Здесь же можно отметить отсутствие конкретики порядка исчисления сроков при направлении документов по почте. Не всегда ясно, какая дата

считается датой подачи документа, направленного по почте: дата отправки, указанная на почтовом штемпеле, или дата поступления документа в суд. Предлагаем законодательно урегулировать этот вопрос и дополнить часть 3 статьи 108 ГПК РФ следующим содержанием: «Датой подачи документа считается дата его сдачи на почту, определяемая по почтовому штемпелю организации почтовой связи». Это изменение внесет ясность в порядок исчисления сроков при направлении документов по почте и позволит избежать споров по этому поводу.

Выводы

Институт процессуальных сроков является краеугольным камнем эффективного гражданского судопроизводства, обеспечивающим своевременность судебной защиты, правовую определенность и стабильность правопорядка. Анализ современного состояния данного института выявил ряд системных проблем, снижающих его эффективность: от отсутствия конкретики в установлении сроков до сложностей их исчисления и восстановления.

Решение этих проблем видится в комплексном подходе, сочетающем в себе совершенствование законодательства и внедрение инновационных организационно-правовых механизмов. Предложенные инновационные решения позволят оптимизировать работу судов, сократить сроки рассмотрения дел и повысить качество правосудия в Российской Федерации. Дальнейшее исследование проблем, связанных с применением процессуальных сроков, и поиск новых путей их решения являются важной задачей для развития гражданского процессуального права и обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2025)
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 ноября 2016 г. № Ф08-8242/16 по делу № А32-47443/2014 СПС «Гарант» (дата обращения: 14.03.2025)
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 2 марта 2017 г. № 33-7735/17 // СПС «Гарант» (дата обращения: 14.03.2025)
4. Постановление Октябрьского районного суда г. Краснодара от 11 декабря 2024 г. по делу № 5-2118/2024 // «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру) (дата обращения: 14.03.2025)
5. Решение Самарского районного суда от 18 декабря 2024 г. по делу № 2-2009/2024 // «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру) (дата обращения: 14.03.2025)
6. Белякова А.В. Механизмы судебной и внесудебной защиты права на судопроизводство в разумный срок: монография. М.: ЮстицИнформ, 2016. 201 с.
7. Бердова И.А., Гинзбург И.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Мир науки и образования, 2017. № 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-protsessualnymi-pravami-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve>

8. Дворецкий А.А. Значение института процессуальных сроков в российском гражданском судопроизводстве: эволюция правовых подходов // Актуальные проблемы российского права, 2023. № 11 (156). С. 11 – 28.

9. Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: автореф. дис. ... канд. юр. наук. 2020. С. 33.

10. Ржаксенский С.И. О понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве, 2015. №4. С. 110 – 114.

11. Ткачева Н.Н. Сроки в гражданском судопроизводстве как гарантия защиты прав и интересов в исковом производстве // Юридический вестник Самарского университета, 2023. Т. 9. № 4. С. 46 – 52.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 07.07.2025). SPS "ConsultantPlus" (date of access: 14.03.2025)

2. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of November 22, 2016 No. F08-8242/16 in case No. A32-47443/2014 SPS "Garant" (date of access: 14.03.2025)

3. Appellate ruling of the Moscow City Court of March 2, 2017 No. 33-7735/17. SPS "Garant" (date of access: 14.03.2025)

4. Resolution of the Oktyabrsky District Court of Krasnodar dated December 11, 2024 in case No. 5-2118/2024. "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" (SudAkt.Ru) (date of access: 03.14.2025)

5. Decision of the Samara District Court dated December 18, 2024 in case No. 2-2009/2024. "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" (SudAkt.Ru) (date of access: 03.14.2025)

6. Belyakova A.V. Mechanisms of judicial and extra-judicial protection of the right to legal proceedings within a reasonable time: monograph. Moscow: YustitsInform, 2016. 201 p.

7. Berdova I.A., Ginzburg I.V. Abuse of procedural rights in civil proceedings. The World of Science and Education, 2017. No. 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-protssessualnymi-pravami-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve>

8. Dvoretzky A.A. The Importance of the Institute of Procedural Deadlines in Russian Civil Proceedings: The Evolution of Legal Approaches. Actual Problems of Russian Law, 2023. No. 11 (156). P. 11 – 28.

9. Derbysheva E.A. The Principle of Legal Certainty: Concept, Aspects, Place in the System of Legal Principles: Abstract of Cand. of Law. Sciences. 2020. P. 33.

10. Rzhaksensky S.I. On the concept of a reasonable time in civil proceedings. Gaps in Russian legislation, 2015. No. 4. P. 110 – 114.

11. Tkacheva N.N. Time limits in civil proceedings as a guarantee of protection of rights and interests in litigation. Legal Bulletin of Samara University, 2023. Vol. 9. No. 4. P. 46 – 52.

Информация об авторе

Краснова М.П., независимый исследователь

© Краснова М.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

УДК 34.096.

Признаки, типичные формы нарушений и злоупотреблений в рекламе

¹ Вронская М.В., ¹ Попова К.В.

¹ Владивостокский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты нарушений законодательства о рекламе в современных российских условиях. Авторы систематизируют и анализируют признаки ненадлежащей рекламы, выделяют наиболее распространенные формы нарушений в традиционных и цифровых рекламных каналах, а также исследуют формы злоупотреблений в рекламной деятельности. Особое внимание уделяется специфике нарушений в цифровой среде и социальных сетях. В работе подчеркнута роль антимонопольных органов в контроле рекламы, отмечены изменения законодательства в условиях цифровой среды и повышение размеров административных штрафов с 2024 года. Авторы анализируют современные когнитивные техники воздействия в рекламе и сложности их правового контроля. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования механизмов юридической ответственности для защиты прав потребителей и адаптации нормативной базы к новым технологическим вызовам

Ключевые слова: ненадлежащая реклама, недобросовестная реклама, рекламное законодательство, нарушения в рекламе, злоупотребления в рекламе, цифровая реклама, правоприменительная практика

Для цитирования: Вронская М.В., Попова К.В. Признаки, типичные формы нарушений и злоупотреблений в рекламе // Современный ученый. 2025. № 9. С. 414 – 422.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Signs, typical forms of violations and abuses in advertising

¹ Vronskaya M.V., ¹ Popova K.V.

¹ Vladivostok State University

Abstract: the article examines the key aspects of violations of advertising legislation in modern Russian conditions. The authors systematize and analyze the signs of inappropriate advertising, identify the most common forms of violations in traditional and digital advertising channels, and explore the forms of abuse in advertising. Special attention is paid to the specifics of violations in the digital environment and social networks. The paper highlights the role of antimonopoly authorities in controlling advertising, noting changes in legislation in the digital environment and an increase in administrative fines starting in 2024. The authors analyze modern cognitive techniques of influence in advertising and the complexity of their legal control. It is concluded that it is necessary to further improve the mechanisms of legal responsibility to protect consumer rights and adapt the regulatory framework to new technological challenges.

Keywords: inappropriate advertising, unfair advertising, advertising legislation, violations in advertising, abuse in advertising, digital advertising, law enforcement practice

For citation: Vronskaya M.V., Popova K.V. Signs, typical forms of violations and abuses in advertising. Modern Scientist. 2025. 9. P. 414 – 422.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 19, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Современный рынок рекламы представляет собой динамично развивающуюся сферу экономической деятельности. Она, в свою очередь, оказывает весомое влияние на общественные процессы и сознание потребителей. Всё больше и больше вопросы соблюдения законодательства о рекламе привлекают внимание и приобретают особую актуальность.

Целью настоящего исследования выступает систематизация и анализ признаков, типичных форм нарушений и злоупотреблений в рекламе на современном этапе, а также разработка рекомендаций по развитию способов контроля по соблюдению законодательства о рекламе.

Как показывает практика, несмотря на наличие детально проработанной законодательной базы, число нарушений в сфере рекламы остается значительным. По данным Федеральной антимонопольной службы России, в 2023 году было зафиксировано более 14,5 тысяч нарушений рекламного законодательства, а общая сумма штрафов составила свыше 161,3 млн рублей [1]. В первом квартале 2024 года наблюдается дальнейший рост числа нарушений, особенно в сегменте цифровой рекламы.

Материалы и методы исследований

В исследовании были использованы системный, сравнительно-правовой и аналитический методы. Основой анализа выступили нормативные акты РФ (Федеральный закон «О рекламе», закон «О защите конкуренции», Кодекс РФ об административных правонарушениях), а также официальные отчеты Федеральной антимонопольной службы и данные о штрафах за нарушения в сфере рекламы. В качестве материала изучались научные публикации, учебники и статьи, которые позволили выделить характерные черты, признаки и типичные формы нарушений в рекламной сфере. Анализ современных методик рекламного воздействия (фрейминг, прайминг, использование когнитивных искажений) проводился с привлечением современных научных работ и примеров тенденций развития цифрового рекламного рынка России.

Результаты и обсуждения

Основным нормативным актом, который регулирует рекламную деятельность в Российской Фе-

дерации, является Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе». Он устанавливает требования к рекламе, определяет случаи неправомерного поведения субъектов рекламной деятельности и предусматривает ответственность за нарушение законодательства о рекламе [2]. Указанный закон закрепляет понятие рекламы и основные требования, к ней предъявляемые (добросовестность, достоверность и проч.). В нем также определяются ключевые понятия рекламной деятельности: рекламодаделец, рекламопроизводитель, рекламораспространитель, потребители рекламы и др. Помимо вышеуказанного Федерального закона, регулирование рекламной деятельности осуществляется и другими нормативными актами. Федеральный закон «О защите конкуренции» содержит положения о недобросовестной конкуренции в сфере рекламы [3]. А Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП) устанавливает ответственность за нарушение рекламного законодательства в статье 14.3 [4].

И. Ю. Кулешова выделяет, что система правового регулирования рекламы в России основывается на принципах многоуровневого подхода, что позволяет нормам быть гибкими и легко приспосабливаться к изменениям рыночных условий [5, с. 12]. Подобный подход позволяет учитывать специфику различных видов рекламы и особенности их распространения.

За последние годы в законодательство о рекламе были внесены значительные изменения, направленные на адаптацию правового регулирования к новым реалиям цифровой экономики. В частности, были уточнены понятия и требования к рекламе в сети «Интернет», введены дополнительные ограничения на распространение рекламы через сети электросвязи, усилена ответственность за нарушения в сфере рекламы.

Согласно отчету Федеральной антимонопольной службы, наблюдается усиление ответственности за нарушения в сфере рекламы. В апреле 2024 года были значительно увеличены размеры штрафов для рекламоделателей, рекламораспространителей и рекламопроизводителей [6]. Данные изменения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика изменений административной ответственности за нарушения рекламного законодательства (2020-2024 гг.).

Table 1

Dynamics of changes in administrative liability for violations of advertising legislation (2020-2024).

Вид нарушения	Штрафы до 2022 г. (тыс. руб.)	Штрафы с 2022-2023 гг. (тыс. руб.)	Штрафы с 2024 г. (тыс. руб.)
Нарушение общих требований к рекламе (для юридических лиц)	100-500	200-800	300-1000
Реклама алкогольной продукции (для юридических лиц)	300-500	400-800	500-1500
Недостоверная реклама (для юридических лиц)	100-500	200-800	300-1000
Недобросовестная реклама (для юридических лиц)	100-500	200-800	300-1000
Нарушения в рекламе лекарственных средств (для юридических лиц)	200-500	300-800	400-1000
Спам-рассылка рекламы (для юридических лиц)	100-500	200-800	300-1000
Повторное нарушение (для юридических лиц)	До 800	До 1500	До 2000

Источник: составлено по данным [6, 7]

Контроль за соблюдением законодательства о рекламе возложен на антимонопольные органы, которые рассматривают дела о нарушениях рекламного законодательства и применяют установленные законом меры ответственности. Особенностью российской системы контроля является значительная роль территориальных управлений ФАС, что позволяет учитывать региональную специфику рекламного рынка.

О. В. Милонаец подчеркивает, что в последнее время усилился контроль над рекламой в цифровом пространстве, хотя сохраняются сложности в части обнаружения и устранения нарушений в социальных сетях и мессенджерах, где рекламные объявления нередко скрываются под видом обычного контента [7, с. 19]. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования способов контроля по соблюдению рекламного законодательства.

Очевидно объектом контрольно-надзорных мероприятий, и мер юридической ответственности в области рекламной деятельности, должно выступать родовое понятие - «ненадлежащая реклама». Законодательство о рекламе и рекламной деятельности не содержит определения искомого понятия, отсылая лишь к признакам рекламы (добросовестность и достоверность), раскрывая в дальнейшем виды типичных нарушений в области рекламы. Таким образом, в дальнейшем по ходу исследования авторами будут анализироваться исходные категории, определяющие ненадлежащую рекламу – «недобросовестность» и «недостоверность».

Недобросовестная реклама характеризуется использованием некорректных сравнений, дискредитацией конкурентов, введением потребителей в заблуждение относительно характеристик товара

или условий его приобретения. Как отмечает М. Л. Савин, «недобросовестность в рекламе имеет множество проявлений, однако общим признаком является намерение получить преимущество на рынке за счет введения потребителя в заблуждение» [8, с. 33]. Типичным примером недобросовестной рекламы является использование фразы «№1 в России» или «Лидер рынка» без указания критериев, по которым проводилось сравнение, и без ссылки на источник информации.

Недостоверная реклама выражается в распространении заведомо ложных сведений о товаре, его характеристиках, стоимости, условиях приобретения и т.д. Исследование, выполненное В. Д. Секериным, показывает, что наиболее распространенные случаи недостоверной рекламы связаны с предоставлением неполных сведений о стоимости товара и условиях его покупки (45% ситуаций), а также о его качественных характеристиках (32% случаев) [9, с. 156].

Характерным примером недостоверной рекламы является указание «скидка 70%» при фактическом уменьшении цены лишь на 20-30% или обещание «беспроцентного кредита» при наличии скрытых комиссий и дополнительных платежей.

Несмотря на то, что законодатель не выделяет в самостоятельный вид нарушений и (или) злоупотреблений «неэтичную» и «скрытую» рекламу, полагаем их типологизация, и научно-практическое осмысление, позволит выработать механизм юридической ответственности к нарушителям, и обеспечить защиту прав потребителей. Неэтичная реклама заключается в использовании в рекламе непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социаль-

ной категории, возраста, языка человека, официальных государственных символов, религиозных символов и т.д.

Скрытая реклама проявляется в воздействии на потребителей, которое осуществляется незаметно для их сознания через использование различных методов влияния, включая специальные видеовставки и другие способы манипуляции, без

открытого обозначения материала как рекламной продукции.

Анализ статистических данных ФАС России за 2023-2024 годы показывает, что структура нарушений рекламного законодательства характеризуется преобладанием недостоверной рекламы (43%), за которой следуют случаи недобросовестной рекламы (31%), неэтичной рекламы (14%) и скрытой рекламы (12%) [10] (рис. 1).

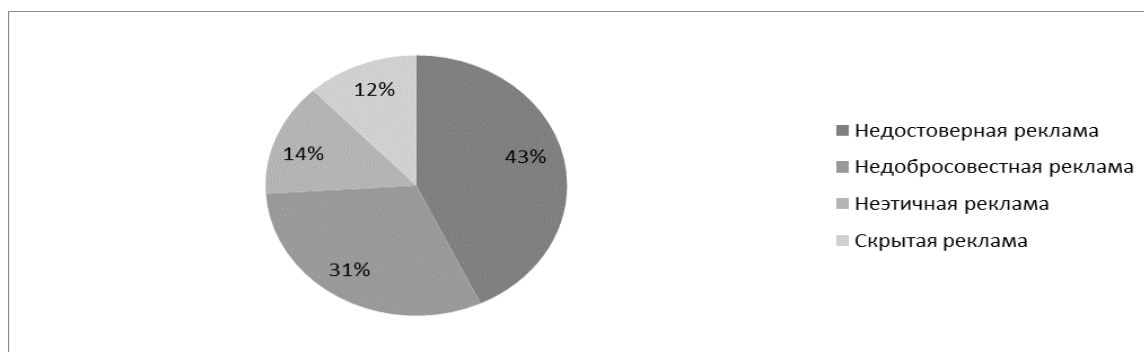

Рис. 1. Структура нарушений рекламного законодательства в России (2023-2024 гг.).
Fig. 1. Structure of violations of advertising legislation in Russia (2023-2024).

Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева и И.Г. Сабурова отмечают, что разнообразие форматов и каналов распространения рекламы в текущих реалиях существенно осложняет выявление нарушений, особенно в ситуациях, связанных со скрытой рекламой и применением психологического воздействия [11, с. 124]. Это обстоятельство требует совершенствования методик выявления ненадлежащей рекламы и разработки более четких критериев её оценки.

Г.Г. Щепилова и К.В. Щепилов акцентируют внимание на том, что в эпоху цифровизации возникают новые разновидности недобросовестной рекламы, которые не всегда удается чётко классифицировать в пределах существующих категорий [12, с. 287]. К таким формам относятся, например, таргетированная реклама, основанная на анализе персональных данных пользователей без их явного согласия, или реклама через чат-боты и виртуальных помощников, которая не всегда явно маркируется как рекламная.

Проблема идентификации ненадлежащей рекламы усугубляется тем, что в цифровой среде реклама часто интегрируется в контент таким образом, что потребителю сложно отличить её от обычной информации. Кроме того, алгоритмическая персонализация рекламы приводит к тому, что различные пользователи видят разные рекламные сообщения, что затрудняет мониторинг и контроль со стороны регуляторов.

Несмотря на активное развитие цифровых каналов коммуникации, традиционные медиа (телевидение, радио, печатные издания, наружная реклама) по-прежнему занимают значительную долю рекламного рынка. Анализ практики ФАС России позволяет выделить наиболее распространенные формы нарушений в рекламе традиционных медиа.

Наружная реклама, включающая билборды, вывески, рекламные конструкции на фасадах зданий, остановках общественного транспорта и т.д., характеризуется следующими типичными нарушениями:

- 1) размещение рекламы без разрешения органов местного самоуправления;
- 2) нарушение требований к размещению рекламных конструкций вблизи дорожных знаков и светофоров;
- 3) размещение рекламы, мешающей восприятию дорожной информации;
- 4) использование в рекламе звуковых и световых эффектов, которые могут отвлекать внимание водителей;
- 5) отсутствие обязательной информации (например, о противопоказаниях в рекламе лекарственных средств);
- 6) размещение рекламы алкогольной продукции вблизи образовательных и медицинских учреждений.

Характерным примером нарушений в наружной рекламе является размещение рекламных конструкций без необходимых разрешений. По данным ФАС России, около 30% нарушений в сфере наружной рекламы связаны именно с отсутствием разрешительной документации.

Несмотря на сокращение своей доли в общем объеме рекламных расходов, телевизионная реклама продолжает оставаться важным средством взаимодействия с аудиторией. Однако она часто сопровождается нарушениями:

- 1) превышение разрешенного объема рекламы – свыше 20% эфирного времени в час;
- 2) частые прерывания программ и фильмов рекламными блоками, выходящие за рамки установленных норм;
- 3) демонстрация рекламы с уровнем звука, превышающим громкость основной передачи;
- 4) отсутствие обязательной маркировки «рекламная информация» или «реклама»;
- 5) реклама товаров, запрещенных к продвижению на телевидении (например, алкоголь и табачные изделия);
- 6) неправомерное использование образов медработников в рекламе лекарств.

Примером нарушений в телевизионной рекламе может служить превышение допустимого уровня громкости рекламных блоков, что создает дискомфорт для зрителей и привлекает их внимание в принудительном порядке.

Для рекламы в газетах, журналах и других печатных изданиях характерны следующие нарушения:

- 1) отсутствие маркировки «реклама» или «на правах рекламы»;
- 2) маскировка рекламы под редакционные материалы;
- 3) отсутствие обязательных предупреждений о наличии противопоказаний в рекламе лекарственных средств и БАДов;
- 4) использование мелкого, трудночитаемого шрифта для указания существенных условий акций, ограничений и предупреждений;
- 5) реклама товаров, запрещенных к рекламированию в печатных изданиях.

Типичным примером нарушений в печатной рекламе являются оплаченные рекламные материалы, которые публикуются без соответствующей маркировки и выдаются за редакционные статьи или независимые обзоры.

Для рекламы на радио характерны следующие нарушения:

- 1) превышение допустимого объема рекламы (более 20% времени вещания в течение часа);

- 2) отсутствие указания на рекламный характер материала;

- 3) трансляция рекламы с уровнем громкости, превышающим уровень громкости транслируемой программы;

- 4) реклама товаров, запрещенных к рекламированию в радиопрограммах.

Особого внимания заслуживают нарушения в рекламе отдельных категорий товаров и услуг, для которых законодательством установлены специальные требования (финансовых услуг, здравоохранения, алкогольная продукция).

Авторы монографии «Рекламный дискурс и рекламный текст» указывают, что в классических средствах массовой информации закрепились постоянные практики нарушений, обусловленные особенностями каждого медиаканала и желанием рекламодателей усилить действенность рекламных посланий [13, с. 144]. При этом механизмы контроля за традиционными медиа более отработаны, чем в цифровой среде, что позволяет эффективнее выявлять нарушения.

Цифровая реклама стала доминирующим сегментом рекламного рынка, обогнав по объемам традиционные медиа. Уникальные характеристики цифровой среды создают не только новые возможности для рекламодателей, но и новые формы потенциальных нарушений.

В контекстной и таргетированной рекламе наиболее распространенными нарушениями являются: незаконное использование товарных знаков конкурентов в качестве ключевых слов; использование персональных данных без согласия пользователей; отсутствие маркировки рекламных результатов в поисковой выдаче.

И.В. Высоцкая акцентирует внимание на том, что таргетированная реклама, построенная на обработке больших объемов данных, несет угрозу конфиденциальности пользователей и может применяться для детальной сегментации аудитории с целью более результативного управления их покупательским поведением [14, с. 217].

Ключевой проблемой нативной рекламы является отсутствие или недостаточно заметная маркировка рекламного характера материала. Т.Н. Колокольцева подчеркивает, что стирание границ между редакционными материалами и рекламой в контексте нативной рекламы представляет значительные трудности для регулирующих органов и требует внедрения новых методов идентификации рекламных публикаций [15, с. 209].

В социальных сетях наиболее значимыми нарушениями являются отсутствие маркировки рекламного характера публикаций инфлюенсеров и реклама запрещенных товаров и услуг. Отдель-

ную проблему представляет массовая рассылка рекламных сообщений без предварительного согласия пользователей. А.А. Страхов и Н.М. Дубинина обращают внимание на то, что применение персональных данных для настройки таргетированной рекламы без четкого и осознанного согласия пользователей стало повсеместной практикой, угрожающей конфиденциальности в цифровом

пространстве [16, с. 259]. Особую озабоченность вызывает передача персональных данных третьим лицам без согласия субъектов данных.

По данным ФАС России, в 2023-2024 годах наблюдается значительный рост числа нарушений в сфере цифровой рекламы. Наиболее распространенные нарушения представлены на рис. 2.

Рис. 2. Топ-10 нарушений в цифровой рекламе по версии ФАС России (2023-2024) [6, 10].
Fig. 2. Top 10 violations in digital advertising according to the FAS Russia (2023-2024) [6, 10].

Одной из ключевых проблем регулирования цифровой рекламы является трансграничный характер интернета и социальных сетей. Многие рекламные платформы базируются за пределами Российской Федерации, что затрудняет применение к ним национального законодательства.

В отличие от нарушений, злоупотребления в рекламе часто находятся в «серой зоне» регулирования. Они могут быть этически сомнительными, но при этом соответствовать букве закона, что создает сложности для их правовой оценки и пресечения.

И.В. Высоцкая характеризует злоупотребление в рекламе как применение психологических приёмов воздействия на аудиторию, которые либо балансируют на границе соблюдения правовых и этических стандартов, либо формально им соответствуют, но фактически манипулируют восприятием потребителя [14, с. 187]. Современная реклама широко задействует когнитивные искажения – регулярные ошибки мышления, влияющие на процесс принятия решений. Н.В. Ткаченко и О.Н. Ткаченко подчеркивают, что нынешняя реклама активно применяет такие методики, как фрейминг (представление информации в заданном контексте), прайминг (подготовка восприятия заранее), а также прочие способы воздействия на бессознательное потребителя [17, с. 112].

Широко распространено создание у потребителей искусственных потребностей через преувеличение проблем, которые якобы решает рекламиру-

емый товар, и формирование представления о «нормальности» определенных моделей потребления. Злоупотребления в рекламе создают значительные риски как для потребителей, так и для общества в целом. Основными негативными последствиями являются: принятие нерациональных потребительских решений, психологический дискомфорт и снижение самооценки, формирование нездоровых моделей потребления, а также подрыв доверия к рекламной коммуникации в целом.

Как подчеркивают специалисты в области информационной безопасности, «недостаточная медиаграмотность населения делает его уязвимым перед манипулятивными техниками в рекламе» [18]. Это особенно актуально в отношении цифровой рекламы, где технологии таргетирования и персонализации делают манипулятивные техники еще более эффективными.

Особую опасность представляют злоупотребления в рекламе финансовых услуг и лекарственных препаратов, способные привести к серьезным финансовым потерям или вреду для здоровья потребителей. Исследования показывают, что более 60% потребителей, принявших решение о приобретении финансовых продуктов под влиянием манипулятивной рекламы, впоследствии сожалели о своем выборе [11, с. 126].

ФАС России является основным органом, осуществляющим контроль за соблюдением законодательства о рекламе. Анализ решений ФАС показывает, что наиболее часто антимонопольный ор-

ган рассматривает недостоверную рекламу финансовых услуг, рекламу лекарственных средств с нарушением требований закона и ненадлежащую рекламу алкогольной продукции. В 2023 году Федеральная антимонопольная служба России проанализировала свыше 11 тысяч обращений касательно нарушений в сфере рекламного законодательства, инициировав более 4 тысяч разбирательств и выдав около 3 тысяч постановлений о ликвидации выявленных несоответствий.

Практика правоприменения в этой области сталкивается с определенными сложностями при обнаружении и доказательстве нарушений:

- 1) затруднения в различии рекламы и другой информационной составляющей;
- 2) сложность оценки достоверности заявленных в рекламе сведений;
- 3) проблематика определения целевой аудитории рекламы (конкретные лица или широкие массы);
- 4) трудности установления прямой взаимосвязи между рекламой и возникшими последствиями;
- 5) вопросы фиксации и документальной регистрации краткосрочных рекламных акций, особенно в цифровом пространстве.

И. Ю. Кулешова указывает, что субъективный характер некоторых положений рекламного законодательства затрудняет их исполнение и требует выработки единого подхода к применению этих норм на практике [19, с. 13].

Особую сложность представляет привлечение к ответственности за нарушения в цифровой рекламе:

- 1) трудности в идентификации рекламодателя в цифровой среде;
- 2) проблемы трансграничного характера интернет-рекламы;

3) сложности в сборе и фиксации доказательств нарушений;

4) быстрая смена рекламных сообщений, затрудняющая их документирование;

5) технические ограничения в мониторинге персонализированной рекламы.

О.В. Милонеев отмечает, что традиционные методы контроля и надзора теряют свою эффективность в условиях цифрового пространства. Что делает необходимым создание новых стратегий для выявления и предотвращения нарушений рекламного законодательства [4, с. 20].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о современном состоянии проблемы нарушений и злоупотреблений в рекламе.

Во-первых, несмотря на детально проработанную законодательную базу, количество нарушений в сфере рекламы остается значительным, что требует совершенствования механизмов контроля. Во-вторых, развитие цифровых технологий создает новые вызовы для регуляторов и необходимость разработки специализированных подходов к выявлению нарушений в цифровой среде. В-третьих, особую проблему представляют злоупотребления в рекламе, формально не нарушающие законодательство, но оказывающие негативное воздействие на потребителей. В-четвертых, существующие механизмы привлечения к ответственности не вполне соответствуют современным реалиям цифровой рекламы.

Эффективное управление рекламной деятельностью, согласно М.Л. Савину, достижимо лишь при гармоничном взаимодействии государственного контроля, саморегуляции отрасли, и активного участия общественности [5, с. 35].

Список источников

1. Официальный Федеральная антимонопольная служба России // ФАС России [сайт]. URL: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 11.04.2025)
2. О рекламе: федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (посл. ред. от 26.12.2024 № 479-ФЗ) // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75554/ (дата обращения: 11.04.2025)
3. О защите конкуренции: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (посл. ред. от 14.10.2024 № 344-ФЗ) // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76317/ (дата обращения: 11.04.2025)
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (посл. ред. от 23.07.2025 N 217-ФЗ) // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327409/ (дата обращения: 11.04.2025)
5. Кулешова И. Ю. Некоторые аспекты административно-правового регулирования противодействия ненадлежащей рекламе // Административное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 11 – 13.
6. Увеличены штрафы за нарушения в сфере рекламы // Информационная система 1С: ИТС [сайт]. URL: <https://its.1c.ru/db/newscomm/content/488927/hdoc> (дата обращения: 11.04.2025)

7. Милонаец О. В. Обзор типичных нарушений законодательства о рекламе в 2023 году. // Доступно на сайте: СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/481002095/> (дата обращения: 27.04.2025)
8. Савин М.Л. Об ответственности рекламодателя и требованиях к рекламе // *Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн.* 2024. № 7 (117).
9. Секерина В. Д. Рекламная деятельность: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2022. 282 с.
10. ФАС России рассказала про ТОП-10 нарушений Закона о рекламе // Министерство экономического развития Российской Федерации [сайт]. URL: <https://мойбизнес.пф/knowledge/fas-rossii-rasskazala-pro-top-10-narusheniy-zakona-o-reklame/> (дата обращения: 30.03.2025)
11. Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач в рекламе // *Коммуникативные исследования.* 2020. № 3 (25). С. 122 – 126.
12. Щепилова Г.Г., Щепилов К.В. Основы рекламы. М.: Юрайт, 2021. 528 с.
13. Колокольцева Т.Н. Рекламный дискурс и рекламный текст: монография. 4-е изд., стер. Москва: Флинта, 2021. 296 с.
14. Высоцкая И.В. Стилистика рекламного текста: прецедентность и интердискурсивность. М.: Юрайт, 2023. 319 с.
15. Савельева О.О., Трубникова Н.В. Всеобщая история рекламы: учебник для бакалавров. 5-е изд. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023. 450 с.
16. Страхов А.А., Дубинина Н.М. О безопасности персональных данных // *Криминологический журнал.* 2024. № 1. С. 255 – 263.
17. Ткаченко Н.В., Ткаченко О.Н. Креативная реклама. Технологии проектирования: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2022. 36 с.
18. Утечки информации ограниченного доступа в мире и России, первое полугодие 2023 г. // Аналитический отчет экспертно-аналитического центра InfoWatch. [сайт]. URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-v-mire-i-rossii-za-pervoe-polugodie-2023-goda.pdf> (дата обращения: 30.04.2025)
19. Кулешова И.Ю. Некоторые аспекты административно-правового регулирования противодействия ненадлежащей рекламе // *Административное и муниципальное право.* 2022. № 2. С. 11 – 13.

References

1. Official Federal Antimonopoly Service of Russia. FAS Russia [website]. URL: <https://fas.gov.ru/> (date of access: 11.04.2025)
2. On advertising: federal law of 13.03.2006 No. 38-FZ (last amended on 26.12.2024 No. 479-FZ). Available on the website: SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75554/ (date of access: 11.04.2025)
3. On protection of competition: federal law of 26.07.2006 No. 135-FZ (last amended on 14.10.2024 No. 344-FZ). Available on the website: SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76317/ (date of access: 11.04.2025)
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (last revised on July 23, 2025 N 217-FZ). Available on the website: SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327409/ (date of access: 11.04.2025)
5. Kuleshova I. Yu. Some aspects of administrative and legal regulation of counteraction to inappropriate advertising // *Administrative and municipal law.* 2022. No. 2. P. 11 – 13.
6. Fines for advertising violations have been increased. Information system 1C: ITS [website]. URL: <https://its.1c.ru/db/newscomm/content/488927/hdoc> (accessed: 11.04.2025)
7. Milonaets O.V. Review of typical violations of advertising legislation in 2023. Available on the website: SPS "GARANT". URL: <https://base.garant.ru/481002095/> (accessed: 27.04.2025)
8. Savin M.L. On the responsibility of the advertiser and requirements for advertising. *Universum: economics and jurisprudence: electronic. scientific. journal.* 2024. No. 7 (117).
9. Sekerina V.D. Advertising activity: textbook. Moscow: INFRA-M, 2022. 282 p.
10. FAS Russia told about the TOP-10 violations of the Law on Advertising. Ministry of Economic Development of the Russian Federation [website]. URL: <https://мойбизнес.пф/knowledge/fas-rossii-rasskazala-pro-top-10-narusheniy-zakona-o-reklame/> (date of access: 03.30.2025)
11. Gorodetsky B.Yu., Kobozeva I.M., Saburova I.G. On the typology of communicative failures in advertising. *Communicative research.* 2020. No. 3 (25). P. 122 - 126.
12. Shchepilova G.G., Shchepilov K.V. Fundamentals of Advertising. M.: Yurait, 2021. 528 p.

13. Kolokoltseva T.N. Advertising discourse and advertising text: monograph. 4th ed., reprinted. Moscow: Flinta, 2021. 296 p.
14. Vysotskaya I.V. Stylistics of advertising text: precedent and interdiscursivity. M.: Yurait, 2023. 319 p.
15. Savelyeva O.O., Trubnikova N.V. General history of advertising: textbook for bachelors. 5th ed. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co.", 2023. 450 p.
16. Strakhov A.A., Dubinina N.M. On the security of personal data. Criminological journal. 2024. No. 1. P. 255 – 263.
17. Tkachenko N.V., Tkachenko O.N. Creative advertising. Design technologies: a textbook for university students. 2nd ed. Moscow: Unity-Dana, 2022. 36 p.
18. Leaks of restricted information in the world and Russia, first half of 2023. Analytical report of the InfoWatch expert and analytical center. [website]. URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-v-mire-i-rossii-za-pervoe-polugodie-2023-goda.pdf> (date of access: 30.04.2025)
19. Kuleshova I.Yu. Some aspects of administrative and legal regulation of counteraction to inappropriate advertising. Administrative and municipal law. 2022. No. 2. P. 11 – 13.

Информация об авторах

Вронская М.В., кандидат юридических наук, доцент, Институт права, Владивостокский государственный университет

Попова К.В., Владивостокский государственный университет

© Вронская М.В., Попова К.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.41

Конституционно-правовые основы сохранения и защиты исторической памяти

¹ Тренина Е.Г.

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы конституционно-правового регулирования в области сохранения и защиты исторической памяти как стратегического приоритета Российской Федерации, важнейшего условия ее национальной безопасности. Подчеркивается основополагающее значение норм Конституции РФ для формирования эффективной системы нормативно-правового обеспечения государственной политики и деятельности гражданского общества, направленной на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти нашего многонационального народа.

Обосновывается мысль о том, что в процессе конституционно-правового строительства происходит совершенствование юридического фундамента для эффективного функционирования государственно-общественного механизма в направлении реализации национальной концепции исторической памяти. Рассматривается контекст норм, пополнивших текст Конституции РФ в ходе конституционной реформы 2020 г. и способствовавших укреплению ценностных аспектов его содержания. Представлен вывод о том, что реализация конституционно-правовых основ сохранения исторической памяти, защиты исторической правды и принципа исторической преемственности в формировании и развитии Российского государства выступают сегодня неотъемлемым условием сохранения национально-культурной идентичности, укрепления и защиты государственного суверенитета России.

Ключевые слова: Конституция, историческая память, традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, образование, воспитание, российская государственность, национальная безопасность

Для цитирования: Тренина Е.Г. Конституционно-правовые основы сохранения и защиты исторической памяти // Современный ученый. 2025. № 9. С. 423 – 429.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The constitutional and legal basis for the preservation and protection of historical memory

¹ Tronina E.G.

¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract: the article examines the issues of constitutional and legal regulation in the field of preservation and protection of historical memory as a strategic priority of the Russian Federation, the most important condition for its national security. The fundamental importance of the norms of the Constitution of the Russian Federation for the formation of an effective system of regulatory support for state policy and civil society activities aimed at preserving traditional spiritual and moral values, culture and historical memory of our multinational people is emphasized.

The article substantiates the idea that in the process of constitutional and legal construction, the legal foundation is being improved for the effective functioning of the state-public mechanism towards the implementation of the national concept of historical memory. The context of the norms that supplemented the text of the Constitution of the Russian Federation during the constitutional reform of 2020 and contributed to strengthening the value aspects of its content is considered. The conclusion is presented that the implementation of the constitutional and legal foundations for the preservation of historical memory, the protection of historical truth and the principle of historical continuity in the formation and development of the Russian state are now an indispensable condition for the preservation of national and cultural identity, strengthening and protecting the state sovereignty of Russia.

Keywords: the Constitution, historical memory, traditional spiritual, moral, cultural and historical values, education, upbringing, Russian statehood, national security

For citation: Tronina E.G. The constitutional and legal basis for the preservation and protection of historical memory. Modern Scientist. 2025. 9. P. 423 – 429.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 20, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Важнейшим условием укрепления российской государственности, а также сбережения многонационального народа России в сложных условиях внешних и внутренних вызовов является эффективная государственная политика, направленная на сохранение исторической памяти как основы национально-культурной идентичности. Перед лицом обострившихся угроз национальной безопасности России стратегическим приоритетом является эффективное функционирование государственно-общественного механизма защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти нашего народа от дискредитации и разрушения, бережное отношение к многовековому опыту предшествующих поколений. Развитие культуры гражданственности в современном российском обществе предполагает приоритет принципа исторической преемственности, единства и неразрывной взаимосвязи каждого элемента триады прошлое – настоящее – будущее.

В этом смысле особое значение имеет совершенствование нормативно-правового обеспечения государственной политики по сохранению исторической памяти, основанной на базе норм Конституции России и трансформирующейся вместе с обществом в соответствии с современными тенденциями и потребностями развития. В процессе конституционно-правового строительства происходит совершенствование юридического фундамента системы мер, требующих совместных усилий органов государственной власти и местного самоуправления, а также институтов гражданского общества в направлении реализации национальной концепции исторической памяти. Лейтмотивом целого ряда норм Конституции РФ, в том числе существенно пополнивших ее текст в ходе конституционной реформы 2020 г., выступает признание

на высшем законодательном уровне принципа исторической преемственности в развитии Российского государства, в том числе в формировании его единства; почитания памяти защитников Отечества, защиты исторической правды [1]. Таким образом, четко определен и планомерно реализуется ключевой вектор государственной политики, способствующей укреплению ценностно-мировоззренческих основ нации, гражданского мира и согласия, государственного суверенитета и территориальной целостности России.

Материалы и методы исследований

В рамках данного исследования учитывались различные аспекты конституционно-правового регулирования в области сохранения и защиты исторической памяти, что обусловило необходимость реализации комплексного подхода как методологического базиса работы. Обращение к современному научному дискурсу, представленному авторскими монографиями, статьями и диссертациями, а также к правовым источникам предполагает использование общенаучных методов изучения их содержания.

Пониманию закономерностей и логики формирования конституционно-правовой концепции исторической памяти способствует применение диалектического подхода, имеющего универсальный характер в рамках представленной работы. Актуальность современного восприятия и научного обоснования категории исторической памяти как общественной ценности обуславливает высокую значимость аксиологического подхода, позволяющего более глубоко осознать значение и исторические перспективы государственной политики и правового регулирования в данной сфере.

Весьма разнообразен методологический инструментарий для работы с нормативно-правовой базой, включающей законодательные и подзакон-

ные акты различной юридической силы, материалы судебной практики, прежде всего – решения Конституционного Суда РФ. Ключевое значение принадлежит формально-юридическому методу, а также структурно-функциональному и сравнительно-правовому анализу нормативного материала. Также следует отметить приоритетный характер системно-структурного метода исследования, способствующего целостному восприятию системы конституционно-правового регулирования в области сохранения и защиты исторической памяти народа России.

Результаты и обсуждения

Исторический путь каждого народа и государства уникален, содержит в себе образцы и примеры социальных взаимоотношений, систему ценностей, аккумулирующих опыт и знания предшествующих поколений для их потомков. В ходе многовекового развития России как государства-цивилизации формировался ее мощный исторический базис, включающий самобытные традиции, идеалы и символы, отражающие глубинные истоки и основы культуры народа, его корни.

Сложность и многообразие феномена исторической памяти, а также ее динамичный характер обусловили разнообразие трактовок и подходов к научному определению данного понятия. Думается, что особую актуальность имеет сегодня взгляд на проблему сквозь призму государственно-правового регулирования, прежде всего – его идеологической составляющей. Это позволяет рассматривать историческую память в качестве «инструмента государственной политики, направленного на фиксирование в памяти нации ключевых моментов исторического прошлого, определяющих современное благополучие, сохранение и развитие государственности, выраженного в культурной сфере (мероприятиях, символах)». Таким образом, происходит расширение смыслового наполнения, включающего, помимо понятия «память», систему мер государственной исторической политики, «общественно-политический дискурс руководства стран, «официальных представителей различных ведомств и организаций, а также академический дискурс» [2]. По словам Е.П. Малышевой, руководителя Национального центра исторической памяти при Президенте Российской Федерации, в основе исторической памяти всегда находится «историческая правда» как одна из ключевых особенностей «нашего сознания, залог нашего исторического суверенитета» [3].

Характер конституционно-правового закрепления основ государственной концепции исторической памяти в значительной мере связан с объективной необходимостью защиты национальной

безопасности в крайне сложных условиях перехода от эпохи глобализации к новому периоду развития человечества. Закономерно, что значительное число поправок, внесенных в текст Основного закона конституционной реформой 2020 г. вызвано необходимостью восполнить пробелы прежнего текста, расширить и укрепить ценностные аспекты его содержания, сформировать стержень целостной мемориальной концепции. В свою очередь, это является важным фактором реализации эффективной государственно-правовой политики по защите культурно-исторических ценностей как стратегического приоритета и одной из основ цивилизационного развития России.

Справедливым видится мнение о том, что система норм, регламентирующих вопросы сохранения исторической памяти, динамично развиваясь в последнее время, на сегодняшний день фактически «является многосоставным конституционно-правовым институтом, включающим как минимум три уровня: создание и закрепление государственной мемориальной концепции (национального образа истории); сохранение исторического наследия; защиту исторической памяти от посягательств и искажения». Безусловно, это имеет определяющее значение для современных социальных отношений, причем не только в России, но и во многих зарубежных государствах, поскольку связано с формированием ценностных основ общества, «национального самосознания, сохранения культурной идентичности и духовно-информационного суверенитета» [4].

Учитывая весьма распространенное суждение авторов об отсутствии в первоначальном тексте отечественной Конституции целостной нормативной концепции национальной истории, следует отметить, что содержание ряда его положений до внесения последних поправок, а также преамбулы Основного закона в определенной степени закрепляет принцип исторической преемственности в развитии государственного единства России. Так, подчеркивается необходимость сохранения и передачи потомкам культурно-исторических ценностей, в том числе – «памяти предков», «любви и уважения к Отечеству, веры в добро и справедливость». Безусловно, мощным импульсом для развития конституционно-правовых основ государственной политики в рассматриваемой сфере стали изменения 2020 года, направленные на защиту исторической правды, сохранение памяти предков, признание принципа исторической преемственности в формировании и развитии Российского государства. Особое значение имеет эффективная реализация системы норм, направленных на решение такой жизненно важной задачи, как сохранение

потомками исторического наследия подвига народа, защищавшего наше Отечество, обеспечение действенной и всесторонней защиты от многочисленных фальсификаций истории как одного из орудий современной информационной войны.

В авторских работах представлено справедливое мнение о связи данного вектора конституционно-правового строительства с решением существенных задач, прежде всего обеспечением национальной безопасности России и, в целом, реализацией стратегических приоритетов развития государства и общества. Подчеркивается особый риск и разрушительное воздействие для исторического сознания граждан нашей страны систематической и целенаправленной работы по дискредитации событий, в основе которых «обратная расколу народа величина – единство русского, советского народа, беспримерное в мировой истории явление – Великая Отечественная война 1941-1945 годов и Великая Победа во Второй мировой войне 1939 - 1945 годов. Война, с победой в которой связана история каждой российской семьи: в ней есть либо её воины-участники, либо труженики тыла, либо жертвы». При этом отчетливо определяется ряд основных направлений, задач и уровней фальсификации истории, на которых с конкретными мотивами в качестве «выгодоприобретателей» действуют различные наднациональные, государственные организации, а также «экспертное сообщество». Сущность фальсификации истории видится в искажении смысла и роли, ложных интерпретациях исторических событий и явлений, имеющих стержневое судьбоносное значение «для внутренней и внешней политики Российской Федерации, её национальной безопасности (государственной, общественной, информационной, экономической, продовольственной) и достижения национальных интересов» [5].

Система конституционных норм, непосредственно связанных с защитой исторической памяти и формированием национальной исторической концепции, приобрела более целостную структуру после внесения изменений в 2020 году. В частности, в ч. 3 ст. 67.1 закреплено, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». С учетом фактора юридического верховенства и системообразующего значения норм Конституции РФ для развития ответственного государства и права трудно переоценить их духовно-нравственное и идейно-политическое влияние на социальные процессы в целом, а также непосредственно на развитие конституционного мировоззрения, законности и пра-

вовой культуры. В том числе речь идет о совершенствовании под влиянием импульса конституционной реформы содержания и характера функционирования института исторической памяти, объединяющего нормы самых разных отраслей права и направленного на сохранение и всестороннюю защиту от искажений священной для народа памяти о своих предках и событиях прошлого. В этом контексте следует подчеркнуть особую роль Конституционного Суда РФ, который остается «верным своему принципу защиты конституционных норм, при этом рассматривая историческую память как неотъемлемую часть национальной идентичности» [6].

Пополнившие в ходе конституционной реформы текст Основного закона нормы стали своего рода интегрирующим ядром системы положений, направленных на сохранение исторической памяти и связанных с различными аспектами данного процесса. Так, прежде всего речь идет о реализации духовно-идеологических основ конституционного строя России, защите конституционно значимых ценностей, выражающих на высшем юридическом уровне систему смысловых жизненных ориентиров, складывавшихся на многовековом историческом пути народа и Отечества. В этой связи особый социокультурный смысл приобретает выполнение являющейся неотъемлемым элементом конституционно-правового статуса личности и закрепленной в ст. 44 конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, бережного отношения к памятникам истории и культуры, необходимости их охраны органами публичной власти [1]. Актуальность реализации данных норм неоднократно подчеркивалась Конституционным Судом РФ, справедливо указавшим, что «одной из конституционно значимых, по своей сути, ценностей выступает охрана объектов культурного наследия, служащих сохранению памяти предков, воспитанию любви и уважения к Отечеству (преамбула Конституции Российской Федерации). В контексте культурно-исторической преемственности поколений это получило подтверждение на конституционном уровне в институте культурных прав и обязанностей человека и гражданина» [7]. С позиции системного подхода, важное место принадлежит нормам Конституции РФ, направленным на защиту культуры, являющейся уникальным наследием ее многонационального народа, поддержку статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также национальных языков и культурной самобытности народов России (ст.ст.68,69). Особое звучание приобретает система запретов как неотъ-

емлемого компонента конституционно-правового метода, связанных в частности, с пресечением пропаганды, направленной на разжигание различного рода вражды и ненависти (ч. 2 ст. 29), что зачастую несет в себе разрушительную силу, встающую против исторической правды и справедливости.

Справедливым видится мнение о том, что действенность конституционно-правовых основ сохранения исторической памяти обеспечивается, в том числе, через реализацию системы законодательно установленных санкций, а «в вопросах защиты исторической правды о Великой Отечественной войне необходимо применять те же юридические принципы, которые лежат в судопроизводстве о защите чести, достоинства и доброго имени в международном и отечественном праве». В том числе, речь идет о необходимости «уголовной ответственности для физических и юридических лиц за составление, издание, тиражирование и интерпретацию фактов искажения истории Великой Отечественной войны» [8]. В нашей относительно недавней истории, к сожалению, немало примеров, наглядно демонстрирующих, как все то негативное и опасное, деструктивное и чуждое здравому смыслу и духовно-нравственным основам, что привносится на заранее подготовленную почву, неуклонно ведет к страшным трагедиям и катастрофам – крушению великого государства и колоссальным потерям народонаселения, жестоким конфликтам и кровопролитиям, когда теряется и деформируется историческая память, размываются ценности, растаптываются идеалы, вырубаются корни... Вопросы сохранения и защиты исторической памяти, безусловно, относятся к первоочередным, жизненно важным задачам развития России, так как напрямую связаны с обеспечением ее национальной безопасности [9]. Одна из ключевых ролей принадлежит отечественной системе образования и воспитания, магистральный путь развития которых основывается на базисе конституционных норм и непосредственно связан

с проблемой исторического просвещения. Ее эффективное решение требует реализации целого ряда принципов государственной политики, направленной на «распространение в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний, поддержку и развитие системы научного исторического знания, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине» [10].

Выводы

Таким образом, система конституционных норм, направленных на сохранение и защиту исторической памяти определяет ключевой вектор и современные тенденции развития нормативно-правового регулирования и государственной политики в данной сфере. Эффективная реализация ее принципов является жизненной необходимостью, целью, имеющей стратегический характер в контексте обеспечения национальной безопасности. Гармоничное состояние общества и государства, достижение национальных целей развития России невозможно представить без успешного решения задачи сохранения и передачи последующим поколениям тех культурно-исторических ценностей и традиций, которые на протяжении веков формировали духовный стержень нации, отражали характер народа, укрепляли и вдохновляли его на свершения и подвиги, на дело созидания и защиты великого государства. Реализация конституционно-правовых основ сохранения исторической памяти, защиты исторической правды и принципа исторической преемственности в формировании и развитии Российского государства выступают сегодня неотъемлемым условием сохранения национально-культурной идентичности, укрепления и защиты государственного суверенитета России, а следовательно, требуют эффективной работы государственно-общественного механизма в сфере реализации национальной концепции истории для настоящего и будущего созидательного развития нашей страны.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения 28.04.2025)
2. Дулов А.Н., Мацулевич Е.В. Понятие «историческая память» в научном и политическом дискурсах // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2023. № 23-1. С. 71 – 79. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=caghvr>
3. Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации (официальный сайт) [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://russiancip.ru/o-centre/>

4. Куликова С.А., Кирнос И.Д. Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 65 – 72. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://eup.sgu.ru/ru/articles/ohrana-istoricheskoy-pamyati-kak-institut-konstitucionnogo-prava-rossiyskiy-i-zarubezhnyy?ysclid=mauv1ol98h238873445>

5. Кикнадзе В.Г. Защита истории как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России и её будущего: актуальные вопросы, ответы и предложения [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://histrf.ru/magazine/article/zashchita-istorii-kak-strategicheskiy-prioritet-obespecheniya-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-ee-budushchego-aktualnye-voprosy-otvety-i-predlozheniya?ysclid=mcuqeph5m985850772>

6. Кирнос И.Д. Анализ позиций КС РФ по вопросам защиты исторической памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 87 – 99. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://eup.sgu.ru/sites/eup.sgu.ru/files/text-pdf/2025/03/ekonomika_2025_1-87-99.pdf

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2020 N 11-П "По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой" [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347128/

8. Чеджемов С.Р. Конституционное строительство в Российской Федерации: к вопросу о защите исторической правды // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 122 – 129. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46390083>

9. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/1e2b5c5fc29c839c457c3d876e9cc7b475bc7d45/ (дата обращения 28.07.2025)

10. Указ Президента РФ от 08.05.2024 N 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource]. Access mode. <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (date of access 04.28.2025)

2. Dulov A.N., Matsulevich E.V. The concept of "historical memory" in scientific and political discourses. Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological-pedagogical sciences. 2023. No. 23-1. P. 71 – 79. [Electronic resource]. Access mode. <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=caghvr>

3. National Center for Historical Memory under the President of the Russian Federation (official website) [Electronic resource]. Access mode. <https://russiancip.ru/o-centre/>

4. Kulikova S.A., Kirnosov I.D. Protection of historical memory as an institution of constitutional law: Russian and foreign experience. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law. 2022. Vol. 22, issue 1. P. 65 – 72. [Electronic resource]. Access mode. <https://eup.sgu.ru/ru/articles/ohrana-istoricheskoy-pamyati-kak-institut-konstitucionnogo-prava-rossiyskiy-i-zarubezhnyy?ysclid=mauv1ol98h238873445>

5. Kiknadze V.G. Protection of history as a strategic priority for ensuring national security of Russia and its future: current issues, answers and proposals [Electronic resource]. Access mode. <https://histrf.ru/magazine/article/zashchita-istorii-kak-strategicheskiy-prioritet-obespecheniya-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-ee-budushchego-aktualnye-voprosy-otvety-i-predlozheniya?ysclid=mcuqeph5m985850772>

6. Kirnosov I.D. Analysis of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the protection of historical memory. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Economy. Management. Law. 2025. Vol. 25, issue. 1. P. 87 – 99. [Electronic resource]. Access mode. https://eup.sgu.ru/sites/eup.sgu.ru/files/text-pdf/2025/03/ekonomika_2025_1-87-99.pdf

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.03.2020 N 11-P "On the case of verifying the constitutionality of subparagraphs 4 and 5 of paragraph 1 and paragraph 5 of Article 57 of the Land Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.S. Butrimova" [Electronic resource]. Access mode. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347128/

8. Chedzhemov S.R. Constitutional construction in the Russian Federation: on the issue of protecting historical truth. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2021. No. 5 (81). P. 122 – 129. [Electronic resource]. Access mode. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46390083>

9. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" [Electronic resource]. Access mode. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/1e2b5c5fc29c839c457c3d876e9cc7b475bc7d45/ (date of access 28.07.2025)

10. Decree of the President of the Russian Federation of 08.05.2024 N 314 "On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education" [Electronic resource]. Access mode. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>

Информация об авторе

Тренина Е.Г., кандидат политических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

© Тренина Е.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

УДК 349.3(075.8)

Роль институтов гражданского общества в формировании механизмов и технологий реализации государственной молодёжной политики в современной России

¹ Алиев Ш.И., ² Абакарова Б.Г.

¹ Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений,

² Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

Аннотация: в статье исследуется роль институтов гражданского общества в формировании и реализации государственной молодёжной политики в современной России. Анализируются основные механизмы взаимодействия общественных организаций, НКО и государственных структур в процессе выработки и внедрения молодёжных программ. Рассматриваются современные технологии участия гражданского общества в формировании молодёжной политики, включая цифровые платформы, краудсорсинг и общественные консультации. Выявлены основные проблемы и перспективы развития партнёрства между государством и институтами гражданского общества в сфере работы с молодёжью. Предложены рекомендации по совершенствованию механизмов взаимодействия для повышения эффективности государственной молодёжной политики.

Ключевые слова: гражданское общество, молодёжная политика, государственное управление, общественные организации, НКО, молодёжные программы, социальное партнёрство, цифровые технологии

Для цитирования: Алиев Ш.И., Абакарова Б.Г. Роль институтов гражданского общества в формировании механизмов и технологий реализации государственной молодёжной политики в современной России // Современный ученый. 2025. № 9. С. 430 – 434.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The role of civil society institutions in the formation of mechanisms and technologies for the implementation of state youth policy in modern Russia

¹ Aliev Sh.I., ² Abakarova B.G.

¹ Dagestan Humanitarian Institute (branch) Academy of Labor and Social Relations,

² Dagestan State University branch in Izberbash

Abstract: the article examines the role of civil society institutions in the formation and implementation of state youth policy in modern Russia. The main mechanisms of interaction between public organizations, NGOs and government agencies in the process of developing and implementing youth programs are analyzed. Modern technologies of civil society participation in the formation of youth policy, including digital platforms, crowdsourcing and public consultations, are considered. The main problems and prospects for the development of partnership between

the state and civil society institutions in the field of youth work have been identified. Recommendations on improving the mechanisms of interaction to increase the effectiveness of the state youth policy are proposed.

Keywords: civil society, youth policy, public administration, public organizations, youth programs, social partnership, digital technologies

For citation: Aliev Sh.I., Abakarova B.G. The role of civil society institutions in the formation of mechanisms and technologies for the implementation of state youth policy in modern Russia. Modern Scientist. 2025. 9. P. 430 – 434.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 21, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Современная российская молодёжная политика находится в стадии активного реформирования, что актуализирует вопросы участия институтов гражданского общества в её формировании и реализации. Молодёжь как социальная группа, составляющая значительную часть населения России, требует комплексного подхода к решению своих проблем и потребностей.

Институты гражданского общества играют важную роль в выявлении потребностей молодёжи, формировании инновационных подходов к решению молодёжных проблем и создании эффективных механизмов реализации государственной политики. Исследования показывают, что активное участие НКО и общественных организаций в разработке молодёжных программ способствует повышению их качества и результативности.

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения новых форм взаимодействия государства и гражданского общества в условиях цифровизации и трансформации механизмов государственного управления. Современные технологии открывают новые возможности для участия институтов гражданского общества в формировании государственной молодёжной политики.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось с использованием комплексного методологического подхода, включающего анализ нормативно-правовой базы, статистических данных, результатов социологических опросов и экспертных интервью. Применялись методы системного анализа, сравнительного анализа, контент-анализа документов и материалов.

Эмпическая база исследования включает данные Росстата о деятельности НКО в сфере молодёжной политики за период 2022-2024 гг., материалы федеральных и региональных программ по работе с молодёжью, результаты опросов представителей общественных организаций [5]. Проведён анализ практики взаимодействия институтов

гражданского общества с органами власти в 15 субъектах Российской Федерации.

Теоретическую основу исследования составили работы российских и зарубежных учёных в области государственного управления, социальной политики и развития гражданского общества. Использовались институциональный и сетевой подходы к анализу взаимодействия государства и общественных организаций.

Результаты и обсуждения

Анализ показал, что институты гражданского общества выполняют множественные функции в системе государственной молодёжной политики. Основными механизмами их участия являются: общественные советы при органах власти, конкурсы социальных проектов, общественные слушания и консультации, волонтёрские программы [8].

Общественные советы при органах власти различных уровней играют роль связующего звена между государственными структурами и молодёжными организациями [1]. Они обеспечивают участие представителей гражданского общества в обсуждении и принятии решений по вопросам молодёжной политики, способствуют учёту мнений и интересов различных групп молодёжи при формировании программных документов.

Конкурсы социальных проектов стали эффективным инструментом привлечения НКО к реализации государственных задач в молодёжной сфере. Грантовая поддержка позволяет общественным организациям развивать инновационные подходы к работе с молодёжью, реализовывать проекты по профилактике социальных рисков, развитию творческого потенциала и гражданской активности молодых людей. Общественные слушания и консультации обеспечивают широкое участие гражданского общества в обсуждении проектов нормативных актов и программных документов в области молодёжной политики. Данный механизм способствует повышению качества принимаемых решений и их соответствию потребностям молодёжи [2, 3]. Волонтёрские программы представляют собой массовую форму участия молодёжи в обще-

ственно значимой деятельности, способствуя формированию гражданских компетенций и социальной ответственности.

Исследование выявило значительный рост активности НКО в сфере молодёжной политики. За период 2022-2024 гг. количество зарегистрированных общественных организаций, работающих с молодёжью, увеличилось на 23% [9]. Особенно активно развиваются организации, использующие цифровые технологии для работы с молодёжью [4, 5].

Цифровизация деятельности НКО стала одним из ключевых трендов развития молодёжной политики. Организации активно внедряют онлайн-платформы для взаимодействия с целевой аудиторией, создают мобильные приложения для реализации образовательных и просветительских программ, используют социальные сети для мобилизации молодёжи к участию в общественно значимых проектах.

Анализ направлений деятельности показывает наибольший рост организаций, специализирующихся на профессиональной ориентации и развитии карьерных компетенций молодёжи. Доля таких НКО увеличилась с 18% до 31% от общего числа молодёжных организаций. Второе место занимают организации, занимающиеся патриотическим воспитанием и формированием гражданской идентичности.

Территориальное распределение активности НКО демонстрирует концентрацию организаций в крупных городах и региональных центрах. При этом наблюдается тенденция к расширению деятельности на малые города и сельские территории через создание филиалов и использование дистанционных форм работы.

Финансовая устойчивость НКО в молодёжной сфере значительно укрепилась благодаря развитию системы грантовой поддержки и расширению механизмов социального заказа [6, 7].

Ключевыми технологиями взаимодействия институтов гражданского общества с государственными структурами стали: онлайн-платформы для общественных консультаций, системы краудсорсинга идей для молодёжных программ, цифровые инструменты мониторинга и оценки эффективности молодёжных проектов [10].

Вместе с тем, выявлены существенные проблемы в системе взаимодействия. Среди них: недостаточная координация между различными институтами гражданского общества, ограниченность финансовых ресурсов, сложности в получении государственной поддержки, низкий уровень информированности о возможностях участия в формировании молодёжной политики [11].

Региональный анализ показал значительную дифференциацию в уровне развития механизмов взаимодействия. Наиболее развитые системы партнёрства сформированы в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане, Башкортостане, где созданы эффективные платформы для участия общественности в разработке и реализации молодёжных программ.

Современный этап развития государственной молодёжной политики в Республике Дагестан характеризуется возрастающей значимостью институтов гражданского общества как активных участников формирования и реализации молодёжных инициатив. Специфика полиэтнической структуры дагестанского общества обуславливает необходимость создания адаптивных механизмов взаимодействия между государственными органами и общественными организациями для эффективного решения молодёжных проблем.

Институциональная среда гражданского общества в республике представлена разнообразными формами организации: молодёжными общественными объединениями, национально-культурными автономиями, религиозными организациями, волонтёрскими движениями, творческими союзами и профессиональными ассоциациями. Каждая из этих структур выполняет специфические функции в системе молодёжной политики, формируя уникальную модель общественного участия в решении социально значимых задач.

Механизмы взаимодействия институтов гражданского общества с органами власти в Дагестане базируются на принципах партнёрства и взаимного дополнения компетенций. Общественные организации выступают в качестве посредников между молодёжью и государственными структурами, обеспечивая обратную связь и формируя каналы артикуляции молодёжных интересов. Данная модель позволяет учитывать культурные, языковые и религиозные особенности различных этнических групп при разработке молодёжных программ.

Технологические инновации в деятельности институтов гражданского общества существенно расширили возможности реализации молодёжной политики. Цифровые платформы и социальные сети стали основными инструментами мобилизации молодёжи для участия в общественно значимых проектах. Особое значение приобретают интерактивные технологии, позволяющие создавать виртуальные пространства для межкультурного диалога и формирования общегражданской идентичности среди представителей различных этнических групп.

Образовательная функция институтов гражданского общества реализуется через создание аль-

тернативных образовательных программ, направленных на развитие гражданских компетенций молодёжи. Неформальное образование становится важным дополнением к традиционной образовательной системе, предоставляя молодым людям возможности для самореализации и развития лидерских качеств.

Социокультурная адаптация молодёжи в условиях культурного многообразия Дагестана требует создания специализированных механизмов интеграции. Общественные организации выступают в качестве посредников в процессе формирования общегражданской идентичности, сохраняя при этом этнокультурную самобытность различных групп населения.

Экономическая составляющая деятельности институтов гражданского общества связана с развитием молодёжного предпринимательства и созданием рабочих мест. Общественные организации инициируют программы профессиональной подготовки и переподготовки молодёжи, способствуя её интеграции в экономическую систему республики.

Информационно-коммуникационные технологии трансформируют традиционные формы общественного участия, создавая новые возможности для горизонтального взаимодействия между молодёжными организациями различных регионов республики. Сетевое взаимодействие обеспечивает координацию деятельности и обмен лучшими практиками в сфере молодёжной работы.

Мониторинг и оценка эффективности деятельности институтов гражданского общества осуществляется через систему индикаторов, учитывающих специфику региональных условий. Качественные показатели включают уровень участия молодёжи в общественных инициативах, степень межэтнического взаимодействия, развитие гражданских компетенций и социальную активность.

Выводы

Исследование показало, что институты гражданского общества играют важную роль в формировании государственной молодёжной политики в России, однако их потенциал используется не в полной мере.

Основными направлениями совершенствования системы взаимодействия должны стать:

Создание единой федеральной платформы для участия институтов гражданского общества в формировании молодёжной политики с использованием цифровых технологий.

Развитие механизмов долгосрочного партнёрства между государством и НКО в сфере работы с молодёжью, включая создание совместных программ и проектов.

Совершенствование системы государственной поддержки общественных организаций, работающих с молодёжью, через упрощение процедур получения грантов и субсидий. Формирование региональных моделей взаимодействия с учётом местных особенностей и потребностей молодёжи.

Перспективы развития институтов гражданского общества в системе молодёжной политики Дагестана связаны с усилением их роли в формировании региональной идентичности и создании устойчивых механизмов общественного участия. Интеграция традиционных и инновационных подходов в деятельности общественных организаций обеспечит эффективное решение задач социального развития и консолидации молодёжи республики.

Развитие системы подготовки кадров для работы в сфере молодёжной политики как в государственных структурах, так и в общественных организациях.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности государственной молодёжной политики и созданию условий для более полного участия институтов гражданского общества в её формировании и реализации.

Список источников

1. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Молодёжная политика в современной России: институциональные основы и механизмы реализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4. С. 45 – 52.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 156 – 178.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодёжь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. С. 89 – 104.
4. Кисляков П.А., Феофанов В.Н. Гражданское общество и молодёжная политика: механизмы взаимодействия в цифровую эпоху // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 78 – 87.
5. Константинов М.С. НКО в системе государственной молодёжной политики: анализ российского опыта // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2023. № 2. С. 123 – 135.

6. Луков В.А., Луков Вл.А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2021. С. 234 – 251.
7. Мартыненко Т.С. Институты гражданского общества в формировании государственной молодёжной политики // Власть. 2022. № 6. С. 67 – 74.
8. Петров А.В., Сидоров К.И. Технологии участия общественности в разработке молодёжных программ // Социальная политика и социология. 2023. № 3. С. 45 – 53.
9. Савченко И.А. Статистический анализ деятельности НКО в сфере молодёжной политики // Вопросы статистики. 2023. № 7. С. 89 – 96.
10. Смирнова А.А. Цифровые платформы в системе государственной молодёжной политики // Информационное общество. 2022. № 4. С. 112 – 120.
11. Трофимова И.Н. Проблемы взаимодействия государства и гражданского общества в молодёжной сфере // Социологический журнал. 2021. № 4. С. 134 – 142.
12. Федоров В.В., Никитина Е.П. Подготовка кадров для работы с молодёжью: современные вызовы и перспективы // Высшее образование в России. 2023. № 5. С. 78 – 86.

References

1. Volkov Yu.G., Lubskiy A.V. Youth policy in modern Russia: institutional foundations and implementation mechanisms. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. No. 4. P. 45 – 52.
2. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Youth of Russia in the mirror of sociology. On the results of long-term research. Moscow: Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 156 – 178.
3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth in the cultural space: self-regulation of life activity. Moscow: Norma, 2020. P. 89 – 104.
4. Kislyakov P.A., Feofanov V.N. Civil society and youth policy: interaction mechanisms in the digital age. Sociological studies. 2022. No. 8. P. 78 – 87.
5. Konstantinov M.S. NPOs in the system of state youth policy: analysis of the Russian experience. Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and political science. 2023. No. 2. P. 123 – 135.
6. Lukov V.A., Lukov Vl.A. Thesauri II: Thesaurus approach to understanding man and his world. Moscow: Publishing House of the National Institute of Business, 2021. P. 234 – 251.
7. Martynenko T.S. Civil society institutions in the formation of state youth policy. Power. 2022. No. 6. P. 67 – 74.
8. Petrov A.V., Sidorov K.I. Technologies of public participation in the development of youth programs. Social policy and sociology. 2023. No. 3. P. 45 – 53.
9. Savchenko I.A. Statistical analysis of the activities of NPOs in the field of youth policy. Questions of statistics. 2023. No. 7. P. 89 – 96.
10. Smirnova A.A. Digital platforms in the system of state youth policy. Information society. 2022. No. 4. P. 112 – 120.
11. Trofimova I.N. Problems of interaction between the state and civil society in the youth sphere. Sociological journal. 2021. No. 4. P. 134 – 142.
12. Fedorov V.V., Nikitina E.P. Training of personnel for work with youth: modern challenges and prospects. Higher education in Russia. 2023. No. 5. P. 78 – 86.

Информация об авторах

Алиев Ш.И., доктор социологических наук, профессор, Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений

Абакарова Б.Г., преподаватель 2 категории, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

© Алиев Ш.И., Абакарова Б.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 338.001.25(075.8)

Обеспечение экономической безопасности государства в современных условиях

¹ Алиева З.М., ² Таилова А.Г.

¹ Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений,

² Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобальных вызовов и цифровой трансформации. Анализируются современные угрозы экономической безопасности, включая кибератаки, санкционные режимы, технологические разрывы и структурные дисбалансы. Исследуются механизмы противодействия экономическим рискам и формирования устойчивой национальной экономики. Представлены рекомендации по совершенствованию системы экономической безопасности на основе комплексного подхода к управлению рисками.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная экономика, экономические угрозы, цифровизация, санкции, технологический суверенитет

Для цитирования: Алиева З.М., Таилова А.Г. Обеспечение экономической безопасности государства в современных условиях // Современный ученый. 2025. № 9. С. 435 – 440.

Поступила в редакцию: 21 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июня 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Ensuring the economic security of the state in modern conditions

¹ Aliyeva Z.M., ² Tailova A.G.

¹ Dagestan Humanitarian Institute (branch) of Academy of Labor and Social Relations,

² Dagestan State University branch in Izberbash

Abstract: the article discusses the current problems of ensuring the economic security of the state in the context of global challenges and digital transformation. The article analyzes modern threats to economic security, including cyber attacks, sanctions regimes, technological gaps and structural imbalances. The mechanisms of countering economic risks and the formation of a sustainable national economy are being investigated. Recommendations for improving the economic security system based on an integrated approach to risk management are presented.

Keywords: economic security, national economy, economic threats, digitalization, sanctions, technological sovereignty

For citation: Aliyeva Z.M., Tailova A.G. Ensuring the economic security of the state in modern conditions. Modern Scientist. 2025. 9. P. 435 – 440.

The article was submitted: April 21, 2025; Approved after reviewing: June 24, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Экономическая безопасность государства представляет собой многоуровневую систему защиты национальных экономических интересов от внутренних и внешних угроз. В современных условиях геополитической нестабильности и ускоренной цифровизации экономических процессов традиционные подходы к обеспечению экономической безопасности требуют существенной модернизации.

Актуальность исследования обусловлена растущей сложностью экономических угроз, связанных с технологическими разрывами, кибератаками на критическую инфраструктуру, волатильностью финансовых рынков и применением экономических санкций как инструмента политического давления. Современные вызовы требуют формирования адаптивной системы экономической безопасности, способной оперативно реагировать на изменяющиеся условия глобальной экономики.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на анализе официальных статистических данных, нормативно-правовых актов в сфере экономической безопасности, а также научных публикаций отечественных и зарубежных авторов за период 2020-2024 гг. В работе использованы методы системного анализа, сравнительного анализа, статистического анализа и экспертных оценок.

Эмпирическую базу составили данные Федеральной службы государственной статистики, Центрального банка Российской Федерации, международных организаций (МВФ, ОЭСР), а также результаты опросов предприятий и экспертных интервью с представителями государственных органов и бизнес-сообщества.

Результаты и обсуждения

Анализ современного состояния экономической безопасности показывает, что традиционные угрозы дополняются новыми вызовами цифровой эпохи. Кибербезопасность становится критически важным компонентом экономической безопасности, поскольку цифровизация экономических процессов создает новые уязвимости [4].

Современные киберугрозы включают атаки на критическую информационную инфраструктуру, промышленный шпионаж, хакерские атаки на финансовые институты и нарушение работы цифровых платформ. Особую опасность представляют направленные атаки на государственные информационные системы и системы управления промышленными объектами.

Технологическая зависимость от зарубежных поставщиков программного обеспечения и оборудования создает дополнительные риски. Импортозамещение в сфере информационных технологий становится приоритетной задачей обеспечения экономической безопасности.

Глобализация финансовых рынков порождает новые формы системных рисков. Высокая взаимосвязанность национальных экономик через международные финансовые потоки увеличивает риск распространения финансовых кризисов. Волатильность валютных курсов и движения спекулятивного капитала создают угрозы для финансовой стабильности.

Структурные изменения в мировой экономике требуют адаптации систем экономической безопасности [2,3]. Переход к новому технологическому укладу, основанному на цифровых технологиях, искусственном интеллекте и возобновляемых источниках энергии, создает как новые возможности, так и новые угрозы для экономической безопасности.

Демографические изменения и старение населения в развитых странах влияют на устойчивость пенсионных систем и рынков труда [1]. Миграционные процессы создают дополнительные социально-экономические вызовы, требующие комплексного подхода к обеспечению безопасности.

Климатические изменения и экологические вызовы формируют новую повестку экономической безопасности. Переход к устойчивому развитию требует значительных инвестиций в зеленые технологии и может создавать временные экономические дисбалансы.

Исследование выявило, что санкционные режимы существенно влияют на структуру экономической безопасности, стимулируя развитие механизмов импортозамещения и технологического суверенитета [4, 5]. Однако эффективность таких механизмов во многом зависит от координации государственной политики и частной инициативы [6].

Особую важность приобретает обеспечение финансовой стабильности в условиях высокой волатильности мировых рынков. Современные подходы к управлению финансовыми рисками должны учитывать как традиционные факторы, так и новые угрозы, связанные с цифровыми валютами и финтех-инновациями [7].

Энергетическая безопасность остается фундаментальным элементом экономической безопасности, особенно в контексте глобального энергетического

ческого перехода и изменения структуры энергопотребления [8]. Диверсификация энергетических поставок и развитие возобновляемых источников энергии становятся приоритетными направлениями обеспечения долгосрочной экономической стабильности [9].

Продовольственная безопасность приобретает новые измерения в условиях климатических изменений и нарушения глобальных цепочек поставок [10]. Развитие отечественного агропромышленного комплекса и создание стратегических резервов продовольствия становятся ключевыми элементами национальной экономической безопасности.

Технологическая безопасность выходит на первый план в условиях обостряющейся международной конкуренции в сфере высоких технологий [11]. Обеспечение доступа к критическим технологиям и развитие собственных инновационных компетенций становятся определяющими факторами долгосрочной экономической конкурентоспособности.

Обеспечение доступа к критическим технологиям и развитие собственных инновационных компетенций становятся определяющими факторами долгосрочной экономической конкурентоспособности.

Технологический суверенитет предполагает создание полноценных инновационных экосистем, включающих фундаментальную науку, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки и промышленное производство. Особое значение приобретают критические технологии, определяющие развитие ключевых отраслей экономики: микроэлектроника, искусственный интеллект, квантовые технологии, биотехнологии, новые материалы и энергетические технологии.

Развитие человеческого капитала становится основой технологической независимости. Система образования должна быть ориентирована на подготовку специалистов в области высоких технологий, способных работать с современными цифровыми инструментами и создавать инновационные решения. Непрерывное обучение и переподготовка кадров обеспечивают адаптацию рабочей силы к меняющимся технологическим требованиям.

Создание национальных инновационных кластеров способствует концентрации научно-технических ресурсов и формированию синергетического эффекта между различными участниками инновационного процесса. Технопарки, бизнес-инкубаторы и венчурные фонды играют ключевую роль в коммерциализации научных разработок.

Развитие цифровой инфраструктуры создает основу для внедрения передовых технологий во всех секторах экономики. Высокоскоростные сети

передачи данных, облачные вычисления и центры обработки данных становятся критически важными элементами современной экономической системы.

Партнерство между государством, бизнесом и научными организациями обеспечивает эффективное использование ресурсов для развития приоритетных технологических направлений. Государственная поддержка инновационной деятельности включает финансирование исследований, налоговые льготы для инновационных компаний и создание благоприятного регулятивного режима.

Защита интеллектуальной собственности и коммерческих секретов становится неотъемлемой частью экономической безопасности. Эффективная система патентного права и борьба с промышленным шпионажем обеспечивают сохранение конкурентных преимуществ национальных компаний.

Международное технологическое сотрудничество требует сбалансированного подхода, учитывающего как возможности взаимовыгодного обмена знаниями, так и необходимость защиты критически важных технологий. Селективная открытость предполагает развитие партнерских отношений в областях, не затрагивающих национальную безопасность, при одновременном ограничении доступа к стратегически важным разработкам.

Диверсификация технологических партнерств снижает зависимость от отдельных стран и регионов, создавая более устойчивую систему международного научно-технического взаимодействия. Развитие многовекторных связей с различными технологическими центрами мира обеспечивает доступ к широкому спектру инновационных решений.

Создание резервных технологических мощностей становится важным элементом обеспечения непрерывности производственных процессов в условиях внешних ограничений. Дублирование критически важных технологических цепочек и создание альтернативных поставщиков компонентов повышают устойчивость экономической системы.

Развитие собственных стандартов и технических регламентов способствует формированию независимых технологических экосистем. Гармонизация национальных стандартов с требованиями международных рынков обеспечивает конкурентоспособность отечественной продукции при сохранении технологического суверенитета.

Экологический аспект технологического развития приобретает особое значение в контексте глобальных климатических изменений. Создание зеленых технологий и внедрение принципов устой-

чивого развития в производственные процессы становятся факторами долгосрочной конкурентоспособности.

Цифровая трансформация государственного управления повышает эффективность принятия решений и обеспечивает быстрое реагирование на изменения внешней среды. Использование больших данных и искусственного интеллекта в управлении экономикой создает новые возможности для прогнозирования и предотвращения кризисных ситуаций.

Финансовая поддержка технологических проектов требует создания специализированных инструментов, адаптированных к особенностям инновационной деятельности. Венчурное финансирование, государственные гарантии и льготное кредитование стимулируют развитие высокотехнологичных отраслей.

Мониторинг технологических угроз и своевременное реагирование на них обеспечивают защиту национальных интересов в сфере технологического развития. Система раннего предупреждения позволяет выявлять потенциальные риски и принимать превентивные меры.

Выводы

Исследование показало, что современная система экономической безопасности должна базироваться на комплексном подходе, интегрирующем традиционные и новые инструменты защиты экономических интересов государства.

Традиционные механизмы экономической защиты включают таможенно-тарифное регулирование, валютное законодательство и контроль над стратегическими отраслями. Эти инструменты остаются актуальными, но требуют адаптации к современным условиям глобализации и цифровизации экономики.

Новые инструменты экономической безопасности охватывают кибербезопасность, защиту интеллектуальной собственности в цифровой среде и контроль над трансграничными потоками данных. Развитие технологий блокчейн и криптовалют создает дополнительные вызовы для финансовой безопасности государства.

Интеграция различных уровней защиты обеспечивает многослойную систему безопасности, где каждый элемент дополняет и усиливает другие. Координация между различными ведомствами и структурами повышает эффективность реагирования на внешние угрозы.

Прогнозирование экономических рисков базируется на анализе больших данных и применении методов машинного обучения. Система раннего

предупреждения позволяет выявлять потенциальные угрозы на ранних стадиях и принимать превентивные меры.

Международное сотрудничество в области экономической безопасности развивается через создание совместных механизмов противодействия финансовым преступлениям и легализации доходов, полученных преступным путем. Обмен информацией и координация действий между странами повышают эффективность борьбы с трансграничными угрозами.

Частно-государственное партнерство в сфере экономической безопасности расширяет возможности мониторинга и защиты критически важных объектов. Привлечение частного сектора к обеспечению безопасности создает дополнительные ресурсы и экспертизу.

Правовое обеспечение экономической безопасности требует постоянного совершенствования нормативной базы в соответствии с развитием новых форм экономической деятельности. Адаптация законодательства к цифровой экономике обеспечивает правовую основу для защиты экономических интересов.

Образовательные программы в области экономической безопасности формируют кадровый потенциал для противодействия современным угрозам. Подготовка специалистов, владеющих как традиционными, так и новыми методами защиты, становится приоритетной задачей.

Ключевыми направлениями совершенствования системы экономической безопасности являются:

Развитие цифровых технологий мониторинга и прогнозирования экономических угроз с использованием искусственного интеллекта и больших данных.

Создание адаптивных механизмов противодействия санкционным режимам через развитие альтернативных финансовых инструментов и торговых партнерств.

Формирование устойчивых цепочек поставок критически важных товаров и технологий на основе принципов диверсификации и локализации производства.

Укрепление кибербезопасности критической экономической инфраструктуры через создание национальных центров мониторинга и реагирования на киберугрозы.

Развитие человеческого капитала в сфере экономической безопасности через совершенствование системы подготовки специалистов и повышение квалификации кадров.

Список источников

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 4 – 16.
2. Бельских И.Е. Цифровые технологии в системе экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 2. С. 445 – 462.
3. Воронцов А.В., Максимова Е.П. Современные угрозы экономической безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18. № 8. С. 1456 – 1473.
4. Гладковская Е.Н. Кибербезопасность как элемент экономической безопасности // Экономика и управление. 2023. № 3. С. 78 – 85.
5. Дадалко В.А., Румянцева Е.Е. Санкционные режимы и экономическая безопасность // Белорусский экономический журнал. 2022. № 4. С. 25 – 38.
6. Ермолаев К.Н. Импортзамещение в системе экономической безопасности // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2. С. 94 – 106.
7. Жариков М.В., Жариков В.Д. Финансовые риски и экономическая безопасность // Финансы и кредит. 2022. Т. 28. № 11. С. 2504 – 2520.
8. Зубаревич Н.В. Энергетическая безопасность в условиях глобальных вызовов // Энергетическая политика. 2023. № 1. С. 14 – 23.
9. Иванов В.В., Хохлов А.А. Возобновляемая энергетика и экономическая безопасность // Энергия: экономика, техника, экология. 2022. № 7. С. 2 – 9.
10. Кондратьев В.Б. Продовольственная безопасность: глобальные тренды // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 4. С. 36 – 47.
11. Ленчук Е.Б. Технологическая безопасность как фактор экономического развития // Вопросы экономики. 2022. № 4. С. 133 – 148.
12. Махотаева М.Ю., Сенчагов В.К. Искусственный интеллект в системе экономической безопасности // Экономические стратегии. 2023. Т. 25. № 3. С. 68 – 77.

References

1. Abalkin L.I. Economic security of Russia: threats and their reflection. Issues of Economy. 2021. No. 12. P. 4 – 16.
2. Belskikh I.E. Digital technologies in the system of economic security. Economic security. 2023. Vol. 6. No. 2. P. 445 – 462.
3. Vorontsov A.V., Maksimova E.P. Modern threats to the economic security of the state. National interests: priorities and security. 2022. Vol. 18. No. 8. P. 1456 – 1473.
4. Gladkovskaya E.N. Cybersecurity as an element of economic security. Economy and management. 2023. No. 3. P. 78 – 85.
5. Dadalko V.A., Rumyantseva E.E. Sanctions Regimes and Economic Security. Belarusian Economic Journal. 2022. No. 4. P. 25 – 38.
6. Ermolaev K.N. Import Substitution in the System of Economic Security. Problems of Forecasting. 2023. No. 2. P. 94 – 106.
7. Zharikov M.V., Zharikov V.D. Financial Risks and Economic Security. Finance and Credit. 2022. Vol. 28. No. 11. P. 2504 – 2520.
8. Zubarevich N.V. Energy Security in the Context of Global Challenges. Energy Policy. 2023. No. 1. P. 14 – 23.
9. Ivanov V.V., Khokhlov A.A. Renewable energy and economic security. Energy: economics, technology, ecology. 2022. No. 7. P. 2 – 9.
10. Kondratyev VB Food security: global trends. World economy and international relations. 2023. Vol. 67. No. 4. P. 36 – 47.
11. Lenchuk EB Technological security as a factor in economic development. Issues of Economy. 2022. No. 4. P. 133 – 148.
12. Makhotayeva M.Yu., Senchagov VK Artificial intelligence in the system of economic security. Economic strategies. 2023. Vol. 25. No. 3. P. 68 – 77.

Информация об авторах

Алиева З.М., кандидат экономических наук, доцент, заведующая отделом ВО, Дагестанский гуманитарный институт, филиал Академии труда и социальных отношений

Таилова А.Г., кандидат юридических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

© Алиева З.М., Таилова А.Г., 2025